Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Вэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

ДЖОН МИЛЬТОН

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

•

СТИХОТВОРЕНИЯ

•

САМСОН-БОРЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА·1976

Вступительная статья
А. Аникста

II(Англ)
М 60

Иллюстрации
Гюстава Доре

© Издательство «Художественная литература», 1976 г.

М $\frac{70404\text{-}274}{028\ (01)\text{-}76}$ подписное

ДЖОН МИЛЬТОН

Мильтон следует в английской литературе почти сразу после Шекспира. Когда родился Мильтон, Шекспир был в расцвете творчества. Гений Шекспира осенил юного поэта, и он оставил вдохновенное свидетельство духовной связи с ним — стихотворение памяти великого драматурга, которое читатель найдет в этом томе.

Творчество Мильтона завершает большую историческую полосу развития художественной культуры Англии, возникшей в эпоху Возрождения. Его связи с этой эпохой многообразны, но не менее значительны и отталкивания от нее.

Скажем сначала о том, что связывает Мильтона с Возрождением.

Он сам, как личность, обладал чертами, свойственными выдающимся деятелям Возрождения, и принадлежал к числу тех, кого Ф. Энгельс определил как «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености» [1]. Мильтон более, чем многие другие, воплотил в себе ту действенность, которую Энгельс высоко ценил в характере великих людей Ренессанса: «...они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми» [2]. Характер — важная сторона таланта, особенно если художнику приходится жить в сложное и бурное время, подобное той революционной эпохе, когда жил Мильтон. Он в полной мере проявил силу и цельность своего характера, и это восхищало Пушкина, который решительно осудил искажение героического облика Мильтона в произведениях В. Гюго и А. де Виньи.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 346.
[2] Там же, с. 347.

Поэзия Мильтона, его главные творения проникнуты героическим пафосом, духом борьбы за гражданские идеалы, которой он отдавал все свои силы. Мильтон — один из ярчайших примеров поэта-борца, поэта-гражданина.

Он унаследовал от писателей Возрождения глубокое убеждение в том, что искусство и поэзия — высшие формы выражения человеческого духа. В конце эпохи Возрождения это уже не считалось столь безусловным, как в начале. В годы юности Мильтона появились главные труды Ф. Бэкона, родоначальника философского материализма и опытных наук нового времени. А когда Мильтон завершал жизненный путь, уже считалось безусловным, что первой в ряду других форм духовной деятельности является наука. Поэт не враждовал с наукой. Наоборот, он ее глубоко почитал, но до конца сохранял веру в то, что самое главное, в чем нуждается человек, может дать ему поэзия, искусство.

Поворот в сторону философского осмысления жизненных процессов по-своему захватил и Мильтона. Он первый поэт-мыслитель нового времени, сочетавший в своем творчестве силу мощного поэтического звучания и впечатляющую образность с глубоко философским подходом к коренным вопросам жизни. Поэзия для Мильтона не внешняя форма, в которую он облекал мысли. Мысль и образ у него неотделимы. Он поэт тончайших интимных переживаний и вместе с тем художник поистине космической масштабности. Величавая образность, драматическая картинность, богатейшая звуковая оркестровка словесных средств — таковы характерные черты поэзии Мильтона.

Мильтон не только поэт-мыслитель. Его творчество — последний взрыв могучих страстей революционного времени. Но он создавал произведения в преддверии эпохи, когда победа рационализма превратила поэзию в рифмованные рассуждения и многословные описания, освещенные холодным светом наблюдающего и анализирующего рассудка. В поэзии Мильтона разум и чувство еще не разошлись в разные стороны, хотя разлад между ними уже замечается и волнует художника, стремящегося сохранить цельность нравственную и интеллектуальную.

Мильтон — наследник ренессансного индивидуализма. Для нас теперь понятие «индивидуализм» связано с антиобщественным противопоставлением личности коллективу. Мильтон жил в эпоху, когда прогресс в духовном развитии состоял именно в выделении индивида из массы сословия, державшего человека в тисках отживших законов и норм. Он принадлежит к плеяде тех, кто гордо отстаивал право каждого человека на большую, прекрасную и свободную жизнь. Утверждая великую ценность человека, Мильтон отнюдь не выступает как сторонник произвола личности.

Современник переломной, революционной эпохи, Мильтон остро чувствовал противоречия жизни, и это обусловило внутренний драматизм всего написанного им. К драме в собственном смысле слова он имел некоторое отношение как автор ранней пьесы-маски «Комос» и драматической поэмы, завершившей его творческий путь,— «Самсон-борец». Но даже их Мильтон

не писал для театра. Во всяком случае, они не принадлежат к числу произведений, естественно входящих в общую струю драматургии, предшествовавшей буржуазной революции XVII века, или той драматургии, которая возникла уже после нее. Мильтон по преимуществу поэт лирический и эпический. Драматизм его произведений состоит во внутреннем напряжении, обнажении противоречий, в борьбе чувств и стремлений, что постоянно ощущается во всем написанном им.

Вместе со всем этим — и тут мы переходим к тому, что отличает Мильтона от гуманистов Возрождения,— творчество поэта проникнуто несомненным религиозным духом. От этого никуда не уйдешь, но отношение Мильтона к религии можно правильно понять лишь с исторической точки зрения.

Гуманизм, эта передовая идеология Возрождения, возник в позднее средневековье, когда над мышлением и творчеством тяготела власть церкви. Не только у Данте, первого поэта нового времени, но даже у Петрарки и Боккаччо еще сильно сказывалось влияние религии. Начиная с XV века в некоторых странах гуманистическая мысль стала освобождаться от духовной власти католицизма. Это проявилось в движениях за реформацию церкви (протестантство, кальвинизм), а также в развитии свободомыслия, в научной критике богословия и в светской философии. Однако не многие гуманисты осмеливались дойти до откровенного атеизма. Церковные установления и в XVI веке еще были достаточно сильны, притом не только в католических странах, но и там, где произошла реформация. Если часть гуманистов лишь формально придерживалась установленного вероисповедания, то другие были искренни в своих религиозных чувствах или, по меньшей мере, считали христианство необходимой сдерживающей уздой в нравственной жизни.

В гуманистическом движении было течение, сочетавшее новые общественно-нравственные идеалы с религиозностью, очищенной от церковного догматизма. В XVI веке представителем этого христианского гуманизма был Эразм Роттердамский. В XVII веке — Джон Мильтон.

Мильтон не сразу стал поэтом, сосредоточившимся на библейской тематике и сюжетах. Он начинал как поэт светский, но исторические условия сделали неизбежным его обращение к религии. Прогрессивное антифеодальное и антимонархическое движение в Англии XVII века развивалось под религиозными лозунгами. Идеологией воинствующей буржуазной демократии стало пуританство (английская ветвь кальвинизма). Пуритане возглавили политическую борьбу против монархии и дворянства. Мильтон примкнул к ним и стал одним из главных идеологов буржуазной революции.

Как же случилось, что буржуазная революция в Англии получила религиозное идеологическое облачение? На этот вопрос дал ответ К. Маркс, который писал: «...как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов» [1]. Борцы за новый социальный строй должны были

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 120.

найти «идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии.(...) Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета» [1]. Вполне естественно, что и Мильтон проникся этим духом. Шедевры его поэзии окрашены библейским колоритом. Из Ветхого завета заимствованы сюжеты «Потерянного Рая» и «Самсона-борца», из Нового завета (Евангелия) — основа «Возвращенного Рая».

Это надолго обусловило то, что его стали воспринимать как религиозного поэта. На протяжение всего XVIII века «Потерянный Рай» считался благочестивым чтением. В начале XIX века узкое понимание Мильтона подвергли пересмотру. Революционный поэт-романтик Шелли увидел в «Потерянном Рае» его мятежный дух. Пушкин в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного Рая» (1837) писал о нем как о поэте-революционере. В. Белинский определил «Потерянный Рай» как «апофеозу восстания против авторитета» [2].

Постепенно критика научилась постигать общественный и философский смысл, скрытый под библейской оболочкой произведений Мильтона. Творчество его теперь всесторонне и досконально изучено, что, конечно, не исключает расхождения во мнениях между исследователями.

Вплоть до конца первой мировой войны положение Мильтона как одного из корифеев английской литературы было незыблемым. Но в двадцатые годы представители модернистской поэзии Эзра Паунд и Т.-С. Элиот выступили с нападками на Мильтона, человека и поэта, заявив, что своим стилем он испортил язык английской поэзии. Подверглись осуждению личность Мильтона, его убеждения, революционная деятельность. Но у него нашлись и защитники. Впрочем, защита иногда принимала странный характер: революционера превращали в сторонника порядка, самостоятельного мыслителя — в представителя пуританской ортодоксии, каковым Мильтон не был. Полемика вокруг Мильтона, естественно, не могла не коснуться главных для его творчества вопросов, и здесь обнаружилось много противоречивых мнений. Недавнее двухсотлетие со дня смерти поэта показало, однако, что, при всем несходстве мнений о нем, его величие и значение как одного из первых поэтов Англии остается бесспорным.

«С самой юности я посвящал себя занятиям литературой, и мой дух всегда был сильнее тела; я не предавался воинским занятиям, в которых любой рядовой человек принесет больше пользы, чем я, но отдался таким делам,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 120.

[2] В. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 года.— Соч. в 3-х томах, т. 3, с. 792.

где мои старания могли быть более плодотворными»[1],— так писал о себе Мильтон, когда ему исполнилось 46 лет (он родился в Лондоне 9 декабря 1608 г.). И действительно, с очень раннего возраста он жил в круге интеллектуальных и художественных интересов. Его отец, состоятельный нотариус, человек больших знаний и разносторонних интересов, тонкий музыкант, сделал все возможное для духовного развития будущего поэта. Он избавил его от материальных забот, и Мильтону было уже за тридцать лет, когда он впервые стал зарабатывать средства к жизни.

Молодой Мильтон заслуживал отцовских забот. Он прилежно учился дома и в школе. «Жажда знаний была во мне столь велика,— рассказывал он о себе, что, начиная с двенадцатилетнего возраста, я редко когда кончал занятия и шел спать раньше полуночи». Домашние занятия перемежались посещением лучшей лондонской школы того времени при соборе святого Павла. В шестнадцать лет — обычный тогда для этого возраст — Мильтон стал студентом Кембриджского университета. Через четыре года он уже бакалавр, а еще три года спустя — магистр искусств. Он мог бы остаться при университете, но для этого надо было вступить в духовное звание, а этого Мильтону не хотелось при всей его искренней религиозности.

С формальным образованием было покончено, но Мильтон продолжал учиться. Он поселился в небольшом поместье отца в Хортоне, куда скрылся не только из желания предаться наукам. Распущенность двора, произвол знати, узколобый практицизм буржуа-накопителей были равно отвратительны молодому Мильтону. Он рано проникся духом пуританства, но остался чужд и догматизму и фанатизму его наиболее рьяных поборников. Он прятался от житейской скверны и суеты в провинциальной глуши, но его жизнь была наполнена интеллектуальными интересами, которые связывали его с узким кругом образованных людей, встреченных им там.

Отец всегда поддерживал литературные стремления Мильтона. Первые стихи Мильтон написал в пятнадцать лет. В Хортоне он создал поэмы «L'Allegro»[2] и «Il Penseroso»[3], пьесы-маски «Аркадия» и «Комос», элегию «Люсидас». Ему в то время уже тридцать лет, написанное им известно лишь узкому кругу, но в голове Мильтона теснятся новые творческие планы, и он пишет другу: «Ты спрашиваешь, о чем я помышляю? С помощью небес, о бессмертной славе. Но что же я делаю?.. Я отращиваю крылья и готовлюсь воспарить, но мой Пегас еще недостаточно оперился, чтобы подняться в воздушные сферы».

В 1638—1639 годы Мильтон совершил путешествие в Италию. Через Париж и Ниццу он достиг обетованной земли гуманистов и посетил там Геную, Легорн, Пизу, Флоренцию, Сиену, Рим, Неаполь, Лукку, Болонью,

---

[1] Milton's Prose, ed. by Malcolm W. Wallace. World's Classics. Oxford University Press. L., 1925, p. 377.

[2] Веселый *(итал.)*.

[3] Задумчивый *(итал.)*.

Феррару, Венецию, Верону, Милан. Он еще заехал в Женеву, на родину Кальвина, а оттуда через Францию вернулся домой.

Итальянский язык он изучил еще в юности, и ему легко было общаться с образованными итальянцами, тепло принимавшими его. Самой знаменательной была встреча Мильтона с Галилеем.

Прошло то время, когда Италия служила для остальной Европы примером наибольшей интеллектуальной свободы. Мильтон приехал в другую Италию, переживавшую контрреформацию и католическую реакцию против всякого вольнодумства. Общаясь с представителями итальянской интеллигенции, он смог убедиться в том, как тяжек был политический и духовный гнет в стране, где господствовала инквизиция, искоренявшая всякую крамолу. Итальянцы, рассказывал впоследствии Мильтон, «жаловались на рабство, в котором находится у них наука; и это погасило славу умов Италии: вот уже много лет там не пишут ничего, кроме книг, исполненных лести и пошлости. Там я отыскал и посетил постаревшего прославленного Галилея, заточенного инквизицией только за то, что он думал об астрономии иначе, чем францисканские и доминиканские цензоры» [1].

Итальянцы, не знавшие английских условий, думали, что на родине Мильтона лучше, чем у них. Но он мог рассказать им, что реакционная политика правительства Карла I Стюарта и английское духовенство вкупе со знатью подавляли народ и его мыслящую часть не хуже любой инквизиции. Страна уже глухо волновалась, буржуазия и народ все более открыто заявляли о своем недовольстве. «Я считал,— написал Мильтон,— что было бы низко в то время, когда мои соотечественники боролись за свободу, беззаботно путешествовать за границей ради личного интеллектуального развития».

Вернувшись в Англию, Мильтон стал выступать как публицист, посвятив несколько памфлетов критике господствующей англиканской церкви, которая была идеологической опорой монархии; она имела тот же иерархический строй, что и католическая церковь. Как истинный пуританин, Мильтон боролся за уничтожение епископата и полную демократизацию церкви. Одновременно он занимался домашним воспитанием племянников, сыновей старшей сестры. Из этих занятий возник его трактат «О воспитании» (1644), являющийся важной вехой в истории гуманистической педагогики.

В мае 1643 года Мильтон после всего лишь месячного знакомства женился на дочери мелкого помещика Мери Поуэл. Она, однако, покинула его уже через несколько недель и вернулась к родителям. Поуэлы были сторонниками короля. Когда революционные власти начали их притеснять, Мильтон, ставший к тому времени деятелем революционного лагеря, выручил их. Мери вернулась к мужу после двух лет разрыва. Она родила четырех детей и в 1652 году умерла во время родов последнего ребенка.

---

[1] Духовная цензура из монахов францисканского и доминиканского орденов. Цит. по кн.: Milton's Prose, p. 305.

Когда Мери покинула Мильтона, он написал трактат о разводе (1645), поссоривший его не только с англиканским духовенством, но и с пуританскими идеологами, ибо он выдвинул неслыханное тогда положение о праве на развод, если в браке нет любви и согласия между супругами. Концепция брака, изложенная Мильтоном, была важным вкладом в развитие этики гуманизма. «Брак не может существовать и сохраняться без взаимности в любви,— провозгласил Мильтон,— а там, где нет любви, от супружества остается только внешняя оболочка, столь же безрадостная и неугодная богу, как и всякое другое лицемерие» [1]. Забегая вперед, отметим, что, изображая в «Потерянном Рае» Адама и Еву, Мильтон в поэтических образах воплотил свое понимание брака по любви.

Еще до опубликования этого трактата Мильтон выступил с политическим памфлетом «Ареопагитика» (1644), обращенным к парламенту (иносказательно названному «ареопагом»), в котором умеренные и консервативные пуритане-пресвитерианцы приняли закон о введении строгой цензуры на все печатные издания. Мильтон выступил с горячей защитой свободы слова. «Убить книгу — почти то же, что убить человека,—писал Мильтон.—Тот, кто уничтожает книгу, убивает самый разум... Многие люди живут на земле, лишь обременяя ее, но хорошая книга есть жизненная кровь высокого разума» [2].

«Ареопагитика, или Речь о свободе слова» — не только политическое выступление в защиту одного из важнейших принципов демократии, но и блестящий образец философской диалектики. Мильтон отвергает метафизическое разграничение Добра и Зла, резко противопоставляемых догматиками-пуританами. «Добро и Зло, познаваемые нами на почве этого мира, произрастают вместе и почти не отделимы,— пишет Мильтон.— Познание Добра так связано и сплетено с познанием Зла, что при кажущемся сходстве их не просто разграничить, их труднее отделить друг от друга, чем те смешанные семена, которые было поручено Психее очистить и разобрать по сортам. С тех пор как вкусили всем известное яблоко, в мир явилось познание Добра и Зла, этих двух неотделимых друг от друга близнецов. И быть может, осуждение Адама за познание Добра и Зла именно в том и состоит, что он должен Добро познавать через Зло» [3].

Здесь опять уместно забежать вперед, ибо в приведенных словах Мильтона выражена одна из главных идей его поэтического шедевра «Потерянного Рая».

Пуританство как идеология революционной буржуазии выдвинуло свой нравственный идеал. Вспомним слова Маркса, что для свершения буржуазной революции нужны были героизм и самопожертвование. Пуританскому понятию о добродетели Мильтон противопоставил идеал гражданского героизма, лишенного фанатической узости. «Я не могу хвалить добродетель,

---

[1] Milton's Prose, p. 186.
[2] Ibid., p. 280.
[3] Ibid., p. 290.

прячущуюся в келью и запирающуюся там, не подвергаясь испытанию, не видя и никогда не сталкиваясь со своей противоположностью, отказываясь от соревнования, ибо нельзя завоевать венок бессмертия, не испачкавшись в пыли и не попотев. Несомненно, что мы входим в жизнь не невинными, а скорее нечистыми (здесь Мильтон отдает некоторую дань кальвинистскому учению о первородном грехе человечества.— *А. А.*), очистить нас может только испытание, а испытание невозможно без столкновения с враждебными силами. Поэтому добродетель, которая по-детски незнакома со злом, не знает всего, что сулит порок своим последователям, и просто отвергает его, есть пустая добродетель, а не подлинная чистота. Ее белизна неестественна. (...) Так как знание и наблюдение порока необходимо для достижения человеческой добродетели, а знакомство с заблуждениями — для утверждения истины, как можем мы лучше и безопаснее разведать области порока и обмана, если не посредством чтения различных трактатов и слушания разнородных мнений? В этом и заключается польза, которую можно извлечь от чтения разнообразных книг» [1].

Рассуждения Мильтона об испытании человека реальной жизнью со всеми ее пороками и заблуждениями тоже найдут отражение в его прославленной поэме.

Борьба за свободу сочетается у Мильтона с идеей воспитания человека-гражданина, умеющего самостоятельно мыслить и разумно решать жизненные вопросы. Республика мыслится Мильтоном как общество, в котором политическое равенство получает свое воплощение в полной свободе мысли. Мильтон резко выступал против пуритан-догматиков: «Есть люди, которые постоянно жалуются на расколы и секты и считают ужасной бедой, если кто-нибудь расходится с их понятиями. Высокомерие и невежество — вот причина недовольства тех, кто не в состоянии снисходительно выслушать и переубедить: поэтому они подавляют все, чему нет места в их катехизисе. Создают беспорядок и нарушают единство именно те, кто сами не собирают и другим не позволяют собрать воедино разрозненные части, недостающие для полноты истины» [2].

Мы помним слова Мильтона о том, что к воинскому делу он не был способен. Но когда поднялась буря революции, он оказался в самой гуще ее и сражался пером. Его политические памфлеты и книги выдвинули его в первый ряд идеологов революции. Революционность Мильтона не была буржуазно-ограниченной. Ему были чужды те экономические цели, за которые пошла в бой против монархии пуританская буржуазия. В революционном лагере Мильтон представлял широкие круги народа, его свободолюбивые стремления. Как это было свойственно деятелям и других буржуазных революций, Мильтон выражал «страсти и иллюзии» широких слоев народа, поэтому его голос звучал особенно мощно в пору революционного подъема.

---

[1] Milton's Prose, p. 290—291.
[2] Ibid., p. 312.

Философский склад ума Мильтона сказывался в том, что его публицистические выступления отвечали не только требованиям данного исторического момента, но содержали выражение общих принципов. Важнейшим вкладом в развитие общественной мысли были трактаты, написанные Мильтоном в годы гражданской войны, завершившейся победой буржуазной революции, свержением и казнью короля. Трактаты Мильтона содержат законченную теорию буржуазной демократии XVII века в период ее наивысшего революционного подъема. В трактате «Права и обязанности короля и правителей» (1649) Мильтон формулирует теорию народовластия. Власть исходит от народа, который поручает осуществление ее отдельным лицам. Злоупотребление властью в ущерб интересам народа дает право на свержение короля и других нерадивых правителей. Сколько гордого достоинства в утверждении Мильтоном гуманистической идеи свободы и равенства: «...Люди от природы рождаются свободными, неся в себе образ и подобие самого бога; они имеют преимущество перед всеми другими живыми существами, ибо рождены повелевать, а не повиноваться» [1].

Мысль о том, что человек является богоподобным существом, одна из центральных в философии гуманизма Возрождения. Она звучит в знаменитой речи Пико делла Мирандолы «О достоинстве человека» (1548), в словах Гамлета («Что за мастерское создание человек!.. Как похож разумением на бога!»). Правда, Шекспир в условиях трагического безвременья начала XVII века несколько усомнился в богоподобности человека. В обстановке революционного подъема середины XVII столетия Мильтон снова уверовал в человека и в его всемогущество. Но и он не остался на этой позиции, как мы увидим далее.

При всей своей религиозности Мильтон отвергает монархическую доктрину о божественном происхождении власти. В его глазах она — земное установление, созданное людьми для защиты их интересов. Мильтон один из создателей теории общественного договора как основы государства. Развивая гуманистическое учение о том, что власть призвана только для одной цели — заботы о народе, Мильтон одновременно осуждает насилие эгоистических правителей. По его определению, «тиран, насильно захвативший власть или владеющий ею по праву, это тот, кто, пренебрегая и законом и общим благом, правит только в интересах своих и своей клики» [2].

Теория народовластия оправдывала не только свержение тирана, но и право казнить его. Трактат Мильтона служил прямым обоснованием суда и казни английского короля Карла I. Сторонники казненного монарха издали сочинение «Образ короля» (дословно — «Икона короля»), представив его невинным мучеником. Мильтон ответил на это памфлетом «Иконоборец» (1649). Ответами на печатные выступления монархистов были написанные Мильтоном «Защита английского народа» (1650) и «Вторая защита английского

[1] Milton's Prose, p. 331.
[2] Ibid., p. 339.

народа» (1654). Так как Мильтон подвергался личным нападкам политических противников, то во «Второй защите» он довольно обстоятельно рассказал о некоторых эпизодах своей жизни. Но, конечно, первостепенное значение имели не автобиографические подробности, а политические декларации Мильтона.

Названные здесь произведения — ярчайшие образцы революционной публицистики XVII века. В них во весь рост встает фигура Мильтона — борца и гражданина. Пушкин с глубоким уважением отозвался о Мильтоне — публицисте и революционере: «Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец «Иконокласта»[1] и книги «Defensio Populi»[2].

Мильтон действительно был сподвижником вождя английской буржуазной революции Оливера Кромвеля. Он занял в правительстве, созданном революцией, пост латинского секретаря. В этой должности он вел переписку с иностранными государствами (латынь еще оставалась международным языком). Одновременно Мильтон выступал как официальный пропагандист правительства республики.

Впрочем, республикой революционная Англия оставалась недолго. В итоге сложного переплетения классовых противоречий и международной обстановки в стране установилась единоличная диктатура Кромвеля. Когда Кромвель стал фактическим главой правительства, Мильтон написал в честь его стихотворение, в котором выражал надежду, что тот не станет притеснителем свободы. Такие же мысли, только более ясно и определенно выразил Мильтон во «Второй защите английского народа»: «Испытав столько страданий, пройдя через столь великие опасности в борьбе за свободу,— писал Мильтон, обращаясь к самому Кромвелю,— не совершив насилия над ней и не допустив ущерба ей со стороны кого-либо другого»[3].

Увещания латинского секретаря, естественно, не могли повлиять на лорда-протектора Кромвеля, который правил страной как самодержец. Мильтон имел возможность убедиться в том, что революция пришла к тому самому, против чего она в начале боролась,— к произволу бесконтрольной власти.

В годы наибольшей политической активности на Мильтона обрушились несчастья. Сначала умерла первая жена. Он женился второй раз. Счастье в этом браке было недолгим, жена умерла вместе с ребенком. Потом беда настигла его самого. Он с детства страдал слабым зрением. С середины 1640-х годов зрение стало заметно ослабевать. На советы врачей сократить работу Мильтон ответил: «Подобно тому, как я пожертвовал поэзией, так теперь я готов принести на алтарь свободы свои глаза». В 1652 году Мильтон полностью

---

[1] То есть «Иконоборца».

[2] «Защита (английского) народа» *(лат.)*.— Цит. по кн.: «Пушкин-критик». М., 1950, с. 522.

[3] Milton's Prose, p. 398.

ослеп. Он оставил пост латинского секретаря, но продолжал служить республике пером, диктуя свои сочинения. Полемист он был злой, но и противники из монархического лагеря были беспощадны. Они издевались над его слепотой, однако его и это не сломило.

Смерть Кромвеля в 1658 году возбудила в Мильтоне надежду на возможность восстановления демократии в стране. Он написал трактат «Наличные способы и краткое описание установления свободной республики, легко и безотлагательно осуществимого на деле» (1660). Его призывы остались тщетными. Если раньше буржуазия опиралась на народ против монархии и дворянства, то теперь, успокоившись на приобретенном, она стала больше бояться плебейских масс, чем прежних противников; поэтому она предпочла договориться с дворянством, лишь бы укрыться под защитой крепкой власти, способной держать народ в узде.

В 1660 году была восстановлена монархия Стюартов. Наиболее активные деятели революции подверглись суровым преследованиям. Мильтон оказался на волоске от гибели, но его спасли. С тех пор он жил вдали от общества на оставшиеся скромные средства и на небольшие литературные заработки (за «Потерянный Рай» ему заплатили десять фунтов стерлингов!). Как сказал о нем Пушкин, Мильтон «*в злые дни, жертва злых языков*, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал «Потерянный Рай» [1].

Последние четырнадцать лет жизни Мильтона — пример нравственного и душевного героизма. В период революции он почти совершенно оставил поэзию, написал лишь небольшое количество стихотворений. Теперь, когда политическая деятельность стала для него невозможной, Мильтон возвращается к поэзии. Его отход от нее отнюдь не был бесплодным,— не только потому, что участие в политической борьбе отвечало его самым глубоким личным стремлениям, но и потому, что гражданская война, революция и наступившая после нее реакция дали ему огромный духовный опыт. Выше приведены публицистические высказывания Мильтона, которые близки мыслям, выраженным впоследствии в поэтической форме. Мильтон-публицист — не антипод Мильтона-поэта. Их связывает единство мировоззрения, но есть существенное различие между настроением Мильтона в годы республики и после того, как она была повержена. Поэту пришлось переосмыслить кое-что в свете поражения революции.

Еще в ранние годы Мильтон вознамерился написать большую эпическую поэму. Тогда он хотел создать нечто подобное шедевру английской гуманистической поэзии эпохи Возрождения — «Королеве фей» Эдмунда Спенсера (XVI в.). Героем своего эпоса он хотел сделать легендарного короля Артура в молодости, представив его как образец нравственного человека. Теперь замысел Мильтона изменился до неузнаваемости. Он положил в основу своих последних произведений библейские сюжеты. В 1663 году, когда ему испол-

[1] «Пушкин-критик», с. 523.

нилось пятьдесят пять лет, Мильтон закончил «Потерянный Рай» и напечатал его в 1667 году. Четыре года спустя вышли в свет поэма «Возвращенный Рай» и драматическая поэма «Самсон-борец». За год до смерти Мильтон подготовил к печати сборник своих ранних стихотворений на английском, латинском и итальянском языках.

Скончался Мильтон 8 ноября 1674 года, шестидесяти шести лет от роду. Ему не пришлось вкусить плоды своей литературной славы, которая пришла уже посмертно. Но он расставался с жизнью, сознавая, что великий замысел, который должен был сохранить потомству память о нем, ему удалось осуществить.

Мильтон — поэт мысли, раздумий о сущности жизни, о природе человека. Его поэзия с самого начала была серьезна и целомудренна. Совсем молодым человеком он переложил в стихи благочестивые псалмы, написал оду «Утро рождения Христа», элегии, скорбные эпитафии. Среди набожных размышлений о бедах и бренности жизни только однажды попадутся читателю иронически-шутливые поминальные стихи об университетском вознице. Хотя по ним можно видеть, что юмор не совсем был чужд Мильтону, но других свидетельств об этом не сохранилось. В целом стихи говорят нам о серьезной настроенности молодого поэта. Пушкин с полным основанием применил к нему эпитет «суровый».

Мильтон написал в молодости сравнительно немного. Слабых стихотворений среди этого немногого нет. Молодой поэт удивляет редким владением формой. Слово, ритм, мелодия стиха — все отработано, отшлифовано.

Поражает в молодом поэте полное отсутствие любовных мотивов. Его лира не настроена на этот лад. Но он отнюдь не отшельник и видит мир во всей его красочности. Об этом лучше всего говорят два шедевра молодого Мильтона — его диптих «L'Allegro» и «Il Penseroso». Кое-что в сельских пейзажах здесь взято из книг, из античных буколик и ренессансных пасторалей, но есть в этих картинах и живое чувство природы.

Почти вся поэзия молодого Мильтона проблемна, как только что названные две поэмы, противопоставляющие два мироощущения. Молодого Мильтона волнует вопрос — как жить не бесплодно, каким быть, чтобы не посрамить высокого назначения человека? Хотя поэт беспристрастно и даже с сочувствием рисует облик L'Allegro, ему явно ближе Il Penseroso.

Эти две поэмы — переход от жизнерадостной поэзии Возрождения к раздумчивой, подчас меланхолической поэзии, приходящей ей на смену. Такой же переходный характер имеет пьеса-маска «Комос». Читая ее, нельзя не вспомнить «Сон в летнюю ночь» и «Как вам это понравится» Шекспира. И здесь и там герои оказываются в лесу. Но у Шекспира они ищут освобождения от помех своему счастью и находят его. И счастье это — в любви, радостном соединении молодых людей с любимыми существами, удовлетворении

естественных стремлений молодости. Совсем другое у Мильтона. Его лес — аллегория запутанности жизни, ловушек и силков, которыми грозят человеку его страсти. Комос утверждает все то, чего добивались когда-то гуманисты: реабилитации плоти, следования естеству, утверждения силы и красоты страстей. Но у Мильтона Комос — воплощение соблазнов, ведущих к бесчестию и к греху. Идеал поэта — нравственная чистота, и она торжествует в этом произведении.

Мильтон отнюдь не ханжа. Жажда чистоты — реакция на то, во что практически выродился ренессансный идеал в дворянском обществе, где он стал оправданием грубой чувственности, аморальности, полного презрения к нравственным ценностям.

Отметим, что в «Комосе» есть не только моральная проблематика, но и открыто выраженное недовольство тяжким положением народа.

«Люсидас» — признанный шедевр английской пасторальной поэзии, поэма о поэте, его высоком назначении и вместе с тем о хрупкости человека перед лицом стихий. Размышления о безвременно погибшем юноше перемежаются у Мильтона раздумьями о том, успеет ли он сам свершить свое земное назначение как поэт. Обращает на себя внимание противопоставление идеально настроенного поэта и тех своекорыстных «пастухов» (в этой поэме — синоним поэта), «кто не о стаде, о себе радеет»,— иносказательное, но безусловное признание общественного назначения поэзии.

В первый период уже пробиваются ростки тех взглядов и настроений, которые расцветут в позднем творчестве Мильтона. Участие в общественной жизни оторвало Мильтона от поэзии, но и в годы революции он написал ряд стихотворений. Некоторые из них были откликами на современные события, другие отражали личные переживания. Форма сонета, избранная Мильтоном для своих стихов, была еще одним свидетельством как его связей, так и отталкивания от поэзии английского Возрождения. Сонеты Мильтона принадлежат к числу вершинных явлений в этом жанре.

Все написанное Мильтоном за сорок лет, при несомненном мастерстве, меркнет по сравнению с его величайшим творением — поэмой «Потерянный Рай». Здесь во всей мощи проявилось поэтическое мастерство Мильтона. Рядом с белым стихом драм Шекспира в английской поэзии стоит белый стих «Потерянного Рая», как образец высшего совершенства. Но между ними, конечно, есть важное различие. Шекспир приближал стих к живой разговорной интонации, сочетая ее с поэтической образностью и метафоричностью. Мильтон сохраняет эпическую торжественность певца-рапсода, неторопливую повествовательную интонацию. Грандиозности сюжета должен соответствовать величавый строй поэтической речи. Но она не становится мертва. В ней звучат живые интонации, только это не живость повседневного разговора, а пафос оратора, проповедника, пророка. Мильтон живет в преддверии эпохи, когда появится реалистический роман. Он пишет «Потерянный Рай», когда уже родился Дефо, который проложит путь для утверждения века прозаического романа. Уже появилась первая почти реалистическая драматургия — коме-

для периода Реставрации, где персонажи говорят языком светских людей аристократических салонов и гостиных. Мильтон — последний могикан эры поэзии, последний бард в ее мировой истории.

Форма эпоса, избранная им, когда-то была самой естественной для поэзии. Но первобытные эпические времена давно кончились, формы поэзии изменились. Тем не менее величайшие образцы эпоса — поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» — продолжали чаровать своей поэзией. Поэтому, хотя жизненная почва для эпоса исчезла, поэты продолжали прибегать к этой форме, надеясь, что сила искусства преодолеет противодействие новых жизненных условий и нового, совсем не эпического мироощущения.

Мильтон знал все образцы эпической поэзии — естественные и органичные, как «Илиада», и искусственные, книжные, как «Энеида» Вергилия и «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо или «Королева фей» Э. Спенсера. Его вдохновляли на попытку создать нечто подобное не только литературные образцы. Вместе со всей страной, с народом пережил он эпоху грандиозных событий. Было сотрясено и повергнуто в прах сооружавшееся веками здание феодальной монархии, произошел переворот гигантского размаха. Подлинно эпическая масштабность пережитого страной была глубоко осознана Мильтоном. Для него было естественно именно в такой форме воплотить свое ви́дение, ощущение, дух отошедшей эпохи. Мильтон создавал «Потерянный Рай» в обстановке, лишенной какого бы то ни было героизма. Наступило время жадной погони за удовольствиями. Многие устали от напряжения революционного периода, от настойчивых требований пуритан быть добродетельными. Словом, создавая поэмы, Мильтон шел против воцарившегося духа времени. Он жил прошлым, хотел, чтобы память о нем не умерла, мечтал о возрождении общественных идеалов, о восстановлении личной нравственности. Это он и воплотил в «Потерянном Рае».

Но и революционное прошлое виделось Мильтону иначе, чем тогда, когда он был в самом центре борьбы. Противоречия внутри самой пуританской «республики» он начал ощущать уже в последние годы ее существования. Поэт не только понимал, но и оправдывал самые радикальные меры борьбы против врагов республики. Но он не мог понять, почему нужно было продолжать ту же политику беспощадности после победы. Его последний политический трактат, написанный уже после смерти Кромвеля, был отчаянной и безнадежной попыткой напомнить о возможности так и не испробованного пути — не монархия, не военная диктатура, а настоящая демократия, хотя бы и умеренная на первых порах.

Двойственность отношения Мильтона к буржуазной пуританской революции помогает понять глубочайшую двойственность, пронизывающую весь «Потерянный Рай».

Перед нами поэма на библейский сюжет. Она начинается с изображения того, как падший ангел Сатана замышляет восстание против небесного Вседержителя. Общий дух песен «Потерянного Рая», изображающих борьбу Неба и Ада, отражает атмосферу, хорошо известную тем, кто пережил бур-

ные годы революции. Именно атмосферу. Титанические сцены битв космических сил Небес и Ада мог написать только поэт, знавший, что такое картина всеобщей войны, в которую вовлечено все живое и мертвое. Мильтон настолько дышит духом своего времени, что забывается и вводит в свое описание битв небесных ратей артиллерию!

Но мы ошибемся, если будем искать в «Потерянном Рае» прямых аналогий с современностью поэта. Ему знакома и близка атмосфера всеохватывающей борьбы, но только этот, такой в общем неопределимый элемент, как атмосфера, и является непосредственным отражением эпохи революции. Самый же конфликт находится в иной плоскости. Мильтон взял его из Библии. Ему, пуританину, всегда представлялась главной борьба Добра и Зла в мире. Библия дала символические обобщающие образы этой борьбы в фигурах Бога и Сатаны. Пуританину Мильтону безусловно близка идея Бога как воплощения всех лучших начал жизни. Но Мильтон — бунтарь и революционер — хорошо чувствует и понимает Сатану. Когда Мильтон писал о том, как поверженные Ангелы мечтают о новом восстании и мести своим врагам, думал ли он только о Библии? Так, на протяжении поэмы очень несогласованы два мотива: утверждение Добра и Благости, воплощенных в Боге и небесном воинстве, и дух мятежа, непокорства, столь выразительно и сочувственно представленный в образе Сатаны. Мильтон, конечно, нашел формальное решение этого противоречия. У него Сатана и силы Ада посрамлены, побеждены и повергнуты во прах. Но, как и в некоторых других произведениях мировой литературы, главное впечатление определяется не развязкой, не финалом, а вершинными моментами действия, а к числу их несомненно принадлежат сцены, выражающие дух восстания.

Люцифер, издавна ставший мифическим воплощением идеи Зла, играет роковую роль в судьбе Адама и Евы. Они также — символические фигуры. Если антагонизм Бога и Сатаны выражает идею борьбы Добра и Зла, как явление всеобщего, космического масштаба, то миф об Адаме и Еве сводит проблему с небесных высот на землю и показывает, как отражается эта борьба в бытии человечества.

Библейская легенда о первых людях и их грехопадении содержит большой заряд мысли. Мильтон воспользовался ею как отправной точкой для философских раздумий. Он воспроизводит миф во всей его картинности, рисуя сначала блаженную жизнь Адама и Евы в Эдеме, а затем страдания и муки, обрушившиеся на них и на все человечество после того, как они попрали божий закон. Поэтическое повествование Мильтона полно истинного драматизма. События поэмы служат поводом для пространных рассуждений героев о судьбах человечества. Поэтические монологи и диалоги «Потерянного Рая» полны значительного философского смысла.

В поэме Мильтона выразительно противопоставлены два состояния человечества: его безмятежное существование в земном раю — Эдеме и жизнь, полная забот, испытаний и бедствий после изгнания из Рая.

Одна из древнейших иллюзий человечества — вера в то, что некогда в

отдаленном прошлом жизнь была проста, изобильна и прекрасна без усилий со стороны человека. У греков идея воплощена в легенде о «золотом веке», в библейской мифологии — в представлении об Эдеме.

Почему кончился «золотой век», как случилось, что райская жизнь сменилась смертной судьбой, полной тревог и страданий? Задаваясь этими вопросами, люди древности искали объяснения опасностям, мукам и ужасам, постоянно вторгавшимся в их жизнь. Языческие религии видели в несчастиях людей проявления непонятных им решений богов. Рок тяготел над их жизнью, считали они, причем он был слеп и мог обрушивать гнев на ни в чем не повинных людей. Впрочем, бывало и так, что люди сами, по незнанию или невоздержанности, накликивали на себя беду.

Христианская религия возложила вину за жизненные нелады на человека. Источник всех несчастий в том, что человек поддается воздействию темных сил и отступает от божеских законов. Он сам виновен в том, что лишился райской жизни. Если жизнелюбивая языческая религия в худшем случае признавала ошибку, заблуждение человека как причину его бедствий, то христианство создало понятие греха, связывая его с идеей порочности, присущей натуре человека.

Изображение райской жизни Адама и Евы в поэме Мильтона может показаться тяжеловесно-скучной идиллией. Между тем оно имеет глубочайший гуманистический смысл. По идее Мильтона, человек изначально прекрасен, ему чужды дурные наклонности и пороки. Адам в Раю учит Еву, что первейший долг человека — трудиться, чтобы украшать землю плодами своих рук. Любовь Адама и Евы — идеальное сочетание духовной общности и физического влечения. В противовес аскетическим толкованиям библейской легенды, прямо бросая вызов ханжам, Мильтон вдохновенно пишет о радостях плотской любви Адама и Евы. Рай Мильтона — одна из прекрасных гуманистических утопий.

Почему же люди лишились такой блаженной жизни? Следуя библейской легенде, Мильтон отвечает: их искусил Дьявол, и они нарушили запрет Бога. В изображении событий поэт следует религиозному преданию. Но следует ли он религиозному смыслу легенды? На это поэма дает ясный ответ.

Сатана в обличье коварного Змия искусил Еву съесть плод с древа познания Добра и Зла. А Бог запретил людям прикасаться к этим плодам. Стоит прислушаться к тому, как рассуждает об этом Сатана:

Познанье им запрещено?
Нелепый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь
Познанье людям? Разве может быть
Познанье преступленьем?..
...Ужель
Неведенье — единственный закон
Покорности и веры и на нем
Блаженство их основано?

Крамольные мысли! Правда, они вложены в уста Сатаны, а от него, естественно, не приходится ждать благочестия. Но могли ли эти мысли быть чуждыми гуманисту Мильтону? И разве греховна Ева, когда, наслушавшись речей Сатаны, имея в виду Бога, восклицает:

Что запретил он? Знанье! Запретил
Благое! Запретил нам обрести
Премудрость...
... В чем же смысл
Свободы нашей?

Совершенно очевидно, что гуманизм Мильтона приходит в противоречие с религиозным учением, и это противоречие пронизывает всю поэму о Рае, потерянном людьми. Искренняя вера Мильтона в существование божества, создавшего мир, все время сталкивается с не менее горячим стремлением поэта утвердить свободу мысли, право человека на самостоятельное постижение законов жизни. Вспомним, с каким почтением относился Мильтон к Галилею, ученому, посмевшему пойти наперекор церковникам, и станет ясно, что вера поэта выходила за рамки догматизма, что его великое творение — гимн не Богу, а Человеку.

Изгнание из Эдема лишает человека вечного блаженства. Отныне его жизнь становится тяжкой. Но Адам, принявший и на себя бремя вины, павшей на Еву, не страшится тех испытаний, которые предстоят ему и всем людям. Его образ несомненно героичен, и Мильтону принадлежит важная заслуга в истории литературы и нравственного развития человечества. Герои всех предшествующих эпических поэм были воителями. Мильтон создал образ героя, видящего смысл жизни в труде. Уже в Эдеме он прославляет эту черту своего героя, но и лишившись райской жизни, Адам остается верен мысли, что труд есть главное назначение человека.

Идея Мильтона выражает новые нравственные устремления, возникшие в эпоху подъема буржуазного общества. Труд и плодотворная деятельность противопоставлялись пуританской буржуазией праздности и паразитизму дворянства. Исторически условия сложились так, что идея труда, как и все другое в идеологии пуританства, получала религиозную окраску, ибо труд должен был послужить искуплением «первородного греха» человечества. В перспективе исторического развития важна, однако, не оболочка, а сущность выраженного Мильтоном. Пройдет немногим больше полувека, и идея Мильтона получит живое воплощение в другом художественном образе — в Робинзоне Крузо, первом герое-труженике мировой литературы (кстати сказать, тоже очень набожном, и притом в пуританском духе).

Мильтон не ограничился двумя мотивами, составляющими основу сюжета поэмы,— восстанием Сатаны и грехопадением первых людей. Он расши-

рил рамки произведения, введя в него «видение» о будущем человечества. Напутствуя Адама и Еву, покидающих Эдем, архангел Михаил показывает им картину жизни человечества после того, как оно лишилось райских благ. Оставаясь в пределах библейских же легенд, Мильтон в сущности развивает здесь цельную философию истории, и итог ее может быть сформулирован не менее сурово, чем это сделает через несколько десятилетий другой английский писатель — Джонатан Свифт, а столетие спустя французский просветитель Вольтер. Для Мильтона, как и для них, история — цепь стихийных бедствий и общественных несчастий, войн, разрушений, бесчеловечных истреблений людей друг другом, тирании и произвола. Как жить человеку в таком страшном мире? Мы уже знаем ответ Мильтона — работать для себя и на благо других, то есть, говоря словами Вольтера, «возделывать свой сад». К этому Мильтон добавляет свой кодекс нравственности, основу которого составляет идея любви как главного закона человеческой морали. В отличие от просветителей XVIII века, которые были вольнодумцами, а иные даже атеистами, Мильтон еще облекает свою философию в религиозные формы, но это не должно затемнить для нас того факта, что Мильтон был ближайшим предшественником просветителей как в своей защите прав разума и стремления к знанию, так и в утверждении идей свободы и гуманности.

«Потерянный Рай» свидетельствует о двойственном отношении Мильтона к проблеме восстания. Как мы знаем, он сам был деятельным участником английской буржуазной революции и одним из ее пламенных идеологов. Опыт диктатуры Кромвеля вынудил Мильтона пересмотреть свои взгляды. Оставаясь последовательным противником дворянско-монархического строя, Мильтон пришел к выводу, что создание новых форм общественного устройства не может ограничиться политическим переворотом, ибо он не решает некоторых существенных, по его мнению, задач. Предвосхищая и в этом философию Просвещения, Мильтон утверждает необходимость всесторонней общественно-воспитательной деятельности для подготовки людей к иным формам жизни, основанным на разуме, справедливости и добродетели. Это получило выражение в следующем большом поэтическом произведении Мильтона — «Возвращенный Рай».

Образ Христа появляется впервые в юношеской поэзии Мильтона, затем в «Потерянном Рае», и в обоих случаях поэт ищет в нем не божественное, а возвышенно-человеческое начало. В «Возвращенном Рае» Христос — главный герой. Основу сюжета составляет искушение, которому Сатана подвергает Христа. Как некогда Комос в ранней пьесе-маске рисовал перед девой радости чувственных наслаждений, так теперь Сатана искушает Христа всеми мирскими благами, доступными человеку: он предлагает ему власть, могущество, богатство, но, конечно, за счет добродетели. Христос отвергает все эти блага во имя добра, истины и справедливости. Мильтон делает своего героя воплощением высших нравственных идеалов. Его Христос — враг всякой тирании. С потерей свободы, считает он, гибнет добродетель и торжест-

вуют пороки, причем нравственное падение охватывает как властителей, так и подданных.

Мильтон позволил себе наделить Христа чертами собственной личности. Вот, например, что рассказывает о себе Христос в «Возвращенном Рае»:

...Будучи ребенком, не любил
Я детских игр, мой ум стремился к знанью,
К общественному счастию и благу.

(Перевод О. Чюминой)

Это не вяжется с ортодоксальным религиозным взглядом на личность Христа, но зато в полной мере соответствует тому, что мы знаем о Мильтоне. Его Христос движим ясно выраженными политическими стремлениями —

Изгнать навек насилие и, правде
Свободу дав, восстановить равенство.

Если в образе Сатаны отразился мятежный дух самого Мильтона, в образе Адама — его стоическая непреклонность в борьбе за жизнь, достойную человека, то фигура Христа воплощает стремление к истине и желание просветить людей. «Возвращенный Рай» недвусмысленно выражает разочарование не в революции, а в людях, которые, ненадолго вкусив свободы, легко примирились с возвращением деспотической власти. Мильтона не могло не потрясти то, что возвращение Стюартов было встречено чуть ли не всеобщим ликованием. Отсюда возникает сознание поэта в необходимости —

Сердца людей словами покорять
И вразумлять заблудшие их души,
Которые не знают, что творят.

(Перевод О. Чюминой)

Означает ли это полный отказ Мильтона от прямой борьбы? Ответ на это дает его последнее замечательное творение — драматическая поэма «Самсон-борец».

В этом произведении несомненны некоторые личные мотивы. В образе Далилы не могли не отразиться переживания Мильтона, связанные с его первой женой-роялисткой, но более непосредственная аналогия между положением Самсона и самого Мильтона, слепого и оставленного в живых из милости торжествующими врагами. Образ Самсона говорит о том, что Мильтон стремился не только к тому, чтобы открыть глаза народу, просветить и вразумить людей, но был бы не прочь воздать возмездие вернувшимся к власти дворянам при помощи силы, если бы такая нашлась.

Три великих творения, созданных Мильтоном в последние годы жизни, значительны не только идеями, свидетельствующими о том, что Мильтон был передовым человеком своего времени, страстным борцом за обновление жизни на истинно благородных началах. Мильтон — поэт одной из первых революций нового времени, отразивший ее во всей сложности и противоречивости,

присущей ей. Ее иллюзии и разочарования, ее страсти и разум получили в его творчестве могучее поэтическое воплощение.

Поэзия Мильтона всегда отличалась возвышенностью, в последних произведениях она достигла монументальности, подобной той, которая была свойственна величественным храмам стиля барокко. «Потерянный Рай», как соборы барокко, сохраняет классический каркас, но строение причудливо усложнено украшениями. Неторопливая повествовательная манера сочетается с многокрасочными описаниями. Речь автора картинна, а речи персонажей — возвышенно-риторичны.

В «Самсоне-борце» Мильтон сделал то, чего не делал еще ни один из авторов нового времени, прибегавших к драматической форме. Для всех драматургов эпохи Шекспира (и для него самого) исходной формой драмы была римская трагедия в манере Сенеки. Мильтон первым в Англии взял за образец греческую трагедию. Менее сложная по построению действия, чем трагедия Шекспира и его современников, трагедия Мильтона стала образцом лирической драмы, и нетрудно увидеть, насколько обязаны примеру Мильтона Байрон в «Каине» и Шелли в «Освобожденном Прометее».

Современному читателю не просто найти путь к Мильтону и воспринять его поэтическое наследие. Нас разделяют время, различие культур, иные художественные понятия и вкусы. Но тот, кто даст себе труд вчитаться в первые десятки или сотни строк его поэм, окажется охваченным стихией могучего поэтического дара и всеобъемлющей мысли Мильтона. При вдумчивом отношении к его поэзии обнаруживается, что за чуждой, казалось бы, оболочкой, скрываются раздумья о жизни, важные и для человека нашего времени.

Мильтон стоял на рубеже времен. Он впитал наследие тысячелетий — античности, средневековья, Возрождения — и стоял на пороге эпохи Просвещения, открывшей путь литературе нового времени. Он занимает важное место и в художественном и в духовном развитии. Пройти мимо него, оставить без внимания его наследие — значит опустить важное звено в эволюции европейской литературы. Он имеет не только историческое значение. Величавая красота его поэзии, ценимая такими художниками, как Гете, Байрон, Шелли и Пушкин, не может оставить безразличным и современного читателя.

А. АНИКСТ

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

ПЕРЕВОД АРК. ШТЕЙНБЕРГА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. ШЕРВИНСКОГО

СОДЕРЖАНИЕ

Книга Первая сначала излагает вкратце тему произведения: преслушание Человека, вследствие чего он утратил Рай — обиталище свое; затем указывается причина падения: Змий, вернее — Сатана в облике Змия, восставший против Бога, вовлек в мятеж бесчисленные легионы Ангелов, но был по Божьему повелению низринут с Небес вместе со всеми полчищами бунтовщиков в Преисподню. Упомянув об этих событиях, поэма незамедлительно переходит к основному действию, представляя Сатану и его Ангелов в Аду. Следует описание Ада, размещающегося отнюдь не в центре Земли (небо и Земля, предположительно, еще не сотворены, и следовательно, над ними еще не тяготеет проклятье), но в области тьмы кромешной, точнее — Хаоса. Сатана со своими Ангелами лежит в кипящем озере, уничиженный, поверженный, но вскоре, очнувшись от потрясения, призывает соратника, первого после себя по рангу и достоинству. Они беседуют о несчастном положении своем. Сатана пробуждает все легионы, до сих пор так же находившиеся в оцепенении и беспамятстве. Неисчислимые, они подымаются, строятся в боевые порядки; главные их вожди носят имена идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседствующих странах. Сатана обращается к соратникам, утешает их надеждою на отвоевание Небес и сообщает о новом мире и новом роде существ, которые, как гласят старинные пророчества и предания Небесного Царства, должны быть сотворены; Ангелы же, согласно мнению многих древних Отцов, созданы задолго до появления видимых существ. Дабы обмыслить это пророчество и определить дальнейшие действия, Сатана повелевает собрать общий совет. Соратники соглашаются с ним. Из бездны мрака возникает Пандемониум — чертог Сатаны. Адские вельможи восседают там и совещаются.

О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принес
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул,—
Пой, Муза горняя! Сойди с вершин
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был тобою пастырь вдохновлен,
Начально поучавший свой народ
Возникновенью неба и Земли
Из Хаоса; когда тебе милей
Сионский холм и Силоамский Ключ,
Глаголов Божьих область,—я зову
Тебя оттуда в помощь; песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.

Но прежде ты, о Дух Святой! — ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца,—
Наставь меня всеведеньем твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворя ее;
Исполни светом тьму мою, возвысь
Все бренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И благость Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав.
Открой сначала,—ибо Ад и Рай
Равно доступны взору Твоему,—
Что побудило первую чету,
В счастливой сени, средь блаженных кущ,
Столь взысканную милостью Небес,
Предавших Мирозданье ей во власть,
Отречься от Творца, Его запрет
Единственный нарушить? — Адский Змий!
Да, это он, завидуя и мстя,
Праматерь нашу лестью соблазнил;
Коварный Враг, низринутый с высот
Гордыней собственною, вместе с войском
Восставших Ангелов, которых он
Возглавил, с чьею помощью Престол
Всевышнего хотел поколебать

И с Господом сравняться, возмутив
Небесные дружины; но борьба
Была напрасной. Всемогущий Бог
Разгневанный стремглав низверг строптивцев,
Объятых пламенем, в бездонный мрак,
На муки в адамантовых цепях
И вечном, наказующем огне.
За их вооруженный, дерзкий бунт.
Девятикратно время истекло,
Что мерой дня и ночи служит смертным,
Покуда в корчах, со своей ордой,
Метался Враг на огненных волнах,
Разбитый, хоть бессмертный. Рок обрек
Его на казнь горчайшую: на скорбь
О невозвратном счастье и на мысль
О вечных муках. Он теперь обвел
Угрюмыми зеницами вокруг;
Таились в них и ненависть, и страх,
И гордость, и безмерная тоска...
Мгновенно, что лишь Ангелам дано,
Он оглядел пустынную страну,
Тюрьму, где, как в печи, пылал огонь,
Но не светил, и видимою тьмой
Вернее был, мерцавшей лишь затем,
Дабы явить глазам кромешный мрак,
Юдоль печали, царство горя, край,
Где мира и покоя нет, куда
Надежде, близкой всем, заказан путь,
Где муки без конца и лютый жар
Клокочущих, неистощимых струй
Текучей серы. Вот какой затвор
Здесь уготовал Вечный Судия
Мятежникам, средь совершенной тьмы,
И втрое дальше от лучей Небес
И Господа, чем самый дальний полюс
От центра Мирозданья отстоит.
Как несравнимо с прежней высотой,
Откуда их паденье увлекло!
Он видит соучастников своих
В прибое знойном, в жгучем вихре искр,
А рядом сверстника, что был вторым
По рангу и злодейству, а поздней
Был в Палестине чтим как Вельзевул.
К нему воззвал надменный Архивраг,

Отныне нареченный Сатаной,
И страшное беззвучие расторг
Такими дерзновенными словами:

«— Ты ль предо мною? О, как низко пал
Тот, кто сияньем затмевал своим
Сиянье лучезарных мириад
В небесных сферах! Если это ты,
Союзом общим, замыслом одним,
Надеждой, испытаньями в боях
И пораженьем связанный со мной,—
Взгляни, в какую бездну с вышины
Мы рухнули! Его могучий гром
Доселе был неведом никому.
Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! — не согнусь
И не раскаюсь, пусть мой блеск померк...
Еще во мне решимость не иссякла
В сознанье попранного моего
Достоинства, и гордый гнев кипит,
Велевший мне поднять на битву с Ним
Мятежных Духов буйные полки,
Тех, что Его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его Престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.
А это ль не победа? Ведь у нас
Осталось то, чего не может Он
Ни яростью, ни силой отобрать —
Немеркнущая слава! Если б я
Противника, чье царство сотряслось
От страха перед этою рукой,
Молил бы на коленах о пощаде,—
Я опозорился бы, я стыдом
Покрылся бы и горше был бы срам,
Чем низверженье. Волею судеб
Нетленны эмпирейский наш состав
И сила богоравная; пройдя
Горнило битв, не ослабели мы,

Но закалились и теперь верней
Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложить Тирана,
Который ныне, празднуя триумф,
Ликует в Небесах самодержавно!»

Так падший Ангел, поборая скорбь,
Кичился вслух, отчаянье тая.
Собрат ему отважно отвечал:

«— О, Князь! Глава порфироносных сил,
Вождь Серафимских ратей боевых,
Грозивших трону Вечного Царя
Деяньями, внушающими страх,
Дабы Его величье испытать
Верховное: хранимо ли оно
Случайностью ли, силой или Роком.
Я вижу все и горько сокрушен
Ужасным пораженьем наших войск.
Мы изгнаны с высот, побеждены,
Низвергнуты, насколько вообще
Возможно разгромить богоподобных
Сынов Небес; но дух, но разум наш
Не сломлены, а мощь вернется вновь,
Хоть славу нашу и былой восторг
Страданья поглотили навсегда.
Зачем же Победитель (признаю
Его всесильным; ведь не мог бы Он
Слабейшей силой — нашу превозмочь!)
Нам дух и мощь оставил? Чтоб сильней
Мы истязались, утоляя месть
Его свирепую? Иль как рабы
Трудились тяжко, по законам войн,
Подручными в Аду, в огне палящем,
Посыльными в бездонной, мрачной мгле?
Что толку в нашем вечном бытии
И силе нашей, вечно-неизменной,
Коль нам терзаться вечно суждено?»

Ему Отступник тотчас возразил:

« — В страданьях ли, в борьбе ли,— горе слабым,
О, падший Херувим! Но знай, к Добру

Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,
В Его Добре источник Зла сыскав.
Успехом нашим будет не однажды
Он опечален; верю, что не раз
Мы волю сокровенную Его
Собьем с пути, от цели отведя...
Но глянь! Свирепый Мститель отозвал
К вратам Небес карателей своих.
Палящий ураган и серный град,
Нас бичевавшие, когда с вершин
Мы падали в клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями окрыленный
И гневом яростным, разящий гром
Опустошил, как видно, свой колчан,
Стихая постепенно, и уже
Не так бушует. Упустить нельзя
Счастливую возможность, что оставил
В насмешку, или злобу утолив,
Противник нам. Вот голый, гиблый край,
Обитель скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мертвым светом в темноте,
Трепещущее пламя. Тут найдем
Убежище от вздыбленных валов
И отдых, если здесь он существует,
Вновь соберем разбитые войска,
Обсудим, как нам больше досадить
Противнику и справиться с бедой,
В надежде — силу или, наконец,
В отчаянье — решимость почерпнуть!»
Так молвил Сатана. Приподнял он
Над бездной голову; его глаза
Метали искры; плыло позади
Чудовищное тело, по длине
Титанам равное, иль Земнородным —
Врагам Юпитера! Как Бриарей,
Сын Посейдона, или как Тифон,
В пещере обитавший, возле Тарса,
Как великан морей — Левиафан,
Когда вблизи Норвежских берегов

Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуй
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнется морю поутру,—
Так Архивраг разлегся на волнах,
Прикованный к пучине. Никогда
Он головой не мог бы шевельнуть
Без попущенья свыше. Провиденье
Дало ему простор для темных дел
И новых преступлений, дабы сам
Проклятье на себя он вновь навлек,
Терзался, видя, что любое Зло
Во благо бесконечное, в Добро
Преображается, что род людской,
Им соблазненный, будет пощажен
По милости великой, но втройне
Обрушится возмездье на Врага.
Огромный, он воспрянул из огня,
Два серных вала отогнав назад;
Их взвихренные гребни, раскатясь,
Образовали пропасть, но пловец
На крыльях в сумеречный воздух взмыл,
Принявший непривычно тяжкий груз,
И к суше долетел, когда назвать
Возможно сушей — отверделый жар,
Тогда как жидкий жар в пучине тлел.
Такой же почва принимает цвет,
Когда подземный шторм срывает холм
С вершин Пелора, или ребра скал
Гремящей Этны, чье полно нутро
Огнеопасных, взрывчатых веществ,
И при посредстве минеральных сил,
Наружу извергаемых из недр,
Воспламененными, а позади,
Дымясь и тлея, остается дно
Смердящее. Вот что пятой проклятой
Нащупал Враг! Соратник — вслед за ним.
Тщеславно ликовали гордецы,
Сочтя, что от Стигийских вод спаслись
Они, как боги,— собственной своей
Вновь обретенной силой, наотрез
Произволенье Неба отрицая.

« — На эту ли юдоль сменили мы.—
Архангел падший молвил,— Небеса
И свет Небес на тьму? Да будет так!
Он всемогущ, а мощь всегда права.
Подальше от Него! Он выше нас
Не разумом, но силой; в остальном
Мы равные. Прощай, блаженный край!
Привет тебе, зловещий мир! Привет,
Геенна запредельная! Прими
Хозяина, чей дух не устрашат
Ни время, ни пространство. Он в себе
Обрел свое пространство и создать
В себе из Рая — Ад и Рай из Ада
Он может. Где б я ни был, все равно
Собой останусь,— в этом не слабей
Того, кто громом первенство снискал.
Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
Завидный край; Он не изгонит нас
Из этих мест. Здесь наша власть прочна,
И мне сдается, даже в бездне власть —
Достойная награда. Лучше быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!
Но почему же преданных друзей,
Собратьев по беде, простертых здесь,
В забвенном озере, мы не зовем
Приют наш скорбный разделить и, вновь
Объединясь, разведать: что еще
Мы в силах у Небес отвоевать
И что осталось нам в Аду утратить?»

Так молвил Сатана, и Вельзевул
Ответствовал: « — О Вождь отважных войск,
Воистину, лишь Всемогущий мог
Их разгромить! Пусть голос твой опять
Раздастся, как незыблемый залог
Надежды, ободрявшей часто нас
Среди опасностей и страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
И мужество соратникам вернет,
Низринутым в пылающую топь,
Беспамятно недвижным, оглушенным
Паденьем с непомерной вышины!»

Он смолк, и тотчас Архивраг побрел
К обрыву, за спину закинув щит,—

В эфире закаленный круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда ее в оптическом стекле,
С Валдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пестром различить
Материки, потоки и хребты.
Отступник, опираясь на копье,
Перед которым высочайший ствол
Сосны Норвежской, срубленной на мачту,
Для величайшего из кораблей,
Казался бы тростинкой,— брел вперед
По раскаленным глыбам; а давно ль
Скользил в лазури легкою стопой?
Его терзали духота и смрад,
Но, боль превозмогая, он достиг
Пучины серной, с края возопив
К бойцам, валяющимся, как листва
Осенняя, устлавшая пластами
Лесные Валамброзские ручьи,
Текущие под сенью темных крон
Дубравы Этрурийской; так полег
Тростник близ Моря Чермного, когда
Ветрами Орион расколыхал
Глубины вод и потопил в волнах
Бузириса и конников его
Мемфисских, что преследовали вскачь
Сынов Земли Гесем, а беглецы
Взирали с берега на мертвецов,
Плывущих средь обломков колесниц;
Так, потрясенные, бунтовщики
Лежали грудами, но Вождь вскричал,
И гулким громом отозвался Ад:
« — Князья! Воители! Недавний цвет
Небес, теперь утраченных навек!
Возможно ли эфирным существам
Столь унывать? Ужели, утомясь
Трудами ратными, решили вы
В пылающей пучине опочить?
Вы в райских долах, что ли, сладкий сон
Вкушаете? Никак, вы поклялись
Хваленье Победителю воздать
Униженно? Взирает Он меж тем
На Херувимов и на Серафимов,

Низверженных с оружьем заодно
Изломанным, с обрывками знамен!
Иль ждете вы, чтобы Его гонцы,
Бессилье наше с Неба углядев,
Накинулись и дротиками молний
Ко дну Геенны пригвоздили нас?
Восстаньте же, не то конец всему!»
Сгорая от стыда, взлетели вмиг
Бойцы. Так задремавший часовой
Спросонья вздрагивает, услыхав
Начальства строгий окрик. Сознавая
Свои мученья и беду свою,
Стряхнув оцепененье, Сатане
Покорствуют несметные войска.
Так, в черный день Египта, мощный жезл
Вознес Амрамов сын, и саранча,
Которую пригнал восточный ветр,
Нависла тучей, мрачною, как ночь,
Над грешной Фараоновой землей,
И затемнила Нильскую страну;
Не меньшей тучей воспарила рать
Под своды адские, сквозь пламена,
Ее лизавшие со всех сторон.
Но вот копьем Владыка подал знак,
И плавно опускаются полки
На серу отверделую, покрыв
Равнину сплошь. Из чресел ледяных
Не извергал тысячелюдный Север
Подобных толп, когда его сыны,
Дунай и Рейн минуя, как потоп
Неудержимый, наводнили Юг,
За Гибралтар и до песков Ливийских!
Начальники выходят из рядов
Своих дружин; они к Вождю спешат,
Блистая богоравной красотой,
С людскою — несравнимой. Довелось
Им на небесных тронах восседать,
А ныне — в райских списках ни следа
Имен смутьянов, что презрели долг,
Из Книги Жизни вымарав себя.
Еще потомство Евы бунтарям
Иные прозвища не нарекло,
Когда их допустил на Землю Бог,
Дабы людскую слабость испытать.

Им хитростью и ложью удалось
Растлить едва ль не весь Адамов род
И наклонить к забвению Творца
И воплощенью облика его
Невидимого — в образы скотов,
Украшенных и чтимых в дни торжеств
Разнузданных и пышных; Духам Зла
Учили поклоняться, как богам.
Под именами идолов они
Языческих известны с тех времен.

Поведай, Муза, эти имена:
Кто первым, кто последним, пробудясь,
Восстал из топи, на призывный клич?
Как, сообразно рангам, шли к Вождю,
Пока войска держались вдалеке?

Главнейшими божками были те,
Кто, ускользнув из Ада, в оны дни,
Ища себе добычи на Земле,
Свои дерзали ставить алтари
И капища близ Божьих алтарей
И храмов; побуждали племена
Молиться демонам и, обнаглев,
Оспаривали власть Иеговы,
Средь Херувимов, с высоты Сиона,
Громами правящего! Их кумиры —
О, мерзость! — проникали в самый Храм,
Кощунственно желая поругать
Священные обряды, адский мрак
Противоставив свету Миродержца!
Молох шел первым — страшный, весь в крови
Невинных жертв. Родители напрасно
Рыдали; гулом бубнов, ревом труб
Был заглушен предсмертный вопль детей,
Влекомых на его алтарь, в огонь.
Молоха чтил народ Аммонитян,
В долине влажной Раввы и в Аргобе,
В Васане и на дальних берегах
Арнона; проскользнув к святым местам,
Он сердце Соломона смог растлить,
И царь прельщенный капище ему
Напротив Храма Божьего воздвиг.
С тех пор позорной стала та гора;

Долина же Еннома, осквернясь
Дубравой, посвященною Молоху.
Тофет — с тех пор зовется и еще —
Геенной черною, примером Ада.

Вторым шел Хамос — ужас и позор
Сынов Моава. Он царил в земле
Нево и Ароера, средь степей
Спаленных Аворима; Езевон,
Оронаим, Сигонова страна,
И Сивма — виноградный дол цветущий,
И Елеал, весь неохватный край
До брега Моря Мертвого, пред ним
Склонялся. Он, под именем Фегора,
В Ситтиме соблазнил израильтян,
Покинувших Египет, впасть в разврат,
Что принесло им беды без числа.
Он оргии свои до той горы
Простер срамной и рощи, где кумир
Господствовал Молоха — людобойцы,
Пока благочестивый не пресек
Иосия грехи и прямо в Ад
Низверг из капищ мерзостных божков.
За ними духи шли, которым два
Прозванья были общие даны;
От берегов Евфрата до реки
Меж Сирией и Царством пирамид —
Ваалами, Астартами звались
Одни — себе присвоив род мужской.
Другие — женский. Духи всякий пол
Принять способны или оба вместе,—
Так вещество их чисто и легко,
Ни оболочкой не отягчено,
Ни плотью, ни громоздким костяком.
Но, проявляясь в обликах любых,
Прозрачных, плотных, светлых или темных,
Затеи могут воплощать свои
Воздушные — то в похоть погрузясь,
То в ярость впав. Израиля сыны
Не раз, Жизнеподателя презрев,
Забвению предав Его законный
Алтарь, пред изваяньями скотов
Униженно склонялись, и за то
Их были головы обречены

Склоняться столь же низко пред копьем
Врагов презренных. Следом Аштарет,
Увенчанная лунным рогом шла,
Астарта и Владычица небес
У Финикиян. В месячных ночах,
Пред статуей богини, выпевал
Молитвословья хор Сидонских дев.
И те же гимны в честь ее Сион
Пятнали. На горе Обиды храм
Поставил ей женолюбивый царь.
Он сердцем был велик, но ради ласк
Язычниц обольстительных почтил
Кумиры мерзкие. Богине вслед
Шагал Таммуз, увечьем на Ливане
Сириянок сзывавший молодых,
Что ежегодно, летом, целый день
Его оплакивали и, следя,
Как в море алую струю влечет
Адонис, верили, что снова кровь
Из ран божка окрасила поток.
Пленялись этой притчей любострастной
Сиона дщери. Иезекииль
Их похоть созерцал, когда у врат
Святых ему в видении предстал
Отпавшего Иуды гнусный грех
Служенья идолам. Шел Дух вослед,
Взаправду плакавший, когда Кивотом
Завета полоненным был разбит
Его звероподобный истукан.
Безрукий, безголовый, он лежал
Средь капища, своих же посрамив
Поклонников; Дагоном звался он —
Морское чудо, получеловек
И полурыба. Пышный храм его
Сиял в Азоте. Палестина вся,
Геф, Аскалон и Аккарон и Газа,
Пред ним дрожали. Шел за ним Риммон;
Дамаск очаровательный служил
Ему жильем, равно как берега
Аваны и Фарфара — тучных рек.
Он тоже оскорблял Господень Дом:
Утратив прокаженного слугу,
Он повелителя обрел: царя
Ахаза, отупевшего от пьянства,

Принудил Божий разорить алтарь
И на сирийский лад соорудить
Святилище для сожиганья жертв
Божкам, которых он же победил.

Шли дале демоны густой толпой:
Озирис, Гор, Изида — во главе
Обширной свиты; некогда они
Египет суеверный волшебством
Чудовищным и чарами прельстили,
И заблуждающиеся жрецы,
Лишив людского образа своих
Богов бродячих, в облики зверей
Их воплотили. Этой злой чумы
Израиль на Хориве не избег,
Из золота заемного отлив
Тельца; крамольный царь свершил вдвойне
Злодейство это — в Дане и Вифиле,
Где уподобил тучному быку
Создателя, что в ночь одну прошел
Египет, и одним ударом всех
Младенцев первородных истребил
И всех низринул блеющих богов.

Последним появился Велиал,
Распутнейший из Духов; он себя
Пороку предал, возлюбив порок.
Не ставились кумирни в честь его
И не курились алтари, но кто
Во храмы чаще проникал, творя
Нечестие, и развращал самих
Священников, предавшихся греху
Безбожия, как сыновья Илия,
Чинившие охальство и разгул
В Господнем Доме? Он царит везде,—
В судах, дворцах и пышных городах,—
Где оглушающий, бесстыдный шум
Насилия, неправды и гульбы
Встает превыше башен высочайших,
Где в сумраке по улицам снуют
Гурьбою Велиаловы сыны,
Хмельные, наглые; таких видал
Содом, а позже — Гива, где в ту ночь
Был вынужден гостеприимный кров

На поруганье им жену предать,
Чтоб отвратить наискверпейший блуд.

Вот — главные по власти и чинам.
Пришлось бы долго называть иных
Прославленных; меж ними божества
Ионии, известные издревле;
Им поклонялся Иаванов род,
Хотя они значительно поздней
Своих родителей — Земли и Неба —
Явились в мир. Был первенцем Титан
С детьми, без счета; брат его — Сатурн
Лишил Титана прав, но, в свой черед,
Утратил власть; Сатурна мощный сын
От Реи — Зевс — похитил трон отца
И незаконно царство основал.
На Крите и на Иде этот сонм
Богов известен стал сперва; затем,
Они к снегам Олимпа вознеслись
И царствовали в воздухе срединном,
Где высший был для них предел небес.
Они господствовали в скалах Дельф,
В Додоне и проникли за рубеж
Дориды, словно те, что в оны дни,
Сопутствуя Сатурну-старику,
Бежали в Гесперийские поля
И, Адриатику переплывя,
Достигли дальних Кельтских островов.
Несметными стадами шли и шли
Все эти Духи; были их глаза
Потуплены тоскливо, но зажглись
Угрюмым торжеством, едва они
Увидели, что Вождь еще не впал
В отчаянье, что не совсем еще
Они погибли в гибели самой.
Казалось, тень сомненья на чело
Отступника легла, но он, призвав
Привычную гордыню, произнес
Исполненные мнимого величья
Слова надменные, чтоб воскресить
Отвагу ослабевшую и страх
Рассеять. Под громовый рык рогов
И труб воинственных он повелел
Поднять свою могучую хоругвь.

Азазиил — гигантский Херувим —
Отстаивает право развернуть
Ее; и вот, плеща во весь размах,
Великолепный княжеский штандарт
На огненно-блистающем копье
Вознесся, просияв как метеор,
Несомый бурей; золотом шитья
И перлами слепительно на нем
Сверкали серафимские гербы
И пышные трофеи. Звук фанфар
Торжественно всю бездну огласил,
И полчища издали общий клич,
Потрясший ужасом не только Ад,
Но царство Хаоса и древней Ночи.
Вмиг десять тысяч стягов поднялись,
Восточной пестротою расцветив
Зловещий сумрак; выросла как лес
Щетина копий; шлемы и щиты
Сомкнулись неприступною стеной.
Шагает в ногу демонская рать
Фалангой строгой, под согласный свист
Свирелей звучных и дорийских флейт,
На битву прежде воодушевлявших
Героев древних,— благородством чувств
Возвышенных; не бешенством слепым,
Но мужеством, которого ничто
Поколебать не в силах; смерть в бою
Предпочитавших бегству от врага
И отступленью робкому. Затем
Дорийский, гармоничный создан лад,
Чтоб смуту мыслей умиротворить,
Сомненье, страх и горе из сердец
Изгнать — и смертных и бессмертных. Так,
Объединенной силою дыша,
Безмолвно шествуют бунтовщики
Под звуки флейт, что облегчают путь
По раскаленной почве. Наконец
Войска остановились. Грозный фронт,
Развернутый во всю свою длину
Безмерную, доспехами блестит,
Подобно древним воинам сровняв
Щиты и копья; молча ждут бойцы
Велений Полководца. Архивраг
Обводит взглядом опытным ряды

Вооруженных Духов; быстрый взор
Оценивает легионов строй
И выправку бойцов, их красоту
Богоподобную и счет ведет
Когортам. Предводитель ими горд,
Ликует, яростней ожесточась,
В сознанье мощи собственной своей.
Досель от сотворенья Человека
Еще нигде такого не сошлось
Большого полчища; в сравненье с ним
Казалось бы ничтожным, словно горсть
Пигмеев, с журавлями воевавших,
Любое; даже присовокупив
К Флегрийским исполинам род геройский,
Вступивший в бой, с богами наряду,
Что схватке помогали с двух сторон,
Под Фивами и Троей,— присчитать
К ним рыцарей романов и легенд
О сыне Утера, богатырей
Британии, могучих удальцов
Арморики; неистовых рубак
И верных и неверных, навсегда
Прославивших сраженьями Дамаск,
Марокко, Трапезунд, и Монтальбан,
И Аспрамонт; и тех придать, кого
От Африканских берегов Бизерта
Послала с Шарлеманем воевать,
Разбитым наголову средь полей
Фонтарабийских. Войско Сатаны,
Безмерно большее, чем все войска
Людские,— повинуется Вождю
Суровому; мятежный Властелин,
Осанкой статной всех превосходя,
Как башня высится. Нет, не совсем
Он прежнее величье потерял!
Хоть блеск его небесный омрачен,
Но виден в нем Архангел. Так, едва
Взошедшее на утренней заре,
Проглядывает солнце сквозь туман
Иль, при затменье скрытое Луной,
На пол-Земли зловещий полусвет
Бросает, заставляя трепетать
Монархов призраком переворотов,—
И сходственно, померкнув, излучал

Архангел часть былого света. Скорбь
Мрачила побледневшее лицо,
Исхлестанное молниями; взор,
Сверкающий из-под густых бровей,
Отвагу безграничную таил,
Несломленную гордость, волю ждать
Отмщенья вожделенного. Глаза
Его свирепы, но мелькнули в них
И жалость и сознание вины
При виде соучастников преступных,
Верней — последователей, навек
Погибших; тех, которых прежде он
Знавал блаженными. Из-за него
Мильоны Духов сброшены с Небес,
От света горнего отлучены
Его крамолою, но и теперь,
Хоть слава их поблекла, своему
Вождю верны. Так, сосны и дубы,
Небесным опаленные огнем,
Вздымая величавые стволы
С макушками горелыми, стоят,
Не дрогнув, на обугленной земле.
Вождь подал знак: он хочет речь держать.
Сдвоив ряды, теснятся командиры
Полуокружностью, крыло к крылу,
В безмолвии, близ Главаря. Начав
Трикраты, он трикраты, вопреки
Гордыне гневной, слезы проливал,
Не в силах молвить. Ангелы одни
Так слезы льют. Но вот он, подавив
Рыдания и вздохи, произнес:

« — О, сонмы вечных Духов! Сонмы Сил,
Лишь Всемогущему не равных! Брань
С Тираном не была бесславной, пусть
Исход ее погибелен, чему
Свидетельством — плачевный облик наш
И место это. Но какой же ум
Высокий, до конца усвоив смысл
Былого, настоящее познав,
Дабы провидеть ясно и предречь
Грядущее,— вообразить бы мог,
Что силы совокупные богов
Потерпят пораженье? Кто дерзнет

Поверить, что, сраженье проиграв,
Могучие когорты, чье изгнанье
Опустошило Небо, не пойдут
Опять на штурм и не восстанут вновь,
Чтоб светлый край родной отвоевать?

Вся Ангельская рать — порукой мне:
Мои ли колебания и страх
Развеяли надежды наши? Нет!
Самодержавный Деспот свой Престол
Незыблемым доселе сохранял
Лишь в силу громкой славы вековой,
Привычки косной и благодаря
Обычаю. Наружно окружась
Величьем венценосца, он сокрыл
Разящую, действительную мощь,
И это побудило к мятежу
И сокрушило нас. Отныне мы
Изведали могущество Его,
Но и свое познали. Не должны
Мы вызывать на новую войну
Противника, но и страшиться нам
Не следует, коль Он ее начнет.
Всего мудрее — действовать тайком,
Обманчивою хитростью достичь
Того, что в битве не далось. Пускай
Узнает Он: победа над врагом,
Одержанная силою меча,—
Лишь часть победы. Новые миры
Создать пространство может. В Небесах
Давно уже носился общий слух,
Что Он намерен вскоре сотворить
Подобный мир и населить его
Породою существ, которых Он
Возлюбит с Ангелами наравне.
На первый случай вторгнемся туда
Из любопытства иль в иное место:
Не может бездна адская держать
Небесных Духов до конца времен
В цепях, ни Хаос — в непроглядной тьме.
В совете общем надо эту мысль
Обдумать зрело. Миру — не бывать!
Кто склонен здесь к покорности? Итак,
Открытая иль тайная война!»

Он смолк, и миллионами клинков
Пылающих, отторгнутых от бедр
И вознесенных озарился Ад
В ответ Вождю. Бунтовщики хулят
Всевышнего; свирепо сжав мечи,
Бьют о щиты, воинственно гремя.
И Небесам надменный вызов шлют.

Вблизи гора дымилась — дикий пик
С вершиной огневержущей, с корой,
Сверкающей на склонах: верный признак
Работы серы, залежей руды
В глубинах недр. Летучий легион
Туда торопится. Так мчатся вскачь,
Опережая главные войска,
Саперы, с грузом кирок и лопат,
Чтоб царский стан заране укрепить
Окопами и насыпью. Отряд
Маммон ведет; из падших Духов он
Всех менее возвышен. Алчный взор
Его и в Царстве Божьем прежде был
На низменное обращен и там
Не созерцаньем благостным святынь
Пленялся, но богатствами Небес,
Где золото пятами попиралось.
Пример он людям подал, научил
Искать сокровища в утробе гор
И клады святокрадно расхищать,
Которым лучше было бы навек
Остаться в лоне матери-земли.

На склоне мигом зазиял разруб,
И золотые ребра выдирать
Умельцы принялись. Не мудрено,
Что золото в Аду возникло. Где
Благоприятней почва бы нашлась,
Дабы взрастить блестящий этот яд?
Вы, бренного художества людей
Поклонники! Вы, не щадя похвал,
Дивитесь Вавилонским чудесам
И баснословной роскоши гробниц
Мемфиса,— но судите, сколь малы
Огромнейшие памятники в честь
Искусства, Силы, Славы,— дело рук

Людских,— в сравненье с тем, что создают
Отверженные Духи, так легко
Сооружающие в краткий час
Строение, которое с трудом,
Лишь поколенья смертных, за века
Осуществить способны! Под горой
Поставлены плавильни; к ним ведет
Сеть желобов с потоками огня
От озера. Иные мастера
Кидают в печи сотни грузных глыб,
Породу разделяют на сорта
И шихту плавят, удаляя шлак;
А третьи — роют на различный лад
Изложницы в земле, куда струей
Клокочущее золото бежит,
Заполнив полости литейных форм.
Так дуновенье воздуха, пройдя
По всем извилинам органных труб,
Рождает мелодический хорал.

Подобно пару, вскоре из земли
При тихом пенье слитных голосов
И сладостных симфониях восстало
Обширнейшее зданье, с виду — храм;
Громадные пилястры вкруг него
И стройный лес дорических колонн,
Венчанных архитравом золотым;
Карнизы, фризы и огромный свод
Сплошь в золотой чеканке и резьбе.
Ни Вавилон, ни пышный Алкаир,
С величьем их и мотовством, когда
Ассирия с Египтом, соревнуясь,
Богатства расточали; ни дворцы
Властителей, ни храмы их богов —
Сераписа и Бела,— не могли
И подступиться к роскоши такой.
Вот стройная громада, вознесясь,
Намеченной достигла вышины
И замерла. Широкие врата,
Две бронзовые створки распахнув,
Открыли взорам внутренний простор.
Созвездья лампионов, гроздья люстр,
Где горные горят смола и масло,
Посредством чар под куполом парят,

Сияя, как небесные тела.
С восторгом восхищенная толпа
Туда вторгается; одни хвалу
Провозглашают зданию, другие —
Искусству зодчего, что воздвигал
Хоромы дивные на Небесах;
Архангелы — державные князья
Там восседали, ибо Царь Царей
Возвысил их и каждому велел
В пределах иерархии своей
Блестящими чинами управлять.
Поклонников и славы не лишен
Был зодчий в Древней Греции; народ
Авзонский Мульцибером звал его;
А миф гласит, что, мол, швырнул Юпитер
Во гневе за хрустальные зубцы
Ограды, окружающей Олимп,
Его на землю. Целый летний день
Он будто бы летел, с утра до полдня
И с полдня до заката, как звезда
Падучая, и средь Эгейских вод
На остров Лемнос рухнул. Но рассказ
Не верен; много раньше Мульцибер
С мятежной ратью пал. Не помогли
Ни башни, им воздвигнутые в небе,
Ни знанья, ни искусство. Зодчий сам
С умельцами своими заодно
Вниз головами сброшены Творцом
Отстраивать Геенну.
Той порой
Крылатые глашатаи, блюдя
Приказ Вождя и церемониал
Торжественный, под зычный гром фанфар
Вещают, что немедленный совет
Собраться в Пандемониуме должен,—
Блистательной столице Сатаны
И Аггелов его. На громкий зов
Достойнейших бойцов отряды шлют
По рангу и заслугам; те спешат
В сопровождении несметных толп,
Теснящихся у входов, наводнивших
Все портики,— сугубо главный зал
(Ристалищу подобный, где с броней
Тяжелой свыкшиеся ездоки,

Гарцуя пред султанским троном, цвет
Языческого рыцарства на бой
Смертельный вызывали горделиво
Иль предлагали копья преломить),—
Здесь, на земле и в воздухе, кишат,
Свища крылами, Духи; так, весной,
Когда вступает солнце в знак Тельца,
Из улья высыпают сотни пчел,
Вперед-назад снуют среди цветов
Росистых иль, сгрудившись у летка,
Что в их соломенную крепостцу
Ведет, на гладкой подставной доске,
Бальзамом свежим пахнущей, рядят
О важных государственных делах,—
Так, сходственно, эфирные полки
Роятся тучами. Но дан сигнал,—
О, чудо! — Исполины, далеко
Превосходившие любых гигантов
Земнорожденных, вмиг превращены
В ничтожных карликов; им нет числа,
Но могут разместиться в небольшом
Пространстве, как пигмеи, что живут
За гребнем гор Индийских, или те
Малютки-эльфы, что в полночный час
На берегах ручьев и на лесных
Опушках пляшут; поздний пешеход
Их видит въявь, а может быть, в бреду,
Когда над ним царит Луна, к земле
Снижая бледный лёт,— они ж, резвясь,
Кружатся, очаровывая слух
Веселой музыкой, и сердце в нем
От страха и восторга замирает.
Так уменьшились Духи, и чертог
Вмещает неисчетные рои
Просторно. Сохранив свой прежний рост,
На золотых престолах, в глубине,
Расселись тысячи полубогов —
Главнейших Серафических князей,
В конклаве тайном. После тишины
Недолгой был ко всем провозглашен
Призыв: Совет великий начался!

СОДЕРЖАНИЕ

Начинается совещание. Сатана вопрошает: не следует ли отважиться на новую битву для обретения утраченного Неба? Одни — за войну, другие — против. Принимается третье предложение, высказанное ранее Сатаной: убедиться в истинности пророчества или предания Небесного касательно некоего мира и нового рода существ, сходных с Ангелами или мало чем уступающих им; этот мир и существа должны быть сотворены к этому времени. Собрание в недоумении: кого послать в столь трудную разведку? Сатана, как верховный Вождь, решает предпринять сам и в одиночку рискованное странствие. Ему возглашают славу и рукоплещут. После завершения Совета все расходятся в разные стороны, к различным занятиям, сообразно наклонностям каждого, дабы скоротать время до возвращения Сатаны. Последний пускается в путь и достигает врат Геенны, обнаруживает, что они замкнуты и охраняемы. Стражи врат отворяют их по его велению. Пред ним простирается необъятная пучина меж Адом и Небесами; с великими трудами он преодолевает ее. Хаос, древний владыка этой пучины, указывает Сатане путь к желанному новосозданному миру. Наконец странник завидел вновь сотворенный мир.

На царском троне, затмевавшем блеск
Сокровищниц Индийских и Ормузских
И расточительных восточных стран,
Что осыпали варварских владык
Алмазами и перлами, сидел
Всех выше — Сатана; он вознесен

На пагубную эту высоту
Заслугами своими; вновь обрел
Величие, воспрянув из глубин
Отчаянья; но ненасытный Дух,
Достигнутым гнушаясь, жаждет вновь
Сразиться с Небом; опыт позабыв
Печальный, дерзновенные мечты
Так возвещает: «— Божества Небес!
О, Власти и Господства! Ни одна
Тюрьма не может мощь навек замкнуть
Бессмертную! Пусть мы побеждены,
Низвергнуты, и все же Небеса
Утраченными почитать не должно,
И силы вековечные, восстав
Из этой бездны, явятся вдвойне
Увенчанными славой и грозней,
Чем до паденья, твердость обретут,
Повторного разгрома не страшась.
По праву и закону Высших Сфер
Главенствуя, всеобщим утвержден
Избраньем, я отличьями в боях
И совещаньях трон мой заслужил.
Он бедствиями закреплен за мной,
Дарованный мне вами добровольно,
И незавидный. В Небе — высший ранг
С почетом высшим сопряжен; питать
К нему возможно зависть; но Вождю,
Чье старшинство служить ему велит
Щитом для вас и ставит в первый ряд
Противу Громовержца, наградив
Наигорчайшей долей вечных мук,
Кто позавидует? Где выгод нет
Желанных, там отсутствует раздор.
Никто не жаждет первенства в Аду,
Никто свои страданья не сочтет
Столь малыми, чтоб добиваться бо́льших
Из честолюбья; потому союз
Теснее наш, согласие прочней,
Надежней верность, чем на Небесах.
При этом перевесе мы вернем
Наследье наше. Именно в беде
Рассчитывать мы вправе на успех,
Нас в счастье обманувший. Но какой
Избрать нам путь? Открытую войну

Иль тайную? Вот основной вопрос.
Обдумавший ответ — пусть говорит!»

Едва он смолк, державный царь Молох
Поднялся; изо всех бунтовщиков
Сильнейший и свирепейший, сугубо
Взбешенный пораженьем. Он себя
Мнил силой богоравной и скорей
Согласен был бы не существовать,
Чем стать слабей. Надежду потеряв
На равенство, утратил с нею страх,
Геенну и Предвечного презрел
И нечто — хуже Ада, так воззвал:
«— Стою за бой открытый! Не хвалюсь
Коварством. Козни строить не мастак.
Вольно хитрить, когда охота есть
И время. Не до хитрецов сейчас;
Они, рассевшись, будут сеть плести
Уловок, а несметные ряды
Воинственных изгнанников Небес
Неужто прозябать обречены
В ярме постыдном, в вечной тьме тюрьмы
Тирана, царствующего затем,
Что мы бездействуем? Нет! Ополчась
Огнями Ада, яростью борьбы,
Неодолимо все проложим путь
К высоким башням Неба; обратим
В оружье грозное снаряды пыток:
Пусть на Его всесильный гром в ответ
Гремит Геенна! Против молний мы
На Ангелов Его извергнем смрад
И черный пламень с той же силой; Божий
Престол зальем чудовищным огнем
И серой Пекла — тем, что Он для нас
Назначил. Но, быть может, смелый план
Вам не в подъем и даже мысль страшна
О взлете на такую крутизну
И штурме неприступных вражьих стен?
Но осознайте, ежели прошло
Оцепененье от снотворных вод,
Испитых вами в озере забвенья,
Что наша суть природная, состав
Эфирный нас влечет в родную высь.
Паденье Ангельскому естеству

Несвойственно. Когда жестокий Враг
Висел над арьергардом наших войск
Разбитых и, глумясь, в пучину гнал,—
Кто не восчувствовал: как тяжело,
Как трудно опускали нас крыла
В провалы Хаоса; зато взлетим
Свободно. Вы боитесь? Если гнев
Могучего Противника опять
Мы вызовем и Он, ожесточась,
Измыслит средства, гибельней стократ,
Чтоб нас добить,— чего страшиться здесь,
В Геенне огненной? Что может быть
Прискорбней, чем, утратив благодать,
Терпеть мученья, в бездне пресмыкаться,
Где негасимый пламень вечно жжет
Рабов безжалостного Палача,
Склоняющих угодливо хребты
Под пыткой, под карающим бичом?
А если Он замучит нас вконец,
Мы уничтожимся, исчезнем вовсе.
Чего тогда бояться? Почему
Мы жмемся и Тирана разъярить
Колеблемся? Свирепо нашу плоть
Эфирную Он обратит в ничто;
Но разве, перестав существовать,
Мы счастливей не будем? Разве впрок
Бессмертье истязуемым рабам?
Но если Ангельское бытие
Пресечь нельзя и наше естество
Божественно воистину, тогда
И в худшем случае для страха нет
Основы. Прежний опыт подтвердил,
Что Небо мы способны сотрясти,
Вторгаясь непрерывно, и Престол,
Хотя и неприступный, и самой
Судьбою предназначенный Царю
Небесному, тревожить. Пусть победа
Немыслима, зато возможна месть!»

Он кончил, сдвинув брови; жгучий взор
Взывал к отплате, к битве, что богам
Одним под силу. Тут, насупротив,
Поднялся Велиал; он кротким был
И человечным внешне; изо всех

Прекраснейшим, которых Небеса
Утратили, и с виду, сотворен
Для высшей славы и достойных дел,
Но лжив и пуст, хоть речь его сладка,
Подобно манне; ловкий словоблудец
За правду выдать мог любую ложь,
Мог исказить любой совет благой,
Столь мысли низменны его. Во зле
Искусный, он ленив и празден был
В деяньях чести, но, умея слух
Пленять, красноречиво молвил так:

« — О, Духи! Я стоял бы за войну
Открытую, и ненависть моя
Не меньше вашей. Но призыв к борьбе
Немедленной меня разубедил
Особенно, надежду на успех
Сомнением зловещим омрачив.
Возможно ли? Храбрец из храбрецов,
Испытаннейший в битвах паладин,
Совету собственному и мечу
Не доверяя, мужество свое
Исчезновеньем хочет утвердить,
Небытием, отчаяньем; достичь
Ничтожества, жестоко отомстив!
Но о какой здесь мести речь идет?
Небесные твердыни — под охраной
Вооруженной стражи; их не взять.
Отряды часто разбивают стан
У края Бездны; с этих рубежей
Дозорные летят на темных крыльях
В просторы царства Ночи, не страшась
Возможных стычек с нами. Если мы,
Пробив дорогу силой, за собой
Весь Тартар увлечем, чтоб свет Небес
Затмить, Великий Враг наш сохранит
Престол и впредь незыблемым; эфир
Пречистый омрачить нельзя ничем;
Он без труда развеет пламя Ада.
Недолгим будет наше торжество!
Побеждены повторно, мы впадем
В бессильное отчаянье,— предел
Надежды нашей; вынудим Царя
Победоносного излить сполна

Свой гнев и вовсе уничтожить нас.
И в том спасенье? Скорбное, увы!
Кто согласился бы средь горших мук,
Терпя стократ несноснейшую боль,
Мышление утратить, променять
Сознание, способное постичь,
Измерить вечность,— на небытие;
Не двигаться, не чувствовать, уйти
В несозданную Ночь и сгинуть в ней,
В ее безмерном чреве? Если ж лучше
Исчезнуть нам — кто вправе утверждать:
Посильно и желанно ли Врагу
Покончить с нами раз и навсегда?
Сомнительно, чтоб Духов истребить
Он в силах был, но уж наверняка
Того не возжелает! Неужели
Всезрящий стрелы гнева истощит
Мгновенно, по беспечности своей
И слабости, несдержанно вспылив,
На пользу нам поступит невзначай,
И жертвы, предназначенные Им
Для вечной кары, уничтожит сразу?
«Чего мы ждем? — сторонники войны
Взывают.— Мы обречены на казнь
Бессрочную; проступок новый наш
Ее не усугубит; пыток нет
Жесточе!» — но спокойно мы сидим
И, при оружье, держим наш совет;
Но это ль наихудшая беда?
Когда, преследуемые Врагом
Ожесточенным, падали в провал
Стремглав под сокрушительной грозой
Разящих молний, жалостно моля
Спасения у бездны и в Аду
Ища убежища; когда в цепях,
На серном озере, стенали мы,
Не хуже ль было? Если дуновенье,
Что эти горны страшные зажгло,
В семь раз мощней раздует, распалит
Для нас предуготованный огонь,
И притаившееся в вышине
Возмездье длань багровую опять
Вооружит, чтоб пуще нас терзать,
И хляби ярости Господней вновь

Отверзятся, и хлынет пламепад
С Геенских сводов,— жгучий, жидкий жупел,
Обрушиться готовый каждый миг
На наши головы,— и что тогда?
Пока мы рассуждаем о войне
Победной, нас внезапный ураган
Огнепалящий может разметать
По скалам и к уступам пригвоздить
На поношенье вихрям или вдруг
Закованных, беспомощных швырнуть
На дно клокочущего моря; там
Терзаться будем мы обречены
Без меры, без надежды на пощаду,
На милость,— неисчетные века.
Тогда нам будет злее, чем теперь!
Вот почему противлюсь я равно
Открытой ли войне, иль потайной.
Ни хитростью, ни силой — с Ним ничем
Не совладать. Кто может обмануть
Всевидящее Око? И сейчас
Он, с высоты, провидит нас насквозь,
Над жалкими стремленьями смеясь,
Настолько всемогущий, чтоб разбить
Противников, настолько же премудрый,
Чтоб замыслы развеять хитрецов.
Неужто, Дети Неба, мы навек
Унижены и попраны? Ужель
Мы изгнаны, обречены в Аду
В цепях бессрочно маяться? Увы,
По-моему, разумней нам сносить
Страданья нынешние, чем навлечь
Намного худшие. Неодолим
Нас тяготящий, горестный удел.
Так неизбежный Рок определил
И воля Одержавшего победу.
В страданьях и деяньях нам дана
Одна и та же мера; прав закон,
Сие установивший. Были б мы
Благоразумней, загодя обмыслив
Сомнительный исход борьбы с таким
Противником. Смешон мне удалец,
Пред боем — дерзкий, но, едва лишь меч
Ему изменит в битве роковой,—
Трепещущий последствий. Пытки, плен,

Позор, изгнанье — все его страшит,
Что Победитель бы ни присудил.
Но это — наша доля; претерпеть
Ее повинны мы. Быть может, гнев
Противника высокого пройдет
Со временем; мы так удалены,
Что ежели Его не раздражить,
Оставит нас в покое, обойдясь
Теперешним возмездьем; жгучий жар,
Не раздуваемый Его дыханьем,
Пожалуй, ослабеет; наш состав
Эфирно-чистый переборет смрад
Тлетворный, или, с ним освоясь, мы
Зловония не будем ощущать.
Мы можем измениться, наконец,
Так приспособиться, что здешний жар
Для нас безвредным станет и легко
Переносимым, без малейших мук.
Минует ужас нынешний, и тьма
Когда-нибудь рассеется! Никто
Не ведает: какие судьбы нам,
Какие перемены и надежды
Течение грядущих дней сулит.
Прискорбна участь наша, но еще
Не самая печальная; почесть
Ее счастливой можно, и она
Не станет горше, если на себя
Мы сами злейших бед не навлечем!»

Так, якобы разумно, Велиал
Не мир — трусливый предлагал застой,
Постыдное бездействие. Маммон
За ним взял слово: «— Если мы решим
Начать войну,— позволено спросить:
С каким расчетом? Низложить Царя
Небес иль воротить свои права?
Успех возможен, лишь когда Судьбой
Извечной будет править шаткий Случай,
А Хаос — их великий спор судить.
На низложенье — тщетно уповать,
А посему и возвращенье прав
Недостижимо. Так чего же мы
Достигнем в Небесах, не обретя
Победы? Предположим, Царь Небес,

Смягчась, помилованье даровав,
Заставит нас вторично присягнуть
Ему в покорстве,— как же мы стоять
Уничиженно будем перед Ним
И прославлять Закон Его и Трон,
Его Божественности петь хвалы,
Притворно аллилуить, подчинясь
Насилию, завистливо смотреть,
Как властно восседает наш Монарх
На Троне и душистые цветы
С амброзией пред Алтарем Его
Благоухают,— наши подношенья
Холопские! И в этом — наша часть
На Небе и блаженство: вечный срок
Владыке ненавистному служить.
Нет худшей доли! Так зачем желать
Того, чего нам силой — не достичь,
А как подачку — сами не возьмем?
Зачем позолочённой кабалы
Нам добиваться — даже в Небесах?
В себе поищем блага. Станем жить
По-своему и для самих себя,
Привольно, независимо,— пускай
В глубинах Преисподней. Никому
Отчета не давая, предпочтем
Свободы бремя — легкому ярму
Прикрашенного раболепства. Здесь
Воистину возвысимся, творя
Великое из малого. Мы вред
На пользу обернем; из бед и зол
Составим счастье. Муки отстрадав,
Преодолеем кару, и в Аду,
При помощи терпенья и труда,
К покою, к благоденствию придем.
Страшит вас этот мрачный, мглистый мир?
Но часто окружает Свой Престол
Всевышний Царь клубами облаков
Густых и сумрачных, не умаляя
Монаршей славы, но величьем тьмы
Ее венчая, и тогда гремят
В угрюмых тучах громы, испытуя
Свое остервененье, Небеса
Геенне уподобив. Разве мы
Не можем перенять небесный свет,

Как Победитель — наш Геенский мрак?
Сокровищ вдоволь здешняя юдоль,—
И золота, и дорогих камней,—
Таит в себе; достанет и у нас
Уменья претворить их в чудеса
Великолепия; на больший блеск
И Небо не способно. Между тем
Страданье стихией нашей станет,
А ныне жгущий, нестерпимый зной —
Приятным; обратится наш состав
В его состав; мы, с болью породнясь,
Ее не будем вовсе ощущать.
Итак, все доводы — за мир, за прочный
Правопорядок. Должно обсудить,
Как нам спастись от настоящих бед,
Но сообразно с тем: кто мы теперь,
И где находимся, оставив мысль
О мести, о войне. Вот мой совет!»
По сборищу, едва Маммон умолк,
Пронесся ропот, словно из пещер
В утесах вырвался плененный гул
Порывов шторма, что вздымал всю ночь
Морскую глубь и лишь к зачину дня
Охриплым посвистом навеял сон
Матросам истомленным, чей баркас
В скалистой бухте после бури стал
На якорь. Так собранье зашумело,
Рукоплеща Маммону. Всем пришлось
По нраву предложенье мир хранить.
Геенны горше демонов страшил
Второй, подобный первому, поход.
Меч Михаила и Небесный гром
Внушали ужас. Духов привлекло
Одно желанье: основать в Аду
Империю, которая с веками,
При мудром управленье и труде,
Могла бы Небесам противостать.
Постигнув эти мысли, Вельзевул,
Главнейший рангом после Сатаны,
Вознесся властно, взором зал обвел;
Казалось, поднялся опорный столп
Державы Адской; на его челе,
О благе общем запечатлены
Заботы; строгие черты лица

Являли мудрость княжескую; он
И падший — был велик. Его плеча
Атланта бремена обширных царств
Могли б снести. Он взглядом повелел
Собранью замолчать и начал речь
Средь полной тишины, ненарушимой,
Как ночь, как воздух в знойный, летний день.

«— Престолы, Власти, воинство Небес,
Сыны эфира! Или мы должны
Лишиться наших званий и наречь
Себя Князьями Ада? Видно, так.
Вы все за то, чтобы в Аду осесть
И государство мощное создать,—
В мечтах, конечно, ибо Царь Небес
Узилище нам уготовал в бездне,
А не приют, куда не досягнет
Его рука, где неподвластны мы
Небесному Верховному суду,
Где против Трона горнего ковать
Крамолу сможем вновь; наоборот!
Он в ссылку нас отправил, чтоб в ярме
Томить неотвратимом, в кандалах,
На каторге бессрочной, как рабов.
Поверьте: наверху или внизу,
Он — первый и последний Государь,
Единый Самодержец; наш мятеж
Его владений не приуменьшил,
Напротив — Ад прибавил. Будет впредь
Он здесь железным нас пасти жезлом,
Как прежде пас на Небе — золотым.
О мире и войне — к чему наш спор?
Однажды мы, решившись на войну,
Все потеряли. Мира не просил
Никто, да и никто не предлагал.
Какого мира вправе ждать рабы
Плененные? Оковы, да тюрьма,
Да кары произвольные. А мы
Что в силах предложить? Одну вражду,
И ненависть, и яростный отпор,
И месть, хоть медленную, но зато
Неутомимо ищущую средств
Убавить Триумфатору плоды
Его побед и радость отравить

От созерцанья наших мук. Найдем
Возможностей немало для борьбы
Помимо новой, гибельной войны
И штурма неприятельских валов,
Которым ни осада не страшна,
Ни приступы, ни адовы набеги.
Нельзя ли что полегче предпринять?
Есть место некое (когда молва,
Издревле сущая на Небесах,
Неложно прорицает), мир другой,
Счастливое жилище существа,
Прозваньем — Человек; он должен быть,
Примерно, в это время сотворен
И сходен с нами, хоть не столь могущ
И совершенен; и превыше всех
Созданий Тем, кто правит в Эмпирее,
Возлюблен. Так Господь провозгласил
В кругу богов, обетом подтвердив
И клятвою, потрясшей Небеса.
Туда направим помыслы; узнаем,
Что это за творенья, из какой
Субстанции и чем одарены,
В чем сила их и слабость, как верней
Их совратить, употребив обман
Иль принужденье. Путь на Небеса
Нам преграждён; Властитель там царит,
Уверенный в могуществе своем
Незыблемом. Быть может, новый мир
Находится на крайнем рубеже
Владений царских и его охрана
Поручена насельникам самим.
Здесь, может быть, удастся учинить
Нам кое-что: огнем пекельным сжечь
Мир новозданный или завладеть
Им нераздельно, жителей изгнав
Бессильных, как с Небес изгнали нас.
А если не изгоним,— привлечем
На нашу сторону; тогда их Бог
Врагом их станет; гневною рукой,
В раскаянье, свои же истребит
Созданья. Мы простое превзойдем
Отмщение, блаженство умалив,
Которое испытывает Он
От бедствий наших и к тому еще

Возрадуемся от Его смущенья,
Когда увидит Он любимых чад,
Стремглав летящих в Ад, чтоб разделить
Мученья наши, и клянущих день
Рожденья своего, в слезах, в тоске
О кратком счастье, сгинувшем навек.
Подумайте: не стоит ли дерзнуть
Попыткой, нежели коснеть во тьме
И призрачные царства учреждать!»
Так Вельзевул свой дьявольский совет
Отстаивал, предложенный вчерне
В начале совещанья Сатаной.
Но кто ж иной, как зачинатель Зла,
Столь темные дела измыслить мог:
В зачатке погубить весь род людской,
Смешать и Ад и Землю воедино
И славу Вседержителя попрать?
Но прославленью вящему Творца
Их заговор коварный послужил.

Собор Геенский воодушевлен
Отважным предложением; в глазах
Блеснула радость. Голосуют все
За дерзкий этот план, и Вельзевул,
При общем одобренье, продолжал:
«— Синод богов! Судили мудро вы
И мудро завершили долгий спор,
Под стать величью вашему, приняв
Решение великое; оно,
Судьбе наперекор, подымет нас
Из бездны адской ближе к вышине
Былой, и нам удастся, может быть,
К пределам лучезарным вознесясь,
Ворваться в Небо, с помощью оружья
Союзного, не то — сыскать приют
В благоприятной области иной,
Где свет небес прекрасный озарять
Нас ежедневно станет, где восток
Сияющий рассеет мрачность эту,
И благовонный воздух, как бальзам
Живительный, ожоги исцелит
От едкого огня. Кого же мы
Пошлем разведать новозданный мир?
Кто с этим справится? Какой смельчак

Стопой скитальческой измерит бездну
Неизмеримую, отыщет путь
В пространстве, без начала и конца,
В тьме осязаемой? Кого из нас
Над пропастью вселенской удержать
Возмогут неустанные крыла,
И взмах за взмахом, продолжая лёт,
В счастливый край гонца перенесут?
Какая опытность, какая мощь
Ему потребны? Как минует он
Густую сеть отрядов и застав
Охраны Ангельской вокруг Небес?
Здесь надо осторожность проявить
Особую; не меньшую — и нам,
При выборе посланца; ведь ему
Вверяем нашу общую судьбу
С последнею надеждой заодно».
Он, кончив, сел; пытливый взгляд вперил
В собрание: оспорят смелый план,
Одобрят ли? Отважится ли кто
На дерзкую попытку? Все молчат,
Обдумывая, взвешивают риск,
И с удивленьем каждый на лице
Другого тот же видит страх, что сам
Испытывает. Не нашлось героя,
Средь первых удальцов Небесных битв,
Который вызвался бы этот путь
Ужасный в одиночку одолеть.
Тут Сатана, венчанный в этот миг
Неоспоримой славой выше всех,
В сознанье превосходства своего
И с царственным величьем произнес:

«— Престолы эмпирейские, Сыны
Небес! По праву приутихли мы;
Не страх, но опасенье нас гнетет
По праву. Долог путь, безмерно тяжек,
От Преисподней к свету. Нерушим
Застенок наш; огнепалящий свод,
Готовый жадно каждого пожрать,
Девятикратно окружает нас.
Врата из адаманта наверху
Надежно замкнуты, раскалены,
И всякий выход ими прегражден.

Тому, кто миновал бы их, грозит
Ночь невещественная, пустота
Зияющая; бездна, где смельчак,
Решившийся пучину пересечь,
Исчезнуть вовсе может, без следа.
А если в некий мир он прилетит
Сохранно, в чуждый край,— что ждет его?
Опасности, которые нельзя
Предвидеть, коих трудно избежать.
Но этого престола, о, Князья,
Достоин бы я не был, царский сан,
Что с властью и величьем сопряжен,
Не по заслугам бы стяжал, когда
Преграды и опасности меня
Могли бы от попытки удержать
Исполнить нечто, признанное здесь,
Для блага общего, необходимым.
Приняв престол монарший и права,
Неужто я, от сопричастных им
Опасностей и славы откажусь?
И то и это надлежит равно
Властителю; чем выше он стоит,
Тем больший воздают ему почет,
Тем чаще испытанья, тем сложней
Задачи, предстоящие Вождю.
Вы, Силы мощные, гроза Небес,
Хоть вы низвергнуты, займитесь домом.
Ведь здесь — ваш дом на время. Вы должны
Умерить злополучье, сделать Ад
Отчасти выносимым, если есть
Такое средство или волшебство,
Способное ослабить, облегчить
Невзгоды Преисподней; за Врагом
Бессонным надо зорко наблюдать.
А я пущусь в полет, за берега
Бесформенного мрака, чтобы всех
Освободить. Попытку предприму
Один; опасный этот шаг никто
Со мною не разделит!» Кончив речь,
Монарх поднялся, наложив запрет
На возраженья. Мудро он судил,
Что, ободренные его примером,
Другие полководцы захотят
Участвовать (предусмотрев отказ)

«Потерянный Рай»

В том, что недавно так страшило их,
И с помощью отваги показной,
Возвысившись в глазах собранья, стать
Его соперниками; без труда
Честь раздобыть, которую ценой
Геройских дел он должен обрести.
Но голос повелительный Вождя
Не меньше предприятья самого
Внушает ужас. Шумно все встают,
Последуя Владыке; словно гром
Раскатисто вдали пророкотал.
Почтительно склонясь пред Сатаной,
В нем Бога величают, приравняв
Царю Небес; благодарят за то,
Что он собою жертвовать готов
Для блага общего. Не до конца
Заглохли добродетели у Духов
Отверженных, к стыду людей дурных,
Кичащихся прекрасными на вид
Поступками, внушенными гордыней,
И под личиной рвения к добру,—
Тщеславной суетностью. После всех
Сомнений, совещаться перестав,
Провозглашают славу Духи тьмы
Властителю единственному. Так,
Лишь только ветер северный уснет,
Клубясь, густые тучи с гребней гор
Ползут, замглив приветный небосклон.
Угрюмая стихия сыплет снег
На землю смутную, дожди струит,
Но солнце, ввечеру, лучом прощальным
Сквозь тучи улыбнется, и поля
Внезапно воскресают; стаи птах
Щебечут; блеют весело гурты,
Холмы и долы оглашая вновь.
О, срам людской! Согласие царит
Меж бесов прóклятых, но человек,—
Сознаньем обладающая тварь,—
Чинит раздор с подобными себе;
Хотя на милосердие Небес
Надеяться он вправе и завет
Господний знает: вечный мир хранить,—
Живет он в ненависти и вражде.
Опустошают Землю племена

Безжалостными войнами, неся
Друг другу истребленье, будто нет
(Что, собственно, сплотить бы всех должно)
У них врагов Геенских, день и ночь
Готовящих погибель для людей.

Собор Стигийский завершен. В порядке
Расходится блистательная знать
Бесовская; меж ними — Властелин
Их наивысший, излучая мощь,
Надменно шествует; казалось, он
Способен сам противостать Творцу,
Один, как самодержца грозный сан
В Аду ни с кем не делит, окружив,
Из подражанья Богу, выход свой
Великолепьем царским и кольцом
Горящих Серафимов, при оружье
И с множеством хоругвей. Дан приказ
Немедля объявить, под гром фанфар,
О принятом решенье и конце
Совета. Приложив металл к устам,
На все четыре стороны трубят
Четыре Херувима; вторят им
Герольдов голоса, и далеко,
По всем провалам бездны, эта весть
Разносится; несметные войска
Восторженно приветствуют ее.
Затем, уже спокойней, ободрясь
Надеждой ложной, Адские полки
Неспешно расстаются; их пути
Различны: каждый следует, куда
Наклонности влекут и грустный выбор,
Где мнит найти покой от хмурых дум
И тягостное время скоротать
До возвращенья Сатаны. Одни
Среди равнин, другие в вышине,
Летают, соревнуясь меж собой,
И в беге спорят, как во времена
Пифийских игр и Олимпийских. Здесь
Увлечены ристаньем колесниц,
Там укрощают огненных коней,
А тут — в шеренги строятся опять,
На небосклоне так порой встают
Видения: две рати в облаках,

Вещая войны гордым городам,
Сражаются. В побоище сперва
Вступают, с копьями наперевес,
Наездники воздушные; потом,
Перемешавшись в рукопашной схватке,
Когорты рубятся; вся твердь в огне
От ярого сверкания клинков.
Иные Духи, как Тифон, взъярясь,
Раскалывают горы, скалы в прах
Крушат и мчатся, вихри оседлав;
И Аду тяжко дикую гоньбу
Снести. Так, победительный Алкид
Эхалию покинул и покров
Отравленный на тело возложил;
Несносную испытывая боль,
Он сосны Фессалийские, в пылу
Неистовства, с корнями вырывал
И в море, в глубину Эвбейских вод,
С вершины Эты, Лихаса швырнул.
Иные, кротче нравом, обрели
Приют в затишном доле; там поют
Распевом Ангельским, под звуки арф,
О подвигах былых, о той беде,
Что их постигла, и клянут судьбу,
Поработившую свободный дух
Случайностью и силою. Хотя
Пристрастны песни эти, но такой
Гармонией пленительной полны
(Но разве может по-другому хор
Бессмертных петь?), что даже Ад умолк
И слушателям не мешал внимать
Восторженным. Другие, в стороне,
Облюбовали для беседы холм
(Умам — витийство, музыка — сердцам
Отрадны), там раздумьям предались,
Высоким помыслам: о Провиденье,
Прови́денье, о воле и судьбе —
Судьбе предустановленной и воле
Свободной, наконец,— о безусловном
Прови́денье, плутая на путях
К разгадке; обсуждению они
Подвергли всестороннему: добро,
И зло, блаженство счастья и страданье
Конечное, бесстрастие и страсть,

Позор и славу,— праздных дум тщета
И мудрость ложная! — но так могли
Тоску и страх заклясть на краткий час
Волшебным красноречьем, пробудить
Напрасные надежды и сердца
Тройной броней терпения облечь.
Еще другие, крупными сойдясь
Отрядами, отважились разведать
Зловещий этот мир, дабы найти
Убежище помягче, и летят
Вдоль русел четырех Аидских рек,
Что в озеро пекучее несут
Погибельные струи: Стикс — река
Вражды смертельной; скорбный Ахерон,
Глубокий, черный; далее — Коцит,
Наименованный за горький плач,
Не молкнущий у покаянных вод
Его унылых; наконец, поток
Неистово кипящего огня,—
Свирепый Флегетон. Вдали от них
Беззвучно и медлительно скользит
Река забвенья Лета, развернув
Свой влажный лабиринт. Кто изопьет
Ее воды — забудет, кем он был
И кто он есть; забудет скорби все,
Страданья, радости и наслажденья.
За Летой простирается страна
Морозов лютых,— дикий, мглистый край,
Терзаемый бичами вечных бурь
И вихрей градоносных; этот град,
Не тая, собирается в холмы
Огромные,— подобия руин
Каких-то древних зданий. Толща льда
И снега здесь бездонна, словно топь
Сербонская, меж Касием-горой
И Дамиатой, где уже не раз
Тонули армии, а воздух здесь
Пронизывает стужей до костей
И словно пламя жжет. В урочный срок
Когтями гарпий Фурии влекут
Приговоренных грешников сюда.
Виновные испытывают боль
Стократ сильней от резких перемен:
Из пламени бросают их на льды,

Чтоб выстудить эфирное тепло;
И долго так лежат они, застыв,
Мучительно-недвижные, пока
Окоченеют; и в огонь опять
Несчастных возвращают. Взад-вперед
Над Летой перебрасывают их,
Удвоив пытку тщетной маетой,
Стремлением — хоть каплю зачерпнуть
Желанной влаги, что могла бы дать
Забвенье Адских мук. Они к воде
Припасть готовы, но преградой — Рок;
Ужасная Медуза, из Горгон —
Опаснейшая, охраняет брод;
Сама струя от смертных уст бежит,
Как некогда от жадных губ Тантала.
Отважные отряды смущены,
Растерянны; от страха побледнев,
С глазами остеклелыми, бредут
Напропалую, осознав теперь
Впервые безнадежный свой удел;
Им не нашлось убежища нигде.
Не мало мрачных, вымерших долин
Они прошли, не мало скорбных стран
Угрюмых миновать им довелось,
И огненных и ледовитых гор,
Теснин, утесов, топей и болот,
Озер, пещер, ущелий,— и на всем
Тень смерти; целый мир, где только смерть
Владычествует, созданный Творцом
В проклятие, пригодный лишь для Зла;
Где живо мертвое, мертво живое,
Где чудищ отвратительных родит
Природа искаженная,— одних
Уродов мерзких; даже страх людской
Таких не мог измыслить; в сказках нет
Подобной жуткой нежити: Химер
Убийственных, Горгон и гнусных Гидр.

Тем часом быстрокрылый Сатана,
Враг Бога и людей, отважный план
Осуществляя, направлял к вратам
Геенны одинокий свой полет.
Порою влево он летел, порой —
Направо; то крылами мерил глубь

Провала, то взмывал под самый свод
Палящий. Так, сдается, что вдали,
Над морем, в тучах, корабли парят,
Когда их равноденственный муссон
Уносит от Бенгальских берегов
Иль островов Терната и Тидора,
Откуда пряности везут купцы
И, море Эфиопское пройдя,
На Кап кормила держат; Южный Крест
Им правильный указывает путь.
Так выглядел парящий Архивраг
Издалека. Он, под конец, достиг
Предела свода страшного; пред ним
Граница Ада; накрепко ее
Хранят девятистворные Врата:
Три створа из железа, три — из меди,
И три — из адаманта. Впереди,
По обе стороны,— два существа,
Два чудища огромные; одно —
До пояса — прекрасная жена,
От пояса же книзу — как змея,
Чье жало точит смертоносный яд;
Извивы омерзительных колец,
Громадных, грузных,— в скользкой
чешуе.
Вкруг чресел скачет свора адских псов;
Их пасти Церберские широко
Разинуты; невыносимый лай
Терзает слух. Но если псов спугнуть,
Они в утробу чудища ползут
И, в чреве скрывшись, продолжают выть,
И лаять, и пронзительно визжать.
Не столь ужасные терзали Сциллу,
Купающуюся в морских волнах,
Меж Калабрийских берегов и скал
Тринакрии рычащих, и не столь
Свирепа свита, мчащаяся вслед
Ночной колдунье, что, почу́я зов
Таинственный, по воздуху летит
На запах крови детской, в хоровод
Лапландских ведьм, принудивших луну
Усталую померкнуть силой чар.
Второе существо,— когда назвать
Возможно так бесформенное нечто,

Тенеподобный призрак; ни лица,
Ни членов у него не различить;
Он глубочайшей ночи был черней,
Как десять фурий злобен, словно Ад,
Неумолим и мощно потрясал
Огромным, устрашающим копьем;
То, что ему служило головой,
Украшено подобием венца
Монаршего. Навстречу Сатане,
Что той порою ближе подошел,
Вскочив мгновенно, грозные шаги
Направил призрак с той же быстротой;
Ад содрогается под гнетом стоп
Тяжелых; но, виденье разгадать
Желая, изумленный Архивраг
Чудовище бесстрашно созерцал;
Пред Богом он и Сыном лишь склонялся,
Созданий сотворенных не боясь.
На яростного демона взглянув
Презрительно, он первым начал речь:
«— Кто ты, проклятый призрак, и откуда?
Зловещий, темный,— как ты смеешь мне
Обличием уродским преграждать
К вратам дорогу? Я сквозь них пройду,
Не спрашивая дозволенья. Прочь!
Иначе ты заплатишь за твое
Безумие, на опыте узнав,
Исчадье Ада,— как вступать в борьбу
С Небесным Духом!» Демон закричал
В ответ: «— Предатель — Ангел! Это ты
На Небе мир и верность преступил,
Досель ненарушимые; увлек
Своей гордыней Сил Небесных треть
К восстанью против Бога, и за то
И ты и совиновники навек
Осуждены в Геенне прозябать
В невыносимых муках и тоске.
И, обреченный Аду, ты дерзнул,
Себя причислив к Ангелам, хулы
В моих владеньях нагло изрыгать
И мне грозить? Узнай, что здесь —
я царь,
Твой царь и господин. Ступай туда,
Где ты обязан кару отбывать,

Презренный, беглый лжец, и трепещи,
Чтоб я не приускорил твой полет
Возвратный скорпионовым бичом,
Не причинил неведомую боль
Одним ударом этого копья
И в небывалый ужас не поверг!»
Так молвил жуткий призрак, становясь
Гнусней десятикратно и страшней
По мере возглашения угроз.
Не дрогнув, Сатана пред ним стоял,
Пылая возмущеньем; он был схож
С кометой, озарившей небосвод
Арктический, в созвездье Змееносца,
На землю стряхивающей чуму
И войны со своих зловещих косм.
Соперники стремятся поразить
Друг друга в голову, закончив бой
Одним ударом, и глядят в упор,
Кипя от ярости, подобно двум,
Тяжелой артиллерией небесной
Вооруженным, тучам, что висят,
Недвижные, над Каспием, пока
К воздушной стычке их не подстрекнет
Сигналом трубным ветер. Таковы
Гиганты мощные. Ад помрачнел
От их бровей нахмуренных. Враги
По силе и неистовству равны.
В единой схватке сходятся бойцы
Подобные, но каждому из них
Еще однажды схватка предстоит
С таким же всемогущим, но иным
Противником. Вот-вот произойдет
Событие неслыханное! Ад
Поколебался бы из края в край;
Но полуженщина, полузмея,
Что ключ от врат хранила роковой,
Рванулась между ними, возопив:
«— Зачем, отец, десницу ты занес
На собственного сына? Что за гнев
Тебя, о сын, безумно побудил
Избрать мишенью голову отца
Для дрота смертоносного? Кому
Покорствуешь? Тому, кто с вышины
Смеется над готовностью раба,

Под видом правосудья исполнять
Веления свирепости Его,
Которая погубит вас двоих!»

Чума Геенны — Призрак, воплю вняв,
Застыл, а Сатана в ответ сказал:
«— Так странен возглас твой, значенье слов
Столь непонятно, что моя рука,
Не любящая медлить, замерла;
Тебе я мог бы делом доказать
Ее могущество, но я хочу
Узнать сначала: что за существо
Ты, двойственное диво? Почему,
Впервые повстречавшаяся мне
В долине Адской, ты меня зовешь
Отцом, а эту демонскую тень
Мне в сыновья навязываешь? Я
Тебя не знаю. Не видал досель
Уродов, мерзостней обоих вас!»
Привратница Геенны возразила:
«— Ты разве позабыл меня? Кажусь
Я нынче отвратительной тебе?
А ведь прекрасной ты меня считал,
Когда в кругу сообщников твоих,—
Мятежных Серафимов,— взор померк
Внезапно твой, мучительная боль
Тебя пронзила, ты лишился чувств,
И пламенем объятое чело,
Свет излучая, слева широко
Разверзлось, и подобная отцу
Обличьем и сияньем, из главы
Твоей, блистая дивной красотой
Небесною, во всем вооруженье,
Возникла я богиней. Изумясь,
В испуге отвернулась от меня
Спервоначалу Ангельская рать
И нарекла мне имя: Грех, сочтя
Зловещим знаменьем; потом привыкли:
Я им пришлась по нраву и смогла
Прельстить враждебнейших; ты чаще всех
Заглядывался на меня, признав
Своим подобьем верным, и, горя
Желаньем страстным, втайне разделил
Со мною наслаждения любви.

Я зачала и ощутила плод
Растущий в чреве. Между тем война
На Небе вспыхнула, преобразив
Долины благодатные в поля
Побоищ. Победил Всесильный наш
Противник (разве мыслим был исход
Иной?); мы пораженье понесли
Во всем пространстве Эмпирея. Вниз,
В пучину тьмы, с Небесной вышины
Низвергли вас; я пала заодно.
Мне этот ключ вручили, приказав
Хранить сии Врата, дабы никто
Не мог отсюда выйти до поры,
Пока я их сама не отомкну.
Но, сидя на пороге, размышлять
Недолго одинокой мне пришлось:
В моей утробе оплодотворенной,
Разросшейся, почувствовала я
Мучительные корчи, боль потуг
Родильных; мерзкий плод, потомок твой,
Стремительно из чрева проложил
Кровавый путь наружу, сквозь нутро,
Меня палящей пыткой исказив
И ужасом — от пояса до пят.
А он, мое отродье, лютый враг,
Едва покинув лоно, вмиг занес
Убийственный, неотвратимый дрот.
Я прочь бежала, восклицая: Смерть!
При этом слове страшном вздрогнул Ад,
И тяжким вздохом отозвался гул
По всем пещерам и ущельям: Смерть!
Я мчалась; он — вослед (сдается мне:
Сильнее любострастьем распален,
Чем яростью); испуганную мать
Настиг, в объятья мощно заключив,
Познал насильно. Эти псы — плоды
Преступного соития. Гляди!
Страшилища вокруг меня рычат
И лают непрестанно; каждый час
Должна их зачинать я и рождать
Себе на муку вечную; они,
Голодные, в мою утробу вновь
Вползают, завывая, и грызут
Мое нутро, что пищей служит им;

Нажравшись, вырываются из чрева,
Наводят на меня безмерный страх,
Умышленно тревожа каждый миг,
И нет мне отдыха, покоя нет!
Но сын — мой враг, проклятый призрак Смерть —
Сидит напротив, подстрекая псов,
Готовый, за отсутствием другой
Добычи, мать свою — меня пожрать,
Когда б не ведал, что с моим концом
И он погибнет; горькой покажусь
На вкус; ведь стать могу я в срок любой
Убийственной отравой для него:
Так решено Судьбой. Но ты, отец,
Копья губительного берегись
И не надейся тщетно, что броня,
В эфире закаленная, тебя
Убережет. Губительный удар
Всех сокрушает, кроме Одного —
Кто властвует в Небесной вышине».

Она умолкла. Хитрый Враг, смекнув
Значенье слов ее, умерил гнев
И нежно молвил: «— Дорогая дочь,—
Поскольку ты зовешь меня отцом
И предъявляешь сына моего
Прекрасного — залог взаимных нег,
Которые с тобою в Небесах
Делили мы; печально вспоминать
О них, коль так ужасно мы с тобой
Переменились. Прибыл к вам, поверь,
Не как противник, но как лучший друг,
Чтоб вызволить из мрачной бездны бед
Обоих вас и всех союзных Духов,
Сражавшихся в защиту наших прав
И вместе с нами сброшенных с высот.
От них я послан. Жертвуя собой
Для блага общего, предпринял сам
Служенье трудное; один как перст,
Я странствую в бездонной глубине,
Чтоб отыскать среди пустых пространств
Неизмеримых — некий новый мир,
Предсказанный давно, и признак есть
Надежный, что уже он сотворен,
Обширный, круглый, благостный; преддверье

Небес, вместилище утех, приют
Каких-то новосозданных существ,
Быть может — предназначенных занять
На Небе — место наше; впрочем, Он
Их отдалил, боясь, что возрастет
Избыток населенья и опять
В Его владеньях разразится бунт.
Разведав: так ли это иль не так,
Не утаен ли замысел иной
Царем Небес? — я тотчас возвращусь,
Тебя и Смерть перенесу туда,
Где вы привольно будете порхать
Невидимые, на немых крылах,
В душистом воздухе, где пища вам
Без меры уготована, где всё
Добычей вашей станет!» — Сатана
Умолк. Чудовища восхищены
Его словами. Смерти страшный лик
Ухмылкой злой довольство оказал
Грядущим пиром и благословил
Прожорливое чрево, что теперь
Обильной снедью голод утолит;
А гнусной тени мерзостная мать,
Не менее ликуя, своему
Родителю сказала: «— Я храню
От Преисподней заповедный ключ
По праву и велению Царя
Всемощного. Он приказал вовек
Врат адамантовых не отпирать,
А против силы — наготове Смерть
С копьем, которому противостать
Не властно никакое существо.
Но разве я обязана служить
Питающему ненависть ко мне,
Тому, кто в Тартар, в беспросветный мрак
Низверг, чтоб здесь повинность я несла
Подлейшую из подлых? Дочь Небес
И Небожительница, я терпеть
Обречена страдания и страх
От собственных исчадий, что рычат,
И воют, и нутро мое грызут?
Ты — мой отец, ты — мой родитель, ты —
Жизнеподатель мой. Кому еще
Повиноваться мне? Кому должна

Последовать? Меня ты унесешь
В тот лучезарный, в тот счастливый мир,
К богам блаженствующим, где всегда,
С тобою рядом, справа от тебя,
Как дочь и как любимица твоя,
Истомой сладострастною дыша,
Царить я буду!» Замолчав, она
Ключ роковой, орудье наших зол
И бед, сняла с бедра, и скользкий хвост
Влача звериный, поползла к Вратам
Мгновенно, и решетчатый заслон
Вверх подняла, который без нее
Стигийским силам вкупе не сместить,
Ключ повернула в скважине замка,
Пружины сложные освободив,
А с ними — все болты и рычаги
Из прочного железа и базальта
Массивного; и створы, скрежеща
На вереях и петлями визжа,
Внезапно распахнулись; гром и лязг
До основанья потрясли Эреб.
Она их отомкнула, но замкнуть
Уже не властна. Ныне широко
Врата отворены; могла бы рать
Огромная, свободным, вольным строем,
Знамена боевые развернув,
С растянутыми флангами войти
В проем,— с повозками и лошадьми.
Теперь оттуда, словно из жерла
Плавильни, бил клубами черный дым
И пламя рдяное. Глазам троих,
Стоящих на пороге Адских Врат,
Предстали тайны пропасти седой:
Безвидный, необъятный океан
Тьмы самобытной, где пространства нет,
Ни ширины, длины и высоты,
Ни времени; где пращуры Природы,—
Ночь древняя и Хаос,— в шуме битв
Немолчных безначалие блюдут
Исконное, сумятицу, нелад
И существуют лишь благодаря
Отсутствию порядка. Вечный спор
Здесь четверо соперников-борцов
Заядлых: Сухость, Влажность, Холод, Жар,—

О первенстве ведут и гонят в бой
Зачатки-атомы, что под гербы
Различных кланов строятся; легко
Вооруженные и тяжело,
Проворны и медлительны, остры
И гладки, неисчетны, как пески
Бесплодных почв Кирены или Барки,
Вздымаемые стычкой вихревой,
Чтоб ветров невесомые крыла
Отяготить; и верх берет на миг
Та сторона, где атомы в числе
Чуть большем накопятся; а судья
Их распрей — Хаос, как бы ни решал,
Лишь умножает смуту, что ему
Опорой служит; правит рядом с ним
Арбитр верховный — Случай. На краю
Пучины дикой,— зыбки, а быть может —
Могилы Мирозданья, где огня
И воздуха, материков, морей,
В помине даже нет, но все они
В правеществе зачаточно кишат,
Смесившись и воюя меж собой,
Пока Творец Всевластный не велит
Им новые миры образовать;
У этой бездны осторожный Враг,
С порога Ада созерцая даль,
Обмысливал свой предстоящий путь:
Ведь не пролив же узкий переплыть
Ему придется! Нестерпимый шум
Губительный ошеломлял его,
Подобный (если малое сравнить
С большим возможно) рыку батарей
Осадных гаубиц, когда Беллона
Обширный город обращает в прах;
И если б даже рухнул небосвод
И элементы вздыбленные шар
Земной сорвали бы с его оси,
Возникший грохот не был бы сильней
Того, что слух Врага теперь терзал.
Вот наконец он, крылья распустив
Подобно корабельным парусам,
От почвы оттолкнулся и взлетел
С клубами чадными, и много лиг
Преодолел отважно, оседлав

Летучий дым; но вскорости клубы
Развеялись под ним и седока
Оставили в бескрайной пустоте.
Напрасно он размахивал вовсю
Громадными крылами; как свинец
Сорвался в пропасть, падая стремглав,
И десять тысяч фатомов успел
Отмерить он, и падал бы сейчас,
Когда бы, на беду, могучий взрыв
Из тучи, проносившейся вблизи,
Насыщенной селитрой и огнем,
Опять скитальца ввысь на много миль
Не взвил; безумный вихрь затих, и он
Погряз в трясине вязкой — ни вода,
Ни суша. Через топкий этот край
С натугой путник двигался вперед,
Где лётом, где пешком; ему годны
Весло и парус. Так пересекал
Болота, горы и пустыни Гриф,
Преследуя упорно Аримаспов,
Что золото украли у него,
Хоть россыпи он зорко сторожил.
Подобно Грифу, стойкий Сатана
Одолевал болота и хребты,
Стремясь вперед сквозь множество стихий —
Разреженных, и плотных, и густых,
И твердых; пробивался головой,
Руками, крыльями, ногами; он
Летел, нырял, пускался вплавь и полз.
Вдруг бесконечно-дикий, зычный вопль
Он услыхал: нестройных криков гул,
Смешенье смутных звуков, и туда
Бесстрашно повернул, дабы взглянуть:
Какие сонмы Духов или Сил
Здесь, в глубочайшей пропасти, царят
Средь шума этого, и разузнать
Надежный путь из тьмы к пределам света.
Внезапно перед ним престол возник
Владыки Хаоса; его шатер
Угрюмый над провалами глубин
Раскинут широко; второй престол
Ночь занимает, с головы до пят
Окутанная темной пеленой,—
Наидревнейшая изо всего,

Что существует; рядом с ними Орк,
Аид и Демогоргон, чье нельзя
Прозванье грозное произносить,
А там — Смятенье, Случай и Молва,
Раздор тысячеустый и Мятеж
Вопят, кричат и спорят вразнобой.
К ним обратился храбро Сатана:
«— Вы, Духи или Силы, Нижней Бездной
Исконно правящие: Хаос, ты,
И ты, несозданная Ночь! Пришел
Не как лазутчик, тайны распознать
Владений ваших, и не свергнуть вас;
Негаданно в пустынный здешний край
Забрел я, ибо к свету верный путь
По вашей мрачной области пролег.
Я в одиночку, без проводника,
Во мгле плутаю; не могу найти
Рубеж, где ваше царство темноты
Граничит с Небом. Там, невдалеке,
Возможно, есть места, не столь давно
Отобранные Деспотом у вас.
Туда стремлюсь я; укажите мне
Дорогу,— вам сторицей заслужу,
И если мне Захватчика изгнать
Удастся из отторгнутой страны,
Ее верну в первоначальный мрак,
Под вашу руку (в этом цель моя),
И знамя древней Ночи водворю.
Вся прибыль — вам, себе — оставлю месть!»
Анарх — старик с изменчивым лицом,
Забормотал: «— Ты мне знаком, чужак;
Ты — Ангелов могучий верховод,
Восставший на Властителя Небес
И побежденный. Да, я видел все
И слышал. Многочисленная рать
Подобная беззвучно не могла
Сквозь бездну потрясенную лететь,
Обрушиваясь, падая стремглав,
А мириады яростных полков
Из распахнувшихся Небесных Врат
Победоносно хлынули вослед,
Преследуя повстанцев по пятам.
Здесь, на границе царства моего,
Я восседаю, силясь уберечь

Ту малость, что еще подвластна мне,
Но распри ваши даже ей грозят.
Держава древней Ночи из-за них
Ущерблена: сперва отторгнут был
Обширный Ад, чтоб вам тюрьму создать.
Теперь Земля и небо — новый мир,—
Подвешены на золотой цепи,
Над нашими владениями, там,
Где легионы рушились твои.
И знай, коль ты намерился туда:
Опасен путь, хотя и не далек.
Ступай, спеши! Разруха и разор,
Бесчинство и крушенье — любы мне!»

Не тратя ни мгновенья на ответ
И радуясь тому, что берег моря
Его скитаний близок, Сатана
Со свежей силой взмыл одним рывком,
Как пирамида пламени, в простор
Пустынного пространства, проложив
Дорогу средь враждующих стихий,
Кишевших вкруг него. Не претерпел
Такие беды Арго, между скал
Смыкающихся проходя Босфор;
Не худшим испытаниям Улисс
Подвергся, левым бортом обогнув
Харибду, чтоб кормило повернуть
К соседней водоверти. Но вперед,
С трудом, упорно Сатана летел,
Одолевал упорно и с трудом
Препятствия; когда их превозмог,
И с помощью его произошло
Паденье Человека,— страшный путь
Преобразился дивно: Грех и Смерть,
Вослед, с произволения Небес,
Над бездною широкую стезю
Немедля проторили. Клокоча,
Пучина терпеливо сносит мост
Длины безмерной: от Геенских недр
До рубежей вновь созданного мира;
По той тропе шныряют Духи Зла
Вперед-назад, чтоб соблазнять людей
И их карать нещадно, исключив
Хранимых благосклонностью Творца

И добрых Ангелов от искушенья.
Но вот свое влиянье проявил
Блаженный свет, забрезжив от зубцов
Небесных башен; отблеск заревой
Проник в глубины хмурой Ночи. Здесь
Природа зачинается уже;
Отсюда Хаос, как разбитый враг,
Поспешно отступает; он притих,
И глуше бранный гул его звучит.
Все меньшие усилья Сатане
Потребны для полета; он теперь,
В мерцанье сумерек, совсем легко
Скользит по успокоенным волнам.
Так радостно заходит в порт корабль,
Рангоут потеряв и такелаж,
В борьбе со штормом. Крылья распластав
Широкие, в разреженной среде,
Почти воздушной,— видит Сатана
Просторы эмпирейские Небес,—
Квадратных или круглых,— не понять,
Столь широки они. Пред ним опал
Высоких башен, блещущий сапфир
Зубчатых стен его былой отчизны,
И рядом — мир повис на золотой
Цепи, подобный крохотной звезде
В сравнении с Луной. Лелея месть
Неутолимую, проклятый Дух
Торопится туда в проклятый час.

СОДЕРЖАНИЕ

Восседая на Престоле своем, Бог видит Сатану, летящего к новозданному миру, и, указав на него Сыну, сидящему одесную, предрекает успешное совращение рода человеческого Сатаною и разъясняет, что Божественное правосудие и премудрость безупречны, ибо Человек создан свободным и вполне способным противостоять искушению. Однако Он изъявляет намерение помиловать Человека, падшего не по причине прирожденной злобности, как Сатана, но будучи соблазненным им. Сын Божий восхваляет Отца за милость к Человеку, но Господь провозглашает, что милость та не может быть дарована без удовлетворения Божественной справедливости; Человек оскорбил величие Божие, посягнув присвоить себе божественность, а посему осужден со всем потомством на смерть и должен умереть, если не найдется кто-либо, возжелающий искупить за него эту вину и понести кару. Сын Божий выражает готовность добровольно пожертвовать Собой для искупления Человека; Отец принимает жертву, повелевает Сыну воплотиться и превозносит Его надо всеми именами на Небесах и на Земле, повелевает всем Ангелам поклониться Сыну. Повинуясь, Ангелы, объединенным хором, сопровождаемым арфами, воспевают в гимнах Отца и Сына. Тем часом Сатана опускается на поверхность крайней сферы нашей вселенной. Странствуя здесь, он прежде всего находит некое место, названное позднее Лимбом, Преддверьем Суетности. Следует описание лиц и предметов, возносящихся в эту область. Затем Сатана достигает Небесных Врат; следует описание ступеней, ведущих к ним, и вод, обтекающих Небеса. Далее Сатана направляет полет к шару Солнца, встречает Уриила, правителя этой планеты, преображается в младшего Ангела и притворно уверяет Серафима в своем

горячем стремлении увидеть новозданный мир и Человека, поселенного на нем Создателем. Он выведывает местонахождение Человека и сперва опускается на гору Нифат.

О, Свет святой! О, первенец Небес!
Хвала тебе! Дерзну ль неосужденно
Лучом совечным Вечному назвать
Тебя, когда Господь есть Свет,
От века сущий в неподступном свете,
А стало быть, о, излученный блеск
Субстанции несозданной,— в тебе!
Эфира ли ты чистое струенье?
Но кто укажет мне, где твой исток?
Ты прежде Солнца пребывал и Неба
И, повинуясь голосу Творца,
Подобно ризам юный мир облек,
Возникший из безвидной пустоты
Безмерной,— мир глубоких, черных вод.
Стигийскую пучину миновав,
Покинув тьму, где долго я блуждал,
На смелых крыльях возвращаюсь вновь
К тебе. Летя сквозь мрак и полумрак,
Ночь древнюю и Хаос я воспел
Не на Орфеев лад, на лад иной.
Нет! Музою небесной умудрен,
Спускался я в провалы темноты
Отважно и оттуда восходил
Опять к высотам. Труден этот путь
И необычен. Снова я обрел
Тебя и воскрешающую мощь
Твоей лампады чую, но глаза
Ты никогда мои не посетишь.
Вотще они вращаются, ища
Всепроникающих твоих лучей,
Не находя и промелька зари;
Их погасила темная вода,
А может, бельма плотные. Но все ж
Я, возлюбив священные напевы,
Паломничества не прерву в страну,
Где обитают Музы, где ручьи
Прозрачные, тенистые леса
И солнцем напоенные холмы.
Но предпочтительно, к тебе, Сион,

К источникам, которые в цветах,
У твоего подножия журчат
Святого,— я ночами уношусь,
Нередко вспоминая двух мужей
Слепых: Тамириса и Меонида,
С которыми сравнялся я судьбой;
О, если б равной славы мне достичь! —
И думаю о древних двух волхвах:
Финее и Тересии. Мой дух
Тогда питают мысли и невольно
Рождают гармонический напев.
Так птица в непроглядной тьме поет
Бессонная и, средь густых теней
Укрытая, свою ночную трель
Выводит. Наступают каждый год
Весна и лето, осень и зима,
Но никогда не возвратится день
Ко мне. Я не увижу никогда
Блаженных смен восходов и закатов.
Ни вешних цветников, ни летних роз,
Ни тучных стад, ни дивных лиц людских.
Подобно туче, беспросветный мрак
Меня окутал; от мирской стези
Кипучей отстранил навек меня,
И Книга, по которой изучать
Я мог Природы дивные дела,
Померкла, выскоблена и пустых
Страниц полна; закрыты, для слепца,
Одни из врат Премудрости навек.
Тем ярче воссияй, Небесный Свет,
Во мне и, силы духа озарив,
Ему — восставь глаза; рассей туман,
Дабы увидел и поведал я,
То, что узреть не может смертный взор.

С пречистой, эмпирейской высоты,
С Престола наивысшего, Отец
Всемощный, глядя вниз, обозревал
Свое творенье и дела Своих
Созданий. Словно звезды, без числа
Толпясь вокруг Творца, Небесный сонм
Святой, при созерцанье Божества,
Блаженствовал безмерно. Сын Его
Единый одесную восседал,—

Господней славы образ лучезарный.
Творец на Землю взоры преклонил
И наших прародителей чету
Вдали узрел,— единственных людей,
В ту пору населявших райский сад,
Вкушавших там бессмертные плоды
Любви непревзойденной, несравненной
И непрерывно длящихся утех,
В отрадном одиночестве. Затем
На Ад и на пучину Он воззрел
Окружную, приметил Сатану:
Меж башнями Небес и царством Ночи
Парил скиталец в сумрачной среде,
Усталые крыла сложить стремясь,
Дабы нетерпеливою пятой
На почву мира нового ступить,
Нагого, сходного с материком,
Укрытым средь стихий, но небосвода
Лишенным, и нельзя определить:
Воздушный или водный океан
Глухие омывает берега.
И со Своей взирая высоты,
Откуда настоящее Ему,
Грядущее и прошлое ясны,
Провидчески промолвил Сыну Бог:
«— Мой Сын единородный! Убедись
В свирепом рвенье Нашего Врага.
Ни предписанья строгие Мои,
Ни все преграды Ада, ни цепей
Железо, ни бездонная пучина,
Его не удержали; злобный Дух
Отчаянною жаждою влеком
Отмщенья, но обрушится оно
На голову мятежника. Теперь
В пределах света он летит, вблизи
Небес, к недавно созданной Земле.
Он Человека силой погубить
Замыслил, или хуже — соблазнить,
Употребив коварство и обман.
И соблазнит. Беспечно и легко,
Поддавшись лживой лести, Человек
Не соблюдет единый Мой запрет,
Единый послушания залог,
И со своим потомством совокупно

Изменчивым — падет. По чьей вине?
Ужели не по собственной? В удел
Я все неблагодарному отвел,
Чем он владеть способен; Я благим
Его и чистым создал; волю дал
Свободно Зло отвергнуть или пасть.
Таков закон для сотворенных Мной
Эфирных Сил и Духов; как для тех,
Что пали, так для тех, что Мне верны
Остались. Преступить ли, устоять —
От них зависело. Как бы могли,
Не будучи свободными, любовь
Свою ко Мне бесспорно доказать,
И преданность, и верность? Если б долг
Они осуществляли принужденно,
Не следуя хотенью своему,
А лишь необходимости одной,
В чем их была б заслуга? Разве Мне
Смиренье мило, если воля, разум
(Ведь разум — это тот же вольный выбор)
Бездейственны, бессильны, лишены
Свободы выбора, свободной воли,
Не мне, а неизбежности служа?
Я справедливо создал их. Нельзя
Им на Творца пенять и на судьбу
И виноватить естество свое,
Что, мол, непререкаемый закон
Предназначенья ими управлял,
Начертанный вселенским Провиденьем.
Не Мною — ими был решен мятеж;
И если даже знал Я наперед —
Предведенье не предрешало бунта;
И не провиденный, он все равно
Свершился без вмешательства Судьбы.
Без принужденья, без неизбежимых
Предначертаний, Духи предались
В суждениях и выборе — греху.
На них вина. Они сотворены
Свободными; такими должно им
Остаться до поры, пока ярмо
Не примут сами рабское; иначе
Пришлось бы их природу исказить,
Ненарушимый, вечный отменив
Закон, что им свободу даровал.

Избрали грех — они; самих себя
Разврату и обману обрекли,
Зачинщиками став. Но Человек
Падет, прельщенный ими; посему
Его помилую, но Духам Зла
Прощенья нет. Мой справедливый суд
И милосердье славу приумножат
Мою — на Небесах и на Земле,
Но первым и последним будет свет
Ярчайший — милосердия сиять».

Пока Творец глаголил, аромат
Амврозии овеял Небеса,
Сладчайшим счастьем новым упоив
Блаженных Духов избранных; но Сын
Был славой несравненной озарен;
Вся суть Отца отобразилась в Нем.
Святое состраданье лик Его
Являл, неистощимую любовь
И милость беспредельную; излил
Он чувства эти, обратясь к Отцу:
«— Отец мой! Завершил Ты приговор
Державный — милосердно: обретет
Пощаду Человек! Тебе хвалы
Провозгласят и Небо и Земля
В несметных песнопениях священных
И гимнах, вкруг престола Твоего,
Из века в век Творца превознося.
Возможно ли, чтоб Человек погиб,
Юнейшая из тварей, младший сын
Любимый Твой, хотя бы даже он,
Обманом соблазненный, согрешил
В безумии своем? О, Ты далек,
Далек от этой мысли, мой Отец!
Ты всех своих созданий Судия
Непогрешимый, праведный; ужель
Дозволишь Ты Врагу осуществить
Его стремленья, обратить в ничто
Твой Промысел благой, а силы Зла
Победно разнуздать? Неужто Враг,
Пускай для горшей кары, но гордясь
Отмщеньем, увлекая заодно
Весь род людской, который он растлил,
Вернется в бездну Адскую? Неужто

Из-за него Ты уничтожишь Сам
Созданье, сотворенное Тобой
Для славы Собственной? Такой исход
Сомненью бы кощунственно подверг
Величие и благость Божества
И предал бы хуле неотвратимой!»

«— О, Сын! — Господь ответствовал.— Души
Моей отрада, отпрыск недр Моих!
Единый Ты — Моя Премудрость, Мощь
Творящая и Слово! Глубину
Моих решений вечных Ты постиг
И выразил: погибнет Человек
Не до конца. Желающий спастись
Спасение обрящет, но отнюдь
Не волей собственной, но лишь Моим,
Даруемым свободно милосердьем.
Жестоко истощенные в плену
Греха, среди разнузданных страстей,
Людские силы жалкие опять
Восставлю Я, да, подкрепленный Мной,
Он со смертельным встретится Врагом
На равных основаньях, да поймет,
Мной подкрепленный, что ослаблен он,
Ослушник падший, что обязан Мне
Спасением — иному никому!
Я милости особой удостою
Избранников немногих; таково
Мое соизволенье. Остальных
Не перестану обличать в грехах,
Дабы разгневанное Божество
Просили о прощении, пока
Еще не поздно, и Господь благой
Их милосердно призывает. Мрак
Людских умов я просветлю, смягчу
Сердца их каменные, побудив
Раскаяться, покорствовать, молить.
К раскаянью, покорству и мольбам
Чистосердечным Я не буду глух
И слеп. Я в души Совесть им вселю,—
Вождя и Судию. Кто внемлет ей,
От света к свету следуя, стремясь
К заветной цели, тот себя спасет.
Но презирающий долготерпенье

Создателя и пренебрегший Днем
Прощения — не будет пощажен.
Пускай ожесточенные сердца
Ожесточатся пуще, слепота
Усугубится, дабы глубже пал
Ослушник, спотыкаясь. Лишь таким
Прощения не будет. Но не всё
Сказал Я: Человек, поправ запрет,
Растопчет верность; отвергая власть
Верховную Небес и возжелав
Сравниться с Богом, он последних благ
Лишится. Нечем будет искупить
Ему свою измену, посему
Он обречен распаду. Умереть
Должны и он, и отпрыски его;
И либо Справедливость, либо он
Умрет, когда не сыщется другой,
Достойный, кто в замену б захотел
Себя охотой в жертву принести
Суровому закону: смерть за смерть.
Ответьте, Силы горние: любовь
Найдется ли такая? Кто из вас
Решится тленным стать, чтоб смертный грех
Омыть людской? Кто праведный спасет
Неправедного? Есть ли в Небесах
Столь всеобъемлющее состраданье?»

Он вопросил, но Эмпирей молчал.
Небесный хор немотствовал. Никто
За Человека выступить не смел,
Тем более — вину его принять
Смертельную, возмездие навлечь
На собственную голову. И так,
Неискупленным должен род людской,
На Ад и Смерть сурово осужденный,
Погибнуть, но предстательство Свое
Сын Божий, воплощенье полноты
Любви божественной,— возобновил:

«— Изрек Ты, Отче: милости лишен
Не будет Человек. Ужель она
Его минует, из Твоих гонцов —
Быстрокрылатейшая и ко всем
Твореньям находящая пути,

Предупреждая просьбы и мольбы?
Сколь счастлив Человек, что ей призыв
Не надобен и что сама собой
Приходит милость! Гибнущий в грехах,
Не в силах, умирая, он снискать
Твою помогу, искупить вину
Молитвами и жертвами. Взгляни
На Сына! Предлагаю жизнь за жизнь.
Взамен его — меня прийми. Твой гнев
Пускай меня карает. Человеком
Меня сочти; я, из любви к нему,
Твое покину лоно; отрешусь
От славы, разделяемой с Тобой,
И за него умру охотно. Пусть
Смерть истощит неистовство на мне.
Недолгий срок пребуду я в ярме
Ее угрюмой власти. Ты мне дал
Жизнь вечную; в Тебе я вечно жив
И, Смерти подчинившись, ей отдам
Лишь смертное во мне. Когда же долг
Я уплачу, Ты в мерзостном гробу
Меня поживой Смерти не оставишь,
Мой чистый дух истленью не предашь.
Победно я воскресну, покорив
Смерть — покорительницу, отниму
Добычу у нее, которой так
Она гордилась. Раны понеся
Смертельные, посрамлена, лишась
Губительного жала, Смерть во прах
Повергнется, а я плененный Ад
С триумфом повлеку через простор
Воздушный, силам адским вопреки,
И властелинов мрака предъявлю
Тебе в цепях. Возрадовавшись, Ты
С улыбкой на меня с Небес воззришь.
Я уничтожу всех моих врагов,
Последней — Смерть, и труп ее заполнит
Могилу. Окруженный сонмом душ,
Спасенных мной, на Небо я вернусь,
Где долгий срок отсутствовал, и вновь
Увижу, Отче, Твой безгневный лик,
Не помраченный боле. Гнев навек
Исчезнет; воцарится близ Тебя
Одно лишь совершенное блаженство!»

Он смолкнул, но в молчанье кроткий взор
Безмолвно говорил, дыша любовью
Бессмертной — к смертным людям; превзойти
Сыновье послушанье лишь могло
Любовь такую. В жертву принося
Охотно, радостно Себя, Он ждал
Решения Всевышнего Отца.
Все Небо изумилось, дивный смысл
И цель происходящего постичь
Не в силах, но Господь провозгласил:
«— О, Ты, единый, здесь и на Земле,
Возмездие готовый отвести
От грешников и мир восстановить!
Моя утеха! Ведомо Тебе,
Сколь Мне созданья дороги Мои,
Средь них — особо дорог Человек,
Последним сотворенный. Для него
С Тобой расстанусь, от Моей десницы
И от груди на время отрешу
Тебя, дабы спасти погибший род.
Лишь Ты его способен искупить.
Поэтому, Свою соединив
Природу с естеством людским, живи
Среди Людей, как смертный человек.
Чудесно Девой будешь Ты рожден
В урочный срок. Принадлежа к сынам
Адамовым, возглавишь род людской,
Погубленный Адамом, заменив
Ослушника — собой. Ты возродишь,
Как новый корень, тех, кому спастись
Еще возможно; вне Тебя же — нет
Спасения. Адамовым грехом
Все отпрыски его отягчены;
Твой подвиг только тех освободит,
Кто, от своих отрекшись дел — дурных
И добрых,— возжелает жить в Тебе,
Свет новой жизни от Тебя приняв.
По высшей правде — должен заплатить
За человека — человек; судим
Он будет и умрет; потом, воскреснув,
Он воскресит собратьев, дорогой
Ценою жизни искупленных. Так,
Любовь Небесная свирепый Ад
Повергнет, осудив себя на смерть

И жертвою бесценной искупив
Все, что легко свирепый Ад сгубил
И губит ныне тех, кто благодать
Снискать бы мог, но наотрез отверг.
Принятьем плоти естество Свое
Не исказишь и не унизишь Ты.
Мне равный, царствующий наравне
Со Мной в сиянье славы, разделяя
Блаженство Божеское,— этот блеск
Ты покидаешь, дабы мир спасти.
Заслугою превыше, чем рожденьем,
Ты — Божий Сын, и доброта Твоя
Дороже, чем могущество и власть;
Сияние Твоей любви сильней
Сиянья славы; Ты, уничижась,
К высотам Трона Моего взнесешь
Свою людскую суть, чтоб во плоти
Державствовать, как Человек и Бог.
Сын Человеческий, Сын Божий,— Ты
Миропомазанник, вселенский Царь.
Возвысясь подвигом, вовеки правь!
Тебе — всю власть вручаю. Будь главой
Начал и Сил, Престолов и Господств!
На Небе, на Земле, в подземной тьме
Геенны, да пригнется пред Тобой
Колено каждое! Когда с Небес
Ты явишься, во славе, в облаках,
И возвестить Архангелам велишь
Твой Страшный Суд,— живые восспешат
Со всех сторон, и встанут мертвецы
Истекших всех столетий, ото сна
Разбуженные зычным зовом труб;
Дурных людей и Ангелов судить
В кругу святых Ты станешь; виноватых
Твой правый приговор низвергнет в Ад;
Наполнясь, он замкнется навсегда;
А мир сгорит. Из пепла и золы
Возникнут снова Небо и Земля,—
Обитель праведников, где они
Дни золотые, после долгих мук,
И золотые, славные дела,
Возвеселясь в любви и правде, узрят.
Ты царский сложишь скипетр; в нем нужды
Нет более: Бог будет Всё во Всём.

Того же, кто согласен умереть,
Дабы сие свершилось,— возлюбите,
О, божества! — и чтите, как Меня».

Едва изрек Творец, как прогремел
Ликующий, тысячезвучный клич
Средь Ангельского сонма. Стройный хор
Несметных, сладкопевных голосов
Восторженной «осанной» огласил
Весь Эмпирей. Смиренно преклонясь
К подножьям Тронов Сына и Отца,
Слагают Ангелы венки свои,
Где золото и вечный амарант
Сплелись; тот амарант, что цвел в Раю,
Близ Древа жизни, но когда Адам
Ослушался,— на Небо снова взят,
Прародину свою; теперь цветок
Источник жизни снова осенил,
Где волны амбры средь Небес влечет
Блаженная река, среди полей
Элизия. Невянущим Цветком
Благие Духи кудри украшают
Лучистые свои; теперь венки
Устлали пол, сверкавший в багреце
Душистой россыпи небесных роз,
Улыбчиво — подобно морю яшм.
Позднее Духи, увенчавшись вновь,
За арфы гармоничные взялись,
Что, золотом горя, висят у них,
Как тулы, сбоку; сладостный аккорд
Симфонии начальной возбудил
Восторг высокий. Дивно зазвучал
Священный гимн; слились все голоса
В едином хоре; не молчит никто.

Так слаженно поют на Небесах.
Сперва Тебя, Отец, воспели, Царь
Всесильный, бесконечный, неизменный,
Бессмертный, вечный, сущего Творец,
Источник света, но незримый Сам,
Когда Ты восседаешь в вышине,
На неприступном Троне, средь лучей
Струящихся. Но если яркий свет
Ослабишь Ты и риз Твоих края
Мелькнут меж туч, облекших Твой Престол

Ковчегом лучезарным,— этот блеск
Слепит все Небо; взора не прикрыв
Крылами, самый светлый Серафим
Приблизиться к Престолу не дерзнет.
Затем Тебя воспели, первозданный,
Подобный Богу, Им рожденный Сын.
Нескрытый облаками облик Твой
Являет всемогущество Отца,
Которого воочью увидать
Не может никакое существо.
Почиет отблеск славы на Тебе
Господней; Божий Дух в Тебя вселен.
Твоей десницей сотворил Господь
И Небеса Небес, и сонмы Сил
Небесных и низверг Твоей десницей
Мятежников смятенных в оный день,
Когда, громов Отцовских не щадя
И колесницы огненной разбег
Не замедляя, Неба вечный свод
Поколебав, Ты мчался по хребтам
Бегущих врассыпную бунтарей.
С победой Ты вернулся, и войска
Небесные прославили Тебя,
Единый Сын Отцовской мощи. Мстишь
Ты беспощадно всем Его врагам,—
Не Человеку, что попрал запрет,
Поддавшись вероломству. О, Отец
Всемилостивый! Ты не осудил
Сурово грешника, но сострадал
О нем. Единый Сын любимый Твой,
Едва узрел, что Ты суровый суд
Над слабой тварью умягчить готов
И клонишься к пощаде; утишить
Стремясь Твой гнев и завершить борьбу
Меж справедливостью и милосердьем,
Что отражалась на Твоем челе,—
Он, жертвуя блаженством: быть вторым,
С Тобою рядом,— смерти предает
Себя, дабы людскую искупить
Вину. О, беспримерная любовь,
Лишь Божеству доступная! Хвала
Тебе, о, Божий Сын, Спаситель наш!
Отныне этих песен родником
Твое да будет имя. Никогда

Не перестанет арфа прославлять
Моя,— Отца и Сына нераздельно!

При звуках гимнов радостно текли
В надзвездной сфере, в Небесах, часы
Благие. Той порою Сатана
Ступил на твердый, мрачный, полый шар,
Что меньшие, лучистые вмещал
Шары, от Ночи древней оградив
И Хаоса. Издалека округла
Поверхность шара внешнего, вблизи
Предстала плоской сумрачной страной,
Пустынной, дикой ширью, без границ,
Затерянной в ночной, беззвездной тьме
И окруженной завыванъем бурь
Неистового Хаоса; таков
Был негостеприимный материк.
Лишь с краю одного едва сквозил
Далекий отблеск от Небесных стен,
И вихрь не столь свирепо там ревел.
Здесь Враг шагал привольно, словно гриф
Имауса, чьи снежные хребты
Стоят преградой на стезе татар
Кочующих; от скудных скал родных,
Где нет поживы, хищник прочь летит
На поиски барашков и козлят,
К верховьям Ганга и Гидаспа — рек
Индийских, где пасутся их стада,
В нагорьях, но садится отдохнуть
Среди пути, на степи Сериканы,
Где легкий, тростниковый свой возок
Китаец, парусами оснастив,
По ветру мчится. Так скитался Враг
Совсем один, в пустыне, что была,
Как море, ветром вздыблена, ища
Добычи; одиноко он шагал,
Затем, что не было еще в ту пору
Ни мертвых, ни живых созданий здесь.
Впоследствие, когда насытил грех
Тщеславием деяния людей,
Проникли, как воздушные пары,
Сюда — все воплощенья суеты,
Все временные, бренные свершенья,
А заодно — и те, кто возлагал

«Потерянный Рай»

На них надежду: славу обрести
Бессмертную и счастье, в бытии
Земном и замогильном, кто хвалу
Снискать людскую тщился, кто сполна
Награду в здешней жизни одержал —
Прискорбных предрассудков порожденья
И рвения слепого; все они
Теперь стяжают подлинную мзду
Пустую, по деяньям их пустым.
То, что Природой не завершено
И создано нескладно: недоноски,
Ублюдки и уродцы, на Земле
Излишние, слетаются сюда
И своего уничтоженья ждут,
Бродя бесцельно здесь, не на Луне,
Как некоторым грезилось порой;
Нет, лунные поля из серебра —
Жилище тварей более достойных,
Верней всего,— убежище святых
И Духов, чей состав переходной
Меж Ангельским составом и людским,
Сначала в этот край перенеслись
От брака сыновей и дочерей
Неравного рожденные сыны —
Гиганты древности, в былых веках
Прославленные за напрасный труд;
Явились те, что в суетной тщете
В долине Сеннаарской возвели
Близ Вавилона башню и теперь
Готовы снова башни воздвигать,
Когда бы строить было из чего.
Врозь, чередом являлись: Эмпедокл,
Что в кратер Этны прыгнул, божеством
Желая почитаться; Клеомброт,
В морскую глубь нырнувший, чтоб скорей
В Платоновский Элизиум попасть.
Но долго было б всех перечислять
Зародышей, кретинов, дурачков,
Отшельников, монахов — белых, черных
И серых — лицемеров и святош,
Со всею их обманной мишурой;
Паломники забрались в эту даль,
Что мертвого искали на Голгофе
Христа, живущего на Небесах;

Здесь те, кто в смертный час напялил рясу,
Мечтая в рай попасть наверняка,
В сутане Доминика, в клобуке
Франциска. Вот круги семи планет
Они минуют, круг недвижных звезд
И свод кристальный, чей противовес
Попятный ход планет определяет,
Своим вращеньем равновесье тверди,
Как судят многие; и наконец,—
Круг перводвигателя; мнится им,
Что у калитки Врат Небесных ждет
Их сам Апостол Петр с ключом в руке.
Они заносят ногу на ступень
Небесной лестницы, но встречный вихрь
Могущественный их сдувает прочь
В пустынный мрак, на десять тысяч лиг.
Вы наблюдать могли бы, как летят,
Вертясь и разрываясь на клочки,
Сутаны, капюшоны заодно
С владельцами; как четки, буллы, мощи,
Обрывки индульгенций, лоскуты
Помилований мчатся кувырком,
Уносятся в изнанку мира, в Лимб,
В окраину, которая с тех пор
Зовется «Рай глупцов»; она пока
Безлюдна и безвестна, но поздней
Немногим незнакома. Враг набрел
На этот шар угрюмый по пути,
И долго странствовал; но слабый луч,
Во мгле блеснув, привлек его, и он,
В ту сторону усталые стопы
Поспешно устремив, издалека
Роскошное строенье увидал,
Ступенчатое, ведшее к стенам
Небес; венчали верхнюю плиту
Как бы врата монаршего дворца;
Над ними раззолоченный фронтон
Алмазами блистал, и был портал
Осыпан самоцветами Востока.
Немыслимо воздвигнуть на Земле
Ни слабого подобья этих врат,
Ни даже кистью их изобразить.
По лестнице такой же, вверх и вниз,
Сновали толпы Ангелов, когда

Иаков от Исава шел в Харран
И под открытым небом задремал
На поле, возле Луза, и, во сне
Ее увидев, молвил, пробудясь:
«— Сие Врата Небесные!» Ступени
Имели, каждая, свой тайный смысл,
А лестница порой скрывалась в Небе.
Под ней — сверкало море цвета яшм
И жидких перлов; праведников сонм,
Покинув здешний мир, переплывал,
Ведомый Ангелами, эту хлябь;
Иных же над поверхностью морской
Несла упряжка огненных коней.
Та лестница опущена теперь,
Чтоб восхожденьем легким раздразнить
Врага, иль, может быть,— печаль разжечь
Красою им утраченных навек
Небесных Врат. Проем широкий вел
От лестницы к Земле, в блаженный край
Эдема; шире много той дороги,
Что на Синай впоследствие вела,
В обетованную страну, Творцом
Возлюбленную; Ангелы не раз
Туда летали, чтоб осведомить
О воле Божьей избранный народ,
А Сам Господь с любовию взирал
На область: от Панеи, где берет
Начало Иордан, до рубежей
Святой Земли, с Аравией, с Египтом,
Вблизи Вирсавии; и тот проем
Тьме полагал предел, как берега
Обуздывают бурный океан.
С подножья лестницы, на Небеса
Ведущей, со ступени золотой,
Ошеломленный Сатана глядел
На необъятный мир, ему внизу
Представший. Так лазутчик, напролет
Всю ночь рискуя жизнью, средь глухих
И мрачных троп, с рассветом наконец
Восходит на высокий холм, и вдруг
Его глазам просторы предстают
Цветущие неведомой страны
Иль город многобашенный, в лучах
Восхода, золотящего шпили

И купола сверканьем заревым.
Таким же изумленьем поражен
Был Архивраг, хоть в прошлом созерцал
Величие Небес, но красота
И совершенство мира, что ему
Был явлен, породили в Духе Зла
Не столько удивленье, сколько — зависть.

Всю сферу оглядел он (без труда,—
Поскольку высоко был вознесен
Над медленно кружащимся шатром
Длиннейшей тени Ночи),— от Весов,
От их восточной точки, до Овна,
Что Андромеду за рубеж увлек
Атлантики, за дальний горизонт.
От полюса до полюса обвел
Он взором ширь. Внезапно прянул вниз,
К светилам ближним. Быстро и легко
Сквозь чистый воздух мраморный скользнул,
Лавируя среди небесных тел
Несметных. Звездами издалека
Они ему казались, но вблизи
Явились как миры, как острова
Блаженные, подобные садам
Прекрасным Гесперийским, в старину
Прославленным. О, рощи и поля
Приютные! Долины сплошь в цветах!
Вы, острова, блаженные трикраты!
Но Сатана не стал разузнавать,
Что за счастливцы обитают здесь.
Лишь Солнце золотое, из светил
Ярчайшее, влечет его; к нему
Он мчится, средь вселенской тишины
(От центра или к центру, вверх иль вниз,
Вширь или вдоль,— определить нельзя).
Великого светила он достиг,
Сиянье изливавшего на рой
Обычных звезд, кружащихся вдали
От взора Властелина. Хоровод
Созвездий отмеряет плавный ритм
Дней, месяцев и лет, вертясь вокруг
Источника живительного света,
Иль, может, Солнце направляет их
Усильем магнетических лучей,

Дарящих благотворное тепло
Вселенной, проникающих везде,—
В земные недра и морскую глубь
Незримо. Назначенье таково
Чудесное — светлейшей из планет.

Враг на нее спустился; в телескоп
Обозревая Солнце, астроном
Не видывал подобного пятна.
Сияло солнечное вещество
Невыразимо ярко; ни с одним
Металлом или камнем на Земле
Сравнить его нельзя, и хоть оно
Не однородно — светом налилось
Насквозь, как раскаленное железо —
Огнем. То золотом, то серебром
Оно казалось, а местами блеск
Напоминал искрящейся игрой
Карбункул, хризолит, рубин, топаз,—
Все камни драгоценные, в числе
Двенадцати, которыми сверкал
Нагрудник Аарона, и еще
Тот камень, что существовал в мечтах
Верней, чем наяву; искали зря
Философы столетьями его,
Хоть с помощью всесильного искусства
Летучего Меркурия связать
Сумели; даже древнего смогли
Протея многоликого извлечь
Из вод морских, чтоб в кубе перегонном
Он прежний принял вид. Не мудрено,
Что солнечные долы и поля
Чистейший источают эликсир,
А реки — жидким золотом текут,
Когда одним касаньем мастерским
Великий химик — Солнце, на таком
Огромном расстоянье, в темных недрах,
Из разных смесей с влагою земной,
Бессчетно драгоценности творит,
Столь редкой силы и расцветки пышной.
Здесь Дьявол много нового нашел;
Ничем не ослепляясь, вдаль и вширь
Он смотрит невозбранно: нет препон
Для взора, ни теней,— лишь яркий свет,

Как на экваторе, в полдневный час,
Когда от Солнца падают лучи
Отвесные и лишены теней
Все темные тела. Здесь, как нигде,
Прозрачен воздух; острый взор Врага
Благодаря ему так далеко
Проник, что различил на горизонте
Прославленного Ангела,— того,
Которого на Солнце Иоанн
Увидел. Отвернулся он лицом,
Но по сиянью Враг его узнал,
По золотой, из солнечных лучей,
Короне, по сверкающим власам,
Волною ниспадавшим на плеча
Крылатые. Казалось, думал он
О важном порученье или был
Охвачен созерцаньем. Злобный Дух
Возликовал, надеясь обрести
Указывателя, который в Рай,
В обитель безмятежную людей,
Его полет скитальческий направит;
Там кончатся его блужданья, там
Начнутся беды наши; но, стремясь
Опасностей избегнуть и помех,
Сперва он вздумал облик изменить
И обернулся юным Херувимом,
Не из главнейших. Лик его сиял
Улыбкою небесной; каждый член
Дышал изяществом; так Враг умел
Притворствовать. Воздушный ореол
Волос, из-под повязки золотой,
Ланиты овевал; его крыла
Сплошь в блестках золотых, цветным пером
Пестрели. Торопливо подобрав
Подол, с жезлом серебряным в руках,
Он скромно приближался, и, шаги
Его заслышав, обратил к нему
Блестящий Ангел свой лучистый лик
И тотчас Уриила Враг признал,
Архангела, из тех, в числе семи,
Ближайших к Богу и Его Престолу,
Всегда готовых волю исполнять
Господню; это очи Божества,
Все Небо облетающие вмиг,

Гонцы стремительные, что несут
Посланья Божьи — по материкам
И океанам, суше и воде.
И Сатана сказал: «— Ты, Уриил,
Один из тех семи, что предстоят
Близ Трона Вседержителя, в лучах
Извечной славы; первый из гонцов,
Вещающий Всевышнего посланья
Всем Небесам высоким, где тебя
Сыны Господни в нетерпенье ждут.
По Высочайшей воле, службу здесь
Почетную, наверно, ты несешь:
Следишь, как Божье око, за Его
Твореньем новым! Дивный этот мир
Узреть я жажду и познать. Влечет
Меня всего сильнее — Человек,
Любимец Божий, баловень Творца,
Создавшего все эти чудеса
Для Человека. Так желанье жгло
Меня, что я пустился в долгий путь,
Один, покинув херувимский хор.
О, светозарный Серафим! Скажи,
Какой из этих блещущих шаров
Назначен Человеку? Или он
Обосноваться вправе на любом?
Чтоб явно или тайно созерцать,
Ищу того, кому Господь миры
Дарует, на щедроты не скупясь.
В созданье этом новом, как во всем,
Что создано, да возгласим хвалу
Зиждителю Вселенной; Он изгнал
Врагов мятежных правосудно в Ад,
Создав, дабы утрату возместить,
Счастливый род людской. Творец премудр!»

Так молвил вероломный лицемер
Неузнанный. Притворство разгадать
Ни Ангелам, ни людям не дано;
Из прочих зол единое оно
Блуждает по Земле и, кроме Бога,
По попущенью Господа, никем
Не зримо; Мудрость бодрствует порой,
Но дремлет Подозренье на часах
У врат ее, передоверив пост .

Наивности; незримое же Зло
Сокрыто от невинной Доброты.
Так был правитель Солнца Уриил
Обманут, хоть считался в Небесах
Из Духов — самым зорким, и теперь
Ответствовал на дерзостную речь
Притворщика правдиво, как всегда:

«— Прекрасный Ангел! То, что жаждешь ты,
Дела Творца узрев, Ему хвалу
Воздать,— не порицаемо,— напротив!
Тем более, что одинокий путь
Предпринял ты, покинув Эмпирей,
Чтоб зреть воочью то, о чем другим
На Небесах достаточно вполне
По описаньям знать. Его дела
Воистину чудесны, и глядеть
На них — услада; радостно о них
С благоговеньем вечно вспоминать.
Но чей возможет сотворенный ум
Исчислить их, безмерную постичь
Премудрость, что их создала, укрыв
В глубокой тьме причины всех вещей?
Я видел, как бесформенная масса
Первоматерии слилась в одно
По слову Господа, и Хаос внял
Его глаголу; дикий бунт притих,
Законам покорясь, и обрела
Пределы — беспредельность. Он изрек
Вторично — и бежала тьма, и свет
Возник; из беспорядка родился
Порядок; по назначенным местам
Расположились элементы вмиг
Тяжелые: Земля, Вода, Огонь
И Воздух; квинтэссенция Небес
Эфирная умчалась вверх, скруглясь
Во множество шарообразных форм,—
В скопления неисчислимых звезд.
Они, как видишь, по своим орбитам
Поныне движутся, и точный ход
У каждой. Остальное вещество
Вселенную обстало как стеной.
На шар взгляни, что яркой обращен
К нам стороной и отражает свет,

Отсюда льющийся; тот шар — Земля,
Обитель Человека. День царит
На светлой гемисфере, дабы ночь
Не завладела ею, как сейчас
Владеет полушарием другим.
Но там на помощь ближняя Луна
(Так противостоящую звезду
Прекрасную зовут) приходит в срок,
И ежемесячный свершает круг,
Исчезнув, нарождается опять;
Насытив светом трисоставный диск,
Она свой блеск заемный отдает,
Служа Земле лампадой, ночь теснит
В ее владенья бледные. Смотри,
Вон то пятно и есть Адамов Рай,
А эта тень — его шалаш. Теперь
С пути ты не собьешься, а меня
Мой призывает путь». Промолвив так,
Он отошел. Глубоко Сатана
Склонился, по обычаям Небес,
Где высшим Духам низшие — почет
И уваженье воздают всегда,
И ринулся к земному рубежу
С эклиптики. Надеждой на успех
Пришпоренный, он за витком виток
Стремительно описывал, пока
Не приземлился на горе Нифат.

СОДЕРЖАНИЕ

Завидев Эдем, Сатана приближается к тому месту, где должен решиться осуществить дерзновенное предприятие против Бога и людей, возложенное им лишь на свои собственные плечи. Здесь его одолевают сомнения, волнуют страсти: страх, зависть, отчаянье; но в конце концов он утверждается во зле и направляется к Раю. Следует описание внешнего вида и местоположения Рая. Сатана минует Райскую ограду и в облике морского ворона опускается на макушку Древа познания,— высочайшего в Райском саду. Описание этого сада. Сатана впервые созерцает Адама и Еву, удивляется прекрасной внешности и блаженному состоянию людей, но не изменяет решения погубить Прародителей. Из подслушанной беседы он узнает, что им, под страхом смерти, запрещено вкушать от плодов Древа познания; на этом запрете он основывает план искушения; он хочет склонить их ослушаться. Затем он их на время оставляет, намереваясь иным путем выведать что-либо о положении первой четы. Тем временем Уриил, опустившись на солнечном луче, предупреждает Гавриила, охраняющего Рай, что некий злой Дух бежал из Преисподней и в полдень, в образе доброго Ангела, пролетал через сферу Солнца, направляясь к Раю, но выдал себя, когда опустился на гору, яростными телодвижениями. Гавриил обещался еще до рассвета разыскать притворщика. Наступает ночь. Разговор Прародителей на пути к ночлегу; описание их кущи, их вечерней молитвы. Гавриил выступает со своими отрядами в ночной дозор вокруг Рая; он шлет двух могучих Ангелов к Адамовой куще, опасаясь, что упомянутый злой Дух может причинить вред спящей чете. Ангелы находят Сатану, который, оборотясь жабой, прикорнул над ухом Евы, желая соблазнить ее во сне. Они ведут сопротивляющегося к Гавриилу.

Допрошенный Архангелом Сатана отвечает ему презрительно и вызывающе, готовится к битве, но небесное знамение останавливает Врага, и он поспешно удаляется из Рая.

Где глас остереженья: «— Горе вам,
Живущим на Земле!» — глас, что гремел
В ушах того, кому средь облаков
Был явлен Апокалипсис, когда
С удвоенной свирепостью Дракон,
Вторично пораженный, на людей
Обрушил месть? О, если б этот глас,
Доколь еще не поздно, остерег
Беспечных Прародителей, они
От скрытого Врага и от сетей
Погибельных его могли б спастись.
Ведь распаленный злобой Сатана
Явился в первый раз не обвинить,
Но искусить, дабы на Человеке,
Невинном, слабом, выместить разгром
Восстанья первого и ссылку в Ад.
Но Враг не рад, хотя и цель близка.
Он, от нее вдали, был дерзок, смел,
Но приступает к действиям, не льстясь
Успехом верным, и в его груди
Мятежной страшный замысел, созрев,
Теперь бушует яростно, под стать
Машине адской, что, взорвав заряд,
Назад отпрядывает на себя.
Сомнение и страх язвят Врага
Смятенного; клокочет Ад в душе,
С ним неразлучный; Ад вокруг него
И Ад внутри. Злодею не уйти
От Ада, как нельзя с самим собой
Расстаться. Пробудила Совесть вновь
Бывалое отчаянье в груди
И горькое сознанье: кем он был
На Небесах и кем он стал теперь,
Каким, гораздо худшим, станет впредь.
Чем больше злодеянье, тем грозней
Расплата. На пленительный Эдем
Не раз он обращал печальный взор,
На небосвод, на Солнце поглядел
Полдневное, достигшее зенита,

И после долгих дум сказал, вздохнув:
«— В сиянье славы царского венца,
С высот, где ты единый властелин,
Обозревая новозданный мир,
Ты, Солнце, блещешь словно некий бог
И пред тобою меркнет звездный сонм.
Не с дружбою по имени зову
Тебя; о нет! Зову, чтоб изъяснить,
Как ненавижу я твои лучи,
Напоминающие о былом
Величии, когда я высоко
Над солнечною сферою сиял
Во славе. Но, гордыней обуян
И честолюбьем гибельным, дерзнул
Восстать противу Горнего Царя
Всесильного. За что же? Разве Он
Такую благодарность заслужил,
В столь превысоком чине сотворя
Меня блистательном и никогда
Благодеяньями не попрекнув,
Не тяготя повинностями. Петь
Ему хвалы — какая легче дань
Признательности, должной Божеству?
Но все Его добро лишь зло во мне
Взрастило, вероломство разожгло.
Я, вознесенный высоко, отверг
Любое послушанье, возмечтал,
Поднявшись на еще одну ступень,
Стать выше всех, мгновенно сбросить с плеч
Благодаренья вечного ярмо
Невыносимое. Как тяжело
Бессрочно оставаться должником,
Выплачивая неоплатный долг!
Но я забыл про все дары Творца
Несметные; не разумел, что сердце
Признательное, долг свой осознав,
Его тем самым платит; что, сочтя
Себя обязанным благодарить
Всечасно, в благодарности самой
Свободу обретает от нее.
Ужели это тяжко? О, зачем
Я не был низшим Ангелом? Тогда
Блаженствовал бы вечно и меня
Разнузданным надеждам и гордыне

Вовеки б развратить не удалось!
Но разве нет? Иной могучий Дух,
Подобный мне, всевластья возжелав,
Меня бы так же в заговор вовлек.
Будь я и в скромном ранге. Но соблазн
Мне равные Архангелы смогли
Отвергнуть, защищенные извне
И изнутри противоискушеньем.
А разве силой ты не обладал
И волею свободной — устоять?
Да, обладал. На что же ропщешь ты?
Винишь кого? Небесную любовь,
Свободно уделяемую всем?
Будь проклята она! Ведь мне сулят,
Равно любовь и ненависть, одно
Лишь вечное страданье. Нет, себя
Кляни! Веленьям Божьим вопреки,
Ты сам, своею волей, то избрал,
В чем правосудно каешься теперь.
Куда, несчастный, скроюсь я, бежав
От ярости безмерной и от мук
Безмерного отчаянья? Везде
В Аду я буду. Ад — я сам. На дне
Сей пропасти — иная ждет меня,
Зияя глубочайшей глубиной,
Грозя пожрать. Ад, по сравненью с ней,
И все застенки Ада Небесами
Мне кажутся. Смирись же наконец!
Ужели места нет в твоей душе
Раскаянью, а милость невозможна?
Увы! Покорность — вот единый путь,
А этого мне гордость не велит
Произнести и стыд перед лицом
Соратников, оставшихся в Аду,
Которых соблазнил я, обещав
Отнюдь не покориться — покорить
Всемощного. О, горе мне! Они
Не знают, сколь я каюсь в похвальбе
Кичливой, что за пытки я терплю,
На троне Адском княжеский почет
Приемля! Чем я выше вознесен
Короною и скипетром,— паденье
Мое тем глубже. Я превосхожу
Других,— лишь только мукой без границ.

Вот все утехи честолюбья! Пусть
Я даже покорюсь и обрету
Прощенье и высокий прежний чин;
С величьем бы ко мне вернулись вновь
И замыслы великие. От клятв
Смиренья показного очень скоро
Отрекся б я, присягу объявив
Исторгнутой под пытками. Вовек
Не будет мира истинного там,
Где нанесла смертельная вражда
Раненья столь глубокие. Меня
Вторично бы к разгрому привело
Горчайшему, к паденью в глубину
Страшнейшую. Я дорогой ценой
Купил бы перемирье, уплатив
Двойным страданием за краткий миг.
О том палач мой сведом, посему
Далек от мысли мир мне даровать,
Настолько же, насколько я далек
От унизительной мольбы о мире.
Итак, надежды нет. Он, вместо нас,
Низвергнутых, презренных, сотворил
Себе утеху новую — людей
И создал Землю, ради них. Прощай,
Надежда! Заодно прощай, и страх,
Прощай, раскаянье, прощай, Добро!
Отныне, Зло, моим ты благом стань,
С Царем Небес благодаря тебе
Я разделяю власть, а может быть,
Я больше половины захвачу
Его владений! Новозданный мир
И человек узнают это вскоре!»

Лицо Врага, пока он говорил,
Отображая смену бурных чувств,
Бледнело трижды; зависть, ярый гнев,
Отчаянье,— притворные черты
Им принятой личины исказив,
Лжеца разоблачили бы, когда б
Его увидеть мог сторонний глаз:
Небесных Духов чистое чело
Разнузданные страсти не мрачат.
Враг это знал; он обуздал себя,
Спокойным притворившись в тот же миг.

Он самым первым был,— Искусник лжи,—
Кто показным святошеством прикрыл
Чреватую отмщеньем ненасытным
Пучину злобы; но ввести в обман
Он Уриила все же не сумел,
Уже предупрежденного, чей взор
Следил за тем, как ниспарил летун
На гору Ассирийскую, и там,
Преобразясь внезапно, принял вид,
Блаженным Духам чуждый; Уриил
Приметил искаженное лицо
И дикие движенья Сатаны,
Который полагал, что здесь никто
Его не видит. Продолжая путь,
Он под конец достигнул рубежа
Эдема, где отрадный Рай венчал
Оградою зеленой, словно валом,
Вершины неприступной плоский срез.
Крутые склоны густо поросли
Кустарником причудливым; подъем
Сквозь дебри эти был неодолим.
Вверху, в недосягаемую высь
Вздымались купы кедров, пиний, пихт
И пальм широколистых; пышный зал
Природный, где уступами ряды
Тенистых крон вставали друг за другом,
Образовав амфитеатр лесной,
Исполненный величия; над ним
Господствовал зеленый Райский вал;
Наш Праотец оттуда, с вышины,
Осматривал окружные края
Обширные, простертые внизу.
За этим валом высилась гряда
Деревьев дивных, множеством плодов
Унизанных; в одно и то же время
Они плодоносили и цвели,
Пестрея красками и золотясь
Под солнцем, что на них свои лучи
Лило охотней, чем на облачка
Закатные, сверкало веселей,
Чем на дуге, воздвигнутой Творцом,
Поящим Землю. Чудно хороша
Была та местность! Воздух, что ни шаг,
Все чище становился и дышал

Врагу навстречу ликованьем вешним,
Способным все печали исцелить,
За исключением лишь одного
Отчаянья... Игрою нежных крыл
Душистые Зефиры аромат
Струили бальзамический, шепча
О том, где эти запахи они
Похитили. Так, после мыса Доброй
Надежды, миновавши Мозамбик,
В открытом океане моряки
Сабейский обоняют фимиам,
От севера-востока ветерком
Привеянный, с пахучих берегов
Аравии Счастливой, и тогда
На много лиг свой замедляют ход,
Чтоб дольше пряным воздухом дышать,
Которым даже Океан-старик
С улыбкой наслаждается. Точь-в-точь
Такой же запах услаждал Врага,
Явившегося отравить его,
Хоть был он и приятен Сатане,
Не то что Асмодею — рыбный дух,
Из-за которого покинул бес
Товитову невестку и бежал
Из Мидии в Египет, где в цепях
Заслуженную кару он понес.

В раздумье Сатана, замедлив шаг,
К подъему на крутую эту гору
Приблизился: дороги дальше нет,
Деревья и кусты переплелись
Ветвями и корнями меж собой
Столь густо, что ни человек, ни зверь
Пробиться бы сквозь чащу не могли.
Лишь по другую сторону горы
Вели врата единственные в Рай
С востока, но вратами пренебрег
Архипреступник, и одним прыжком,
С презреньем, все преграды миновал,
Над зарослями горными легко
Перенесясь и над высоким валом,
Средь Рая очутился. Так следит,
Гонимый голодом, бродячий волк
За пастухами, что свои гурты

В овчарню, огражденную плетнем
От пастбища, заводят ввечеру
Для безопасности; но хищник, вмиг
Перемахнув плетень, уже внутри
Загона. Так еще проворный вор,
Задумавший ограбить богача,
Уверенного в прочности замков
Дверей тяжелых своего жилья,
Способных взлому противостоять,—
В дом проникает сквозь проем окна
Иль — через крышу. Так Первозлодей
В овчарню Божью вторгся; так с тех пор
Вторгаются наймиты в Божий храм.
Теперь на Древо жизни, что росло
Посередине Рая, выше всех
Деревьев, он взлетел и принял вид
Морского ворона; себе вернуть
Не в силах истинное бытие,
Он, сидючи на Древе, помышлял
О способах: живых на смерть обречь.
Жизнеподательное Враг избрал
Растенье лишь затем, чтоб с вышины
Расширить свой обзор; меж тем оно,
При должном применении, залогом
Бессмертья бы служило. Только Бог
Умеет верно, и никто иной,
Судить о благе. Люди, лучший дар,
Им злоупотребляя, извратить
Способны, применив для низких дел.
Он глянул вниз и удивился вновь
Щедротам, сотворенным для людей.
Сокровища Природы на таком
Пространстве малом все размещены;
Казалось — это Небо на Земле.
Ведь Божьим садом был блаженный Рай,
Всевышним на восточной стороне
Эдема насажденным, а Эдем
Простерся от Харрана на восток,
До Селевкийских горделивых веж,—
Сооружений греческих владык,
И где сыны Эдема, в оны дни,
До греков населяли Талассар.
В краю прекрасном этом насадил
Господь стократ прекрасный вертоград

И почве плодородной повелел
Деревья дивные произрастить,
Что могут обонянье, зренье, вкус
Особо усладить. Средь них росло
Всех выше — Древо жизни, сплошь в плодах,
Амброзией благоухавших; впрямь —
Растительное золото! А рядом
Соседствовала с жизнью наша смерть —
Познанья Древо; дорогой ценой
Купили мы познание Добра,
С Добром одновременно Зло познав.

Широкая река текла на юг,
Нигде не изгибаясь; под лесной
Горой она скрывалась в глубине
Скалистых недр. Всевышний водрузил
Ту гору над рекою, чтоб земля
Вбирала жадно влагу, чтоб вода
По жилам почвы подымалась вверх
И, вырвавшись наружу, ключевой
Струей, дробясь на множество ручьев,
Обильно орошала Райский сад,
Потом, соединясь в один поток,
С откоса водопадом низвергалась
Реке навстречу, вынырнувшей вновь
Из мрачного подземного жерла.
Здесь на четыре главных рукава
Река делилась; по своим путям
Потоки разбегались; довелось
Им пересечь немало славных стран
И царств, которые перечислять
Не надобно. Я лучше расскажу,—
Достало бы уменья! — как ручьи
Прозрачные, рожденные ключом
Сапфирным, извиваясь и журча,
Стекают по восточным жемчугам
И золотым пескам, в тени ветвей
Нависших, все растения струей
Нектара омывая, напоив
Достойно украшающие Рай
Цветы, что не Искусством взращены
На клумбах и причудливых куртинах,
Но по равнинам, долам и холмам
Природой расточительной самой

Разбросаны; и там, где средь полей
Открытых греет Солнце поутру,
И в дебрях, где и полднем на листве
Лежит непроницаемая тень.
Прекрасные, счастливые места,
Различных сельских видов сочетанье!
В душистых рощах пышные стволы
Сочат бальзам пахучий и смолу,
Подобные слезам, а на других
Деревьях всевозможные плоды
Пленяют золотистой кожурой;
И если миф о Гесперидах — быль,
То это — здесь, и яблоки на вкус
Отменны. Между рощами луга
Виднеются, отлогие пригорки,
Где щиплют нежную траву стада.
Вот холм, поросший пальмами, и дол
Сырой, в тысячекрасочном ковре
Цветов, меж ними — роза без шипов.
А там — тенистых гротов и пещер
Манит прохлада; обвивают их
Курчавых лоз роскошные сплетенья
В пурпурных гроздах; падая со скал
Каскадами, струи гремучих вод
Ветвятся и сливаются опять
В озера, что, подобно зеркалам
Хрустальным, отражают берега,
Увенчанные миртами. Звенит
Пернатый хор, и дух лугов и рощ
Разносят ветры вешние, звуча
В листве дрожащей. Сам вселенский Пан,
И Ор и Граций в пляске закружив,
Водительствует вечною весной.
Не так прекрасна Энна, где цветы
Сбирала Прозерпина, что была
Прекраснейшим цветком, который Дит
Похитил мрачный; в поисках за ней
Церера обошла весь белый свет.
Ни рощу Дафны дивную, вблизи
Оронта, ни Кастальский ключ, певцов
Одушевляющий, нельзя никак
С Эдемским Раем истинным сравнить;
Ни остров Ниса на Тритон-реке,
Где древний Хам,— язычники зовут

Его Аммоном и Ливийским Зевсом,—
От Реи злобной Амалфею скрыл
С младенцем Бахусом; ни знойный край,
Где у истоков Нила, на горе
Амаре, абиссинские цари
Своих детей лелеют; строем скал
Блестящих та гора окружена
И до ее вершины — день пути.
Иным казалось: настоящий Рай
Здесь, у экватора, но все затмил
Тот Ассирийский сад, где Враг взирал
Без радости на радостную местность,
На разные живые существа,
Столь новые и странные на вид.

Меж ними — два, стоймя держась, как боги,
Превосходили прочих прямизной
И благородством форм; одарены
Величием врожденным, в наготе
Своей державной, воплощали власть
Над окружающим, ее приняв
Заслуженно. В их лицах отражен
Божественных преславный лик Творца,
Премудрость, правда, святость, и была
Строга та святость и чиста (строга,
Но исто по-сыновьему свободна);
И людям лишь она дает права
На уваженье. Схожи не во всем
Созданья эти; видимо, присущ
Им разный пол. Для силы сотворен
И мысли — муж, для нежности — жена
И прелести манящей; создан муж
Для Бога только, и жена для Бога,
В своем супруге. Мужа властный взгляд,
Прекрасное, высокое чело
О первенстве бесспорном говорили
Адама; разделясь на две волны,
Извивы гиацинтовых кудрей
Струились на могучие плеча.
Густых волос рассыпанные пряди
Окутывали ризой золотой
Точеный стан жены; они вились
Подобно усикам лозы, являя
Послушливость, которую супруг

Умильно требует; ему охотно
Жена застенчивая воздает
И нежной ласки вожделенный миг,
Со скромной гордостью противясь, длит.
Они не прикрывали тайных мест
Своих; бесстыжий стыд, греховный срам,
Чернящая дела Природы честь
Бесчестная,— их не было еще,
Детей порока, людям столько бед
Принесших лицемерной суетой
Под видом непорочности и нас
Лишивших величайших в мире благ —
Невинности и чистой простоты.
Чета ходила наго, не таясь
Творца и Ангелов, не мысля в том
Дурного; шли вдвоем, рука в руке.
Такой пригожей пары, с тех времен
До наших дней,— любовь не сочетала.
Был мужественней всех своих сынов,
Родившихся впоследствии,— Адам,
Всех Ева краше дочерей своих.
На травяном ковре, в тени листвы
Лепечущей, у свежего ручья
Они уселись. Легкий труд в саду
Супругов лишь настолько утомил,
Чтоб нега отдыха была для них
Приятнее, чтоб слаще был Зефир
Живительный, а пища и питье
Желаннее. За вечерей плоды
Они вкушали дивные, с ветвей
Услужливо склоненных, возлежа
На пуховой траве среди цветов;
И, зачерпнув корцом из родника,
Хрустальной влагой запивали мякоть
Нектарную. Немало было здесь
Улыбок нежных, ласковых речей
И шалостей, что молодой чете,
Соединенной в силу брачных уз
Счастливых, свойственно, когда она
Уединяется. Невдалеке
Резвились тысячи земных зверей,
Позднее одичавших и травимых
Ловцами в глубине дубровных чащ,
В пустынях и пещерах. Лев играл,

Выказывая ловкость, и в когтях
Козленка нянчил. Прыгали вокруг
Медведи, барсы, тигры, леопарды,
Супругов теша. Неуклюжий слон
Усиленно старался их развлечь,
Вращая гибким хоботом; змея,
Лукаво пресмыкаясь, к ним ползла
И Гордиевым завязав узлом
Свой хвост, невольно упреждала их
О роковом коварстве. На лугу
Покоились другие и глазели,
Насытясь, или, жвачку на ходу
Жуя, плелись к ночлегу. Между тем
Склонялось ниже солнце и уже
К далеким океанским островам
Приблизилось, и звезды в небесах
Затеплились, провозвещая ночь,
А Сатана, как прежде, все глядел
Ошеломленный; наконец, едва
Собой владея, скорбно произнес:

« — О, Ад! Что видит мой унылый взор!
Блаженный край иными населен
Созданьями, из праха, может быть,
Рожденными; не Духами, хотя
Немногим отличаются они
От светлых Духов Неба. Я слежу
За ними с изумленьем и готов
Их полюбить за то, что Божий лик
Сияет в них, и щедро красотой
Создателем они одарены.
Не чаешь ты, прелестная чета,
Грозящей перемены. Отлетят
Утехи ваши; бедственная скорбь
Заступит их, тем горшая, чем слаще
Блаженство нынешнее. Да, теперь
Вы счастливы, но на короткий срок.
В сравненье с Небом слабо защищен
Ваш уголок небесный от Врага,
Сюда проникшего, но от Врага
Невольного. Я мог бы сострадать
Вам, беззащитным, хоть моей беде,
Увы, никто не сострадал. Ищу
Союза с вами, обоюдной дружбы

Нерасторжимой; мы должны вовек
Совместно жить; и если мой приют
Не столь заманчивым, как Райский Сад,
Покажется, вы все равно приять
Его обязаны, каков он есть,
Каким его Создатель создал ваш
И мне вручил. Я с вами поделюсь
Охотно. Широчайшие врата
Для вас Геенна распахнет; князей
Своих навстречу вышлет. Вдоволь там
Простора, чтоб вольготно разместить
Всех ваших отпрысков; не то что здесь,
В пределах Рая тесных. Если Ад
Не столь хорош — пеняйте на Того,
Кто приневолил выместить на вас,
Невинных, мой позор, в котором Он
Виновен. Пусть растрогала меня
Беспомощная ваша чистота,—
А тронут я взаправду,— но велят
Общественное благо, честь и долг
Правителя расширить рубежи
Империи, осуществляя месть,
И, миром этим новым завладев,
Такое совершить, что и меня,
Хоть проклят я, приводит в содроганье».

Так Сатана старался оправдать
Необходимостью свой адский план,
Подобно всем тиранам; он, затем,
Слетел с макушки Древа, с вышины
Воздушной и, к резвящимся стадам
Четвероногих тварей подступив,
Поочередно облики зверей
Стал принимать различные, стремясь
Неузнанным пробраться и вблизи
Поживу разглядеть, узнать вернейше,
Из действий и речей обоих жертв,
О их обычаях. Вот гордым львом,
Сверкая взорами, вокруг четы
Он выступает; вот, припав к земле,
Под видом тигра, что застал в лесу
Двух нежных ланей и решил игру
Затеять с ними, он одним прыжком
Переменяет место и опять

Крадется, повторяя много раз
Уловку эту, выжидая миг
Удобный, чтоб добычу закогтить.
Но первый из мужей — Адам любовно
Окликнул Еву — первую из жен;
Подслушивая, жадно Враг внимал
Речам, ему неведомым досель.

« — Единая участница утех,
Равно — их драгоценнейшая часть
Единая! Всесильный создал нас
И этот мир для нас; конечно, Он
Безмерно добр и в доброте Своей
Безмерно щедр, из праха нас призвав
К счастливой жизни райской. Мы ничем
Не заслужили счастья и воздать
Ничем Творцу не можем. Он взамен
Так мало требует: блюсти запрет
Единственный и легкий: изо всех
Деревьев, что различные плоды
Нам дивные даруют, лишь от Древа
Познанья не вкушать; оно растет
Бок о бок с Древом Жизни. Столь близка
От жизни смерть. Но что такое смерть?
Наверно, нечто страшное. Господь
Грозил нам смертью, если мы вкусим
Запретный плод. Вот наш единый долг
Покорности признательной, за власть,
Которую Всевышний нам вручил
Над всеми тварями земли, воды
И воздуха. Он первенство признал
За нами. Не сочтем же тяготой
Приказ Его. Мы в остальном вольны
Любое наслажденье избирать
Неограниченно. Хвалу Творцу
И милостям Творца провозгласим
Отныне и вовеки, предаваясь
Обязанности милой: холить сад,
Оберегать растенья и цветы.
Вдвоем с тобой — мне сладок всякий труд».

Ответствовала Ева: « — От тебя
И для тебя родясь, я плоть от плоти
Твоей. Существованью моему

Нет смысла без тебя. Ты — мой глава,
Мой вождь. Правдиво все, что ты сказал,
И мудро: неустанно восхвалять
Создателя, вседневно вознося
Ему благодаренья,— мы должны;
И особливо я,— ведь не в пример
Я счастлива общением с тобой,
Созданием меня превосходящим;
Но ты себе не сыщешь ровни здесь.
Я вспоминаю часто день, когда
Очнулась я впервые, осознав
Себя покоющейся на цветах,
В тени листвы, дивясь: кто я такая,
Где нахожусь, откуда я взялась?
Вблизи ручей с журчаньем истекал
Из грота, образуя водоем
Недвижный, чистый, словно небосвод.
Я простодушно подошла к нему,
На берег опустилась травяной,
Чтоб заглянуть в глубины озерца
Прозрачные, казавшиеся мне
Вторыми небесами; но, к воде
Склонясь зеркальной, увидала в ней
Навстречу мне склоненное лицо.
Мы встретились глазами. В страхе я
Отпрянула; виденье в тот же миг
Отпрянуло. Склонилась я опять
Прельщенная,— вернулось и оно,
Мне отвечая взглядами любви
И восхищенья. Долго не могла
Я оторваться от него в тоске
Напрасной, но какой-то глас воззвал:
«—Прекрасное созданье! Этот лик
Лишь ты сама, твой образ; он с тобой
Является и пропадает вновь.
Вперед ступай, тебя я провожу,
Не тень обнимешь ты, но существо,
Чье ты подобье. Нераздельно с ним
Блаженствуя, ты множество детей,
Похожих на тебя, ему родишь,
Праматерью людей ты наречешься!»
Что было делать? За вождем незримым
Последовав, тебя я обрела,
Пригожего и статного, в тени

Платана; мне сдалось, ты уступал
Манящей негой, кроткой красотой
Виденью милому, что в глуби вод
Предстало мне. Я повернула прочь;
Ты, кинувшись вдогон, кричал: «—Вернись,
Прекраснейшая Ева! От кого
Бежишь? Ты от меня сотворена,
От плоти плоть, кость от костей моих.
Для твоего существованья, часть
От самого себя, от бытия
Телесного, ближайшее, у сердца,
Ребро я отдал, чтоб вовек при мне
Утехой неразлучной ты была.
Тебя ищу как часть моей души,
Мою другую половину!» Ты
Коснулся в этот миг моей руки.
Я предалась тебе и с той поры
Узнала, что мужской, высокий ум,
Достоинство мужское — красоту
Намного превосходят; поняла,
Что истинно прекрасны — лишь они!»
Так молвила Праматерь, томный взор
С невинною, супружеской любовью
И ласковостью мягкой возведя
На Праотца, его полуобняв,
К нему прильнув. Под золотом волос
Рассыпанных ее нагая грудь,
Вздымаясь, прилегла к его груди.
Покорством нежным Евы упоен
И прелестью, он улыбнулся ей
С любовью величайшей; точно так,
Юпитер, облака плодотворя,
Дабы цветы на Землю сыпал Май,
Юноне улыбался. На устах
Супруги милой чистый поцелуй
Адам запечатлел, а Сатана
Завистно отвернулся, но потом
С ревнивой злобой искоса взглянул
На них опять и в мыслях возроптал:
«— Мучительный и ненавистный вид!
В объятьях друг у друга, эти двое
Пьют райское блаженство, обретя
Все радости Эдема. Почему
Им — счастья полнота, мне — вечный Ад,

Где ни любви, ни радости, одно
Желанье жгучее,— из наших мук
Не самое последнее,— томит
Без утоленья. Должен я, однако,
Не позабыть подслушанное мной.
Им, кажется, не все принадлежит
В Раю. Здесь роковое где-то есть
Познанья Древо; от него вкушать
Нельзя. Познанье им запрещено?
Нелепый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь
Познанье людям? Разве может быть
Познанье преступленьем или смерть
В себе таить? Неужто жизнь людей
Зависит от неведенья? Ужель
Неведенье — единственный залог
Покорности и веры и на нем
Блаженство их основано? Какой
Отличный способ им наверняка
Погибель уготовать! Разожгу
В них жажду знанья. Научу презреть
Завистливый закон, который Бог
Предначертал для униженья тех,
Кого познанье бы могло сравнять
С богами. К чести этой устремясь,
Вкусив, они умрут. Иной исход
Возможен разве? Надо лишь сперва
Повсюду исходить весь Райский сад,
Заглядывая в каждый уголок.
Авось какой-нибудь Небесный Дух
В тени прохладной или у ручья
Случайно попадется, и тогда
Я постараюсь кое-что еще
Разведать у него. А ты живи
До времени, блаженная чета,
И кратким счастьем пользуйся, пока
Я не вернусь; последует затем
Твоих страданий долгая пора!»

Так, с наглостью помыслив, отошел
Он горделиво и пустился в путь;
Ловча и соблюдая осторожность,
Леса, поля, долины и холмы
Украдкой исшагал. Уже к черте,

Где небосвод на море и земле
Покоится, неспешно Солнце вниз
Катилось, и пологие лучи
Его закатные струили свет
Вечеровой на Райские Врата
Восточные — утесистый хребет
Из алавастра; он издалека
Приметен был, вздымаясь к облакам
На гребень лишь одна тропа вела
Петлистая; со всех других сторон
Нависшие, зазубренные скалы
К вершине алавастровой горы
Дорогу преграждали. Там сидел
Среди столпов скалистых Гавриил,
Начальник стражи Ангельской, и ждал
Прихода ночи. Юные бойцы
Пред старшим героические игры
Затеяли, оружие сложив
Небесное: шеломы, и щиты
И дротики, блиставшие во мгле
Алмазами и золотом. Но вдруг
Сам Уриил на солнечном луче
Примчался к ним. Так падает звезда,
Осенней ночью небо прочертив,
Сквозь воздух, полный огненных паров,
И мореходам указует румб,
Откуда угрожает ураган.
Архангел, торопясь, проговорил:
«—О, Гавриил! Блаженный этот край
Ты неусыпно должен охранять,
По жребию,— от всяческого зла.
Но в сфере, мне подвластной, некий Дух
Явился нынче полднем и заверил,
Что жаждет он создания Творца
Новейшие увидеть,— предо всем,
Последний образ Божий — Человека.
Я указал дорогу, но следил
За ним. Когда он завершил полет
На севере Эдема, на горе,
Подметить я успел, что Небу чужд
Его страстями омраченный взор.
Я из виду его не упускал,
Но скрылся он в тени. Меня страшит:
Не из орды ли он бунтовщиков

Низвергнутых, покинувший Геенну,
Чтоб смуту здесь посеять? Разыщи
Во что бы то ни стало чужака!»
Крылатый воин молвил: «— Не дивлюсь
Нимало, Уриил, что в силах ты,—
Пресветлый сферы Солнца властелин,—
Непогрешимым зреньем проницать
Безмерное пространство вширь и вглубь.
Но бдительная стража этих врат
Сюда не даст прохода никому,
Впуская лишь насельников Небес,
Ей хорошо известных. До сих пор
Не появлялся ни один из них
С полудня. Если ж Дух иной проник
С дурными целями, преодолев
Земные огражденья,— знаешь сам,
Что бестелесных трудно удержать
При помощи вещественных препон.
А если тот, о ком ты говоришь,
Здесь прячется,— его разоблачу
К рассвету, под личиною любой!»

Он так заверил. Тотчас Уриил
Вернулся вновь на пост, и тот же луч
Сверкающий, полого наклонясь,
Отнес его на Солнце, что теперь
За острова Азорские зашло,—
Поскольку Солнце с дивной быстротой
Неслыханной дневной свершило круг,
Иль менее проворная Земля,
Спеша путем кратчайшим на восток,
Оставила светило позади,
Где отражает золото оно
И пурпур, украшая облака
У своего закатного престола.
Вот безмятежный вечер наступил,
И серый сумрак все и вся облек
Одеждой темной; он сопровожден
Молчаньем, ибо птицы и зверье
Уже расположились на ночлег;
Кто на траве заснул, а кто в гнезде.
Лишь соловей не спит; ночь напролет
Поет влюбленно; тишина ему
Восторженно внимает. Просиял

Сапфирами живыми небосклон,
А самым ярким в хороводе звезд
Был Геспер, их глава, пока Луна
Не вышла величаво из-за туч
И разлила свой несравненный свет,—
Царица ночи! — и на темный мир
Набросила серебряный покров.

И Еве так сказал Адам: «—Подруга
Прекрасная! И ночь, и мирный сон
Природы призывают нас вкусить
Отдохновенье. Присудил Господь,
Чтоб труд и отдых, словно день и ночь,
Сменялись. Вот урочная роса
Дремоты сладким бременем легла
На наши веки. Для других существ,
Бродящих праздно, длительный покой
Не столь потребен. Должен Человек,
Духовно иль телесно,— каждый день
Трудиться; в этом истинный залог
Его достоинства и знак вниманья
Небесного ко всем его путям.
Животным же Создатель разрешил
Бездейственно слоняться и Творцу
Отчета не давать; но завтра мы,
Опережая свежую зарю
Румяную, что наступленье дня
С востока возвещает,— мы опять
Работу радостно возобновим,
Цветущие деревья станем холить,
Зеленые аллеи, где в тени
Полуденный пережидаем зной;
Там ветви разрослись, как бы смеясь
Над нашей маломощью; больше рук
Здесь надо, чтоб смирить их буйный рост.
Увядшие цветы и сгустки смол,
Устлавшие тропинки, подлежат
Уборке, а пока, блюдя закон
Природы, нас на отдых ночь зовет».

Блистая совершенной красотой,
Сказала Ева: «— Мой жизнеподатель,
Владыка мой! Безропотно тебе
Я повинуюсь; так велел Господь.

Он — для тебя закон, ты — для меня;
Вот все, что женщине потребно знать,
И для нее превыше в мире нет
Ни мудрости, ни славы. Близ тебя
Не замечаю времени; равно
Все перемены суток, все часы
Мне сладостны: и утра первый вздох,
И первый свет, и ранний щебет птах,
И Солнце, что на чудный этот край,
На травы, дерева, цветы, плоды
В росистых искрах,— первые лучи
С востока проливает; и земля
Пахучая и тучная, дождем
Напитанная теплым; и приход
Затишных, сонных сумерек; и ночь
Немая; и торжественный певец
Ночной; и эта дивная Луна
Со звездной свитой — перлами небес,
Всё любо мне. Но ведай: ни дыханье
Рассвета свежее, ни ранний хор
Пичуг, ни Солнце, что с востока льет
Лучи на край прекрасный, ни роса
Сверкающая на плодах, цветах
И травах, ни пахучая земля,
Омытая дождем, ни тихий вечер,
Ни ночь безмолвная с ее певцом
Торжественным, с гуляньем при Луне
Под звездным роем трепетным,— ничто
Меня не тешит без тебя, Адам!
Чему же служит блеск светил ночных,
Когда смежает сон глаза существ?»

«— О, Ева! Дочь прекраснейшая Бога
И Человека! — общий предок наш
Ответствовал.— Они вокруг Земли
Бегут за сутки от страны к стране.
Их назначенье: по ночам светить
Народам, что еще не родились,
Всходить и заходить, чтоб темнота
Кромешная не обрела опять
В теченье ночи древние права
Свои, не истребила жизни всей
В Природе. Эти мягкие огни
Не только свет, но и тепло дарят,

Влияют разно, греют, умеряют,
Питают, холят, силу придают
Растеньям звездную, готовя их
К приятью мощных солнечных лучей
И к полному расцвету. Нет, не зря
Глубокой ночью тысячи светил,
Никем не созерцаемые, льют
Сиянье дружное. Не полагай,
Что если б вовсе не было людей,
Никто бы не дивился небесам,
Не восхвалял бы Господа. Равно —
Мы спим ли, бодрствуем,— во всем, везде
Созданий бестелесных мириады
Незримые для нас; они дела
Господни созерцают и Ему
И днем и ночью воздают хвалы.
Нередко эхо из глубин дубрав,
С холмов отзывчивых, доносит к нам
Торжественные звуки голосов
Небесных, воспевающих Творца,—
Отдельных или слитых в дивный хор,
И оглашающих поочередно
Полночный воздух! Часто патрули
Дозорные играют по ночам
На звучных инструментах неземных,
И гимны чудные, и струнный звон
Возносят нас духовно к Небесам!»

Беседуя, они рука в руке
Шли опочить в своей счастливой куще.
Садовник высочайший сам избрал
Ей место, создавая Райский сад
На благо Человеку. Лавр и мирт,
С высокими растеньями сплетясь,
Образовали кровлю шалаша,
Душистою и плотною листвой.
Акант и благовонные кусты
Стеной служили; множество цветов
Прелестных: пестрый ирис, и жасмин,
И розы,— меж ветвями проскользнув,
Заглядывали изо всех щелей,
В мозаику слагаясь. На земле
Фиалки, крокусы и гиацинты
Узорчатым раскинулись ковром,

Намного ярче красочных прикрас
Из дорогих камней. Любая тварь,—
Зверь, птица, насекомое и червь,—
Благоговея пред людьми, сюда
Проникнуть не дерзали. Нет, в тени
Такой, в столь безмятежном и святом
Уединенье, ни Сильван и Пан —
Измышленные божества,— ни фавны
И нимфы не вкушали сна вовек!
Здесь Ева ложе брачное свое
Впервые в плетеницы убрала,
Устлала ворохом душистых трав,
Когда с Небес венчальный гимн звучал,
И Ангел брачный за руку привел
Ее к супругу, в дивной наготе
Прекраснее Пандоры, что была
Богами изобильем всех даров
Осыпана, подобно Еве став
Причиною неисчислимых бед;
И к сыну безрассудному Япета,
Гермесом приведенная, людей
Прельщением очей очаровать
Смогла и похитителю огня
Зевесова жестоко отомстить.

Достигнув кущи, взоры возвели
Жена и муж к открытым небесам,
Молясь Тому, кто Землю сотворил,
Бодрящий воздух, голубую твердь,
Лучистый лунный шар и звездный свод:
«— Свершитель всемогущий! Создал Ты
И ночь, и нами прожитый в трудах,
Назначенных Тобой,— минувший день,
Счастливые взаимною помогой,
Любовью обоюдною,— венцом
Блаженства нашего,— по Твоему
Велению. Чудесный этот Рай
Для нас велик, нам не с кем разделить
Твои дары, что падают, созрев,
Без всякой пользы; но Ты дал зарок,
Что племя многолюдное от нас
Произойдет, и Землю населит,
И благость безграничную Твою
Совместно с нами будет прославлять,

Восстав от сна и призывая сон,—
Твой дар,— как призываем нынче мы!»

Чета согласно вознесла мольбу;
Иных обрядов не было у них,—
Лишь преклоненье истое одно
Пред Богом, наиболее Творцу
Угодное; потом, рука в руке,
Вступили в сень; присущих нам одежд
Стеснительных совлечь им не пришлось;
И совокупно возлегли. Адам,
Я полагаю, от подруги милой
Не отвернулся, так же и жена
Отказом не ответила, блюдя
Обычай сокровенный и святой
Любви супружеской. Пускай ханжи
Сурово о невинности твердят
И чистоте, позоря и клеймя
Нечистым то, что чистым объявил
Господь, и некоторым — повелел,
А прочим — разрешил. Его завет:
Плодиться, а поборник воздержанья —
Губитель наш, враг Бога и людей.
Хвала тебе, о, брачная любовь,
Людского рода истинный исток,
Закон, покрытый тайной! Ты в Раю,
Где все совместно обладают всем,—
Единственная собственность. Тобой
От похоти, присущей лишь скотам
Бессмысленным, избавлен Человек.
Ты, опершись на разум, утвердила
Священную законность кровных уз,
И чистоту, и праведность родства,
И ты впервые приобщила нас
К понятиям: отец, и сын, и брат.
Тебя я даже в мыслях не сочту
Греховной и срамной, в священный Сад
Проникнуть недостойной! О, родник
Неиссякаемых услад семейных!
Твое нескверно ложе от веков
И будет впредь нескверным; посему
Угодники покоились на нем
И патриархи. Здесь любовь острит
Златые стрелы, возжигает здесь

Лампаду неизменную свою
И веет взмахами пурпурных крыл.
Здесь торжествует и царит она,
А вовсе не в улыбках покупных
Блудницы, не в безлюбой, безотрадной
Усладе мимолетной, не в пустом,
Случайном волокитстве на пиру
Ночном, на маскированных балах,
Средь плясок суетных и серенад,
Которые продрогший кавалер
Спесивице поет, а лучше б он
С презрением распутную отверг.

Супруги спят в обнимку; соловьи
Их убаюкали; цветочный кров
Ронял на обнаженные тела
Охапки роз, что поутру опять
Возобновляются. Блаженно спи,
Чета счастливая! Была бы ты
Стократ счастливей, счастья не ища
Полнейшего и не стремясь предел
Дозволенного знанья преступить!

Уже коническая Ночи тень,
Обширный свод подлунный обходя,
Измерила к Зениту полпути.
Из врат слоновой кости в должный час
Выходят Херувимы в боевом
Порядке, при оружье, на дозор.
Тогда Архангел Гавриил воззвал
К военачальнику, что был за ним
По званью следующим: «— Узиил,
Ты с частью воинов ступай на юг,
Следя за всем; я остальных бойцов
На север поведу. Мы круг замкнем,
Сойдясь на западе». Как пламена,
Отряды разделились; одному —
Щитом Архангел указует путь,
Копьем — другому, а затем, избрав
Двух мудрых, мощных Духов приближенных,
Изрек: «— Итуриил, и ты, Зефон,
На быстрых крыльях облетите Сад,
Проверьте тщательно, ни уголка
Не пропустив, особенно следя

За кущей, где прекрасная чета,
Быть может, мирно спит, не чая зла.
Ко мне явился вестник ввечеру,
От Солнца заходящего, сказав,
Что некий Дух из Пекла ускользнул
(Кто б мог помыслить!) и пробрался в Рай,
Наверняка с недоброй целью. Вы
Доставьте, отыскав его, сюда!»

Промолвив так, повел он свой отряд,
Сверканьем затмевавший блеск Луны,
А два его посланца к шалашу
Направились и здесь нашли Врага.
У Евиного уха прикорнул
Он в жабьем виде, дьявольски стремясь
К сокрытому проникнуть средоточью
Воображенья Евы, чтоб мечты
Обманные предательски разжечь,
Соблазны лживых снов и льстивых грез,
И вдунутой отравой загрязнить
Флюиды жизненные, что восходят
От крови чистой, как восходит пар
Легчайший от дыхания ручья
Прозрачного, и растравить в душе
Праматери броженье смутных дум,
Досаду, недовольство, непокой —
Источник целей тщетных и надежд,—
И страсти необузданные — плод
Надменных помыслов, что порождают
Безумье гордости. Итуриил
Чуть прикоснулся дротом к Сатане:
Касание субстанции небесной
Невмочь снести притворству, не приняв
Свой настоящий облик; Враг вскочил,
Ошеломленный тем, что обличен.
Так искра производит взрыв, упав
На груду пороха, что про запас
Накоплена в хранилище, ввиду
Угрозы приближения войны;
Мгновенно вздувшись, черное зерно
Воспламеняет воздух. Так в своем
Обличье истинном воспрянул Враг.
Два Ангела прекрасных, от Царя
Ужасного невольно отступив,

Бесстрашно вновь приблизились к нему
И молвили: «— Какой мятежный Дух,
Из тех, в Геенну ввергнутых, посмел
Тюрьму покинуть и прийти сюда?
Зачем, подобно недругу в засаде,
Ты спящих стережешь, преобразясь?»

«— Не узнаете? — Сатана вскричал
Презрительно.— Не знаете меня?
Однако, знали встарь, когда я был
Вам не чета; настолько высоко
Я восседал, что вознестись туда
И не мечтали вы. Меня не знать
Лишь может сам безвестный, из числа
Ничтожнейших; но если узнан я,—
К чему пустым вопросом начинать
Осуществленье вашего заданья,
Которое закончится ничем?»

Презреньем на презренье возразил
Зефон Врагу: «— Не думай, бунтовщик,
Что ты остался прежним, утеряв
Сиянье святости и чистоты,
Венчавшее тебя на Небесах.
Твой блеск померк, едва ты изменил
Добру. Ты ныне страшен, как твой грех,
Как Пекло мрачное, куда тебя
Низвергли. Но ступай; ты дашь отчет
Тому, кто нас послал, кто этот край
И этих спящих от беды хранит!»

Речь Херувима, строго прозвучав,
Была неотразимою в устах
Сияющего юной красотой
Воителя, и посрамленный Дьявол
Почувствовал могущество Добра.
Он добродетели прекрасный лик
Узрел и об утраченном навек
Печалился, но более всего
Скорбел о том, что Ангелами он
Не узнан был, настолько тусклым стал
Его бывалый блеск; но Сатана
Бестрепетен казался: «— Если мне
Сражаться надо,— с главным поборюсь,

А не с посланцами; не то на бой
Вас вызову одновременно всех;
Я либо славу вящую снищу
Иль меньшему подвергнусь посрамленью!»
Зефон ответил доблестно: «— Твой страх
Свидетельствует, что из нас любой,
Слабейший, может грешного тебя,
А стало быть — бессильного,— сразить!»

Враг промолчал, от злобы онемев;
Подобно горделивому коню,
Грызущему стальные удила,
Он двинулся вперед, сочтя побег,
Равно как битву,— тщетными. Испуг,
Внушенный свыше, сердце оковал,
Не знающее страха ни пред кем,
За исключеньем Неба одного.
Они от западной недалеки
Черты, где, полукружные пройдя
Пути, сошлись дозоры и в ряды
Построились, дабы приказу внять
Очередному. Вождь их, Гавриил,
Вскричал: «— Друзья! Мне слышатся шаги
Проворные, спешащие сюда.
Итуриила и Зефона вижу
Светящихся в тени, а с ними — царь
Осанкою; хоть блеск его погас,
Но поступь и свирепость выдают
Владыку Ада. Вряд ли без борьбы
Отступит. Будьте стойки. Дерзкий взор
Пришельца вызывает нас на бой!»

Лишь только он промолвил, два гонца
Приблизились и кратко доложили:
Кто приведенный, где его нашли,
Что делал и в каком обличье был.
Сурово глядя, Гавриил сказал:
«— Зачем предел, назначенный тебе,
Ты преступил и стал помехой нам,
Отвергшим твой пример? Облечены
Мы властью и законом допросить
Тебя: как ты посмел пробраться в Рай,
Наверно, с целью возмутить покой

И сон четы, которую Творец
В обители блаженства поселил?»

Глумясь, ответил Враг: «— На Небесах
Ты, Гавриил, считался мудрецом;
Я был согласен с этим, но теперь
Внушает мне сомненье твой вопрос.
Ну кто же собственным страданьям рад?
Кому застенок люб? Кто б не бежал
Из Преисподней, ввергнутый в огонь,
Когда б возмог возвратный путь найти?
Ты на побег отважился бы сам,
Как можно дальше от Геенских мук,
В места, где есть надежда заменить
Терзанья — безмятежностью, а скорбь —
Отрадой. Вот чего ищу я здесь.
Ты не поймешь, ты горя не знавал,
Ты только благо ведал. Мне в укор
Твердишь о повелении Того,
Кто держит нас в тюрьме. Но почему
Он крепче не замкнул Свои врата
Железные, коль нас хотел навек
В темницу заключить? Вот мой ответ
На твой вопрос. Все остальное — верно;
Твои посланцы там нашли меня,
Где сказано. Однако в этом нет
Ни наглости, ни умышленья зла!»
Так издевался нагло Архивраг.

Воинственный Архангел возразил
С презрительной усмешкой: «— Небеса
Какого ж потеряли судию
Премудрого, с тех пор как Сатана,
Охваченный безумьем, сброшен в Ад.
Вторично обезумев, он тюрьму
Покинул ныне и в сомненье впал
Глубокое: считать ли мудрецом
Того, кто задает ему вопрос —
Какою дерзостью он приведен
Сюда? Как самовольно ускользнуть
Посмел из Ада? Бегство от расплаты
Заслуженной, от справедливых мук
Он полагает мудрым! Думай так,

Бахвал, пока не грянет Божья месть,
Которую побегом ты навлек,
Семижды наказуя беглеца,
И мудрость, не постигшую досель,
Что никакими пытками нельзя
Безмерный гнев Господень утолить,
Столь безрассудно вызванный тобой,—
Бог ввергнет вновь ослушника в Геенну!
Но почему же ты один? Зачем
Весь Ад не вырвался? Неужто им
Страдать легко и незачем бежать?
Быть может, боль ты менее других
Терпеть способен? О, геройский вождь,
Удравший первым! Если б ты открыл
Покинутым товарищам причину
Побега, был бы ты не одинок».

Насупясь, Враг ответил: «—Никому,
Ехидный Ангел, я не уступлю
В отваге и терзаний не страшусь.
Сам знаешь, как я стоек был в бою,
Пока разряды залпов громовых
Не подоспели с помощью к тебе
Нас разметать; без них твое копье
Мне страха не внушает. Речь твоя,
Вопимая тобою наобум,
Лишь подтверждает вновь, как ты незрел
В делах военных, если невдомек
Тебе, что, неудачу претерпев
И проиграв сраженье, верный долгу
Начальник не рискнет свои войска
Опасностям безвестного пути
Подвергнуть, не исследовав его
Собственнолично. Оттого лететь
Решил я сам — один и пересек
Пустыню бездны, чтоб разведать мир
Новорожденный, о котором слух
Достигнул Преисподней. Здесь хочу
Прибежище для сокрушенных войск
Найти и разместить их на Земле
Иль посреди воздушного пространства,
Хотя б для этой цели снова нам
С тобою переведаться пришлось
И с пышным воинством твоим; у них

Обязанность легчайшая — служить
Владыке своему на Небесах
И. пресмыкаясь, распевать псалмы,
На должном расстоянье окружив
Его Престол — отнюдь не воевать!»

Небесный ратник тотчас отвечал:
«—Ты сам себя оспорил, заявив
Сперва, что бегство от Геенских мук
Считаешь мудростью; потом, признался
В шпионстве. Ты разоблаченный лгун,
Отнюдь не вождь! Как, Сатана, посмел
Ты верностью хвалиться? Осквернить
Святое слово: верность? И кому
Ты верен? Скопищу бунтовщиков,
Орде злодейской, своему главе
Под стать? Неужто вашу честь и верность
Присяге воинской вы соблюли,
В повиновенье Власти отказав
Верховной, признанной во всей Вселенной?
О, лицемер коварный! Ты сейчас
Борца за вольность корчишь; но скажи:
Кто в пресмыканье пред Царем Небес,
В униженном холопстве превзошел
Тебя? Но ты хребет покорно гнул,
В надежде, свергнув Бога, самому
Господствовать. Тебе совет я дам:
Прочь убирайся! Поспеши в тюрьму,
Откуда ты сбежал, и если здесь,
В священной этой области, опять
Возникнешь, я, преступника сковав,
Вновь заключу в Геенну и тебя
Так запечатаю, что до конца
Времен ты издеваться не дерзнешь
Над слабостью затворов Адских Врат!»

Так он грозил, но, не затрепетав
И пуще разъярившись, Враг вскричал:
«— Сначала одолей, потом толкуй
Про цепи, ты, надменный Херувим,
Граничный стражник! Прежде потрудись
Узнать, что мощь руки моей тебе
Не одолеть, хоть на своих крылах

Катаешь ты Творца и наравне
С такими же, привыкшими к ярму
Рабами, колесницу Божества
Победную среди Небес влечешь
По вымощенной звездами стезе!»

На этот вызов Ангельский отряд
Лучистый алым пламенем зардел,
Фалангой серповидною тесня
Врага, направив копья на него;
Точь-в-точь — созревшая для жатвы нива
Церерина, густой, остистый лес
Колосьев наклоняет до земли,
Куда их ветер гнет; глядит на них
Крестьянин озабоченный, страшась,
Чтоб урожай желанный не принес
Ему одну мякину. Сатана
В тревоге, силы все свои напряг
И словно Атлас или Тенериф,
Во весь гигантский выпрямившись рост,
Неколебимо противостоял
Опасности. Он головой в зенит
Уперся; шлем его увенчан был
Пернатым ужасом; сжимал кулак
Оружие, подобное копью
И вместе с тем служившее щитом!
Вот-вот свершатся страшные дела!
Не только Рай, но звездный небосвод,
Стихии все могли быть сметены,
Размолоты, развеяны как пыль
В свирепой этой стычке, но Господь
Весы на небе поднял золотые;
Меж Скорпионом и Астреей мы
И ныне видим их. На тех весах
Он созданное взвесил в первый раз,
С воздушной оболочкой уравнял
Парящий шар земной; до наших дней
Событья взвешивает, судьбы царств,
Исход военных действий; и теперь
Два жребия Всевышний положил
На чаши: отступленье — на одну,
Сраженье — на другую. Взмыла вмиг
Она до коромысла. Знак такой
Увидев, Гавриил сказал Врагу:

«— Мою ты знаешь силу, я — твою.
Не наши обе, нам лишь вручены.
Безумие — оружием бряцать,
Когда твоим ты властен совершить
Не более того, что Бог попустит,
Равно как я — моим; хоть я вдвойне
Сильней и в прах могу тебя втоптать.
Взгляни наверх, прочти твою судьбу
В небесном знаменье, где взвешен ты.
Узнай, насколько легок ты и слаб
В противоборстве!» Враг возвел глаза,
Свою увидел чашу, что взвилась
Высоко, и с роптаньем отступил,
И все ночные тени вместе с ним.

СОДЕРЖАНИЕ

Утро приближается. Ева рассказывает Адаму свой тревожный сон; огорченный Адам утешает ее. Они приступают к повседневным трудам. Утренний гимн у входа в кущу. Бог, предупреждая возможные в будущем попытки оправдания со стороны Человека, посылает Архангела Рафаила, дабы утвердить Адама в повиновении, поведать ему о свободе воли и уведомить о близости Врага, рассказать, кто он, каковы его цели, а также о прочих предметах, о которых следует знать Адаму. Рафаил нисходит в Рай; его прибытие, замеченное Адамом, сидящим у кущи. Адам встречает Рафаила, приглашает его в свое жилье, угощает лучшими райскими плодами, собранными Евой. Беседа за трапезой. Рафаил, исполняя поручение, напоминает Адаму о его блаженстве в Раю и о злобе Врага. По просьбе Адама, объясняя ему, кто таков его Враг, он начинает рассказ от Первого мятежа на Небесах, о том, как Сатана увлек свои легионы на Север, там возмутил их и обольстил всех, кроме Серафима Абдиила. Последний пытается убедить Сатану отречься от своих замыслов, но, не преуспев в этом, покидает стан мятежников.

Уже скользя на розовых стопах,
С востока утро близилось, на дол
Заморские роняя жемчуга,
Когда Адам восстал в обычный срок
От сна воздушно-легкого; вкушал
Он пищу только чистую, и в нем
Кровь чистая текла, а потому
И сон его от лепета листвы

И плеска ручейков, от песни птах
Рассветной, меж ветвей, от опахала
Аврорина,— развеивался вмиг.
С тем бóльшим изумленьем он узрел,
Что, кудри в беспорядке разметав,
В тревожном сне, с пылающим лицом,
Не пробудилась Ева. К ней склонясь,
Полупривстав, на локоть опершись,
Наш Праотец любовно созерцал
Очаровательную красоту
Жены прельстительной равно во сне
И наяву; он, Евиной руки
Едва коснувшись, ласково шепнул,
Умильного дыхания нежней,
Которым Флору обдает Зефир:
«— Прекраснейшая, лучшая моя,
Найденная! Последний, лучший дар
Небес! Неиссякаемый родник
Всё новых нег! Проснись! Уже рассвет
В сверканье; освеженные поля
Зовут. Мы тратим дивный час, когда
Могли б следить, как нежные взошли
Растения, как роща расцвела
Лимонная, как мирра и тростник
Целительный сочатся, как Природа
Пестреет вновь, как, прилепясь к цветку,
Пчела сосет пахучий, сладкий сок!»

Так он шептал; она же обняла
Его, промолвив с ужасом в глазах:
«—Единственно в тебе заключены
Стремленья все мои; единый ты
Мое блаженство, слава и покой.
Отрадно видеть вновь твое лицо
И возвращенье утра! Нынче ночью
(Подобной не знавала я досель),
В виденье сонном,— если это сон,—
Ни ты мне не явился, ни труды
Вчерашние, ни замыслы работ
Сегодняшних. Обида и тоска,
Которых я до этой ночи злой
Не ведала, тревожили меня;
И мнилось: кто-то ласково шептал
Мне на ухо; я думала сперва,

Что это голос твой. Он говорил:
«—Зачем ты, Ева, спишь? Царит пора
Волшебная прохлады и молчанья,
Лишь сладостные трели певуна
Бессонного, ночного, в тишине,
Любовью вдохновленные, звучат.
Владычит полнолунье; мягкий свет
Обличье призрачное придает
Всему, но тщетно: этого никто
Не видит. Недреманные глаза
Небес отверсты; чем же любоваться,
Как не одной тобой, они хотят,
Природы утешеньем? Целый мир,
Обвороженный прелестью твоей,
Глядит не наглядится на тебя!»

Восстала я на этот зов, но ты
Отсутствовал; на поиски решась,
Одна я долго разными брела
Тропинками и очутилась вдруг
У Древа запрещенного познанья.
Оно прекраснее, чем наяву,
Казалось. Я смотрела на него,
Дивясь, и вижу: рядом с ним стоит
Крылатый некто, жителям Небес
Подобный, нам являвшимся не раз;
Амброзия сочилась, как роса,
С его кудрей; на Древо он глядел
И говорил: «—О, дивное растенье,
Плодами отягченное! Ужель
Никем не будешь ты облегчено
И не вкусят ни Бог, ни Человек
От сладости твоей? Ужель познанье
Столь гнусно? Кто усладу запретить
Способен? Только Зависть. Налагай
Запрет — кто хочет; я не отступлюсь
От благ твоих; иначе бы зачем
Ты здесь росло!» — Сказав, он плод сорвал
Бесстрашно и вкусил. От наглых слов
И наглого поступка обмерла
В испуге я, но он вскричал: «—О, плод
Волшебный, сладостный сам по себе,
Но сорванный, запрету вопреки,
Вдвойне сладчайший! Возбраненный здесь,

Ты, верно, предназначен для богов,
Но мог бы и людей обожествить.
А почему богами им не стать?
Чем благо уделяется щедрей,
Тем больше множится. Не бедняком
Дающий будет, но себе хвалу
Стяжает вящую. Так подойди,
Сияющее ангельской красой
Блаженное созданье! Причастись
И ты со мной! Счастливая теперь,
Ты можешь быть счастливей во сто крат,
Хоть не прибавишь новых совершенств.
Вкуси! В кругу богов — богиней стань,
Землей не скованная, воспари,
Нам уподобясь, взвейся в Небеса,
Которых ты достойна, и взгляни
На жизнь божеств,— ты так же заживешь!»

Сказав, он подступил и часть плода
К моим устам приблизил. Аромат
Такое вожделение разжег
Во мне, что я бороться не могла
И соблазнилась. Тотчас к облакам
Взлетели мы; простерлась подо мной
Поверхность необъятная Земли,
Являя величавый ряд картин
Разнообразных. Диву я далась,
Витая на подобной высоте.
Вдруг спутник мой пропал, и я, стремглав
Сорвавшись, погрузилась в забытье.
Как рада я очнуться и сознать,
Что это было только сном!..» В ответ
На повесть Евы о минувшей ночи
Промолвил опечаленный Адам:
«—О, половина лучшая моя,
Подобье лучшее! С тобой делю
Смятение. Боюсь, что странный сон
От злой причины. Но откуда зло?
Ты непорочной создана; в тебе
Его не может быть. Но знай, у нас
Гнездится в душах много низших сил,
Подвластных Разуму; за ним, в ряду,
Воображенье следует; оно,
Приемля впечатления о внешних

Предметах, от пяти бессонных чувств,
Из восприятий образы творит
Воздушные; связует Разум их
И разделяет. Все, что мы вольны
Отвергнуть в мыслях или утвердить,
Что знаньем и сужденьем мы зовем,—
Отсюда возникает. Но когда
Природа спит и Разум на покой
В укромный удаляется тайник,
Воображенье бодрствует, стремясь,
Пока он отлучился, подражать
Ему; однако, образы связав
Без толку, представленья создает
Нелепые, тем паче,— в сновиденьях,
И путает событья и слова
Давно минувших и недавних дней.
Сдается мне, что на вчерашний наш
Вечерний разговор твой сон похож,
Но с прибавленьем странным. Не грусти!
Порой в сознанье Бога и людей
Зло проникает, но уходит прочь,
Отвергнутое, не чиня вреда,
Не запятнав, и это подает
Надежду мне, что страшного проступка,
Так испугавшего тебя во сне,
Ты наяву вовек не повторишь.
Не огорчайся же, не омрачай
Свой взор, что безмятежнее всегда
И радостней, чем утренней зари
Улыбка первая! Пойдем к трудам
Приятным нашим,— в рощах, у ручьев
Среди цветов, струящих аромат
Из чашечек открытых, где всю ночь
Они его копили для тебя!»

Адам утешил милую супругу,
Но две слезинки на ее глазах
В молчанье проступили, и она
Отерлась волосами; капли две
Другие, драгоценные, вот-вот
Прольются из хрустальных родников,
Но поцелуем осушил Адам
Раскаянья прелестные следы
И полусознанной, благочестивой

Боязни пред грехом, грозившим ей.
Все прояснилось, и пора в поля
Супругам; но сперва, покинув сень,
Наружу выйдя, на дневной простор,
Где Солнце выкатилось в этот миг
Над краем океана и, лучи
Росистые полого протянув,
С Востока озарило весь Эдем
И Рай счастливый,— здесь они, склонясь
Благоговейно, с искренней любовью,
Молитву утреннюю вознесли,
Творимую усердно, день за днем,
Всегда на разный лад. Неистощимы
Высказыванья их высоких чувств,
Святой восторг внушает им слова
Все новые, достойные хвалу
Создателю и в песнях и в речах
Воздать, без подготовки; их уста
Вещали складно прозу и стихи
Столь сладкогласные, что звуки арф
И лютен не могли бы им придать
Гармонии. Они молились так:

«— Вот славные творения Твои,
Отец Добра всемощный, мирозданье
Воздвигший дивно. Так насколько ж Сам
Неизреченный дивен, чей Престол
Над всеми Небесами вознесен!
Невидимый, Ты слабо различим
В созданиях малейших, но и в них
Твоя неограниченная власть
И благость явлены. Нет, лучше вы,
О, Дети Света,— Ангелы, о Нем
Поведайте! Творца дано вам зреть
Воочию и хором прославлять
В симфониях и гимнах, окружив,
Ликуя, Божий Трон, в теченье дня
Бескрайнего! Все твари на Земле
И в Небесах да восхвалят Его!
Он первый. Он последний, Он срединный
И бесконечный. Ты, из роя звезд
Прекраснейшая! Хоровод ночной
Ты замыкаешь; над тобой права
Теряет мрак, и ты, залогом став

Надежным дня, улыбчивый рассвет
Сверканием венчаешь! Славь Творца
В своей небесной сфере, в сладкий час
Рожденья первых утренних лучей!

Ты — око мирозданья и душа,
О, Солнце! Чти Владыку в Нем; хвалу,
Вращаясь вечно, Богу возглашай —
Когда восходишь, и когда стоишь
В зените, и когда заходишь вновь!

Луна! Порой ты Солнце на заре
Встречаешь и порою прочь с толпой
Звезд неподвижных, что утверждены
В подвижной сфере, от него бежишь;
Вы, пять блуждающих небесных тел,
В таинственном кружащиеся танце,
Под звуки тихие,— воздайте все
Хвалу Тому, кто свет из тьмы исторг!

Ты — воздух! Вы — стихии! Дети недр
Старейшие Природы! Вчетвером,
Безостановочно по кругу мчась,
Все вещи смешивая и питая,
В несметных превращеньях,— вы должны
Всё новые хваленья воздавать
Тому, кто мирозданье сотворил!

Пары, туманы, от холмов и вод
Плывущие угрюмой, серой мглой,
Покуда Солнце не позолотит
Кайму шерстистую,— вздымайтесь в честь
Творца Вселенной! Тучами застлав
Пустынный небосвод, обильный дождь
Ниспосылая жаждущей земле,
В подъеме и падении, всегда
Провозглашайте славу Божеству!

О, ветры! Вея с четырех сторон,
Прославьте Устроителя миров
Дыханьем вашим — тихим или бурным!
Вы, сосны и другие дерева!
Пригните кроны, кланяясь Ему!
Воспойте, благозвучные ручьи
Творца, певучим ропотом своим!

Пускай объединятся голоса
Всего живого! Птицы! Вы к вратам
Небесным устремляете полет;
Вам каждой песней, каждым взмахом крыл
Царя Небес пристало величать!

Вы, плавающие в воде, и вы,
Ступающие гордо по земле,
Вы, пресмыкающиеся по ней
Униженно,— свидетельствуйте все:
Храню ли я молчанье поутру
И ввечеру, долины и холмы,
Ручьи и рощи песней поучая
Всевышнего ответно воспевать!
Хвала тебе, Вселенной Властелин!
Будь милостивым к нам и подавай
Одно лишь благо! Если ночь таит
Иль порождает зло,— его рассей,
Как темноту рассеивает свет!»

Невинные, они молились так;
И прочное спокойствие и мир
Их души обрели. Они спешат
К работам утренним, и по росе
Прекрасной, по цветам туда идут,
Где слишком буйно ветви разрослись
Дерев плодовых, где потребны руки,
Дабы прервать излишних сучьев рост,
А праздные,— заставить вновь родить.
Им также надо с вязом сочетать
Плеть виноградную; и вот лоза
К супругу льнет, как вено принося
Тугие грозды, чтоб его листву
Бесплодную украсить. Царь Небес
На их старанья с жалостью глядел
И Рафаила подозвал к себе;
Дух доброхотный этот, снизойдя,
В дороге Товия сопровождал
И в браке с девой, что обручена
Была семижды,— спас его от смерти.

«—Ты слышал, Рафаил,— сказал Господь,—
Какую смуту учинил в Раю
Из Ада ускользнувший Сатана,

Успешно бездну тьмы преодолев;
Как он супругов ночью возмущал,
Чтоб их и заодно весь род людской
Сгубить. Поговори, как с другом друг,
Полдня с Адамом; ты его найдешь
Под сенью кущи иль в тени древес,
Где пищу он, пережидая зной,
Вкушает, повседневный труд прервав
Для отдыха. В беседе растолкуй,
Сколь он безмерно счастлив, и внуши,
Что вправе счастьем он располагать
По воле собственной, что эта воля
Свободна, но переменчива, и пусть
Сие запомнит; преподай совет
Быть осторожным, чтоб на ложный путь
В беспечности излишней не вступить;
Ему открой грозящую опасность
Со стороны коварного Врага,
С Небес низверженного и теперь
Замыслившего и других склонить
К паденью, чтоб лишились и они
Блаженства. Применив насилье? Нет!
Насилье было бы отражено;
Враг пустит в ход предательство и ложь.
Открой Адаму всё, дабы не мог
Оправдываться, если он падет
По воле собственной; что, мол, врасплох
Застигнут был и что его никто
Не вразумил и не предостерег!»

Так, правосудно, Вечный наш Отец
Изрек. Не медля, получив приказ,
Гонец летучий взвился, отделясь
От сонма Духов, средь которых он
Стоял, прикрывшись пышными крылами,
И Ангельские хоры перед ним
Повсюду расступались на пути,
Пока он Эмпирей пересекал
В полете и достиг Небесных Врат,
Что сами распахнулись широко
На петлях золотых; Державный Зодчий
Столь дивное устройство смастерил.
С порога Врат ни туча, ни звезда,
Ничто ему не преграждало взор;

Хотя от прочих блещущих шаров
Земля не отличалась и была
Невелика, он разглядел ее
И на господствующей высоте,
Средь окруженья кедров,— Божий Сад.
Так видел ночью, с помощью стекла,
Материки и страны на Луне
Воображаемые — Галилей,
Но с меньшей четкостью; так мореход
Среди Циклад плывущий, острова
Самос и Делос видит вдалеке,
Подобно клочьям пара. Дух к Земле,
Сквозь ширь эфирную свой быстрый лёт
Направил, средь бесчисленных миров.
То на крылах надежных он парил
В полярных ветрах; то, за взмахом взмах,
Покорный воздух мощно рассекал.
До уровня парения орлов
Он снизился. Пернатый мир почел
Его за Феникса, и все, дивясь,
В нем ту единственную птицу видят,
Спешащую к стенам стовратных Фив
Египетских, дабы сложить свой прах
В блестящем храме Солнца. Вот в Раю
Он плавно опустился на утес
Восточный, Серафима вид приняв
Правдивый свой; шестью крылами стан
Его божественный был осенен;
Два первые — ниспав с широких плеч,
Как мантия, достойная царей,
Окутывала грудь; иные два —
Как звездный пояс облегали чресла,
Скрывая бедра пухом золотым,
Пестревшим всеми красками Небес;
А третьи — словно панцирь перяной,
Одели ноги, от колен до пят,
Лазурью ослепительною; так,
Подобно сыну Майи, он стоял,
Крылами потрясая, и вокруг
Благоуханье дивное лилось.
Сторожевыми Ангелами он
Немедля узнан. Все пред ним встают,
Высокий почитая ранг посла
И важное заданье, что ему

Поручено бесспорно. Миновав
Охраны Райской пышные шатры
И рощи мирры, где бальзам, и нард,
И кассия струили аромат
Цветочный — благовонье глухомани,
Пришел он в дол благословенный; здесь
Природа, в юной щедрости своей,
Воображенью девственному дав
Свободу, прихотливо создала
Обилье роскоши, превосходя
Великолепьем диким чудеса,
Что созданы по правилам искусства.
Расположась у входа шалаша
Прохладного, Адам гонца узрел,
В благоуханной роще, меж стволов,
Грядущего навстречу. Той порой
Уже к зениту Солнце поднялось,
Меча на Землю жгучие лучи,
И, чтоб глубины темных недр согреть,
Давало много больше ей тепла,
Чем нужно Праотцу. В тенистой куще
Рачительная Ева, как всегда,
Обед из сочных, наливных плодов
Готовила, способных насыщать
Проголодавшихся; питьем служил
Нектар из разных ягод, винных гроздь
И молока. Адам воззвал к жене:

«— Спеши, о Ева! Посмотри на нечто,
Достойное вниманья твоего:
С востока, из-за рощи, к нам идет
Созданье дивное. Как будто вновь
Денница в полдень вспыхнула! Посол,
Возможно, с вестью важной от Небес
Явился, и возможно, гостем он
Сегодня будет нашим. Торопись,
В избытке все припасы принеси,
Чтоб странника небесного принять
С почетом. Воздадим же, не скупясь,
Дарителю — дарами; от щедрот,
Нам уделенных — щедро уделим.
Чем больше многоплодная дарит
Природа, тем становится она
Производительней и учит нас

Не скряжничать!» В ответ сказала Ева:
«— Адам, священный образ, прах земной,
Одушевленный Богом! Невелик
Запас потребный. Каждая пора
Растит его для нас, и круглый год
На ветках зреет множество плодов.
Храню лишь те, которых сок, сгустясь
От времени, питательность и вкус
Им придает особый. Но сейчас
Немедля я с деревьев и кустов,
Со всех растений, лучшие сорву
Плоды, чтоб гостя потчевать. Пускай
Увидит он, что в равной мере Бог
Благотворит и Небу и Земле!»

Сказав, она поспешно отошла,
Взирая хлопотливо, и полна
Забот радушных: что из лучших яств
Избрать, в каком порядке подавать,
Сообразуя вкусы их, дабы
Не спорили между собой,— напротив,
Друг друга возвышали чередой.
Все лучшее она брала с ветвей,
Что только всеродящая Земля
Дарит в обеих Индиях, равно
На взморьях Понта и на берегах
Пунических, и там, где Алкиной
Владычил: плотнокожие плоды
И нежнокожие; одни в пушке
Ворсистом, а другие в скорлупе,
И таровато ставила на стол.
Затем она безгрешное питье
Из гроздий выжала и сладкий сок
Из ягод разных; лакомые сливки
Из косточек душистых извлекла,—
Сосуды чистые у ней в достатке,—
И под конец пахучею листвой
Устлала пол и ворохами роз.

Тем часом устремился Прародитель
Навстречу гостю дивному; иной
Он свитой, кроме полных совершенств
Своих, не обладал и составлял

Свой штат придворный — сам. Он шел один,
Величественней скучных и помпезных
Кортежей княжеских, где на шитьё
Галунной челяди, что в поводу
Ведет роскошно убранных коней,
На золото ливрей и чепраков
Глазеет ослепленная толпа.
Приблизившись, Адам возговорил
Без страха, но с почтением склонясь,
Как должно перед высшим существом:
«— О, житель Неба! — ибо только там
Столь царственный возникнуть облик мог;
Покинув трон заоблачный, края
Блаженные, ты низошел сюда,
В обширную страну, лишь нам двоим
Дарованную Богом. Удостой
В тенистой куще этой отдохнуть,
Отборное вкушая, из того,
Что здесь растет. Побудь, пока дневной
Не схлынет зной и Солнце на закат
Не повернет, смягчив свои лучи!»
Умильно Ангел доблестный в ответ
Сказал: «— Затем я и пришел сюда.
Ты сотворен таким и твой таков
Приют земной, что даже Духов Неба
Прельщает к посещенью. Отведи
Меня в твое жилье. Свободен я
От полдня и до вечера!» Они
Направились к лесному шалашу
Улыбчивому, словно сень дерев
Помоны, и цветочный аромат
Струившему; а Ева, лишь собой
Украшена, прелестней и милей
Дубравной нимфы или самой дивной
Из трех, на Иде споривших, нагих
Богинь,— ждала, чтоб гостю угождать
Небесному. Покровы не нужны
Для чистой духом: никакая мысль
Нескромная румянца на щеках
Вовек не порождала. Рафаил
С приветом обратился к ней святым;
Впоследствие Пречистую Марию —
Вторую Еву — Ангел точно так
Приветствовал: «— Возрадуйся, о, Мать,

Людского рода! Населишь весь мир
Ты детищами чрева твоего,
И будут многочисленней они
Плодов, что отягчают этот стол!»
Сиденьями из моха окруженный,
Бугор дерновый им столом служил;
От края и до края, на большом
Его квадратном срезе, все дары
Осенние ласкали взор, но здесь
Всегда с Весной плясала заодно
В обнимку Осень. Велся разговор
Неспешно, без опаски, что еда
Простынет, и Адам уста отверз:
«— Вкуси, Небесный гость, от разных яств,
Которые Земле Кормилец наш,
Податель щедрый совершенных благ,
Для пропитанья нашего велел
И услаждения производить!
Такая пища, может, не вкусна
Бесплотным Духам, но еды другой
Не ведаю,— лишь эту нам дает
Отец Всевышний!» Ангел отвечал:
«— Всё то, что Человеку,— существу
Отчасти и духовному,— Господь
(Хвала Ему вовеки!) дал во снедь,
Не может неприятным быть на вкус
Чистейшим Духам: будучи сполна
Духовными, нуждаются они,
Подобно вам, разумным тварям, в пище,
Поскольку чувства низшие равно
Имеются у тех и у других:
Вкус, обоняньe, осязанье, слух
И зрение. Вкушая пищу, мы
Ее усваиваем, претворив
Телесное — в бесплотное. Узнай:
Всему, что Господом сотворено,
Потребна пища; легким элементам
Дают питанье — грубые; Земля
Питает море; суша и вода
Питают воздух; воздух же — рои
Светил эфирных; первоочередно —
Луну, наиближайшую из них;
А пятна, испещряющие диск
Луны,— не что иное, как пары

Нечистые, не ставшие еще
Ее субстанцией. Луна другим
Планетам высшим от своей сырой
Поверхности питание струит,
А Солнце, освещая все миры,
Их влажным истечением взамен
Питается и пищу ввечеру
Вкушает, погружаясь в океан.
Хоть в Небесах амврозией полны
Плоды Деревьев Жизни, а лоза
Дарит нектар; хоть мы с ветвей росу
Медвяную сбираем по утрам;
Хоть почва устлана жемчужной манной,
Но доброта Творца и на Земле
Рассыпала обилье новых благ,
С небесными сравнимых. Посему
Не мни, что хлебосольством я твоим
Пренебрегу!» — Итак, пришла пора
Для трапезы; вкушал и Ангел; нет.
Не для отвода глаз, как богословы
Иные судят! Он со смаком ел,
Являя голод истинный и жар
Пищеваренья; Духи без труда
Все лишнее способны испарять.
Не диво! Ведь при помощи огня
Коптящих углей может превратить
Алхимик, или думает, что может,
Металл, рожденный шлаковой рудой,
В отменнейшее золото. Меж тем,
Праматерь в чаши сладкое питье
Струила, услужая за столом
Нагая. О, достойная Эдема
Невинность! Если Божьи Сыновья
Влюблялись некогда, то только здесь
Простительной была бы эта страсть;
Но вожделенье чуждо их сердцам
И ревность — ад обманутой любви.
Когда питьем и лакомой едой
Они насытились, не отягчась,
Адаму вздумалось не упустить
Благоприятный случай и узнать
В беседе этой важной о ином,
Нездешнем мире и о существах
Небесных, столь его превосходящих

Во всем, чьи лики излучают свет
Божественный, чья затмевает мощь
Людские силы. Так сообразив,
Он вопросил посланника Небес:

«— О, приближенный Божий! Сознаю,
Как Человека ты почтил, сойдя
Под этот скромный кров и от земных
Вкусив плодов, которые отнюдь
Не пища Ангелов; ты их вкушал
С такой охотой, будто на пирах
Небесных не вкушал от лучших яств;
Их разве можно с нашими сравнить?»

Крылатый Иерарх сказал: «—Адам!
Един Господь; всё только от Него
Исходит и к Нему приходит вновь,
Поскольку от добра не отреклось.
Всё из единого правещества,
В обличиях различных, безупречно
Сотворено; различных степеней
Субстанция уделена вещам,
Так, на различных уровнях дана
И жизнь — живым созданиям; они
Тем чище, утонченней и духовней,
Чем пребывают ближе к Божеству,
Чем истовей, на поприщах своих,
К Нему стремятся; всяческая плоть
По мере сил способна духом стать.
Так с легкостью восходит от корней
Зеленый стебель и растит листву
Воздушнейшую, а за ней — цветок —
Верх совершенства, издающий дух
Пахучий; так цветок и плод его —
Усвоенная Человеком снедь,—
В нем совершенствуются, обратясь
Духовностью живительной, равно
Животной и разумной; жизнь творят,
Сознанье, смысл, воображенье, чувство,
От коих разум черпает душа
Двоякий: первый — в логике силен,
Другой же — в созерцанье. У людей
Преобладает первый, нам присущ
Второй; у них одна и та же суть,

Различна только мера. Не дивись,
Что блага, вам врученные Творцом,
Не отвергаю, но, переварив,
Преображаю в собственный состав.
В свой срок, возможно, люди перейдут
На пищу Ангельскую, не сочтя
Ее чрезмерно легкой. При таком
Питанье, верно, станут их тела
Со временем субстанцией духовной
И нам в подобье, окрылясь, взлетят
В эфир; и по желанью — обитать
В Раю небесном будут или здесь.
Все это исполнимо, если вы
Покорство соблюдете и любовь
Незыблемую к вашему Творцу.
Пока же наслаждайтесь полнотой
Блаженства, вам доступного; вместить
Иное, вящее,— вам не в подъем».

Людского рода Патриарх сказал:
«— Ты дивно обозначил правый путь,
Последуя которому пройти
Всю лестницу Природы разум наш
От центра до окружности способен;
И в лицезрении Господних дел
Мы, шаг за шагом, можем вознестись
К Создателю. Но молви — что твое
Остереженье значит: «Если вы
Покорство соблюдете?» Как возможно
Ослушаться и разлюбить Творца,
Из праха нас воздвигшего, в Раю
Устроившего, средь безмерных благ,
Превысивших все то, что Человек
Способен пожелать и воспринять!»

«— Знай, сын Земли и Неба! — молвил Гость,—
По милости Господней ты блажен,
Продленье же блаженства от тебя
Зависит,— от покорности твоей.
Вот суть остереженья: твердым будь!
Ты создан совершенным, но превратным,
Ты создан праведным, но сохранить
В себе добро — ты властен только сам,
Зане свободной волей одарен,

Судьбе не подчиненной или строгой
Необходимости. Желает Бог
Покорства добровольного, отнюдь
Не приказного; никогда Господь
Его не примет. Да и как принять?
Как в сердце несвободном различить —
С охотою иль подъяремно служит,
Лишь поневоле, ибо так велит
Судьба и выбора иного нет?
Я сам и Ангелы, что предстоят
Престолу Божию, блаженство длим
Подобно вам, поскольку мы верны
Покорству: нет у нас других порук.
Свободно служим Богу из любви
Свободной. Мы вольны Его любить
Иль не любить, сберечься или пасть.
Ведь пали некие благодаря
Ослушеству; их в глубочайший Ад
С Небес низверг Всевышний. О, паденье
С высот блаженства в бездну адских мук!»

Наш Предок молвил так: «— Твои слова,
Наставник дивный, выслушаны мной
С вниманьем глубочайшим; эта речь
Мне слаще херувимских голосов,
Поющих гимны горние в ночи
С холмов окрестных. Ведаю равно,
Что в действиях, в желаньях сотворен
Свободным; но уверен, что любовь
К Творцу и праведный Его завет
Покорства — не забуду никогда.
Так мыслил прежде, мыслю и теперь.
Но то, что в Небе, по твоим словам
Произошло,— сомнение родит
Во мне, но пуще — жажду услыхать,
Коль ты изволишь, полный пересказ.
Он, верно, будет странен, и ему
Внимать в благоговейной тишине
Пристало. Долог день. Лишь полпути
Свершило солнце, на другую часть
Стези небесной только что вступив!»

Так он просил, и Рафаил, чуть-чуть
Помедлив, начал так повествовать:

«— О необъятном, Первочеловек,
Ты просишь. Горестный и тяжкий труд
Подъять я должен. Как я передам
Уму людскому о незримых битвах
Бесплотных Духов? Как я, не скорбя,
Поведать о погибели могу
Столь многих, прежде славных и благих,
До их паденья? Как я, наконец,
Иного мира тайны обнажу,
Закона не нарушив? Но сие
Дозволено для твоего добра.
А то, что Человеку не постичь,
Я разъясню, духовное сравнив
С телесным; ведь возможно, что Земля
Лишь тень Небес, и то, что там и здесь
Вершится, больше сходства меж собой
Оказывает, чем сдается вам.

Вселенной этой не было еще,
И правил дикий Хаос, где теперь
Кружатся небеса и на своем
Основан центре шар земной; итак,
В один из дней (ведь Время, приложась
К движенью, даже в Вечности самой
Все вещи измеряет настоящим,
Прошедшим и грядущим), в некий день,
Из коих состоит великий год
Небесный, эмпирейские войска,
Со всех концов, на высочайший зов
К Престолу Всемогущего сошлись.
Блистали Иерархи во главе;
Тьмы тем значков, хоругвей и знамен
Вились над ними в воздухе, чины
И саны означая, и несли
На тканях вышитые драгоценных
Изображенья памятные дел
Прославленных и подвигов любви
И ревности святой. Когда полки
В пространстве необъятном Божий Трон
Кругами обступили, к ним изрек
Отец Предвечный с пламенной горы,
Чей гребень так сиял, что был незрим.
В блаженстве одесную восседал
Сын Божий,— и Господь промолвил так:

«— Вы, чада света, Ангелы, Князья,
Престолы, Силы, Власти и Господства!
Вот Мой неукоснительный завет:
Сегодня Мною Тот произведен,
Кого единым Сыном Я назвал,
Помазал на священной сей горе
И рядом, одесную поместил.
Он — ваш Глава. Я клятву дал Себе,
Что все на Небесах пред ним склонят
Колена, повелителем признав.
Вы под Его водительством должны
Для счастья вечного единой стать
Душой неразделимой. Кто Ему
Не подчинен, тот непокорен Мне.
Союза нарушитель отпадет
От Бога, лицезрения лишась
Блаженного, и, ввергнутый во тьму
Кромешную Геенны, пребывать
В ней будет, без прощенья, без конца!»

Всех, мнилось, восхитила речь Царя,
Однако же не всех. Вокруг священной
Горы, как всякий праздник, этот день
Мы в песнопеньях, в плясках провели
Таинственных, что сходственны весьма
С причудливым движением планет,
С вращеньем сферы неподвижных звезд;
Сплетаются светила и петлят
Тем правильней, чем выглядит бессвязней
Их мнимо беспорядочный пробег,
И гармоничный этот хоровод
Божественный сопровожден такой
Волшебной музыкой, что сам Господь
С восторгом ей внимает. Наступил
Вечерний час (хоть нет прямой нужды,
Но для разнообразья вечера
И утра — чередуются у нас),
И после пляски подошла пора
Сладчайшей трапезы. Везде столы
Возникли, там, где строем круговым
Стояли сонмы; ангельская снедь
Явилась вмиг; рубиновый нектар
Плескался в тяжких чашах золотых,
Алмазных и жемчужных,— дивный сок

Бесценных гроздий эмпирейских лоз.
В венцах цветочных, лежа на цветах,
Бессмертьем радостно упоены,
Вкушали Духи яства и питье
В согласье чудном. Не грозила им
Опасность пресыщенья, ибо там
От крайностей — избыток бережет;
Так услаждались Жители Небес
Пред расточавшим щедрые дары
Владыкой всеблагим, что разделял
Их счастье. Вот уже слетела ночь
Амврозийная с облачных высот
Горы Господней, где родятся тень
И свет, и небосвод сменил свой лик
Лучистый на приятный полумрак.
(Ведь ночи в том краю покровом тьмы
Не облекаются.) На всех роса
Ниспала розовая, наклонив
Ко сну. Лишь недреманное вовек
Не спит Господне Око. На бескрайной
Равнине, превзошедшей шар земной
И вширь и вдаль, когда б развернут был
Он в плоскость (неоглядно велики
Владенья Божьи!), Ангельская рать
Свой стан разбила подле рек живых,
В тени деревьев Жизни. В краткий миг
Восстали неиссчетные шатры
И скинии, где, свежим ветерком
Овеянные, безмятежный сон
Вкушали Ангелы, помимо тех,
Кто вкруг Престола Бога, в свой черед,
Повинны были гимны возглашать
Хвалебные, до самого утра.
Не спал и Сатана. Отныне так
Врага зови; на Небе не слыхать
Его былого имени теперь.
Один из первых, первый, может быть,
Архангел — по могуществу и славе.
Всевышним взысканный превыше всех,
Он завистью внезапной воспылал,
Затем, что Сына Бог-Отец почтил,
Столь возвеличив, и Царем нарек,
Помазанным Мессией. Гордый Дух
Снести не мог соперничества, счел

«Потерянный Рай»

Себя униженным; досада в нем
И злоба угнездились глубоко;
Когда полночный, сумеречный час
Ко сну призвал умильно, к тишине,
Свои полки он увести решил,
С презрением покинуть вышний Трон,
Которому в покорстве присягал,
И разбудив того, кто был вторым
По рангу, прошептал ему тайком:

«— Спишь, дорогой собрат? Как сон возмог
Сомкнуть глаза тебе? Ужели ты
Забыл веление, что изошло
Вчера из уст Всемощного? Привык
Ты помыслы делить со мной; равно
Тебе я открывался. Были мы
Едины, бодрствуя; неужто нас
Твой сон разрознит? Новый возглашен
Завет Монарший; повод он дает
Подвластным для соображений новых.
Возможные последствия должны
Мы обсудить; но этот разговор
Опасен здесь. Немедля собери
Всех полководцев наших, передав,
Что отдан нам приказ: покуда ночь
Еще свою не удалила тень,
Да поспешат с войсками, чьи знамена
Под властью развеваются моей,
Домой, на Север, в наш исконный край,
Чтоб лучше подготовить мы могли
Прием, достойный нового Царя,
Великого Мессии; заодно
Его указы новые узнать.
Он иерархии намерен все
В ближайший срок с триумфом обозреть,
Свои законы возглашая нам».

Так лжец-Архангел молвил, и собрат
Его нестойкий, злому подчинясь
Влиянию, начальников созвал
Нижестоящих; каждому из них
Пересказал полученный приказ
Главнокомандующего: пока
Завесу мрака Ночь не совлекла

С Небес, мы, стяг великий распустив
Иерархический, должны начать
Отход всеобщий; тут же он привел
Причину вымышленную отхода,
Коварные намеки между тем
Бросая, подстрекал и разъярял,
Чтоб верность полководцев испытать
Иль совратить лукавством, но они
Велению великого Вождя
Верховного привычно, как всегда,
Повиновались, ибо он и впрямь
На Небе был прославлен больше всех
И в чине наивысшем состоял;
Подобный ликом Утренней звезде,
Рои светил ведущей, он увлек
Обманом третью часть Небесных войск.
Но Оком, от которого не скрыть
Подспудных мыслей, потаенных дум,
Предвечный, с высоты горы священной,
Где ночью золотые перед Ним
Светильники пылали, увидал,
В них не нуждаясь, как возжегся бунт
Меж сыновьями утра, кто мятеж
Затеял, кто к восстанию примкнул
И сколько сил, присяге изменив,
Державную оспоривают власть;
И Сыну Он сказал с улыбкой так:

«— Сын, в коем вижу славу всю Мою
Отображенной, Трона Моего
Наследник! Знать, пора пришла расчесть,
Как Наше всемогущество сберечь,
Каким оружием Нам защитить
То, что Божественностью искони
И властью царской Мы зовем. Восстал
Заклятый враг на Нас, дабы в краю
Полночном, вровень с Нашим, свой престол
Воздвигнуть; мало этого — права
И силы Наши в битве испытать
Он алчет. Станем же держать совет
На случай сей; оставшееся войско
Мы соберем; всё к делу применим,
Чтоб Наш престол, святилище и сан
Высокий не утратить невзначай!»

В ответ, подняв спокойный, чистый взор
И несказанный излучая свет,
Сын возгласил: «— Всевластный Мой Отец!
Противников Ты вправе осмеять
И в полной безопасности следить
С улыбкою за праздной суетой
И рвением напрасным бунтарей;
Не чая, вящей славою меня
Они покроют; ненавистью их
Я возвеличусь. Царственную мощь,
Мне данную, чтоб укротить врагов,
Да узрят гордецы и да поймут,
Превозмогу ли бунт иль окажусь
Последним из последних в Небесах».

Так Сын сказал. Но Сатана успел
В полете быстром далеко уйти
С полками, словно россыпь звезд ночных,
Бесчисленными, или россыпь звезд
Рассветных — капель утренней росы,
Когда их Солнце в жемчуг превратит,
Сверкающий на листьях и цветах.
Войска минули три тройных страны —
Престолов, Серафимов и Господств,
Три царства, пред которыми, Адам,
Твои владенья — словно Райский Сад
Пред всей Землей и Морем,
коль поверхность
Земного шара развернуть в длину.
Пройдя все эти области, они
Достигли Полночи, а Сатана —
Своей твердыни, вдалеке, с горы,
Сиявшей на огромной вышине.
Вздымались башни, грани пирамид
Из глыб алмазных, золотых кубов;
Сие звалось чертогом Люцифера
Великого на языке людей.
С Творцом тягался, Враг, по образцу
Горы, с которой был провозглашен
Мессия, высоту свою нарек
Горой Собранья, ибо он сюда
Когорты подначальные стянул,
Как бы для обсужденья торжества
Прибытия Мессии; но, укрыв

Коварным красноречьем клевету,
Он, якобы правдиво, речь повел:

«— Престолы, Силы, Власти и Господства!
Коль ваши званья пышные пустым
Не стали звуком с некоторых пор,
Когда приказ Другому власть вручил
Над нами, наименовав Царем
Помазанным, всех выше вознеся;
Затем и этот спешный марш ночной,
И этот срочный сход: какой почет
Неслыханный измыслим для Того,
Кто раболепства требует от нас
Доселе небывалого? Платить
Подобострастья дань и падать ниц
Перед Одним — безмерно тяжело;
Но разве не двукратно тяжелей
Двойное пресмыканье — пред Всемощным
И Тем, кого Он образом Своим
Провозгласил? Быть может, призовет
Вас благородный помысел — совлечь
Покорности позорное ярмо,
Иль вам сгибать хребты и преклонять
Колена раболепные милей?
Нет, не милей,— поскольку знаю вас,
Поскольку сознаете вы себя
Сынами Неба, коими досель
Никто не обладал! Мы не равны,
Зато равно свободны. Званья, ранги
Свободе не помеха и вполне
С ней совместимы. Но какой указ,
Какое рассуждение дают
Кому-то право нас поработить
Самодержавно, если мы Ему
Равны, пусть не могуществом,
не блеском,
Но вольностью исконной? Для существ
Безгрешных заповеди не нужны,
А менее всего — такой закон,
Который навязал бы нам Царя,
Принудил обожать Его, поправ
Достоинство имперских наших рангов,
Свидетельствующих, что нам дано
Не пресмыкаться, но повелевать!»

Без возражений дерзостным словам
Внимали все; один лишь Серафим
Воспрянул — Абдиил. Пред Божеством
Благоговея и Царю Небес
Покорный несравненно, воспылав
Непримиримой ревностью, он так
Неистовству Врага противостал:

«— О, лживый, чванный, богохульный зов!
О, речь, которой Небо никогда
Не ждало, особливо от тебя,
Неблагодарный, вознесенный столь
Над равными Князьями! Как ты смел
Святую волю Господа хулой
Кощунственной чернить и охуждать
Скрепленный клятвой праведный завет,
Что пред Его Единосущным Сыном,
Кому Господь вручил монарший скиптр,
Повинны мы колена преклонить,
Миропомазанника в Нем почтив!
Несправедливым полагаешь ты,
Неслыханно напрасным — дать закон
Свободным Духам, равному царить
Над равными и править Одному
Самодержавно и бессменно, власть
Присвоив необъятную. Никак,
Закон ты хочешь Богу предписать,
Никак, ты о свободе хочешь в спор
С Творцом вступить, который сотворил
Тебя, каков ты есть, и заодно
Все воинство Небесное, предел
Определив любого бытия?
Мы испытали, сколь Всевышний добр,
Сколь нашим благом озабочен Он
И честью, сколь от помыслов далек
Унизить нас; напротив. Он готов
Нас, под Главой одним объединя,
Возвысить счастье наше. Но пускай
Ты прав и равными повелевать
Негоже равному, но разве ты
Себя,— преславный, превеликий,— мнишь,
И совокупно весь Небесный сонм,—
Сравнимыми с Единородным Сыном,
Творящим Словом, коим Бог-Отец

Все мирозданье создал, в том числе
Тебя и Духов Неба, увенчав
Сияньем славы ангельских чинов,
Нарек прославленные имена
Престолов, Сил, Властей, Начал, Господств.
Он, царствуя, не омрачит их блеск,
Но возвеличит, если наш Глава
К нам снизойдет и станет с нами в ряд.
Закон Господень — это наш закон.
Монарху воздаваемый почет
На нас же обращается. Уйми
Неистовство преступное! Других
Не совращай! Спеши умерить гнев
Отца и Сына! Милость обрести
Ты можешь лишь немедленной мольбой!»

Так молвил пылкий Ангел, но никем
Поддержан не был. Речь его нашли
Не к месту опрометчивой, чудно́й,
Что привело Отступника в восторг,
И он еще надменней возразил:
«— Ты утверждаешь: мы сотворены,
Притом, второстепенною рукой;
Отец, мол, Сыну это поручил.
Какое странное соображенье
И новое! Кто мог тебе внушить
Шальную мысль? Кто это видеть мог?
Иль помнишь ты свое возникновенье,
Когда ты создан, если бытие
Тебе твое даровано Творцом?
Мы времени не ведаем, когда
Нас не было таких, какими есть;
Не знаем никого, кто был до нас.
Мы саморождены, самовозникли
Благодаря присущей нам самим
Жизнетворящей силе; бег судеб
Свой круг замкнул и предопределил
Явление на этих Небесах
Эфирных сыновей. Вся наша мощь
Лишь нам принадлежит. Рукой своей
Мы подвиги великие свершим,
Чтоб испытать могущество Того,
Кто равен нам. Тогда-то узришь ты,
С покорством ли к Престолу подойдем

Всесильному, хотим ли убедить
Иль победить Небесного Царя.
Ступай! Ты волен мой ответ снести
Помазаннику. Торопись в полет,
Пока с тобою не стряслась беда!»

Он смолк, и, словно гул глубоких вод,
Глухой пронесся гомон по войскам
Бессчетным, отзываясь на слова
Вождя сочувствием. Но Серафим
Пылающий, один среди врагов,
Ответствовал отважно Сатане:

«— Дух прóклятый, отверженный Творцом,
Все доброе отринувший! Провижу
Паденье неминучее твое
И жалких орд, которых ты вовлек
В предательский обман и заразил
Злодейством; казнь твою им суждено
За общую измену разделить.
Забудь о помысле: как свергнуть власть
Мессии. Недостоин больше ты
Его законов кротких. Приговор
Иной, неотвратимый утвержден
Изменнику. Ты скипетр золотой
Презрел; теперь прими железный жезл,
Который поразит и сокрушит
Твою строптивость. Ты благой мне дал
Совет. Я удаляюсь, но отнюдь
Не по твоей указке, не ввиду
Угроз твоих; нет, я хочу быстрей
Покинуть нечестивые шатры
Преступные, пока грозящий гнев
Внезапным пламенем не охватил
Всех, без разбору. Вероломный, жди,
Гром скоро поразит твою главу
И огнь всепожирающий! Поймешь
Тогда, в стенаньях, Кем ты сотворен
И Кто тебя способен истребить!»

Так Абдиил, единый Серафим,
Соблюдший верность средь неверных Духов,
Промолвил. Он, единый средь лжецов
Несметных, обольщенью не подпал;

Отважный, непреклонный, он сберег
Любовь, присягу, рвенье. Ни пример,
Ни численность повстанцев не могли
Поколебать его и отлучить
От истины, хоть противостоял
Он, одинокий,— всем. Сквозь их ряды,
Под улюлюканье враждебных толп,
Он долго шел, насилья не страшась,
Достойно измывательства терпел,
К надменным башням, обреченным рухнуть,
С презрением оборотив хребет.

СОДЕРЖАНИЕ

Рафаил продолжает повествование о том, как Михаил и Гавриил были посланы биться противу Сатаны и Аггелов его. Описание первого сражения. Сатана и его Силы отступают к ночи; он созывает Совет, придумывает дьявольские машины, с помощью которых, во второй день битвы, приводит Михаила и его Ангелов в замешательство; но последние отрывают от оснований гóры и подавляют ими войска и машины Сатаны; однако из-за продолжающегося мятежа Бог на третий день посылает Мессию, Сына Своего, коему предоставляет славу победы. Облечённый всемогуществом Отца, является Сын на поле боя и повелевает Своим легионам пребывать в бездействии по сю сторону, а Сам, с колесницей и громами, вторгается в середину вражеских Сил, уже неспособных к сопротивлению, гонит их к ограждению Небес; стена разверзается, и враги в смятении и ужасе падают стремглав в уготованную для них бездну — место их казни. Мессия с торжеством возвращается к Отцу.

Всю ночь отважный Ангел был в пути
И, непреследуемый, пересек
Равнину беспредельную Небес,
Пока Заре, вращеньем часовым
Разбуженной, не довелось открыть
Ворота света розовой рукой.
Близ Трона Господа, в Святой Горе,
Пещера есть, где обитают свет
И мрак попеременно и в черед
Выходят из нее, производя

Приятность различенья в Небесах,
Напоминающую день и ночь.
Едва лишь свет выходит за порог,—
Проскальзывает мрак в другой проем,
Чтоб выйти из пещеры в должный срок
И твердь собой облечь; однако тьма
Небесная могла б сойти легко
За полумрак вечерний на Земле;
Теперь же, в вышнем Небе, воссиял
Всем эмпирейским золотом рассвет;
Восточными лучами пронзена,
Ночь от него бежала. Абдиил
Увидел, что равнина перед ним
Необозримая, покрыта вся
Блистающими ратями; не счесть
Сверкающих доспехов, колесниц
И пламенных коней; тысячекратно
Блеск отражался блеском. Он узрел
Войну вполне созревшую, войну
Во всеоружье, и постиг, что весть,
С которой торопился в Божий стан,
Здесь ведома уже. К рядам собратьев
Примкнул он радостно и встречен был
Восторгом и хвалой: зане один
Из мириад отпавших, не отпал
И, Небом не утрачен, воротился.
Рукоплеща, его к Святой Горе
К Державному Престолу привели;
И некий Голос кроткий с вышины
Из золотого облака воззвал:

«— Слуга Господень! Ты благую часть
Избрал, сразился доблестно в борьбе
Прекраснейшей! Противу буйных орд
Мятежных одиноко постоял
За правду; оказалась речь твоя
Сильней, чем их оружье. Ты стерпел,
Свидетельствуя правду бунтарям,
Всеобщее глумленье, что снести
Труднее, чем насилье, но, скрепясь,
Ты был одной заботой поглощен,
Пред Ликом Бога праведно предстать,
Хотя б за это целые миры
Сочли тебя преступным. Одержи

Теперь победу легкую; в строю
Собратьев по оружию вернись
К врагам, покрытый славой, много большей,
Чем та хула, которой заклеймен
Ты был, покинув стан бунтовщиков,
И силой нечестивцев обуздай,
Отвергших здравый разум и закон
Разумный, не желающих признать
Царем Мессию, что воспринял власть
Ввиду своих достоинств и заслуг
Особенных. Ступай же, Михаил,
Князь воинства Небесного, и ты,
Бесстрашный и по доблести второй,
Воитель Гавриил! Сынов Моих
Ведите в бой, к победе: тьмы и тьмы
Вооруженных, рвущихся на брань,
Моих Святых; они числом равны
Безбожной, возмутившейся орде!
Оружием разите и огнем
Безжалостным, гоните за рубеж
Небес, от Бога и блаженства прочь,
Туда, где ждет их казнь, в бездонный Тартар,
Что бездною пылающей готов
Бунтовщиков низвергнутых пожрать!»
Державный глас умолк; и в тот же миг
Густые тучи мглой заволокли
Святую Гору; черный повалил
Клубами дым, исторгнув пламена,
О гневе пробужденном возвестив.
Эфирная, с вершины, из-за туч,
Еще ужасней грянула труба,
И по сигналу этому войска
Всевышнего, произведя маневр,
Сомкнулись в четырехсторонний строй,
Неодолимую образовав
Гигантскую фалангу. Легионы
В блистанье, молча, двинулись вперед
Под музыку, вселявшую в сердца
Геройский пыл — за Бога постоять
И за Мессию; возглавляли рать
Вожди богоподобные. Ничто
Походного порядка не могло
Расстроить: ни скалистые хребты,
Ни узкие ущелья, ни леса,

Ни реки, ибо стойкие полки
Над почвой проносились высоко;
Опорою стремительным стопам
Служил послушный воздух. Точно так,
Адам, к тебе летел через Эдем
На крыльях, вереницей, птичий род,
Дабы ты имена им всем нарек.
Так легионы Ангелов неслись
В просторах Неба, много областей
Минув обширных; каждая из них
Десятикратно больше всей Земли.
Внезапно, пламенея вдалеке,
Огнистая явилась полоса,
Полночный опоясав небосклон
Из края в край, как некий ратный стан.
Приближась, можно было различить
Лучистый ощетинившийся лес
Бессчетных дротов и сплошную стену
Сплоченных шлемов, множество щитов
С кичливыми гербами; то войска
Соединенные бунтовщиков,
Как буря, под началом Сатаны
Спешили, помышляя в тот же день
Святую Гору захватить врасплох
Иль в битве покорить и на Престол
Господень самозванца возвести,
Завистника, что нагло притязал
На Царство Божье. Но на полпути
Пустою оказалась их мечта,
Хоть странным представлялось нам сперва
Сраженье Ангелов между собой,
Неистовая, дикая вражда
Тех самых Ангелов, что так нередко,
На празднествах блаженства и любви,
Согласным хором пели гимны в честь
Великого Монарха, как сыны
Единого, Небесного Отца.
Но вот раздался боевой призыв,
И приступа многоголосый вопль
Все мирные раздумья заглушил.

На колеснице солнечной, как бог,
Отступник, превышая всех своих,
Величье идольское воплощал,

Отрядом Херувимов окружен
Горящих и оградой золотых
Щитов; но вот он с пышного сошел
Престола; оба воинства теперь
Лишь малой полосой разделены
(Ужасный промежуток!), и ряды
Враждебных армий, противостоя
Одни другим, образовали фронт
Свирепый, устрашающей длины.
Пред сумрачным полком передовым,
Пока побоище не началось,
Широким, гордым шагом, в золотых
Доспехах и алмазных, Сатана
Прошел, гигантской уподобясь башне.
Нет! Зрелища такого Абдиил
Не мог снести. Среди храбрейших он
Воителей стоял и был готов
К деяниям геройским. Поверял
Свое он сердце доблестное так:

«— О Небо! Сколь похож на божество
Презревший верность и забывший долг.
Зачем не изменяют сила, власть
Предателю, что изменил добру,
И дерзкий не становится всегда
Слабейшим, хоть на вид неодолим?
Но с помощью Всесильного хочу
Я ныне силу испытать Врага,
Как прежде в словопренье испытал
Его порочный, лицемерный ум.
Не должно ли, чтоб одержавший верх,
В словесной битве правду отстояв,
Вдобавок и оружьем победил,
И в двух сраженьях одержал победу?
Хотя постыдна и дика борьба
Меж разумом и силой, тем верней,
Тем справедливей разума успех!»

Размыслясь, Абдиил покинул ряд
Соратников и выступил вперед;
Он встретился на полпути с Врагом
Отважным, разъярившимся вдвойне,
Поскольку осознал, что упрежден
Противником; но стойкий Серафим

На бой бесстрашно вызвал Сатану:
«— Гордец! Не ты ли встречен? Возмечтал
Ты, без препон, желанным овладеть,
Застать неохраненным Божий Трон,
Покинутым из страха пред твоим
Оружьем иль могуществом речей
Твоих. Как не помыслил ты, глупец,
Сколь безрассудно угрожать мечом
Всесильному, который может вмиг,
Создав неисчислимые войска
Из крох наимельчайших, одолеть
Твое безумье или мановеньем
Десницы вседостижной, без нужды
В помоге, самолично, в бездну тьмы
Тебя, с твоими ордами, швырнуть!
Но путь измены выбрали не все;
Нашлись такие, что любовь к Творцу
И верность предпочли; не ведал ты
О них, вообразив, что я один
Среди твоих сторонников — неправ.
Сочти, сколь многие со мной делить
Неправоту готовы, и пойми,
Хоть поздно, что немногие порой
Глаголят правду; тысячи, напротив,
Способны в заблуждениях погрязть!»

Презрительно скосясь, Великий Враг
Ответствовал: «— Ты на свою беду
Вернулся из побега в жданный час
Отмщенья моего. Тебя искал,
О Дух крамольный, прежде всех; прими
Заслуженную плату, испытай
Ты первым силу мышц моей руки,
Тобою раздразненной. Твой язык
Дерзнул, противоречьем вдохновлен,
Оспорить на собранье треть богов,
Отстаивающих права свои
Божественные: ведь пока жива
Их божеская суть, они признать
Не могут Всемогущим никого.
Но ты сообщников опередил,
Тщеславясь вырвать перья у меня
И о моем разгроме объявить
Деяньем этим. Малость погожу

Для возраженья (чтоб не хвастал ты,
Что я тебе ответить не сумел).
Для Ангелов,— я полагал,— свобода
И Небо — нераздельны; но теперь
Я вижу, что довольное число,
Воспитанных на песнях и пирах
Угодников,— холопство предпочли.
Вот этих-то небесных певунов
Подобострастных ты вооружил;
Свободу хочешь рабством сокрушить.
Что ж! День текущий их дела сравнит!»

В ответ сурово молвил Абдиил:
«— Отступник, заблуждаешься ты вновь
И станешь заблуждаться без конца,
Утратив правый путь. Ты зря клеймишь
Холопством услужение Тому,
Кто Богом и Природой утвержден,
Как наш Глава. Природа и Господь
Один закон гласят: повелевать
Достоин Тот, кто подданных превысил
Достоинством. Но истинное рабство
Служить безумцу или бунтарю,
Который на Владыку восстает,
Его превосходящего во всем,
Как служат соучастники тебе.
Ты раб, ты сам себе порабощен
И смеешь службу нашу поносить!
Владычь в Аду, там княжество твое,
А мне Творцу на Небе дай служить
Преславному, блюсти Его завет
Божественный, достойный послушанья.
Тебя не трон — оковы ждут в Аду.
Пока от беглеца, как ты сказал,
Вернувшегося получай привет
На твой нечестьем осквернённый шлем!»

Промолвив, замахнулся, и удар
Прекрасный не замедлил и как шквал
Обрушился на гордый шлем Врага
С таким проворством, что ни взгляд, ни мысль
Мгновенностью его б не превзошли,
Ни щит не отразил бы. Сатана
На десять ужасающих шагов

Отпрянул; на десятом — у него
Колено подломилось; он припал,
Но удержался, опершись на дрот
Огромный. Так, подземная вода
И ветер, сквозь глубинные пласты
Порой себе прокладывая путь,
Сдвигают с места гору, и она
Со всеми елями и сосняком
Полупроваливается. Престолы
Мятежные, завидев, что сражен
Из них сильнейший, в бешенство пришли
И в изумленье. Наши в торжестве
Издали клич победный, возвестив
Желанье скорой битвы. Михаил
Архангельской фанфаре повелел
Трубить; все Небо этот звук объял;
Тогда вскричали верные войска:
«Всевышнему осанна!»; вражья рать,
Не медля, столь же грозная, пошла
В атаку; битва завязалась вмиг,
Подобно буре бешеной, и вопль,
Неслыханный доселе, огласил
Все Небо; ударяя о броню,
Оружье издавало звон и лязг,
Нестройный, оглушающий раскат;
Скрипели оси медных колесниц
Неистово, и в трепет приводил
Побоища невыносимый гул.
Пронзительно свистя над головой,
Летели тучи раскаленных стрел,
Над полем битвы свод образовав
Горящий, и под куполом огня,
С напором разрушительным, войска
Сражались, друг на друга устремясь,
Неистощимой злобою кипя.
От грома содрогались Небеса;
Была б Земля уже сотворена,
Она б до центра сотряслась! Не диво! —
Сшибались миллионные когорты
Свирепых Ангелов, из коих мог
Слабейший все стихии подчинить
И обратить в оружие свое;
Насколько ж совокупная грозней
Неисчислимых сонмов этих мощь,

Способная, стократ раздув пожар
Войны губительной, хоть не совсем
Разрушить Небо — их блаженный край
Родной, но разорить его вконец.
Однако Вечный Всемогущий Царь
Вселенной, властвующий с вышины,
Им силы поубавил. Все ж число
Сражающихся было таково,
Что армии равнялся легион,
А легиону — воин. Каждый вождь
Был воином, а воин был вождем,
И каждый знал — когда идти вперед,
Когда остановиться и когда
Сомкнуть иль разомкнуть подвижный строй
По ходу битвы яростной. Никто
Не помышлял бежать иль отступать;
Не обличало страха ни одно
Деянье; полагался на себя
Любой, как будто лишь в его руках
Ключи победы. Славные навечно
Свершались подвиги — им счета нет,
Столь широко разбушевался бой
Многообразный: то на твердой почве
Рубились пешими; то на крылах
Взвивались мощных, воздух расплескав,
И весь уподоблялся он огням
Сражающимся. Битва долгий срок
Без перевеса длилась, до тех пор,
Пока, невиданное оказав
Геройство и подобного по силам
Соперника не встретив, Сатана
Пробился сквозь побоище, как вихрь,
Меж Серафимов, что свои ряды
Смешали в лютой сече, и узрел,
Как Михаил разит мечом огромным
Единым взмахом целые полки,
И смертоносный, обоюдоострый,
Двумя руками поднятый клинок
Обрушивается и все вокруг
Опустошает. Сатана, спеша
Погибель отвратить, подставил щит —
Неразрушимый, исполинский диск,
Покрытый адамантовой броней
Десятислойной. Ратный труд прервал

Архангел, заприметивший Врага;
Он радостно надеялся войну
Междоусобную Сынов Небес
Немедленно покончить, одолев
Зачинщика, и протащить в цепях
Плененного. С пылающим лицом,
Сурово брови сдвинув, он вскричал:

«— Виновник Зла, безвестного досель
На Небе и до бунта твоего
Неведомого даже по названью,
А ныне изобильного! Взгляни
На беды ненавистной всем борьбы,
Которые по праву на тебя
И на твоих сообщников падут
Безмерно тяжело! Как ты возмог
Нарушить благодатный мир Небес,
Злосчастие в Природу привнести,
Не бытовавшее до мятежа
Преступного! Как заразить дерзнул
Своею злобой тысячи других,
Когда-то верных, чистых, а теперь
Запятнанных изменой! Не мечтай
Расстроить бунтом наш святой покой.
Тебя изгонят Небеса; приют
Блаженный не потерпит мрачных дел
Насилья и войны. Изыди в Ад,
И да изыдет заодно с тобой,
В обитель Зла, твое исчадье — Зло,
И вся твоя бесчестная орда!
Там смуту сей, покуда этот меч
Карающий твою не начал казнь
Иль месть, которой дал Господь крыла,
Внезапная, иная ниспадет,
Тебя низвергнув, для горчайших мук!»

Так молвил Князь Небесных сил; ему
Противник прекословил: «— Ты не тщись
Угроз воздушных ветром испугать
Того, кому деяния твои
Не страшны: разве в бегство обратил
Ты из моих бойцов хоть одного,
Слабейшего? И разве тот, кто пал,
Непобежденным не вставал опять?

Неужли проще справиться со мной,
Властолюбивый, с помощью угроз
И повелений? Зря не уповай!
Не этим завершится ратный спор,
Который бедоносным ты честишь,
А мы считаем славным. Наша цель
Достичь победы, или Небо в Ад,
Измышленный тобой, мы превратим;
Коль нам не царствовать, мы будем здесь,
По крайней мере, вольными. Напружь
Всю мощь, и на помогу призови
Всесильного,— как ты Его зовешь.
Не отступлю; тебя-то я искал
Повсюду — издалёка и вблизи!»

Умолкли, несказанный бой начать
Готовясь; даже ангельский язык
Слов не найдет, чтоб рассказать о нем;
С каким земным событием сыскать
Сопоставленье, чтоб на высоту
Богоподобной мощи вознести
Понятие людское? Два врага,
В покое ли, в движении, равны,—
Оружьем, видом, поступью,— богам,
Достойным предопределять судьбу
Небесного владычества. Мечи
Взмахнулись пламенные, описав
Ужасные окружности; щиты,
Друг против друга, блещут и слепят,
Как два огромных солнца. Ожиданье
Застыло в страхе. Обе стороны
Ожесточенных Духов, только что
Сражавшихся несметною толпой,
Освободили, спешно отступив,
Обширную равнину, ибо вихрь
Единоборства этого для них
Небезопасен. Поединок был,—
Насколько при посредстве малых дел
Великое возможно описать,—
Как если бы гармония Природы
Расстроилась и вспыхнула война
Созвездий, и под гнетом грозных сил,
Навстречу обоюдно устремясь,
Две злобные планеты, средь Небес,

Сразились, в битве яростной смесив
Материю своих враждебных сфер.

Противники десницы вознесли,
Мощнейшие на Небе, после рук
Всемощного, и каждый помышлял
Одним ударом завершить борьбу,
Не повторив убийственный замах.
Ни силой, ни искусством боевым
Они не различались, но двуручный
Меч Михаила, выданный ему
Из Божьей оружейной, обладал
Таким закалом, что клинки любые,
Любые латы рассекал легко.
Стремительно упав, он меч Врага
Перерубил и, быстро обратясь,
Вонзился и рассек весь правый бок
Отступника. Впервые Сатана
Изведал боль; от нестерпимых мук
Он изогнулся в корчах, уязвлен
Отверстой раной, что ему нанес
Разящий меч, но тут же ткань срослась
Эфирная; разъятой не дано
Ей оставаться долго; из рубца
Нектарной влаги хлынула струя
Пурпурная,— Небесных Духов кровь,—
Блестящие доспехи запятнав.
Примчалось много Ангелов к нему,—
Клевретов сильных, чтобы заслонить
Владыку; а другие — на щиты
Поспешно взгромоздили Сатану
И к царской колеснице отнесли,
Стоявшей от сраженья вдалеке,
И на нее сложили. Он стонал
От скорби, озлобленья и стыда
И скрежетал зубами, осознав,
Что несравненным дольше полагать
Себя не вправе, что былая спесь
Его, соперничавшего с Творцом,
Унижена; однако исцелел
Он вскоре, ибо Ангельский состав
Во всех частях единой наделен
Живучестью, в отличье от людей,—
У коих печень, легкие, нутро,

Равно как сердце, почки, голова,
Ранимы насмерть. Духов же убить
Нельзя, не уничтожив целиком;
Смертельным уязвленьям их тела
Текучие не более чем воздух
Подвержены; их жизненная суть
Вся — голова, вся — сердце, вся —
глаза,
Вся — уши, вся — сознание, вся — ум;
Они любые члены для себя
Создать способны и любой размер,
Обличие любое, всякий цвет,
И плотный и разреженный состав
По изволенью могут принимать.

Меж тем свершались и в иных местах
Преславные деянья: Гавриил
Со всей своею ратью вторгся в строй
Когорт Молоха; этот ярый царь
Его на поединок вызывал,
За колесницей поволочь грозясь
Привязанного, и гласил хулу,
Не пощадив кощунным языком
Единого, кто свят на Небесах;
Но вдруг, преполовиненный мечом
До пояса и яростно рыча
От боли, не испытанной досель,
Пустился в бег в расколотой броне.
На флангах Уриил и Рафаил,
Сразившись каждый со своим врагом,
Сломили Асмодея, вкупе с ним —
Адрамелеха; эти два Престола
Могучие отвергли даже мысль
Считаться рангом ниже Божества,
Но панцири из адамантных скал
И сила исполинская спасти
Безумцев от разгрома не могли,
Кольчугам и щитам не удалось
Увечья тяжкие предотвратить;
Изнемогая от ужасных ран,
Смиренью научились беглецы.
Не мешкал Абдиил, громя орду
Безбожную; двойным его ударом
Был Ариил сражен и Ариох,

Он Рамиила буйство укротил,
Обжег и, пораженного, поверг.

Я мог бы тысячи других имен
Бессмертно возвеличить на Земле,
Но Ангелам-избранникам хвалы
Людской не надо; тешатся они
Небесной славой. Хоть бойцы Врага,
Могущество и мужество явив
Отменные, желали бы достичь
Не меньшей ратной славы, но навек
Божественный изгладил приговор
Их прозвища из памяти священной,
Да безымянные живут во тьме
Забвенья; ибо сила, изменив
Законности и правде, лишь стыда
Достойна и укора; не снискать
Ей лавров, как ни алчет обрести
Бесчестьем — славу, низостью — хвалу.
Пускай же их прозванья навсегда
Безмолвье нерушимое пожрет.

Вот сломлены сильнейшие из них;
Отходит войско, разъединено
На множество частей; его объял
Постыдный беспорядок, смутный страх
Разгрома. Вся усеяна равнина
Обломками оружья и брони,
И опрокинутые колесницы
С возничими, с упряжками коней
Огнистых друг на друге, как пришлось,
Лежали грудами; а те, кто мог
В разбитых легионах Сатаны
Еще держаться,— обратили тыл,
Едва сопротивляясь. Бледный страх
Врагов объял; он в первый раз настиг
Строптивых, что почувствовали боль
Впервые и бесславно, в первый раз
Бежали. Эти беды навлекла
Ослушливость греховная на тех,
Кто страха не знавал до сей поры,
Ни бегства, ни страданий. Рать святых,
Напротив, неприступною сплотясь
Квадратною фалангой, шла вперед,

Неуязвима под прикрытьем лат
Несокрушимых. Этот перевес
Послушная безгрешность им дала,
Дозволила в бою не изнемочь
И боли не испытывать, хотя
Противник временами их теснил.
Вот Ночь вступила на свою стезю,
Объяла темнотою небосвод,
Сраженье милосердно прекратив.
Зловещий гул побоища затих,
И победителей укрыла мгла,
Равно как побежденных. Михаил
И Ангельская рать разбили стан
Средь поля, взвихренные пламена
Расставив Херувимские охраной
Вокруг шатров. Со стороны другой,
С мятежным войском, Сатана ушел
В далекий мрак... Покоя нет Врагу!
Средь ночи созывает он Совет
Своих Князей, отважно молвив так:

«— Испытанные пламенем войны
Собратья, доказавшие вполне
Своей неодолимостью, что вы
Не только лишь свободу обрести
Достойны,— это малость,— но и честь,
Главенство, прославленье и почет,
Все то, чего мы алчем. Целый день
Держались вы в сомнительной борьбе,
А если день возможно устоять,
То почему не вечно? Царь Небес
С Престола горнего, противу нас
Послав сильнейших, меру эту счел
Достаточной, чтоб нас поработить.
Но так не стало. Кажется, Господь
В предвиденье не столь непогрешим,
Хотя Всеведущим Его досель
Считали. Мы оружьем послабей,
А посему потери понесли
Известные, почувствовали боль
Впервые, но страданьем пренебречь
Немедля научились, и сейчас
Мы знаем, что эфирный наш состав
Не может быть смертельно уязвлен;

Раненья, нанесенные ему,
Он исцеляет вмиг благодаря
Врожденным силам. От ничтожных бед
Лекарство подходящее найти
Не трудно. Может, новую броню,
Прочнее прежней, новое оружье,
Мощнее прежнего, мы создадим,
На пользу нам, противнику — на зло;
Боеспособность нашу укрепив,
Сравняем силы, на худой конец;
Ведь естество у нас и у врагов
Одно и то же. Если ж по иным,
Безвестным основаниям, у них
Над нами перевес, то мы должны,
Пока рассудок нам не изменил,
Открыть причины эти сообща
И наше здравомыслие напрячь!»

Умолк; и первым слово взял Нисрох,
Глава Начал,— он вырвался едва
Из тяжкой битвы; мрачен, изнурен,
В разбитых, непригодных ни к чему
Доспехах, с мрачным видом возразил:

«— Ты нас от новоявленных владык
Избавил, ты свободу нам вернул
Блаженствовать в сознанье наших прав
Божественных; но даже божествам,
Оружием неравным, против сил
Превосходящих,— трудно воевать,
От боли изводясь, когда страданий
Не ощущают недруги ничуть
И не ранимы. Это приведет
Нас к верной гибели. Какой же прок
От мужества, отваги, силы мышц,
Хотя и несравненных, если боль
Их побеждает, подчинив себе,
И понуждает руки опустить
Могучие? Мы можем обойтись
Без наслаждений, можем просто жить
И не роптать, довольствуясь такой
Спокойной жизнью,— лучшей доли нет!
Но из несчастий — боль превыше всех,

Зло совершенное и, становясь
Чрезмерной, переходит за предел
Долготерпенья всякого; и тот,
Кто средство изобрел бы уязвлять
Противников, доселе невредимых,
И сделать нечувствительными нас,
Не меньшей бы достоин был хвалы,
Чем тот, кто нам свободу даровал!»

Ответствовал спокойно Сатана:
«— Искомый способ, что послужит нам,
По здравому сужденью твоему,
Для одоленья — мной уже открыт.
Когда мы на опору наших стоп
Эфирную, цветистую глядим,
На безграничный материк Небес,
Весь в самоцветах, в золоте, в цветах
Амврозийных, в деревьях плодоносных,—
Кто созерцал бы эту красоту
Поверхностно и сразу б не смекнул,
Что в недрах зарождается она
Глубинных, из частичек вещества,
Из черных, грубых зерен и семян,
В духообразной пене огневой
Возникших? Но едва небесный луч
Коснется их, смягчив и оживив,
Они, пробившись вверх, во всей красе
Волшебно расцветают на свету.
Вот эти-то частицы, что огнем
Насыщены подспудным, нам достать
Потребно из глубоких, мрачных недр,
Забить потуже в длинные стволы,
Округлые и полые, поджечь
С отверстия другого, и тогда,
От малой искры, вещество частиц,
Мгновенно вспыхнув и загрохотав,
Расширится и, развивая мощь
Огромную, метнет издалека
Снаряды, полные такого зла,
Что, все сметая на своем пути,
Повергнут недругов и разорвут
На клочья. Померещится врагам
Испуганным, что нами грозный гром
Похищен у Того, Кто им владел

Единственно. Недолгим будет труд
И пред рассветом завершен сполна.
Итак, мужайтесь, поборите страх.
Способен все препоны одолеть
Союз ума и силы. Нет причин,
Соратники, в отчаянье впадать!»

Он смолк. Приободрила эта речь
Отвагу ослабелую и вновь
Надежды угасавшие зажгла.
Дивился каждый помыслу Вождя,
Равно тому, что не придумал сам
Подобный способ; многим бы казался
Он прежде невозможным, но теперь
Сочтен разумным. Может быть, Адам,
Из твоего потомства, кто-нибудь,
Когда в грядущем злоба возрастет,
По наущенью Дьявола создаст
Такое же орудье, на беду
И муку человеческим сынам
Греховным, жаждущим кровавых войн
И обоюдного братоубийства.
Покинув сходку, все к труду спешат,
Никто не медлит, рук не сосчитать,
Готовых действовать. В единый миг
Разрыта почва Неба до глубин
Безмерных; там увидели они
Незрелые зачатки правеществ
Природных; пену серную нашли,
Селитряную пену, и, смешав,
Хитро сгустили, высушили смесь,
И, в черное преобразив зерно,
Нагромоздили целые холмы.
Другие вскрыли залежи руды
(Здесь, на Земле, такие точно есть)
И жилы минералов и камней,
Чтоб громовержущие отковать
Махины и отлить запасы ядр
Губительных; а третьи — тростники
Горючие срезают — страшный злак,
От искры вспыхивающий мгновенно.
Так, в тайне величайшей, до зари
Работа завершилась. Только Ночь
Была свидетельницей. В тишине

Они опять порядок навели,
Ни в чем не заподозрены никем.

Вот озарен с востока небосвод;
Проснулись победители; труба
Зовет к оружью. Быстро собрались
Воители в доспехах золотых,
Построясь в лучезарные ряды;
Другие с рассветающих холмов
Окрестность озирают, а другие,
Легко вооруженные, спешат
В разведку, разойдясь во все концы,
Чтоб выследить бежавшего врага
И точно вызнать: где его привал,
Стоит ли враг иль будет наступать?
Но вскоре углядели впереди
Войска противника; когорты шли
Не быстро, но решительно, сомкнув
Шеренги и знамена распустив.
Летит назад крылатый Зофиил,
Наибыстрейший Херувим, крича:
« — В бой, ратоборцы, в бой! Враг у ворот,
И не бежал, как полагали мы;
Напротив, от нелегкого труда
Искать его он увольняет нас.
Не бойтесь! Отступать его полки
Не думают, но движутся сюда,
Подобно туче; лица их бойцов
Отважны и уверенны. Скорей!
Проверьте скрепы адамантных лат,
Плотней надвиньте шлемы и, подняв
Над головой округлые щиты
Иль опустив до уровня груди,
Держите их надежно! Мыслю я —
Не дождик моросящий окропит
Сегодня нас, но хлынет грозовой
Разящий ливень огнеперых стрел!»

Так он соратников остерегал,
Что сами не плошали; соблюдая
Спокойствие, обозы позади
Оставив, легионы подтянулись
И тронулись в порядке боевом.
Навстречу им, ступая тяжело,

Сплоченным полчищем неисчислимым
Идут противники, образовав
Квадратный строй, коварно волоча
Махины дьявольские посреди
Полков пехотных и со всех сторон
Рядами всадников загородив.
Друг против друга армии сперва
Остановились. Мигом Сатана
Явился перед воинством своим
И громозвучно-внятно возгласил:

« — Направо и налево, первый ряд,
Раздайся! Ненавидящие нас
Да узрят, как мы с ними заключить
Стремимся мир, как мы хотим прийти
К согласию, как рады их принять
С открытой грудью, если наш призыв
Не отклонят, спиной оборотясь!
Но сомневаюсь. Пусть же Небеса
Свидетельствуют! Небеса беру
Порукою, сколь искренне сердца
Мы облегчаем. Слушайте приказ,
Воители, назначенные мной.
Настало время действовать! Чуть-чуть
Коснитесь ваших мирных предложений,
Да так, чтоб вас могли услышать все!»

Глумливую, двусмысленную речь
Едва он кончил,— на две стороны
Фронт расступился, к флангам отошел,
Невиданное зрелище открыв
И странное: пред нами, в три ряда,
Поставленные на колесный ход,
Лежали исполинские столпы,
По виду — из железа или меди
И камня. Это более всего
Напоминало три ряда стволов
Сосны и дуба, срубленных в горах,
Очищенных от сучьев и ветвей
И выдолбленных,— если б не жерло
Отверстое, разинувшее пасть
Из каждого ствола — зловещий знак
Пустого перемирия. Стоял
За каждым — Серафим, держа в руке

Горящую тростину. Изумясь,
Гадали мы; увы, недолго. Вдруг
Они тростины протянули разом
И прикоснулись к маленьким щелям,
Пробитым в комлях дьявольских махин.
Мгновенно Небо заревом зажглось
И тотчас потемнело от клубов
Густого дыма из глубоких жерл,
Что диким ревом воздух сотрясли,
Его раздрали недра и, гремя,
Рыгнули адским пламенем и градом
Железных ядер и цепями молний;
И необорно, точный взяв прицел
На противостоящие войска,
Сразили победителей с таким
Неистовством, что ни один герой,
Державшийся доселе, как скала,
Не в силах был остаться на ногах.
Десятки тысяч падали вповал,—
Архангелы и Ангелы; напасть
Усугублялась от тяжелых лат;
Когда бы не доспехи, каждый Дух
Избегнул бы ударов, уклонясь
Иль сократясь в размере; но теперь
Они — в смятенье. Надо отступать,
Бежать позорно. Свой стесненный строй
Бойцы напрасно тщились разомкнуть.
Что делать? Устремиться напролом?
Но с поношеньем их отбросят вновь,
Повергнут и глумливо осмеют.
Уже во вражьем стане новый ряд
Стоит, готовый дать очередной
Залп громовой. Но обратиться вспять,
Бесславно пораженье претерпев,—
Вот что страшило более всего!
Разгром врагов предвидя, Сатана
С насмешкою воззвал к своим войскам:
«— Друзья! Что ж победитель к нам нейдет
Надменный? Он так чванно выступал;
Когда же мы, открыв чело и грудь,—
Возможно ль было большее свершить?—
Условьями осыпали врагов
Миролюбивыми,— они бегут
Невесть куда, кривляются вприпрыжку,

Как будто вознамерились плясать,
Хоть странные и дикие скачки
Для пляски непристойны. Может быть,
Их миролюбье наше веселит?
Придется предложенье повторить;
Авось придут к согласию быстрей!»
Ответил столь же колко Велиал:
«— О, Вождь! Целенаправленны, тверды,
Весомы предложенья наши. Знать,
Пришлись они по вкусу, а иных
И поразили. Кто же прямо в лоб
Заполучил их, тот уразумел
Всем существом, от головы до пят.
А если и не поняты дары,
По крайности, хоть показали нам
Врагов, хромающих на четвереньках!»

Так изгалялись оба меж собой,
Куражились, победу возомнив
Заведомой, надеясь без труда,
Посредством хитрой выдумки своей,
Сравняться с Вечной Силой. Гордецы
Презрели Божий гром и Божью рать,
Пока она стояла, смущена,—
Недолго, впрочем; ей прибавил гнев
Решимости, оружие открыл,
Способное бороться с адским злом;
Заметь, какую мощь ей придал Бог
И превосходство! Ангелы спешат
Быстрее молний; мчатся, побросав
Доспехи, к окружающим горам
(Чередование долин и гор
Приятное Земля переняла
У Неба) и, в основах расшатав,
Срывают, за косматые схватясь
Вершины, поднимают заодно
С громадою всего, что есть на них,—
С утесами, лесами и ручьями,—
И на врагов несут. Вообрази
Мятежных Духов изумленье, страх,
Узревших горы, что на них летят
Вверх основаньями и, грохоча,
Обрушиваются на три ряда
Стволов проклятых! Этот страшный груз

Все упованья их похоронил;
Затем настал черед бунтовщиков;
Холмы и горы, скальные кряжи
На них свалились, воздух затемнив,
И целые когорты погребли.
Доспехи только множили беду,
Вонзаясь в плоть, терзая и тесня,
Невыносимую чинили боль.
Страдальцы вопияли и, стремясь
Отбросить гнет, метались, извивались,
Чтоб выбраться на волю из тюрьмы.
Мятежники хотя и Духи света
Чистейшего, но вследствии греха
Их естество померкло, огрубев.
Подобно нам, другие применили
Такое же оружье, оторвав
От оснований ближние хребты;
Швыряемые яро с двух сторон,
Сшибались горы в воздухе; внизу,
Под страшной сенью гор, как под землей,
Во мраке длилась битва. Адский шум!
В сравненье с этой битвою война
Забавой показалась бы. Одно
Ужасное крушенье на другое
Нагромождалось; Небеса вот-вот
Обрушатся, в руины обратясь,
Когда б не всемогущий Бог-Отец,
В незыблемом святилище своем,
Исчислив и обмыслив ход вещей,
Задолго не прозрел бы этот бой
И попустил его, осуществив
Решение великое; почтить
Помазанного Сына и облечь
Своею мощью, поручив Ему
Отмщенье бунтарям. Всевышний Царь
К Мессии сопрестольному воззвал:

«— Сиянье славы Божеской Моей,
Возлюбленный Мой Сын! Ты зримый лик
Незримого Творца; Твоя рука
Вершит Мои определенья; Ты
Второе всемогущество! Два дня
По счету дней небесных протекли,
Как Михаил и верные войска

Предприняли карательный поход
Противу непокорных. Был свиреп
Двухдневный бой,— не диво, коль сошлись
Такие недруги: самим себе
Я предоставил их; сотворены
Они друг другу равными вполне,
Различье — лишь в греховности; оно
До срока не проявлено, пока
Мой приговор отложен. Эта брань
Способна длиться до конца веков,
Но — попусту, вотще. Все, что могла,
Свершила утомленная война,
Неукротимой ярости бразды
Ослабила, горами ополчась
Взамен оружья. Дикие дела
Свершаются на Небе и грозят
Вселенской гибелью. Два дня прошли,
Но третий — Твой! Тебе определил
Я этот день, терпел до сей поры,
Чтоб слава окончания борьбы
Твоя была; побоищу предел
Единый Ты возможешь положить:
Такую благость и такую мощь
Я влил в Тебя, что Небеса и Ад
Признают несравненное Твое
Могущество. Я этот гнусный бунт
Направил так, чтоб Ты Себя явил
Наследником достойным и Царем
Помазанным, по праву и заслугам.
Гряди, всесильный силою Отца,
Воссядь на колесницу и направь
Колеса быстрые, чтоб содроглись
Опоры Неба! Все Мои возьми
Доспехи: стрелы молний, грозный гром —
Оружие победы; препояшь
Мечом бедро могучее! Гони
Исчадья тьмы за рубежи Небес,
Низвергни в глубочайшую из бездн,
Да ведают, коль сами так желали,
Как Бога отвергать и как Царя
Законного — Мессию презирать!»

Он рек, впрямую Сына озарил
Всей лучезарностью; всецело Сын

«Потерянный Рай»

Отца сиянье ликом воспринял
Невыразимо, и Отцу в ответ
Сыновнее сказало Божество:

«— Отец! Главенствующий в Небесах
Престол! Святейший, Вышний, Лучший, Первый!
Ты жаждешь Сына вечно прославлять,
А Я — Тебя, как подобает Мне
Воистину. Мои блаженство, честь
И торжество Я полагаю в том,
Что, благосклонный к Сыну, поручил
Твое веленье Мне осуществить;
Творя Господню волю, счастлив Я
Превыше меры. Царский сан и власть,—
Дары Твои,— приемлю, но отдам
Еще охотнее, когда в конце
Ты будешь Всё во Всём, а Я — в Тебе,
Во Мне же — все, кого Ты возлюбил.
Но ненавижу ненавистных Богу!
Я — образ Твой и гневом облекусь
Твоим, равно как милостью Твоей,
Могуществом Твоим вооружась,
Очищу Небо от бунтовщиков,
Низвергну в уготованное им
Угрюмое жилье, где цепи тьмы
Их изнурят, где станет их точить
Бессмертный червь за то, что отреклись
От послушанья, должного Тебе,
В котором счастье высшее. Тогда,
От нечестивых орд ограждены,
Все праведные, вкруг Святой Горы
Собравшись, непритворно воспоют:
«Осанна, алиллуйя»,— во главе
Со Мной, провозгласив Тебе хвалу!»

Так, опершись на скипетр, молвил Сын,
С Престола высочайшего сойдя,
Где одесную Славы восседал.
Священный — третий — заалел рассвет,
И Колесница Божества Отца
В густом огне, как буря, понеслась,
Не силою колес, одно в другом
Вмещавшихся, но движимая Духом;

Ее сопровождая, по углам
Четыре следовали Херувима
Четвероликих; словно роем звезд,
Усеяны их крылья и тела
Очами, и берилловых колес
Ободья,— сплошь в очах,— метали огнь.
Над Херувимами хрустальный свод,
Подобный Небу, высился; на нем
Престол сапфирный, амброй испещрен
И всей расцветкой радуги дождливой.
Мессия на престоле восседал
Во всеоружье горнем и в броне
Лучистого Урима — мастерства
Божественного. Справа от Него
Орлиные расправила крыла
Победа; у бедра — могучий лук
Соседствовал с колчаном, полным стрел
Трехзубых молний; клокотал окрест
Разящий пламень, и клубился дым,
И разлетались тучи жгучих искр.
Десятки тысяч тысячей Святых
Сопровождали Сына; яркий блеск
О шествии далеко возвещал,
И двадцать тысяч (о таком числе
Мне ведомо) Господних колесниц,
По десять тысяч с каждой стороны,
Катились рядом с Ним. Так Сын летел,
Крылами Херувимскими влеком,
Воссев на Свой сапфировый престол,
Поправ стопами свод из хрусталя,
Сиянье излучая вдаль и вширь.
Его узрела первой наша рать,
И радости нечаянной восторг
Объял сердца, когда великий стяг
Мессии разблистался в вышине,
Его прибытья знак на Небесах,
Несомый Ангелами. Все войска
Под знамя это Михаил отвел
С обоих флангов, их соединил
И передал Державному Вождю.
Божественная расчищала мощь
Дорогу Сыну. Он велел горам
Отторгнутым вернуться на места —
Повиновались горы; прежний вид

Восстановилю Небо, вновь цветы
На долах улыбались и холмах.

Свершилось это чудо на глазах
Врагов злосчастных, но они, коснеть
В упорстве продолжая, собрались
Объединенной ратью, чтобы вновь
Мятежный бой — безумные! — начать,
В отчаянье надежду почерпнув.
Возможно ли настолько исказиться
Небесным Духам? Знаменьем каким
Гордец надменный был бы убежден?
Какое чудо в силах умягчить
В упрямстве очерствелые сердца?
Все то, что безрассудных остеречь
Должно — ожесточило их вдвойне,
И, славу Сына Божия узрев,
Ужаленные завистью, враги
Ярятся пуще; алча высоты
Достичь такой же, с гордостью стоят,
Готовясь к новой битве и в мечтах
Решив Отца и Сына одолеть
Не силой, так лукавством, если ж нет,—
Погибнуть поголовно в мировом,
Всеобщем, окончательном крушенье.
Так, отвергая бегство и отход
Постыдный, двинулись бунтовщики
Вперед в последний бой; тогда воззвал
Сын Божий к флангам подчиненных войск:

«— Святые! Сохраняйте строй блестящий!
Вы, Ангелы, от битвы опочив,
Останьтесь при оружье на местах!
Угоден был Творцу ваш ратный труд;
За правое, доверенное вам
Господне дело бились до конца,
С победоносной доблестью. Но длань
Иная наказанье довершит
Проклятых орд. Единый мститель — Бог
Иль Тот, кому отмщенье поручил.
Не множеством великим, не числом
Сегодня будет осуществлена
Их казнь. В покое стойте и глядите,
Как чрез Меня прольется Божий гнев

На нечестивцев. Нет, не вас — Меня
Возненавидев, завистью кипят
Они ко Мне, за то, что Мой Отец,
Которому вовек на Небесах
Присущи царство, слава, сила, власть,
Меня изволил милостью почтить
И предоставил Сыну приговор
Исполнить Свой. Да сбудется судьба
По их желанью: силами в бою
Помериться и вызнать — кто сильней:
Они ли совокупно или Сын
Противу всех. Мерилом — только силу
Они избрали, прочих не ища
Достоинств, и Тому, кто их затмил
Достоинством, в почтенье отказав.
Пускай же сила наш решает спор;
Не удостою их ничем иным!»

Так молвил Сын и лик переменил
Столь страшно и сурово, что стерпеть
Невыносимо взору; на врагов
Он обратился, преисполнясь гнева
Карающего. Звездные крыла
Четыре Херувима распустили,
Бросая тень зловещую вокруг.
Колеса колесницы боевой
Внезапно завертелись, грохоча;
Казалось, это гул бегучих вод
Иль топот ног неисчислимых войск.
На нечестивцев, мрачный, словно ночь,
Он мчался; от пылающих колес
Шатнулся Эмпирей, лишь Божий Трон
Не дрогнул. Бурей вторгся Он в ряды
Противников и десять тысяч молний
Десницею метал перед Собой,
Язвя их души. Изумленье, страх
Врагов объяли; мужество они
Утратили и, прекратив отпор,
Ненужное оружье уронили.
Сын попирал шеломы, и щиты,
И головы Престолов, павших ниц,
И Серафимов мощных, в этот час
Мечтавших, чтоб на них низверглись вновь
Громады гор, от гнева оградив

Мессии; но густые тучи стрел
Неумолимо жалили и жгли,
От Херувимов четырех летя
Четвероликих, крылья и тела
Которых изобилием очей
Усеяны, и от колес живых,
Что тоже — сплошь в очах. Единый Дух
Руководил очами; каждый зрак
На супостатов молнии метал
И опалял губительным огнем
Проклятых, отнимал остаток сил,
Мертвил их мужество, лишал надежд
И покидал простертых, бездыханных.
А Сын и половины не напряг
Могущества. Он молнии свои
Придерживал, поскольку не желал
Злосчастных истребить, но лишь изгнать
Из рубежей Небесных навсегда.
Подняв простертых, Он перед Собой,
Подобно козлищам, объятых страхом,
Теснящихся к друг другу, их травил,
Стрекая молниями и страша
Безмерной яростью, пригнал к стене
Хрустальной Неба; широко она
Посередине, свертываясь внутрь,
Отверзлась и открыла мрачный зев,
Чудовищный, зияющий провал.
При виде жуткой пропасти враги,
Охваченные ужасом, хотят
Бежать, спастись, но позади грозит
Погибель худшая; тогда стремглав
В пучину кинулись они с краев
Отвора, а за ними мчался вслед —
В бездонной хляби — жгучий, вечный гнев.

Ад грохот этот слышал, видел Ад
Небес паденье с высоты Небес
И, трепеща, бежал бы, но судьба
Расположила слишком глубоко
Его опоры мрачные и к ним
Навеки, слишком крепко пригвоздила.
Враги свергались девять дней; ревел
Смятенный Хаос, и его разор
И дикое бесправье возросли

Десятикратно; падающий сонм
Был столь огромен, что всему грозил
Крушеньем полным. Ад, в конце концов,
Их уловил в разинутую пасть
И, поглотив, замкнулся. Вот жилье,
Заслуженное грешниками: Ад,
Пылающий негаснущим огнем,
Обитель горя и Геенских мук!

Освободившись от бунтовщиков,
Возрадовалось Небо, и стена
Хрустальная, соединясь опять,
Закрыла вмиг зияющий отвор.
Единый Победитель, разгромив
Противников, Мессия повернул
С триумфом колесницу. Рать Святых,
Безмолвных очевидцев славных дел
Воителя великого, ликуя
И осененная ветвями пальм,
Обратно двинулась, и стройный хор
Неисчислимых Ангельских чинов
Гласил победоносному Царю,
Наследнику и Господу — хвалу,
Ему, достойнейшему изо всех,
Державствовать. Вдоль Неба Он летел
В превозношенье общем, в торжестве,
К Святилищу на высоте высот,
К Престолу Всемогущего Отца,
Где Сын в сиянье славы принят был,
Воссев опять Блаженства одесную.

Так, воплотив Небесные дела
В земные образы, исполнил я
Твое желание, чтоб остеречь
Примером прошлого, и рассказал
О том, чего вовеки род людской
Не ведал бы: о битве в Небесах
Великой, о раздоре, о войне
Междоусобной Ангельских Князей,
О грозном низверженье гордецов,
Что занеслись не в меру высоко
И возмутились, купно с Сатаной,
Который алчет гибели твоей
От зависти и хочет отвратить

От послушания, чтоб рядом с ним
Блаженства ты лишился и делил
Возмездие — безмерность вечных мук.
Отраду он обрел бы, оскорбив
Творца, когда б успешно приобщил
Тебя к своим страданьям, Божеству
Отмстив за пораженье. Не внимай
Лукавым обольщеньям и жену —
Слабейшую, чем ты,— предупреди,
И да послужит грозный сей пример
Расплаты страшной за непослушанье
Уроком. Твердо бы они могли
Стоять, но пали. Помня их судьбу,
Остерегайся преступить запрет!»

СОДЕРЖАНИЕ

По просьбе Адама Рафаил повествует: как и для чего сотворен этот мир. По низвержении Сатаны и Аггелов его Бог сообщает о Своей воле: создать другой мир и иные существа для его заселения. Он посылает Сына Своего со славою и в сопровождении Ангелов. Труд творения совершается в шесть дней. Ангелы прославляют в гимнах дело рук Творца и возвращение Его на Небеса.

Урания! — воистину ли так
Зовешься ты,— с Небес ко мне сойди!
Я взвился над Олимпом, вдохновлен
Твоим волшебным голосом; парил
Пегаса крыл превыше. Суть зову
Твою — не имя; не принадлежишь
Ты к девяти Каменам, не живешь,
Неборожденная, на высоте
Олимпа древнего, но прежде гор
Возникновенна, прежде, чем ручьи
И реки заструились, ты вела
Беседы с вечной Мудростью, сестрой
Твоей; ты пела гимны вместе с ней
Пред ликом Всемогущего Отца,
Небесным пеньем слух его пленив.
Тобою вознесенный, гость земной,
Дерзнув проникнуть в Небеса Небес,
Я эмпирейским воздухом дышал,
Который ты смягчала; но теперь
Ты столь же невредимо низведи

Меня к родной стихии, чтоб с коня
Крылатого, безуздого, не пал,
Как некогда Беллерофон на поле
Алейское (хоть с меньшей вышины
Низвергся он), чтоб не скитался я
Покинутый, не ведая, куда
Направить страннические стопы.
Осталось половину мне воспеть,
Но в более стесненных рубежах,
Доступной обозренью сферы дней.
Здесь, на Земле, и не дерзая взмыть
Над полюсом недвижных звезд, могу
Петь смертным голосом. Я не охрип,
Не онемел, хотя до черных дней,
До черных дней дожить мне довелось.
Я жертва злоречивых языков,
Во мраке прозябаю, средь угроз
Опасных, в одиночестве глухом.
И все же я не вовсе одинок:
Меня ты посещаешь в час ночных
Видений или розовой зарей.
Урания! Всегда руководи
Моею песней; для нее сыщи
Достойных слушателей, пусть
немногих!
Но вопли Вакха и его друзей
Разноголосье варварское прочь,
Подале отгони, весь этот рев
Нестройный обезумевших ватаг,
В Родопе растерзавших на куски
Певца фракийского; леса и камни,
В безмолвном восхищении певцу
Внимали, но дикарский крик толпы
И голос и кифару заглушил,
А сына Муза не могла спасти.
Не оставляй молящего тебя
О помощи! Ты Небом рождена,
А та лишь призраком была пустым.

Скажи, богиня: что произошло,
Когда примером грозным остерег
Приветливый Архангел Рафаил
Адама и поведал о судьбе
Отступников, чтоб не постигла казнь

Тождественная — Праотца людей
И все его потомство, если он
Отведает запретного плода,
Единственную заповедь презрев,
Которую нетрудно соблюсти
При столь великом выборе услад
На всякий, самый изощренный вкус.
Адам с женой, дыханье затая,
Внимали в изумленье, глубоко
Задумавшись над сказом о делах
Возвышенных и странных, и почти
Для них непостижимых: о вражде
На Небесах, о яростной войне
В соседстве с Божеским мироволеньем,
Хотя врагами вызванное зло,
С блаженством несовместное, назад
Отброшенное, как морской прибой
От берегов, обрушилось на тех,
Кто, взбунтовавшись, породил его.
Адам сомненья вскоре подавил;
Услышанное разожгло в душе
Желание, безгрешное пока,
Обширней о предметах разузнать,
К нему ближайших: как сотворены
Земля и небо — зримый этот мир?
Когда возникли? из чего? зачем?
И что в Эдеме или вне его
Свершалось до того, как сам себя
Адам сознал? Так, жажду утолив,
Мы взором провожаем бег струи,
Журчащей влажно, и опять хотим
Испить воды; подобно Пращур наш
К Посланцу Неба обратился вновь:

«— Неслыханные тайны ты открыл
Великие; поведал о вещах,
Доселе неизвестных на Земле,
Небесный вестник, Господом благим
Ниспосланный, дабы предупредить
О гибели, могущей нас постичь
По нашему незнанью, о беде,
Которую умам людским невмочь
Предвидеть. Мы обязаны вовек
Безмерной благодарностью Добру

Безмерному; завет Его приняв,
Торжественной присягой подтвердим
Решенье наше: верно пребывать
В Его верховной воле; в этом цель
И смысл мы полагаем бытия.
О том, что превышает разум наш,
Но, в силу усмотренья Высочайшей
Премудрости, на пользу нам пойдет,
Ты в назидание благоволил
Поведать. Удостой же снизойти,
Иное разъяснив, что может быть
Не менее полезным: как возник
Столь отдаленный, зримый небосвод,
Подвижными огнями без числа
Украшенный? Как воздух сотворен
Податливый, широко разлитой,
Что, наполняя из конца в конец
Пространство, обтекает весь простор
Земли цветущей? Почему Господь
В Своем святом покое восхотел
Так поздно к созиданью приступить
Средь Хаоса первичного? Когда
Творенье начал? Скоро ль завершил?
Ответствуй мне, затем что вопрошаю
Не для того, чтоб тайны разгадать
Извечного владычества Творца,
Но чтоб творенью возгласить хвалу
Тем бóльшую, чем больше я о нем
Узнаю из рассказа твоего!
Остался долгий путь светилу дня
Великому, хотя и на закат
Оно склоняется, но сдержит бег,
Твой голос, мощный голос услыхав,
Дабы узнать о собственном начале,
О том, как вся Природа родилась
Из тьмы безвидной. Если же Звезда
Вечерняя с Луною заодно
Пожалуют, в беседе пожелав
Участие принять,— Ночь приведет
Молчание, а Сон, рассказу внемля,
Пребудет бодрственным, иначе мы
Его сюда не впустим до поры,
Когда, твою прослушав песнь, тебя
Проводим на рассвете, пред зарей!»

Высокого он гостя так молил,
И боголикий Ангел дал ответ:
«— Исполню я смиренную твою
Вторую просьбу. Но какой язык,
Какие Серафимские слова
Способны Всемогущего труды
Достойно выразить и описать?
Людское сердце может ли вместить
Понятие о них? Но все, что ты
Усвоить в состоянье, что Творца
Умножит славу, твоему служа
Благополучью, скрытым не должно
От слуха твоего остаться. Мне
Дано веленье свыше: в меру сил
Твоих в границах неких утолить
Пытливость; но границ не преступай
И от последующих воздержись
Вопросов; не мечтай своим умом
О сокровенных таинствах узнать,
Которые невидимый наш Царь
Всеведущий навечно схоронил
Во мраке непроглядном, никого
На Небе и Земле не допустив
К познанью этих таинств. Все же Бог
Дозволил предостаточно вещей
Тебе исследовать и разуметь.
Но знанье — словно пища, и нельзя
Вкушать его чрезмерно, ибо ум
Избытка не приемлет; вредный груз,
Отягощая душу, обратит
В безумье мудрость, как зловонным ветром
Излишняя становится еда.
Узнай! Когда был свергнут Люцифер
(Так называй того, кто в Небесах
Средь Ангелов блистательней сиял,
Чем оная звезда средь прочих звезд),
Когда, объятый пламенами, он
Со всеми легионами летел
Сквозь бездну, прямо в Ад,— Великий Сын
Вернулся во главе Своих святых
С победой. Всемогущий Бог-Отец
Предвечный, озирая с высоты
Престола эти сонмы, произнес,
К возлюбленному Сыну обратясь:

«— Завистник обманулся, возмечтав,
Что примут все участье в мятеже,
Им поднятом; что при подмоге войск
Несметных он твердыней завладеть
Возможет неприступной, Божества
Верховного жилищем. Он прельстил
Изменой многих; им на Небе нет
Отныне места. Но как вижу — верных
Осталось много больше; Эмпирей
В достатке населен, и есть кому
Небесными краями управлять
Обширными, стекаться в этот храм
Священный для служений и торжеств,
Обряды достодолжные блюдя.
Но чтобы Враг не утешался злом
Содеянным, безумно возгордясь,
Что Небо разорил он и ущерб
Мне якобы нанес, Я рассудил
Урон восполнить, если можно счесть
Уроном уронившее себя
По воле собственной. Я мир другой
Мгновенно сотворю; от Человека
Неисчислимый род произведу,
Назначу там до срока обитать,
Пока, возвысясь, множеством заслуг
И послушаньем долгим искушен,
Не внидет в Эмпирей, дабы навек
Там обретаться. В Землю Небеса
Преобразятся, в Небеса — Земля,
Единым царством нерушимым став
Блаженства и согласья без конца.
Вы, Ангельское Воинство! Пока
Живите вольно,— вам заданья нет;
А ты, Мой Сын возлюбленный и Слово
Мое, Ты мирозданье сотворишь!
Речешь, и да свершится! Я Тебе
Даю Мое могущество и Дух
Всеосеняющий. Иди, вели,
Чтоб стала бездна небом и землей,
В начертанных Тобою рубежах.
Безбрежна бездна, и в пространстве нет
Ни меры, ни границ, ни пустоты.
Я — Сущий; бесконечность Мной полна;
Всесильна власть Моя, но Сам в Себя

Я волен возвращаться; благодать
Не всюду простираю, и творю
Иль не творю — свободно, как хочу.
Случайность и равно — необходимость
Ко Мне не приближаются; судьба
В Моей лишь воле вся заключена!»

Всемощный рек, и Слово, Божество
Сыновнее, веление Отца
Осуществило, времени быстрей,
Быстрей движенья. Слово Божье вмиг
Делами обращается. Нельзя
Сие поведать языком людским,
Не растянув рассказа, чтоб возмог
Его усвоить смертный Человек;
С великой радостью и торжеством
На Небесах услышана была
Господня воля. « — Слава,— пели мы,—
Всевышнему! Вовек благословен
Грядущий род людской! Да обретет
Его обитель мир! Хвала Тому,
Чей правый гнев изменников изгнал
От Лика Своего и от жилищ
Святых и верных! Слава и хвала
Тому, Кто зло преобразил в добро
Премудростью Своей, Кто лучший род
Решил создать на смену Духам зла,
Дабы Господня благость разлилась
Во всех мирах и на века веков!»
Так пели Иерархии. Меж тем
Явился Сын, готовый совершить
Великий подвиг; препоясан был
Он всемогуществом; Его венчал
Величия божественного блеск.
Премудрость, беспредельная любовь,—
Весь Бог-Отец был в Сыне воплощен.
Близ колесницы реяли рои
Несметных Серафимов, Херувимов,
Властей и Сил, Престолов и Господств,
Крылатых Духов сонмы, без числа,
Бессчетный строй крылатых колесниц
Из Божьей оружейной, где они
Исконно мириадами стоят,
При полной сбруе, меж двух медных гор,

Всегда готовы к бегу в дни торжеств.
Они самостоятельно теперь
Вперед катились; ими изнутри
Животворящий двигал Дух, стремясь
Последовать за Господом своим.
Вот Небо распахнуло широко
С певучим звуком вечные Врата,
На золотых вращая вереях,
Чтоб Славы Царь, во всемогущем Слове
Своем и Духе, властно приступил
К созданью вновь являемых миров.
Весь клир остановился на краю
Небесной тверди. Бездна их очам
Открылась безграничная; была
Она мрачна, пустынна, и дика,
И необъятна, словно океан
Бушующий. Хребты огромных волн
Пучина, изрыгнув из темных недр,
Вздымала к Эмпирейским берегам
И полюс перемешивала с центром.

Всезиждущее Слово изрекло:
«— Уймитесь, волны бурные! Смирись
И ты, пучина! Кончен ваш раздор!»
Сияя славой Отчей, Божий Сын
На Херувимских крыльях полетел
В глубь Хаоса, к несозданным мирам;
И Хаос внял Ему. Небесный клир
Сверкающий понесся вслед за Ним,
Дабы миротворение узреть
И чудеса могущества Творца.
Вот, прекратив пылающих колес
Вращенье, взял Он циркуль золотой,—
Изделие Господних мастерских,—
Чтоб рубежи Вселенной очертить
И прочих созидаемых вещей;
И, в центре острие установив,
Другим концом обвел в кромешной тьме
Безбрежной бездны — круг, и повелел:
«— До сей черты отныне, мир, прострись!
Твоя окружность и граница — здесь!»

Так землю Бог и небо сотворил
Безвидными, пустыми; тьма была

Над бездною, но Божий Дух простер
Жизнеподательно свои крыла
Над влагой тихой, и в пучину влил
Живительную силу и тепло,
И в хляби жидкой осадил на дно
Частицы черных, тартарных веществ,
Холодных и враждебных бытию.
Потом, распределив и сочетав
Подобное с подобным, воздух вдул
В просветы, в промежутки, и Земля,
Подвешенная к центру своему,
Сама уравновесила себя.
«— Да будет свет!» — Господь сказал, и свет
Эфирный, первородный воссиял
Из бездны, квинтэссенцией чистейшей;
С Востока изначального, сквозь мрак
Воздушный, проплывал он, округлясь
Лучистой тучей, и на должный срок
В густом укрылся облачном шатре,
Поскольку солнца не было еще.
И увидал Господь, что свет хорош,
И полусферой отделил его
От темноты, и Днем его нарек,
А имя Ночи придал темноте.
И вечер был, и утро — Первый День.
Не обошелся он без торжества
И песнопений: Эмпирейский хор,
Восточный свет узрев, когда впервые
Во мраке он рождался, восхвалил
День сотворенья неба и земли,
Ликующим восторгом огласив
Простор безмерный сферы мировой.
Все Ангелы, на арфах золотых
Играя, воспевали Божество,
Творенье прославляя и Творца;
Был вечер, было утро — Первый День.

И Бог сказал: «— Да будет твердь меж вод
И да разделит их!» — и создал твердь;
Ее первичный воздух составлял
Прозрачный, чистый, влажный элемент,
Простершийся до крайних рубежей
Вселенской сферы: прочный, верный свод,
Меж горних вод и нижних. Ведь Господь

Вселенную и Землю водрузил
На тихих водах, что едва текут,
Хрустальный образуя океан.
Гремящий, бурный Хаос далеко
Отвел Создатель, чтоб не погубить
Соседством грубым новозданный мир.
И Всемогущий Небом твердь нарек,
И увидал, что это хорошо.
Опять воспели Ангелы хвалу,
И вечер был, и утро — День Второй.

Уже Земля сложенье обрела,
Но, как в утробе недозрелый плод,
Была укрыта лоном вод; не зря
Округлую поверхность омывал
Безбрежный океан и, шар Земли
Смягчая, теплой влагою поил
Питательной, в броженье приводя
Всеобщую родительницу — мать,
Чтоб, соки животворные вобрав,
Насытившись, она зачать могла.
И Бог сказал: «— Да соберутся купно
Все воды поднебесные, и пусть
Возникнет суша!» В тот же миг из волн
Пучины океанской вознеслись
Громады гор. Их голые хребты
Обширные коснулись облаков,
А гребни островерхие — Небес;
И сколь высоко поднялись кряжи,
Столь низко опустились вширь и вглубь
Расселины и впадины, открыв
Уёмистые русла, и туда
Рванулись воды, весело бурля,
С гористой суши скатывались вниз,
Круглясь шарами, как в сухой пыли
Круглятся капли; некие из них
От быстроты хрустальною стеной
Вздымаются; другие же — летят,
Образовав ряды прямых столпов.
Стремительность такую придал им
Глагол Господень. Как на звук трубы
Спешат войска под сень своих знамен
(Уже ты прежде слышал о войсках),
Так водная стихия, разогнав

За валом вал и за волной волну,
С обрывов низвергается крутых
Стремнинами и на равнинах плоских
Спокойно разливается. Ничто
Ее сдержать не в силах: ни холмы,
Ни скалы; и прокладывает путь
Она везде — и над и под землей,
Змеиными извивами юлит
И ложа промывает для себя
В размокшем иле, что ее напору
Покорно уступал, пока Творец
Не повелел, дабы он сушей стал,
Помимо русел, где до сей поры
Струятся рек текучие стези.
И сушу Бог Землей назвал тогда,
А Морем — наибольший водоем;
Увидел Бог, что это хорошо
И молвил: «— Да Земля произрастит
Зеленую траву и всякий злак,
Дающий семена, и древеса,
Обильно приносящие плоды,
По роду своему и семенам,
В Земле прозябнущим!» И стало так.
Доселе неприглядная Земля,
Нагая и пустынная,— травой
Оделась нежной, вся зазеленев
Приятно; разновидную листву
Растенья развернули, зацвели,
Пестрея красками и аромат
Лия душистый, тешили Земли
Рождающее лоно. Виноград
Покрылся гроздами; среди плетей
Ползучих вздулась тыква; поднялись
Дружиною колосья на полях;
Сплелись ветвями низкие кусты
Курчавые; и статные стволы
Деревьев, словно в пляске, наконец,
Восстали, простирая ветви крон,
Сплошь в завязях обильных и плодах.
Холмы венчая, поднялись леса
Высокие, и осенили дол
Густые купы рощ, а берега
Потоков окаймились молодым
Кустарником. Подобной Небесам

Земля отныне стала, для богов
Обителью достойной, где всегда
Бессмертным бы хотелось пребывать
Иль посещать ее святой приют
С любовью и отрадой. Хоть Земле
Господь еще не посылал дождя,
И Человека — пахаря еще
Не создал Бог, но от сырых низин
Туманы воспарились, увлажнив
Росою грунт и созданное ныне
Произрастанье каждое, пока
Оно таилось в почве, каждый лист,
Едва развившийся на черенке.
Увидел Бог, что это хорошо,
И вечер был, и утро — Третий День.

И Бог сказал: «— На небесах да будут
Светила, чтобы день отъединить
От ночи, времена знаменовать,
Года и дни! Лампадами они
Да будут, освещают шар земной
С небесной тверди, следуя Моим
Определениям!» И стало так.
Великих два светила создал Бог,
Великих, по их пользе Человеку;
Владычит бóльшее светило днем,
А ночью меньшее, попеременно.
Он создал звезды, в небе укрепил,
Велев светить и править чередой
Ночей и дней, деля от мрака свет.
И на Свое творенье Бог взглянул
И увидал, что это хорошо.
Он Солнце первым из небесных тел,—
Огромный шар и темный, до поры,
Из вещества эфирного свершил;
Потом — шарообразную Луну
И звезды всевозможных величин,
Усеяв, словно пашню, небосвод;
И свет извлек из кущи облаков
И поместил значительную часть
На солнечный, дотоле темный шар,
И пористый, дабы он мог всосать
Струистый свет и пропитаться им;
А задержанью солнечных лучей

Споспешествует плотность вещества
Достаточная. Этот шар — чертог
Великий блеска; из него теперь
Светила черпают потребный свет
Сосудами златыми; здесь рога
Планета утренняя золотит:
Здесь россыпи неисчислимых звезд
Заимствуют окраску, отразив
Сверканье Солнца, множа малый блеск
Природный свой, но кажутся глазам
Людским — преуменьшенными, затем
Что от Земли безмерно далеки.
Впервые на Востоке вознеслась
Лампада дивная — Владыка дня;
Сияньем лучезарным окоем
Широко озарив, пустилась в путь,
Ликуя, по назначенной тропе
Небесной, а Плеяды и Заря
Кружились в хороводе и, вождю
Предшествуя, приятное вокруг
Неяркое мерцанье изливали;
А менее блестящая Луна
На Западе помещена была,
Точь-в-точь напротив Солнца, и оно,
Как в зеркало, в ее округлый лик
Глядится и дарует свет Луне,
Так расположенной, что ей другой
Не нужен свет. До вечера хранит
Она все ту же дальность; на оси
Небесной обернувшись, в свой черед,
Восходит на Востоке, воцарясь
В ночи, а с нею тысячи светил
Не меньших, мириады мириад
Блестящих звезд, ночную полусферу
Осыпавших, подобно огонькам.
Так небо в первый раз разубралось
Лампадами, которым восходить
И заходить повелено Творцом.
И вечер был, и утро — День Четвертый.

И снова Бог сказал: «— Пучина вод
Да пресмыкающихся породит,
Обильных семенем живые души!
Да воспарят над сушей, в небесах

На крыльях птицы!» И творящий Бог
Китов огромных создал и извел
Из хлябей влажных всяческую тварь
Ползучую по их родам; и птиц
Пернатых, всяческих, по роду их
Бесчисленно Он создал, и, узрев,
Что это хорошо, благословил
Творение Свое и молвил так:
«— Плодитесь, множьтесь, воды наполняйте
В морях, озерах, реках и ручьях!
Вы, птицы, размножайтесь на земле!»
В морях и океанах в тот же миг,
В проливах, бухтах, заводях — мальки
Несметно закишели; стаи рыб
Возникли в толще изумрудных волн,
Скользнули, плавниками шевеля,
Сверкая чешуей; в иных местах
Толпятся, отмели образовав
Средь моря; в одиночку, а порой
Объединясь, пасутся, ищут корм
Средь водорослей, и, шныряя там,
Теряются в коралловых лесках,
Играют, и одеждой водяной
Чешуйчатой, в накрапе золотом,
Молниевидно блещут на свету.
Другие же — спокойно пищи ждут,
В перловых раковинах затаясь,
А третьи — под утесами, броней
Покрытые, подстерегают жертв.
Тюлени и горбатые дельфины
Резвятся на поверхности морей;
Иные великаны иногда
Настолько неуклюже-тяжелы,
Что их тела, ворочаясь в воде,
Вздымают белопенную волну;
А величайшее из всех существ,—
Левиафан, подобно цепи гор,
Лежит на глубине, на самом дне,
Объятый сном; когда же он плывет —
Подвижной сушей кажется; дыша,
Вбирает море жабрами и вновь
Выталкивает хоботом. Меж тем
В пещерах теплых и на берегах,
В болотах неисчетный птичий род

Проклевывается из тех яиц,
Что трескаются в надлежащий срок,
Достаточно согретые; из них
Бесперые выводятся птенцы,
Но вскоре оперяются, крыла
К полету ширят и, взмывая ввысь,
Презрительно глядят сквозь облака
На прах земной. Здесь аист и орел
На скалах и на кедрах гнезда вьют;
Иные птицы в воздухе парят
В привольном одиночестве; другие,
Смышленые, общинами сойдясь
И строясь в правильные косяки,
Совместно пролагают путь себе
И, зная годовые времена,
Воздушным караваном над землей
И морем пролетают, облегчив
Себе дорогу дружным взмахом крыл.
Так ежегодно странствует журавль
Разумный, вместе с ветром уносясь,
И воздух расступается пред ним,
Волнуемый бесчисленным пером.
Не покладая крыльев, хор пичуг
Порхает меж ветвей и веселит
Леса до сумерек, а соловей
Торжественный свою заводит песнь
Сладчайшую, всю ночь не умолкая.
Иные — моют пуховую грудь
В серебряных озерах и прудах.
Так, шею горделиво изогнув
Меж белых крыл, что, словно царский плащ,
Окутывают стан, легко скользит
Державный лебедь, чуть колыша гладь,
И лапами, как веслами, гребет;
Но зачастую влажную стихию
Он покидает, взвившись в вышину
На мощных крыльях,— в средние слои
Воздушные. Надежно по земле
Ступают прочие: таков петух
Гребнистый, оглашающий часы
Молчанья трубным звуком; такова
Другая птица с радужным хвостом,
Усеянным созвездьями очей.
Вот рыбами стихия вод полна,

А воздух — птицами. И вечер был,
И утро, и прославили Творца
И все Его деянья; Пятый День.

И День Шестой творенья наступил,
Последний, при вечернем звоне арф
И утреннем. И повелел Господь:
«— Живые души да произведет
Земля: скотов, и гадов, и зверей
Земных, по роду их! И стало так.
Земля повиновалась, лоно вмиг
Плодущее раскрыв, произвела
Живых несметных тварей — развитых
И совершенных видом; их тела
И члены были сложены вполне.
Из недр подземных, словно из берлог,
Явился дикий зверь лесных трущоб,
Жилец дубрав дремучих и пещер;
Попарно звери встали меж дерев
И разминулись по местам своим.
По луговинам, пожням и полям
Шагал неспешно травоядный скот
Особняком и малыми гуртами;
Другие же, объединясь в стада
Обширные, на пастбищах брели,
Поскольку скопом их, в большом числе,
Земля производила. Из бугра
Рождающего выпростался лев
До половины; лапами скребя,
Он туловища остальную часть
Освободил при помощи когтей
И, вырвавшись, как будто из оков,
Косматой, рыжей гривой стал трясти,
Кротам подобно, ирбис, леопард,
И тигр, буграми почву разбросав,
Карабкаются из глубоких нор;
Из-под земли ветвистые рога
Олень проворный кажет; бегемот,
Крупнейшая из тварей земнородных,
Из вязкой формы глиняной с трудом
Освобождает непомерный груз
Своих телес огромных; как ростки,
Над почвой овцы с блеяньем взошли
Курчаворунные; гиппопотам

И крокодил чешуйчатый возникли,
Колеблясь между сушей и водой.

Единовременно черед настал
Для пресмыкающихся, для червей
И насекомых; крылья-веера
Прозрачные и гибкие раскрыв,
Красуясь летней роскошью одежд,
В накрапе изумрудном, золотом,
Лазурном и пурпуровом, что сплошь
Их маленькие те́льца испестрил,
Они в полет готовы; длинный след
Извилистый проводят по земле
Иные длинным туловом своим.
Не все они к мельчайшим существам
Относятся, и многие из них —
Из рода змей — разительной длины
И толщины, ползут, свиваясь в кольца,
И обладают крыльями. Сперва
Явился бережливый муравей
Заботливый; хоть мал его об'ем,
Но сердце в муравье заключено
Великое. Он множество племен
В единую семью совокупил
И равенства правдивого пример
Со временем, быть может, вам подаст.
За ним явился рой прилежных пчел,
Что скармливают сладкую еду
Супругу-тунеядцу и хранят
В ячейках восковых душистый мед.
Несметны твари прочие, тебе
Знакомые; ты имена им дал
И повторять их вовсе нет нужды.
Тебе небезызвестен также Змий,
Лукавейший из тварей полевых,
Порою медноглазый, с гривой страшной,
Огромный, но покорный; он вреда
Не может никакого причинить.

Сияли в полной славе небеса,
Катясь по неизменному пути,
Как Перводвижитель предначертал,
Вращение придав Своею дланью.
Уже благоустроенный вполне,

Любовно улыбался шар земной,
В убранстве пышном. В воздухе, в воде
И на земле — насельников не счесть
Летающих, плывущих и ходящих,
Животных, птиц и рыб. Но День Шестой
Не завершен, и не было еще
Созданья наилучшего, венца
Творения, отличного от всех,
Поникших долу, низменных скотов,
Но одаренного хребтом прямым,
Походкой стройной, поднятым челом
И разумом священным; существа,
Осознавать способного себя,
Другими тварями повелевать,
И, дух в себе великий ощутив,
Общаться с Небом, и благодарить
За все Его даренья, и к Нему
Молитвенно и голос, и глаза,
И сердце устремлять, боготворя
Всевышнего, и возносить хвалу
Творцу за то, что эту создал тварь
Владыкой прочих тварей. И Отец
Предвечный, Всемогущий (где же нет
Его присутствия?) проговорил
Такое слово Сыну Своему:

«— По нашему подобью Человек
И образу да будет сотворен!
Да будет властелином рыб морских,
Небесных птиц, и полевых зверей,
И пресмыкающихся по Земле!»
Изрек и сотворил тебя, Адам,
О, Человек! О, прах земной! И вдул
Дыханье жизни в ноздри. Создан ты
Воистину по образу Творца,
Его подобьем подлинным, и стал
Живой душой. Ты сотворен как муж,
А Ева — как жена сотворена,
Дабы расплеменился род людской.
И человечество благословил
Создатель всемогущий и сказал:

«— Плодитесь, множьтесь, наполняйте Землю,
Владейте ею! Вам даны во власть

Морские рыбы все, и птицы все
Небесные, и вся живая тварь
Земная!» С места, где ты создан был,
В то время — безымянного, Господь
Тебя,— ты это знаешь,— перенес
В прекраснейшую рощу, в дивный сад,
Где услаждают зрение и вкус
Деревья Божьи; пищею тебе
Назначены их смачные плоды.
Землей рождаемые, здесь растут
Все разновидности, им нет числа,
Но Древа, плод которого дает
Познание Добра и Зла, не смей
Касаться, ибо вкусишь и умрешь;
Такая кара определена
За это. Берегись и обуздай
Свои желанья, да не завладеет
Тобою Грех и Черный спутник — Смерть,
Сопровождающий повсюду Грех!
Господь, миротворенье завершив,
Окинул взглядом созданное Им
И увидал, что это хорошо.
И вечер был, и утро — День Шестой.
Работая не покладая рук
И после окончания трудов
Неистомленный, удалился Бог
На Небеса Небес, в Свою обитель
Высокую, желая с вышины
Престола новозданный мир узреть,
Расширивший владенья Божества,
И оценить, сколь верно воплощен
В его достоинстве и красоте
Величественный замысел Творца.
Вознесся Он средь кликов торжества
И благозвучья Ангельского арф
Тысячезвонных (ты их слышал сам
И помнишь); песне вторил небосвод
И все созвездья, и, остановясь,
Планеты ей внимали, затаив
Дыхание, пока блестящий клир,
Ликуя, подымался в Эмпирей.

«— Отверзьтесь, вековечные врата! —
Гремела песнь.— Отверзьте, Небеса,

Свои живые створы, да грядет
И внидет в них Создатель, увенчав,
Со славой, шестидневные труды
Миротворенья! О, врата! Отныне
Вы часто отверзайтесь, ибо Он
Благоволит нередко посещать
Жилища праведников, слать гонцов
Крылатых, приносящих людям весть
О Вышней милости». Так, воспарив,
Блестящий пел синклит. Свой путь прямой,
Сквозь Небеса, открывшие портал
Блистающий, направил Божий Сын
К святому обиталищу Отца,—
Пространную, широкую стезю,
Усыпанную прахом золотым
И звездами мощенную; точь-в-точь
Таким ты видишь ночью Млечный Путь,
Подобный опояске круговой,
Усеянной обильной пылью звезд.

Вот на Земле, в Эдеме, в должный срок
Седьмой, священный, вечер наступил
И Солнце закатилось; полумрак
Дохнул с Востока, предвещая ночь,
Когда на вышину Святой Горы,
Где Божества незыблемый Престол
Державный, утвержденный на века,
Воздвигнут нерушимо, вознеслось
Могущество Сыновнее, воссев
С Отцом Великим рядом, ибо Он,
Не покидая Трона (таковы
Явленья вездесущности Творца),
Миротворением повелевал,
Невидимо присутствуя при нем,
Как всех вещей Начало и Конец.
Опочивая от Своих трудов,
Он День Седьмой теперь благословил
И освятил,— отдохновенья День
От всех Господних дел; но проведен
Сей день отнюдь не в тишине святой;
Не почивала арфа, и тимпан,
И флейта праздничная ни на миг
Не умолкали. В сладкозвучный лад
Сливался инструментов нежный звон

Золотострунный, вызванный перстами,
С многоголосым пеньем хоровым
И гимнами отдельных голосов.
От золотых кадильниц фимиам,
Струясь, обитель Божью укрывал
Клубами облаков. Небесный клир
Творение и шестидневный труд
Создателя, в восторге, так воспел:

«— Прославлен, Иегова, ты в делах
Твоих, во всемогуществе Твоем!
Чья мысль Тебя вместит? Какая речь
Способна о Тебе повествовать!
Ты, возвратившись, более велик
Теперь, чем в день победы над ордой
Гигантских Ангелов; Ты был тогда
Прославлен молниями, но творить
Почетнее, чем созданное рушить.
Кто в силах покуситься, мощный Царь,
На власть Твою? Кто в силах завладеть
Державою вселенской? Ты легко
Надменные надежды ниспроверг
Врагов и нечестивый их совет,
Когда они мечтали умалить
Величье Божества, несметный сонм
Поклонников отторгнув от Него.
Кто алчет унижения Творца,
Тот, вопреки хотенью своему,
Лишь вящему послужит проявленью
Могущества Всевышнего. Ты зло
Во благо обращаешь, и о том
Свидетельствует новозданный мир,
Второе Небо, что невдалеке
От Врат Небесных, на глазах у нас,
Ты сотворил, воздвиг и основал
На чистом гиалине — на хрустальном
Прозрачном океане. Создал Ты
Простор, почти безмерный, полный звезд,—
Миров, которые когда-нибудь,
Возможно, ты захочешь населить,
Но лишь Тебе известны времена
Твои. Среди бесчисленных миров
Людское обиталище — Земля —
Находится, и нижний океан

Приют людей прекрасный омывает.
Трикраты осчастливлен Человек
И все его сыны, которых Бог
По Своему подобью сотворил
И образу, и высоко вознес,
Жильем назначил Землю им; от них
Лишь почитанья требуя, владеть
Дозволил всеми тварями воды,
Земли и воздуха и множить род
Святых и праведных Господних слуг.
Блаженны люди трижды, осознав
Свое блаженство, в правде утвердясь!»
Так, восклицая «Аллилуйя!», пел
В Небесной выси Эмпирейский хор.
Так был отпразднован Субботний День.

Я жажду знанья утолил твою,
Подробно рассказал, как ты желал,
О сотворенье мира, о начале
Вещей, о том, что было до тебя,
До памяти твоей, дабы ты мог
Потомству эту повесть передать.
Но ежели о чем-нибудь еще,
В пределах, разрешаемых уму
Людскому, хочешь ведать — вопрошай!»

СОДЕРЖАНИЕ

Адам вопрошает о движениях тел небесных и получает неопределенный ответ наряду с советом заниматься предметами, более доступными человеческому познаванию. Адам соглашается с этим и, стремясь подолее удержать Рафаила, рассказывает ему все, что помнит от мига собственного сотворения, о своем перенесении в Рай, беседе с Богом, одиночестве, встрече с Евой и союзе с нею. Рассуждения Адама о данном предмете с Ангелом, который вновь остерегает его и удаляется.

Умолкнул Ангел, но волшебный звук
Его речей как бы не затихал
В ушах Адама; недвижимо он
Внимал ему и, словно ото сна
Очнувшись, благодарно произнес:

«— Какой признательностью возмещу,
Чем отплачу, небесный летописец,
За то, что знанья жажду утолил
Ты щедро; удостоив снизойти,
Как некий друг поведал о вещах,
Которых мне иначе не постичь.
С восторгом, с изумлением словам
Твоим внимая, должную хвалу
Воздал я Высочайшему Творцу,
Но кое-что неясно для меня;
Лишь ты сомненья в силах разрешить.

Когда гляжу я на прекрасный храм
Вселенной, созерцаю небосвод
И Землю, их размер соотношу,
Мне точкой представляется Земля,
Песчинкой, атомом, в сравненье
с твердью,
С исчисленными звездами; они,
Сдается, пробегают по кругам
Безмерные пространства (я сужу
Об этом, исходя из быстроты
Вращенья ежесуточного звезд
И дальности от нас) лишь для того,
Чтоб днем и ночью слать на Землю свет
И темную пылинку озарять,
А в остальном рои небесных тел
Огромных — бесполезны. Я дивлюсь:
Как мудро-бережливая могла
Природа беспричинно допустить
Такую расточительность, создав
Столь много благороднейших светил,
Преследуя единственную цель,
И по орбитам разным предписать
Им вечное движенье, день за днем
Возобновляемое, а Земля
Недвижная, которая легко
Вращалась бы по круговой стезе,
Гораздо меньшей, вправе без труда
Теплом и светом пользоваться, данью,
Летящей к ней из глубины пространств
Безмерных, с несказанной быстротой,
Не выразимой никаким числом!»

Так молвил Пращур наш; его черты
Раздумчивость являли о вещах
Высоких, странных. Ева, в стороне
От них сидевшая, приметив это,
Величественно-скромно поднялась
И отошла с изяществом таким,
Что каждый бы невольно пожелал
Ее присутствия. Она к цветам,
К деревьям плодоносным отошла,
Дабы взглянуть, как завязи плодов
И почки развиваются; росли
Они живее под ее рукой

И распускались ярче и пышней,
Когда Праматерь приближалась к ним.
Нет, Ева удалилась не затем,
Что скучен ей, иль вовсе чужд предмет
Беседы, или слишком затруднен
Для разуменья женского. О нет!
Блаженство это Ева берегла
До времени, когда наедине
Ей обо всем поведает супруг.
Архангелу она предпочитала
Рассказчиком — Адама, чтоб ему
Подробные вопросы задавать,
Предчувствуя, что разговор не раз
Он отступленьем ласковым прервет
И в нежностях супружеских решит
Сомненья важные; его уста
Отнюдь не красноречием одним
Пленяли Еву. Где найдешь теперь
Чету подобную, такой союз
Взаимоуваженья и любви!
Богоподобная, она в саду
Ступала; как царицу, провожал
Ее повсюду праздничный кортеж
Прелестных граций, мечущих окрест
Желанья стрелы, в каждом пробудив
Потребность видеть Еву непрестанно.
Адамовым сомненьям Рафаил
По-дружески терпимо отвечал:

«— Твою пытливость я не осужу.
Как письмена Господни — пред тобой
Открыто небо, чтобы ты читал,
Дивясь деяньям Божьим; времена
Учился годовые различать,
Часы и годы, месяцы и дни.
Для этого познанья все равно:
Земля вращается иль небосвод,—
Счисленья были бы твои верны.
Великий Зодчий остальное скрыл
От Ангелов и от людей навек
И не поверил тайны никому,
Да не допытываются о ней
Создания, которым подобает
Лишь восхищаться детищем Творца.

Все мирозданье предоставил Он
Любителям догадок, может быть,
Над ними посмеяться возжелав,
Над жалким суемудрием мужей
Ученых, над бесплодною тщетой
Их мнений будущих, когда они
Исчислят звезды, создавать начнут
Модели умозрительных небес
И множество придумывать систем,
Одну другой сменяя, им стремясь
Правдоподобность мнимую придать,
Согласовав с движением светил;
Сплетеньем концентрических кругов
И эксцентрических — расчертят сферу
И, циклов, эпициклов навертев,
Орбиты уместят внутри орбит.
Предсказываю это, исходя
Из твоего сужденья; род людской
Им будет руководствоваться впредь.
Уверен ты, что светлые тела
Значительные не должны служить
Планетам незначительным и свет
Не излучающим; что небеса
Свершают зря свой повседневный бег,
Земле же неподвижной перевес
Во всем достался. Рассуди сперва:
Ведь сами по себе размер и блеск
Еще не составляют превосходства.
Хотя, в сравненье с небом, и темна,
Мала Земля, но может содержать
Гораздо больше важных совершенств,
Чем Солнце, что сияло бы вотще,
Когда бы свет, не надобный ему
И бесполезный, не струился вниз
И Землю тучную не озарял;
Лишь прикасаясь к ней, бесплодный луч
Приобретает силу; и вдобавок
Светила эти служат не Земле,
Но Человеку — жителю ее.
Объем небес огромный да гласит
О славе Господа, что созидал
Пространно так, чья протянулась вервь
Столь далеко, чтоб Человек не счел
Все Мироздание своим жилищем,

И — обитатель крохотной частицы
Вселенной уловил бы, что собой
Просторов не заполнит мировых,
Чье назначенье знает лишь Господь.
Его всесилье — в быстроте познай
Кругов несметных этих; веществу
Он скорость молнийную сообщил,
Почти духовную. Не мыслишь ты,
Что не проворен я, с утра успев
От Божьего Чертога прилететь
В Эдем еще до полдня, пересек
Пространство, для которого нельзя
Обозначений численных найти.
Я так сужу, вращенье допустив
Небес, дабы ничтожность уяснить
Причин, что наклоняют разум твой
К сомненьям; но не стану утверждать
Действительность вращенья самого,
Хоть явью кажется оно тебе —
Земному наблюдателю. Творец
От Человека скрыл Свои пути
И небо от Земли Он отдалил,
Дабы самонадеянность людей
В предметах высочайших, для ума
Людского недоступных, потерялась
И не выгадывала б ничего.
Что, если Солнце в центре мировом
Находится, а сонмы прочих звезд,
Двум силам притяженья подчиняясь,—
От Солнца исходящей и от них
Самих,— окрест него, за кругом круг
Описывают? Их неровный бег
Являют нам наглядно шесть планет;
То книзу движутся они, то вверх,
Скрываются, плывут вперед, назад
И останавливаются порой.
Что, ежели седьмою в их ряду
Планетой состоит Земля? На вид
Недвижная, троякое она
Движенье, незаметно для себя,
Свершает? Или это припиши
Ты некоторым сферам, в небесах
Вращающимся противоположно,
Пересекая вкось пути свои;

Иль Солнце от его труда избавь
И это суточное колесо,
Надзвездный и незримый ходкий ромб,
Возможно — движитель ночей и дней,
В его вращении останови.
Во всех догадках этих — нет нужды,
Коль движется Земля навстречу дню,
Катясь к Востоку, и вступает в ночь
Противоставшей Солнцу полусферой,
Когда другая — в озаренье дня.
Что, если сквозь прозрачный воздух льет
Луне — Земля свой отраженный блеск
И светится дневной звездою там,
Как по ночам Луна сияет здесь,
Взаимно услужая? На Луне,
Возможно, есть материки, поля
И обитатели; на ней видны
Неправильные пятна, облакам
Подобные; из облаков дожди,
Быть может, падают, производя
В размягшей почве разные плоды
Кому-нибудь на пищу. Может быть,
Ты обнаружишь в глубине пространств
Иные солнца, в окруженье лун,
Мужские посылающих лучи
И женские; великие два пола
Одушевляют мировой простор,
И не исключено, что населяют
Создания живые все миры.
То, что в Природе столь большой объем
Безжизненен, пустынен, одинок
И у него другой задачи нет,
Как только от громадных этих сфер
Безлюдных искры света уделять
Далекой, обитаемой Земле,
Которая обратно, в свой черед,
Им посылает обретенный свет,—
Подобная гипотеза весьма
Гадательна. Но так или не так,
Устроен мир; и Солнце ли царит
На небе, над Землею восходя,
Восходит ли над Солнцем шар земной;
Вступает ли на пламенный свой путь
С Востока Солнце иль Земля неслышно

И медленно от Запада скользит
И, почивая на своей оси,
Тебя уносит плавно, заодно
Со всею атмосферой,— не томись
В разгадыванье сокровенных тайн,
Их Богу предоставь; Ему служи
Благоговейно; да изволит Он
Своими тварями располагать
По месту пребыванья их. Вкушай
Блаженство, уделенное Творцом,
Эдемом наслаждайся и женой
Твоей прекрасной. Слишком далеки
Просторы неба, дабы ведал ты,
Что там свершается. Итак, пребудь
Смиренномудрым: думай о себе,
О бытии своем; оставь мечты
Несбыточные о других мирах,
О тех, кто там живет, о их судьбе
И совершенстве. Удовлетворись
Дозволенным познаньем о Земле
И даже о высоких Небесах,
Которое тебе сообщено!»

В сомненьях просветлясь, Адам сказал:
«— Небесный чистый Разум,
ясный Дух!
Ты в полной мере удовлетворил
Меня, освободил от смутных дум
И указал дорогу бытия
Легчайшую, мне преподав урок
Смиренья, научил не отравлять
Тревожным суемудрием — услад
Блаженной жизни, от которой Бог
Заботы и волненья удалил,
Им повелев не приближаться к нам,
Доколе сами их не привлечем
Мечтаньями пустыми и тщетой
Излишних знаний. Суетная мысль,
Неукрощенное воображенье
К заносчивости склонны, и тогда
Плутают в лабиринте, без конца,
Пока их некто не остережет,
И опыт жизненный не вразумит,
Что мудрость вовсе не заключена

В глубоком понимании вещей
Туманных, отвлеченных и от нас
Далеких, но в познании того,
Что повседневно видим пред собой,
Все остальное — суета сует,
Дым, сумасбродство дерзкое; от них
Невежество родится, темнота,
Незрелость рассуждений о делах
Наиближайших, важных и туман
Блужданий безысходных. Низойдем
С высот, в скромнейший пустимся полет
И о предметах будем говорить
Подручных. Может статься, обращусь
К тебе с вопросами; на них ты дашь,
Коль не сочтешь излишними, ответ
С терпеньем,— я надеюсь,— добротой
И снисхожденьем, свойственным тебе!
О том, что до меня произошло,
Поведал ты, и, в свой черед, внемли
Рассказу моему; возможно, он
Тебе безвестен. День еще велик.
Ты видишь,— я хитрю, чтоб задержать
Твое отбытье повестью моей,
Что надо было бы нелепым счесть,
Когда б рассказом я не полагал
Ответы вызвать снова. Близ тебя,
Сдается,— я на Небе, и слова
Твои мне слаще пальмовых плодов,
Когда мы жаждем, завершив труды,
И алчем; сладостны они на вкус,
Но приедаются. Твоя же речь
Божественной питает благодатью,
Не пресыщая душу никогда».

И с кротостью небесной Рафаил
Ответил: «— Сладкогласья и твои
Уста не лишены; красноречив
И твой язык, о Праотец людей!
Тебя Всевышний щедро одарил
Духовно и телесно, ибо ты
Прекрасное подобие Творца.
Безмолвствуешь ли ты иль говоришь,
Движенья и слова твои полны
Благопристойности и красоты.

На Небе — сослужителя земного
В тебе мы видим и в твою судьбу
Вникаем, ибо зрим, сколь Бог почтил
Тебя, на Человеке утвердив
Свою равновеликую любовь.
Итак, рассказывай. Я в День Шестой
Как раз отсутствовал; мне довелось
Квадратный, целокупный легион
Сопровождать в нелегкий, мрачный путь
К вратам Геенны и (таков приказ)
Охранные установить посты,
Чтоб ни один лазутчик или враг
Не выручился, чтоб творящий Бог,
Помехой дерзновенной раздражен,
Творенье с разрушеньем не смешал.
Конечно, Божьей воле вопреки,
Они бы не решились на побег,
Но Бог послал нас как Владычный Царь
Самодержавный, приучая нас
Немедленно приказы выполнять.
Мы запертыми страшные врата
И крепко загражденными нашли,
Услышали, еще издалека,
За ними шум — не хоровой распев,
Не развеселый пляс, но вопли мук
И яростного бешенства рычанье.
С великой радостью вернулись мы
В Обитель Света, как приказ гласил,
До вечера Субботнего. Но жду
Твоих речей, дабы внимать с отрадой
Не меньшею, чем ты моим внимал!»

Богоподобной Силе Пращур наш
Ответил: «— Человеку мудрено
Поведать о начале бытия
Людского. Кто же помнит о своем
Возникновенье? Но желая длить
С тобой беседу, я рассказ начну.
Сперва, как бы очнувшись ото сна
Глубокого, простертым на траве
И на цветах себя я осознал,
В душистой, бальзамической росе,
Что под влияньем солнечных лучей,
Впивающих летучий, влажный пар,

Просохла вскоре. Удивленный взор
Возвел я, созерцая небосвод
Обширный, а затем, как бы стремясь
К нему, наитьем внутренним влеком,
Встал на ноги и увидал вокруг
Холмы, долины, сень тенистых рощ,
Поляны солнечные и ручьев
Рокочущих теченье; и везде
Живые твари двигались, брели,
Порхали; птицы пели средь ветвей.
Природа улыбалась. Благовоньем
И счастьем сердце полнилось мое.
Потом себя исследовать я стал,
За членом — член; то я бежал, то шел,
И гибкие повиновались мне
Все части тела. Кто же я таков,
Откуда взялся? — этого не знал.
Пытаюсь молвить — и заговорил;
Всему, что пред глазами, мой язык
Послушный нарекает имена.
«— Ты, Солнце! — я вскричал.—
Прекрасный свет!
Ты, ярко освещенная Земля,
Цветущая и радостная! Вы,
Холмы и долы, реки и леса!
Вы, дивные, живые существа,
Движеньем одаренные! Молю,
Скажите, если видеть довелось,
Как я возник и очутился здесь?
Не сам собою — значит, сотворен
Создателем великим, всемогущим
И благостным. Скажите — как Творца
Познать и благодарно восхвалить
Того, кто дал мне жизнь, движенья дар
И счастье, ощущаемое мной,
Безмерно большее, чем я могу
Уразуметь и выразить в словах!»
Взывая так, от места, где вдохнул
Впервые воздух, где впервые блеск
Пленительный в мои глаза проник,
Я уходил неведомо куда.
Ответа не было. В тени присел
Я на бугор дерновый, весь в цветах,
И призадумался, и сладкий сон

Сморил меня впервые. Нежный гнет
Мои все чувства дремные сковал,
Их не тревожа. Мнилось, что опять
Я в состоянье прежнее вернусь,
В небытие, что обращусь в ничто.
Вдруг сонное Виденье подступило
Ко мне, остановившись в головах,
Своим присутствием едва внушив,
Что я еще живу и существую.
И дивноликий Некто возгласил,
Приблизившись: «— Твоя обитель ждет,
Адам, тебя. Встань, первый Человек,
Встань, Праотец бесчисленных людей!
Меня ты звал — Я здесь, дабы ввести
Тебя в жилье твое, в блаженный сад!»
Сказал, и, за руку меня подняв,
Над водами и долами, стопой
Не прикасаясь к почве, заскользил
По воздуху, и наконец, возвел
На верх горы лесистой, что была
Обширным плоскогорием округлым
Увенчана, со множеством дерев
Роскошных, меж которыми вились
Тропинки и манили тенью кущи.
Все виденное мною до сих пор
Уже не столь прекрасным я почел,
С чудесной этой местностью сравнив.
Деревья были все отягчены
Плодами дивными; они мой взор
Прельщали и желание вкусить
Внушали алчное. Но в этот миг
Проснулся я, увидев наяву
Мой воплощенный сон. Скитаться вновь
Я стал бы наугад, но меж стволов
Явился Тот, кто ввел меня сюда:
Воистину явилось Божество!
В благоговейной радости и страхе
Покорно я припал к Его стопам.
Подняв меня, Он кротко произнес:
«— Я Тот, кого ты ищешь; Я — Творец
Всего, что видишь ты вверху, внизу
И вкруг себя. Прекрасный этот Рай
Дарю тебе, своим его считай,
Храни, возделывай, и от плодов

Любого древа, что растет в саду,
Ты невозбранно, с легкою душой,
Вкушай, неурожая не боясь.
Но Древа, чье воздействие дает
Познание Добра и Зла,— не тронь!
Как послушанья твоего залог
И верности велениям Моим,
Я посредине сада поместил
Его, близ Древа Жизни. Берегись
Плода Познанья! Берегись дурных
Последствий горьких! Помни: если ты
Вкусишь, единый преступив запрет
И согрешив, то с этого же дня
Неумолимо должен умереть.
Ты смертным будешь, навсегда лишась
Блаженства, и отсюда в мир забот
И скорби изгнан!» Грозно Он изрек
Запрет, что до сих пор звучит в ушах
Так страшно, хоть его не преступать
Иль преступить — зависит от меня.
Но вскоре прояснился дивный лик,
И Некто милостиво продолжал:
«— Не только сад — всю Землю я тебе
Дарую и потомству твоему.
Владейте, как хозяева, Землей
И всякой тварью, что живет на ней,
В морях и в небе: зверем, рыбой, птицей.
Во знаменье сего, гляди, Адам!
Вот птица всякая и всякий зверь
По их породам, созванные Мной,
Дабы ты имя каждому нарек,
Они же — подданство тебе свое
С покорностью смиренной изъявят.
О рыбах точно так же разумей;
Они покинуть водяной приют
И влажную стихию заменить,
Равно как воздухом земным дышать,
Не могут!» И пока Он изрекал,
Попарно твари близились ко мне;
Животные, колена преклонив,
Ласкались, птицы же — снижая лет.
По мере приближенья имена
Я им давал и постигал их свойства,
Внезапно Всемогущим вразумлен.

Но между этих тварей не нашел
Той, чье отсутствие меня весьма
Тревожило, и я тогда дерзнул
Небесное Виденье вопросить:
«— Как назову Тебя? Ты выше всех
Творений этих, выше Человека
И наисовершеннейших существ,
Любые превышая имена!
Какое обожание воздам
Тебе, Кто создал мир и столько благ,
Мне уделенных щедрою рукой
Для процветанья моего, Тобой
Приуготованного. Но нигде
Не вижу — с кем блаженство разделю!
Возможно ль обособленно вкушать
Отраду, наслаждаться одному
Дарами всеми и счастливым быть?»
Так дерзко вопрошал я. Светлый Дух
С улыбкой, от которой он ясней,
Казалось, просветлел, в ответ сказал:
«— Но что ты одиночеством зовешь?
Земля и воздух разве не полны
Живыми тварями и ты не властен
Призвать созданья эти, приказав
Тебя увеселять своей игрой?
Ты их повадки знаешь, языки;
Есть разум и у них, воспринимать
Способный не презренно и судить.
Вот с ними и общайся, ими правь;
Твое обширно царство!» Так вещал
Владыка Мирозданья; мнилось, Он
Повелевал, но я Его молил
О дозволении продолжить речь,
С покорством надлежащим возразив:

«— О мощь Небесная! Не оскорбись
Моею речью! Милость, мой Творец,
Ей окажи! Не ты ль меня назвал
Наместником и образом Твоим,
Поставив, по сравнению со мной,
Намного ниже тварей остальных?
Возможно ли общение существ
Столь разных и какой в нем будет лад,
Какое наслажденье? Ведь оно

Бывает лишь взаимным, пополам
Делясь меж тем, кто дал и кто обрел.
В неравенстве, когда один — силен,
Подтянут, а другой — опущен, слаб,
Согласие непрочно; докучат
Они друг другу вскоре. Я ищу
Общения, где я делить бы мог
Духовные утехи; в этом — зверь
Не соучастник мне; ведь жизнь мила
Созданиям подобным, например,
Со львицей — льву; Ты мудро сочетал
Попарно их. Но трудно подружить
Со зверем птицу и с пернатым рыбу,
А с обезьяной не сойдется бык;
Но в равную вступить с животным связь
Всех менее способен Человек!»
Безгневно Всемогущий отвечал:
«— Приятнейшей и высшей из утех,
Как вижу Я, считаешь ты, Адам,
Избранье друга жизни; смаковать
Услады в одиночку, находясь
Хотя бы в средоточии услад,
Не хочешь ты. Но что же обо Мне
Ты думаешь? Вполне ли Я блажен?
Ведь Я во всей Вселенной одинок
Извечно и не ведаю нигде
Подобного и — менее всего —
Мне равного. Но с кем же Я могу,
Помимо тварей, сотворенных Мной,
Общаться; ведь они намного ниже
Творца, безмерно дальше отстоят,
Чем от тебя все прочие созданья!»

Он смолк; смиренно я промолвил вновь:
«—Всевышний! Вечные Твои пути,
Их высоту и глубину постичь
Не в силах человеческая мысль.
Ты совершенен Сам в Себе, и нет
В Тебе изъяна. Человек не так
Устроен; совершенствуется он
Лишь постепенно, ищет посему
Подобного себе; в общенье с ним
Стремясь поддержку слабости своей,
Участье, утешенье почерпнуть.

Тебе не надобно преумножаться,
Ты бесконечен и, хотя Един,
Все числа заключаешь; но число
Являет в человеке недочет
Его природы. Должен Человек
Подобных от подобного рождать,
Свой образ множа, в особи одной
Несовершенный, для чего любовь
Взаимная и нежная приязнь
Нужны. Ты в одинокости Твоей
Таинственной сообщество найти
Достойней, совершенней, чем Ты Сам,
Не можешь и общенья искони
Не ищешь; но Ты собственную тварь
Возвысить в силах, если б возжелал
Общаться с нею и вступить в союз,
Обожествив ее. Мне ж не дано
Поднять к общенью эти существа
Склоненные и с ними разделять
Забавы!» Так я смело говорил,
С дозволенной свободой, что была
Благоприятно принята, и Голос
Божественный приветливо сказал:
«— С приятностью тебя, до этих пор,
Изволил Я испытывать, Адам!
Не только тварей, названных тобой
По именам, Я вижу, ты постиг,
Но и себя, свободный дух явив,
И образ Мой, скотам, лишенным речи,
Не уделенный. Потому они
Не годны для общения. Ты прав,
Его отвергнув: думай так всегда.
Я прежде твоего сужденья знал,
Что одиноким Человеку быть
Не хорошо; не этих Я созданий,
Которых видишь ты, определил
В наперсники тебе; я их привел
Для испытания, дабы узнать,
Что подобающим считаешь ты.
Но существо, которое теперь
Я приведу, тебя обворожит;
Оно — твой образ, истинную в нем
Ты обретешь опору, самого

Себя второго, всех желаний цель
И сердца воплощенную мечту!»
Не то Он смолк, не то я перестал
Воспринимать: моя земная суть
Величием подавлена была
Небесным; слишком силы я напряг
В беседе выспренней и, ослеплен,
Изнеможден безмерной высотой
Затронутых вопросов, что едва
Уму доступны, опустился наземь,
Ища во сне восстановленья сил.
Природа помогла мне, и глаза
Мои сомкнулись; но духовный взор
Открытым оставался и тайник
Воображенья бодрствовал во сне.
В оцепененье,—мнилось,—я узрел
Себя лежащим. Лучезарный лик
Творца, что мне являлся наяву,
Склонился надо мной. Мой левый бок
Всевышний отворил, извлек ребро,
Согретое сердечной теплотой
И свежей кровью, что питает жизнь.
Мгновенно плотью рана заросла
Глубокая, всецело исцелясь.
Он стал ребро перстами формовать,
И вышло из Его творящих рук
Создание, по виду — Человек,
Но пола женского и красоты
Столь сладостной, что всё, до сей поры
Прекраснейшее, виденное мной,
Померкло или воплотилось в ней,
В ее очах, обдавших сердце мне
Отрадою, неведомой досель.
Она одушевила целый мир
Любовью и пленительностью нежной
И вмиг меня покинула во тьме.
Я, пробудясь, хотел ее найти
Иль над потерей вечно слезы лить,
Отрекшись ото всех других утех,
И впал уже в отчаянье, но вдруг
Ее вблизи увидел наяву,
Какой она явилась мне во сне,—
Украшенную всем, что расточить
Могли Земля и Небо, одарив

Пригожестью, рождающей любовь;
Ведомая невидимым Творцом,
Навстречу шла; указывал ей путь
Небесный Голос, наставленья дав
Заранее о таинствах святых
Супружества. Дышала волшебством
Ее походка; небеса в очах
Сияли; благородства и любви
Движенье было каждое полно.
Я не сдержал восторга и вскричал:
«—Мои мечты превысил дивный дар.
Сдержал Ты слово, милостивый, щедрый
Творец, Податель благ и совершенств!
Но это лучший изо всех даров,
Что ты не поскупился мне вручить,
Кость от моих костей, от плоти плоть.
Себя в ней вижу; имя ей — жена,
От мужа взятая; вот почему
Он мать свою забудет и отца,
Прилепится к жене, и станут оба
Единой плотью, сердцем и душой!»

Она вняла, и хоть ее влекла
Десница Божья, но девичья скромность,
Достоинства сознанье, чистота
Невинности: все то, что надлежит
Искательно лелеять, ублажать;
Сокровища любви, что никому
Иначе не даются и себя
Не предлагают, но, наоборот,
Лишь уклоняются, что их милей
И вожделенней делает,— короче,
Сама Природа, чуждая вполне
Греховных дум, заговорила в ней
И побудила обратиться вспять.
Я поспешил вослед; она, склонясь
На доводы мои, постигнув долг,
Величественно покорилась мне.
Ее, зардевшуюся, как заря,
Повел я в кущу брачную; влиянье
Благоприятное дарили нам
Все небеса и сочетанья звезд
Счастливые; земля и цепь холмов
Нас поздравляли; птичий хор гремел,

Возвеселясь; шептались ветерки
Прохладные и нежные в лесах,
Нас обдавали с каждым взмахом крыл
Дыханьем пряным, свеянным с кустов
Благоуханных, осыпая нас
Охапками душистых роз, пока
Ночной певун влюбленный не запел
Венчальный гимн, взойти поторопив
Звезду вечернюю и над холмом
Светильник свадебный для нас возжечь.

Я все поведал о моей судьбе,
Довел рассказ до высшей полноты
Земного счастья, изо всех блаженств
Наисладчайшего. Я, признаюсь,
И в прочих благах радость нахожу,
Но ими пользуюсь я или нет,—
Особо не волнуюсь, не горю
Алчбой неутолимой; речь идет
О наслажденьях, что обоняньем
Нам доставляет, зрение и вкус,—
Цветы, плоды, растенья, щебет птиц,
Прогулки. Но совсем иное здесь!
Гляжу ли, прикасаюсь ли — восторг
Меня охватывает! Здесь впервой
Неодолимую познал я страсть
И содроганье странное. Всегда
Я был сильнее всех других услад
И выше, но пред властью красоты,
Пред этим всемогуществом я слаб.
Ошиблась ли Природа, сохранив
Частицу уязвимую во мне,
Бессильную пред этим волшебством?
Не больше ли, чем надо, извлекла
Из бока моего, дабы жену
С великим изобильем, не скупясь,
Телесным совершенством одарить,
Духовной безупречности не дав?
Я понимаю, что, превосходя
Меня намного внешней красотой,
Она, по назначению Природы
Исконному, слабей меня умом
И ниже по способности души.
В ней меньше лик Творца, что создал нас,

Отображен, и вверенная нам
Над всякой тварью власть в ее чертах
Не столь отчетлива; но каждый раз,
Когда я приближаюсь к существу
Ее прелестному — я покорен;
Такою безупречной предстает,
И завершенной, и в сознанье прав,
Присущих ей, такою благородной,
Что все поступки Евы и слова
Мне кажутся прекраснее всего
На свете,—добродетельней, умней!
Познанье высшее пред ней молчит
Униженно, а мудрость, помрачась
В беседе с ней, становится в тупик,
Подобно глупости. Рассудок, власть
Ей услужают, будто искони
Она задумана, а не в конце
Творения возникла невзначай.
В ней, напоследок, избранный приют
Свой обрели — величие души
И благородство, строгим окружив
Почтеньем, словно Ангельской охраной!»

Нахмурясь, Ангел молвил: «—Не вини
Природу, что исполнила свой долг;
Заботься лучше о твоих делах,
Не сомневаясь в мудрости; она
С тобой пребудет, ежели ты сам
Не отвернешься от нее, придав
Предметам, по сужденью твоему,
Не слишком ценным,—непомерный вес.
Чем восторгаешься? Чем восхищен?
Наружностью? Она, сомненья нет,
Прекрасна и твоих достойна ласк,
Любви, благоговенья, нежных слов,
Отнюдь не подчиненья. Сопоставь
Сначала ваши качества, потом
Оценивай. Порой всего нужней
Нам самоуваженье, если мы
На справедливости обоснуем
Его и здравомыслием умерим.
Чем лучше ты сумеешь овладеть
Таким искусством, тем жена быстрей
В тебе признает своего главу

И мнимые уступят совершенства
Достоинствам правдивым. Ей даны
Прельщенья, чтобы нравиться тебе,
Величье, чтобы с честью ты любил
Подругу, от которой не укрыть
Малейший промах твоего рассудка.
Но если ты касание телес,
Что служит размножению людей,
Считаешь величайшим из блаженств,
Подумай, ведь с тобою наравне
Им тварь последняя наделена
И всякий скот, и не было б оно
Всеобщим, если б содержалось в нем
Хоть что-нибудь, достойное восторг
В тебе зажечь, и душу подчинить,
И плотским вожделеньем взволновать.
Все то, что в обществе твоей жены
Возвышенным находишь: нежность, ум
И человечность — полюби навек.
Любя, ты благ, но в страсти нет любви
Возвышенной, что изощряет мысль
И ширит сердце, в разуме гнездясь,
И судит здраво. Лестницей служить
Любовь способна, по которой ты
К любви небесной можешь вознестись,
Не погрязая в похоти. Затем
Нет ровни у тебя среди зверей».

Смутясь, Адам сказал: «—Меня влечет
Не красота, не сладострастный дар
Воспроизводства, разделенный мной
Со всеми тварями (хотя сужу
О брачном ложе несравненно выше;
Оно благоговение родит
Во мне таинственное). Нет, пленен
Любезностью и прелестью живой,
Тысячекратно, всякий день и час,
Являющих в поступках и речах
Моей подруги — нежную любовь
И угожденье ласковое. В них
Единство истое воплощено,
Согласье мыслей и согласье чувств,
Одна душа в различных двух телах:
Гармония супружеской четы

Для глаз отраднее, чем стройный гимн
Для слуха. Но не в рабстве я, поверь!
Тебе откроюсь: я не побежден!
Явленья и предметы на меня
Влияют разно; лучшие из них
Одобрив, я последую тому,
Что одобряю; волен мой отбор,
И действия вольны. Ты не коришь
Любовь; ты говоришь — она ведет
На Небо, что она и путь и вождь.
Ответь, коли дозволен мой вопрос:
Любовь доступна Духам? Если так,
То в чем любовь у них воплощена?
Во взорах ли, в слиянии лучей,
В духовных иль в прямых соединеньях?»

С улыбкою, зардевшись цветом роз
Небесных,—цветом истинной любви,—
Архангел отвечал: «—Довольно знать,
Что мы блаженны; без любви же нет
Блаженства. Наслаждения твои
Телесные — чисты; ведь сотворен
Ты чистым; наслаждаемся и мы,
Но в бóльшей мере. Не мешают нам
Конечности, суставы, оболочки
И прочие преграды. С Духом Дух
В объятиях сливаются быстрей,
Чем воздух с воздухом, и чистота
Стремится с чистотой вступить в союз;
Частичная не надобна им связь,
Соединяющая с плотью плоть,
С душою душу. Дольше не могу
Беседовать. На Западе уже
Заходит Солнце за зеленый мыс,
За купы изумрудных островов —
Жилища Гесперид, и это знак
Мне возвратиться. Твердым будь, живи
Блаженно и люби, но предо всем —
Того, кто от любви твоей взыскал
Покорности. Блюди Его завет
И берегись, чтоб не затмила страсть
Рассудка твоего, не привлекла
К деяниям таким, которых сам
Ты по свободной воле не свершишь.

Твоя судьба и всех твоих сынов
В руках твоих — и счастье и беда.
Небесный клир со мною заодно
Возрадуется стойкости твоей.
Пребудь же верным: устоять иль пасть
Лишь от тебя зависит. Одарен
Духовным совершенством, не ища
Подмоги внешней, отвергай соблазн,
Любое наущенье ко греху!»

Сказав, он встал. Последовав за ним,
Адам благословил его: «—Ступай,
Коль наступил разлуки нашей срок,
Небесный гость, божественный гонец
Того, чью царственную благодать
Люблю безмерно! Кротко снизошел
Ты до меня и ласково! Всегда
Об этом благодарно помнить стану.
К людскому роду милостивым будь
Вовеки и почаще приходи!»

Простившись, Ангел к Небесам взлетел
Из тени, и под кров ушел Адам.

СОДЕРЖАНИЕ

Вкруг обойдя Землю, Сатана, под видом тумана, вновь проникает в Рай с коварной целью и вселяется в спящего Змия. Адам и Ева поутру спешат к своим повседневным трудам. Ева предлагает разойтись и работать порознь. Адам возражает, опасаясь, чтобы Враг, о коем они остережены, не напал на уединившуюся Еву; последняя, обиженная недоверием к ее благоразумию и стойкости, настаивает на разделении, дабы на деле доказать свою твердость. Адам уступает. Змий отыскивает одинокую Еву и лукаво приближается к ней; поначалу созерцает ее, затем льстиво восхваляет, превознося над всеми прочими созданиями. Ева дивится дару речи Змия и вопрошает: как он научился молвить и разуметь? Змий ответствует, что, вкусив от плода одного из райских деревьев, обрел речь и разумение, которых был прежде лишен. Ева просит привести ее к тому дереву и обнаруживает, что оно и есть запретное Древо Познания. Змий хитроумными доводами убеждает Еву вкусить; Праматерь, восхищенная вкусом плода, рассуждает: должна ли она открыться Адаму? Наконец Ева приносит супругу плод и сообщает о том, что́ побудило ее вкусить. Потрясенный Адам, понимая, что Ева погибла, решается из любви к супруге погибнуть вместе с ней и, дабы ослабить наполовину ее прегрешение, так же вкушает. Действие преступного ослушания; они стремятся прикрыть свою наготу, ссорятся и взаимно упрекают друг друга.

Нет более бесед, когда Господь
И Ангелы по-дружески в гостях
У Человека, своего любимца,
Бывали благосклонно, с ним деля

С приязнью безыскусственную снедь
И позволяли речь ему вести
Непринужденно-скромную. Теперь
Оттенок песне должен я придать
Трагический: касательно людей,—
Я недоверье должен помянуть
Презренное, попранье клятв, разрыв
Преступный, ослушанье и мятеж;
Касательно рассерженных Небес,—
Досаду, отчужденье, грозный гнев,
Заслуженный укор и правый суд,
Привнесший Грех в отныне скорбный мир,
И Смерть, губительную тень Греха,
И хвори, предвещающие Смерть.
Предмет печальный! Но ничуть не меньше,
Но больше героического в нем,
Чем в содержанье повести былой,
Как стены Трои трижды обежал
Вослед врагу разгневанный Ахилл,
Иль в описаньях, как ярился Турн,
Когда надежду потерял на брак
С Лавинией, как злобился Нептун,
Равно — Юнона, Грека утеснив
Своим преследованием или сына
Киприды; но сколь ни был бы высок
Мной выбранный, задуманный давно
И поздно начатый, увы, рассказ,
Я с ним управлюсь, если мне внушит
Приличные реченья и слова
Моя заоблачная опекунша,
Которая, призыв мой упредив,
Слетает доброхотно по ночам,
С тех пор как дерзновенно приступил
Я к песне героической моей,
И шепчет, иль внушает мне во сне,
Отнюдь не сочиненные стихи,
Но вдохновленные. Мне не дано
Наклонности описывать войну,
Прослывшую единственным досель
Предметом героических поэм.
Великое искусство! — воспевать
В тягучих, нескончаемых строках
Кровопролитье, рыцарей рубить
Мифических в сраженьях баснословных,—

Меж тем величье доблестных заслуг
Терпенья, мученичества — никем
Не прославляемо; честь воздают
Ристаньям конным, блеску тщетных игр,
Доспехам, геральдическим щитам,
Шитью на чепраках, парче попон
Турнирных всадников, шелкам цветным,
Пирам дворцовым, где оравы слуг
Снуют под управленьем сенешалей.
Умелое художество и труд
Ремесленный не в силах вознести
Поэму или главное лицо
На героическую высоту.
Не мастер, не охотник прославлять
Подобное, отважно я избрал
Предмет возвышенный, сам по себе
Способный песню вознести мою,
Когда преклонный возраст, поздний приступ
И холода не обессилят крыл
Моих отяготевших и прервут
Полет задуманный, что стать могло,
Коль скоро я стихи слагал бы сам,
Без помощи заступницы ночной.

Вот Солнце закатилось, а за ним
И Геспер — сумеречный полусвет
На землю низводящая звезда,
Посредник быстротечный между днем
И ночью. Кругозор, из края в край,
Затмился полусферою ночной,
Когда от Гаврииловых угроз
Бежавший из Эдема Сатана,
Во злобе и лукавстве изощрясь
И замыслы коварные куя
На гибель Человеку, в Рай опять
Прокрался, жесточайшую презрев
Расплату, угрожавшую ему.
Он вечером из Рая улетел,
Вернулся в полночь, Землю обойдя;
Страшился он явиться днем, с тех пор
Как повелитель Солнца, Уриил,
Вторженье обнаружив, остерег
Охрану Херувимскую. В тоске,
Из Рая изгнанный, он семь ночей

Скитался с темнотою заодно
Вокруг Земли; трикраты обогнул
Круг равноденственный, четыре раза
Путь колесницы Ночи пересек,
От полюса до полюса, пройдя
Колюры; на восьмую ночь в Эдем
Вернулся, но с обратной стороны
От входа и крылатых часовых,
Где тайную лазейку отыскал.
То было место, — нет его теперь;
Не время уничтожило его,
Но Грех, — где у подножья Рая Тигр
Свергается под землю и, одним
Из рукавов поднявшись, бьет ключом
У Древа Жизни. Сатана нырнул
В провал, рекой подземною проплыл
И вырвался на волю вместе с ней,
Окутанный туманом, а затем
Убежища себе он стал искать;
Прошел моря и сушу: от Эдема
За Понт, за Меотийский водоем;
По широте, — вверх, к ледяной Оби,
И вниз — к Антарктике; по долготе,
С Востока, — от Оронтских берегов
До океана, где морской простор
Отрезан Дариенским перешейком,
Оттуда — в страны, где струятся Инд
И Ганг. Так облетел он шар земной
В подробных розысках и, по пути
Всех тварей с прилежаньем оглядев,
Чтоб, сообразно замыслам своим
Коварным, подходящую избрать,—
Признал, что Змий — хитрейшая из них,
И вот решился: облюбован Змий,
Удобный облик, чтоб, его приняв,
От взоров проницательных укрыть
Обман и цели темные, поскольку
Лукавым Змий и мудрым сотворен,
И хитрости его не возбудят
Сомнений; ведь в созданиях иных
Лукавство можно было бы легко
За напущенье дьявольское счесть,
Превосходящее обычный смысл,
Присущий тварям. Да, решился он;

Но тайной мукой взорванная страсть
В невольных сетованьях излилась:

«— О, Небесам подобная Земля,
А может, благолепнее Небес,
Пристанище, достойное богов!
Ты зрелым и позднейшим создана
Мышленьем, заново преобразившим
Все устарелое. Да разве Он,
Создав прекрасное, творить бы стал
Несовершенное? О, небосвод
Земной! Другие сферы вкруг него
Небесные вращаются и свет
Тебе одной, возможно, шлют, Земля,
Лампадами служа, и на тебя
Единую влияние лучей
Своих благих совместно изливают.
Как средоточие всего — Господь,
Равно объемлет все; так точно ты,
Покоясь в средоточии миров,
Приемлешь дань от этих дальних сфер;
Не в них — в тебе их мощь воплощена
Животворящая, — в траве, в кустах,
В деревьях и во множестве пород
Созданий благородных, бытием
Одушевленных, исподволь свой рост
Усовершенствующих, чувства, ум,—
Все то, что в полной мере Человек
Единственно в себе совокупил;
С каким восторгом вдоль и поперек
Тебя я исходил бы, если б мог
Порадоваться хоть чему-нибудь —
Лесов разнообразье созерцая,
Холмов и долов, луговин и рек,
Земель новорожденных и морей,
И побережий в обрамленье рощ,
Скалистых гребней, гротов и пещер!
Но мне отрады и приюта нет
Нигде! Чем больше вижу я вокруг
Веселья, тем больней меня казнят
Противоречия моей души,
Терзаемой разладом ненавистным.
Все доброе — мне яд; но в Небесах
Я маялся бы горше. Не хочу

Ни там, ни на Земле ничем иным,
Лишь самодержцем быть, поработив
Царя Небес! Не ожидаю здесь
Смягченья мук; стремлюсь других привлечь
К себе, дабы они мою судьбу
Делили, даже если б довелось
За это мне страдать еще больней.
Лишь в разрушенье мой тревожный дух
Утеху черпает. И если тот,
Кому бразды правленья вручены
Над миром, сотворенным для него,
Погибнет или нечто совершит,
Влекущее погибель, — этот мир,
С ним связанный на счастье и беду,—
Да, на беду! — погибнет заодно.
Пускай же гибнет мир! Мне, только мне,
Из всех Князей Геенских, будет слава
Принадлежать! Я за день истреблю
Все то, что именующий Себя
Всесильным непрерывно созидал
В течение шести ночей и дней.
Кто знает, сколь давно замыслил Он
Миротворение? Быть может, в ночь,
Когда я вызволил из кабалы
Едва ль не половину легионов
И сонмы обожателей Творца
Изрядно поубавил. Отомстить
Желая и восполнить Свой урон,
Он истощил, никак, былую мощь
И Ангелов творить не в силах впредь,—
Коль вообще их создал, — и вдобавок,
В досаду нам, решил нас подменить
Из праха сотворенным существом
И, низкому началу вопреки,
Возвысить и осыпать, без числа,
Небесными дарами, что у нас
Отобраны. Задумал и свершил.
Он Человека создал и ему
На радость бесподобный мир воздвиг,
Властителем Земли его нарек
И поселил на ней, а для услуг —
Крылатых Ангелов, — о, срамота! —
И челядинцев пламенных прислал
Нести земную службу и стоять

На страже, при оружии. Страшусь
Охраны бдительной; за тем во мгле,
Окутан испареньями ночных
Туманов, пробираюсь я ползком,
В лесах обшариваю каждый куст,
Чтоб, Змия спящего сыскав, укрыть
В извивах множественных и себя,
И бремя темных замыслов моих.

О, гнусное паденье! Мне, давно
С богами споривше му о главенстве,
О первенстве, — мне суждено теперь
Вселиться в гада, с тварным естеством
Смешаться слизистым и оскотинить
Того, кто домогался высоты
Божественной! Но разве есть предел
Падения для мстительной алчбы
И честолюбья? Жаждущий достичь
Вершины власти должен быть готов
На брюхе пресмыкаться и дойти
До крайней низости. Вначале месть
Сладка, но, на себя оборотясь,
Рыгает горечью. Ну что ж, пускай!
На все дерзаю, лишь бы мой удар
Был меток, — ибо целясь высоко,
Я промахнусь, — и поразил предмет
Моей вражды, любимчика Небес
Новейшего, созданье персти, сына
Досады, вознесенного Творцом
Из праха, нам на зависть. Воздадим
За злобу — злобой: лучшей платы нет!»

Сказал, и стелющимся по низам
Пополз туманом черным, средь сухих
И влажных дебрей, поиски ведя
Полуночные, там, где полагал
Всенепременно Змия обрести;
И впрямь, нашел; Змий почивал, склубясь
В замысловатый лабиринт колец,
В их средоточье голову укрыв,
Что хитростей утонченных полна;
Еще не хоронясь в пещерной тьме
Зловещей, Змий открыто, на траве,
Неробкий, хоть безвредный, крепко спал.

Диавол в пасть проник и, овладев
Его инстинктом грубым, что в мозгу
Иль в сердце обретается, ему,
Сна не нарушив, придал мощь ума
И стал в змеиной плоти утра ждать.

Над влажными цветами, на заре
Струившими эдемский аромат,
Священная денница занялась,
И всякое дыханье, с алтаря
Великого Земли, превознесло
Создателя безмолвною хвалой
И благовоньем сладостным, Ему
Угодным; в этот час чета людская
Из кущи вышла, присоединить
Словесное хваленье к голосам
Созданий безъязыких; помолясь,
Возрадовались утренней поре
Благоуханной, свежей, а затем
Раздумались: как лучше нынче днем
Всё увеличивающиеся труды
Распределить; обширный Райский Сад
Значительно их силы превышал.
И Ева к мужу обратилась так:

«— Адам! Как ни усердствуем, следя
За этим садом, пестуем цветы,
Деревья, травы, исполняем долг
Приятный, но, пока рабочих рук
Не станет больше, все усилья наши
Нам только прибавляют новых дел.
Все, что мы днем подрежем, подопрем,
Подвяжем, — быстро, за ночь или две,
Роскошно разрастается, стремясь,
Как бы в насмешку, снова одичать.
Дай мне совет иль выслушай меня.
Я думаю: работу разделить
Нам надо. Ты ступай, куда сочтешь
Потребным; жимолостью эту кущу
Обвей, побеги буйного плюща
Направь, а я до полдня приведу
В порядок заросли цветущих роз
И мирт. Когда мы трудимся вдвоем,
Бок о бок, мудрено ли, что порой

Улыбку на улыбку, взгляд на взгляд
Меняем и заводим разговор
О разных разностях, а между тем
Наш труд, хотя и начатый с утра,
Не спорится, и ввечеру вкушаем
Мы трапезу, ее не заслужив!»

«—О, Ева! — нежно возразил Адам.—
Единственная спутница моя,
Любимейшее из живых существ!
Твой замысел прекрасен; хорошо,
Что жаждешь ты назначенную нам
Творцом работу лучше исполнять.
Твое похвально рвение. Ничто
Не украшает более жену,
Чем хлопоты о благе очага
Домашнего и ободренье мужа
В его трудах. Однако же Господь
Обязанности наложил на нас
Не столь сурово, чтобы нас лишить
Трапезованья, отдыха, бесед,—
Духовной пищи. Нам вольно с тобой
Обмениваться взглядами, вольно —
Улыбками; улыбка — это знак
Разумности, и не дана скотам,
Она любовь питает, а любовь —
Одна из важных целей бытия
Людского. Не для тяжкого труда
Мы созданы; блаженство — наш удел,
Разумное блаженство, и поверь,
Объединясь, мы оба не дадим
Заглохнуть кущам, зарасти тропам
В черте прогулок наших, до поры,—
Ее не долго ждать, — когда придут
К нам руки юные помочь в трудах.
Но ежели наскучили тебе
Беседы, я согласие бы дал
На расставанье краткое; подчас
Уединенье — лучшее из обществ,
И после разлученья вдвойне
Свиданье слаще. Но встревожен я
Иным; боюсь, что, от меня вдали,
Ты попадешь в беду. Не забывай
Остереженье; помни — лютый Враг,

Утративший блаженство навсегда
И нашему завидуя, навлечь
На нас мечтает горе и позор,
Напав исподтишка. Он где-нибудь
Поблизости в надежде адской ждет
Удобного мгновенья, чтобы, врозь
Настигнув нас, верней осуществить
Коварный замысел. Не чает он,
Когда мы рядом и помочь в нужде
Друг другу можем, нас прельстить грехом.
От преданности Богу отвести
Он алчет нас, любовь расстроить нашу
Супружескую; изо всех блаженств
Любовь, пожалуй, разжигает в нем
Особенную зависть. Таковы
Его намеренья иль много хуже;
А посему — ты друга не покинь
Испытанного, из чьего ребра
Ты рождена и кто всегда готов
Тебя оберегать и защищать.
Когда грозит бесчестье и беда,
Приличней, безопасней для жены
При муже находиться: он спасет
И оградит супругу либо с ней
Разделит наигоршую судьбу!»

С величьем непорочности, в ответ,
Как некто, чья любовь оскорблена
Жестоким словом, — строгий вид приняв,
Хотя и нежный, возразила Ева:
«—О, сын Земли и Неба! Всей Земли
Властитель! Ведаю о том Враге,
Что ищет нашей гибели. Ты сам
Предупреждал меня, и я слова
Архангела слыхала невзначай,
Когда он удалялся и цветы
Ночные замыкались; позади
Стояла я в тенистом уголке,
Из сада воротясь. Но чтобы стал
Ты сомневаться в верности моей
Тебе и Богу лишь затем, что Враг
Соблазном ей грозит, — я не ждала.
Тебя насилье вражье не страшит.
Мы так сотворены, что боль и смерть

Не властвует над нами: либо нас
Не в силах тронуть, либо мы легко
Их отразим. Итак, боишься ты
Его коварства; этот страх родит
Сомненье: как бы Враг не обольстил
Меня лукавством, не поколебал
Мою любовь и верность. О, Адам!
Как мысли эти у тебя могли
Возникнуть? Как ты можешь обо мне,
Возлюбленной жене, столь дурно думать?»

Адам ответил с кроткой добротой:
«—О, Ева! Бога дщерь и Человека,
Бессмертная! Всецело ты чиста
И безупречна. Вовсе не затем,
Что верность и любовь твою подверг
Сомнению, тебе я дал совет
Не удаляться. Нет! Я лишь хочу
Попытку искушения пресечь,
Врагом задуманного. Каждый льстец,
Хотя бы ничего и не достиг,
Кладет на обольщаемого тень
Бесчестья, заставляя полагать
Его не столь упорным, чтоб соблазн
Отвергнуть. Ты презрение и гнев
Сама бы ощутила, испытав
Обиду искушенья, пусть она
И тщетна; и превратно не пойми
Мою заботу: уберечь тебя
От оскорбленья. Как ни дерзок Враг,
Навряд ли он осмелится напасть
На нас двоих, а если нападет,
То на меня сперва. Не презирай
Зловредного коварства Сатаны;
Кто Ангелов опутал, тот весьма
Лукав. Ты помощь друга не сочти
Избыточной; твой взор во мне крепит
Все добродетели. Я при тебе
Разумней, зорче, бдительней, сильней,—
Телесно даже, ежели напрячь
Потребуется мышцы. Высший стыд —
Быть побежденным на твоих глазах —
Во мне бы мощь геройскую возжег.
Почто же ты в присутствии моем

Подобное не чувствуешь и грех
Не хочешь отразить плечо к плечу
Со мною, наилучшим очевидцем
Проверки доблестной твоей души?»

Так изъяснял Адам, как семьянин
Заботливый, как любящий супруг;
Но Ева, думая, что все же в ней
Он не уверен, возразила вновь:

« — Коль на участке малом суждено
Нам жить в осаде, в страхе пред Врагом
Могучим, хитрым, не имея средств
Отбиться в одиночку и дрожа
В бессменном предвкушенье грозных бед,
Возможно ль нас блаженными назвать?
Но беды не предшествуют греху!
Соблазном Враг позорит нашу честь,
Но оскорбленье, нас не запятнав
Бесчестьем, возвращается назад,
Его лишь самого покрыв стыдом.
Зачем Врага мы избегать должны
И опасаться, если мы вдвойне
Заслужим честь и, доказав тщету
Его соблазнов, обретем покой
Души, благоволение Небес
Всевидящих? Что стоит наша верность,
Любовь и доблесть, ежели они,
Без посторонней помощи, в борьбе
Не устоят? Ужели обвиним
Творца премудрого: мол, даровал
Нам счастье уязвимое — равно
Мы вместе или врозь? Но если так,
Блаженство шатко наше и Эдем
Небезопасный — не Эдем для нас!»

Адам вскричал: « — О, Женщина! Господь
Порядок наилучший учредил
Из всех возможных, и Его рука
Всё в мире совершенно создала,
Ущербным не оставив ничего.
Творения Господни лишены
Изъяна: первым делом — Человек,
И всё, чье назначенье охранить
Его блаженство от наружных сил.

Опасность в нем самом, в душе людской,
Но он же властен отвести беду.
Без воли Человека — злу нельзя
Его настичь, а волю эту Бог
Свободно создал, но свободен тот,
Кто разуму послушен; Всемогущий
Содеял разум правым, повелев
Стоять на страже, бодрствовать, дабы,
Завороженный призраком добра,
Он волю не увлек на ложный путь,
Расположив к поступкам, что Творцом
Неукоснительно запрещены.
Не мнительность — умильная любовь
Столь часто мне велит остерегать
Тебя, а ты — остерегай меня.
Мы стойки, но от истинной стези
Способны уклоняться; разум наш,
Поддавшись на приманку, Сатаной
Подделанной, способен впасть в обман,
Утратив бдительность. Не надо зря
Искать проверки; лучше избегай
Соблазна, от меня не отходя;
Боюсь, что нас он скоро сам найдет.
Свою ты стойкость хочешь доказать?
Сначала послушанье подтверди!
Кто ж выдержку твою удостоверит,
Не видя соблазненья? Но иди,
Коль ты уверена, что мы вдвоем
Противу искушения слабей
Окажемся, чем в одиночку ты,
Остереженная; пребыв со мной
По принужденью, стала бы тогда
Лишь более далекой. Так, ступай
В невинности природной! Обопрись
На добродетель, силы напряги!
Бог все исполнил,— твой теперь черед!»
Умолк людского рода Патриарх,
Но Ева настояла и, приняв
Покорный вид, сказала под конец:

« — Ты мне идти дозволил, остерег,
Тем паче — в заключительных словах
Разумных: что мол, искус, невзначай
Возникнув, может нас двоих застать

«Потерянный Рай»

Не подготовленными. Ухожу
Тем более охотно, и навряд ли
Столь гордый Враг слабейшую сперва
Добычу изберет; но, учинив
Подобное и отраженный мной,
Тем горшим он покроется стыдом!»

Промолвив, тихо руку отняла
От мужниной десницы и легко,
Как нимфа из Дриад, иль Ореад,
Иль спутниц Делии, свои стопы
Направила поспешные в лесок,
Осанкой Делию превосходя
И поступью, исполненной красы
Божественной, хоть не было при ней
Ни лука, ни колчана,— лишь одни
Изделья непричастного огню
Искусства грубого иль, может быть,
Доставленные Ангелами в дар,—
Садовые орудья. Этот вид
Ей Па́лес иль Помоны, от Вертумна
Бегущей прочь, подобье придавал,
Цереры юной, прежде чем сошлась
Она с Юпитером и от него
Бедняжку Прозерпину родила.
Адам с восторгом ей глядел вослед,
Но во сто крат восторженней желал,
Дабы она осталась; много раз
Просил ее вернуться поскорей,
И столь же частым был ее посул
Вернуться к полдню и в жилье прибрать,
Все приготовив к трапезе дневной
И отдыху, под сенью шалаша.

Злосчастная! Как обманулась ты,
О Ева, возвращенье обещав
Самонадеянно! Преступный миг!
Отныне для тебя в Эдеме нет
Ни сладких трапез, ни отдохновенья!
Среди цветов душистых и в тени
Укрыта западня, грозя пресечь
Твой путь коварством адским иль вернуть
Тебя, лишенной верности навек,
Блаженства и невинности былой!

В личине Змия, Враг, с рассветом дня,
Свой начал поиск, чтоб чету найти
И заключенный в ней весь род людской —
Добычу вожделенную. Луга
И рощи миновал он и везде
Плодовые деревья, цветники
Высматривал, растущие пышней
Благодаря заботливым трудам
И ради развлечения людьми
Посаженные; зорко их двоих
Разыскивал по берегам ручьев,
Но Еву в одиночестве застать
Стремился, хоть надеяться не смел
На столь удачный случай; но внезапно,
Сверх чаянья, сбылось, чего желал:
Праматерь углядел. Совсем одна,
Овеянная облаком густым
Душистых запахов, среди сплошных
Багряных роз, она, видна едва,
Склонялась то и дело, и цветы
Тяжелые, в накрапе золотом,
Пунцовом и лазоревом, к земле
Поникшие, лишенные опор,
Приподымала, стебли распрямив,
И бережно плетями гибких мирт
Подвязывала розы, ни на миг
Не помышляя, что она сама —
Прекраснейший, беспомощный цветок,
Что ныне так далек ее оплот
Надежнейший, а буря так близка!

Враг близился; прополз немало троп,
В тени роскошных кедров, пиний, пальм,
То явно извиваясь, то скользя
Украдкой в цветниках, в рядах густых
Кустов, прилежной Евиной рукой
Посаженных. Сравниться не могло
С волшебным этим райским уголком
Ничто: ни измышленные сады;
Ни те сады, где оживал Адонис;
Ни сад, которым некогда владел
Преславный Алкиной, что у себя
Гостеприимно сына принимал
Лаэрта дряхлого; ни вертоград

Правдивый, где мудрейший из царей
Блаженствовал с египетской женой
Прекрасной. Совершенством здешних мест
Пленился Враг, но восхищенный взор
На Еву особливо обращал.
Так некто, в людном городе большом
Томящийся, где воздух осквернен
Домами скученными и клоак
Зловоньем, летним утром подышать
Среди усадеб и веселых сел
Выходит, жадно запахи ловя
Сухой травы, хлебов, доилен, стад;
Его пленяет каждый сельский вид
И сельский звук; но ежели вблизи,
Как нимфа, легкой поступью пройдет
Прелестная крестьянка,— все вокруг
Внезапно хорошеет, а она
Прекраснейшая в мире, и вместил
Всю красоту ее лучистый взор.
С таким же восхищеньем Змий взирал
На уголок цветущий, где приют
Столь ранним утром Ева обрела.
Телосложеньем Ангелу под стать
Небесному, но женственней, милей,
Невинностью изящною, любым
Движением, она смиряла в нем
Ожесточенье, мягко побудив
Свирепость лютых замыслов ослабить.
Зло на мгновенье словно отреклось
От собственного зла, и Сатана,
Ошеломленный, стал на время добр,
Забыв лукавство, зависть, месть, вражду
И ненависть. Но Ад в его груди,
Неугасимый даже в Небесах,
Блаженство это отнял, тем больней
Терзая Сатану, чем дольше он
На счастье недостижное глядел;
Наисильнейшей злобой распалясь,
Намереньям губительным успех
Суля, в себе он ярость горячил:
«— Мечты, куда вы завели! Каким
Обманом сладким охмеленный, мог
Забыть — зачем я здесь! Нет, не любовь,
А ненависть, не чаянье сменить

На Рай — Геенну привлекли сюда,
Но жажда разрушенья всех услад,
За вычетом услады разрушенья;
Мне в остальном — отказано. Итак,
Удачу надобно не упустить.
Вот женщина; она — одна и всем
Доступна искусам. Ее супруг,—
Насколько я окрестность обозрел,—
Находится не близко. Я страшусь
Его мышленья высшего. Он горд
И, несмотря на то, что сотворен
Из праха,— мужественен и могуч.
Воистину подобного нельзя
Противника ничтожеством считать,
Неуязвимого, когда я сам
Подвержен боли; так унизил Ад
И пытки обессилили меня,
В сравненье с тем, каков я прежде был
На Небесах. Пусть Ева хороша
Необычайно и любви богов
Достойна,— не страшна она, хотя
Любовь и красота внушают страх,
Коль скоро не подвигнуть супротив
Такую ненависть, что тем сильней,
Чем лучше под личиною любви
Укрыта; это самый верный путь,
Надежный способ Еву погубить!»

Так Враг людского рода говорил,
Укрытый в Змие, злобный постоялец;
Он к Еве направлялся не ползком,
Как нынче, пресмыкаясь по земле,
Волнами изгибаясь, но стоймя,
Подобно башне, опершись на хвост,
На основанье круглое,— клубы
Спирально громоздящихся колец.
Увенчанная гребнем голова,
С карбункулами схожие глаза,
Лоснящаяся шея, чей отлив
Зеленоватым золотом мерцал,
С надменной возвышались прямотой
Над узловидным туловищем, плавно
Скользившим по траве. Он был красив
И привлекателен. Подобный гад

Позднее не встречался никогда.
С ним змиев не сравнить, в которых Кадм
И Гермиона преображены
В Иллирии вдвоем, ни божество
Из Эпидавра, ни хваленых змиев,
Чью стать Аммон-Юпитер принимал
Равно — Капитолийский, посетив
Олимпию и Сципиона мать,—
Героя Римского. Сперва путем
Окольным Сатана, как бы страшась,
Но алча, приближался; так моряк
Искусный, управляя кораблем,
Близ мыса или устья, где ветра
Непостоянны, изменяет курс,
Частенько перекладывая руль
И паруса; так точно изменял
Движенья Змий, свиваясь, и опять
Упруго развиваясь, и клубясь
Затейливо на Евиных глазах,
Дабы вниманье женщины привлечь.
Она же за работой шелестенью
Листвы внимала, но о нем ничуть
Не думала,— привыкшая к возне
Различных тварей, что на Евин зов
Послушней шли, чем стадо превращенных
На зов Цирцеи. Змий спешит смелей,
Незваный, к Еве, замирает вдруг
Как бы в восторге; много раз подряд
Пред ней склоняет гребень, шею гнет
Крутую, лижет Евины следы.
Немое обожанье наконец
Она заметила и на игру
Его взглянула; радуясь тому,
Что смог вниманьем Евы завладеть,
Он, шевеля змеиным языком,
Иль небывалый звук голосовой
Воздушным колебаньем издавая,
Ее лукаво начал искушать:
« — О, повелительница! Не дивись,
Единственное диво, если ты
Способна удивляться! Я молю:
Презреньем гневным не вооружай
Небесно-кроткий взор за то, что я
Приблизился бесстрашно и гляжу

Не нагляжусь на величавый лик,
Сугубо величавый в этой дебри
Пустынной. О, прекрасного Творца
Прекрасное подобие! Тебе
Подвластно все живое; твари все
Тобой любуются и красоту
Небесную твою боготворят.
Действительный восторг царит лишь там,
Где он доступен всем; но здесь, в глуши,
Меж зрителей — бессмысленных скотов,
Твое очарование сознать
Способных в малой мере, Человек
Один — единственный тобой пленен;
Всего один,— когда в кругу богов
Богиней равной ты могла бы стать.
Бесчисленные Ангелы должны
Тебе молитвенно, благоговейно
Служить, вседневной свитой окружив!»
Так льстил ей Враг: он приступ начал так.
Проникла в сердце Евы эта речь.
Хоть будучи весьма удивлена,
Она смущенно молвила в ответ:

«— Что это значит? Голосом людским
И по-людски осмысленно со мной
Тварь говорит! Судила я досель,
Что твари бессловесны, что Господь
Немыми создал их, не одарил
Членораздельной речью. В остальном
Колеблюсь я — их действия, порой,
И взгляды выявляют некий смысл
Немалый. Я тебя считала, Змий,
Хитрейшею из тварей полевых,
Но все же — безъязыкой. Сотвори
Повторно это чудо! Объясни,
Как, будучи немым, заговорил?
И почему ты изо всех животных
Столь дружествен? Вниманье уделить
Такому диву должно. Отвечай!»

Лукавый Искуситель продолжал:
«— Блистательная Ева! Госпожа
Прекраснейшего мира! Мне легко

Тебе повиноваться, рассказать
Просимое. Велениям твоим
Не в силах воспротивиться никто.
Подобно прочим тварям, я сперва
Питался попираемой травой.
Мой ум, под стать еде, презренным был
И низким: я понятье лишь имел
О пище и различии полов,
Не постигая высшего, пока
Однажды, странствуя среди полей,
Я дерево роскошное вдали
Случайно усмотрел: на нем плоды
Висели пестроцветные, горя
Багряным золотом. Я подступил
Поближе, чтоб яснее рассмотреть,
И обдало меня с его ветвей
Благоуханье, голод возбудив
Острейший. Ни укропа аромат
Излюбленный, ни запах молока,
Что ввечеру сочится из сосцов
Овец и коз, когда среди забав
Детеныши позабывают снедь,
Не порождали жадности такой
Во мне. Решился тотчас я вкусить
Прекрасных яблок. Жгучей жажды власть
И голода, которых разожгли
Душистые плоды, меня совсем
Поработили. Я замшелый ствол
Обвил ввиду того, что высоко
Ветвилось дерево; потребен рост
Адама или твой, дабы достать
До нижних сучьев. Прочие вокруг
Толпились твари, тою же алчбой
Томимые, завистливо взирали,
Но до плодов добраться не могли.
Достигнув кроны, где они, вися
В столь близком изобилии, сильней
Манили, я срывать их щедро стал,
Вкушать и голод ими утолять.
Такого наслаждения досель
Я не знавал ни в пище, ни в питье.
Насытясь, я внезапно ощутил
Преображенье странное: мой дух
Возвысился, и просветился ум;

Способность речи я обрел потом,
Но, впрочем, не утратил прежний вид.
Высоким и глубоким я с тех пор
Предался размышлениям; объял
Я всеохватывающим сознаньем
Предметы обозримые Небес,
Срединного пространства и Земли,
Все доброе, прекрасное постиг
И понял, что оно воплощено
Вполне в твоих божественных чертах,
В лучах твоей небесной красоты,—
Ей ни подобья, ни сравненья нет!
Вот почему,— некстати, может быть,—
Я здесь, чтоб созерцать и обожать
Законную Владычицу Вселенной,
Державную Царицу всех существ!»

Так, обуян коварным Сатаной,
Змий обольщал Праматерь. В изумленье
Беспечно Ева молвила в ответ:

«— Из-за чрезмерной, Змий, твоей хвалы,
Я сомневаюсь в действии плода,
Которое ты первый испытал.
Скажи: где это дерево растет?
Далеко ли? Здесь множество в Раю
Деревьев Божьих, неизвестных нам
И разных, и плодов на них не счесть
Нетронутых, нетленных,— до времен,
Когда в Раю прибавится людей,
Дабы собрать обильный урожай,
От бремени Природу облегчив».

Ликуя, вмиг ответил хитрый гад:
«— Царица! Не далек, не труден путь.
За миртами, средь луга, близ ручья
Оно растет, лишь надо миновать
Бальзамовый и мирровый лесок
Цветущий. Коль дозволишь, я туда
Тебя легко и быстро проведу».
«— Веди!» — сказала Ева; Змий, столпом
Возвысясь, к преступленью поспешил,
Переливая из кольца в кольцо

Клубящееся тулово; прямым
Он выглядел, к злодейству устремясь,
На темени надежда подняла
Его зубчатый гребень, что раздулся
От радости. Так брезжит огонек
Блуждающий, из масляных паров
Возникший, что густеют по ночам
От холода и вспыхивают вдруг,
Вздуваемые ветром; говорят —
Злой Дух сопровождает их. Такой
Обманный огонек, светясь во тьме,
Сбивает изумленного с пути
Ночного странника, заводит в топь,
В трясины и овраги, где бедняк,
Проваливаясь, гибнет, вдалеке
От помощи. Так страшный Змий сиял,
Доверчивую Еву обманув,
Праматерь нашу, и ведя ко Древу
Запретному — причине наших бед.
При виде Древа молвила она:

«— Напрасно, Змий, мы шли;
бесплоден труд,
Хотя плоды в избытке. Но пускай
Останется их свойство при тебе;
Оно и впрямь чудесно, породив
Такое действие. Но ни вкушать,
Ни даже прикасаться нам нельзя.
Так Бог велел, и заповедь сия
Единственною дочерью была
Божественного Голоса; вольны
Мы в остальном. Наш разум — наш закон».

Вскричал Прельститель хитрый:
«— Неужель,
Властителями вас провозгласив
Всего, что в воздухе и на Земле,
Господь плоды вкушать вам запретил
Древес, произрастающих в Саду?»

Еще безгрешная, сказала Ева:
«— Нам все плоды в Раю разрешены,
Но Бог об этом Древе, в сердце Сада

Растущем, и плодах его изрек:
«— К ним прикасаться и от них вкушать
Вы не должны, чтоб вам не умереть».

Ответ услыша краткий, осмелел
Прельститель; человеколюбцем вдруг
Прикинулся и ревностным слугой
Людей; на их обиду воспылав
Негодованьем лживым, применил
Он способ новый: ловко притворясь
Взволнованным, смущенным, он умолк
Достойно, вознесясь, чтоб речь начать
О якобы значительных вещах.
Так древле, в Риме вольном и в Афинах,
Где красноречье славное цвело,
Навечно онемевшее теперь,
Оратор знаменитый затихал,
Задумывался, погрузясь в себя,
Готовясь к речи важной; между тем
Его движения, черты лица
Вниманьем слушателей наперед
Овладевали, прежде чем уста
Успел он разомкнуть; но иногда,
Как бы порыва к правде не сдержав,
Он прямо к сути яро приступал,
Минуя предисловье; точно так,
Во всю свою подпявшись вышину,
Восторженным волнением объят,
Со страстью соблазнитель произнес:

«— О, мудрое, дарующее мудрость
Растение священное! Рождаешь
Познанье ты! Я чую мощь твою
В себе! Не только сущность всех вещей
Я ныне лицезрею, но стези
Наимудрейших, высочайших Сил
Открылись мне! Ты не страшись угроз,
Вселенной сей Царица, им не верь —
Вы не умрете. Разве умереть
Возможно от плода,— он даст вам жизнь
С познаньем вместе,— или вас казнит,
Кто угрожал вам? На меня взгляни:
Я прикоснулся, я вкусил — и жив.
Мой тварный жребий превзойти дерзнув,

Я жизни совершеннейшей достиг,
Чем та, что мне была дана судьбой.
Ужели от людей утаено
Открытое скоту? Ужели Бог
За столь поступок малый распалит
Свой гнев и не похвалит ли верней
Отвагу и решительность, которых
Угроза смерти,— что бы эта смерть
Ни означала,— не смогла отвлечь
От обретенья высшего из благ —
Познания Добра и Зла? Добро! —
Познать его так справедливо! Зло! —
Коль есть оно, зачем же не познать,
Дабы избегнуть легче? Вас Господь
По справедливости карать не может,
А ежели Господь несправедлив,
То он не Бог, и ждать не вправе Он
Покорности и страха; этот страх
Пред страхом смерти должен отступить.
Зачем Его запрет? Чтоб запугать,
Унизить вас и обратить в рабов
Несведущих, в слепых, послушных слуг.
Он знает, что, когда вкусите плод,
Ваш мнимо светлый взор, на деле — темный,
Мгновенно прояснится; вы, прозрев,
Богами станете, подобно им
Познав Добро и Зло. Так быть должно.
Мой дух очеловечился, а ваш —
Обожествится; человеком скот
Становится, а богом — Человек.
Быть может, вы умрете, отрешась
От человеческого естества,
Чтоб возродиться в облике богов.
Желанна смерть, угрозам вопреки,
Когда влечет не худшую беду!
И что такое боги? Почему
Не стать богами людям, разделив
Божественную пищу? Божества
Первичны; этим пользуясь, твердят,
Что всё от них. Сомнительно весьма!
Я вижу, что прекрасная Земля,
Согрета Солнцем, производит всё,
Они же — не рождают ничего.
А если всё от них,— кто ж в это Древо

Вложил познание Добра и Зла,
Так, что вкусивший от его плода,
Без их соизволенья, в тот же миг
Премудрость обретает? Чем Творца
Вы оскорбите, знанье обретя?
Чем знанье ваше Богу повредит?
И если всё зависит от Него,
Способно ль Древо это что-нибудь
Противу Божьей воли уделить?
Не завистью ли порожден запрет?
Но разве может зависть обитать
В сердцах Небесных? Вследствие причин
Указанных и множества других
Вам дивный этот плод необходим.
Сорви его, земное божество,
Сорви и беспрепятственно вкуси!»

Он смолк; его коварные слова
Достигли сердца Евы так легко!
На плод она уставилась, чей вид,
Сам по себе, манил и соблазнял.
В ее ушах еще звучала речь
Столь убедительная; мнилось ей,
Что уговоры Змия внушены
Умом и правдой. Полдень между тем
Приблизился и голод вместе с ним,
Благоуханьем дивного плода
Усиленный, и это, заодно
С желаньем прикоснуться и вкусить,
Еще сильней манило томный взгляд.
Однако, на минуту задержась,
Так рассуждала мысленно она:

«— Воистину, о, лучший из плодов,
Твои чудесны свойства. Запрещен
Ты людям; тем не менее нельзя
Тебе не удивляться. От начала
Неприкасаемый, ты наградил,
При первом опыте, немую тварь
Словесным даром; научил язык,
Не созданный для речи, восхвалять
Тебя. Не скрыл твоих достоинств Тот,
Кем заповедан ты и назван Древом
Познания Добра и Зла, и нам

Не разрешен. Но строгий сей заказ
Тебе во славу; доказует он,
Каким ты благом в силах одарить,
Которого мы, люди, лишены.
Владеть безвестным благом — невозможно;
Владеть же им в неведенье — равно
Что вовсе не владеть; и, наконец,
Что запретил Он? Знанье! Запретил
Благое! Запретил нам обрести
Премудрость! Но такой запрет никак
Вязать не может. Если вяжет смерть
Нас вервием последним,— в чем же смысл
Свободы нашей? От плода вкусив,
Осуждены мы будем и умрем.
Но разве умер Змий? Ведь он живет,
Хотя вкусил; познаньем овладел,
И, прежде неразумный,— говорит
И думает. Ужель для нас одних
Смерть изобретена? И лишь для нас
Недостижима умственная снедь,
А тварям предоставлена? Видать,
Она животным не воспрещена!
Но скот, вкусивший первым, отрешась
От зависти, ликуя, сообщил
О благе обретенном,— друг людей,
Надежный очевидец, и ему
Не свойственны лукавство и обман.
Чего ж боюсь? Верней, чего должна
Бояться, не познав Добро и Зло?
Творца иль Смерти? Кары иль закона?
От всех сомнений средство — здесь растет,
Сей плод, прельщающий мой вкус и взор,
Даруя мудрость. Что мешает мне
Сорвать, насытив разом дух и плоть?»

Промолвила и дерзкую к плоду
Простерла руку в злополучный час;
Вот сорвала! Вкусила! И Земля
От раны дрогнула, и тяжкий вздох,
Из глубины своих первооснов
И всем своим составом издала
Природа, скорбно ознаменовав,
Что все погибло. Виноватый Змий
Исчезнул в зарослях; его уход

Был незамечен; Ева целиком
Вкушенью предавалась, ни на что
Не глядя. Никогда, в других плодах,
Не находила сладости она
Подобной. Вправду ли он был таким
Иль в жажде знанья Ева придала
Воображеньем дивный этот вкус;
Уже сравнившись в мыслях с божеством,
Глотая неумеренно и жадно,
Не ведала, что поглощает смерть.
Насытившись и, будто от вина,
Хмельная, радостно и без забот,
Она самодовольно изрекла:
« — О, Царственное Древо! Из древес
В Раю — наиценнейшее! Твой дар
Благословенный — мудрость. До сих пор
В пренебрежении свисали зря
Твои плоды. Отныне всякий день
Тебя лелеять буду по утрам,
Не без похвал и песен, облегчать
Я стану бремя щедрое ветвей,
Свободно предлагаемое всем,
Пока, тобой насыщенная всласть,
Созрею в мудрости, под стать богам
Всезнающим, но завистью кипящим
К тому, чего не в силах сами дать.
Когда бы мощь, сокрытая в тебе,
От них была, ты здесь бы не росло.
Мой опыт собственный! — тебя вторым
Благодарю. Ты — наилучший вождь.
Когда б я за тобою не пошла,—
Осталась бы в незнанье. Ты открыл
Путь к мудрости, чтоб я могла достичь
Ее потайной, скрытой глубины.
Нельзя ли мой поступок тоже скрыть?
Ведь Небо высоко и далеко,
Оттуда вряд ли явственно видны
Все вещи на Земле. А может быть,
От вечных наблюдений отвлечен
Иной заботой Запретитель наш
Великий, восседающий в кругу
Крылатых соглядатаев своих?
Но как явлюсь к Адаму? Расскажу
О перемене? Стану ли я с ним

Делить мое блаженство или нет?
Не лучше ль преимуществом познанья
Одной владеть и возместить изъян,
Присущий женщине, чтоб закрепить
Любовь Адама и сравняться с ним,
А может, кое в чем и превзойти?
Не зареклась бы! Низший никогда
Свободным не бывает! Хорошо,
Чтоб так сбылось! Но если видел Бог,
И я умру, исчезну, и меня
Не станет, и Адам найдет жену
Другую, наслаждаться будет впредь
С другою Евой, я же — истреблюсь?
Смертельна эта мысль! Нет, решено!
Адам со мною должен разделить
И счастье и беду. Столь горячо
Его люблю, что рада всем смертям,
Но вместе с ним. Жизнь без него —
не жизнь!»

Промолвив, удалилась, но сперва
Глубокий Древу отдала поклон,
Желая силе оказать почет,
Растенью сообщившей мудрый сок,
Добытый из нектара, из питья
Богов. Меж тем нетерпеливо ждал
Адам возврата Евы. Он венок
Цветочный сплел, чтоб волосы жены
Украсить, увенчать ее труды
Сельскохозяйственные, как жнецы
Царицу жатвы часто коронуют.
О радостном свиданье он мечтал
Замедлившем и новых ждал утех
Вслед за разлукой долгой; но порой
Он сердцем предугадывал беду,
Тревожное биенье ощутив;
И вот навстречу тронулся тропой,
Которой удалилась поутру
Супруга; мимо Древа та стезя
Вела, и от него невдалеке
Увидел Еву; только что она,
От Древа отступив, держала ветвь
С прекрасным, свежесорванным плодом,
Что улыбался, аромат лия

Амврозии. Направилась к Адаму
Поспешно Ева; на ее лице
Виновность отражалась, но тотчас
Она оправдываться начала
И молвила с угодливою лаской:

« — Моей отлучке долгой ты, никак,
Дивишься? Я томилась без тебя.
Разъединенью, мнилось, нет конца.
Доселе я такой тоски любви
Не ведала, но больше никогда
Не повторится это; не хочу
Себя отныне мукам подвергать,
Которых я, в неведенье моем,
Сама искала — мукам разлученья
С тобой. Но изумишься ты, узнав
Чудесную причину: почему
Так долго задержалась я. Ничуть
Не вредно Древо, ни его плоды,
Вкушенье коих якобы ведет
К таинственному злу; наоборот!
Они благим воздействием глаза
Нам отверзают, возводя в разряд
Богов. Сие испытано уже;
Запретом не стесненный, мудрый Змий —
Иль преступив запрет,— посмел вкусить
И все ж не умер, чем грозили нам,
Но разум и язык людской обрел;
Он так красноречиво рассуждал
И так умильно, что меня склонил.
И я равно вкусила, испытав
Влиянье равное. Мой темный взор
Яснее стал, возвышенней душа,
Обширней сердце. Я почти совсем
Обожествилась. Этой высоты,
Лишь памятуя о тебе, Адам,
Я домогалась; без тебя презреть
Ее готова. Для меня блаженство
В той мере подлинно, поскольку в нем
Ты соучаствуешь; иначе мне
Оно прискучит вскоре, а затем
И вовсе опротивеет. Вкуси!
Пускай один удел, одна любовь,
Одно блаженство нас объединят!

Вкуси, дабы не разлучило нас
Неравенство! Готова потерять
Я для тебя божественность, но поздно,—
Судьба соизволения не даст!»

Так изложила Ева свой рассказ
С веселым оживленьем, но пылал
Болезненный румянец на щеках.
Адам, недвижный, бледный, услыхав
О Евином проступке роковом,
Застыл в молчанье. Ужас ледяной
Сковал его суставы, раскатясь
По жилам; ослабевшая рука
Венок из роз, для Евы им сплетенный,
Бессильно уронила, и цветы
Увядшие рассыпались в пыли.
Так цепенел он, слов не находя,
И напоследок молвил сам себе,
Душевную нарушив немоту:

«— Прекраснейшее в мире существо,
Последнее создание Творца
И лучшее! В тебе воплощены
Вся красота, любовь и доброта,
Божественная святость, совершенство,
Пленяющие зрение и мысль!
Как ты погибла! Как погибла ты
Внезапно; исказилась, и растлилась,
И смерти обреклась! Как ты запрет
Нарушила строжайший! Как могла
Священный, заповедный плод сорвать
Кощунственно? Тебя ввела в обман
Уловка вероломная Врага,
Которого не знала ты досель,
И я погиб с тобою заодно.
Да, я решил с тобою умереть!
Как без тебя мне жить? Как позабыть
Беседы наши нежные, любовь,
Что сладко так соединяла нас,
И в диких этих дебрях одному
Скитаться? Ежели Господь создаст
Вторую Еву и ребром вторым
Я поступлюсь,— возлюбленной утрата
Неугасимо будет сердце жечь!

Нет, нет! Я чувствую, меня влекут
Природы узы; ты — от плоти плоть,
От кости кость моя, и наш удел
Нерасторжим — в блаженстве и в беде!»

Так утвердившись, и под стать тому,
Кто, ужас пережив, собой опять
Овладевает, после тяжких дум,
Необратимой доле покорясь,
Он Еве примирительно сказал:
«— Бесстрашная! Решилась ты на шаг
Отважный и в опасности великой
Находишься, направив алчный взор
На плод святой, что Богом посвящен
Для воздержанья; более того,
Завет нарушив Божий, от плода,
Касаться коего запрещено,
Дерзнула ты вкусить! Но кто б возмог
Прошедшее вернуть и сделать вновь
Былое небылым? Ни сам Господь
Всемощный, ни судьба. Но может быть,
Ты не умрешь и не настолько худ
Поступок твой. Плод был уже почат,
Он Змием споначалу осквернен
И, святости лишась, возможно, стал
Плодом обычным ранее, чем ты
Вкусила. Ведь не умер Змий, он жив
И жизни, по твоим словам, достиг
Высокой, с Человеком поравнясь;
Наглядный довод, что, вкусив, и мы
Достигнем соразмерной высоты,
Богами будем или перейдем
На степень Ангелов — полубогов.
Не мыслю, что Господь, благой Творец,
Хоть Он грозил, решил бы истребить
Нас, лучших тварей, одаренных Им
Столь щедро и стоящих во главе
Созданий прочих; с нами заодно
Они, поскольку созданы для нас,
От нас во всем зависимы, должны
Неотвратимо пасть. Неужто Бог
Творенью — разрушенье предпочтет
И будет снова пересоздавать,
Трудясь напрасно? Этого не мни

С понятием о Боге совместить.
Хоть созидать Он властен вновь и вновь,
Едва ли нас на гибель обречет,
Чтоб Враг возликовал: мол, непрочна
Любимцев Божьих участь; кто ж Ему
Надолго мил? Низверг меня сперва,
Потом людей извел. За кем черед?
Нет, пищи для злоречия не даст
Господь Врагу. Но все равно; скрепил
Я жребий мой с твоим, и приговор
Тождественный постигнет нас двоих.
И если смерть меня с тобой сплотит,
Она мне жизнью будет; столь сильна
Природы власть, влекущая меня
К тебе; ведь ты мое же естество,
Вся из меня возникла, вся моя,
Мы — нераздельны, мы — одно, мы — плоть
Единая, и Еву потерять —
Равно что самого себя утратить!»

Адаму Ева молвила в ответ:
«— О, славный искус редкостной любви,
Блестящий довод, благостный пример!
Как следовать ему? Я не равна
Тебе по совершенству и горжусь
Рождением от твоего ребра
Бесценного. Мне радостно внимать
Словам твоим, когда ты говоришь
О нашей слитности: у нас двоих
И сердце и душа — одни; теперь,
Воистину, ты это доказал,
Решив, что прежде, чем тебя со мной,
Столь тесно связанных любовью нежной,
Смерть либо нечто худшее навек
Разъединит,— мою вину, мой грех,
Преступное деяние мое
И ты разделишь,— ежели вкусить
Преступно от прекрасного плода,
Чьи качества (добро всегда к добру
Ведет прямым иль косвенным путем)
Любовь твою проверить помогли
Счастливым испытаньем; без него
Не проявилась бы она с такой
Возвышенностью. Если б я сочла,

Что смелый мой поступок повлечет
Угрозу смерти,— ка́зни бы сама
Подверглась. Одиноко я умру,
Но не решусь тебя склонять к делам,
Что твой покой способны погубить,
Тем более когда любовь ко мне,
Ее сердечность, верность, постоянство
Ты нынче беспримерно доказал.
Я чувствую совсем иной исход —
Отнюдь не смерть: удвоенную жизнь,
Взор проясненный, множество надежд
И новых наслаждений, дивный вкус,
Столь тонкий, что приятное досель
Мне пресным представляется теперь
И грубым. По примеру моему
Вкуси, Адам, свободно и развей
На все четыре ветра смертный страх!»

Сказав, она супруга обняла,
От счастья нежно плача, в торжестве
Сознания любви, столь благородной,
Готовой для возлюбленной стерпеть
Господень гнев и смерть; она дает
Ему в награду, щедрою рукой
(Злосчастная угодливость вполне
Такой награды стоит) с ветви плод
Прелестный и заманчивый; не вняв
Рассудку, не колеблясь, он вкусил.
Не будучи обманутым, он знал,
Что делает, но преступил запрет,
Очарованьем женским покорен.

Земные недра содрогнулись вновь
От муки, и Природа издала
Вторичный стон. Гром глухо прогремел,
Затмилось небо, капли тяжких слез
Угрюмо уронило с вышины,
Оплакав первородный, смертный грех.
Но ничего Адам не замечал,
Вкушая жадно; Ева, не страшась,
Провинность повторяла заодно,
Чтоб грех возможно больше усладить
Любовным соучастьем. Наконец,
Как одурманенные молодым

Вином, они безумно предались
Веселью; мнилось им, что обрели
Божественность, что, презирая Землю,
Вот-вот на мощных крыльях воспарят.
Но действие иное произвел
Обманный плод. Он плотские разжег
Желанья. Похотливо стал глядеть
Адам на Еву; алчно и она
Ответствовала. Сладострастный жар
Обоих обуял, и начал так
Адам к восторгам Еву наклонять:

«— Я вижу — твой изящен, верен вкус;
Он мудрости немалое звено;
Ко всем сужденьям вкус мы придаем,
Язык считая правым судией.
Ты нынче порадела хорошо,
Хвалю за это. Много мы услад
Утратили, к чудесному плоду
Не прикасаясь; истинную сласть
Не знали мы досель. Когда настолько
Запретное приятно,— десяти
Дерев запретных, вместо одного,
Нам надо бы желать. Но поспешим!
Пристало нам, прекрасно подкрепясь,
Утехой завершить богатый пир.
С тех пор как в первый раз тебя узрел,
Исполненную всяких совершенств,
И в жены взял, ни разу красота
Твоя не распаляла так во мне
Желания тобою обладать
И насладиться. Краше, чем всегда,
Ты нынче — это Древа дивный дар!»

Подобное твердя, не упускал
Он взглядов и намеков любострастных,
Понятных ей. Зажглись ее глаза
Ответным заразительным огнем.
Он, без отпора, за руку повел
Ее на затененный бугорок,
Под сень ветвей, под кров густой листвы.
Фиалки, незабудки, гиацинты
И асфоделии служили им
Цветочным ложем,— мягкое как пух,

Прохладное земное лоно! Там
Они любви роскошно предались,
Всем наслажденьям плотским, увенчав
Пр́овинность обоюдную, стремясь
Сознание греховности размыкать;
Затем, усталые от страстных ласк,
Заснули, усыпленные росой.
Но эта власть коварного плода,
Что с помощью дурманящих паров,
Веселием и лестью охмелив,
Их душами играла и ввела
Все чувства и способности в обман,
Иссякла,— отлетел и тяжкий сон,
Угаром наведенный, полный грез
Мучительных. Супруги поднялись,
Как после хвори; глядя друг на друга,
Постигли, сколь прозрели их глаза
И омрачился дух. Невинность вмиг
Исчезла, что, подобно пелене,
Хранила их от пониманья зла;
Взаимное доверье, правда, честь,
Врожденные покинули чету
Виновную, покрытую теперь
Стыдом, что облачением срамным
Преступников лишь больше оголял.
Как некогда на пагубном одре
Далилы-филистимлянки, Самсон,
Могучий муж из Данова колена,
Остриженный, очнулся, потеряв
Былую силу,— так, не говоря
Ни слова, обнаженные, они
Сидели, добродетелей навек
Лишась, ошеломленные стыдом,
С растерянными лицами. Но вот
Адам, хотя не менее жены
Смущенный, принужденно произнес:

«— Вняла, о Ева, ты в недобрый час
Лукавцу-гаду,— кто б людскую речь
Подделывать его ни научил.
Он был правдив, о нашем возвестив
Паденье, но, суля величье, лгал.
Воистину глаза прозрели наши,
Добро и Зло познали мы; Добро

Утратили, а Зло приобрели.
Тлетворен плод познанья, если суть
Познанья в этом; мы обнажены,
Утратив честь, невинность, чистоту
И верность,— все, что украшало нас,
А нынче мрачно и осквернено.
На лицах наших — похоти печать,
Обильно зло рождающей и стыд,—
Последнее из неисчетных зол.
Уверься в первом — мы Добра лишились!
Как покажусь теперь очам Творца
И Ангелов, которых созерцал
С таким восторгом, с радостью такой?
Небесные их лики нашу плоть
Земную нестерпимым ослепят
Лучистым блеском. О, когда б я мог
Средь глухомани дикой, в дебрях жить,
В коричневой, как сумерки, тени
Непроницаемой лесных вершин
Заоблачных, куда ни звездный свет,
Ни солнечный — проникнуть не дерзнут!
Вы, сосны, кедры, пологом ветвей
Неисчислимых спрячьте же от них
Меня, чтоб я не видел их вовек!
Однако способ вымыслить пора;
Как в доле этой жалкой заслонить
Нам друг от друга части наших тел,
Срамные, непристойные для глаз.
Большие листья мягкие дерев
Любых, краями сшитые, могли б
Нам чресла опоясать, скрыв места
Срединные, чтоб стыд,— недавний гость,
Там не гнездился и не укорял
В нечистоте и блудодействе нас!»

Такой он дал совет; они пошли
В густую дебрь и выбрали вдвоем
Смоковницу; не из породы, славной
Плодами, но иную, этот вид
Индийцам, населяющим Декан
И Малабар, известен в наши дни.
Во весь размах простершись от ствола,
Склонясь, пускают ветви сеть корней,
И дочери древесные растут

Вкруг матери, тенистый лес колонн
Образовав; над ним — высокий свод
И переходы гулкие внизу,
Где знойным днем индийцы-пастухи
В тени прохладу ищут и следят
Сквозь просеки, прорубленные в чаще,
За пастбищами, где бредут стада.
Сорвав большие листья, шириной
На Амазонок бранные щиты
Похожие, стачали, как могли,
Адам и Ева прочно, по краям,
И чресла опоясали. Увы!
Заслоном этим тщетным скрыть нельзя
Их преступленье и жестокий стыд.
Им далеко до славной наготы
Былой! Так, позже увидал Колумб
Нагих, лишь в опоясках перяных,
Американцев; дикие, они
Бродили в зарослях, на островах,
Скитались по лесистым берегам.
Виновники сочли, что их позор
Частично скрыт листвою, но, в душе
Спокойствия ничуть не обретя,
Присели и заплакали. Ручьем
Не только слезы жгучие струились,
Но буря грозная у них в груди
Забушевала: ураган страстей,
Страх, недоверье, ненависть, раздор
И гнев смятеньем обуяли дух,—
Еще недавно тишины приют
И мира, сотрясаемый теперь
Тревогой бурной. Волей перестал
Рассудок править, и она ему
Не подчинялась. Грешную чету
Поработила похоть, несмотря
На низкую свою породу, власть
Над разумом верховным захватив.
На Еву устремив холодный взор,
В расстройстве, с непривычным отчужденьем,
Адам продолжил прерванную речь:

«— О, если б ты вняла моим словам,
Со мной осталась бы, как я просил,
Когда тебя, неведомо зачем,

Злосчастным этим утром привлекло
Желанье безрассудное: бродить
Одной,— мы были б счастливы и днесь,
Не лишены всех наших прежних благ,
Не жалки, наги, не посрамлены,
Как ныне. Пусть никто, от сей поры
Предписанную долгом, искушать
Свою не смеет верность. Кто спешит
Испытывать ее,— считай, готов
Предательски поколебаться в ней!»

В обиде на упрек, вскричала Ева:
«— Адам суровый! Как твои уста
Столь горькие слова произнесли?
Ты нашу обоюдную беду
Приписываешь слабости моей,
Желанью странному бродить одной.
Но эта же беда могла стрястись
В твоем присутствии, а может быть,
С тобой самим. У Древа или здесь
Ты, искушенный бы, не распознал
Коварства Змия, вняв его речам.
Не знаю: почему бы он вражду
К тебе и мне питал? А посему
Обмана я иль козней не ждала.
Ужели разлучаться никогда
Нельзя с тобою? Лучше бы ребром
Твоим безжизненным остаться мне!
Я такова. Зачем же, мой глава,
Ты мне решительно не воспретил
Спешить навстречу,— по словам твоим,—
Опасности великой? Твой отпор
Был слаб; ты был сговорчивым; ты сам
Приветствовал, позволил мне уйти.
Когда бы отказал ты наотрез,
Не согрешили бы ни я, ни ты!»

Гневясь впервые, возразил Адам:
«— Любовь ли это? Это ли ответ,
Неблагодарная, моей любви,
Оставшейся приверженной тебе,
Уже погибшей, хоть еще меня
Вина не отягчала? Сохранить
Я мог бы жизнь, блаженствовать бессмертно,

Но умереть с тобою предпочел.
И ты меня решилась попрекнуть
Своим грехопаденьем, утверждать,
Что я виновник; мол, я не был строг
Довольно, чтоб тебя остановить!
Но что я сделать мог? Я упреждал,
Увещевал, предсказывал грозу,
Грядущую от скрытого Врага,
Подстерегающего каждый миг.
Прибегнуть ли к насилию? Но здесь
Невместно принужденьем ущемлять
Свободу воли. Знай, ты чересчур
Самоуверенна! Ты поддалась
Надежде неразумной — обойти
Опасность, или чаяла соблазн
Со славою отвергнуть. Может быть,
Я заблуждался, слишком высоко
Ценя все то, что я воображал
Твоими совершенствами, сочтя
Тебя неуязвимой против Зла.
Проклятию теперь я предаю
Ошибку эту, ставшую преступным
Грехом, в котором ты меня винишь!
Так будет с каждым, кто превыше меры,
Доверившись достоинствам жены,
Дает ей волю, уступает власть;
Тогда не знает удержу она,
Но, действуя сама и жертвой став
Последствий горьких, в поисках причин
Потворство мужа первая кляпет».

В попреках обоюдных зря текли
Часы; никто себя не осуждал,
И тщетным спорам не было конца.

СОДЕРЖАНИЕ

Прегрешение Человека стало известным; сторожевые Ангелы покидают Рай и возвращаются на Небеса, дабы доказать свою бдительность. Бог оправдывает их, вещая, что они не властны были воспрепятствовать вторжению Сатаны, и посылает Своего Сына судить ослушников. Сын нисходит на Землю и возглашает заслуженный приговор, но, сострадая падшим, прикрывает их наготу и возносится к Отцу. Грех и Смерть, до сей поры сидевшие у Врат Ада, в силу удивительной симпатии угадывают успех Сатаны в новозданном мире, решаются не быть долее затворниками Ада, но, последуя Сатане — их властелину, стремятся проникнуть в обиталище Человека. Для удобного сообщения между Адом и новозданным миром они воздвигают обширный путь, или мост, через Хаос по следам, проложенным Сатаной. Приближаясь к Земле, они встречаются с Сатаной, который, гордый своим успехом, возвращается в Ад. Их взаимные приветствования. Сатана является в Пандемониум и кичливо объявляет всеобщему собранию о своем торжестве над Человеком. Вместо рукоплесканий в ответ раздается соединенный свист и шипение всего собрания, обращенного, вместе с Сатаною, в змиев, согласно приговору, произнесенному в Раю. Обманутые призраками запретного Древа, выросшего пред ними, они жадно кидаются к плодам, но пожирают прах и горький пепел. Грех и Смерть действуют в Раю. Бог провозглашает конечную победу Сына над ними и возрождение всего сотворенного; теперь же повелевает Ангелам совершить различные изменения в небе и стихиях. Адам, все более сознавая свое падение, горестно сетует, отвергая утешения Евы; однако она все же успокаивает его. Дабы отклонить проклятие, долженствующее пасть на их потомство, Ева

предлагает жестокие меры, но Адам не одобряет их и, питая надежду, напоминает о возвещенном обетовании, что Семя Жены сотрет главу Змия, и увещевает умилостивить разгневанного Бога молитвами и покаянием.

Меж тем уже прознали в Небесах
О мстительном злодействе Сатаны,
Что в Рай прокрался, принял Змия вид
И Еву от запретного плода
Вкусить склонил, а та ввела в соблазн
Адама. От всевидящего Ока
Творца ничто не может ускользнуть,
Всезнающее обмануть нельзя
Господне сердце; праведен Господь
И мудр во всем, Врагу не запретив
Надежность Человека искушать,
Вооруженного избытком сил
И волею свободной, в полноте,
Достаточной, чтоб ковы разглядеть
Дружков притворных и прямых врагов
И отразить. Всевышнего запрет
Был ведом людям: к этому плоду
Не прикасаться, кто б ни соблазнял.
За непокорство их постигла казнь
(Чего им было ждать?). Умножив грех,
Ослушники погибли поделом.

Отряды Ангельские, торопясь,
На Небо из Эдема воспарили,
Супругам соболезнуя, грустя
Безмолвно, ибо ведали уже
О их грехопаденье и безмерно
Дивились: как незримый Враг проник
Украдкой в Рай? Когда ж Небесных Врат
Достигла эта горестная весть,
Явили неизбывную печаль
Все лики Эмпирейские, но скорбь,
В глубоком состраданье растворясь,
Блаженство их нарушить не могла.
Вокруг прибывших сонмы собрались
Насельников Небес, чтоб разузнать
Подробности события в Раю,
Но стражи поспешили дать отчет

Пред Высочайшим Троном, доказать
Творцу, что недреманным был надзор.
Как вдруг, среди раскатов громовых,
Из облаков таинственных, воззвал
Всевышний и Предвечный Бог-Отец:

«— Вы, Ангельское сонмище! Вы, Силы,
Покинувшие Райские посты,
Где ваш надзор успеха не имел!
Да не смущает вас и не дивит
Случившееся ныне на Земле.
Ни ваши неусыпные труды,
Ни зоркость не могли предотвратить
События, предсказанного Мной,
Когда, бежав из Ада, пересек
Пучину Искуситель. Я прозрел
Его победу, ведал наперед,
Что соблазненный Человек, прельстясь
Коварной ложью, потеряет все,
Поверив наговорам на Творца.
Его погибель не была ничуть
Мной обусловлена. Я не стеснил
Малейшим нагнетеньем ни одним
Его свободной воли; в равновесье
Полнейшем, предоставлена она
Своей наклонности. Но Человек
По собственному изволенью пал.
За преступленье смертный приговор
Осталось вынести, но упрежденный,
Что в день паденья должен умереть,
Угрозу мнимой счел, поскольку смерть
Его не поразила в тот же миг,
Чего он опасался. Но Адам,
Еще до истеченья дня, поймет:
Отсрочка — не прощение вины.
Не будет Правосудие Мое —
Вослед за Милостью — оскорблено!
Кого пошлю судьей? Тебя, Мой Сын
Соцарствующий, коему вручил
Я право суд вершить на Небесах,
Земле и в Преисподней. Усмотреть
Легко, что с Правосудьем пожелал
Я Милосердье сочетать, послав
Посредника и человеколюбца,

Согласного по доброй воле стать
Спасенья ради жертвою, при сем —
Спасителем, на Землю низойдя,
Вочеловечиться и воплотиться,
Чтоб Человека падшего судить!»
Так молвив, одесную распахнул
Отец блистанье славы всей Своей
И Сына лучезарно озарил;
Сияньем Сын явил Отца вполне,
С божественною кротостью сказав:

«— Тебе решать, Предвечный Мой Отец,
Мне — волю Вышнюю творить дано
На Небе и Земле, да утвердишь
Ты на любимом Сыне навсегда
Благоволенье Отчее. Сойду
На Землю обвиняемых судить.
Но знаешь Ты: какой бы ни постиг
Их приговор, — но горший на Меня
Падет по истечению времен.
Я пред Тобой сей приговор избрал
И не жалею, ибо, обратив
Возмездье на Себя, его смягчу,
Умерю правосудье милосердьем,
Им ра́вно честь воздам, да возблестит
Их слава, да ослабится Твой гнев.
Мне помощи не надо на суде,
Где нет свидетелей, помимо двух
Виновных; третий скрылся, доказав
Побегом преступленье. Он презрел
Законность и заочно осужден.
Улики против Змия — не нужны!»

Он с Трона лучезарного восстал,
Сверканьем славы Отчей осиян.
Как свита именитая, за Ним
Престолы, Власти, Силы и Господства
Проследовали до Небесных Врат,
Откуда открывался на Эдем
И на окрестности обширный вид.
Туда он вмиг спустился; быстроту
Божественную временем нельзя
Определить, хотя и на крылах
Оно летит стремительных минут.

С полудня плавно Солнце на закат
Склонялось. Тиховейные ветра,
Что Землю освежают в должный час,
Уже проснулись, вечер возвестив
Прохладный. Охладился также гнев
Того, кто милосердным Судией,
И заодно Заступником, сошел
Изречь над Человеком приговор.
Глас Господа, ходившего в Раю,
До слуха провинившейся четы
Воздушное дыханье донесло
На склоне дня. Услышали они,
И от лица Господня, меж древес,
Укрылись в буйной чаще; и воззвал
Господь к Адаму и промолвил так:

«— Где ты, Адам, столь радостно приход
Встречавший Мой, узрев издалека?
Отсутствием твоим Я удручен,
И там, куда почтительности долг
Являлся, без призыва, нахожусь
Теперь в уединенье. Предстаю
Не с прежним ли сверканьем? Или, сам
Переменясь, ты скрылся? Или ты
Случайно задержался? Появись!»

Явился; Ева нехотя плелась
Второй,— а ведь грешить спешила первой.
Чета была уныла, смущена;
Их взор уже любви не выражал
Ни к Богу, ни друг к другу,—только стыд,
Отчаянье, сознание вины,
Ожесточенье, ненависть, разлад,
Лукавство и досаду. Наконец
Молчавший в замешательстве Адам
Ответил кратко: «— Голос Твой в Раю
Я услыхал и убоялся, ибо
Я наг, и скрылся!» Кроткий Судия
Сказал безгневно: «— Голос Мой не раз
Ты радостно и не боясь ничуть
Слыхал,— почто теперь он страшен стал?
И кто тебе поведал, что ты наг?
Не ел ли ты от Древа, чьи плоды
Я строго запретил тебе вкушать?»

Адам сказал, снедаемый тоской:
«— О, Небо! Тяжко мне держать ответ
Пред Судией моим! Неужто грех
Лишь на себя приму иль должно мне
Мое второе Я, подругу жизни,
Винить? Она осталась мне верна,
И надо бы ее проступок скрыть
И наказанье от нее отвлечь,
Но грозный долг, злосчастная нужда
Велят мне говорить, чтоб грех и казнь
Невыносимым бременем двойным
Не пали на одну мою главу.
Когда б я умолчал, Ты все равно
Открыл бы утаенное. Жена,
Мне созданная в помощь, лучший дар,
Ниспосланный Тобою, воплощенье
Моих желаний, чудо красоты
Небесной, средоточие добра,
Столь дивная, что от ее руки
Я никакого зла не ожидал;
Ее любой поступок был оправдан,
Столь мило совершала их она;
Жена дала мне плод, и я вкусил».

Державный Вездесущий произнес:
«— Ужель она твой Бог, что оказал
Ты вящую, чем голосу Творца,
Покорность? Разве Ева создана
Твоим вождем, главой, хотя бы ровней,
Что для нее достоинством мужским
Ты поступился, высоту презрел,
На каковую был превознесен
Над Евой, сотворенной из тебя
И для тебя? Ее по статям всем
Ты превосходишь; дивной красотой
Наделена она, дабы любовь
Твою привлечь, отнюдь не подчинить.
Ее дарам прекрасным надлежит
Под властью быть,— не властвовать самим.
Твое призванье, твой удел — главенство,
Когда бы впрямь себе ты цену знал!»

Затем Он Еву кратко вопросил:
«— Что, женщина, ты сделала, скажи?»

«Потерянный Рай»

И Ева, сокрушенная стыдом,
Призналась, но испытывая страх
И слов не находя, пред Судией,
В смущении дала такой ответ:
«— Змий обольстил меня, и я вкусила».

Немедля стал чинить над Змием суд
Господь, хоть безъязыкий скот не мог
На Сатану переложить вину,
Который исказил и осквернил
Его предназначение, избрав
Орудьем зла. Итак, за естество
Растленное по праву проклят Змий.
Дальнейший смысл от Человека скрыт,
Всю истину ему не должно знать,
Поскольку не убавило б греха
Такое знанье. В сущности, Господь
На Сатану, первопричину Зла,
Направил приговор и поразил
Его в словах таинственных, сочтя
Их наилучшими в те времена;
Он Змию так проклятье возгласил:

«—За то, что сделал это,—проклят будь
Пред всеми ты скотами, пред зверьми
Земными; и на чреве будешь ты
Своем ходить, прах будешь есть все дни
Своей ты жизни. Положу вражду
Отныне меж тобою и Женой,
Меж семенем Жены и меж твоим.
Оно пятой главу твою сотрет,
И жалить будешь ты его в пяту!»

Так предвозвещено все, что сбылось,
Когда Марии — новой Евы — Сын,
Христос узрел, как, молнией с Небес,
Пал Сатана, Князь воздуха; затем,
Сын Человеческий, восстав из гроба,
Владычества и Силы одолел
Растленные и в полном торжестве,
В сиянье вознесясь, плененный плен
Повлек по воздуху, который был
Владеньем долголетним Сатаны.
Под нашими стопами, наконец,
Тот сокрушит Врага, кто роковой

Удар ему предвозвестил теперь.
Он женщине решенье объявил:
«—Умножу, умножая скорбь твою
В беременности; ты детей рождать
В болезни будешь; к мужу твоему
Влечение твое, и будет он
Господствовать всецело над тобой».

Адама он приговорил последним:
«— За то, что внял жене своей, вкусив
От Древа, о котором Я запрет
Изрек, поведав: от него не ешь! —
В твоих деяньях проклята Земля;
Все дни твоей ты жизни станешь впредь
Питаться в скорби от нее; волчцы
И тернии она тебе взрастит,
И ты кормиться будешь полевой
Травой, и в поте твоего лица
Есть будешь хлеб, пока не отойдешь
Обратно в землю, из которой взят,
Зане ты прах и обратишься в прах».

Так Суд вершил Небесный Судия
И Он же — наш Спаситель, отдалив
Удар смертельный, возвещенный днесь;
И, сжалившись при виде их, нагих,
Открытых воздуху, что должен был
Большие измененья претерпеть,
Не пренебрег от сей поры слугой
Предстать пред ними. Как поздней своим
Он слугам ноги умывал, теперь
Покрыл, подобно нежному отцу,
Их наготу и кожами одел
С животных умерщвленных или с тех,
Кто, словно гады, сбрасывают кожи,
Дабы на молодые заменить.
Не преминув одеть Своих врагов,
Не только внешнюю их наготу
Он кожами прикрыл, но во сто крат
Постыднейшую наготу их душ
Греховных Правды ризами облек
И заслонил от Своего Отца;
Затем, к Нему мгновенно вознесясь,
В блаженном лоне Отчем опочил

Во славе, и Отца, хотя Господь
Всеведущ, о суде оповестив
Над Человеком грешным, за него
Ходатайство умильное добавил.

Меж тем, до преслушанья и суда,
Сидели Грех и Смерть лицом к лицу
У настежь растворенных Адских Врат,
Откуда яростный хлестал огонь
В пучине Хаоса, с тех пор, как Враг
Их миновал, пропущенный Грехом.
Уродина, молчание прервав,
Заговорила, к Смерти обратясь:
«— Зачем в таком бездействии, мой сын,
Мы, глядя друг на друга, здесь сидим,
Тогда как Сатана, великий наш
Родитель, ратует в иных мирах,
Устроить наилучшее стремясь
Пристанище для нас, любимых чад.
Бесспорно, он желанного достиг,
Поскольку, неудачу потерпев,
Вернулся бы: клевреты Божества
Удобнейшего места не найдут,
Чтоб жажду мести удовлетворить
И покарать мятежника. В себе
Я чую силу новую; крыла,
Сдается, вырастают за спиной;
За гранью этой хляби мне даны
Обширные владения, туда,
Сама не знаю, что меня влечет,
Симпатия иль соприродной силы
Влияние, способное сопрячь
Явленья сходственные связью тайной,
Воздействуя загадочным путем,
Чрез пропасти немереных пространств.
Ты — тень моя и следовать за мной
Обязан. Никакая в мире власть
Не может Грех со Смертью разлучить.
Но чтобы возвращенье Сатаны
Нелегкий перелет не задержал,
Чрез эту неприступную пучину
Непроходимую, вдвоем с тобой,
Отважимся на подвиг, что вполне
Нам по плечу: мы перебросим мост

Над бездною,—из Ада, в те края,
Где Сатана владычит; оснуем
Дорогу, памятник соорудим
В честь боевых заслуг подземных войск,
Для них переселенье облегчив
Иль переправу,—как решит судьба.
Я в направлении не ошибусь,
Столь властно пробудившийся инстинкт
И тяга, неизвестная досель,
Меня влекут и мной руководят!»

На это Призрак тощий отвечал:
«— Иди, куда твой рок тебя ведет
И сила склонности. Не отступлю,
Последуя тебе, и не сверну
С дороги нашей общей. Чую дух
Убийства, запах неисчетных жертв,
Вкус умиранья всех живых существ,
Там обитающих. Не откажусь
В труде, предпринимаемом тобой,
Участвовать; напротив, помогу!»
Сказав, он с наслажденьем нюхал смрад
Смертельных изменений на Земле.
Так сонм стервятников за много лиг
От поля, где устроен ратный стан,
Спешит уже заранее туда,
Почуяв запах мертвецов живых,
Которые на смерть обречены
В кровавой сече завтрашнего дня.
Так страшный Морок на ветру, во мгле,
Раздутыми ноздрями поводя,
Добычу обонял издалека.
Затем, стезями розными, они
От Врат Геенны ринулись вперед,
В глубь Хаоса, в пустынный, влажный мрак
Просторов беззаконных, и, кружа
Над водами, со свойственною им
Великой силой, всё, что средь зыбей
Кишело,—плотные ли вещества,
Иль вязкие, швыряемые вверх
И вниз, как в океане штормовом,
Сгребли прилежно, и за валом вал,
К проему Ада, стали с двух сторон
Склубившееся месиво сгонять.

Так два полярных ветра, встречно вея,
В Кронийском море сталкивают льды,
Хрустальными горами заградив
К востоку от Печоры мнимый путь
К богатым берегам Катая. Смерть
Своим холодным и сухим жезлом
Окаменяющим, гремя, долбит,
Как бы трезубцем, груды твердых глыб,
Упрочив их недвижно; так сейчас
Незыблем Делос, бывший в старину
Плавучим; Призрака суровый взор
Горгонский — прочее оцепенил.
Страшилища, асфальтом прикрепив
Плотину, равную по ширине
Вратам Геенны, глубоко в нутре
Неизмеримых Адовых глубин,
Над вспененной пучиной возвели
Гигантской аркой мост в один пролет
Чудовищный, что достигал стены
Недвижной мира нашего,— увы,
Беспомощного, ставшего теперь
Поживой Смерти. Так сооружен
Широкий, невозбранный путь прямой
В Геенну. Если малое сравним
С великим,—точно так, дабы пленить
Свободных Эллинов, покинул Ксеркс
Чертог Мемнонский в Сузах и, дойдя
До моря, Азию связал мостом
С Европой, чрез кипучий Геллеспонт,
И бичевал разгневанные волны.
Воздвигнув дивный мост, что ими был
С искусством понтифическим творим,
Над бурной бездной, цепь висячих глыб
Простерли Грех и Смерть, по той стезе,
Которую, сквозь Хаос, Архивраг,
Минуя все препоны, проторил,
До места, где, смежив свои крыла,
На обнаженный опустился шар
Вновь созданного мира; там они
При помощи крюков, цепей и скоб
Из адаманта прикрепили мост
И утвердили,—прочно чересчур
И крепко. Здесь граничат меж собой,
На малом расстоянье, бренный мир

И Небо Эмпирея; слева — Ад,
Клокочущей пучиной отделен.
Пред ними три дороги, что вели
К трем этим областям; они, к Земле
Избрав дорогу, устремились в Рай,
Как вдруг вдали узрели Сатану
В обличье Ангельском; он воспарял
В своем Зените, меж светил Кентавра
И Скорпиона; Солнце той порой
Держало путь в созвездии Овна.
Хотя родитель был преображен,
Но дорогие дети без труда
Отца в личине распознали вмиг.
Он, Еву искусив, скользнул тайком
В лесок ближайший, облик изменил
И за последствиями стал следить
Преступного деянья: видел он,
Как повторила Ева невзначай
Его поступок и ввела в соблазн
Адама; их совместный видел срам,
Пытавшийся бессильною листвой
Прикрыться; но, узрев, что низошел
Сын Божий, чтобы грешников судить,
Бежал, объятый ужасом, не чая
Спасения, но прячась от Руки
Карающей и, как злодей, страшась
Немедленного гнева Божества.
Опасность переждав, он вновь проник
В Эдем, к чете несчастной; из речей
Унылых, им подслушанных, узнал
О приговоре собственном своем,
О том, что предназначенная казнь
Отсрочена до будущих времен.
Теперь же, с вестью радостной спеша
В Геенну, он завидел на краю
Пучины, где устой береговой
Чудеснейшего нового моста
К стене Земной Вселенной примыкал,
Из Ада вышедших к нему навстречу
Потомков милых. Сколь ни велико
Их было ликование, но вид
Пролета дивного во много раз
Восторг Врага усилил; он застыл
Надолго в изумлении, пока

Его очаровательная дочь,
Красавица пленительная — Грех,
Не молвила, нарушив тишину:

«— Отец! Твой это подвиг, твой трофей!
Зачем же ты взираешь на него
Как на творенье посторонних рук?
Ты — первый зачинатель, первый зодчий.
Я сердцем, бьющимся в одном ладу
Таинственном с твоим, к нему навек
Привязанная силой нежных уз,
Прознала, как успешно на Земле
Ты действовал, о чем сейчас твой взор
Твердит, и, разделенная с тобой
Вселенными, почувствовала вдруг,
Что мне и сыну твоему пора
К тебе,—так роковая нас троих
Закономерность вяжет. Ад не мог
В своих пределах дольше нас держать,
И Хаоса непроходимый мрак
Не помешал нам по твоим следам
Идти преславным. Ты освободил
Нас, пребывавших взаперти, внутри
Затворов Адских; ты нам силу дал
Над хлябью темной дивный мост воздвигнуть.
Твой нынче — этот мир. Ты приобрел
Отвагой то, чего не создал сам.
Ты мудро, с прибылью, вернуть сумел
Утраченное в битвах и вполне
Отмстил за наш разгром на Небесах,
Где царства ты не смог завоевать;
Зато ты будешь самодержцем здесь.
Пусть Победитель в Небесах царит
И пусть покинет новозданный мир,
Который собственным Своим отверг
Он приговором. Пусть отныне власть
Над мирозданьем делит Он с тобой,
Свой Эмпирей квадратный оградив
От мира шаровидного, где ты,
Господствуя, опаснее грозишь
Его Престолу, чем во дни войны».

Князь Тьмы в восторге отвечал: «— О дочь
Прекрасная, и ты, мой сын и внук!

Отменно доказали вы родство
Со мною, Сатаной,—ведь я горжусь
Таким прозваньем, будучи врагом
Всесильного Небесного Царя.
Вы государству Адскому и мне
Бесценную услугу оказали,
Триумф мой триумфально увенчав
Постройкой величавой, мой успех —
Успехом вашим, и притом вблизи
Небесных Врат; вы сочетали Ад
И здешний мир в единый материк,
В единую империю с прямым
Удобным сообщеньем. Я спущусь
По вашему широкому пути
К союзным легионам, отнесу
Известье о великом торжестве
И с ними ликованье разделю.
Тем временем вы следуйте стезе
Своей и меж бесчисленных шаров,
Отныне — ваших, низойдите в Рай
И завладейте, основавшись там,
Землею, воздухом, но Человеком
Особенно,—ведь он провозглашен
Хозяином всего, что создал Бог.
Его поработите, а потом
Убейте. Шлю наместниками вас
На Землю; небывалые права,
Что мне принадлежат,—вам отдаю
Всецело. От сплоченья ваших сил
В дальнейшем власть моя зависит здесь,
В державе новой, покоренной мной
И Смерти, при содействии Греха,
Врученной. Аду не грозит ущерб,
Пока вы действуете заодно.
Ступайте же и твердыми пребудьте!»

Он смолк и отпустил свирепых чад,
Рванувшихся немедля, средь густых
Созвездий, отравляя все вокруг.
От яда меркли звездные рои.
Планеты сталкивались, претерпев
Затменье истинное. Между тем
Избрал тропу иную Архивраг,
Спускаясь по гигантскому мосту

К Вратам Геенны. Хаос грохотал,
Преградою разъятый, гребни волн
Ревущих вздыбливая с двух сторон,
На мостовую арку их кидал,
Презревшую пучины тщетный гнев.
Достигнув цели, в Адские Врата,
Распахнутые настежь и никем
Не охраняемые, Сатана
Проследовал. Повсюду — никого.
Привратники покинули свой пост
И оба отлетели в верхний мир,
Другие — удалились в глуби недр
Геенны, в Пандемониум, к стенам
Столицы горделивой Люцифера
(Так Сатану прозвали в честь звезды
Блестящей, сходной с ним); там, на часах,
Стояли легионы, а вожди
В совете заседали, во дворце,
Тревожась: что могло бы их царя
Столь долго задержать? Так повелел
Он, отходя, и все приказ блюли.
Как по снегам, в степях, бежит орда
Татарская от русского меча
За Астрахань; как от рогов луны
Турецкой, оставляя за собой
В развалинах владенья Аладула,
Отходит на Тавриз или Казвин
Сефи Бактрийский,—так враги Небес
Низвергнутые, кинув позади
В опустошенье, мрачные края
Обширные, близ Адских рубежей,
В глубины отступили и сошлись
У стен столицы, город окружив
Охраной, ожидая всякий час
Возврата царственного смельчака,
Искателя неведомых миров.
Оборотившись Аггелом простым,
Как рядовой воитель, сквозь толпу,
Неузнанный, пробрался он в чертог
Плутонский и невидимо вступил
На возвышавшийся в другом конце,
Под балдахином из бесценной ткани,
Великолепный королевский трон.
Там восседал он, озирая зал,

Сам будучи незримым; наконец,
Как бы из облака, возникла вдруг
Его пылающая голова,
Затем он весь, блистая, как звезда,
Предстал воочью, если не светлей,
Не то поддельным блеском осенен,
Не то ему оставленной в Аду
Былою славой. В изумленье рать
Стигийская, слепящий свет узрев,
Могучего узнала главаря,
Столь долгожданного. Раздался клик
Восторженный. Великие князья,
Диван расстроив мрачный, второпях
К Владыке Ада бросились толпой
С приветом радостным. Он подал знак
Рукой к молчанию и начал речь,
Всеобщее вниманье приковав.

«— Престолы, Силы, Власти и Господства!
Отныне эти громкие чины
Вам по владениям принадлежат,
Не только на словах. Я преуспел
В задуманном,—превыше всех надежд,
И воротился, чтобы с торжеством
Вас вывести из этих Адских недр,
Проклятой, мерзостной юдоли бед,
Застенка нашего Тирана. Мир
Обширный достояньем вашим стал,
Немногим хуже о́тчины Небесной,
В опасностях великих и трудах
Добытый мною. Долго б довелось
Повествовать о том, что претерпел,
С какой натугою пересекал
Пучину невещественную, хлябь
Безмерную, где правит искони
Разлад ужасный; ныне Грех и Смерть
Соорудили там широкий мост,
Дабы ваш славный облегчить исход.
Но должен был я силою торить
Безвестный путь и бездну укрощать
Неодолимую. Я глубоко
В несотворенной Ночи утопал
И в диком Хаосе; они, ревнуя
О сокровенных таинствах своих,

Неистово препятствовали мне
В неведомом скитанье, и к Судьбе
Властительной взывали, вопия
Отчаянно. Не стану длить рассказ
О том, как посчастливилось найти
Мир новозданный, о котором шла
На Небесах давнишняя молва,—
Изделье совершенное вполне
И чудное, где Человек в Раю
Устроен и блаженным сотворен,
Ценой изгнанья нашего. Хитро
Его прельстил я преступить Завет
Создателя; и чем его прельстил?
Вас несказанно это изумит;
Вообразите: яблоком! Творец,
Проступком Человека оскорбясь
(Что смеха вашего достойно), предал
Любимца Своего и заодно
Весь мир — в добычу Смерти и Греху,
А следовательно — и нам во власть.
Без риска, опасений и труда
Мы завладели миром, чтобы в нем
Привольно странствовать и обитать
И Человеком править, как бы всем
Всевышний наш Противник правил сам.
Я тоже осужден, вернее, —Змий,
В чьем образе я Человека вверг
В соблазн, и вынесенный приговор
Вражду провозглашает между мной
И Человечеством; его в пяту
Я буду жалить, а оно сотрет
Мою главу (не сказано когда).
Но кто б не согласился обрести
Вселенную, хотя б такой ценой,
Ценой потертости иль тяжелейшей?
Вот краткий мой отчет. И что теперь
Вам, боги, остается, как не встать
И поспешить в блаженную обитель!»
Умолкнув, чаял он согласный клич
Восторга и рукоплесканий гром
Услышать лестный, но со всех концов,
Напротив, зазвучал свирепый свист
Несметных языков — презренья знак
Всеобщего. Владыка изумлен,

Но не надолго, ибо сам себе
Он вскоре изумился, ощутив,
Как ссохлось, удлиненно заострясь,
Лицо, и к ребрам руки приросли,
И ноги меж собой перевились
И слиплись. Обезножев, он упал
Гигантским Змием, корчась и ползя
На брюхе, и пытался дать отпор,
Но тщетно; Сила высшая над ним
Господствует, осуществляя казнь
В том образе, который принял он,
Ввергая Прародителей в соблазн.
Враг хочет молвить, но его язык
Раздвоенный шипеньем отвечал
Раздвоенным шипящим языкам.
Его сообщники по мятежу
Отважному равно превращены
В ползучих змиев! Свистом весь чертог
Стозвучным огласился. Вкруг Врага
Кишели густо чудища, сплетя
Хвосты и головы: бессчетный сонм
Зловещих Аспидов и Скорпионов,
Кераστов рогоносных, Амфисбéн
Ужасных, злобных Эллопов, Дипсáд
И Гидр (в количестве не столь большом,
Скользя, клубились гады на земле,
Где кровь Горгоны древле пролилась,
И остров Офиуза не давал
Убежища таким скопленьям змей).
Но был наикрупнейшим — Сатана
В драконьем образе; превосходил
Пифона он, что Солнцем зарожден
В пифийском доле илистом, но власть
Отступник не утратил: все Князья
И Полководцы следуют за ним
На площадь, где Геенские войска,
Отверженцы Небес, блюдя ряды,
Во всеоружье восхищенно ждали
Победного явления Вождя,
Увенчанного славой, но узреть
Им довелось противное: толпу
Презренных гадин. Ужас обуял
Мятежников, почувствовавших вдруг,
Что под влияньем страшного сродства

Невольно превращаются теперь
В подобья тех, кто взорам их предстал.
Броня, щиты и копья, грохоча,
На землю падают; за ними вслед
И сами воины. Раздался вновь
Свирепый свист; змеиный, гнусный вид
На всех, как заразительная хворь,
Равно распространился, покарав
Равно преступных. Так рукоплесканья
Желанные, преобразясь во свист,
В шипенье злобное из тех же уст,
Принудили самих бунтовщиков
Свое же опозорить торжество.

Во время превращения, вблизи,
По воле Божьей роща поднялась,
Для вящей казни бременем плодов
Отягощенная, подобных тем,
Которыми была искушена
Праматерь. Это чудо привлекло
Вниманье оборотней, взоры их
Несытые недвижно приковав.
Казалось им, что множество древес
Запретных вместо Древа одного
Взросло, усугубляя их позор
И бедствие; но голодом они
Невыносимым и палящей жаждой
Снедаемые, вызванными в них
Для соблазненья, ринулись толпой
К деревьям и, виясь вокруг стволов,
Вползали, гуще ветви облепив,
Чем голову Мегеры завитки
Кудрей змеиных; алчно торопясь,
Срывали дивные на вид плоды —
Подобья тех, что возле берегов
Асфальтового озера росли,
Где яростный пожар пожрал Содом;
Но адские плоды их затмевали
Обманчивостью и ввели в обман
Не только осязанье, но и вкус.
Лишь только оборотни голод свой
Пытались безрассудно утолить,
Как лживый мякиш в пастях мнимых змей
Горчайшим пеплом становился вдруг,

И глотки оскорбленные, хрипя,
Его немедля изрыгали вон;
Но мучимые голодом и жаждой,
Опять вкушали гады мерзкий яд,
Сводивший челюсти, жевали вновь
Золу и пепел едкий, многократно
Пред искушением не устояв;
Не то, что Человек,—хотя над ним
Враги торжествовали, но в соблазн
Он лишь однажды впал; и долгий срок
Злосчастных мучил вынужденный свист
И голод изнуряющий, пока
Им прежний облик не вернул Господь.
Но говорят, они обречены
И впредь в назначенные дни в году
Такое поругание терпеть,
Дабы их омрачилось торжество
По поводу прельщения людей;
Но демонам побаску удалось
Среди язычников распространить:
Мол, некий Змий, что звался Офион,
Совместно с Евриномою — никак,
Подобьем Евы алчной — управлял
Олимпом древле, а затем Сатурн
И Опс их низложили, до рожденья
Диктейского Юпитера. Меж тем
Геенская чета вступила в Рай
С чрезмерной быстротой. Дочь Сатаны,
Чье имя — Грех, возможная сперва,
Затем — возникшая и, наконец,
В Эдем явившаяся во плоти,
Чтоб жительницей постоянной стать,
Достигла первой Райских рубежей,
А по ее следам, за шагом шаг,
Шел тощий Призрак — Смерть, что не успел
Еще воссесть на бледного коня.
Дочь Князя Тьмы сказала: «— О, второй
Потомок Сатаны! О, всепобедный
Губитель! Что ты думаешь теперь
О царстве нашем, хоть оно трудом
Добыто тяжким? И не лучше ль здесь,
В земных владеньях новых, пребывать,
Чем стражами сидеть у Адских Врат,
В безвестности, где не страшились нас,

Где голод самого тебя морил?»
Ужасный сын Греха сказал в ответ:
«— Я вечно голоден, и мне равны
И Ад, и Рай, и Небо; хорошо
Мне там, где я добычей поживлюсь
Обильнейшей. Хоть много здесь еды,
Ее не хватит, чтоб желудок мой
Набить прожорливый и мой костяк
С обвисшей, дряблой кожей отолстить».

В ответ кровосмесительная мать
Сказала: «— Ты сперва кормись травой,
Плодами и цветами, а потом
К животным, рыбам, птицам перейди,—
Снедь недурная! Пожирай подряд
Нещадно все, что Времени коса
Срезает! Между тем обоснуюсь
Я в Человеке и в роду людском
Их мысли, мненья, речи и дела
Собою заражу и для тебя
Последнее из вожделенных яств,
Наисмачнейшее приуготовлю!»

Промолвив так, уроды разошлись
Различными путями, чтоб губить
Живые твари, отнимать у них
Бессмертье, жертвы настигать везде
И раньше или позже предавать
Истленью. Видя это, Бог-Отец
С Престола горнего, в кругу святых,
Вещал пресветлым Ангельским чинам:

«— Глядите, с ярым бешенством каким
Два адских пса опустошить спешат
И уничтожить новозданный мир,
Столь совершенным сотворенный Мной,
Столь дивным! Я бы вечно охранял
Его красóты, если б Человек,
В безумье, Фурий не впустил сюда
Губительных, дерзнувших возомнить
Меня безумным. Так считают Князь
Геенны и клевреты Сатаны,
Затем, что им проникнуть попустил
В обитель преблагую, разрешив

Землей прекрасной завладеть легко,
И якобы способствовать готов
Успеху наглых недругов Небес;
Смеются надо мною: мол, в сердцах,
Ожесточась, Я этот мир отверг
И отдал на бесовский произвол
И разорение. Им невдомек,
Что адских псов моих Я сам призвал
Всю мерзость вылизать и грязь пожрать,
Которыми святыню осквернил
Преступный Человек, пока, набив
Ужасной снедью брюха и давясь,
Пресытясь, переполнившись, едва
Не лопнув от подлизанных мерзот
И съеденных огрызков, Грех, и Смерть,
И Гроб зияющий, одним ударом
Твоей руки победной, о Мой Сын
Любимый, будут сброшены сквозь мрак
Пучины Хаоса и канут в Ад,
И, пасть Геенскую замуровав,
Прожорливые челюсти замкнут
Печатью, нерушимою вовек.
Тогда Земля и небо, обновясь,
Очистятся и скверне никакой
Их святость непричастна будет впредь;
Но до тех пор Мое проклятье — в силе!»

Он кончил, и Небесный грянул клир
Согласно: «Аллилуйя!» Словно гул
Бушующих морей, звучала песнь
Хваленья: «— Праведны Твои суды
И праведны решения для всех
Созданий! Кто возможет умалить
Всевышнего?» Потом несметный хор,
Ликуя, Сына Божьего восславил,
Грядущего Спасителя людей,
Который небо новое и Землю
Явит в веках иль низведет с Небес.
Так пели Духи. Между тем Творец
Могучих Ангелов по именам
Призвал и, сообразно мировым
Законам нынешним, назначил труд
Особый каждому. Они сперва
Велели Солнцу так ходить, светя,

Чтоб на Земле чередовались жар
Несносный и подобный же мороз;
Зима седая с Севера на зов
Должна являться, с Юга — летний зной
Солнцестоянья. Бледный шар Луны
К своим обязанностям призван был;
Пяти другим планетам — их круги
Предписаны, вращенья и аспекты
На шесть частей, четыре и на три
И противостоянья, что сулят
Беду, и сроки определены
Зловещих сочетаний; сонму звезд
Недвижных сказано, когда струить
Влиянье пагубное и какой
Звезде, взойдя при Солнце иль зайдя,
Способствовать возникновенью бурь;
И ветры были по своим местам
Расставлены; им даден был указ,
Когда реветь, вздымая берега,
Моря и воздух; гром оповещен,
Когда ему свирепо рокотать
В своем воздушном, пасмурном дворце.
Одни твердят, что Ангелам Господь
Земные сдвинуть полюсы велел
На двадцать с лишним градусов; с великим
Трудом они центральный этот шар
Столкнули вкось. Иные говорят,
Что Солнцу было велено свой бег
От равноденственной стези сместить
На тот же самый угол и, Тельца
Минуя, и сестер — семь Атлантид,
Все выше возноситься,—к Близнецам
Спартанским и тропическому Раку,
Оттуда предпринять обратный путь,
Ко Льву спуститься; Деву и Весы
Оставить позади и донестись
До Козерога,—областям земным
Даруя смены годовых времен;
Иначе непрерывная весна
Земле бы улыбалась круглый год
Цветами, дни равнялись бы ночам,
За исключением полярных стран,
Где день безнощный вечно бы светил,
Поскольку Солнце низкое, взамен

Большого расстоянья от Земли,
Ходило б незакатное, кружа
По горизонту; Запад и Восток
Безвестны были б жителям; снегов
И стужи бы не знал Эстотиланд,
А также отдаленные края
На юг от Магелланова пролива.
В проклятый миг вкушения плода
Сменило Солнце путь, как бы узрев
Тиестов пир: иначе как бы мог
Еще безгрешный, населенный мир
Язвящей стужи, знойной духоты
Избегнуть, неминуемых теперь?
Хоть перемена средь небесных сфер
Была неспешной, вскорости она
Явленья следственные повлекла
На суше и на море: звездных бурь
Неистовство, миазмы и пары
Тлетворные, туманы, облака,
И воздух стал зловредным и чумным.
От Норумбеги северной, от гор
Суровых, самоедских берегов,
Круша затворы медные, Борей
И Кекий шумный, Фракий и Аргест
Ревучий, бури взяв на рамена,
Вооружившись градом, снегом, льдом,
Гнетут леса, морей вздымают глубь.
Навстречу, с Юга, к ним стремится Нот
И черный Африк от Сьерра-Леоне,
Гоня громады громоносных туч,
Их путь пересекает поперек;
С восхода и заката Эвр, Зефир
Свирепствуют, нисколько не слабей,
А вкупе с ними свищут им в бока
Сирокко и Либеккио. Сперва
Средь неживой природы разожглось
Неистовство, но дочь Греха — Вражда,
Посредством Злобы, вскоре привела
Смерть к бессловесным тварям. Зверь восстал
На зверя, птицы кинулись на птиц,
И рыбы ополчились против рыб.
Отвергли все растительную снедь
И начали друг друга пожирать.
Пред Человеком твари с этих пор

С почтеньем не стояли, но стремглав
Бежали прочь, не то ему вослед
Косились яростно. Таков зачин
Бессчетных внешних бедствий, и Адам
Их умноженье часто примечал,
Хотя в непроницаемой тени
Укрылся — жертва скорби,—но в душе
Горчайшую он чувствовал беду
И, ввержен в бурный океан страстей,
Пытался облегченье тяжких мук
В печальных сетованьях обрести:

«— О, пагуба счастливца! Юный мир
Преславный, неужели он исчез,
И я, венец недавний этой славы,
Былой счастливец, проклят, принужден
От Божества скрываться и бежать,
Чье лицезренье было искони
Моим блаженством высшим? Но прийму
Злосчастный жребий, горькую судьбу,
Когда б на этом исчерпалась казнь;
Я поделом наказан и стерплю
Заслуженную кару, но конца
Ей нет; все то, что выпью или съем,
Все то, что от моих родится чресл,
Подвержено проклятью. О, слова,
Столь сладостно звучавшие: «Плодитесь
И множьтесь!» Нынче страшно им внимать!
Что множить и плодить мне суждено,
Помимо новых на мою главу
Проклятий? Кто в грядущие века,
Терзаясь мною навлеченным злом,
Проклятье на меня не обратит,
Воскликнув: «Горе, Праотец, тебе,
Адам нечистый! Вот благодарить
Кого нам надобно!» Проклятьем впредь
Признательность мне будут выражать,
И, кроме собственного,— на меня
Проклятья всех потомков как шальной
Обрушатся отлив, соединясь
В природном средоточье, и хотя
На место надлежащее падут,—
Падут в среду родную тяжким грузом.
О, мимолетные услады Рая,

За вас я вечным горем заплачу!
Просил ли я, чтоб Ты меня, Господь,
Из персти Человеком сотворил?
Молил я разве, чтоб меня из тьмы
Извлек и в дивном поселил Саду?
Но если к собственному бытию
Я волей не причастен, то велят
Закон и справедливость обратить
В первоначальный прах меня опять.
Я этого хочу; Твои дары
Вернуть желаю, не имея сил
Безмерно трудные Твои блюсти
Условия, на коих бы возмог
Дарованное благо удержать,
Которого я вовсе не искал.
Утраты этой было бы вполне
Достаточно для кары; так зачем
Ты безысходную прибавил скорбь?
Твой суд непостижим. Но, говоря
По правде: слишком поздно я ропщу;
Мне надо бы условья отклонить
Заранее. Бедняк! Ты принял их.
Никак, хотел ты благом завладеть,
А после опорочить договор?
Без твоего согласья создал Бог
Тебя; но если б твой ослушный сын
На обличенье возразил отцу:
«Зачем ты дал мне жизнь? Я не просил
Об этом!» — разве дерзостный ответ
Ты принял бы? Ведь сын твой порожден
Не прихотью твоей, но естеством,
Тебя ж хотеньем Собственным воздвиг
Творец и на служение Себе
Избрал; от Божьей милости была
Твоя награда; посему Он прав
Любую казнь тебе определить.
Я покоряюсь. Верен Божий суд
И беспорочен приговор. Я — прах
И отойду во прах. О, жданный миг,
Когда б ни грянул! Отчего же длань
Господня медлит казнь осуществить,
Назначенную в день Грехопаденья?
Почто живу я дольше, не пойму;
Почто, карая смертью, длит Господь

Мне жизнь и наказанье заодно
Неумирающее? Я готов
С восторгом встретить смерть и стать землей
Бесчувственной, в нее блаженно лечь,
Как в лоно материнское! Покой
Я там вкусил бы и сладчайший сон
Невозмутимый, и в моих ушах
Грозящий голос Божий, словно гром,
Не грохотал бы, страх бы не терзал
Прозреньем худших бедствий для меня
И для моих потомков. Лишь одним
Смущен: быть может, я не весь умру,
И чистое дыханье жизни, дух
Живой, который Бог в меня вдохнул,
Не будет уничтожен, наряду
С телесной оболочкой, и тогда
В могиле, а не то в ужасном месте
Другом (кто знает?), вживе суждено
Мне умирать. Чудовищная мысль,
Коль скоро истинна! Но почему?
Ведь грех дыханьем жизни совершён;
Так что же смертно, если не душа,
Причастная и жизни и греху,
Поскольку плоть — безжизненна, безгрешна?
Итак, умру я весь. На этом пусть
Сомненья успокоятся. Постичь
Дальнейшее людской не в силах ум.
Бог бесконечен, но неужто месть
Господня бесконечна? Не таков
Приговоренный к смерти Человек.
Как может Бог обрушить вечный гнев
На тварь конечную, чье бытие
Смерть пресекает? Может ли Господь
Бессмертной сделать смерть? Но этим Бог
В противоречье странное впадет,
Что невозможно даже для Творца
И слабость означало бы скорей,
Чем всемогущество. Ужели Он
Изволит, ради мести, вознести
Конечное в казнимом Человеке
До бесконечного, чтоб утолить
Гнев ненасытный, и продолжить казнь
Сверх меры персти бренной, преступив
Закон Природы, каковой гласит,

Что действие причин подчинено
Не протяженью сфер, присущих им,
Но свойствам и возможностям вещей,
Подверженных причинам. Ну, а вдруг
Смерть — вовсе не единственный удар,
Все чувства отнимающий зараз,
Как думал я,— но мук безмерных ряд,
Что непрерывно множатся, растут;
Я их сегодня начал ощущать
В себе и вне себя, и эта боль
Продлится до скончания времен.
О, горе! Страх, подобно грому, вновь
Мою незащищенную разит
Главу! Итак, навек воплощены
В единстве нераздельном — я и смерть.
Но не один я отягчен судьбой,—
Во мне потомство проклято мое.
Прекрасное наследье, сыновья,
Вам откажу! О, если б, расточив
Его дотла, оставил вас ни с чем,
Меня благословили б вы, лишась
Смертельного подарка, но теперь
Лишь проклянете! Отчего за грех,
Одним свершенный, будет род людской,
Невинный, совокупно осужден?
Невинный ли? Что может от меня
Родиться, кроме с ног до головы
Растленных поколений, ум и воля
Которых, в непотребстве закоснев,
Не только станут грех мой повторять,
Но и к нему стремиться? Разве им
Возможно оправданье обрести
Пред ликом Господа? Но, перебрав
Сомненья все, я должен оправдать
Всевышнего, и сколько б я ни сплел
Уловок ложных, доводов пустых
И тщетных умствований,— все ведут
К воззренью твердому: виновник сам
Я первый и последний; корень зла
И порчи — лишь во мне; хула должна
Пасть на меня,— о, если бы и гнев
Сразил меня, единого! Мечта
Безумная! Ты в силах ли снести
Безмерный груз, тяжеле всей Земли,

Вселенной всей, хотя б с твоей женой
Прескверной это бремя разделил?
Все, что тебя прельщает и страшит,
Надежду на прибежище равно
В зачатке губит. Не было и нет
Несчастнее тебя, и не сыскать
Ни в прошлом, ни в грядущем образца
Такой беды. Возмездьем и грехом
Ты уподоблен только Сатане.
О, Совесть! В бездну ужаса и мук
Меня ты ввергла; я не нахожу
Исхода, падая все глубже, глубже!»

Так, сам с собою, вслух роптал Адам
В глухой ночи, что боле не была
Целебной, кроткой, свежей, как досель,
До преслушанья; черный воздух в ней
Теперь царил, с туманом наряду
И наводящей трепет, влажной мглой,
Где Совести нечистой все вокруг
Казалось ужасающим вдвойне.
Адам лежал, простершись, на земле,
На ледяной земле, и проклинал
Свое рожденье, упрекая Смерть
За то, что медлит казнь осуществить.
Он вопрошал: «— Зачем ты, Смерть, нейдешь,
Чтоб трижды вожделенным покарать
Меня ударом? Истина ужель
Свое нарушит слово? Божий суд
Ужель неправосудным хочет стать?
Но Смерть не поспешает на призыв;
И, несмотря на вопли и мольбы,
Не ускоряет медленных шагов
Небесный суд. О, рощи и леса,
Источники, долины и холмы,
Я вас еще недавно обучал
Иными отзвуками отвечать
На голос мой; совсем иную песнь
Приветно повторяла ваша сень!»

В отчаянье сидела в стороне
Понуро Ева; муки увидав
Адама, подошла к нему, стремясь
Утешной речью скорбь его смягчить;

Суровым взором он жену отверг:
«— Прочь с глаз моих, змея,— пристало так
Тебя наречь за то, что ты в союз
Вступила с Гадом. Ненавистна ты
И лжива, словно Змий; недостает
Обличья лишь и цвета, чтоб, явив
Коварство скрытое, предостеречь
Созданья прочие: не доверять
Твоей небесной внешности, дабы
Она, лукавство адское тая,
Сетями не опутала бы их.
Я был бы вечно счастлив без тебя,
Когда б не спесь твоя, пустая страсть
Бродяжить, не отвергли б наотрез
Остережений мужа, в грозный миг
Опасности, сомненьем оскорбясь
Моим оправданным. Ты показать
Себя возжаждала хоть Сатане,
Мечтая провести его, но Змием
Была обманута, а я — тобой.
Я, созданной из моего ребра,
Тебе поверил, стойкой, мудрой счел,
Благоразумной и от козней всех
Предохраненной; разгадать не смог,
Что это не душевные твои
Достоинства, но только внешний блеск,
Что ты ребро, не боле, и к тому
Кривое от природы, да и влево
Наклонное, как вижу я теперь,
Откуда взято; лучше бы его
Отбросить сразу, ежели в числе
Излишним оказалось! О, зачем
Творец премудрый Небеса Небес
Мужами — Ангелами заселил
И напоследок создал на Земле
Новинку — обольстительный изъян
Природы? Отчего подлунный мир
Мужчинами одними не наполнен,
Как Небо Духами, где женский пол
Отсутствует? Ужель других путей
Продолжить род людской Он не сыскал?
Тогда бы не стряслось такой беды
И много худших, будущих невзгод,
Бессчетных смут — последствий женских ков

И связей с женщинами; ибо муж
Подругу подходящую вовек
Не обретет, довольствуясь женой,
Которую просчет и неуспех
Ему дадут; желанную добыть
Ему удастся редко, по вине
Ее непостоянства; узрит он,
Что легкомысленница предпочла
Не столь достойного; а если даже
Взаимностью ответит на любовь,—
Ей воспрепятствуют отец и мать;
Иль поздно он избранницу найдет,
Цепями брака скованный с другой,
Жестокой, ненавистной и позор
Навлекшей на него. Отсюда жизнь
Людская будет горестей полна
Несметных и разбит семейный мир!»

Он смолк и отвернулся, но в слезах,
С развихренными прядями волос,
Не отступала Ева и, к ногам
Адамовым униженно склонясь,
Их обняла, о милости моля:

«— Не покидай меня! Свидетель — Небо,
Насколько я люблю тебя и чту
Сердечно! Неумышленно ты мной
Обижен, по несчастью оскорблен!
Обняв твои колена, я прошу
Смиренно: нежных взоров не лишай
Страдалицу,— всего, чем я жива,—
Благих советов, помощи твоей
В безмерной этой скорби. Ты один
Мне сила и опора; без тебя
Куда я денусь? Где ухоронюсь?
Пока мы живы,— может, краткий час,—
Да будет лад меж нами. Долей злой
Сплоченные, сплотимся же тесней
Противу ненавистного Врага,
Которого явил нам приговор,
Противу Змия лютого! За всё,
Что нас постигло, не питай вражды
Ко мне, погубленной и превзошедшей
Тебя в несчастье. Оба мы грешны:

Пред Богом — ты, но я грешна вдвойне,—
Пред Богом и тобой. Вернусь туда,
Где осудили нас; там вопиять
Я стану, докучая Небесам,
Чтоб отстранился от твоей главы
Их приговор и лишь меня разил —
Единую виновницу невзгод
Твоих! И пусть меня, одну меня
Карает справедливо ярость Божья!»

Она, рыдая, смолкла. Вид жены
Униженной и распростертой ниц,
Прощенья ждущей за вину свою,
В слезах осознанную, наклонил
Адама к жалости, и сердце он
Смягчил над кающейся, что досель
Отрадой лучшей для него была
И жизнью всей, а ныне, сокрушась,
У ног его молила отпустить
Обиду, нанесенную ему.
Столь привлекательное существо
Умильно заклинало прежний лад
Восстановить, советами помочь!
Адам обезоружен; вскоре гнев
Его остыл; подругу приподняв,
Он с кротким словом обратился к ней:
«— Беспечная! Торопишься опять
В желаньях безрассудных! Понести
Ты хочешь кару общую одна;
Увы! Сперва свою принять изволь;
Во всем объеме Божий гнев стерпеть
Не в силах ты, коль нынче, восприяв
Лишь долю малую, так тяжело
Досадою моей удручена.
О, если бы ходатайства могли
Переменить решенья Божества,
К судилищу, тебя опередив,
Я поспешил бы, громче бы молил
Со мной расправиться и пощадить
Твой легкомысленный и слабый пол,
Мне вверенный и небреженный мной!
Но подымись! Не будем осуждать
Друг друга; мы и так осуждены.
Не лучше ль нам в любви соревноваться:

Как бремя горя нашего верней
Взаимно облегчить; ведь смертный срок,
Нам возвещенный, не наступит вдруг,
Но ежели я правильно сужу,—
К нам будет шаг за шагом это зло,
Как вечер угасающего дня,
Неспешно близиться, усилив гнет
Страданий, что достались нам в удел
И нашему несчастному потомству!»

В ответ сказала Ева, ободрясь:
«— Меня печальный опыт научил,
Сколь малую ты цену придаешь
Моим словам, что оказались впрямь
Оплошными; их затаенный вред
Дальнейшими событьями доказан.
Но как я ни грешна, ты мне опять
Вернул благоволенье и приязнь;
Надеясь и любовь твою вернуть,—
Единственную в жизни или смерти
Отраду сердца,— я не утаю
Раздумий, что в смятенной родились
Моей душе и могут облегчить
Страданья наши или их пресечь.
Мучителен, прискорбен этот путь,
Но все же с нашим горем не сравним
И легче на него решиться нам.
Коль мы судьбой грядущей смущены
Потомства, обреченного страдать
И умереть (печально быть виной
Злосчастья племенам от наших чресл,
Произвести на гнусный этот свет
Бездольных отпрысков, которым жить
В скорбях придется, пищей под конец
Проклятому чудовищу служа),
Ты властен окаянным племенам
Не дать родиться, их не зачинать.
Бездетен ты — останься таковым,
Прожорливую Смерть перехитрив;
Тогда насытить нами лишь двумя
Желудок алчный доведется ей.
Но ежели жестоким ты сочтешь
И тяжким,— неразлучно быть со мной,
Любя, общаясь, видясь день за днем,

Воздерживаться от законных прав
Любви, от брачных сладостных объятий,
И безнадежно подле существа,
Сгорающего от взаимных чувств,
Желаньями томиться, что ничуть
Не меньшие беда и маета,
Чем кары предстоящие,— давай
Покончим разом и освободим
Себя и семя наше ото всех
Грозящих ужасов; отыщем Смерть,
А не найдем — ее исполним долг
Руками собственными над собой.
Зачем дрожать от страха и в конце
Стать жертвой Смерти, если к ней пути
В избытке? Мы кратчайший изберем,
Разрушив разрушеньем разрушенье!»

Так высказалась Ева, или речь
Дальнейшая оборвана была
Отчаяньем. Столь пристально она
О Смерти думала, что свежий цвет
Ланит ее смертельно побледнел.
Но Евины советы не могли
Поколебать Адама; вознесясь
Гораздо прозорливейшим умом
К надеждам лучшим, он ей возразил:

«— Твое презренье к жизни и тщете
Утех телесных некие черты
В тебе являют, и они стократ
Достойней, благороднее вещей,
Тобою презираемых. Но мысль
О саморазрушенье перевес
Твой губит; не презрение лежит
В ее основе, но тоска и страх
Утраты жизни и усладных благ,
Тобой ценимых. Если ты исход
Желанный в Смерти видишь, возмечтав
Избегнуть приговора, знай, что Бог,
Без спору, наказующую длань
Предусмотрительно вооружил,
И от возмездья нам уйти нельзя
Подобным способом; но я боюсь,
Что Смерть похищенная не спасет

От присужденной кары, и Господь,
Прогневясь пуще, Смерть устроит в нас
Еще при жизни. Нет, изобретем
Решенье лучшее! Сдается мне,
Его нашел я, вспомнив приговор
И тщательно обдумав те слова,
В которых нам предсказано, что Змия
Глава сотрется семенем Жены.
Ничтожная награда, если здесь
Не мыслится, как я сообразил,
Великий наш противник Сатана,
В обличье Змия обольстивший нас.
Главу его стереть! Вот это месть
Достойная! Но мы ее навек
Лишимся, если руки на себя
Наложим иль бездетность изберем,
Как предлагаешь ты; избегнет Враг
Возмездья, присужденного ему,
А с нас, виновных, взыщется вдвойне.
Итак, не будем больше говорить
О самочинной смерти, о бесплодье
Намеренном, которое надежд
Лишает, нетерпеньем отдает,
Враждой, досадой, спесью, мятежом
Противу Бога и Его Суда,
Противу справедливого ярма,
На нас возложенного. Вспомяни,
Сколь милостиво нам Господь внимал
И сколь безгневно, безукорно Он
Судил! Уничтоженья ждали мы
На месте, придавая смысл такой
Понятью Смерти; что ж произошло?
Тебе он муки тягости предрек
И чадородия, но эта боль
Вознаграждается в счастливый миг,
Когда, ликуя, чрева твоего
Ты узришь плод; а я лишь стороной
Задет проклятьем,— проклята Земля;
Я должен хлеб свой добывать в трудах.
Что за беда! Была бы хуже праздность.
Меня поддержит труд и укрепит.
Господня благость безо всяких просьб
О нас промыслила: чтоб нам вреда
Ни холод, ни жара не нанесли,

Всевышний, недостойных пожалев,
Своею дланью в день Суда одел.
А если мы к Нему прильнем с мольбой,
С вниманьем бóльшим Он отверзнет слух
И сердце к состраданью преклонит.
Он способы премудро преподаст,
Как нам суровость годовых времен
Перенести, укрыться от дождя,
От града, льда и снега; вот уже
Небесный свод на разные лады
Их шлет на гору нашу; между тем
Порывами сырые ветры веют,
Взметнув зеленокудрую листву
Развесистых деревьев; верный знак,
Что надо отыскать приютный кров
И обрести тепло, дабы согреть
Немеющие члены; и пока
Нас не покинуло на произвол
Ночного холода светило дня,—
Лучи его собрав и отразив,
Им в снедь дадим сухое вещество,
Иль воздух попытаемся поджечь
Соудареньем или треньем двух
Предметов, по примеру облаков,
Вступивших в битву, или грудь о грудь,
Порывом ветра сшибленных сейчас
И породивших молнийный огонь,
Что, вкось низринувшись, воспламенил
Сосны и пихты смольную кору,
И это пламя шлет издалека
Приятное тепло и в силах греть
Не хуже солнца; пользоваться им
И средствами другими, исцелить
Способными или исправить зло,
Что наши прегрешенья навлекли,—
О милости молящих, нас Господь
Наставит. Мы, при помощи Творца,
Удобствами такими овладев,
Без страха сможем нашу жизнь прожить,
Пока последний не вкусим покой
И отойдем во прах,— родной наш дом.
Всего же лучше — воротясь опять
К судилищу, благоговейно пасть
Пред Богом, о прощенье умолять,

Покорно исповедуя вину,
И землю изобильно оросив
Слезами, воздух вздохами сердец
Унылых сокрушенно огласить,
В знак непритворности и глубины
Смирения и скорби неизбывной!
Он сжалится над нами, сменит гнев
На милость. Ведь когда, казалось, Он
Негодовал и был особо строг,
Что выражал Его приветный взор,
Как не участье, кротость и любовь?»

Так Пращур, каясь, молвил, и ничуть
Не меньше Ева каялась; потом
Пошли туда, где их Господь судил,
Униженно пред Ним простерлись ниц,
Покорно исповедали вину
И землю оросили током слез,
Окрестный воздух вздохами сердец
Унылых, сокрушенно огласив,
В знак непритворности и глубины
Смирения и скорби неизбывной.

СОДЕРЖАНИЕ

Сын Божий представляет Отцу молитвы кающихся Прародителей и ходатайствует о прегрешивших. Господь принимает ходатайство, однако объявляет, что они не могут долее обитать в Раю, и посылает Архангела Михаила с отрядом Херувимов для удаления Прародителей из Рая, но повелевает прежде открыть Адаму события грядущих времен. Сошествие Михаила. Адам указывает Еве на некие зловещие предзнаменования, видит приближающегося Михаила и идет навстречу. Архангел возвещает о предстоящем выдворении из Рая. Стенания Евы и смиренные просьбы Адама. Архангел возводит Праотца на высокую гору и являет ему в видении все, что произойдет до потопа.

С покорством покаянная чета,
Склонясь, молилась, ибо Благодать,
С Престола милосердия сойдя,
Их осенила, камень из сердец
Исторгла, обновленную, взамен,
Живую плоть любовно возродив,
Исполненную вздохов несказанных,
Что на крылах молитвы, к Небесам,
Любого красноречия быстрей,
Взлетали; но в супругах обличал
Величественный образ — не убогих
Просящих; нет! — молитва их была
Не менее существеннее той,
С которой Пирра и Девкалион

«Потерянный Рай»

Предстали пред святилищем Фемиды,—
Как древнее предание гласит,
Хотя позднейшее, чем наш рассказ,—
И с трепетом просили у богов
Потопом истребленный род людской
Восстановить. Прямой стезей летя
На Небо, Прародителей мольбы
Завистливыми ветрами с пути
Не отклонялись и, по сторонам
Развеянные, не блуждали втуне,
Но в Эмпирейские вошли Врата;
Заступник величайший облачил
Их фимиамом, что на алтаре
Курился золотом; они взвились
К престолу Вседержителя, и Сын
Представил их, возвеселясь, Отцу,
За грешников ходатайствуя так:

«— Воззри, Отец! Вот первые плоды
Земные, милосердием Твоим
Взращенные, воспринятым людьми!
Молитвы эти, вздохи — в золотом
Кадиле, с фимиамом заодно,
Я, Твой Первосвященник, приношу,—
Плоды, что от семян произошли,
Которые Ты в сердце заронил
Адама сокрушенное; они
Намного сладостней плодов любых,
В Эдеме зреющих на древесах,
Возделанных Адамом, до того,
Как он попрал запрет. Склони Твой слух
К мольбам и воздыханиям внемли
Безмолвным! Неискусен Человек
В молитвословиях, но Мне дозволь
Их толковать; ведь Я его Ходатай,
Умилостивление за грехи.
Все добрые, недобрые дела,
Им совершенные, Мне одному
Вмени; значеньем собственных заслуг,
Я первые — возвышу, искупит
Вторые — смерть Моя. Прими, Отец,
Меня и, заодно со Мной, прими
Душистый фимиам его молитв.
О примиренье! Пусть он проживет,

Прощенный, дней положенных число,
Хотя и грустных, до тех пор, когда
Осуществится смертный приговор,
Который отменить Я не прошу,
Но облегчить,— и смерть его к другой,
Гораздо лучшей жизни воскресит,
Где, Мною искупленные, вовек
Пребудут в ликованье и блаженстве,
Единое со Мной образовав,
Как составляю Я с Тобой одно!»

Отец безоблачный и светлый рек:
«— Твое заступничество за людей
Приемлю, ибо Мной предрешено.
Однако людям дольше жить в Раю
Закон, предписанный Природе Мной,
Не дозволяет. Чистый мир стихий
Бессмертных, чуждый грубым веществам.
Нестройным смесям, сочетанью скверн,
Теперь извергнет поврежденных прочь,
Извергнет, словно грубую болезнь,
В такой же грубый воздух, где во снедь
Дана им пища бренная, дабы
Их к разрушению расположить,
К распаду, под воздействием греха,
Что все сгубил, нетленное растлив.
Два дара Человеку Я вручил,
Создав его,— блаженство и бессмертье.
Безумно он утратил первый дар,
Затем, увековечил бы второй
Его беду, когда бы Смерть к нему
Я не привел и повелел ей стать
Последним исцеленьем от невзгод;
И после жизни, полнотой мытарств
Испытан, благочестьем убелен
И подвигами веры, ото сна
Могильного внезапно пробудясь,
В День воскресенья мертвых из гробов,
Для новой жизни, возвратится вновь
Он, с новым небом, новою Землей,
Со всеми праведными — к Божеству.
Но созовем синод Блаженных; пусть
От Эмпирейских дальних рубежей
Обширных явятся; не утаю

От них Мой приговор. Им довелось
Узреть, как Я недавно покарал
Виновных Духов; да узнают ныне
Судьбу, которую определил
Для Человечества, и хоть верны
Неколебимо,— крепче утвердят
Приверженность надежную свою».

Он смолк, и Сын великий подал знак
Блистательному стражу, что стоял
Невдалеке; страж вострубил в трубу,
Быть может, в ту, взывавшую поздней,
При нисхожденье Бога на Хорив;
Ее, быть может, некогда услышат,
Гремящую в День Страшного Суда.
Трубленье Ангельское разнеслось
По всем краям Небесным; отовсюду —
Из амарантовых, счастливых кущ,
От берегов ручьев живой воды,
Где Дети Света, в радостном кругу,
Общались меж собой,— они спешат
На Царский зов, занять свои места;
С Престола высочайшего Господь
Веленье всемогущее изрек:

«— Сыны Мои! Вот, как один из нас
Отныне стал Адам; вкусил он плод
Запретный и Добро и Зло познал.
Пускай гордится веденьем Добра
Утраченного, разуменьем Зла
Приобретенного; но был бы он
Счастливей, если б знал Добро одно,
А Зла не ведал вовсе. Он весьма
Скорбит, раскаиваясь и моля
Прощенья: это Мною внушено,
Однако, предоставленный себе,
Он суетен и шаток; посему,
Дабы он к Древу Жизни не простер
Длань дерзновенную и не вкусил,
Чтоб стать бессмертным, даже не мечтал
О вечной жизни, изгоню его
Из Рая, для возделанья земли,
Откуда взят,— воистину, приют

Ему гораздо свойственней теперь!
Сверши Мое веленье, Михаил!
Из Херувимов избери бойцов
Пылающих, дабы коварный Враг,
В поддержку Человеку иль стремясь
Эдем присвоить праздный, новой смуты
Коварной бы не произвел; спеши
И беспощадно грешную чету
Из Рая выдвори; запрещено
Топтать святое место нечестивцам,—
Им возвести, что изгнаны они
Со всем своим потомством навсегда,
Но грозно приговор не объявляй
Суровый, чтоб их вовсе не сразить;
Я вижу, как, смягчась, они вину
Оплакивают. Ежели приказ
Покорно примут Мой — не откажи
Им в утешенье, поучи, наставь,
Открой Адаму — что произойдет
В грядущем, как тебя Я вразумлю,
Упомяни завет Мой о грядущем
Восстановленье в семени Жены
И горемычных с миром изведи.
С восточной стороны, где доступ в Рай
Всего удобней,— учреди посты
Из Херувимов, пламенем меча
Широковеющим, Мой сад укрой,
Пускай страшит оно издалека
Всех приближающихся и замкнет
Дороги к Древу Жизни, чтобы Рай
Не обратили Духи Зла в притон,
Моими Древесами завладев,
И с помощью похищенных плодов
Не соблазнили б сызнова людей».

Он смолк. Архангел вмиг пустился в путь,
С ним Херувимов блещущая рать,
И каждый Херувим — четверолик,
Как Янус двоекратный; все бойцы —
Многоочиты; их тела везде
Усеяны глазами без числа
И недреманней Аргусовых глаз;
Аркадская бы флейта усыпить
Их не могла бы — сельская свирель

Гермеса, ни его снотворный жезл.
Тем часом Левкотея, пробудясь,
Приветствовала мир священным светом
И землю бальзамической росой
Кропила вновь; Адам прервал тогда
Молитву, и Праматерь прервала,
И оба снова силы обрели,
Ниспосланные свыше,— некий луч
Надежды, что в отчаянье самом
Блеснул утешно, радость пополам
Со страхом. В разногласье этих чувств,
Адам, с бывалой милостью, к жене
Склонился и такую начал речь:

«— Я верю, Ева, что обилье благ,
Доступных нам, ниспослано с Небес.
Не верится, чтобы от нас могло
Подняться к Небу нечто, повлияв
На мысли Всеблаженного Творца,
И волю преклонить Его; меж тем
Молитва теплая, короткий вздох
Людского сердца — могут вмиг достичь
Престола Миродержца. С той поры,
Как Бога оскорбленного смягчить
Мольбой решил я, на колени пал
И сердце сокрушенное отверз,
Мне кажется — Он милосердно слух
Склонил и кротко внял. В моей душе
Мир воцарился вновь, и я обет
Всевышнего внезапно вспомянул,
Что семя некогда твое сотрет
Главу Врага; об этом, устрашенный,
Забыл я, но отныне убежден,
Что горечь смерти миновала нас
И мы пребудем живы, не умрем.
Возрадуйся же, истинная мать
Людского рода, мать живых существ!
Жив Человек тобою, и живет
Для Человека всяческая тварь».

Но Ева грустно молвила в ответ:
«— Достойна ль я, виновная, носить
Такое имя? Должная во всем

Тебе помощничать, я приспешила
Твою погибель; подобают мне
Упреки, недоверие, позор.
Но мой Судья безмерно милосерд,
Я первая преступно привела
На Землю Смерть, а Он меня вознес
И благодатно удостоил стать
Истоком первым жизни; также ты —
Весьма великим званьем наделил,
Хоть по заслугам зваться я должна
Совсем иначе. Нас, однако, ждет
Работа в поле. Нам в поту лица
Теперь трудиться велено, хотя
Ночь напролет не спали мы. Гляди!
О наших треволненьях не печась,
Заря, как прежде, розовой тропой,
С улыбкой шествует, и мы пойдем!
Теперь я от тебя не отдалюсь
Вовеки, где б ни ждал урочный труд,
Отныне — целодневный, но доколь
Мы обитаем здесь,— что отягчить
Способно столь приятные прогулки?
Пускай мы пали, будем жить в Раю,
Довольны тем, что обитаем здесь».

Так чаянья Праматерь излила
В смирении глубоком, но Судьба
Иное уготовала. Сперва
Природа знаменья дала, явив
На воздухе, на птицах, на зверях.
Недолгий, розовый рассвет померк,
И в воздухе, что сразу потемнел,
Юпитерова птица, с вышины
Парящего полета своего,
На двух пернатых дивной красоты
Ударила и ринулась вдогон;
И первый ловчий, царь лесов, с холма
Крутого устремился за оленем
И ланью — нежною четой лесной,
Прелестнейшей; спасения ища
От хищника, они бежали прочь,
К Вратам восточным Рая, и, следя
Глазами за оленями и львом,
Встревоженный Адам сказал жене:

«— О, Ева! Измененья нам грозят!
Немые Небо знаки подает,
Вещая о намереньях своих,
Не то остерегая от надежд
На упраздненье кары, ибо смерть
На малое число коротких дней
Отсрочена. Как дальше будем жить
И долго ли — кто знает? Лишь одно
Известно: прах — мы оба, и во прах
Вернемся, и не станет вовсе нас.
Зачем иначе этот знак двойной
Погони в воздухе и на земле,
Все в том же направленье, на Восток?
Зачем Восток до полдня потемнел,
А Запад — ярче утренней зари,
И облако слепящей белизны
С лазоревых снижается высот? —
Небесное укрыто нечто в нем!»

Он не ошибся. В облаке отряд
Посланцев Божьих с яшмовых Небес
Спустился, на холме расположась.
Величественный вид,— когда б не страх
Телесный, не сомненье в этот миг
Не замутили Праотцу глаза.
Не величавей ангельским полком
Иаков был в Маханаиме встречен,
Где в поле он увидел ратный стан
И лучезарных стражей у шатров;
С блистанием не бóльшим, на горе
Пылающей, огнистые войска
Возникли в Дофаиме, оным днем,
Когда Сирийский царь, чтоб завладеть
Единым человеком, как злодей
Напал, без объявления войны,
На город весь. Державный Иерарх,
Оставив на холме блестящий строй
Воителей, велел им Сад занять,
А сам пошел туда, где Пращур наш
Скрывался. Посетителя узрев
Великого, Адам проговорил:

«— Известий важных, Ева, ожидай;
Возможно, мы узнаем о судьбе

Грядущей нашей либо нам закон
Предпишут новый. Вижу, вдалеке,
Из облака сияющего, холм
Окутавшего, некий муж возник,
Осанкой — Небожитель, и притом
Не из простых, а наивысший чин,
Господство иль Престол, так величав
Идущий. Не пугает он ничуть,
Но не пленяет кротостью лица
Приветливой, которой Рафаил
Вселял доверье. Этот слишком строг
И царственен. Дабы не оскорбить
Его торжественности, я приму
С почтеньем гостя; ты же — удались».

Он смолк. Архангел вскоре подошел;
Он Эмпирейский образ изменил
И, чтобы с Человеком говорить,
Облекся в человеческий наряд.
Поверх его сверкающей брони
Свободно развевался рдяный плащ
Военный, но цветистей во сто крат,
Чем пурпур Мелибеи или Сарры,
Которым облекались в старину
Герои и цари, когда вели
Переговоры мирные; сама
Окрасила Ирида ткань плаща.
С откинутым забралом звездный шлем
Являл прекрасный, мужественный лик
Архангела, как бы его черты
Недавние приметы юных лет
Утратили; висел огромный меч,—
Гроза погибельная Сатаны,—
На поясе, подобном зодиаку
Блистательному, при бедре; копье —
В его руке. Адам простерся ниц,
Но Дух, по-царски, не склонив главы,
О цели посещенья молвил так:

«— Небесным приговорам не нужны
Вступления. Услышаны мольбы
Твои чистосердечные и Смерть,
Чьей жертвою ты присужден был стать

В день прегрешенья твоего, теперь
Надолго без добычи. Много дней
Даровано тебе, дабы ты мог,
Раскаявшись, посредством добрых дел
Исправить зло; тогда Господь, смягчась,
Тебя, возможно, искупит совсем
От алчной пасти Смерти, но в Раю
Не дозволяет дольше обитать.
Тебя я прибыл выдворить, чтоб землю
Ты стал возделывать, откуда взят.
Она гораздо свойственней тебе!»

Умолк Архангел, ибо эта весть
Адама поразила; он застыл,
Окаменев от скорби ледяной,
Но выдал Евы исступленный вопль
Ее убежище в густых кустах:

«— О, бедствие нежданное, грозней,
Жесточе Смерти! Как покину Рай,
Как Рай утрачу, родину мою,
Вас, уголки тенистые и рощи
Блаженные, достойные богов,
Где я мечтала мирно провести,
Хотя и грустно, отведенный срок,
До смерти, неминуемой для нас?
Вы, райские цветы! В иных краях
Нигде вы не растете, только здесь!
Я холила вас первых, на заре,
Последних навещала ввечеру
И почки ваши бережной рукой
Лелеяла, давала имена!
Кто вас любовно к Солнцу обратит,
Кто по родам распределит, польет
Живой водой амврозийных ручьев?
Ты, куща брачная! Всем, что отрадно
Ласкает обоняние и взор,
Тебя я украшала! Как могу
С тобою разлучиться и бродить
В угрюмом, полном дикости и тьмы,
Гораздо низшем мире? Как же мы,
Вкушавшие бессмертные плоды,
Нечистым будем воздухом дышать?»

Прервал Архангел кротко Евин плач:
«— Не сетуй и с терпеньем покорись
Утрате справедливой! Чересчур
Не прилепляйся всей душой к вещам,
Которыми не вправе обладать.
Уйдешь ты не одна, с тобою — муж;
Ступай за ним, и где б он ни избрал
Пристанище, твоя отчизна — там!»

От скорби ледяной в себя придя,
Адам скрепился и обрел слова,
Смиренно к Михаилу обратясь:

«— Небесный! Ты, наверно, из числа
Престолов иль, возможно, их Глава.
Князь над князьями, с кроткой добротой,
Ты страшное известье сообщил;
Сурово сообщенное, оно
Безмерную бы причинило боль,
А исполненье бы могло убить,
Столь много нам, бессильным, доведется
Перенести отчаянья, тоски
И горя, ибо мы принуждены
Покинуть благодатные места,
Счастливую обитель, дивный Сад,
Единую утеху наших глаз!
Нам прочие покажутся края
Пустыней нелюдимой и чужой,
Враждебной нам, безвестным чужакам.
Когда б я, неотвязчиво молясь,
Надеялся веленья изменить
Того, Кто может все,— я день и ночь
Вопил бы, но беспомощны мольбы
Пред непреложной волей Божества,
Как против ветра дуновенье уст,
Что возвращается опять в уста
И удушает дерзкого. Итак,
Я покоряюсь Высочайшей воле;
Но горше, чем изгнаньем, удручен
Я тем, что, Рай покинув, удалюсь
От Лика Божьего и навсегда
Лишусь блаженства Бога лицезреть.
Благоговейно посещал бы здесь

Я те места, которые Творец
Святым Своим присутствием почтил;
Сынам повествовал бы: «— На горе,
Вот этой, мне являлся Царь Небес,
Под этим деревом стоял Господь,
Средь этих сосен я Ему внимал,
У этого источника с Творцом
Беседовал!» Я всюду бы воздвиг
Из дерна жертвенники, алтари
И, камни яркие в ручьях собрав,
На поминанье будущим векам
Сложил бы грудами, дабы цветы,
Плоды и ароматную смолу
Миродержавцу в жертву приносить.
Где в мире низменном я отыщу
Явленье Всемогущего, следы
Его священных стоп? Хоть я бежал
От гнева Божьего, но снова Он
Призвал раскаянного, и продлил
Мне жизнь, и семя обещал мое
Умножить; я, утешенный, готов
Хотя бы слабый отсвет созерцать
Господней славы и к Его стопам
Моленья воссылать издалека!»

Приветно глядя, молвил Михаил:
«— Ты ведаешь — Творцу принадлежат
Земля и Небо,— не один утес
Эдемский этот! Сушу, и моря,
И воздух вездесущностью своей
Он наполняет и любую тварь
Могучей силой действенной живит,
Питает, согревает. Он во власть
Всю Землю дал тебе,— не малый дар;
Так не считай, что ограничил Бог
Эдемским или Райским рубежом
Свое присутствие. Здесь, может быть,
Располагался бы твой главный стан,
Отсюда поколенья сыновей
Твоих бы разошлись и вновь сюда
Стекались бы со всех концов Земли,
На поклоненье Праотцу людей
Великому. Но ты свои права
Высокие утратил; на равнину

Ты будешь низведен, чтоб наравне
С твоими сыновьями обитать.
Откинь сомненья; в долах и полях,
Равно как здесь, присутствует Господь.
Его благие знаменья везде
Ты встретишь, милостиво осенен
Отеческой любовью, и во всем
Увидишь образ Божий и следы
Священного присутствия Творца.
Дабы ты веру эту укрепил
До твоего исхода в нижний мир,
Твою судьбу и твоего потомства
Тебе открыть я послан. Будь готов
Узнать о добрых и дурных делах,
О благости Всевышнего в борьбе
С людской греховностью и научись
Терпенью истинному; умеряй
Веселье — страхом набожным, слезой
Печали благочестной и сноси
Равно преуспеянье и беду
Умеренно. Так жизнь ты проведешь
Наиспокойней, смертный переход
Свершить готовясь в надлежащий час.
Взойди на этот холм. Пусть Ева спит,
Пока грядущее ты узришь въявь.
Я очи ей сомкнул; ты пребывал
В таком же сне, когда она была
Из твоего ребра сотворена».

Признательно Адам сказал в ответ:
«— Иди; я за тобой, надежный Вождь,
Последую; карающей Руке
Всевышнего покорно подчинюсь
И грудью встречу будущее зло,
Для одоления вооружась
Терпением, и отдых заслужу
Трудом прилежным, ежели покой
Возможно обрести подобной жизнью».

Они в виденьях Божьих поднялись
На гору, высочайшую в Раю;
С вершины этой открывался вид
Земного полушария и взор

До самых дальних проникал границ.
Ее не превышала вышиной,
Обширней вида не могла открыть
Гора, куда Врагом второй Адам
Был по иной причине вознесен,
В пустыне, для того, чтоб он узрел
Земные царства и всю славу их.
Оттуда Пращур взглядом охватил
Простор, где возвышались города
В древнейшие и новые века,
Столицы пресловутых государств,
От Камбалу, где Хан Катайский правил,
От Самарканда, где струится Окс,
Где Тамерлана горделивый трон,
И до Пекина — пышного дворца
Китайских Императоров; потом
Свободно взоры Праотец простер
До Агры и Лагора — городов
Великого Могола; дальше, вниз,
К златому Херсонесу; и туда,
Где в Экбатане жил Персидский Царь,
А позже в Исфагани правил Шах;
К Москве — державе Русского Царя,
И к Византии, где воссел Султан,
Рожденьем — турок; зоркий взор Адама
Владенье Негуса не пропустил,
И отдаленный Эфиопский порт
Эркоко, и приморье малых стран,
Края Момбазы, Квилоа, Мелинды
И Софалы,— она и есть Офир,
По мненью многих; дальше увидал
Он Конго, и южнейшую Анголу,
И Нигер, и Атласский горный кряж,
И царства Альманзора, Фец и Сус,
Марокко, и Алжир, и Тремизен;
Затем Европу различил, где Рим
В грядущем правил миром; может быть,
Град Мехико роскошный он сумел
Духовным созерцаньем разглядеть,
Столицу Монтесумы и стократ
Пышнейший Куско, в Перу, где престол
Атабалипы, и Гвиану,— край
Еще не разоренный; Эль-Дорадо
Прозвали Геринонны сыны

Его столицу. Но, стремясь явить
Важнейшие виденья, Михаил
С Адамовых зениц убрал плеву,
Которую, прозрение суля,
Навел коварный плод; очистил нерв
Адаму зрительный травой глазной
И рутой, ибо многое узреть
Придется Пращуру; три капли влил
Живой воды,— ее струю дарит
Источник жизни. Сила этих средств
С такою быстротой проникла внутрь
Вместилища мыслительного зренья,
Что, приневоленный смежить глаза,
Он рухнул и в оцепененье впал,
Но кроткий Ангел за руку вознес
Адама, ко вниманию призвав:

«— Отверзи взор и прежде созерцай
Влиянье первородного греха
На некоторых из твоих сынов
Предбудущих. К запретному плоду
Они не прикасались и в союз
Со Змием не вступали, не грешили
Твоим грехом, но смертный яд греха
Их заразил и много за собой
Ужасных злодеяний повлечет!»

Адам открыл глаза — и вот пред ним
Большое поле: сторона одна
Возделана, уставлена подряд
Снопами новыми; на стороне
Другой — овечье пастбище, загон;
Меж сторонами — жертвенник простой,
Дерновый, возвышается как столп
Граничный. Земледелец, весь в поту,
Усталый, возлагает на алтарь
Свой первый сбор, небрежно, впопыхах,
Зеленые колосья, желтый сноп,—
Что подвернулось под руку. Вослед
Пастух безгневный первенцев принес
Отборных, в жертву, от своих отар,
Посыпав ароматами, сложил
И тук и внутренности на дрова,

Все должные обряды совершив,
И благосклонный огнь, сойдя с Небес,
Проворно жертву пламенем пожрал,
Дымя душисто. Земледельца дар
Неискренний не тронут был огнем.
Завистник втайне злобой закипел,
Беседуя, ударил камнем в грудь
Соперника. Смертельно побледнев,
Пастух упал, и хлынула струя
Кровавая и душу унесла.
Смятенный, негодующий Адам
Воскликнул, к Михаилу обратясь:
«— Учитель! Что за грозная напасть
Постигла мужа кроткого сего,
Чья жертва столь чиста? И это мзда
За благочестие и доброту?»

Ответил Ангел, тронутый равно:
«— Ты видишь братьев, что произойдут
От чресл твоих, Адам. Возревновав
О том, что жертва брата Небесам
Угодна, праведного умертвил
Неправедный, но отомстится дело
Кровавое, и богомольный брат
Наградою не будет обойден,
Хотя в крови и прахе он простерт
И умирает на твоих глазах».

Наш Пращур вымолвил: «— Увы, страшны
И повод и деяние! Ужель
Я видел смерть? Ужель я так вернусь
Во прах родимый? Мерзостно глядеть,
Ужасно мыслить — каково снести!»

Ответил Михаил: «— Ты видел смерть
Во первообразе, но счету нет
Ее обличьям. Множество путей
Ведут в ее пугающий вертеп;
Они печальны все, но эта сень
На подступах ужасней, чем внутри.
Иных людей, как видишь, умертвит
Жестокое насилье, а других —
Огонь, вода и голод; очень многих —

Обжорство, бражничество; порождают
Они болезни тяжкие; толпа
Чудовищная хворей пред тобой
Сейчас предстанет, чтобы ты познал,
Как много причинится людям бед
Невоздержаньем Евы!» В тот же миг
Он помещенье грустное узрел,
Зловонное и сумрачное: род
Больницы, где лежали без числа
Страдальцы. Все недуги были здесь:
Мучительные судороги мышц,
Грудная жаба с грозной тошнотой,
Горячки, спазмы, злобный рой простуд
И мочевые камни, астма, рак,
Падучая, сухотка и чахотка,
Все виды колик, сыпи, лишаи,
Водянка, беснованье, лунатизм,
Тупая меланхолия, чума
Опустошительная, лютый мор
И расслабляющая ломота.
Их корчи страшны, стоны глубоки;
От ложа к ложу второпях снует
Отчаянье-сиделка, и копье
Над ними с торжеством колеблет Смерть,
Но медлит нанести удар, хотя
Его, как наивысшее из благ,
Вымаливают часто бедняки,
Последнюю надежду видя в нем.
Какой каменносердый бы глядел
Без слез на эту страшную картину?
Адам не мог; он горько слезы лил,
Хотя и не был женщиной рожден.
Над мужеством победу одержав,
Открыло состраданье слез родник,
Покуда мысли твердые опять
Волненье не умерили. Едва
Способность речи Праотец обрел,
Он жалобы свои возобновил:

«— О, как ты попран, жалкий род людской!
Как низко пал! Зачем ты сохранен?
Уж лучше б не рождался ты! Зачем
Так отнимать дарованную жизнь?
Зачем ее навязывать? Ужель

Кто-либо, зная настоящий смысл
Подарка, согласился бы принять
Иль не вернул бы вскорости, моля
Об отпущенье с миром? Божий лик,
Что в Человеке некогда сиял
Высокой красотой, пускай теперь
И омраченный, вследствие греха,
Возможно ли до столь жестоких мук
Бесчеловечных, немощей таких
Уродских, на которые нельзя
Взирать без содроганья, довести?
О почему, поскольку Человек
Часть Божьего подобья удержал,
От срама не избавлен? Почему
Его не пожалеть, не пощадить
Из уваженья к образу Творца?»

«— Господень образ,— молвил Михаил,—
Покинул их, когда они себя
Унизили и стали вожделенья
Невольниками, образ обретя
Того, чьему служенью предались —
Порока скотского, который ввел
Во искушенье Еву; оттого
Гнусна их казнь. Искажено людьми
Подобье собственное — не Господне;
Природы чистой мудрые законы
В болезни мерзкие преобразив,
По праву люди кару понесли
За то, что ими образ осквернен
Всевышнего Творца в себе самих».

«— Суд Божий справедлив,— сказал Адам,—
Я покоряюсь. Но неужто нет
Иных, не столь мучительных путей
К могиле, к возвращенью в прах родной?»

«— Есть,— Михаил ответил.— Если ты,
Неукоснительно блюдя закон
Умеренности в пище и питье,
Излишеств не допустишь, возжелав
Лишь должной сытости, а не услад
Обжорства; над главой твоей тогда

Промчатся годы многие, твоя
Продлится жизнь, и в надлежащий срок
Ты в лоно материнское, как плод
Созревший, упадешь. Нет, не силком
Ты сорван будешь, но легко отъят,
Доспев для Смерти; старость такова,
Но юность ты свою переживешь,
И красоту, и силу, а взамен
Увянешь, станешь хилым и седым;
Все чувства притупятся, ты ничем
Не сможешь усладить угасший вкус,
И, вместо полной радостных надежд
Веселой юности, в твоей крови
Состав меланхолический, сухой,
Холодный, под конец одержит верх,
Твои подавит силы и елей
Твой жизненный до капли истощит».

Наш Пращур возгласил: «— Итак, теперь
Ни смерти избегать не стану я,
Ни тщиться жизнь продлить. Я лишь хочу
Сложить невыносимо тяжкий груз,
Который до назначенного дня
Влачить обязан; с нынешней поры
Распада терпеливо буду ждать».

«— Жизнь,— возразил Архангел,— ни любить,
Ни презирать не надобно. Живи
Благочестиво,— коротко ли, долго,—
Пусть Небо предрешает, а сейчас
Иное приготовься ты узреть!»

Глядит: пред ним равнина, вся в шатрах
Цветных; паслись вокруг одних стада,
А из других — звучание неслось
Различных инструментов, в дивный строй
Сопрягшее и арфу и орган.
Был виден тот, кто струны колебал,
Касался клавишей, скользя по ним
Проворной, вдохновенною рукой,
Искусно пробегавшей вверх и вниз,
Слиявшей звуки, фугу проводя
Неоднократно через все лады.

Пылал поодаль раскаленный горн,
Где расплавлял старательный кузнец
Два тяжких слитка — медный и
железный
(Пожар, быть может, истребив леса
Нагорные, долинные,— проник
В земные жилы, растопил металл,
Из трещин вытекший, а может быть,
Исторгнутый водой из-под земли).
Коваль умело направлял расплав
В зияющие формы; он сперва
Себе орудья сделал, а затем
Немало всяческих других предметов,
Которые чеканкою, литьем
И ковкою возможно смастерить;
Позднее, по ближайшей стороне,
Другое племя с горного хребта,
Где прежде обитало, в дол сошло.
Казались праведными люди эти,
Их мысли на служение Творцу,
И на познанье очевидных дел
Его устремлены, и, наконец,
На все, что может мир среди людей
Упрочить и свободу укрепить.
Недолго им скитаться довелось;
Внезапно вышла из шатров толпа
Прекрасных жен в одеждах дорогих,
В уборах из сверкающих каменьев;
Под звуки арф и песни возгласив
Любовные, с плясаньем, к пришлецам
Приблизились; на их красу мужи
Богобоязненные, несмотря
На строгость, загляделись, волю дав
Несытым взорам, и немедля в сеть
Влеченья угодили, в плен сдались,
И каждый милую себе избрал.
Влюбленные беседу завели
О нежности, до вестницы любви —
Звезды вечерней; вспыхнула тогда
В них страсть; венчальные зажгли они
Светильники; впервые Гименей
Для брачного обряда призван был,
И огласила музыка шатры
И праздничного пира шумный гул.

Такое счастье встречи их, такой
Союз любви прелестный,— красота
Нерасточенной юности, венки,
Цветы и песнопенья, волшебство
Симфоний дивных, сердце привлекли
Адама; он всечасно был открыт
К блаженствам; эта склонность
врождена
От естества, и свой живой восторг
Он в следующих выразил словах:

«— Благословенный Ангел, мне глаза
Отверзший! Это зрелище милей
И бóльшую надежду мне сулит
На мирные и радостные дни,
Чем виды прежние; предстали там
Смерть, злоба или горшие стократ
Страданья, но сдается мне, что здесь
Достигла целей всех своих Природа».

Ответил Михаил: «— Не заключай
О совершенстве, только исходя
Из созерцанья чувственных услад,
Хотя бы и природных. Создан ты
Для высшей цели, чистой и святой,—
Уподобленья Божеству, а стан,
Тебя обрадовавший, лишь приют
Порока, где потомство будет жить
Братоубийцы. Чтители искусств,
Жизнь украшающих и мастаки —
Изобретатели пренебрегут
Своим Творцом. Хотя их вразумил
Господень Дух, они Его дары
Отвергнут, но от них произойдет
Народ прекраснейший. Однако знай,
Что женщины, пленившие тебя
Наружностью прелестной, на богинь
Похожие роскошной красотой,
Веселостью и пылом, лишены
Тех добродетелей, в которых честь
Заключена семейная и жен
Доподлинная слава; изощрились
Они для похоти, для плотских ласк,
Для пения, плясанья, щегольства,

Манящих взоров, праздной болтовни,
А племя добродетельных мужей,
Что прозваны за праведную жизнь
Сынами Божьими, увы, постыдно
И честь и славу в жертву принесут
Улыбкам обольстительных блудниц
Безбожных; в наслажденьях утопать
Они отныне будут, но потом
Потонут в хляби, и за этот смех
Заплатит мир морями жгучих слез».

Утратив радость краткую, вскричал
Адам: «— О, стыд и горе! Путь благой
Избравшие, внезапно отклонясь,
Вступают на неправую стезю
Иль выдыхаются на полпути.
Но вижу, что начало бед и зол
Одно и то же, всюду и везде —
И в женщине оно воплощено!»

«— Нет,— Ангел возразил,— источник бед
В изнеженности женственной мужчин,
Которым должно, с помощью даров
Всевышнего и мудрости, хранить
Врожденное достоинство; но ты
К другому зрелищу себя готовь!»

Адам взглянул: пред ним обширный край,
Селенья, пастбища, луга, поля
И людные, под обороной врат
И горделивых башен, города,
Где толпы неисчетные снуют
Вооруженные; грозят войной
Свирепые черты угрюмых лиц.
Ширококостные гиганты эти
Отвагою и дерзостью полны.
Одни оружьем учатся владеть
Как можно ловче; взмыленных коней
Другие объезжают. Верховой
И пеший, в одиночку и в строю,
Не для показа праздного сюда
Явились. Там особенный отряд,
За провиантом посланный для войск,

Быков отменных гонит и коров,
Похищенных на пастбищах; гурты
Овец кудрявых, блеющих ягнят
Добычу умножают. Но едва
Уйдя от лютой смерти, пастухи
Зовут на помощь. Сеча занялась
Кровавая. Безжалостно враги
Сражаются, и вот, где прежде скот
Щипал траву, теперь простерт пустырь,
Усеянный оружьем и костьми
И кровью смоченный. Другая рать
Взяла в осаду город укрепленный.
Идут на приступ ярые полки,
Тараны стенобитные влача
И приставные лестницы, ведут
Подкопы, а противники со стен
Кидают камни, копья, тучей стрел
Их осыпают, серный льют огонь.
Бушует обоюдная резня,
Геройские свершаются дела.
Совет сзывают в местности иной
Глашатаи, подняв свои жезлы.
Седые старцы важные спешат
К воротам городским, с толпой сойдясь
Шумливых воинов. Говоруны
Витийствуют — вскипает жаркий спор
Противных партий; наконец, явился
Муж средних лет, осанкой мудреца
Заметно выделявшийся в толпе.
Он в долгой речи поминал закон
И беззаконье, высший, правый суд
И благочестье, истину и мир.
Глумясь, готовы были стар и млад
На праведника руки наложить,
Но облако, сошедшее с Небес,
Его сокрыв, незримо вознесло
От буйственной толпы. Во всем краю
Владычило насилье, общий гнет,
Закон меча, и обрести никто
Укромного убежища не мог.

В слезах, стеная, к своему Вождю
Воззвал Адам: «— Что вижу? Люди эти
Не люди — слуги Смерти, если так

Бесчеловечно причиняют смерть,
Тысячекратно умножая грех
Братоубийцы! Разве не людей,
Своих же братьев губят? Но скажи,
Кто муж, который чуть ли не погиб
За праведность, когда бы не спасли
Его от нечестивцев Небеса?»

Ответствовал Архангел: «— Это браков
Неравных, явленных тебе, итог.
Совокупились в них добро и зло,
Враждебные друг другу; их союз
Безумный порождает сыновей,
Чудовищных и телом и душой,
Подобных тем гигантам-силачам,
Издревле славным, ибо в оны дни
Лишь силе грубой воздадут почет,
Ее геройской доблестью сочтут
И мужеством. Одолевать в боях,
Народы покорять и племена,
С добычей возвращаться, громоздя
Как можно больше трупов,— вот венец
Грядущей славы. Каждого, кто смог
Достичь триумфа, станут величать
Героем-победителем, отцом
Людского рода, отпрыском богов
И даже богом, но они верней
Заслуживают званья кровопийц
И язвы человечества; но так
Известность обретется на Земле
И лавры, а носителей заслуг
Доподлинных — забвенье поглотит.
Замеченный тобой степенный муж,—
В седьмом колене он потомок твой,—
Единый праведник в развратном мире,
Гонимый злобными за то, что весть
Врагам досадную провозгласил
О Господе, который во главе
Угодников своих придет судить
Злодеев; и, как видишь, унесен
Он в благовонном облаке на Небо
Крылатыми конями; там, Творцом
Воспринятый, он будет пребывать
В спасенье вышнем, в благостной стране,

Где Смерти нет. Но чтобы ты узнал,
Какая праведных награда ждет
И что за казнь порочным предстоит,
Направь сюда зеницы и смотри!»

Взглянул и видит: все изменено,
Свой рев прервала медная гортань
Войны. Везде веселье и разгул,
Забавы, пляски, пышные пиры.
Смешались брак законный и любовь
Продажная. Где ставит западню
Красотка мимоходом, там обман
Супружеский, насильничанье, блуд,
А распря — завершает кутежи.
Средь бражников явился человек
Достойный. Омерзел ему разврат,
Он обличал неправые стези
И, посещая сборища гуляк,
При виде буйных оргий и торжеств,
Упорно, как преступникам в тюрьме,
Порабощенным душам возвещал
О покаянье, грешников на путь
Добра и правды звал, грозил судом
Неотвратимым. В тщетности речей
Спасительных уверясь, он умолк
И, сняв шатры, от гульбищ отошел.
Срубил он лес нагорный, и корабль
Соорудил огромный, и в локтях
Длину, и ширину, и вышину
Измерил, и снаружи осмолил,
Дверь прорубил в борту и, не щадя
Усилий, заготовил для людей
И для животных множество еды.
О, чудо странное! От всех пород
Скота домашнего, зверей, и птиц,
И насекомых, пары — по семи
И по две, словно в строгом распорядке,
Вошли в ковчег и заняли места.
Последними вступили патриарх,
Его три сына, четверо их жен,
И дверь за ними крепко Бог замкнул.
Меж тем дохнул от полдня мощный ветр
И взмахами широких, черных крыл
Столпил громады поднебесных туч,

На подкрепленье горы шлют пары́
Сырые, мрачные. Сгустилась твердь,
Застыв, как темный свод, и хлынул дождь
Стремительный и непрестанно лил,
Пока земля не скрылась, а ковчег
Всплыл, клювовидным носом пену волн
Враскачку рассекая, избежав
Опасности; жилища же другие
Погребены; их разметал потоп
В подводной глубине. Морской простор
Иным, безбрежным морем поглощен
И в столь роскошных некогда дворцах
Теперь морские чудища кишат
И множатся. Все то, что сберeглось
От человечества, еще недавно
Столь многолюдного, теперь плывет,
Ютясь в едином утлом корабле.
О, как, при виде жалкого конца
Твоих сынов, ты взгоревал, Адам,—
Мир обезлюдел! — Захлестнул тебя
С потомками твоими заодно,
Потоп другой — потоп горючих слез;
Но нежно Ангел встать тебе помог,
И ты, поднявшись, горя не избыв,
Подобно безутешному отцу,
Скорбящему над гибелью детей,
Одним ударом на его глазах
Сраженных, жалобу свою с трудом
Излил в таких безрадостных словах:

«— Зловещие виденья! Жить бы мне,
Грядущего не ведая, сносить
Свою лишь долю горя, ибо дневи
Его довлеет злоба. Но беда,
Призначенная будущим векам,
Внезапно пала на мою главу,
До срока, от предведенья родясь,
Дабы, осуществиться не успев,
Мучительными думами терзать
О неизбежно предстоящем зле.
Пускай никто не смеет наперед
Предузнавать о том, что будет с ним
И с чадами его. Предугадав
Крушенье, он беду не отвратит,

А ждать невзгод намного тяжелей,
Чем их испытывать. Но я вотще
Забочусь: некого мне остеречь.
Немногих уцелевших истребят
Лишения и голод, посреди
Скитания в пустыне водяной.
С тех пор как на Земле искоренились
Насилье и война, я полагал,
Что люди преуспеют и навек
Настанет мир. Какой самообман!
Мир столь же растлевает, сколь война
Опустошает. От каких причин
Подобное возможно? Объясни,
Наставник вышний! На моих глазах
Ужель кончается весь род людской?»
Ответил Ангел: «— Этих гордецов
Ты видел в роскоши и торжестве,
Бесстрашных и свершающих дела
Великого геройства, но отвергших
Правдивые достоинства. Пролив
Потоки крови, разорив края
Чужие, подневолив племена
Свободные, по всей Земле они
Прославятся и ранги обретут
Высокие, добычею казну
Наполнив, услажденьям плотских нег
И лени предадутся, погрузясь
В излишества, познав любой порок,
Пресытятся безмерно, и тогда
Бесстыдная гордыня породит
В кругу друзей смятенье и вражду.
Равно и побежденные, в ярме
Невольничьем, свободу потеряв,
Все доблести утратят вместе с ней
И страх пред Богом. В роковом бою
С врагами вторгшимися не подаст
Их благочестью лживому Господь
Свою помогу, и они совсем
Остынут к праведности, станут впредь
О безопасной жизни помышлять,
Исполненной распутства и тщеты,
Стремясь беспечно пользоваться тем,
Что сохранил за ними властелин;
Земля избыточно произведет

Плоды и злаки сверх людских потреб,
Воздержанность обильем испытуя.
Так повредится, развратясь дотла,
Земное население; никто
Не вспомнит веру, истину, добро,
Умеренность и право. Лишь один
Сын Света в темном веке, вопреки
Соблазнам и обычаям, презрев
Дурной пример, озлобленную брань
Сородичей, благое соблюдет.
Попранья и побоев не страшась
И ругани, он будет обличать
Развратников, указывать стези
Правдивые, ведущие народ
К покою, к безопасности; он гнев
Господень грешникам провозвестит
И, презираемый, покинет их,
Но праведника в нем увидит Бог,
Единого, средь остальных людей.
Он по веленью Господа ковчег
Чудесный выстроит, как видел ты,
Дабы со всей семьей своей спастись
От гибели, которой обречен
Растленный мир. Лишь он в ковчег
войдет,
С животными укрывшись и людьми,
Для жизни избранными,— хляби все
Небесные разверзнутся и денно
И нощно дождь на Землю станет лить;
Источники земных, бездонных недр
Прорвут преграды; бурный океан
Подымется от подступивших вод
И власть простpет свою за берега,
Разлившись далеко, пока потоп
Не скроет гребни высочайших гор;
И Райская гора напором волн
Бодливых будет сдвинута и вниз
С деревьями, кустами и травой
Теченьем ярым смыта, снесена
В залив открытый; там, укоренясь,
Она покрытый солью островок
Бесплодный образует, где жилье
Крикливых чаек стаи обретут,
Тюлени и чудовища глубин.

Не наделяет святостью Творец
Места различные, коль Человек,
Их посещая или населяя,
Ее не вносит сам. Теперь, Адам,
Дальнейшие свершенья созерцай!»

Глядит: ковчег несется меж зыбей,
Но воды убывают; облака
Развеяны,— их резкий разогнал
Полночный ветр, дыханием сухим
Гладь оседавшей влаги бороздя.
На зеркало пучины знойный взор
Бросало Солнце, утоляя жар
Пекучей жажды свежею водой,
И жидкая, недвижная стихия
Мелела постепенно, сократясь,
Как при отливе; медленно, тишком,
Неуловимо уходила в глубь
Земли, свои замкнувшей родники,
Меж тем как хляби небосвод замкнул.
Ковчег уже не плыл; казалось, он
Осел на высочайшей из вершин.
Вот показались горные хребты
Подобно скалам; быстрые ручьи
Стремительно, плеща и клокоча,
Стекают к морю, что за шагом шаг
Отходит, обнажая материк.
Вдруг ворон вылетел из корабля;
Посол вернейший — голубь — вслед
за ним,
Отправлен дважды, чтоб разведать вновь:
Отыщется ли древо или пядь
Сухой земли, где мог бы он присесть.
Вторично воротясь, масличный лист
Принес он в клюве — примиренья знак!
Земля открылась! Древний патриарх
Со всеми, кто его сопровождал,
Выходит из ковчега. К Небесам
С благодареньем рамена воздев
И взор благоговейный, над собой
Он облако росистое узрел,
А в облаке — трехцветную дугу,
Знаменовавшую отныне мир
Всевышнего и новый с Ним союз.

Адам, чье сердце, грустное сперва,
Теперь возликовало, возгласил:

« — О, властный мне грядущее явить,
Небесный мой Наставник! Воскрешен
Последним я виденьем, убедясь,
Что будет Человек существовать
Со всеми тварями, что род людской
Не вымрет. Не печалюсь я ничуть
О том, что целый мир погиб в волнах
И все его безбожные сыны,
Но счастлив, что нашелся пред концом
Столь праведный и совершенный муж
И Вседержитель соблаговолил,
Смягчившись, новый мир произвести
От мужа оного. Но растолкуй
Значенье разноцветных трех полос,
Изогнутых на небе, словно бровь
Безгневного Всевидящего Ока?
Не пеструю ли образуют вязь
Каймы текучей тучи водяной,
Дабы она не пролилась опять
И Землю бы не затопила вновь?»

Архангел рек: « — Ты мудро угадал.
Воистину, Господь смягчил Свой гнев,
Хотя еще недавно сожалел,
Что Человек ущербный сотворен.
Он, долу глядя, видел, что полна
Земля насильем, всяческая плоть
Совращена с правдивого пути,
И сердцем воскорбел; но, покарав
Отступников, такую благодать
Единый правдолюбец обретет
Пред ликом Божьим, что Господь, сменив
На милость гнев, дотла не истребит
Род человеческий и даст Завет
Потопом Землю впредь не пустошить,
Ни морю выступать из берегов,
Ни ливням — сушу затоплять с людьми
И тварями, живущими на ней,
Вовек не попускать. Когда прострет
Он тучи дождевые, то велит
Трехцветной радуге на небосвод

Явиться,— в знаменье и поминанье
Его Завета. Ныне, день и ночь,
Посев и жатва, лето и зима,
Порядок неизменный соблюдут,
До времени, когда вселенский огнь
Очистит Мирозданье, а затем
Возникнут внове Небо и Земля,
Где будут праведники обитать!»

СОДЕРЖАНИЕ

Архангел Михаил продолжает повествование, рассказывает о потопе, упоминает об Аврааме и постепенно объясняет обетование о Семени Жены, данное Адаму и Еве после их грехопадения; возвещает о воплощении, смерти, воскресении и вознесении Сына Божия, о состоянии Церкви до Его второго пришествия. Утешенный этими откровениями и обетованиями Адам вместе с Михаилом спускается с горы, будит Еву, погруженную до сей поры в сон; благие сновидения располагают ее душу к покою и покорности. Михаил выводит за руки Прародителей из Рая; за ними полыхает машущий, пламенеющий меч, и Херувимы занимают посты для охранения Рая.

Как странник в полдень делает привал,
Хотя торопится, так Михаил
Прервал на середине свой рассказ,
Меж двух миров — погибшим и воскресшим;
Он счел, что, может быть, Адам задаст
Какой-нибудь вопрос; чуть переждав,
Опять продолжил прерванную речь:

« — Начало мира, и его конец,
И новый род людской, что возрожден,
Как бы от малой поросли другой,
Ты видел. Все же многое узреть
Еще осталось, но твой бренный взор
От напряженья изнемог; нельзя
Без утомленья смертным созерцать

Божественные вещи; посему
Дальнейшее — поведаю в словах,
А ты сосредоточенно внимай!

Покуда племя новое числом
Невелико и, памятуя суд
Недавний, сохраняет в сердце страх,—
Мужи и жены будут жить в труде
Богобоязненном и, чтя закон
И правду, быстро множиться. Земля,
Возделанная ими, уродит
Преизобильно хлеб, вино, елей;
Они вола, и агнца, и козла
Нередко в жертву станут приносить
От стад своих и щедро возлиять
Вино, священнодействие творя.
Безоблачная радость, долгий мир,
Под властью патриархов, осенят
Колена и роды, но верховод
Восстанет некий, с гордою душой
Честолюбивой; братский лад презрев
И равенство прекрасное, он власть
Над братьями преступно обретет,
Согласье и законность истребит
Природные, и, как ловец людей,
Но не зверей, оружьем и обманом,
Он всех, кто воспротивится ему,
Как дичь, затравит, и ему дадут
Прозвание Великого ловца
Пред Господом, чтоб Небу досадить
Иль, домогаясь нагло у Небес
Владычеством, по важности вторым,
Почтить его, чье имя родилось
От возмущения, хотя других
Он в возмущеньях будет обвинять.
С толпой клевретов, честолюбьем с ним
Объединенных иль к нему в ярмо
Поддавшихся, чтоб вместе с главарем
Тиранствовать, на Запад он уйдет
Из мест Эдемских и в конце концов
Равнину сыщет, где из-под земли,
Как будто из бездонных адских недр,
Клокочущая, черная смола
Наружу вырывается, кипя.

«Потерянный Рай»

Задумают они из кирпичей,
Скрепленных этой вязкою смолой,
Построить город, башню возвести
До Неба вышиною, имена
Свои прославив, чтоб в чужих краях,
В рассеянье, о них не стерлась память,
Хорошая, дурная — все равно,
Но Бог, не раз пристанища людей
Незримо посещающий, следя
За их делами, вскоре углядит
Строителей и в город низойдет;
И прежде, чем достигнет башня врат
Небесных башен, посмеется Бог
Над зодчими, пошлет их языкам
Различье, не оставит и следа
Родной, природной речи, заменив
Разноголосьем непонятных слов.
Подымется немедля дикий шум
Многоязычный; все начнут вопить,
Но одному другого не понять,
И каждый думать будет, что сосед
Его дурачит. Наконец, взъярясь
От крика и охрипнув, драчуны
Побоище затеют меж собой.
Немало посмеются наверху
Над ними Духи Неба, глядя вниз
И слыша свалки нестерпимый гам.
Так здание нелепое навек
В насмешку сохранится, а труды
Строителей — «смешеньем» назовут».

С отцовским гневом произнес Адам:
« — О, гнусный сын, что на свободу братьев
Преступно посягнул, над ними власть
Присвоив незаконно! Ведь Господь
Ее не уделил. Он всякий скот
Дал в обладанье нам, и птиц, и рыб,
Но Человеку власти над людьми
Он не вручал, оставив за Собой
Главенство, род людской освободив
От послушанья людям. Но гордец
Продерзостный, не удовлетворясь
Владычеством над братьями, решил
Осадной башней Богу угрожать.

Презренный! Чем прокормит он себя
И наглую орду на высоте
Заоблачной, где тонкий воздух вмиг
Их внутренности грубые иссушит?
Им в Небе задохнуться суждено,
Коль не от голода они умрут!»

Ответил Михаил: « — Ты поделом
Гнушаешься потомком, что разлад
В людскую жизнь спокойную внесет,
Разумную свободу подчинив.
Узнай: как только первородный грех
Тобою был свершен,— ты погубил
Свободу истинную, что всегда
Со здравым разумом сопряжена
Неразлучимой двойней, без него
Не существуя вовсе. Если вдруг
Затмится разум или же ему
Откажет в послушанье Человек,—
Неистовые страсти, заодно
С желаньями бессвязными, лишат
Рассудок власти, в рабство обратив
Людей, досель свободных. Посему
За то, что Человек в себе самом
Дозволил низким силам подчинить
Свободный разум, правосудный Бог
В расплату подчинит его извне
Тиранству самозваных вожаков,
Что так же беззаконно отберут
Его свободу внешнюю. Ярем
Необходим, но для тиранов нет
Прощения; однако же порой
Народы отойдут столь далеко
От добродетели, а стало быть,
От разума, что их не произвол,
Но правосудье Божье, наряду
С каким-нибудь проклятьем роковым,
Лишат свободы внешней, вслед за тем,
Когда они утратят, согрешив,
Свободу внутреннюю. Дерзкий сын
Строителя ковчега даст пример
Зловещий: за бесчестие, отцу
Им нанесенное, услышит он
Тяжелое, на свой порочный род

Проклятие: «Ты будешь раб рабов».
Равно, как предыдущий, этот мир
Падет все ниже, ниже, и Господь,
Устав от беззаконий, удалится
От грешников, и взоры отвратит
От них Свои святые, и предаст
Развратников — развратным их стезям.
Он изо всех народов изберет
Один народ, достойный слать мольбы
Всевышнему и призывать Его;
Народ, которому произойти
Назначено от мужа, что возрос
По эту сторону реки Евфрат,
В язычестве, но праведность хранил
И верность. Ты поверишь ли, Адам,
Насколько могут люди оглупеть?
Еще при патриархе, что обрел
Спасенье от потопа, оскорбят
Они живого Бога, опустясь
До поклоненья делу рук своих,—
Кумирам каменным и деревянным!
Но Бог, во сне пророческом явясь,
Святого праведника отрешит
От дома о́тчего, от всей родни,
От ложных истуканов, повелев
Уйти в назначенную Им страну,
Где сильный от него произведет
Народ, благословение излив
Столь щедро, что о семени его
Все племена Земли благословятся.
Немедля повинуясь, он спешит
В безвестный край, надеясь на Творца.
Он для тебя незрим, но виден мне,
С какою верой всех своих божков,
Друзей и родину — Халдейский Ур,—
Он оставляет, переходит вброд
Поток и направляется в Харран,
А с ним его несметные стада
И множество рабов. Не бедняком
Он отселяется, но он Тому
Вверяет достоянье, Кто призвал
Его в страну чужую. Вот, достиг
Он Ханаана. Вижу, как шатры
В Сихеме он раскинул и в Морѐ —

Равнине ближней; там Господь отдаст
Ему и отпрыскам его грядущим
Навечно земли эти: от Емафа
На севере до самых рубежей
Пустыни Южной (называю здесь
Края, которым нет еще имен)
И дальше — от Ермона на востоке
До западного моря. Вот гора
Ермон; вот море. Пред тобой, гляди,
Места, показываемые мной:
Гора Кармел на берегу морском
И двуисточный Иордан — рубеж
Восточный; также будут жить в Сенире
Его сыны — средь протяженных гор.
Помысли: все земные племена
О семени его благословятся;
Под оным Семенем Спаситель твой
Великий разумеется; главу
Он Змия сокрушит; про то ясней
Ты вскорости узнаешь. Патриарх,
Чье имя будет — верный Авраам,
Оставит сына; а от сына внук
Произойдет, что будет знаменит
Подобно деду, праведен и мудр.
С двенадцатью сынами Ханаан
Покинет он, переселясь в страну,
Которую в грядущем нарекут
Египтом, разделенную рекой,
Прозваньем — Нил; гляди — в морской простор
Семью впадает устьями поток.
Переселится он в голодный год,
По зову сына, одного из младших,
Что в царстве Фараона облечен
Высоким, по значению вторым,
Величьем, в силу собственных заслуг.
Там он умрет, немалое число
Детей оставив; отпрыски, плодясь,
Народом целым станут, возбудив
Тревогу у тогдашнего царя;
Владыка подозрительный, стремясь
Такое размноженье сократить
Чрезмерное для пришлых чужаков,
Гостей, гостеприимству вопреки,
Закабалит и обречет на смерть

Их сыновей в младенчестве. Меж тем
Два брата — Моисей и Аарон,
Ниспосланные Господом мужи,
Освободили избранный народ
И повели к Земле обетованной
Со славой и добычей; но сперва
Мучитель беззаконный, что отверг
Их Бога и послание презрел,—
Он будет знаменьями побужден
И казнями ужасными: вода
Речная станет кровью, без резни;
Лягушки, вши и тучи песьих мух
Дворец и всю страну заполонят
Вторженьем гнусным; скот его падет
От мора и парши; сам государь
И весь народ, от ног до головы,
Острупятся, болячки их тела
Покроют; гром и град, и град с огнем
Египетское небо раздерут
И, прах взметая, истребят вконец
Всё на пути, а то, что уцелеет,—
Хлеба, плоды и травы,— саранча,
На землю черной тучей опустясь,
Пожрет, не пощадив ни стебелька;
Египет омрачит густая тьма,
Тьма осязаемая, и сотрет
С лица земли три дня, а напоследок
Один удар полночный поразит
Всех первенцев Египта. Лишь тогда
Речной дракон смирится, десять язв
Жестоких испытав, и пришлецов
Отпустит. Он строптивое не раз
Утихомирит сердце, но как лед
Оттаявший затвердевает вновь,
Все жестче становясь,— так Фараон
Ожесточится яростней, пока,
Неистово преследуя людей,
Недавно им отпущенных на волю,
Пучиною не будет поглощен;
А те — пройдут, как посуху, меж двух,
Послушных Моисееву жезлу,
Хрустальных стен, почтительно стоявших,
Покуда побережья не достиг
Спасенный предводителем народ.

Такую власть святому Своему
Дарует Бог, присутствующий Сам,
Под видом Ангела, что впереди
Народа шествует, себя укрыв
То облаком, то огненным столпом
(Днем — облаком, а по ночам — столпом),
Дабы ведо́мых странников сберечь
От ярости гонителя. Всю ночь
Преследовать их будет Фараон,
Но мрак, до стражи утренней, не даст
Приблизиться к хранимым беглецам.
Тогда, из огненного Бог воззрев
Столпа и облака, рассеет рать
Преследователя и сокрушит
Колеса колесниц, а Моисей,
Внимая повелению, прострет
Повторно свой могущественный жезл
Над морем, и пучина, подчинясь
Жезлу, на войско хлынет, затопив
Сраженье до того, как началось;
Народ же избранный, не пострадав,
Пойдет от побережья в Ханаан
Пустыней дикою, кружным путем,
Дабы, вступая во враждебный край
Ханаане́ян и страшась войны
По недостатку опыта, назад
В Египет не вернулся, предпочтя
Бесславную неволю. Ведь любой,
Равно из благородных иль простых,
Предпочитает мир и ценит жизнь
Без тягот бранных, если невзначай
Отвагой безрассудной не влеком.
В пустыне странствуя столь долгий срок,
Вторую пользу люди извлекут:
Правленье учредят, избрав Совет
Великий от двенадцати колен,
Дабы судил, блюдя законы. Бог
С горы Синай, чей гребень под стопой
Господней содрогнется, возвестит,
Средь молний, грома, зычных звуков труб,
Законы; часть из них посвящена
Правам гражданским, а другая часть
Обрядам жертвенным; Он, облачив
Таинственными символами речь,

О Семени грядущем даст понять,
Что увенчает сокрушеньем Змия
Спасение людей. Но Божий глас
Ужасен смертным, и народ начнет
Молить, чтоб волю объявлял Господь
Устами Моисея; их мольба
Не безответна; им сообщено,
Что к Богу, без ходатая, нельзя
Приблизиться. Отныне Моисей
Прообразно высокий этот сан
Приемлет, приуготовляя путь
Иному, Величайшему, приход
Которого предскажет, и в грядущем
В свой час пророки предрекут, воспев
Великого Мессии времена.
Законы и обряды утвердив,
Настолько Бог послушливых людей
Возлюбит, что средь них благоволит
Свою поставить скинию. Святой,
Единый соизволит обитать
Меж смертными! По Божьим образцам
Они святилище соорудят
Из кедра, золотом облицевав;
Внутри — кивот, а в нем — Его скрижали
Завета,— знак союза с Божеством;
На крове — милосердия Престол
Из золота, крылами осененный
Двух Херувимов ярких; перед Ним,
Семь золотых лампад должны гореть,
Сияя, как светила Зодиака;
Над скинией святой в теченье дня
Пребудет облако, а ночью — огнь,
За исключеньем времени в пути.
Так, под вожденьем Ангела, прийдут
Они в обетованную страну,
Что Аврааму и его сынам
Обещана. Но слишком длить рассказ
О всех сраженьях мне бы довелось,
О царствах побежденных и царях,
О том, как Солнце будет целый день
Стоять в зените и отсрочит ночь,
Вняв голосу людскому: « — Солнце, стой
Над Гаваоном и, Луна, замри
Над Айалонским долом до тех пор,

Пока Израиль не одержит верх!»;
Так наречется Авраама внук,
Сын Исаака, и прозванье это
Воспримет весь его грядущий род,
Который завоюет Ханаан».

Здесь перебил Адам: « — Посол Небес!
Ты мрак мой просветил, ты мне открыл
Благое, но всего отрадней весть
О том, что́ Аврааму предстоит
И роду Авраама. Лишь теперь
Я вразумлен: воистину глаза
Мои прозрели, сердце отошло,
Смущенное тревогой о судьбе
Моей и Человечества, о том,
Что нас в грядущем ждет; но вижу день
Того, в Ком некогда благословятся
Все племена; я милости такой
Не заслужил, запретного ища
Познанья — недозволенным путем.
Но не могу постичь: зачем даны
Законы разные в большом числе
Тем людям, средь которых пребывать
Изволит Бог? Столь многие законы
Предполагают множество грехов.
Как может обретаться там Творец?»

Ответил Михаил: « — Не усомнись,—
Они греху подвластны, от тебя
Произойдя; им Божий дан закон,
Дабы их прирожденную явить
Порочность, подстрекающую грех
Вести борьбу с законом; но, поняв,
Что грех не может быть искоренен
Законом, но лишь выведен на свет,
Что призрачные средства — кровь быков
И козлищ,— очищенья не дают
Полнейшего; отсюда заключат,
Что Человека искупить должна
Бесценнейшая, праведная кровь,
За грешных пролитая, чтоб могли
Они, посредством праведности вящей,
От веры исходящей, обрести
Пред Богом оправдание и мир

Для совести; но этого закон
Обрядами не в силах обеспечить,
Равно как не способен Человек
Блюсти закона нравственную часть,
А не блюдя — не может вовсе жить.
Итак, в законе совершенства нет;
Он только в предваренье людям дан,
Дабы, по исполнению времен,
Завет могли бы высший восприять,
От призрачных прообразов прийти
К извечной истине, от плоти к духу,
От пут закона тесного к приятью
Свободному безмерной благодати
Господней, подневольный, рабский страх
Почтением сыновним заменив,
И вместо дел, вершимых по закону,
Свершать по вере. Нет, не Моисей,
Любимец Господа, но лишь слуга
Закона в Ханаан введет народ,
Но Иошуа, он же — Иисус,
Что так язычниками наречен.
Се имя и призвание Того,
Кому враждебный покорится Змий,
Кто Человека, в диких дебрях мира
Блуждавшего столь долго, возвратит
В отдохновенный, вековечный Рай.
Меж тем, в свой Ханаан земной войдя,
Израиль будет жить и процветать,
Пока грехи народа не прервут
Общественный покой, и гневный Бог
Нашлет на них врагов, но всякий раз,
При виде их раскаянья,— спасет,
Сперва им дав судей, потом — царей;
Из них второй прославится в веках
Богобоязненностью и делами
Великими; услышит он обет
Ненарушимый, что его престол
Державный укрепится навсегда.
Равно пророки все провозгласят,
Что в оный день, от царственного корня
Давидова,— царь будет зваться так,—
Жены восстанет Семя, что тебе
И Аврааму провозвещено,
Сын, о котором племена Земли

Утешатся и возликуют, Сын,
Предсказанный царям, последний Царь,
Его же царствованью несть конца.
Но прежде длинный ряд владык пройдет.
Давида сын, прославленный богатством
И мудростью, воздвигнет дивный храм;
В нем, осененный облаком, кивот
Поставит Божий, до тех пор в шатрах
Скитавшийся. За ним царей немало
Последует: и добрых и дурных.
Но перечень дурных длинней стократ.
Их гнусное кумиров почитанье
И мерзости другие, заодно
С развратом всенародным, распалят
Гнев Божества настолько, что Господь
Оставит их, и край, и град, и храм,
И храмовую утварь, и кивот
Священный со скрижалями, предаст
На расхищенье городу тому
Надменному, чьи стены видел ты
В смятенье брошенными, отчего
Он Вавилоном прозван. Станет плен
Тянуться семь десятков долгих лет;
Но, памятуя клятву, что дана
Царю Давиду, крепкую, как дни
Небесные, Всемилостивый Бог
Злосчастных пленников освободит.
По воле Вавилонских венценосцев,
Внушенной Богом, воротясь в страну
Обетованную, они сперва
Отстроят Божий Дом и будут жить
В смиренье скромном, но, разбогатев
И расплодясь, взбунтуются опять.
Сначала вспыхнут смуты и разлад
Между служителями алтаря,
Священниками, должными блюсти
Согласье: Храм Господень осквернен
Их распрями. Они захватят власть,
Презрев сынов Давида, а затем
Престол уступят царский чужаку,
Чтоб истинный Помазанник и Царь —
Мессия — родился лишенным прав.
Его рожденье возвестит звезда,
Невиданная в небе до сих пор,

К Нему Восточных приведет волхвов,
Дитя разыскивающих, дабы
Пред Ним повергнуть золото, и ладан,
И смирну. Ангел пастухам простым,
Стада хранящим ночью, сообщит
Торжественно о месте, где дитя
Явилось; пастухи туда спешат
С великой радостью и слышат хор
Поющих Ангелов несметных. Дева —
Младенца Матерь, а Его Отец —
Могущество Всевышнего Творца.
Он на Престол наследственный взойдет,
Предел Его владений — вся Земля,
И славой Он наполнит Небеса!»

Архангел смолк, приметя, что Адам
От радости излил бы слез поток,
Когда б восторг не выразил в словах:
«— Пророк свершений дивных! Подтвердил
Ты высшую из всех моих надежд!
Теперь постиг я то, чего искал
Глубокой думой тщетной: отчего
Великое зовется Упованье
Людского рода — Семенем Жены.
Ликуй, о Дева-Матерь! Высока
Любовь Небес к Тебе, но Ты от чресл
Моих произойдешь, а от Тебя,
От чрева Твоего, родится Сын
Всевышнего. Так с Человеком Бог
В одно сольются. Неизбежно Змий
Смертельного удара должен ждать
И сокрушения главы. Скажи,
Где и когда сразятся? Как Злодей
Ужалит Победителя в пяту?»

Ответил Михаил: «— Не полагай,
Что с поединком сходен этот бой,
Что будут раны здесь нанесены
В главу, в пяту. Сын Божий сопряжет
В единство — Человека с Божеством —
Не для того, чтоб твоего Врага
С удвоенною силой одолеть.
Не так повергнут будет Сатана,
Коль сброшенный с Небес,— а эта казнь

Смертельнее любой,— не утерял
Способности смертельно уязвить
Тебя; но причиненное Врагом
Раненье совершенно исцелит
Грядущий твой Спаситель, сокрушив
Не Сатану, но все его дела
В тебе и отпрысках твоих; сие
Возможно, лишь покорствуя вполне
Закону Божьему, но ты презрел
Его, хоть заповедан был закон
Под страхом смерти. Иисус твой грех
Искупит смертью, кару понеся,
Тебе и Человечеству всему
Назначенную за твою вину.
Лишь эта жертва удовлетворит
Господне правосудие. Спаситель
Любовью и покорством до конца
Закон исполнит, хоть одной любви
Достаточно, чтоб соблюсти закон.
Твою Он казнь претерпит, воплотясь
Для жизни, омраченной клеветой,
Для гнусной смерти; возвещая жизнь
Всем, кто уверует, что искупил
Он род людской, что верным вменено
Его покорство, силой веры став
Их собственным покорством, что людей
Деянья никакие не спасут
Законные, но лишь Его заслуги.
Он будет ненавидим и хулим,
Насильно взят, поставлен пред судом
И осужден на про́клятую казнь
Позорную, гвоздями ко кресту
Прибит соотчичами, умерщвлен
За то, что жизнь им дал. Но пригвоздит
Он к Своему кресту врагов твоих,
Закон, которым ты приговорен,
И все грехи людские; никогда
Они уже вреда не причинят
Тем, кто уверовал, что Вышний Суд
Он в полной мере ублаготворил.
Да, Он умрет, но Он воскреснет вновь,
Недолго Смерть возвластвует над Ним.
Едва денница вспыхнет в третий раз,
Его увидят утренние звезды

Восставшего из гроба, как заря
Пресветлого и свежего. Такой
Ценой избавлен будет Человек
От Смерти и спасенье обретет,
Коль, не отвергнув жизни, за людей
Пожертвованной, станет принимать
Благодеянье с верой, подкрепив
Делами эту веру. Упразднит
Божественная жертва приговор,
Произнесенный над тобою: Смерть,
Которой ты б достался во грехах,
Навек погубленный для бытия.
Сотрет Христос главу Архиврага
И силу сокрушит его, сразив
Два главные орудья: Грех и Смерть;
Их жала поразят главу Врага
Сильней, чем временная смерть в пяту
Ужалит Победителя и тех,
Кого Он благодатно искупил.
Ведь эта смерть, похожая на сон,—
К бессмертной жизни тихий переход.
Воскреснув, Он пребудет на Земле
Короткий срок, дабы ученикам
Предстать — мужам, Учителя везде
Сопровождавшим. Их обяжет Он
Об искупленье весть провозгласить
И то, чему при жизни Он учил,
Народам всем провозвестить, крестя
Уверовавших в ручьевой, в речной
Воде, в знак омовенья от греха,
Для чистой жизни или, при нужде,
Для укрепленья в праведной душе
Готовности распятие принять,
Подобно Искупителю. Отныне
Спасенье возвестят ученики
Всему людскому роду, не одним
Сынам Израиля, что рождены
От Авраама чресл, но и сынам
По вере Авраамовой, во всей
Подлунной; все земные племена
О Семени его благословятся.
Апостолам явившись, Божий Сын
С победой вознесется в торжестве,
В воздушную стихию воспарив,

На Небеса Небес, врагов Своих,
Равно твоих — повергнув. Будет Змий,
Князь воздуха, Им схвачен, и в цепях
Чрез все владенья Вражьи провлечен,
И, опозоренный, оставлен там.
А после, внидя в славу, одесную
Отца воссядет Сын, и восхвалят
Его превыше всех на Небесах.
Оттуда Он, когда настанет час
Крушенья мира этого, сойдет
Во славе и могуществе, судить
Живых и мертвых; осудив навек
Отступников, Он верных наградит
Блаженством в Небесах иль на Земле;
Ведь Раем станет вся Земля тогда,
Эдемский далеко превосходя
Необозримостью счастливых дней».

Он смолк, великий ознаменовав
Период мировой, а Пращур наш
С восторгом изумленья возгласил:
«— О, Благодать, без меры и границ,
От Зла родить способная Добро
И даже Зло в Добро преобразить!
Ты чудо, большее того, что свет,
При сотворенье мира извлекло
Из мрака. Я сомненьем обуян:
Раскаиваться ль должно о грехе
Содеянном иль радоваться мне,
Что к вящему он благу приведет
И вящей славе Божьей, вящей ласке
Господней людям и торжествованью
Над гневом — милосердья. Но скажи,
По вознесению на Небеса
Спасителя, как сохранится горсть
Немногих верных средь неверных толп
Враждебных истине? Кто защитит
Приверженцев, кто станет их вождем?
Не будут ли Его ученики
Преследуемы злобою врагов
Ожесточенней, чем Учитель сам?»

«— О да! — ответил Ангел,— но с Небес
Он верным Утешителя пошлет;

Отца обетованье, Дух Святой
Вселится в них, в сердцах запечатлев
Закон, любовью действующей веры,
Дабы вести по правому пути;
Духовною вооружит броней,
Противостать способной Сатане
И огненные стрелы угасить
Геенские. Гонители ничем
Богобоязненных не устрашат,
Ни даже смертью. В собственной душе
Награду за мытарства обретя
И утешенье, твердостью не раз
Они превыше меры изумят
Мучителей свирепых, ибо Дух,
Сошедший на Апостолов сперва,
Отосланных народам возвестить
Евангелье, вселившийся потом
Во всех крещеных, дивные дары
Посланцам даст: на разных языках
Они заговорят и чудеса,
Подобно тем, что сотворял Господь,
Творить возмогут, множество людей,
Народностей различных и племен,
К приятью радостному наклонят
Благой небесной вести. Завершив
Земное поприще и на письме
Учение оставив и рассказ
О тех событиях, уснут навек.
Как предрекли Апостолы, придут
На смену волки лютые, приняв
Личину пастырей и обратят
Святые таинства Небес на пользу
Корысти и гордыни, затемнив
Преданьями и лживостью доктрин
И суеверьем — Истину, чей свет
В святых лишь свитках чистым сохранен
И только Духом Божьим постижим.
К высоким званьям, к почестям они
Стремиться будут и мирскую власть
Захватят, утверждая, что одной
Духовной властью правят; Божий Дух
Присвоят, уделяемый равно,
По обещанью, верующим всем.
Такое притязанье подстрекнет

Власть плотскую связать любую совесть,
Насильственно законы предписав
Духовные, которых в свитках нет,
И Дух Святой в сердцах не начертал.
Они хотят над духом Благодати
Господствовать и спутницу его,
Свободу, подневолить, разорить
Живые храмы, созданные верой,
Но собственною верой, не чужой.
Кто, совести и вере вопреки,
Себя непогрешимым на Земле
Почесть посмеет? Многие дерзнут,
И тяжкие наступят времена,
Для поклоняющихся Божеству
Лишь в истине и духе, сохранив
Неколебимость. Бóльшая же часть
Людей в обрядах внешних предпочтет
И в благолепье внешнем проявлять
Обязанности веры. Тучей стрел
Злоречия израненная, прочь
Отступит Истина, и станут редки
Свершенья веры. Возлюбивший злых
И пагубный для добрых, этот мир
Сам горько восстенает под своим
Невыносимым бременем, пока
Обетованный не настанет срок,
Что праведным отраду принесет,
А грешникам — возмездье. В оный день
На помощь Семя явится Жены,
Недавно возвещенное тебе
В пророчестве туманном, но теперь
Тобой, как твой Спаситель, твой Господь,
Осознанное. Он на облаках,
Во славе Отчей, явленный с Небес,
В последний раз на Землю низойдет,
Чтоб в корне уничтожить Сатану
И мир его растленный заодно.
Тогда Вселенную испепелит
Огнь пожирающий, дабы опять
Из возгоревшегося вещества,
Очищенного пламенем, Земля
И Небо новые произошли.
Наступят бесконечные века,
На правосудье, истине, любви

Основанные прочно; их плоды:
Отрада и блаженство без предела».

Он смолк. Адам промолвил под конец:
«— Благой провидец! Вещий твой глагол
С какою быстротою охватил
Мир преходящий этот и времен
Теченье, до поры, когда оно
Замрет недвижно! Дальше — бездна, вечность;
Ее границ ничей не в силах взор
Достичь. Ты просветил меня вполне,
И я теперь отсюда удалюсь
Вполне спокойный. Столько приобрел
Я знанья, сколько мог вместить сосуд
Скудельный мой. Безумьем обуян
Я был, желая большее познать.
Отныне знаю: высшее из благ —
Повиновение, любовь и страх
Лишь Богу воздавать; ходить всегда
Как бы пред Богом; промысел Творца
Повсюду видеть; только от Него
Зависеть, милосердного ко всем
Созданиям Своим. Он Зло Добром
Одолевает, всю земную мощь —
Бессильем мнимым; кротостью простой —
Земную мудрость. Я теперь постиг,
Что пострадать за правду — значит подвиг
Свершить и наивысшей из побед
Добиться; что для верующих смерть —
Преддверье жизни. Это преподал
Пример Того, кто ныне мне открыт
Как мой Спаситель, Искупитель мой,
Да будет Он благословен вовек!»

Равно ответил Ангел напоследок:
«— Постигнув это — знаньем овладел
Ты полностью и не питай надежд
На большее, хотя бы имена
Всех звезд узнал и всех эфирных сил,
Все тайны бездны, всё, что создала
Природа, всё, что в Небе, на Земле,
В морях и воздухе сотворено
Всевышним; и хотя бы этот мир
Все блага и утехи дал тебе

И ты бы самовластно правил им,
Как царством собственным. Но ты дела,
В пределах знанья твоего, прибавь,
К ним веру, воздержание, терпенье,
И добродетель присовокупи,
И ту любовь, что будет зваться впредь
Любовью к ближнему; она — душа
Всего. Тогда не будешь ты скорбеть,
Утратив Рай, но обретешь иной,
Внутри себя, стократ блаженный Рай.
С вершины созерцанья нам пора
Спуститься. Наступил урочный час
Уйти отсюда. Стража, посмотри,
Оставленная мною на холме,
Ждет приказанья двинуться в поход,
А перед строем грозные круги
Пылающий описывает меч
В знак твоего изгнанья. Здесь нельзя
Нам дольше быть. Ступай же, разбуди
Праматерь Еву. Я навеял ей
Утешный сон, что, благо возвестив
Грядущее, к покорству наклонил
И кротости. Поздней перескажи
Все то, что от меня ты услыхал,
В особенности веру в ней упрочь,
Поведав, что великое спасенье
Людского рода Семенем Жены
Осуществится, что оно придет
От Евиного семени. Итак,
Единомысленно, единоверно,
В согласии живите много дней,
Скорбя, не без причины, о былой
Беде, но пересиливая скорбь
Предвиденьем отрадного конца».

Он досказал. Они сошли с горы.
К семейной куще поспешил Адам,
Где пробудилась Ева и такой
Негрустной речью встретила его:
«— Откуда ты вернулся, где ты был,
Мне ведомо; ведь и во сне Господь
Присутствует и назидает нас
Виденьями. Когда я, утомясь
Надсадой сердца, горькою тоской,

Забылась, Бог навеял вещий сон,
Что некое предсказывает мне
Большое благо. Но теперь веди!
Последую немедля; ни на миг
Не задержусь. Уйти с тобой вдвоем —
Равно продленью пребыванья здесь,
В Раю. Остаться же одной — равно
Утрате Рая. Для меня ты всё
Под Небом; для меня ты вся Земля,
Все области земные, только ты,
Из Рая изгоняемый за грех
Мой добровольный. Впрочем, уношу
Одну отраду: по моей вине
Стряслось несчастье, но произойдет,
По милости, которою отнюдь
Не по заслугам я награждена,
Обещанное Семя от меня
И все потерянное возвратит!»

Так молвила Праматерь. Ей супруг
Внимал с восторгом, но безмолвно, ибо
Стоял вблизи Архангел, и с холма
Спускался, направляясь на посты,
Строй Херувимов блещущих, горя
Подобно метеорам; их ряды
Скользили: так туманы ввечеру,
Взмыв над рекою, вдоль болот плывут,
К тропинке льнут и лепятся к стопам
Сельчанина, идущего домой.
Высоко перед строем пламенел,
Пылая словно гневная комета,
Господень меч; его палящий жар
И жгучие пары, как знойный ветр
Ливийский, начинали иссушать
Приятный воздух райский. Михаил
Поспешно предков медлящих повел,
Взяв за руки, к восточной стороне,
К Вратам, и столь же быстро со скалы
Спустился с ними в дол; потом исчез.

Оборотясь, они в последний раз
На свой недавний, радостный приют,
На Рай взглянули: весь восточный склон,
Объятый полыханием меча,

Струясь, клубился, а в проеме Врат
Виднелись лики грозные, страша
Оружьем огненным. Они невольно
Всплакнули — не надолго. Целый мир
Лежал пред ними, где жилье избрать
Им предстояло. Промыслом Творца
Ведомые, шагая тяжело,
Как странники, они рука в руке,
Эдем пересекая, побрели
Пустынною дорогою своей.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ Ю. КОРНЕЕВА

К ШЕКСПИРУ

К чему тебе, Шекспир наш бесподобный,
Величественный памятник надгробный?
Над местом, где твой прах святой зарыт,
Не надо строить вечных пирамид —
Заслуживаешь бóльшего по праву
Ты, первенец молвы, наперсник славы.
В сердцах у нас себе воздвиг ты сам
Нетленный и слепящий взоры храм.
Тебя не обессмертило ваянье,
Но множатся твоих трудов изданья,
И глубиной дельфийских строк твоих
Ты так дивишь всех, кто читает их,
Что каменеем мы от восхищенья,
И мрамор нашего воображенья
Идет тебе на монумент такой,
Под коим рад бы спать монарх любой.

ЭПИТАФИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОЗНИЦЕ

Здесь Хобсона почтенного могила.
Смерть в грязь его на отдых уложила,
Не то б старик в ней все равно увяз —
Дороги развезло теперь у нас.
Ловчее мир не видел человека,
И ведай смерть, что чуть ли не полвека

Меж Кембриджем и «Буллом» он сновал,
Однако шею так и не сломал,
Возница наш досель бы жил на свете.
Но прервала чума поездки эти,
И, мня, что прикатил наш вояжёр
На свой последний постоялый двор,
Коль не спешит в дорогу, как бывало,
Смерть роль служанки для него сыграла,
Свела его туда, где ждал ночлег,
Раздела — и задула свет навек.
Так пусть ответят всем, кому он нужен:
«Наш Хобсон опочил, доев свой ужин».

ВТОРАЯ ЭПИТАФИЯ ЕМУ ЖЕ

Лежит здесь тот, кто жить и ныне б мог,
Когда бы не покинул облучок:
Он человек был крепкого закала,
Которому судьба предначертала
В пути быть постоянно для того,
Чтоб не сумела смерть настичь его.
Хоть время служит мерою движенья,
Движеньем время мерил он с рожденья
И, как часы, чей прекратился бег,
Остановясь на миг, умолк навек.
Хоть в парадоксы здесь не след пускаться,
Замечу, что от длительных вакаций
Он не набрался, а лишился сил
И дух не перевел, а испустил,
Свое здоровье подорвав бездельем,
От коего лечился добрым элем.
Он рек пред смертью: «Будет хлопотня!
Раз я не еду, пусть несут меня.
Хоть клясться — грех, клянусь: один возница
Не даст шести носильщикам лениться».
От легкой жизни сгрыз его недуг —
Настолько в тягость был ему досуг,
И счел он праздность за такое бремя,
Что понял: умирать настало время,
Но и в последний миг твердил одно:
«Грузи смелей — доедем все равно!»

Ах, если б он свое не бросил дело,
Ему б вовек кончина не приспела,
И регулярней, чем отлив идет
Приливу вслед, возил бы взад-вперед
Он пассажиров, письма и пакеты.
А вот теперь его меж нами нету —
В земле почиет он спокойным сном.
Лишь эта надпись говорит о нем.

ЭПИТАФИЯ МАРКИЗЕ УИНЧЕСТЕР

Под мрамором, что здесь стоит,
Маркиза Уинчестер спит,
Чей дед был граф, виконт — родитель.
В свою подземную обитель
Она с собою унесла
Ум и таланты без числа
В придачу к красоте и сану.
Увы, пришлось ей слишком рано,
Всего лишь двадцати трех лет,
Навек покинуть этот свет!
Судьба отмерила ей годы
Скупей, чем милости природа,
Не то б досель была она
Везде хвалой окружена.
У той, чей лик пленял все взоры,
Сердечный друг нашелся скоро,
И, вняв желаньям девы, к ней
Бог брака светлый Гименей
С гирляндой свежих роз явился,
Но кипарис меж ними вился,
И факел, что пришлец держал,
Не пламенел, а лишь мерцал.
Едва матроны молодые
Ее поздравили впервые
С наследником, как ей опять
Пришлось Люцину призывать.
Но Атропа, а не Люцина
С небес приспела на родины,
И погубил ее приход
Как древо, так и юный плод:

Был, не родившись, похоронен
Младенец в материнском лоне,
А вслед затем обрел покой
В земле и склеп его живой.
Так иногда побег зеленый,
Морозом зимним пощаженный,
Теряет жизнь лишь оттого,
Что невзначай пастух с него
Сорвет бутон полураскрытый,
Дождями первыми омытый.
Как будто насмерть поражен,
Бессильно поникает он,
И кажется роса, что утром
На нем сверкала перламутром,
Следами горьких слез, о нем
Пролитых помрачневшим днем.
Пусть, леди милая, в гробнице
Твоим останкам мирно спится!
Твой труд безмерно был тяжел:
Чтобы другой в сей мир пришел,
До срока ты сошла в могилу,
Где сладость отдыха вкусила.
Горюет о тебе, стеня,
Не только знатная родня —
Весь Геликон рыдает ныне,
Услышав о твоей кончине,
И к месту, где почила ты,
Приносим вешние цветы
Мы с берегов родного Кема,
От безысходной скорби немы.
А ты теперь в раю живешь
С той, чей удел на твой похож;
С той, что страдала от бесплодья,
Пока не дал на свет господь ей
Иосифа произвести
И вновь от мужа понести;
С той, чьи вторые роды были
Так трудны, что ее убили,
И вознеслась она туда,
Где мир и свет царят всегда,
Где ты, маркиза, вместе с нею,
Подругой новою своею,
В лучах немеркнущей зари
Пребудешь выше, чем цари.

ПО СЛУЧАЮ СВОЕГО ДВАДЦАТИТРЕХЛЕТИЯ

Мне двадцать три, и Время, этот вор,
Неуловимый, дерзкий, быстрокрылый,
Уносит дни моей весны унылой,
Так и не давшей всходов до сих пор.

Но лишь в обман ввожу, быть может, взор
Я внешностью ребячливой и хилой,
Превосходя в душе сокрытой силой
Иного, кто на мысль и дело скор.

И все ж — спешить иль медлить я обязан,
Иду к высокой цели иль ничтожной
И близок от нее или далек

По воле провиденья непреложной —
Благословен мой путь: он предуказан
Тем, кем мне задан мой земной урок.

ЭЛЕГИИ

ЭЛЕГИЯ I

К Карло Диодати

Вот и утешен я, друг, твоим долгожданным посланьем!
Весть о тебе наконец строки его принесли
Из достославного Честера, гордо вознесшего стены
Там, где, на запад катясь, в море вливается Ди.
Рад я, что жив и здоров в краю, столь далеком отсюда,
Юноша, чья голова мне, как своя, дорога,
Тот, чье сердце меня и в разлуке по-прежнему любит,
Тот, с кем свидание мне вскоре пошлют небеса.
Крепко прикованный к городу над многоводною Темзой,
Не стосковался ничуть я по родной стороне,
Не тороплюсь возвратиться на Кем, тростниками поросший,
В келью мою не прошу доступ мне вновь разрешить.
Скудны там тенью поля, и видеть их нету желанья:
Фебовым худо сынам в этих унылых местах!
Мне постоянным брюзжаньем угрюмый наставник наскучил,
Больше придирки его я не намерен терпеть.
Если зовется изгнанием жизнь под отеческим кровом,
Где удовольствиям я волен досуг посвящать,—
Доля изгнанника мне завидною кажется долей,
Имя его предпочту я всем другим именам.
О, если б древле Овидию в ссылке томийской суровой
Был ниспослан судьбой столь же счастливый удел,
Он бы в искусстве своем затмил ионийца Гомера,
Бóльшую славу стяжал, чем мантуанец Марон!
Снова теперь я время нашел для служения музам
И целиком поглощен книгами, жизнью моей.

Если ж устану, меня привлекают шумливая сцена
И рукоплещущий зал в пышно убра́нный театр,
Где предстают нам с подмостков скупец или алчный наследник,
Воин в мирные дни или влюбленный юнец.
Там крючкотвор, раздобревший от тяжбы, ведомой лет десять,
Варварской речью своей с толку сбивает невежд;
Там в увлеченьях любовных хозяйскому сыну потатчик,
Водит слуга продувной за нос тирана-отца;
Там, вся горя, но понять не в силах, что это за пламя,
Дева уже влюблена, хоть и не знает любви;
Там потрясает Трагедия яростно скиптром кровавым,
Дико глазами водя и волоса разметав.
Стражду я, но смотрю, и смотреть мне отрадно, страдая.
Сладкой печали своей выход в слезах я даю,
Видя, как мальчик несчастный, чья страсть не встречает ответа,
Гибнет, еще не успев в жизни утехи познать;
Как из-за Стикса к живым является мститель жестокий,
И леденит их сердца факел зловещий его;
Как воздается Креонту за кровосмешение предков;
Как карает детей Ила с Пелопом судьба.
Только сидеть взаперти мне и дома и в городе скучно.
Быстротекущей весной я насладиться спешу,
Целыми днями гуляя под вязами в парке соседнем
Иль в благородной тени рощ подгородных бродя.
Часто мне там на пути встречаются девушки, звезды,
Чье дыханье и взор пламенем полнят мне грудь.
Ах, сколько раз я, как чуду, дивился их формам прелестным,
Мо́гущим юность опять старцу Крониду вернуть;
Блеску очей-самоцветов; румяным ланитам, чьи краски
Ярче светил, что вокруг полюсов мира бегут;
Шеям, своей белизной плечо превзошедших Пелопа
Или нектар, что разлит в небе на Млечном Пути;
Линиям чистым чела; волною струящимся кудрям,
Этим сетям золотым, что расставляет Амур,
И пурпурным устам, по сравненью с которыми бледным
Мы, без сомненья, сочли б твой гиацинт, Адонис!
Так уступите же первенство им, Героини былые,
Вы, кто Юпитером был тайно склонен ко греху,
Дочери Суз, и персидские пышноволосые девы,
И ниневиянки, цвет царства, где правил Мемнон,
И Данаиды, и в плен попавшие к грекам троянки,
И многославный в веках правнучек Ромула сонм!
Женам, чьи сто́лы белели в театрах Авзонии древней,
Пел тарпейский певец не по заслугам хвалу;

Меж чужестранками нет соперниц у девы британской;
Пусть же местом вторым будут довольны они!
Счастлив ты, людный Лондиниум, город в короне из башен,
Что дарданцами был в давние дни заложён:
Все, что прекрасного есть в подлунном изменчивом мире,
Кров себе и приют в стенах находит твоих.
Звезд, этих верных служанок возлюбленной Эндимиона,
Меньше в небе ночном, чем на твоих площадях
Дев златокудрых, к себе влекущих и взоры и мысли
Свежестью и красотой черт и движений своих.
Мнится, сюда в колеснице, что стаей голубок влекома,
Ныне Венера сама с сыном-стрелком прибыла,
Эту страну предпочтя берегам Симоэнта и Книду,
Ради нее позабыв Пафос и розовый Кипр.
Вот почему и покину я эти счастливые стены,
Прежде чем мальчик-слепец ранить успеет меня.
С помощью Моли божественной цепи соблазнов Цирцеи
Я отряхну, убежав тайно из царства ее.
Все решено: к берегам камышом окаймленного Кема
В шумную школу свою я возвращаюсь опять,
И в ожидании встречи нехитрые дистихи эти,
Друг мой, тебе от души в дар поднести разреши.

ЭЛЕГИЯ IV

Наставнику моему Томасу Юнгу, капеллану товарищества английских купцов в Гамбурге

Мчись, о посланье мое, по шири бескрайнего моря,
Что многошумной волной в берег тевтонский стучит.
Пусть никакая помеха тебя не задержит в дороге,
Пусть не замедлится твой ни на мгновенье полет.
Я же Эолу, который в своей сицилийской пещере
Держит ветра на цепи, и зеленовласым богам,
И синеокой Дориде, и нимфам ее помолюся,
Чтобы их царство они дали тебе пересечь.
Так превзойди быстротой драконов, которых Медея
Встарь в колесницу впрягла, чтобы от мужа бежать,
Или тех змеев, которыми в Скифию из Элевсина
Был принесен Триптолем, вестник Деметры благой,
И чуть вдали забелеет Германии берег песчаный,
Свой стремительный бег в Гамбург богатый направь,
В город, что, как говорят, был назван по имени Гамы,
Коего кимвр-великан палицей тяжкой сразил.

Там обитает священник, известный своим благочестьем,
Опытный не по годам пастырь христовых овец.
Он — от меня половина, нет, более, чем половина,
Так как я без него лишь полужизнью живу.
Ах, для чего и за что разделен по велению неба
Множество гор и морей я со вторым своим «я»!
Он мне дороже, чем ты, мудрейший философ Эллады,
Был Клиниаду, чей род от Теламона пошел,
Или тому, кто зачат хаонийкой и Зевсом Ливийским,
Был уроженец Стагир, славный наставник его.
Он для меня — то же самое, что для царя мирмидонян
Феникс, Аминтора сын, чадо Филиры Хирон.
С ним я впервые взошел по склонам горы Аонийской
К рощам священным на двух острых вершинах ее;
С ним же, по милости Клио, в ключе Пиэрид я, счастливец,
Влагой кастальской уста трижды успел омочить.
Но вот уж трижды Этон с Овном на бегу повстречался,
Трижды ему расцветив золотом новым руно;
Дважды украсила мир одеянием новым Хлорида,
Дважды зеленый наряд Австром был сорван с земли;
Я ж до сих пор не насытил глаза лицезрением друга,
Слух свой не мог усладить голосом кротким его.
Мчись, о посланье мое, чтоб Эвр за тобой не угнался.
Время не ждет, и не зря так тороплю я тебя.
Может быть, друг мой получит тебя за беседой с супругой
В миг, когда к мужу на грудь нежно склонится она;
Может быть, ты подоспеешь к нему, когда он над Писаньем
Иль над томами отцов церкви господней сидит,
Иль орошает росою целительной веры христовой
К пользе и славе ее ду́ши, нетвердые в ней.
Где ни застанешь его, поздоровайся с ним поучтивей
И за меня повтори все, что сказал бы я сам.
Главное ж — не позабудь, смиренные очи потупив,
К речи, что скажешь ему, вот что присовокупить:
«Вникни, когда улучишь передышку в сражениях с Музой,
В эти стихи, что тебе друг из Британии шлет.
Не погнушайся приветом сердечным, хотя запоздалым —
Он от задержки всегда только приятней вдвойне.
Разве приветствием мужним Икария дочь, Пенелопа
Пренебрегла потому, что запоздал он в пути?
Но для чего я ищу оправданья вине несомненной,
Тяжесть которой признал тот, кем написано я?
Он преисполнен стыдом за то, что промедлил так долго
Там, где ему поспешить властно предписывал долг.

Грешник, свой грех осудивший, заслуживает снисхожденья.
Тот, кто прощенья взалкал, наполовину прощен.
Зверь самый дикий — и тот не тронет испуганной жертвы:
Лев не терзает того, кто без движенья лежит.
Даже у ловких копейщиков, жестокосердых фракийцев
Крик о пощаде порой жалость в груди пробуждал.
Дланями, к небу воздетыми, молнию предотвращают;
Скромная лепта подчас гневных смягчает богов.
Долго пославший меня тебе написать порывался.
Дольше медлить с письмом дружба ему не дает,
Ибо молва, а она не лжет, сообщая о бедах,
Весть принесла, что кипит в землях саксонских война,
И полководцы-соперники к городу, где ты укрылся,
Из сопредельных краев буйные рати ведут;
Что по соседству с тобой Энио́ разоряет селенья
И обагряет поля кровью сраженных бойцов;
Что на Германию Фракию Марс променял беспощадный
И несется по ней на одрисийских конях;
Что пожелтела листва на вечнозеленой оливе,
И, не видя конца ужасам, на небеса
Вновь возвратилась богиня — вершительница правосудья,
Дева, чье сердце страшат медные вопли букцин.
Вынужден ты одиноко средь бедствий годины военной,
Зная заботы одни, жить в чужедальней стране,
Ибо лишь там ты нашел источники существованья,
Коих в отчизне своей так и не смог отыскать.
Родина, мачеха с сердцем, что тверже, чем белые скалы,
В чье основанье прибой бьет у твоих берегов,
Разве пристало тебе обходиться с сынами твоими
Так, чтоб спасались они за рубежом от нужды,
Чтоб в иноземных пределах себе пропитанья искали
Те, кто ниспослан в сей мир богом всеведущим был,
Дабы поняли мы, какою дорогою к звездам
Может душа воспарить, плотское бремя стряхнув?
Коль ты и впрямь такова, пусть голод духовный до смерти
Будет уделом твоим в вечной стигийской ночи!
Как не сравнить твои чада с Фесви́тянином Илиею,
Что принужден был бежать по каменистым тропам
В глубь Аравийской пустыни от рук нечестивца Ахава,
В ком сидонянка гнев против пророка зажгла;
Иль с киликийцем-апостолом, из эмафийских пределов
Изгнанным после того, как он отведал бичей;
Иль с Иисусом самим, кого с берегов Гергесинских
Неблагодарный народ силой заставил уйти?

Но ободрись, милый друг, и унынию не поддавайся,
Доступ в сердце твое бледному страху закрой.
Хоть и сверкают повсюду, куда ты ни глянешь, доспехи,
Хоть отовсюду грозят меткие стрелы тебе,
Меч не коснется ничей твоего беззащитного тела,
Кровью твоею никто дротик свой не обагрит.
Ты под эгидой господней пребудешь вовек невредимым.
Бог — и ограда твоя, и нерушимый оплот.
Вспомни, сколь многих мужей, служивших царю ассириян,
Он у Сионских ворот за ночь одну истребил;
Как и в горах, и в долине к бегству принудил отряды,
Что на Самарию встарь древний направил Дамаск;
Как, устрашая царей, рассеивал вражьи фаланги
В битвах, где воздух дрожал от завывания труб,
Где белый день померкал от пыли, копытами взбитой,
Где колесницы, как вихрь, сонный взметали песок
И оглашались просторы воинственным ржанием конским,
Лязгом и свистом клинков, гулом и топотом толп.
Так не теряй же надежды, последней утехи несчастных,
И неудачи свои стойко преодолевай,
Веря, что милостив бог, и минует лихая година,
И возвратишься опять ты под отеческий кров.

ЭЛЕГИЯ VII

Я не ведал еще, Аматузия, сколь ты всевластна,
Мне еще не обжег сердце пафосский огонь.
Стрелы твои, Купидон, считал я ребячьей игрушкой
И над величьем твоим дерзко смеялся порой.
«Мальчик,— твердил я,— ты лучше преследуй пугливых голубок —
Только такому врагу страх ты способен внушить;
Иль, настреляв воробьев, почти себя пышным триумфом:
Бóльших трофеев, дитя, ты не стяжаешь вовек.
Так для чего ты грозишь всему человечеству луком?
Твой дурацкий колчан ужас в мужей не вселит».
Эти насмешки лишь пуще разгневали сына Киприды,
Ибо бессмертного нет вспыльчивей, нежели он.
Дело было весной, и над городом день занимался,
Майским лучом озарив острые кровли домов;
Я же взор устремлял вослед отступающей ночи:
Был усталым глазам утренний свет нестерпим.

Вдруг у постели моей крылатый Амур появился.
Бога я сразу признал в нем по колчану его,
И величавой осанке, и ласково-грозному взору,
И полудетскости черт рдевшего гневом лица.
Был он прелестью схож с Ганимедом, Юпитеру милым,
Что на Олимпе нектар богу влюбленному льет,
Или с пленившим наяд и навеки похищенным ими
Гилом, который на свет Феодамантом рожден,
И не портил ее, а, напротив, усиливал только
Гнев, разгоравшийся в нем с каждым мгновеньем сильней.
Рек он: «Коль скоро, несчастный, примера других тебе мало,
Мощь десницы моей ныне изведаешь ты
И, оказавшись одной из жертв моего самовластья,
В людях почтенье ко мне казнью своей укрепишь.
Разве ты позабыл, что и сам победитель Пифона
Должен был передо мной гордую шею склонить?
Разве, к Пенеевой дочери страсть ощутив, не сознался
Феб, что больнее разят стрелы мои, чем его?
Даже парфяне, которые бегством победу стяжают,
Луком владеют не столь ловко и метко, как я.
Мне в искусстве стрельбы был не равен охотник кидонский,
Первенство в ней уступил женоубийца Кефал.
Верх неизменно я брал над Гераклом и другом Геракла.
Был побежден — и не раз — мною гигант Орион.
Вздумай предвечный Юпитер метнуть в меня молнию с неба,
Я бы ее упредил острой стрелою своей.
Если ж по-прежнему ты трепетать предо мной не желаешь,
Я в назиданье тебе в сердце тебя поражу,
И не надейся, глупец, что от ран защитит тебя муза
Иль уврачует змея Феба-целителя их».
Так он промолвил и, за спину лук золоченый закинув,
Скрылся, чтоб отдых вкусить на материнской груди.
Я же улыбкой ответил на эти ребячьи угрозы:
Страха мальчишка-божок мне ни на миг не внушил.
Часто гулял я тогда, подражая согражданам в этом,
То по садам городским, то по окрестным лугам.
Мимо меня взад-вперед то и дело со смехом сновали
Девы, чьи лица равны лику богинь красотой.
Полдень при их появлении вдвое светлей становился,
Делалось солнце само ярче от блеска их глаз.
Зрелище это в унынье меня не ввергало — напротив,
С юною пылкостью им тешил я душу и взгляд.

Ни подавить любопытство, ни скрыть восхищенье не в силах,
Я при встрече порой в очи им очи вперял.
Так и увидел меж них я ту, что всех прочих затмила,
Ту, чьи взоры во мне пламя недуга зажгли,
Ибо прекрасней ее не могла б и Венера казаться.
Счел я, что перед собой вижу царицу богов.
Гнев на меня затаив, Купидон мне подстроил ловушку:
С девой прекрасной меня он злоумышленно свел.
Спрятался неподалеку божок вероломный в засаде
И наготове держал стрелами полный колчан.
Время не стал он терять и, позицию быстро меняя,
С девичьих уст и ланит, персей, чела и ресниц
Мне в беззащитную грудь смертоносные стрелы направил.
Горе! Без промаха цель ими была пронзена.
Сердце зашлось у меня от боли, досель незнакомой.
Разом охвачен я был пламенем страстной любви.
Та же, кто в муке моей была мне единой утехой,
Скрылась, и не сумел взгляд мой ее отыскать.
Дальше пошел я растерянно, полон немою печалью,
Но не раз замедлял шаг, порываясь назад.
Тело покинув, мой дух стремился вослед незнакомке.
Плакал я, чтоб облегчить горечь потери своей.
Так об утраченном небе, откуда был сброшен на Лемнос,
Сын Юноны Вулкан после паденья скорбел.
Так и Амфиарай, с колесницею в Орк низвергаясь,
Взоры назад устремлял вслед исчезавшему дню.
Что же мне делать, несчастному? Сломленный бременем горя,
Я не могу ни любить, ни позабыть о любви.
О, если б вновь довелось мне свидеться с милою девой,
Я бы поведал в слезах ей о терзаньях своих!
Может быть, все же душа у нее адаманта не тверже;
Может быть, внемет она скорбным моленьям моим...
Разве страдал кто-нибудь от любовного пламени горше?
Всем, кто влюблен, я могу страшным примером служить.
Так пощади, Купидон! Коль скоро любовь — это нежность,
Быть жестоким тебе, богу любви, не к лицу.
Я необорным оружием лук твой считаю отныне;
Верю, что стрелы твои ранят больней, чем огонь.
На алтарях твоих храмов дары мои будут дымиться:
Первый и высший теперь ты для меня меж богов.
Я умоляю: избавь от мучений меня! Нет, не надо;
Ибо — бог весть почему — сладок любовный недуг.
Не откажи лишь в одном: уж коль суждено мне влюбиться,
Одновременно стрелой сердце нам с девой пронзи.

ЭПИГРАММЫ

НА ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР

Фокс, посягая на жизнь короля и всех лордов британских,
Ты лицемерно решил — иль я не понял тебя? —
Выказать кротость отчасти и делом лжеблагочестивым
Хоть для виду смягчить мерзостный умысел свой.
Вот почему вознамерился на колеснице из дыма
И языков огня ты их поднять до небес.
Словно пророка, который был некогда пламенным вихрем
В рай с иорданских полей, Парке назло, унесен.

НА НЕГО ЖЕ

Уж не мечтал ли ты, зверь, в берлоге своей семихолмной
Этим путем короля на небеса вознести?
Коль от кумира, которому служишь ты, польза такая,
Просим тебя мы услуг впредь не оказывать нам,
Ибо и без твоего сатанинского взрыва Иаков,
С жизнью простясь, воспарил к звездам в назначенный час.
Лучше свой порох истрать на идолы и на монахов,
Толпы которых сквернят впавший в язычество Рим:
Ведь, не взорвавшись, они вовеки не смогут подняться
Вверх по тропе, что ведет нас от земли к небесам.

НА НЕГО ЖЕ

Вздором смешным почитал Иаков чистилища пламя,
Через которое в рай якобы входит душа.
Десятирогая гидра с тройною латинской тиарой,
Слыша насмешки его, так пригрозила ему:
«Вышутил ты мои таинства, веру мою презираешь,
Помни, британец: тебе этого я не прощу,
И, коль под куполом звездным тебе предназначено место,
Лишь через пламя к нему путь ты проложишь себе».
О, сколь угрозы чудовища были от истины близки!
Миг промедленья — и стать делом могли бы слова,
И над столицей взметнулось бы адское пламя волною,
В небо на гребне своем прах короля унося.

НА НЕГО ЖЕ

Фурий на короля натравливал Рим нечестивый,
Всюду грозился его Стиксу и Орку обречь;
Ныне ж его вознести мечтает до звездного неба,
Чтобы он в воздух взлетел выше жилища богов.

ИЗОБРЕТАТЕЛЮ ПОРОХА

По неразумию древние так восхваляли титана,
Чьим раченьем с небес людям огонь принесен:
Тот, кто громовый трезубец сумел у Юпитера выкрасть,
Бóльшую славу стяжал, чем Япетид Прометей.

ПЕВИЦЕ-РИМЛЯНКЕ ЛЕОНОРЕ

К каждому — помните, люди! — приставлен с рожденья до смерти
Некий ангельский чин, чтобы его охранять.
Но, Леонора, ты взыскана бóльшею честью: мы чуем,
Внемля тебе, что господь рядом витает с тобой.
Да, сам господь, с небес низлетев, непостижный свой голос,
Преображающий нас, в горло влагает твое
И приучает тем самым заранее к звукам бессмертным,
Исподволь и не спеша, смертные наши сердца.
Всюду бог и во всем, но хранит он об этом молчанье
И лишь в пенье твоем близость свою выдает.

ЕЙ ЖЕ

Тезкой твоею пленясь, другой Леонорой, Торкватo
Был когда-то с ума страстью своею сведен.
Бедный поэт! Сколь счастливей он был бы, лишившись рассудка,
Из-за тебя в наши дни: он услыхал бы тогда
Пенье твое пиэрийское под материнскую лиру,
Струны которой от сна длань пробуждает твоя.
И хоть от муки глаза у него из орбит выступали,
Как у Пенфея, и он, бредя, сознанье терял,
Это смятение чувств, исступление это слепое
Ты бы в нем уняла голосом нежным своим,
И, успокоив его, ему возвратила бы разум
Песня твоя, что сердца трогает, движет, целит.

ЕЙ ЖЕ

Зря, легковерный Неаполь, бахвалишься ты алтарями,
Что воздвигаются в честь Ахелоиды тобой;
Зря утверждаешь, что с пышностью предал земле Партенопу,
После того как она бросилась в море со скал.
Эта сирена жива, но шумный прибой ей наскучил
И Позилиппо она переменила на Тибр,
Где стяжала любовь и восторг обитателей Рима,
Смертных, равно как богов, пеньем пленяя своим.

* * *

Кто холоден к тебе, чьей красотой
В долине Рено горды без предела,
Чье имя край окрестный облетело,
Тот — человек ничтожный и пустой.

Всех женщин ты затмила чистотой,
И прелестями (о которых смело
Скажу: они — Амура лук и стрелы),
И разумением, и добротой.

Чарует слух твой разговор, а пенье
Способно даже камни взволновать,
И слышать дивный голос твой опасно

Нам, не достойным звук его впивать:
Ведь там, где вспыхнет искра восхищенья,
Не может не заняться пламень страстный.

* * *

Как холит ею встреченный в горах
Цветок долин пастушка молодая,
Его перед закатом поливая,
Чтоб он на скудном грунте не зачах,

Так и чужой язык в моих устах
Рачением твоим, Любовь благая,
Расцвел еще пышней, чем речь родная,
И стал я милой петь хвалу в стихах,

Которые оценят здесь, на Арно,
Но не поймет на Темзе мой народ.
Пускай же, словно в почве благодарной,
В моей груди привьется и взрастет

То семя, что заронено чудесно,
Туда тобой, садовницей небесной.

КАНЦОНА

Терплю насмешки здесь я вновь и вновь
От юношей влюбленных и от дам
За то, что воспевать в стихах решаюсь
На чужестранном языке любовь.
«Скинь,— мне они бросают, потешаясь,—
С плеч непосильный груз и по волнам
Плыви к иным, знакомым берегам,
Где ждут тебя шумливые дубравы,
В тени которых слава
Венок бессмертья для твоих кудрей
Уже сплетает из листвы зеленой».
Но я словами госпожи моей
Отвечу им в конце своей канцоны:
«Пиши на нашем языке родном,
Затем что говорит Любовь на нем».

* * *

Не знаю, Диодати, как я мог
Так измениться за одно мгновенье,
Чтобы к Любви, внушавшей мне презренье,
Неосторожно угодить в силок.

Пусть ни златых кудрей, ни алых щек
У милой нет, зато ее движенья —
Достоинства и неги воплощенье,
А взор меня, как молния, обжег.

Язык любой страны иноплеменной
В ее устах способен слух пленять;
Когда же запоет она, сирена,
Не тщусь я даже уши залеплять —

Ведь в пении ее так много пыла,
Что воск оно немедля б растопило.

* * *

Глаза у вас — два солнца, от огня
Которых меркнет взор мой ослепленный:
Ведь в Ливии, жарою истомленной,—
И то не так палит светило дня.

Во мне клокочет, грудь мою тесня,
Какой-то пар, сухой и раскаленный —
Хоть вздохом бы назвал его влюбленный,
Слов, чтоб его назвать, нет у меня.

Днем, госпожа, он заперт, как в темнице,
А если ночью вырвется порой,
То сразу остывает и ресницы
Мне жжет соленой ледяной росой,

И вас, моя заря, от мук рыдая,
Без сна я до рассвета ожидаю.

* * *

Я, госпожа, так юн, так прост подчас,
Что лучше уж признаюсь откровенно:
Да, сердце вам я посвятил смиренно.
Оно, конечно, недостойно вас,

Но,— в чем и убеждался я не раз,—
Не грубо, не коварно, не надменно,
К добру не глухо, в чувствах неизменно,
В житейских бурях твердо, как алмаз,

Не чуждо музам и высоким даром
Слагать певучий стих наделено,
И равнодушно к зависти стоокой,

И низкой лестью не уязвлено,
И только там чувствительно к ударам,
Где в нем сидит стрела Любви жестокой.

L'ALLEGRO[1]

Прочь, Меланхолия! Исчезни,
Дочь Цербера и тьмы! Вернись скорей
На Стикс, в страну теней
И призраков, стенящих в адской бездне.
Или ищи приют
Там, где крылом ревнивым ночь ширяет
И черный ворон грает —
В той Киммерии, где нагие скалы
Над степью одичалой,
Как космы у тебя на лбу, встают.

Дай место здесь иной богине —
Яснооκой Евфросине.
К нам, о Радость, как зовем
Мы на языке земном,
Тебя, дочь Вакха и Венеры,
Хоть не дать не можем веры
И таким певцам, что нас
Уверяют, будто раз
Встретился весной с Авророй
Озорной Зефир, который
С ней возлег в траве густой
Меж роз, обрызганных росой,
И плод его свиданья с нею —
Ты, кто из Граций всех милее!
Принеси нам шутки с неба,
И улыбки, как у Гебы,
Те улыбки, что таит
Юность в ямочках ланит,

[1] Веселый *(итал.)*.

Смех, целящий от кручины
И стирающий морщины,
Игры, плутни, пыл, задор,
Непринужденный разговор.
К нам стопою торопливой,
Словно в пляске прихотливой,
Порхни и приведи с высот
Свободу, что в горах живет.
Радость, чтя тебя, пребуду
Я с тобой всегда и всюду,
Деля с толпою слуг твоих
Невинные забавы их —
Под утро жаворонку внемля,
Когда, как сторож с башни, землю
Он песней будит из-за туч,
Пока не вспыхнет первый луч;
Назло всем горестям, бросая
Приветливое «Здравствуй!» маю,
Глядящему ко мне в окно,
Что лозой оплетено;
Слушая, как криком кочет
Мглу прогнать скорее хочет
И вывести своих подруг
Спешит из птичника на луг,
Как лают псы в тиши рассветной,
И вслед им голос рога медный
Катится от холма к холму,
И эхом вторит лес ему;
Иль гуляя одиноко
Меж вязов в час, когда с востока
По облакам грядет заря
В зареве из янтаря,
И за плугом пахарь свищет,
И пастух скликает, ищет,
Гонит на пастьбу овец,
И вострит косу косец,
И оглашает склоны дола
Коровницы напев веселый.

Все новые красоты взгляд
Повсеместно веселят:
Синих гор нагие кручи,
Где вкушают отдых тучи;
Серых пустошей чреда,

Где, пасясь, бредут стада;
Луговин ковры цветные;
Реки и ручьи лесные,
И над зеленью дубров
Кромка башенных зубцов,
Где, может быть, приют находит
Та, кто с ума округу сводит.
А вон над хижиною дым.
Там Коридон и Тирсис с ним
Сидят за скромною едою,
Что им Филлидой молодою
На стол поставлена была.
Она ж сама давно ушла
И с Фестилидой вяжет в поле
Тяжелые снопы, а коли
Хлеб для уборки не созрел,
Хватает им и с сеном дел.

Но, видно, нынче воскресенье,
Коль приглашает нас в селенье
Колокольный перезвон,
Что звучит со всех сторон.
Там пляшут под ребек селяне
В тенистой роще на поляне,
Там веселится стар и млад,
А когда сверкнет закат,
Всем добрый эль язык развяжет,
И каждый что-нибудь расскажет.
О Мэб заводит речь одна:
Мол, эта фея озорна
И сласти по ночам ворует.
Другой о домовых толкует —
О Джеке с фонарем, о том,
Как Гоблин к ним забрался в дом,
Взял кринку сливок и за это
Так много им зерна до света
Успел намолотить один,
Что впору дюжине мужчин.
Затем косматый гость наелся,
У очага чуть-чуть погрелся,
Шмыгнул за дверь и был таков
Еще до первых петухов.
Но вот пришел конец рассказам,
И все ко сну отходят разом.

Нас же в города влечет,
Где, шумя, снует народ;
Где лавры рыцарь и вельможа
Стяжают и в дни мира тоже
Умом или клинком своим,
А дамы присуждают им
За смелость щедрые награды —
Обворожающие взгляды;
Где факелом бог Гименей
В шафранной мантии своей
На свадьбах озаряет пляски,
Застолье, представленья, маски —
Картины, что себе поэт
В мечтах рисует с юных лет.
Теперь в театр! Там Джонсон бурный
Надел ученые котурны
И сын фантазии Шекспир
Дивит сладчайшей песней мир.
Там без забот, не знаясь с грустью,
Лидийской музыкой упьюсь я;
И со стихом бессмертным слив
Змеею вьющийся мотив,
То робкий, то безмерно страстный,
Проникнет пенье в душу властно,
И, вновь умиротворена,
До дна исполнится она
Гармониею прирожденной,
От всех оков освобожденной;
И дивным звукам вняв сквозь сон,
Орфей в Элизии, где он
Спит на цветах, вспоенных Летой,
Сочтет, что можно песней этой
Опять Плутона укротить
И Эвридику возвратить.

Радость, дай мне это счастье,
И в твоей навек я власти.

IL PENSEROSO[1]

Прочь, Радости, химеры,
Которые бездумьем рождены!
Как мало вы нужны

[1] Задумчивый *(итал.)*.

Душе, взалкавшей знания и веры!
Царите в тех умах,
Что предаются с пылом беззаботным
Фантазиям, бессчетным,
Как сны, ночной эскорт Морфея, или
Частицы мелкой пыли,
Танцующие в солнечных лучах.
Богиня мне мила другая —
Ты, Меланхолия благая,
Чей лик нарочно зачернен,
Затем что слишком светел он
Для слабого людского взора;
Но это чернота, которой
Лишь умножалась прелесть той,
Кому Мемнон был брат родной,
Иль царственной Кассиопеи,
Дерзнувшей дочерей Нерея
Прогневать похвальбой своей.
К тому ж твой род стократ знатней:
Родитель Весты светлокудрой,
Тебя Сатурн с ней прижил мудрый —
Когда над миром он царил,
Такой союз за грех не слыл.
Не ведая, что свергнет с трона
Его Юпитер беззаконно,
Бог проводил нередко дни
На Иде с ней в лесной тени.
Отшельница, ты вся — терпенье,
Раздумье, самоотреченье!
Надень наряд, чей черен цвет,
И пускай тебе вослед
Струится он волною темной,
Окутай сто́лой плечи скромно
И низойди ко мне, но так,
Чтоб был величествен твой шаг
И, зеркало души крылатой,
Был холодней, чем мрамор статуй,
Твой лик нездешний до тех пор,
Пока вперенный в небо взор
Сама и нежно и сурово
К земле не обратишь ты снова.
Веди сюда Покой, и Мир,
И Пост, которого на пир,
Равно как муз, в свои чертоги

От века приглашают боги.
Пускай с тобой придут Досуг,
Садов трудолюбивый друг,
И златокрылый тот возница
Огнеколесой колесницы,
Тот херувим, кого наш род
Высоким Помыслом зовет.
И пусть вокруг все стихнет разом
И ждет, чтоб Цинтиею к вязам,
Глядящимся в окно мое,
Привязан был дракон ее
И звонкой трелью Филомела
Чело разгладить мгле сумела.
О птица, как чарует нас
Твой сладкий, твой печальный глас!
Твоим напевом упиваясь,
Я часто по лесам скитаюсь;
Когда ж ты петь кончаешь нам,
Брожу по скошенным лугам
Одиноко и безмолвно
И гляжу, как месяц полный
Плывет в бескрайных небесах,
То исчезая в облаках,
То вновь из толщи их волнистой
Являя лик свой серебристый.
С холма я слышу звон — сигнал,
Что час тушить огни настал,
И стучит прибой о взморье,
Этим звукам мрачно вторя.
В ненастье же и в холода
Скрываюсь я в глуши всегда,
Где гасят свет, едва стемнеет,
И видно лишь, как уголь тлеет
В очагах у бедняков,
И слышны лишь песнь сверчков
Да окрик сторожа ночного,
Смолкающего тут же снова.
Порой сижу у ночника
В старинной башне я, пока
Горит Медведица Большая,
И дух Платона возвращаю
В наш мир с заоблачных высот,
Где он с бессмертными живет,
Иль тщусь, идя за Трисмегистом

Путем познания тернистым,
Заставить слушаться меня
Тех демонов воды, огня,
Земли и воздуха, чья сила
Стихии движет и светила.
Порой Трагедия в слезах
Мне повествует о делах
Детей Пелопса, и о Фивах,
И о троянках несчастливых,
И о событьях поновей,
Хоть редко здесь дивлюсь я ей.
Ты, Меланхолия, всесильна!
Прервать ты можешь сон могильный
Мусея в роще иль велеть
Душе Орфея так запеть,
Чтоб отпустил Плутон железный
Его с женой из адской бездны.
Своди ж меня в полночный час
С тем, кто оставил нам рассказ,
Не дописав его, однако,
Про Камбускана и Канаку,
Про Альгарсифа, Камбало,
Чудесное кольцо, стекло
И скакуна из меди звонкой,
Иль с тем, кто выспренно и тонко
Воспел турниры, шум дубрав,
Волшбу и фей, словам придав
Смысл бóльший, нежели обычный,
Для слуха нашего привычный.
Вот так всю ночь при свете фонаря
Я жду, пока придет заря,
Но не в порфире, как бывало
Во дни охотника Кефала,
А спрятав лик под клобуком
Из черных туч, коль вихрь кругом
Неистовствует, злобно воя,
Иль под вуалью дождевою,
Если ветер замолчал
И ливень в окна застучал.
А если солнце светит ныне,
Ты уведешь меня, богиня,
В леса, где тишину топор
Не смел нарушить до сих пор,
Где в полусумраке сильваны

По чаще бродят невозбранно,
Где сосны и дубы приют
Дриадам, как и встарь, дают.
Там, на траве, росой омытой,
От зноя и от взоров скрытый,
У говорливого ручья
Раскинусь утомленно я,
Внимая плеску волн и гуду
Хлопотливых пчел, покуда
Не забудусь в легком сне
И не слетит с небес ко мне
Чреда таинственных видений.
Бесплотных и немых, как тени,
И ласковые крылья их
Не коснутся век моих.
Когда ж я вновь глаза открою,
Пусть музыкою неземною
Всю местность огласит вокруг
Дух леса, смертных добрый друг.
Затем направлюсь непременно
Я в древний монастырь, где стены
О своды прочно оперлись
Под кровлей, устремленной ввысь,
И через витражи цветные
Едва сквозят лучи дневные.
И пусть там громовой орган,
Сливаясь с хором прихожан
В благоговейном песнопенье,
Меня исполнит восхищенья
И небеса очам моим
Отверзнет рокотом своим.
И пусть, когда промчатся годы,
Я возвращусь под эти своды,
Во власяницу облачусь,
В замшенной келье поселюсь,
Вникая в свойства нам известных
Целебных трав и тел небесных,
И в старости сложу, даст бог,
Хоть несколько высоких строк...
Коль ждет меня судьба такая,
Твой, Меланхолия, слуга я.

СОНЕТ К СОЛОВЬЮ

О соловей, чей зов так звонок в дни
Зеленого ликующего мая,
Защелкай, трели с ветви рассыпая,—
Пусть ввечеру глаза смежат они.

Пока не начала в лесной тени
Стенать кукушка, скорбная и злая,
Влюбленному несчастья предвещая,
В него надежду пением вдохни,

Иль будет кукованьем неизбежно
Заглушено — в который раз! — оно,
И вновь себя спрошу я безнадежно:

«Ужель мне утешенья не дано?»
Пой, Музы и Любви наперсник нежный,—
Ведь им обеим я служу равно.

МАЙСКАЯ УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

С востока вслед за утренней звездой
Приходит май и щедрою рукой
На землю льет в лучах зари победных
Дождь желтых буковиц и примул бледных.

В юных душах, светлый май,
Пыл желаний пробуждай,
Снова зеленью веселой
Разубрав холмы и долы.
Прими, желанный гость, привет от нас,
Тебе хвалу поющих в этот час!

К ВРЕМЕНИ

Часов свинцовостопых вереницу,
Завистливое Время, подгоняй
И тем, чего мы алчем до гробницы,
В пути свою утробу наполняй;
А так как все, что б ты ни поглощало,—
Лишь суета и ложь,
Ты мало обретешь,
Мы потеряем мало!
Когда же ты пожрешь дурное в нас
И с ним само себя, наступит час
Безмерного, как море, ликованья,
Затем что нам лобзанье
Даст вечность и откроет вход туда,
Где добродетель царствует всегда,
Где истина святая,
Любовь и мир сияют, окружая
Престол того, к кому
Душа стремилась сквозь земную тьму;
Туда, где мы, отринув плоти бремя,
Вплетем наш голос в звездный хор
И где над нами станут с этих пор
Не властны смерть, судьба и ты, о Время!

К ВЫСОКОЙ МУЗЫКЕ

Податели восторгов неземных,
Посланцы сфер, чета сирен благая,
Соединитесь, пение и стих,
Безжизненную персть одушевляя,
Чтоб насладиться мы могли сполна
Мелодией, которая слышна

Вокруг того, чей трон сапфироцветный
Воздвигся средь несметной
И грозной рати ангельских чинов;
В чью честь хвалу на арфах златострунных
Слагают сонмы херувимов юных,
И трубы серафимов вторят им
Раскатом победительным своим,
И праведники с просветленным взором
Псалмы и гимны хором
Поют спокон веков.
Мелодия не умолкала эта
И на земле у нас в былые лета,
Пока завет творца, чуждаясь зла,
Покорно вся живая тварь блюла
И не разладил грех людского рода
Начальную гармонию природы,
Где каждый голос прославлял того,
Кем созданы и свет и естество.
О, пусть скорей тот наш напев чудесный
Опять сольется с музыкой небесной,
И вновь свой лик нам даст господь узреть
В сиянье дня, что не померкнет впредь!

«Вновь, плющ, и мирт, и лавр вечнозеленый,
Вновь с ваших густолиственных ветвей
Побеги, неокрепшие покуда,
Безжалостно я буду
Срывать рукою грубою своей.
Жестокость это, спору нет, но ей
Несчастье наше служит извиненьем —
Мертв Люсидас. До срока мир лишился
Того, кому нет равных меж людей.
Как не запеть о нем, коль песнопеньям
Меж нами каждый у него учился?
Так пусть к нему, кто на гребне зыбей
Качается теперь в гробнице влажной,
Доносит ветер горький плач друзей!

О девять дев, кому Юпитер вверил
Ключ, что из-под его престола бьет,
Начнем, и пусть мой голос изольет
Скорбь о тебе, наш Люсидас несчастный,
С такой же силой страстной,
С какой, даст бог, произнесет поэт
Иных, грядущих лет
Надгробный стих и над моею урной.
С тобой росли мы на холме одном,
С тобой своих овец пасли вдвоем.
С тобой, когда заря откроет очи
И глянет на туманные поля,
Мы стадо по траве, росистой с ночи,
Вели в луга под трубный зов шмеля.

С тобою вместе бдить мне приходилось,
Пока на запад медленно катилась
Зажегшаяся вечером звезда,
И фавны и сатиры до денницы
Под звук твоей цевницы
В лесной глуши плясали иногда,
И часто-часто песней, нами спетой,
Мы умиляли старика Дамета.

Но ты, пастух, ушел, и увидать
Друзьям тебя не суждено опять,
И эхо о тебе горюет в гротах,
Над сводами которых балдахин
Сплели лоза и тмин.
Ни заросли орешника, ни ивы
Листвою говорливой
В ответ на твой напев не зашумят.
О Люсидас, страшней, чем тля для розы
Иль клещ, до крови жадный, для ягнят
Или для первых мартовских цветов
Нежданные морозы,
Весть о конце твоем для пастухов!

Где, нимфы, были вы, когда сокрыли
Пучины Люсидаса навсегда?
Вас не было на склоне, где в могиле
Лежит друидов, бардов наших прах,
Ни на лесистой Моне, ни в краях,
Омытых вещей Ди... Но вправе ль, нимфы,
Я вас корить: «Будь с ним вы...»?
Чем вы могли смягчить удел его,
Коль даже Каллиопа не сумела
Спасти от смерти сына своего,
Хоть мир о нем и пролил море слез,
Когда певец толпой осатанелой
Был брошен в Гебр и к Лесбосу унес
Поток его растерзанное тело?

Зачем избрал, в отличье от иных,
Наш Люсидас пастушескую долю,
Зачем ценою бдений покупал
Щедроты муз, на милости скупых,
А не играл с Неэрой на приволье,
Амариллиде кудри не трепал?

Для славы? Да, того, чьи мысли чисты,
Кто суетность утех презрел, она
Ведет вперед стезей труда тернистой.
Но в миг, когда нам цель уже видна,
Слепая фурия рукой узлистой
Нить краткой жизни обрывает... «Грех,—
Гремит мне гневно с неба Феб лучистый,—
Отождествлять со славою успех.
Не в этой жизни истинная слава
Стяжается по праву —
Увенчивает ею не молва,
А лишь один владыка естества,
Всезрящий и всеведущий Юпитер.
Лишь в горных сферах, где вершит он суд,
Награды или кары смертных ждут».

О Аретуза и неспешный Минчо,
Клянусь, не оглашал и вас досель
Напев, что мне звучит с зенита нынче...
Но тс-с, моя свирель!
Я слышу, как трубит герольд пучины.
Твердит он, что причина
Несчастья с Люсидасом — не Нептун,
И учинить допрос спешит стихиям.
Валы и ветры вопрошает он,
Кто пастуха посмел сгубить бесчестно.
Им это неизвестно,
И Гиппотад дать слово принужден,
Что целый день безветрие царило,
Был воздух тих, зеркально лоно волн,
И в них Панопа с сестрами шалила.
За то, что сгинул друг наш благородный,
В ответе лишь один его негодный,
Построенный в проклятой спешке челн.

Вот шествует в короне тростниковой
Преданьями воспетый Кем с челом,
Где скорбь запечатлелась, как на том
Цветке, что носит знак ее багровый.
Он плачет о наперснике своем,
А сзади водяного
Идет пенитель галилейских вод
С двумя ключами (ибо отворяет
Он золотым, железным запирает)

И сокрушенно митрою трясет:
«Как жаль, что добрый пастырь умирает,
Но здравствует и процветает тот,
Кто не о стаде — о себе радеет;
Тот, у кого важнее нет забот,
Чем в праздник бражничать со стригалями
Да ссориться с почетными гостями;
Кто ремеслом пастушьим не владеет
И, слепоустый, брезгует трудами,
Без коих пастуху не преуспеть!
Дела мирские — вот его услада.
А коль дерзнет на пастьбе он запеть,
Его свирель фальшивит, раня слух.
Мрут его овцы от парши и глада.
Стоит у них в загоне затхлый дух,
И по ночам оттуда за ограду,
Которую забыл закрыть пастух,
Уносит жадный волк ягнят из стада,
И некому, увы, разбой пресечь,
Хоть над дверьми висит двуручный меч».

Но с сицилийской нимфою своею
Спеши назад, Алфей! Умолк тот глас,
Чей грозный звук принудил к бегству вас.
К нам из долин, где дышится вольнее,
Где умеряют ветры, тихо вея,
Неистовство пылающего дня,
Где быстрые ручьи бегут, звеня,
И где апрель в плаще зеленом вымыл
Медвяными дождями лик земли,
Несите все цветы, что там взросли —
Охапки хрупких скороспелых примул,
Жасмина и ромашки полевой,
Фиалок, роз, гвоздик пьяняще пряных,
И гиацинтов рдяных,
И буковиц с поникшей головой.
Пусть скорбный амарант, нарцисс печальный
Нальют слезами чашечки свои
И царственным покровом в миг прощальный
Устелют море, коим у семьи
И сверстников наш Люсидас похищен.
А мы, чтоб отдых дать себе от мук,
В догадках утешения поищем.
О горе, где теперь наш юный друг?

Где носят волны прах его холодный?
Быть может, у Гебридов, в царстве вьюг,
Он увлечен водоворотом в бездну
К насельникам ужасным тьмы подводной,
Или, не слыша зов наш бесполезный,
Под легендарным Беллерусом спит,
Близ той горы, откуда страж небесный
К Наманке и Байоне взор стремит?
Архангел, сжалься! Пусть нам из пучины
Доставят тело милое дельфины!

Но, пастухи, смахните слезы с глаз.
Довольно плакать, ибо друг наш милый
Жив, хоть и скрылся под водой от нас.
Так в океане днéвное светило,
Когда оно урочный путь свершило,
Скрывается, дабы́ в свой срок и час
С чела небес опять сверкнуть алмазом.
Уйдя на дно, наш друг вознесся разом
По милости творца земли и вод
К нездешним рекам и нездешним кущам,
Где хор святых угодников поет
Хвалу перед престолом присносущим.
Там нектаром с кудрей он смоет ил,
Забудет, что когда-то слезы лил,
И в царстве, чей покой и мир блаженный
Оберегает сонм небесных сил,
Упьется радостью неизреченной.
Не плачьте ж, пастухи. Уйдя от нас,
Стал добрым духом друг наш Люсидас
И в этих водах охраняет ныне
Тех, кто коварной вверился пучине».

Такою песней на дорийский лад
Дубраву оглашал пастух безвестный,
Пока спускался день, огнем объят,
В сандальях серых по дуге небесной;
Когда ж погас, отпламенев, закат
И солнце в море рухнуло отвесно,
Он встал и, синий плащ надев, исчез:
С утра ему опять в луга и в лес.

МАСКА

Представлена в замке Ладлоу в присутствии графа Джона Бриджуотера, тогдашнего наместника Уэльса.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дух-хранитель, появляющийся затем в одежде пастуха Тирсиса.
Комос и его свита.
Леди.
Старший брат.
Младший брат.
Сабрина, нимфа.

ГЛАВНЫЕ РОЛИ ИСПОЛНЯЛИ:

Лорд Брэкли.
Мистер Томас Эджертон, его брат.
Леди Элис Эджертон.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Чаща леса. Входит или низлетает Дух-хранитель.

У звездного порога тех чертогов,
Которые воздвиг себе Юпитер,
В эфирных безмятежных сферах я
Витаю с сонмом вечно светлых духов
Над мрачною и суетной планетой,
Зовущейся Землею у людей,
Где, как в загоне скот, они теснятся,
Тщась жизнь свою никчемную продлить,
Лишь к выгоде стремясь и забывая,

Что слугам добродетели за гробом
Воссесть меж небожителей дано.
Но кое-кто из смертных все же ищет
На праведном пути тот ключ златой,
Которым двери в вечность отпирают.
Не будь таких, сюда б я не спустился:
Я не хочу, чтобы дыханьем смрадным
Мои одежды грешный мир пятнал.
Но ближе к делу. Кроме высшей власти
Над океанскою соленой хлябью,
Юпитер при разделе дал Нептуну
Омытые морями острова,
Которые, подобно ожерелью,
Нагую грудь пучины украшают;
А тот их роздал божествам подвластным —
Пускай корону из сапфиров носят
Да потрясают крошечным трезубцем.
Бог синекудрый за собой оставил
Лишь здешний остров, ибо остальных
Он больше и прекрасней несравненно.
Та часть его, что на закат глядит, —
Наместничество доблестного пэра,
Чья твердая десница мудро правит
Воинственной и древнею страной.
Он вызвал отпрысков своих, которых
С младенчества учил искусству власти,—
Пусть делят с ним теперь ее. Но ехать
Должны они сквозь этот дикий лес,
Чей сумрак трепет в путника вселяет,
И послан я Юпитером сюда,
Чтоб отвратить от них, годами юных,
Опасность, угрожающую им,
А в чем она — я вам сейчас открою.
Внемлите ж, ибо этого никто
Ни во дворцах, ни в хижинах не слышал
Ни от новейших, ни от древних бардов.
Когда морских разбойников этрусских
В дельфинов превратил тот бог, что первым
Из алых гроздий выжал сладкий яд,
Направился вдоль берегов тирренских
Он к острову волшебницы Цирцеи.
Рожденная от Солнца, обладала
Она вином, которого отведав
Свиньею становился человек.

Юнцом кудрявым в плющевом венке
Пленилась нимфа, и у ней от Вакха
Родился сын, обличьем на отца,
А сердцем и душой на мать похожий.
Был Комосом он назван, и скитаться,
Войдя в года, отправился, и долго
Бесчинствовал меж кельтов и иберов,
Пока не поселился в здешних дебрях,
Где мать свою в науке чародейства
Под кровом мглы зловещей превзошел.
Волшебное питье в хрустальном кубке
Он предлагает путнику, который
От взоров Феба изнемог, и если —
Увы, воздержность свойственна немногим! —
Тот согласится жажду утолить,
Его лицо, подобье лика божья,
Становится немедля мордой тигра,
Медведя, волка, вепря иль козла,
Хоть тело остается человечьим.
И — что всего ужасней — сам несчастный
Не замечает своего уродства,
Но мнит, что он красивее, чем прежде,
И с наслажденьем в чувственной грязи
Валяется, забыв друзей и ближних.
Поэтому, когда пересекает
Тот, кто богам угоден, эту чащу,
Я, словно метеор, с небес свергаюсь,
Чтобы его спасти от западни,
Как сделал ныне. Но сперва мне надо
Свои одежды из лучей Ириды
Сменить на грубый плащ, как будто я —
Слуга владельца здешних мест, пастух,
Чья кроткая свирель смиряет ветер,
А песня заглушает шум дубрав:
Коль стану с горцем, стерегущим стадо,
Я схож обличьем, легче будет мне
Прийти на помощь в нужную минуту
Тем, кто попал в беду. Но чу! Шаги!
Толпа сюда валит. На время скроюсь.

Входит К о м о с, в одной руке у него волшебный жезл, в другой — кубок. За ним, в сверкающих нарядах, множество чудовищ — мужчин и женщин с головами диких зверей. Их буйная ватага выскакивает из лесу с оглушительным шумом, в руках у них факелы.

Комос

Скликают пастухи стада:
Взошла вечерняя звезда.
Квадрига огненного Феба
В Атлантику низверглась с неба,
И только сумрак звездных стран
Лучом последним осиян,
И на восток направить снова
Свой бег светило дня готово.
Это значит, что для нас
Наступил веселья час,
Время пиршеств, танцев, пенья,
Дерзости и наслажденья,
Время плесть венки и пить,
Время благовонья лить.
Дремлют Мудрость и Стыдливость,
Впала Сдержанность в сонливость,
Старость улеглась в кровать.
Некому нас поучать.
Закружимся же свободно
В вихре пляски хороводной,
Как бессонный хор планет
В смене дней, недель и лет.
Встают и рушатся валы морские —
Танцуют моррис месяц и стихии.
На отмелях, одетых мглой,
Резвится фей и эльфов рой.
Цветы себе вплетают в косы
Русалки у речного плеса,
Где их баюкает волна.
Ночь дается не для сна,
А для сладких жертв, без меры
Приносимых в честь Венеры.
Ей служить и мы начнем.
Лишь днем зовется грех грехом:
Что незаметно, то безгрешно.
Приди ж сюда из тьмы кромешной,
Ночных безумств богиня, Котито́,
Чье имя не дерзнет назвать никто,
Пока, как из драконьей пасти пламя,
Мрак из Аида не пополз клубами.
Мчись быстрей с Гекатой к нам,
Ревностным твоим жрецам,

На черной, словно туча, колеснице
И с нами будь, пока творится
Наш таинственный обряд
И на нас не бросит взгляд
С высей Индии Аврора,
Эта сплетница, которой
Солнцу невтерпеж донесть
Обо всем, что было здесь.
В круг, друзья, тесней сплетитесь,
В пляску буйную пуститесь!

Танец.

Прервите танец! Робкие шаги
Неподалеку слышу я. Укройтесь
В тени деревьев, чтоб нашим многолюдством
Пришельца не спугнуть. Мое искусство
Мне позволяет угадать в нем деву,
Застигнутую темнотой в лесу.
Сегодня я свое пополню стадо
И мать мою Цирцею превзойду.
Пора! Я в ход пущу всю силу чар,
Наполню воздух звуками заклятий,
Иллюзиями жертву ослеплю,
Внушу ей мысли ложные... Но вдруг
Причудливый наряд мой и безлюдье
Ее насторожат? Нет, так не будет.
Она не убежит — я слишком ловок.
Завесой доводов красноречивых
И маской показного дружелюбья
С учтивостью свой умысел прикрыв,
Вотрусь я к ней, неопытной, в доверье
И завлеку ее в силки. Как только
Пыль тайных чар я ей в глаза пущу,
Простушка запоздалым селянином
Меня сочтет. Но здесь уже она.
Укроюсь. Может быть, расскажет дева,
Какой нуждой сюда приведена.

Входит л е д и.

Л е д и

Шум шел отсюда, коль мне верен слух,
Мой проводник единственный. Хоть явно
То были звуки буйного веселья,
Которому под флейту иль свирель

Невежды-поселяне предаются,
Когда, бесчинной пляской славя Пана,
Богов благодарят на лад свой грубый
За полные амбары и овчарни.
Боюсь я ночью встретиться с толпой
Хмельных гуляк, но кто же, кроме них,
Укажет мне, куда сквозь эту чащу
Я робкие стопы должна направить?
Увидев, что от долгого пути
Я выбилась из сил, мои два брата
Устроили привал меж здешних сосен
И отошли, чтоб, как они сказали,
Нарвать мне свежих ягод иль иных
Даров лесной гостеприимной сени.
То было в час, когда в одежде серой
И сером клобуке, как пилигрим,
Встал вечер позади квадриги Феба.
Я жду их и тревожусь все сильней.
Что с братьями моими? Вероятно,
Зашли они чрезмерно далеко,
И у меня украл их мрак-завистник.
Нет, ночь-воровка, не с благою целью
В свой потайной фонарь ты прячешь звезды,
Светильники, которые природа,
Нетленным маслом вечности заправив,
Подвесила на небесах, чтоб путь
Указывать скитальцам одиноким...
Но вот и место, где, как мнилось мне,
Отчетливо был слышен шум веселый.
Как! Ни души во мгле? Что это значит?
Вновь оживают в памяти моей
Истории о мрачных привиденьях,
О духах, нам кивающих из тьмы,
О голосах незримых, нас зовущих
На берегах и отмелях пустынных.
Однако добродетельную душу,
Которой провожатым служит Разум,
Лишь растревожить, но не устрашить
Такие мысли могут. Да пребуду
Я под охраной Веры яснооkой,
Надежды с белоснежными перстами
И Непорочности. Я вижу их
С собою рядом, как живых, и верю,
Что если будет нужно, бог верховный,

Для коего и силы зла — всего лишь
Орудия небесного возмездья,
Благого духа в светлом одеянье
Пошлет, чтоб жизнь и честь мою спасти...
Но что это? Мне, кажется, легла
На землю тень серебряная тучки.
Да, это тучка, что плывет в ночи,
Бросая слабый отблеск на деревья.
Едва ли братья мой услышат зов,
Но все же вновь его подать рискну я:
Они, должно быть, где-то здесь, и мне
Не терпится их поскорей увидеть.

(Поет.)

О Эхо, чья отчизна — край счастливый,
Где извивает
Свое русло́ Меандр ленивый,
Не видела ль ты меж ветвей,
В тени которых соловей
Тебе, незримой, душу изливает,
Двух юношей, столь царственных на вид,
Что твой Нарцисс их не затмит?
Ах, сделай милость,
Скажи, не ты ль красавцами пленилась
И прячешь их теперь,
Царица звуков, сфер эфирных дщерь?
Ответь, о нимфа, на вопрос мой честно,
И пусть твоим словам завторит свод небесный!

Комос

Ужель могли в груди из тленной персти
Родиться столь божественные звуки?
Нет, что-то неземное там живет
И заявляет о себе, наполнив
Гармониею воздух потрясенный.
Как сладостно на крыльях тишины
Напев взлетает к гулким сводам ночи!
Как ворон мрака, приученный им,
Ему умильно внемлет! Часто слышал
Я трех сирен и мать мою Цирцею,
Когда с толпой наяд в венках цветочных
Своим волшебным пением они
В Элисий душу жертвы увлекали.
Их слушая, рыдала даже Сцилла,
И хриплый лай ее на миг смолкал,

И затихала злобная Харибда.
Но песня их лишь усыпляла чувства,
Вливая в кровь бездумья сладкий яд,
А вот такое трезвое блаженство,
Восторг столь чистый нынче в первый раз
Изведал я! Пора. Окликну деву.
Пусть станет королевою моей!
Привет, о чудо красоты нездешней,
Затем что вы, конечно, родились
Не в этом диком крае, если только
Вы не подруга Пана иль Сильвана,
Богиня рощ, чья песня отгоняет
Туманы вредоносные от них.

Леди

Напрасная хвала, пастух любезный:
Я к ней глуха. Поверь, что не тщеславье,
А лишь желанье спутников сыскать
Заставило меня возвысить голос
И Эхо разбудить на ложе мшистом.

Комос

Что с ними, леди, разлучило вас?

Леди

Мрак и вот этот лабиринт зеленый.

Комос

Когда ж вы потеряли провожатых?

Леди

Когда на дерн присела отдохнуть.

Комос

Вас бросили они? Вам изменили?

Леди

Нет, отошли, чтоб поискать воды.

Комос

И с вами не остался ни один?

Леди

Их было, к сожаленью, только двое.

Комос

Наверно, ночь застигла их врасплох.

Леди

Несчастие, увы, всегда нежданно.

Комос

Страшитесь вы за них иль за себя?

Леди

За них, притом не меньше, чем за братьев.

Комос

Они — мужи иль юноши еще?

Леди

Свеж, как у Гебы, лик их безбородый.

Комос

В тот час, когда побрел неровным шагом
Вол с пашни в хлев и дровосек усталый
За ужин сел, два молодых красавца
Мне встретились вон у того холма,
Закутанного в плащ из лоз зеленых,
С чьих хрупких стеблей гроздья спелых ягод
Срывали незнакомцы. Весь их облик
Дышал таким величием, что я
Не за людей их принял, а за духов,
Резвящихся под многоцветной аркой,
Воздвигнутою радугой меж туч,
И поклонился им благоговейно.
Помочь вам разыскать их мне отрадней,
Чем в рай войти.

Леди

Любезный поселянин,
Где путь туда кратчайший?

Комос

Этот холм
Лежит на запад от дубравы здешней.

Леди

Но, добрый мой пастух, так скупо светят
Сегодня звезды, что в лесу едва ли
Без искушенного проводника
Найдет дорогу даже местный житель.

Комос

Давно я поселился по соседству
От этой чащи и отлично знаю
В ней все поляны, тропы и овраги,
Затем что каждый день по ним хожу,
И если ваши спутники блуждают
Здесь до сих пор, я разыщу их прежде,
Чем жаворонок, провозвестник дня,
С соломенного ложа в небо взмоет;
А коль не разыщу, найду для вас
Приют под кровлей бедной, но надежной,
И поиски возобновлю с утра.

Леди

Твою, пастух, я помощь принимаю,
Затем что настоящую учтивость
Встречаешь чаще в хижине простой,
Под закопченным потолком, чем в залах,
Украшенных коврами, хоть кичиться
Привыкли ею там. К тому ж опасней,
Чем тут, нигде не будет мне. Пусть небо
Назначенный мне искус соразмерит
С моими силами. Идем, пастух!

(Уходят.)

Входят два брата.

Старший брат

Сверкните, звезды, хоть на краткий миг,
И ты, о месяц, путников надежда,
Яви свой бледный лик из толщи туч
И низложи Хаос, что здесь царит
В ночи, усугубленной вечной тенью.
А если сумрак, черный узурпатор,
Сильней тебя, пускай хотя б ночник
Блеснет сквозь щели хижины убогой,
И луч его дрожащий нам послужит

Тем, чем Медведица Большая — грекам
И финикийцам — Малая.

Младший брат

А если
Не озарит нас свет его отрадный,
Пусть мы услышим тихий перезвон
Овечьих колокольчиков в загоне,
Или свирель пастушью, или первый
Крик петуха, который извещает
Подруг пернатых о рассвете близком,—
Нам даже это будет утешеньем
В темнице из бесчисленных ветвей.
Но где ж сестра? Где удалось укрыться
Несчастной деве от росы холодной
В ночном лесу, меж терний и волчцов?
Быть может, служит ей земля постелью
И к жесткому стволу она приникла
Тяжелой от тревоги головой?
Что, если, перепуганная насмерть,
Она, пока мы рассуждаем тут,
От голода иль жажды изнывает?

Старший брат

Спокойней, брат! Не надо омрачать
Рассудок свой картиной бед грозящих.
Коль все равно они стрясутся с нами,
Не стоит торопиться им навстречу,
Заране предугадывая их;
А коли не стрясутся, нам придется
Краснеть за страхи ложные потом.
Так разумом тверда и преуспела
В науке добродетели настолько
Сестра у нас, что я тебе клянусь:
Ни полночь, ни безлюдье (а другая
Опасность вряд ли ей грозит) не властны
Покой ее душевный возмутить
И мысли привести в разброд постыдный.
Поверь, так лучезарна Добродетель,
Что видит, как ей поступать и в час,
Когда луна и солнце тонут в море.
К тому ж подчас стремится даже Мудрость
С Раздумьем, лучшим пестуном своим,
Побыть вдвоем: удобнее и легче

Ей в одиночестве расправить крылья,
Чем в суетливой толчее мирской.
Тот, в чьей груди горит источник света,
И в полночь ярким солнцем озарен;
А тот, чьи мысли низки, сердце черно,
Впотьмах бредет и в ясную погоду.
Он сам — своя темница

Младший брат

Спору нет,
Задумчивое Размышленье любит
Безмолвие уединенной кельи,
Где неприкосновенней, чем в сенате,
Вдали от шумной черни восседает,
Затем что никому расчета нет
Ни оскорблять отшельника седого,
Ни хлеба, четок, книг его лишать.
Но Красота, чтоб Дерзости проворной
Она в расцвете юном не досталась,
Нуждается, как древо, на котором
Росли плоды златые Гесперид,
В охране, по-драконьи неусыпной.
Скорее уж в разбойничьем вертепе
Сокровища, коль их рассыпать там,
Останутся нетронуты, чем Похоть
Пропустит столь благоприятный случай
И беспрепятственно сквозь эту чащу
Даст девушке беспомощной пройти.
Меня страшат не ночь и не безлюдье,
А то, что может следствием их стать:
Вдруг наша беззащитная сестра
Дурного человека встретит?

Старший брат

Было б
Нелепо утверждать, что не грозит
Сестре беда. Но где есть основанья
Меж страхом и надеждой колебаться,
Там от природы я предпочитаю
Надеяться и воли над собою
Предчувствиям зловещим не давать.
К тому ж сестра не так уж беззащитна,
Как полагаешь ты: незримой силой
Она ограждена.

Младший брат

Что ты в виду
Имеешь? Силы неба?

Старший брат

Да, их тоже,
Но, первым делом, чистоту, то свойство,
Которое присуще ей самой,
Хоть небом и даровано. Надежней
Брони оно ее оберегает.
В священном ореоле Чистоты,
Она, подобно нимфе стрелоносной,
Бродить без страха может по лесам,
По пустошам и по холмам безлюдным —
Ни тать, ни горец, ни дикарь жестокий
На деву покуситься не дерзнут.
Верь, даже там, где ужас обитает —
В пещерах, призраками населенных,
Останется все тою же она:
Бестрепетною, скромной, величавой.
Не раз я слышал, что не властна нечисть,
Кишащая, когда огни погаснут,
На берегах болот, озер и рек,—
Бесовки-ведьмы, домовые, гномы
И мертвецы, которых не отпели,
Вред девушке невинной причинить.
Ну, понял ты, сколь Чистота могуча,
Или на помощь мне призвать ученость,
От эллинов дошедшую до нас?
Припомни, что охотнице Диане,
Властительнице девственной лесов,
Чей лук и дрот разили львиц и барсов,
Не страшны были стрелы Купидона,
Тогда как гнев ее вселял испуг
В богов и смертных. Чем была эгида —
Щит со змеинокосою Горгоной,
Чей вид врагов необоримой девы,
Минервы мудрой, в камень превращал,
Как не эмблемой Чистоты суровой,
Способной ужас и благоговенье
В насильнике внезапно пробудить?
Так любит небо Чистоту святую,
Что ею наделенная душа

Хранима сонмом ангелов от зла
И от греха. Они в виденьях светлых
И в вещих снах с ней говорят о том,
Что слуху человека недоступно,
И близость с ними так преображает
Всю оболочку плотскую ее,
Что тело, храм неосквернённый духа,
Становится нетленным, как и он.
Но если непотребством взоров, жестов,
Речей, а более всего, поступков
Обезображен внешний облик наш,
То и душа заразе поддается,
Грубеет неизбежно и своей
Божественной природе изменяет.
Не потому ль на кладбищах порой
Мы призраки уродливые видим,
Которые над свежею могилой
Сидят и медлят, словно и по смерти
Привязывают чувственные узы
Их к плоти, столь им прежде дорогой?

Младший брат

О, сколь ты, философия, прекрасна,
Хоть кажешься глупцам сухой и черствой!
Ты сладостна, как лира Аполлона,
Как нектар на божественном пиру,
Где пресыщенья не бывает!

Старший брат

Тише!
Я чей-то голос в отдаленье слышу.

Младший брат

Я тоже. Кто это?

Старший брат

Иль местный житель,
Иль путник, заблудившийся, как мы,
Иль, в наихудшем случае, разбойник,
Скликающий своих собратьев.

Младший брат

Боги,
Сестре защитой будьте! Снова голос!
Вынь шпагу, брат!

Старший брат

И все ж я отзовусь.
Коль это друг, приход его желанен;
Коль враг, в бою за правых небеса.

Входит Дух-хранитель в одежде пастуха.

Знаком мне голос. Кто ты? Отвечай,
Но стой на месте иль на сталь наткнешься.

Дух

Что слышу я? Вы ль это, лорд мой юный?

Младший брат

Брат, это же пастух отцовский!

Старший брат

Тирсис!
Тот, чьим искусным мадригалам внемля,
Свой бег сдержать старается ручей
И розы аромат струят щедрей!
Скажи, пастух мой добрый, что случилось?
Уж не овца ль от остальных отбилась
Или ягненок не пришел в загон?
Чем ты в глухую чащу приведен?

Дух

Ошиблись вы, наследник и отрада
Того, кто мне пасти доверил стадо:
Я здесь не для того, чтоб скот собрать
Иль лиходея-волка покарать.
Что мне бараны, овцы и ягнята,
Чьей шерстью здешние холмы богаты,
Когда сестры не вижу с вами я!
Где молодая госпожа моя?

Старший брат

Она в лесу пропала, к сожаленью,
По моему и брата небреженью.

Дух

Увы, не зря боялся я!

Старший брат

Чего?
Открой причину страха своего.

Дух

Так слушайте. Не вымысел, не сказка
(Как мнят невежды) то, что в старину
В стихах питомцы мудрые камен
Поведали про страшную Химеру,
Про очарованные острова,
Про трещину, что служит входом в ад.
Все это — быль, но маловерье слепо.
Вот и под сенью здешних кипарисов
Живет волшебник злой, великий Комос,
Сын Вакха и Цирцеи, превзошедший
В искусстве чародейства мать свою.
Он странникам, томящимся от жажды,
Вручает кубок с наговорным зельем,
И у того, кто сладкий яд пригубит,
Лицо становится звериной мордой,
По чьим чертам нетрудно прочитать
Присущие характеру пороки.
Узнал об этом я, когда овец
Пас вон у тех холмов, обставших чащу.
Не раз ночами слышал я, как Комос
С чудовищною свитою своей
Ревели, словно тигр, задравший жертву,
Нечистые обряды в честь Гекаты
В лесной глуши кощунственно творя.
Увы, ему заклятия известны,
При помощи которых завлекает
Он путников беспечных в западню.
Сегодня на закате я в загон
Привел овец, поужинавших сочной
Росистою травой, и отдохнуть
Сел на скамью дерновую под сводом
Из яркой жимолости и плюща.
В приятные раздумья погруженный,
Беседой со своею сельской музой
Увлекся я, но не сложил двух строк,

Как рев всегдашний долетел из чащи
И адским шумом огласил округу.
Прислушивался я, покуда разом
Не наступила тишина и вновь
Не тронулись испуганные кони,
Которые закрытые носилки,
Где дремлет Сон, влекут в полночной тьме.
Внезапно звук торжественный и нежный
Разнесся в воздухе, как аромат,
Столь сладостный, что и само Безмолвье
От собственной природы отреклось бы,
Лишь бы упиться им. Внимал я жадно:
Казалось мне, что может от него
В груди и у костлявой хищной Смерти
Душа проснуться. Тут узнал я голос.
Принадлежал он госпоже моей,
Сестре прекрасной вашей. В изумленье,
С тревогою и страхом я подумал:
«Как сладко ты, о соловей злосчастный,
Над гибельной ловушкою поешь!» —
И побежал по тропам и полянам,
Исхоженным в дневное время мною,
Но как ни торопился, а туда,
Куда мой слух повел меня, примчался
Не раньше, чем колдун переодетый
(Его узнал я все же!) встретил леди,
И начала расспрашивать бедняжка,
За поселянина приняв злодея,
О двух каких-то юношах его.
Смекнув, что там нельзя мне оставаться
И что в виду имела леди братьев,
Я убежал и разыскал вас тут.
Вот все, что мне известно.

Младший брат

Ночь и мрак,
Вы с адом в тройственный союз вступили,
Чтоб деву беззащитную сгубить!
И ты еще спокойствие пытался
Внушить мне, брат!

Старший брат

Да, сохраняй его.
Я и теперь от слов своих недавних

Не отрекусь. Ни волшебство, ни козни,
Ни случая могущество слепое —
Ничто меня разубедить не властно
В том, что несокрушима добродетель,
Даже когда застигнута врасплох,
И чем порок коварней и опасней,
Тем горшее он терпит пораженье.
Добро, в конечном счете, верх берет
Над злом, его, как накипь, отряхая,
Чтобы оно в бессилии своем
Само себя питало и снедало.
Без этого опоры мирозданья
Прогнили бы и небосвод бы рухнул
На землю. Но довольно слов! Идем.
Наперекор всевышней воле неба
Вовек не обнажу я свой клинок,
Но колдуна проклятого, пусть даже
С ним рать из гарпий, гидр и прочих чудищ,
Водящихся от Африки до Инда,
Заставлю я назад вернуть добычу
Иль, по земле за космы протащив,
Предам позорной смерти — пусть издохнет,
Как жил.

Дух

Увы, хоть глубоко ценю
Я вашу смелость, юноша отважный,
Здесь вам стальная шпага не поможет.
Чтобы развеять силу адских чар,
Нужны иные средства и оружье.
Один лишь взмах волшебного жезла —
И мускулы у вас окаменеют,
Суставы распадутся.

Старший брат

Как же ты
Сумел так близко подойти к злодею,
Что все это узнал?

Дух

Когда тревожно
Я размышлял, как госпожу спасти,
Мне вспомнился один пастух соседний,

Невзрачный с виду, но зато знаток
Целебных трав и всех иных растений,
Что в нашем крае стебли к солнцу тянут.
Меня любил он, часто петь просил
И мне внимал, на свежий дерн усевшись;
А после, чтоб в долгу не оставаться,
Из сумки вынимал свои коренья
И вел рассказ о тайных свойствах их.
Однажды показал он корешок
Достоинств редких, хоть и неказистый,
С листочком темным и шероховатым,
Прибавив, что дает в заморских странах
Растенье это пышные цветы,
Но здесь хиреет, и невежды-горцы
Ногами топчут каждый день его:
Им невдомек, что корень сей полезней,
Чем моли, данный Эрмием Улиссу.
Гемонией назвал пастух растенье
И мне вручил, велев его беречь
Как средство наилучшее от порчи,
Дурного глаза, наваждений, чар,
От привидений и жестоких фурий.
Я корень взял, но вспомнить про него
Меня нужда заставила лишь ныне,
И подтвердилось все: он мне помог
Узнать обманщика в чужом наряде,
В тенета колдовские заглянуть
И в них не угодить. Такое средство
(А я снабжу им вас) позволит вам
Ворваться смело в замок чародея.
Его завидев, обнажите шпаги,
Разбейте кубок и разлейте зелье,
Но, главное, сумейте жезл волшебный
Отнять у колдуна. Пусть вам грозят
Приспешники его, пусть даже пламя,
Как сыновья Вулкана, изрыгают,—
Они отступят, если дрогнет он.

Старший брат

Веди нас, Тирсис, и пускай несет
Щит перед нами в схватке добрый ангел!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Величавый дворец со всеми приметами роскоши: приятная музыка, столы, уставленные всевозможными лакомствами. Входит Комос со своей свитой и направляется к леди, сидящей в заколдованном кресле. Он протягивает ей кубок, она отталкивает его и порывается встать.

Комос

Сидите, леди. Стоит мне взмахнуть
Жезлом волшебным, чтобы превратились
Вы в изваянье или в лавр, как Дафна,
Бежавшая от Феба.

Леди

Прочь, бахвал!
Ты не лишишь меня свободы духа,
Хоть оболочку плотскую его
В оковы ввергнул попущеньем неба.

Комос

Зачем вы хмуритесь? Что вас гневит?
Не место здесь ни гневу, ни заботам.
Закрыт им вход сюда, где перед вами
Все радости, которых алчет юность,
Когда по жилам кровь бежит быстрей,
Чем почки распускаются в апреле.
Вот кубок с укрепляющим напитком,
Душистой смесью взваров и бальзама.
Взгляните, как он в хрустале горит!
Нет, даже сок, подаренный в Египте
Юпитеровой дочери Елене
Женой Фоона, так не веселил
И жажду так не утолял. Зачем же
Вы столь безжалостны к самой себе
И к прелестям, которыми природа
Ссудила вас, чтоб пользовались ими
Вы бережно и к радости своей?
Но вы, как неисправная должница,
Не дорожащая чужим добром,
Пренебрегли условьем непременным
Существованья хрупкой смертной плоти —
Чередованьем отдыха с трудом,
Весь день пробыв в пути и отказавшись
Восполнить ваши силы. Впрочем, можно
Еще поправить все.

Леди

Нельзя, предатель!
Нельзя поправить лживость и бесчестность
Твоих речей. Где бедный, но надежный
Приют, который ты мне посулил?
Что здесь за сброд звероголовых чудищ?
Будь мне защитой, небо! Прочь поди,
Изменник, со своим бесовским зельем!
Ты обманул доверчивость мою
Личиною заемною и лживой
И думаешь, что сладкою приманкой
Меня в тенетах властен удержать?
Нет, не пригублю я питье, пусть даже
Оно вкусней, чем то, что пьет Юнона.
Лишь от того, кто добр, добро исходит;
Деяния же злого человека
Дух твердый и высокий не прельстят.

Комос

Людская глупость, бочку Диогена
Ты кладезем житейских правил мнишь
И слепо веришь стоикам надутым,
Педантам в мантиях, подбитых мехом,
Пред тощим Воздержаньем преклоняясь.
Но для чего свои дары природа
Так щедро расточила, населив
Зверями и растениями сушу,
А море — рыбою, как не затем,
Чтоб вкус наш любознательный насытить?
Зачем она мирьядам червячков
Прясть шелк велела на станках зеленых
И камни драгоценные сокрыла
Во чреве у себя, как не затем,
Чтобы своих детей украсить? Если
Начнет весь мир ходить во власянице,
Пить только воду, есть одни стручки,
То этим лишь свою неблагодарность
Докажем мы подателю всех благ.
Их не познав и все-таки отринув,
Поступим мы, как жалкие скупцы,
Ублюдки, а не сыновья природы,
Которую задушит и раздавит
Груз плодовитости ее безмерной:

На суше станет тесно от скота,
От птиц прозрачный воздух потемнеет,
От рыбы воды вздуются, и жемчуг,
Который станет некому сбирать,
Сияньем звездным озарит пучину,
И чудища ее, привыкнув к свету,
Всплывут и дерзко в солнце взор вперят.
Отбросьте, леди, страх и не кичитесь
Хваленым целомудрием девичьим.
Краса — монета звонкая природы,
И не беречь ее, а в оборот
Пускать должны мы, чтоб она дарила
Нам радости взаимные, которых
Не вкусишь в одиночку. Увядают
Упущенные годы, словно розы,
Не срезанные вовремя. Краса —
Венец творенья, и ее призванье —
Блистать на празднествах и во дворцах,
Где знают цену ей. А тем, кто с виду
Невзрачен, быть невместно на виду:
При блеклой коже и лице топорном
Разумнее сидеть за прялкой дома,
Где не нужны ни алые уста,
Ни томный взор, ни кудри, дня светлее.
Подумайте ж, пока еще вы юны,
Зачем вам эти прелести даны.

Л е д и

Фигляр, я в здешнем воздухе нечистом
Не разомкнула б уст, когда б не тщился
Ты разум мой, равно как взор, затмить,
В кошницу мыслей плевел лжи всыпая.
Но знай, не вправе добродетель молча
Внимать кичливым доводам порока.
Клевещешь на природу ты, твердя,
Что цель ее щедрот — нам дать возможность
Излишествовать. Нет, она дарует,
Питательница наша, их с условьем
Не нарушать ее святых законов
И строгую умеренность блюсти.
Когда б владел любой, кто нищ, но честен,
Пусть скромной, но достаточною долей
Тех благ, которыми теперь немногих
Пресыщенная Роскошь осыпает,

Природа, чьи дары на пользу всем
Пошли бы в равной, справедливой мере,
Не задыхалась бы от изобилья,
И были б за даянья благодарней
Мы их подателю, затем что Жадность
Взор не возводит к небу, а по-свински
Лишь жрет да своего чернит кормильца.
Но не довольно ль слов? Тому, кто смел
С кощунственным презрением глумиться
Над Чистотой, как солнце, лучезарной,
Могла б сказать я много. Но зачем?
Ни слухом, ни умом ты не воспримешь
Тех сокровенных и высоких истин,
В которые не вникнув, невозможно
Значенье целомудрия постичь.
К тому же недостоин ты удела
Счастливее, чем твой. Так упивайся
Риторикой любезною своей,
С чьей помощью софизмами, как шпагой,
Ты научился фехтовать. Не стану
Я спор с тобою длить — бесцельно это;
А если бы уж стала, убежденье
В моей несокрушимой правоте
Меня зажгло б таким огнем священным,
Что, внемля мне, растрогались бы камни,
И от волненья дрогнула б земля,
И вверх взлетел бы твой волшебный замок,
И под собой погреб бы, лжец, тебя.

Комос
(в сторону)

Не лжет она. Я неземную силу
В ее словах с испугом ощущаю,
И, хоть не смертен я, холодный пот
Покрыл мой лоб, как если бы Юпитер
При мне смирял на языке громов
Друзей Сатурна, их в Эреб ввергая.
Но скрою страх и буду с ней построже.
Довольно! Эти нравственные речи
С уставом здешней братьи несовместны.
Я их не потерплю. Они — осадок
В крови, что меланхолия мутит.
Но я легко вас вылечу. Отпейте

Из кубка, и подавленный ваш дух
Исполнится блаженством. Ну, пригубьте!..

Врываются б р а т ь я с обнаженными шпагами и, вырвав у Комоса кубок, разбивают его; свита Комоса пытается сопротивляться, но братья разгоняют ее. Входит Д у х-х р а н и т е л ь.

Д у х

Как! Чародей упущен и не связан
И жезл его не отнят? Но ведь нам
Без этого не повторить заклятий
В обратном их порядке и не вырвать
Из каменных оков паралича
Застывшую в них неподвижно леди...
А впрочем, не тревожьтесь. Мне на ум
Пришло иное средство, о котором
Рассказывал мне старый Мелибей,
Меж пастухов искуснейший свирельщик.
Живет невдалеке отсюда нимфа,
Красавица, которой берега
Извилистого Северна подвластны.
Зовут ее Сабриной, и отцом
Ей был Локрин, сын и преемник Брута,
Чей трон ему достался. Эта дева,
Преследуема мачехой своей,
Свирепой Гвендолен, решила вверить
Себя реке, ей преградившей путь.
Сплели игравшие на дне наяды
Украшенные жемчугами руки
И труп ее доставили к Нерею,
Который дочерям велел омыть
Страдалицу в нектаре ароматном,
Где асфодели плавали, и в жилы
Ей через все ворота чувств вливать
Амброзию, пока она не встанет.
Так ожила она, бессмертной стала
И сделалась богинею речной;
Но, как и встарь, участлива, выходит
С закатом на прибрежные луга
И лечит скот настоем трав целебных
От порчи и болячек, наведенных
Озорником шкодливым — домовым.
За это пастухи ей воздают

На праздниках хвалу в нехитрых песнях
И в Северн, где живет она, бросают
Венки из златоцветов и гвоздик.
Как мне сказал старик пастух, она
Снять цепи чар способна с человека,
Коль громким пением ее призвать.
К ней — ибо, помня собственный удел,
Она помочь гонимым девам рада —
И обращу я свой напев молящий,
К нему заклятье присовокупив.

(Поет.)

Сабрина, мне
Внемли и явись скорее
Сюда из волн, где смоль своих кудрей
Рукою белой, как лилея,
Расчесываешь ты в тиши на дне.
Вод серебряных богиня,
К нам приди на помощь ныне
Поскорей!
Тебе велят предстать из мглы
Нептун, вздымающий валы;
И Тефия, и Океан,
Который ей в супруги дан;
Мудрец Нерей и старец тот,
Чей в скалах Ка́рпатоса грот;
Провидец Главк, трубач Тритон;
Сын Левкотеи Палемон,
Портов прибрежных божество;
Мать дивноперстая его;
Серебростопая Фетида;
Наяды все, все нереиды,
Что пляшут под луной холодной;
И хор сирен над бездной водной,
Что Партенопу поглотила.
Для них и для Лигейи милой,
Что на утесе чешет косы,
Печалуясь сладкоголосо,
Восстань с кораллового ложа
И поднимись, как день, пригожа,
Из погруженных в сон зыбей
К нам, ждущим помощи твоей,
Поскорей!

Появляется окруженная наядами С а б р и н а.

Сабрина

Там, где, ствол к воде клоня,
На тростники роняет слезы ива,
Колесница ждет меня,
И блеск ее слепит глаза:
Агаты, яшма, бирюза
На ней сверкают горделиво.
Я же легкою стопой
По траве скольжу густой
И не мну ковер цветочный,
К вам спеша во тьме полночной.
Ты, пастух, ко мне воззвал —
Я явилась.

Дух

Сделай милость
И сними рукою властной
С нашей госпожи прекрасной
Чары, коими сковал
Тело девы Комос дерзкий,
Чернокнижник богомерзкий.

Сабрина

Долг мой — деву в трудный час
Защитить от силы темной.
Леди, бросьте взор в лицо мне.
Трижды я, за разом раз,
Вам смочу водой живою,
Принесенною с собою,
Кончик каждого перста
И багряные уста.
А теперь рукой своею
Я по креслу кознодея
Легкий нанесу удар,
Чтоб распались узы чар,
И мне пора: сверкнет Аврора
Над царством Амфитриты скоро.

Сабрина исчезает, леди встает с кресла.

Дух

Дева, чей отец Локрин —
Брута царственного сын,
Древнего Анхиза семя,
Пусть тебе, столь чтимой всеми,

Дань и впредь несут ручьи,
Чтобы волосы твои
Летом зной не обесцветил;
Чтоб всегда, как злато, светел
И прозрачен, как берилл,
Северн твой о берег бил;
Чтоб и в осень слоем ила
Дно его не заносило.
Пусть вдоль его привольных вод
Взрастает мирт и лавр цветет,
И пусть кольцом террас и башен
Он будет, как венцом, украшен...
Леди, тс-с! Бежим скорей,
Чтоб проклятый чародей
Не околдовал нас снова,
В ход пустив волшбу и ковы.
Так ни звука до того,
Как уйдем мы от него!
Вам проводником я буду,
И сквозь чащу мы отсюда
Доберемся через час
В замок, где отец ждет вас.
Там за браными столами
Веселится он с друзьями,
Там собранью слух и взор
Пастухи с окрестных гор
Тешат плясками и пеньем,
И нежданным появленьем
На этом празднестве ночном
Гостей в восторг мы приведем.
В путь! Хоть сиянье звезд померкло,
Заря с престола ночь еще не свергла.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Замок наместника в Ладлоу-таун. Появляются танцующие поселяне, за ними Дух-хранитель, оба брата и леди.

Дух
(поет)

Пастухи, ступайте! Ждут
Вас через неделю тут.
Не походкой плясовою,
А неспешною стопою

На придворный лад и стать,
Что сумели перенять
От Меркурия дриады,
Двигаться теперь нам надо.

(Во время следующей песни он подводит братьев и леди к родителям.)

Вам, миледи и милорд,
Я представить рад и горд
Ваших отпрысков прекрасных
После странствий преопасных.
Назначив испытанье им,
Еще годами молодыми,
В них не ошиблось провиденье:
Невинность, вера и терпенье
Не попустили их под власть
Соблазнов чувственных подпасть.

Танец заканчивается, дух произносит эпилог.

Улетаю за моря
В край счастливый, где вовеки
День не опускает веки,
В небе голубом горя;
Где в садах благоуханных
Золотом плодов румяных
Дерево трех Гесперид
Взор чарует и слепит;
Где под сенью рощ узоры
Ключ с водой живою вьет;
Водят Грации и Оры
Свой веселый хоровод;
Лето никогда зимою
Не сменяется, как тут;
Ветры с запада несут
Запах нарда и бензоя;
Элисейскою росой
Рассыпает над землей
Свой воздушный мост Ирида,
Устелив простор лугов
Красочным ковром цветов,
Ярким, как ее хламида;
И когда лежит на нем
Адонис, забывшись сном,
И от крови дерн багрится,
Ассирийская царица

Возле друга бдит в слезах;
Между тем как в небесах
Несется Купидон с Психеей сонной,
Скитаньями и рабством истомленной:
Успел, пока в отлучке мать,
Он у богов исхлопотать
Торжественное заверенье,
Что Молодость и Наслажденье,
Двух дивных близнецов, должна
Ему родить его жена.

Долг исполнил я достойно
И могу теперь спокойно
Скрыться за чертой, где высь
И земля в одно слились,
А потом к луне двурогой
Взмыть знакомою дорогой.
Смертный, добродетель чти,
Коль решил за мной идти:
Может лишь она, святая,
Вознести нас к сферам рая
Иль на помощь тем, кто слаб,
Небеса призвать хотя б.

НАПИСАНО В ДНИ, КОГДА ОЖИДАЛСЯ ШТУРМ ЛОНДОНА

О, латник или капитан, когда
Взломает эту дверь твой меч кровавый,
Не угрожай хозяину расправой,
Его жилищу не чини вреда.

Питомец муз-волшебниц, без труда
Тебя он увенчать способен славой,
Твои деянья в песне величавой
Запечатлев для мира навсегда.

Не разоряй приют певца невинный:
Сам эмафиец, победитель Фив,
Дом Пи́ндара не превратил в руины,

Надменный город штурмом взяв и срыв,
И стих творца «Электры» спас Афины,
Сердца спартанцев жалостью смягчив.

ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ МОЛОДОЙ ОСОБЕ

Ты с самых малых лет не предпочла
Пространный торный путь стезе безвестной
И ввысь, к вершине истины небесной,
С немногими крутой тропой пошла.

Как Руфь и как Мария, избрала
Ты часть благую и на рой прелестный
Тщеславиц юных области окрестной
Взираешь с состраданьем и без зла.

Так полни свой светильник непорочный
Елеем добродетели святой
И нас не устыжающей надежды

И веруй, дева: полночью урочной
С толпой гостей приидет в твой покой
Жених, чей светлый лик слепит все вежды.

К ЛЕДИ МАРГАРЕТ ЛИ

Отец ваш граф, верховный казначей
И председатель Тайного совета.
Бессребреником слыл во мненье света,
Затем ушел с обеих должностей

И умер, прочитав на склоне дней
О роспуске парламента декреты —
Так счеты свел оратор в оны лета,
Узнав о Херонее, с жизнью сей.

На вашего родителя ни разу
Взглянуть не довелось мне оттого,
Что для меня в ту пору длилось детство.

Но я от вас слыхал о нем рассказы
И вижу, что достоинства его
Вам, Маргарет, достались по наследству.

ЧЕРНИТЕЛЯМ НЕКОТОРЫХ МОИХ ТРАКТАТОВ

Назвал я «Тетрахордом» свой трактат.
Он нов по мысли и не прост по слогу.
Таких, кому он по зубам, немного,
А дюжинные книжники вопят,

Название коверкая стократ:
«Сам черт сломает на заглавье ногу!»
И в Майл-энд-Грин, на книгу глянув строго,
Идут гулять, хоть, право же, навряд

Шершавей это слово, чем Колкитто,
Гэласп, Макдóннел, Гóрдон — имена,
Которые теперь столь знамениты.

О сэр Джон Чик, скорей воспрянь от сна
И, взяв язык Гомера под защиту,
Его в правах восстанови сполна!

ИМ ЖЕ

Как только я призвал свой век восстать
И, сбросив путы, обрести свободу,
Псы и ослы,—а им нет перевода,—
Галдеж повсюду подняли, под стать

Тем недругам Латоны, коим стать
Лягушками пришлось в былые годы.
Ведь ждать признанья от такого сброда —
Что бисер перед свиньями метать.

Они кричат о вольности, но воля
Созвучна своеволию для них,
И правда им страшней оков былых.

Будь добр и мудр, коль жаждешь лучшей доли,
Иль захлебнется край отцов твоих
В пучине бед, невиданных дотоле.

НОВЫМ ГОНИТЕЛЯМ СВОБОДЫ СОВЕСТИ ПРИ ДОЛГОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Как смели вы, кем требник запрещен
И свергнут лишь затем прелат верховный,
Чтоб вновь с Многоприходностью греховной
Блудил, как с девкой, ваш синедрион,

Настаивать, что должен нас закон
Синодам подчинить, лишив духовной
Свободы, данной нам от бога, словно
А.С. иль Резерфорд мудрей, чем он?

Тех, кто, подобно Павлу, стал, без спора,
Господней веры истинным оплотом,
Честят еретиками с неких пор

И Эдвардс и шотландец... как его там?
Но мы разоблачим ваш заговор,
Что пострашней Тридентского собора,

И наш парламент скоро
Меч против фарисеев пустит в ход,
Не уши им, но руки отсечет

И край от них спасет,
Затем что там, где пишется «пресвитер»,
Читается «епископ» между литер.

МИСТЕРУ ГЕНРИ ЛОУЗУ О ЕГО МУЗЫКЕ

Ты, Гарри, доказал нам в первый раз,
Что можно даже в Англии суровой
Слить воедино музыку и слово
И скандовать строку не как Мидас.

Твой дар тебя навек от тленья спас:
Художника, в чьих звуках с силой новой
Раскрылась прелесть языка родного,
Не позабудут те, кто сменит нас.

Феб наделил крылами вдохновенья
Тебя, слагатель гимнов и кантаты,
За то, что чтишь ты окрыленный стих.

Тебя б сам Данте предпочел когда-то
Каселле, чье он жадно слушал пенье
В чистилище среди теней незлых.

ПРИСНОБЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ М-С КЭТРИН ТОМСОН, ДРУГА МОЕГО ВО ХРИСТЕ, СКОНЧАВШЕЙСЯ 16 ДЕКАБРЯ 1646 ГОДА

Любовь и вера, с коими была
Ты неразлучна, дух твой закалили,
И смерть без жалоб, страха и усилий
Ты ради вечной жизни приняла.

Но не погребены твои дела,
Щедроты и даяния в могиле:
Туда они с тобой, как свита, взмыли,
Где радость неисчерпна и светла.

Послали их в лучистом одеянье
Любовь и вера к трону судии,
Чтоб о твоем земном существованье

Поведали служители твои
И ты вкусила за свои страданья
Дарующей бессмертие струи.

ГЕНЕРАЛУ ЛОРДУ ФЕРФАКСУ ПО СЛУЧАЮ ОСАДЫ КОЛЧЕСТЕРА

Столь, Ферфакс, ты превознесен молвой,
Что в дрожь бросает короля любого
При имени воителя такого,
Кому Европа вся гремит хвалой.

Неустрашимо продолжаешь бой
Ты с гидрой мятежа многоголовой,
Хоть, попирая Лигу, Север снова
Простер крыла драконьи над страной.

Но ждет тебя еще трудов немало
(Затем что лишь войну родит война),
Покуда смута не сокрушена

И справедливость не возобладала:
Ведь доблесть кровью исходить должна
Там, где насилие законом стало.

ГЕНЕРАЛУ ЛОРДУ КРОМВЕЛЮ ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВЫДВИНУТЫХ НЕКОТОРЫМИ ЧЛЕНАМИ КОМИТЕТА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Наш вождь, неустрашимый Кромвель, тот,
Кто с мудростью и верой неизменной
Стезей добра сквозь мрак страды военной
И тучу клеветы нас вел вперед,

Не раз сподобил бог своих щедрот
Тебя в борьбе с фортуною надменной:
Ты рать шотландцев сбросил в Дарвен пенный,
Под Данбаром побед умножил счет

И в Вустере стяжал венок лавровый.
Но и в дни мира ждут тебя бои:
Вновь на душу советчики твои

Надеть нам тщатся светские оковы.
Не дай же им, продажным псам, опять
У нас свободу совести отнять.

СЭРУ ГЕНРИ ВЭНУ-МЛАДШЕМУ

Ты молод, Вэн, но разумом столь зрел,
Что даже Рим, где тоги, а не латы
Над эпиротом взяли верх когда-то,
Сенатора мудрее не имел.

Ты, заключая мир, в веденье дел
Искусней был любого дипломата;
Ты, в ход пуская то булат, то злато,
Добыть победу на войне умел.

К тому ж меж властью светской и духовной
Различье ты постиг и учишь нас,
Как избегать, по твоему примеру,

Смешенья их, в чем многие виновны.
Вот почему в глазах страны сейчас
Ты — старший сын и страж господней веры.

НА НЕДАВНЮЮ РЕЗНЮ В ПЬЕМОНТЕ

Господь, воздай савойцу за святых,
Чьи трупы на отрогах Альп застыли,
Чьи деды в дни, когда мы камни чтили,
Хранили твой завет в сердцах своих.

Вовеки не прости убийце их
Мук, что они пред смертью ощутили,
Когда их жен с младенцами схватили
И сбросили, глумясь, со скал крутых.

Их тяжкий стон возносят к небу горы,
Их прах ветра в Италию несут —
В край, где царит тройной тиран, который

Сгубил невинных. Пусть же все поймут,
Узрев твой гнев, что призовешь ты скоро
Блудницу вавилонскую на суд.

О СВОЕЙ СЛЕПОТЕ

Когда померк, до половины лет,
Свет для меня в житейской тьме кромешной,
«К чему мне,— вопросил я безутешно,—
Талант, который зарывать не след?

Как может человек, коль зренья нет,
Предвечному творцу служить успешно?»
И в тот же миг я, малодушьем грешный,
Услышал от Терпения ответ:

«Твой труд и рвенье, смертный, бесполезны.
Какая в них нужда царю царей,
Коль ангелами он располагает?

Лишь тот из вас слуга, ему любезный,
Кто, не ропща под ношею своей,
Все принимает и превозмогает».

МИСТЕРУ ЛОРЕНСУ

Пускай огонь в камине разведут,
Чтоб мы теперь, когда дожди полили,
С тобой, мой Лоренс, теплый кров делили,
В беседах коротая время тут,

Покуда дни ненастья не пройдут
И вновь зефир не колыхнет воскрылий
Весеннего наряда роз и лилий,
Которые не сеют, не прядут.

Здесь есть все то, что тонкий вкус прельщает:
Свет, яства и вино; здесь, наконец,
Под лютню иль орган нас восхищает

На дивном языке тосканском пенье;
И кто себе такие наслажденья
Нечасто позволяет, тот — мудрец.

САЙРИЭКУ СКИННЕРУ

Мой Сайриэк, чей знаменитый дед
В былые дни британскую Фемиду
Брал неизменно под свою эгиду
И как судья, и как законовед,

Вкуси со мной отрад, в которых нет
Приличьям ни ущерба, ни обиды,
Оставив Архимеда, и Эвклида,
И планы, что таит француз иль швед.

Учись соразмерять разумно время —
Не только размышляй, какой стезей
Идти вперед, задавшись мудрой целью,

Но и умей позабывать про бремя
Дневных забот и суеты мирской,
Коль посылает бог нам миг веселья.

ЕМУ ЖЕ

Друг Сайриэк, уже четвертый год
Мои глаза не различают света,
Хоть вчуже нелегко заметить это.
Напрасно я вперяюсь в небосвод —

Не видны мне ни звездный хоровод,
Ни золотое солнце, ни планеты.
Но дух мой тверд, надеждой грудь согрета,
Меня несчастье с курса не собьет.

Ты спросишь, где, слепец, беру я силы?
В сознанье, что огонь моих очей
Служение свободе угасило —

О ней я возвещал Европе всей.
И этой мыслью волю закалила
Мне вера, поводырь в юдоли сей.

О МОЕЙ ПОКОЙНОЙ ЖЕНЕ

Во сне моя усопшая жена
Ко мне вернулась, словно Алкестида,
Которую у смерти сын Кронида
Для мужа отнял в оны времена.

Библейской рожени́цы, что должна
Очиститься, была бескровней с вида
Она, святая, чья до пят хламида
Спадала, белоснежна и длинна.

Я разглядеть не мог сквозь покрывало
Ее лицо, хоть взор духовный мой
Прочел, что, как и встарь, оно сияло

Любовью, бесконечной и немой.
Но ах! Шагнув ко мне, она пропала,
Проснулся я — и свет сменился тьмой.

ПСАЛОМ I

Блажен тот муж, что не идет к порогу
Совета нечестивых, на дорогу
Греховных не встает и не сидит
В собранье развратителей, а чтит
Закон господень, людям свыше данный,
О коем размышляет неустанно.
Он будет словно древо у воды,
Чьи вызревают вовремя плоды
И чья листва вовеки не желтеет:
Что бы ни делал он, во всем успеет.
Иной удел у нечестивца. Он,
Как прах, что ветром над землей взметен,
Пасть на суде господнем не преминет,
Его собранье праведных отринет,
Затем что путь им указавший бог
Путь нечестивых гибели обрек.

ПСАЛОМ II

Зачем мятутся столькие народы,
И ковы тщетно строят племена,
И восстают цари, и год от года

Все громче меж князей хула слышна
На бога и помазанника божья:
«На вечные расторгнем времена

Их узы, их оковы свергнем тоже»?
Лишь посмеется бог на небесах,
И поругается над этой ложью,

И в гневе скажет с яростью в очах:
«Я над моей святой горой Сионом
Помазал моего царя». И страх

Вселю я в сильных словом, мне реченным:
«Ты — сын мой, днесь ты мной рожден, и я
Тебя взыщу наследием законным.

Проси, и дам тебе я все края,
Все племена земные во владенье,
И, как сосуд скудельный, длань твоя

Их сокрушит за неповиновенье,
Жезлом железным сломит выю им».
Итак, учитесь, о цари, смиренью

И вразумитесь, вы, кем суд творим.
Служите богу с робостью душевной,
С боязнью в сердце радуйтесь пред ним.

Почтите сына божья, иль плачевно
Погибнете в пути вы оттого,
Что скоро вспыхнет в сыне пламень гневный.

Блажен, кто уповает на него.

ПСАЛОМ VIII

Сколь, господи, твоя безмерна слава,
Простершаяся выше звезд ночных,
Сколь имя божье всюду величаво!
Из уст младенцев и детей грудных
Исторгнул ты себе хвалу к печали
И скорби тех, кто на тебя восстал,
Чтобы твои хулители молчали,
Чтоб мститель дрогнул, враг бессилен стал.

Я мыслю, глядя на небо — творенье
Твоих перстов, на горний хор светил:
«Идет ли с ними человек в сравненье?
Как, господи, о нем ты не забыл?
За что он, грешный, лицезреет бога
И положил ты под ноги его,
Пред ангелами умалив не много,
Все дело рук твоих, все естество?

Над всем его поставил ты владыкой —
Над птицею, парящей в небесах,
Над вольным зверем в чаще леса дикой,
Над рыбою, резвящейся в волнах,
Над овцами, что в поле щиплют травы,
Над чудищами мрачных бездн морских...»
Сколь имя бога всюду величаво,
Сколь славен он во всех краях земных!

ПСАЛОМ LXXXV

1. Ты милосерд, о боже, стал
К земле твоих сынов.
Иакову из плена дал
Ты возвратиться вновь.
2. Ты *беззаконие простил*
Народа твоего [1],
И *все грехи его покрыл*,
Их бремя снял с него.
3. Всю *лютость ярости твоей*
Сумел ты обуздать.
Твой гнев от нас, твоих детей,
Ты *отвратил* опять.
4. Наш избавитель и творец,
Восстанови наш край.
Негодование, отец,
На чад не изливай.
5. Ужели не настанет час,
Когда твой гнев прейдет?
Ужели ты его на нас
Простреш от рода в род

[1] Все, набранное иным шрифтом, представляет собой доподлинные слова Писания в переводе с оригинала.

6. И к жизни *твой народ* тобой
Не будет возвращен,
Затем *чтоб о тебе* душой
Возрадовался он?
7. О ты, кто дал нам бытие,
Яви и *милость нам:*
Даруй спасение твое
Твоим земным сынам.
8. Я ныне господу вонму,
И будет *сказан им*
Мир и народу своему,
И *избранным своим;*
Но пусть благоговейно чтут
Его закон они,
Да в безрассудство не впадут,
Как впали в оны дни.
9. Все те, в ком страх пред богом есть,
Спасутся в мире сём,
И слава поселится здесь,
В краю, где мы живем;
10. И милость с истиной скрепят
Союз на счастье нам;
И с правдой мир — с сестрою брат —
Прижмут уста к устам;
11. И *истина*, как вешний цвет,
Возникнет из земли;
И воссияет правды свет
В заоблачной дали;
12. И людям *благо даст господь*,
И *даст земля плоды*,
Что напитают нашу плоть
В награду за труды;
13. И правда будет, как всегда,
Пред господом идти,
Чтоб не свернули никогда
Мы с правого пути.

САМСОН-БОРЕЦ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

«Τραγφδία μίμησις πράζεως σπουδαίας...»

Aristot. Poet., c. VI

«Tragoedia est imitatio actionis seriae... per misericordiam et metum perficiens talium affectuum lustrationem» [1].

[1] «Трагедия есть подражание действию важному... совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» *(греч., перев. В. Г. Аппельрота)*.

ПЕРЕВОД Ю. КОРНЕЕВА

О ТОМ РОДЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ, КОТОРЫЙ НАЗЫВАЕТСЯ ТРАГЕДИЕЙ

Трагедия, если писать ее так, как писали древние, была и есть наиболее высокий, нравственный и полезный из всех поэтических жанров. Аристотель полагает за ней способность пробуждать сострадание, страх, ужас и тем самым очищать душу от этих и сходных с ними аффектов, то есть смягчать или должным образом умерять последние посредством особого рода наслаждения, доставляемого нам чтением или смотрением пиесы, где умело воспроизводятся чужие страсти. Природа дает нам немало примеров, подтверждающих его мысль: так, медицина лечит дурные соки болезнетворными средствами — кислые кислотами, соленые солями. Поэтому философы и прочие серьезнейшие писатели, как-то: Цицерон, Плутарх и другие, нередко приводят отрывки из трагических поэтов, чтобы придать красоту и отчетливость собственным мыслям. Сам апостол Павел нашел уместным включить в текст Священного писания стих Еврипида (1 Коринф., XV, 33), а Пареус в комментарии к «Откровению» представил эту книгу в виде трагедии, различая в ней акты, отделенные друг от друга хорами небесных певцов и арфистов. Со стародавних времен люди самого высокого положения не жалели труда, дабы доказать, что и они способны сочинить трагедию. Дионисий Старший алкал этой чести не меньше, чем прежде стремился стать тираном. Цезарь Август также принялся за «Аякса», который остался незакончен лишь потому, что начало его не удовлетворило автора. Кое-кто почитает философа Сенеку доподлинным создателем тех трагедий, которые ходят под его именем,— по крайней мере, лучших из них. Григорий Назианзин, отец церкви, не счел ниже своего святого достоинства написать трагедию под заглавием «Христос Страждущий». Мы упоминаем об этом,

дабы защитить трагедию от неуважения, вернее сказать, от осуждения, которого в наши дни она, по мнению многих, заслуживает наравне с обычными театральными представлениями, чему виной поэты, примешивающие комическое к великому, высокому и трагическому или выводящие на сцену персонажей банальных и заурядных, что люди здравомыслящие находят нелепым и объясняют лишь желанием угодить извращенному вкусу толпы. И хотя древняя трагедия не знает пролога, она все-таки прибегает подчас — либо для самозащиты, либо для пояснений — к тому, что Марциал именует эпистолой; поэтому и мы предпосылаем подобную эпистолу нашей трагедии, сочиненной на манер древней и сильно разнящейся от тех, что слывут у нас наилучшими, и уведомляем: введенный в нее Хор есть не только подражание греческим образцам — он свойствен также новому времени и до сих пор в ходу у итальянцев. Таким образом, в построении этой пиесы мы — притом с полным основанием — следовали древним и итальянцам, чья слава и репутация гораздо более для нас непререкаемы. Написаны хоры стихом непостоянного размера, называвшимся у греков моностроfическим, или, точнее, словом apolelymenon, без деления на строфу, антистрофу и эпод, которые представляли собой нечто вроде стансов на музыку, аккомпанировавшую пению хора,— для поэмы они несущественны, и без них можно обойтись. Поскольку хоры у нас разбиты паузами на отрывки, стих наш можно именовать и аллеостроfическим; от деления на акты и сцены мы также отказались — они нужны только для подмостков, для которых произведение наше никогда не предназначалось.

Довольно будет, если читатель заметит, что драма не выходит за пределы пятого акта; что же до слога, единства действия и того, что обычно носит название интриги, запутанной или простой — неважно, и что на самом деле есть расположение и упорядочение сюжетного материала в согласии с требованиями правдоподобия и сценичности, то справедливо судить о них может лишь тот, кто не совсем незнаком с Эсхилом, Софоклом и Еврипидом, тремя поныне непревзойденными трагическими поэтами и наилучшими учителями для тех, кто пробует силы в этом жанре. В соответствии с правилом древних и по примеру наиболее совершенных их творений, время, которое протекает от начала до конца драмы, ограничено сутками.

СОДЕРЖАНИЕ

В праздничный день, когда прекращены все работы, Самсон, ослепленный, взятый в плен и томящийся в тюрьме в Газе, где он обречен на каторжный труд, выходит на воздух, чтобы отдохнуть в уединенном месте, невдалеке от тюрьмы, и скорбит о своей участи; здесь его случайно находят друзья и соплеменники, представляющие собой Хор и пытающиеся по мере сил утешить собрата; вслед за ними появляется его старый отец Маной, который, задавшись тою же целью, рассказывает о своем намерении выкупить сына на свободу и под конец сообщает, что сегодня у филистимлян день благодарения Дагону, избавившему их от руки Самсона; эта весть еще более удручает пленника. Затем Маной уходит хлопотать у филистимских правителей о выкупе Самсона, которого тем временем навещают разные лица и, наконец, храмовый служитель, требующий, чтобы узник, представ на празднестве перед знатью и народом, показал им свою силу. Сперва Самсон упорствует и, наотрез отказавшись подчиниться, отсылает служителя: но потом, втайне чуя, что так хочет бог, соглашается последовать за служителем, вторично явившимся за ним и всячески угрожающим ему. Хор остается на месте; возвращается Маной, одушевленный радостными надеждами на скорое освобождение сына; на середине его монолога вбегает еврей-вестник и сначала намеками, а потом более отчетливо рассказывает о гибели, уготованной Самсоном филистимлянам, и его собственной смерти; здесь трагедия кончается.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Самсон.
Маной, отец Самсона.
Далила, жена Самсона.
Гарафа из Гефа.
Служитель храма Дагонова.
Вестник.
Хор — евреи из колена Данова.

Место действия — перед тюрьмой в Газе.

Самсон

Направь мои незрячие шаги
Еще чуть дальше, вон к тому пригорку.
Там можно выбрать меж жарой и тенью;
Там посижу я, раз мне выпал случай
Расправить перетруженную спину,
Которую я гну весь день в темнице,
Где, пленник, пленным воздухом дышу —
Сырым, промозглым, затхлым, нездоровым;
Вот здесь, куда дыханье ветерка
Приносит утром свежесть и прохладу,
Ты и оставь меня. Сегодня, в праздник
Дагона, их лжебожества морского,
Не трудится никто из филистимлян,
И я благодаря их суеверью
В безлюдном этом месте, где не слышен
Шум городской, могу хотя б на миг
Нечаянному отдыху предаться,
Но только плотью, а не духом, ибо,
Едва наедине я остаюсь,
Меня, как кровожадный рой слепней,
Смертельно начинают жалить мысли
О том, чем был я встарь и чем я стал.
О, разве ангел, схожий видом с богом,
Родителям моим явившись дважды,
Им не предрек, что будет сын у них,
Как будто это — важное событье
И благо для потомков Авраама,
После чего опять исчез, растаяв
В огне, на камне жертвенном пылавшем?
Так неужель я, божий назорей,
Для подвига предызбранный с пеленок,
Взращен был лишь затем, чтоб умереть
Слепым рабом и жертвою обмана,
Вращая жернов под насмешки вражьи
И силу, что творец мне даровал,
Как подъяремный скот, на это тратя?
О! При столь дивной силе пасть так низко!..
Господь предвозвестил, что я Израиль
От ига филистимского избавлю.
Где ж ныне этот избавитель? В Газе,
На мельнице, средь узников в цепях,
Он сам под филистимским игом стонет.

Но нет! Мне ль в божьем слове сомневаться?
Кого как не себя винить я должен,
Коль скоро только по моей вине
Предсказанное не осуществилось?
Кто как не я, безвольно уступив
Слезам и настояньям женским, с тайны,
Мне вверенной, сорвал печать молчанья,
Сказал, откуда черпаю я силу,
И научил, как подорвать ее?
О, слабая душа в могучем теле!
Беда, коль разум вдвое не сильнее
Телесной силы, грубой, неуемной,
Самонадеянной, но беззащитной
Перед любым коварством. Он — хозяин,
Она — слуга. Недаром у меня
Ее источник — волосы. Тем самым
Бог дал понять, сколь дар его непрочен.
Довольно! Грех роптать на провиденье,
Преследующее, быть может, цели,
Умом непостижимые. Одно
Я знаю: сила — вот мое проклятье.
Она причина всех моих несчастий,
Любое из которых не оплакать
Мне дó смерти, а слепоту — подавно.
О, горшая из бед! О, жребий, с коим
Нейдут в сравненье цепи, бедность, старость —
Ослепнув, в руки угодить врагам!
Свет, первое творение господне,
Для глаз моих померк, лишив меня
Всех радостей, что скорбь смягчить могли бы.
Я жалче, чем последний из людей,
Чем червь — тот хоть и ползает, но видит;
Я ж и на солнце погружен во тьму,
Осмеянный, поруганный, презренный.
В тюрьме и вне ее, как слабоумный,
Не от себя, но от других завися,
Я полужив, нет, полумертв скорей.
О, мрак среди сиянья, мрак бескрайный,
Затменье без просвета и надежды
На возвращенье дня!
О, первозданный луч и божье слово:
«Да будет свет. И стал повсюду свет!» —
Зачем оно ко мне неприменимо?
Луч солнца для меня

Утратил прежний блеск,
Поблекнув, как луна,
Когда она заходит пред зарею.
Но если жизни нет без света, если
Он сам почти что жизнь и если верно,
Что он разлит в душе,
А та живет в любой частице плоти,
То почему же зреньем наделен
Лишь глаз наш, хрупкий, беззащитный шарик,
И почему оно — не ощущенье,
Присущее всем членам, каждой поре?
Тогда б я не был изгнан в область мрака,
Где, отлучен от света, свет храню
И где, полуживой, полумертвец,—
О горе! — не в могиле похоронен,
А сам себе служу ходячим гробом
И потому лишен
Тех преимуществ, что дает кончина,—
Бесчувственности и забвенья мук,
И ощущаю во сто крат острее
Все беды и невзгоды,
Что пленнику сулит
Жизнь меж врагов жестоких.
Но что это? Шаг многих ног я слышу.
Толпа сюда валит. Неужто снова
Язычники пришли полюбоваться
На мой позор, чтоб по своей привычке
Насмешками усугубить его?

Х о р

Вот он, вот он! Замедлим шаг,
Чтоб в слепца испуг не вселить.
О рок превратный, казнь беспримерная!
Видите, как он простерся, поверженный,
В пыль уткнувшись лицом,
Словно устал бороться,
Словно утратил надежду,
Грязным рваным рубищем рабским
Еле прикрыт.
Ужель глаза не лгут? Ужели это он,
Тот прославленный воин,
Тот Самсон, что сражал, безоружный,
Самого грозного зверя и недруга,
Льва растерзал, словно лев козленка,

Шел на врагов с руками голыми,
В строй их железный,
Блещущий бронями ха́либской выделки,
Острыми копьями ощетиненный,
Смело врывался, презрев опасность;
Тот, чей единый взмах
Сеял смерть во вражьих рядах;
Тот, чья поступь неодолимая
В бегство язычников обращала?
Львом он кидался на рать аскалонскую,
Наихрабрейших принуждая
Тыл показывать иль взметать
Прах придорожный нашлемными гребнями.
В Рамаф-Лехи, избрав оружием
Меч костяной — ослиную челюсть,
Тысячу он сразил необрезанцев,
Цвет язычников Палестины.
В Газе сорвал он ворота и, на плечи
Вскинув с запором и косяками,
Словно титан-небодержец эллинский,
Снес их на холм над дорогой хевронскою,
Где исполины некогда жили.
Что ему тяжелей —
Рабство иль слепота,
Эта тюрьма в тюрьме,
Где беспросветен мрак?
Зрячий порой напрасно сетует,
Что дух его — пленник плоти.
Нет, лишь душа того, чье зренье отнято,—
Подлинно узница,
Замкнутая в ночи телесной,
Коей скончанья нет,
Ибо внешний не может свет
Вспыхнуть там, где навек
Внутренний свет померк.
Ты, чья судьба — подтвержденье
Непостоянности счастья,
В горе нет тебе равного,
Ибо с вершины славы неслыханной,
Всюду чтимый молвой,
Пал ты до самых глубин бесчестия,
Хоть до сих пор никто во вселенной
Ни от своих отцов,
Ни по прихоти случая

Не был щедрей, чем ты, несравненный,
Первый среди бойцов,
Взыскан силой столь же могучею.

Самсон

Слова доходят до ушей моих,
Но я не различаю смысла их.

Хор

Он говорит. Подойдем... Воитель,
Слава Израиля встарь, ныне — скорбь,
Здесь мы, твои друзья и соседи.
Из Естаола и Цоры пришли мы,
Чтобы тебя проведать, поплакать
Вместе с тобой иль тебя утешить
Добрым советом, затем что лечит
Раны души, словно бальзам,
Теплое слово участья.

Самсон

Я рад, что вы пришли. Теперь я знаю
Уже по опыту — не понаслышке,
Сколь часто — исключения не в счет! —
С фальшивою монетой схожа дружба.
Друзья вкруг нас роятся в дни удачи;
В беде ж, когда они всего нужней,
Их нет как нет. Вы видите, сколь много
Обрушилось несчастий на меня.
Но горшее меж ними, слепота,
Меня не удручает: будь я зрячим,
Мне на людей глядеть мешал бы стыд,
Затем что я, как безрассудный кормчий,
Мне небесами вверенный корабль
Разбил о скалы, за одну слезинку
Предательнице выдав тайну силы,
Которую вдохнул в меня создатель.
О, видно, ныне прозвищем «Самсон»
На улицах в насмешку величают
Глупцов, что сами на себя беду
Накликали, как я, кому господь
Дал много сил, а вот рассудка мало!
Быть не слабее тела должен ум.
Несоразмерность их меня сгубила.

Хор

Нет, не ропщи на промысел всевышний!
Всегда коварным женам мудрецы
В обман давались и даваться будут.
Не упрекай себя — и без того
Сверх меры тяжек груз твоей печали.
Но, говоря по правде, странно нам,
Что филистимлянок предпочитал ты
Своим одноплеменницам, нисколько
Не менее пленительным и знатным.

Самсон

В Фимнафе взял я первую жену,
Хоть мать с отцом сердились, что вступаю
Я с иноверкой в брак. Они не знали,
Что мною движет бог, что тайный голос
Не упускать велит мне этот случай
Приняться за осуществленье дела,
К которому с рожденья призван я,
И от врагов освободить Израиль.
После ее измены я пленился
Змеей моей, чудовищем прекрасным,
Далилой, девой, жившей на долине
Сорéк,— и каюсь в том, хоть слишком поздно,—
Я полагал, что делаю и это
Все с той же прежней целью — чтоб прогнать
Гонителей Израиля. Однако
За все в ответе не она, а я,
Кто сдал — о, слабость!— цитадель молчанья
Под натиском трескучих женских слов.

Хор

Ты никогда — в том мы тебе порука —
Не упускал возможности восстать
На филистимлян, что гнетут Израиль,
Но все ж его сынов не спас от рабства.

Самсон

Виной тому не я — вожди колен,
Правители Израиля, которым,

Когда они узрели, что́ творю
С врагами я один по воле бога,
Уразуметь их трусость помешала,
Что час освобождения настал.
Бахвалиться я не пошел пред ними —
Пускай деянье деятеля славит;
Они ж молве о подвигах моих
Не посчитали нужным внять, покуда
Владельцы филистимские не вторглись
С войсками в Иудею, чтоб меня
Схватить в ущелии скалы Етама,
Где я засел, но не спасенья ради,
А с целью истребить их рать сполна.
Меж тем, сойдясь туда, сыны Иуды,
Чтоб край спасти, меня решили выдать;
Не убивать меня я взял с них слово,
И сдался, и связать себя позволил
Двумя веревками, и отведен
Был к необрезанцам, где с рук моих,
Как лен перегоревший, спали путы
И поразил я челюстью ослиной
Всех филистимлян, кроме убежавших.
Когда б в тот день пошел за мной Израиль,
Сегодня башни Гефа были б наши
И стали б господами мы, рабы.
Но разве для народов развращенных,
Что впали в рабство за свои грехи,
Ярем привычный не милей свободы,
Покой трусливый не милей борьбы?
Что избавитель, посланный им богом,
У них стяжает? Зависть, недоверье,
Презренье. Что б для них он ни свершил,
Они его в опасности покинут,
За подвиги ему хулой заплатят.

Х о р

Речи твои нам напомнили,
Как Пенуэл и Сокхоф презрели
Их спасителя Гедеона
В день, когда царей мадиамских
Он с дружиной преследовал;
Как сгубили б ефремляне
Иеффая, чье красноречие

Лучше меча защищало
Землю Израиля от аммонитян,
Если б не сокрушила
Смелость его их спесь и силу
В битве, где всех перебили,
Кто «шибболет» не выговаривал.

Самсон

К их именам прибавьте и мое.
Но мною пренебречь народ мой вправе,
А вот свободой, божьим даром, — нет.

Хор

Праведными считать
Нам господни пути
Следует, коль не желаем мы
В вечных потемках скитаться.
Может только глупец,
Мнящий, что он — мудрец,
Спорить с божественным провиденьем.

Но часто, усомнившись в нем, вступаем
Мы на стезю, что небу неугодна,
Даем греховным мыслям волю,
Идем от заблужденья к заблужденью,
И господа гневим, впадая в них,
И множим бремя вин своих,
Не обретая удовлетворенья.

Тщась безграничного ограничить,
Его подчинить завету,
Которым нас — не себя связал он,
Мы не видим, что волен
Он своего избранника
Выше всех заповедей поставить.
Кто ж толковать закон
Может лучше законодателя?

Разве иначе он, всемогущий,
Средств не нашел бы воспрепятствовать
Браку героя,
Что чистоту был блюсти обязан,

Дабы спасти свой народ от рабства,
С этой языческою коварной
Блудною тварью?

Смолкни ж, рассудок! Довольно умствовать!
Хоть нам и кажется,
Будто виной всему сам назорей,
Грех не на нем, а на ней, распутной.

Слышишь, Самсон, шаги? Подходит
К нам твой отец седоволосый,
Старец Маной. Прими,
Как подобает, родителя.

Самсон

Увы! При этом имени тоска
И стыд меня объемлют с новой силой.

Маной

Коль вы, собратья по колену Дана,
От коих, старец немощный, отстал я,
Сюда, в страну врагов, свой юный шаг
Направили из уваженья к другу,
Который встарь был славен, а теперь
Стал пленником,—ответьте, где мой отпрыск.

Хор

Вот он, кому не видел равных мир
В величии вчера, в позоре ныне.

Маной

О, страшное паденье! Неужели
Передо мной Самсон непобедимый,
По силе равный ангелам, гроза
Язычников, в чьи города входил он,
Отпора не встречая; тот, кто прежде,
Один собою войско заменяя,
На вражью рать кидался и кого
Сегодня на длину копья к себе
Трус не подпустит. О, сколь неразумны
Мы, веря в наши силы! О, сколь часто
То благо, о котором просим мы,
Оказывается проклятьем нашим!

Бесплодности стыдясь, я о потомстве
Молил творца, и у меня родился
Сын — да какой! — сородичам на зависть.
Но кто из них судьбою поменялся б
Со мной теперь? О, для чего господь
Мне внял, взыскав меня безмерным счастьем?
Зачем его щедроты нам желанны,
Коль скоро, словно жалом скорпион,
Нас каждый дар его язвит бедою?
Зачем два раза ангел низлетал,
Велев вскормить ребенка чистой пищей,
Как редкое священное растенье,
Что всех дивит в дни краткого расцвета?
Неужто лишь затем, чтобы, обманут,
Взят в плен, закован, ослеплен, осмеян,
Томился в доме узников мой сын?
Мне кажется, того, кто избран богом,
Не должно б небесам, хотя бы в память
Деяний славных, совершенных им,
Постыдной рабской участью карать
За слабости его и заблужденья.

Самсон

На бога не дерзай роптать, отец.
Заслужены мной все мои несчастья —
Лишь я виновник и причина их.
Да, мой позор безмерен, но безмерно
И безрассудство: я обет нарушил
И выдал хананеянке коварной,
Язычнице и нашему врагу,
Мне господом доверенную тайну.
А я ведь знал на опыте, чем это
Чревато: разве мне не изменила
Фимнафка, выдав тайну, что открыл
Я ей на ложе брачных наслаждений,
Соперникам моим, за мной следившим
И угрожавшим ей? С чего ж я взял,
Что будет мне верней жена вторая,
Которая в разгаре нашей страсти
Уже успела, даже не деньгами,
А обещаньем денег соблазнясь,
Зачать ублюдка — замысел измены?
Она ко мне три раза приступала,
Чтоб выведать упреками и лестью,

Слезами и объятьями, в чем сила
Моя и как меня ее лишить.
Я трижды обманул жену и к шуткам
Все свел, хоть убеждался всякий раз
В ее бесстыдстве, дерзости, коварстве
И, более того, в презренье злобном,
С каким она меня пыталась сделать
Изменником перед самим собой.
Тогда в четвертый раз она пустила
В ход женские ухватки и уловки,
Мне докучая ими день и ночь
В часы, когда усталому супругу
Особенно нужны покой и отдых,
И сдался я, и сердце ей открыл,
Хоть мог бы, будь я чуточку мужчиной,
Отринуть домогательства ее.
Но шею сам, обабившись, подставил
Я под ярмо. О, мерзость! О, пятно
На чести и на вере! За поступок,
Раба достойный, рабством я наказан,
Но даже в рубище, вращая жернов,
Не ниже, не постыдней, не бесславней
Я пал, чем став невольником блудницы,
И нынешняя слепота моя
Все ж не страшнее слепоты духовной,
Мне мой позор увидеть не дававшей.

Маной

Я браки, сын, твои не одобрял,
Но ты твердил, что по внушенью неба
Вступаешь в них, чтоб обрести возможность
Вред причинить врагам израильтян.
Теперь я убедился, что, напротив,
Ты этим только недругам помог
В плен взять тебя, что плотские соблазны
Тебя лишь побудили преступить
Священный твой обет — хранить молчанье,
Хоть соблюсти его ты в силах был.
Да, тяжко, непомерно тяжко бремя
Твоей вины. Ты горько поплатился,
Но горшая расплата — впереди.
У филистимлян в Газе нынче праздник:
Там будут жертвы приносить Дагону
И восхвалять его на все лады

За то, что он от рук твоих, Самсон,
Столь многих нечестивцев истребивший,
Спас остальных и отдал в руки им
Тебя, слепец и узник беззащитный.
Сброд необрезанный, вином упившись,
Дагона станет громогласно славить,
А бога, кроме коего нет бога,
Хулить и осмеянью предавать,
И то, что в этом ты, Самсон, виновен,
Есть самая ужасная из кар,
Наипостыднейший позор, которым
Себя и отчий дом ты запятнал.

Самсон

Отец, я сознаю, что мой проступок
Дагона превознес и возвеличил
Среди язычников; что этот праздник
Они справляют по моей вине;
Что посрамил я господа на радость
Всем идолопоклонникам безбожным;
Что подорвал в Израиле я веру,
Вселив сомненье в тех, кто сердцем слаб
И склонен к почитанию кумиров.
И это — глубочайшая из ран
Моей души: из-за нее лишились
Покоя разум мой и сна — глаза.
Одним я утешаюсь: для борьбы
Я больше не гожусь, а значит, вступит
Бог Авраама в спор с Дагоном сам.
Меня сломив, мнит идол филистимский,
Что господу он в силах бросить вызов
И вознестись над ним, но царь небес
Восстанет, чтоб свое святое имя
Опять победоносно утвердить.
Дагон падет, и скоро пораженье
Потерпят почитатели его,
И отберут у них все, что коварством
Они отнять сумели у меня.

Маной

Ты прав в своей надежде, и считаю
Я речь твою пророческой: господь,
Я в том уверен, не позволит долго
Над славою его врагам ругаться,

А слабодушным спрашивать себя,
Кто выше — он или Дагон. Но должен
Я участь облегчить твою покуда.
Не допущу я, чтоб вот так, забытый,
В темничном доме мерзостном ты чах.
Нашел я меж владельцев филистимских
Таких, что выкупить тебя позволят,
Коль скоро ты им больше не опасен
И жажда мести в них утолена
Теперь, когда ты столько муки принял
И ввергнут в рабство, худшее, чем смерть.

Самсон

На хлопоты, отец, не трать напрасно
Ни труд, ни время. Дай мне здесь остаться,
Чтобы мой грех — позорную болтливость
Заслуженною карой искупить.
Чужую тайну безрассудно выдать,
То, что нам друг доверил, разгласить
Есть гнусность, за которую от нас
Отшатываются с презреньем люди,
Якшаться не желая с болтунами,
Чей лоб печатью глупости клеймен.
А я, преступной слабости поддавшись,
Огласке предал божью тайну, то есть
Свершил проступок, за который в бездну
Был ввергнут, по языческим преданьям,
На вечные мученья некий царь.

Маной

Раскаивайся, сын, в своей ошибке,
Но все ж во вред себе не поступай.
Избегнуть — коль возможно это — казни
Долг самосохранения велит.
Пусть приговор тебе выносит небо,
И пусть его приводит в исполненье
Господня длань, а не твоя. Быть может,
Смягчится бог и грех отпустит твой.
Тот, кто творца, с покорностью сыновней
Приемля жребий свой, о жизни молит,
Скорей пробудит милосердье в нем,
Чем тот, кто умереть упорно жаждет
Не потому, что прогневил творца,
А потому, что на себя разгневан.

Так не препятствуй же моим попыткам.
Кто знает, не угодно ли творцу,
Чтоб, к нам вернувшись, в дом его священный
Явился ты для жертвоприношенья
И вымолил прощение себе?

Самсон

Да, о прощенье я молю, но жизни
Не нужно мне. Когда-то, полн надежды,
Высоких помыслов, отваги юной,
Для подвига предызбранный с рожденья,
Меж смертными сильнейший и уже
Столь громкие деяния свершивший,
Что славою затмил сынов Енака,
Бесстрашием подобен полубогу,
Во всех вселяя страх и восхищенье,
Я проходил по вражеской земле,
Где не дерзал никто принять мой вызов.
И я же, обезумев от гордыни,
Попался в сеть притворных слов и ласк,
Размяк от сладострастья и почил
Челом, увенчанным святой порукой
Моей дотоль несокрушимой мощи,
На похотливом лоне лживой шлюхи,
Которою, как валух, был острижен,
Обезоружен, сил былых лишен
И недругам на поруганье выдан.

Хор

Но ты же подавил в себе любовь
К вину, что стольких воинов сразило,
И жажду, не прельщаясь ароматом
Рубинового этого напитка,
Что веселит богов и человеков,
Лишь ключевой водою утолял.

Самсон

Да, лишь холодной и прозрачной влагой —
Тем молоком природы, что алеет
В ручьях и реках под лучом багряным
Проснувшегося дня, я освежался,
Чуждаясь тех, кто голову себе
Хмельным и буйным соком лоз дурманит.

Хор

О, безрассуден тот, кто почитает
Вино залогом нашего здоровья,
И своему сильнейшему бойцу
Бог запретил его вкушать недаром,
Из всех напитков разрешив лишь воду.

Самсон

А смысл какой в воздержности моей,
Коль худшему соблазну я поддался?
Что толку защищать одни ворота,
Врага из бабьей трусости в другие
Впуская? Чем могу я, ослепленный,
Поруганный, раздавленный, бессильный,
Полезен быть народу своему
И делу, мне порученному небом?
Не тем ли, что сидеть у очага,
Как трутень, буду, жалость возбуждая
В прохожих людях кудрями густыми,
Нагробьем жалким сил моих былых,
Пока от неподвижности под старость
Не онемеют члены у меня?
Нет, здесь хочу я спину гнуть, покуда
Не подавлюсь дурандой, рабским кормом,
Иль паразиты не сожрут меня
И не положит смерть предел желанный
Страданиям и горестям моим.

Маной

Ужель врагам поставишь ты на службу
Тот дар, что получил, чтоб им вредить?
Нет, лучше уж не то что будь лентяем —
В параличе лежи, но только дома.
Однако тот, кто ямину разверз
В сухой земле, чтоб после жаркой битвы
Тебя не погубила жажда, властен
В твоих очах опять затеплить свет,
Чтоб лучше ты служил творцу, чем прежде.
Зачем иначе снова у тебя
Источник силы — кудри отросли бы?
Верь, божья мощь не зря в тебе жива —
Господний дар без цели не дается.

Самсон

Нет, тайный голос шепчет мне другое:
В пустых моих глазницах свет не вспыхнет,
И жизни свет во мне померкнет тоже,
И скоро я уйду в двойную ночь.
Мой дух надломлен, не сбылись надежды,
Всем естеством я от себя устал.
Прошел стезею славы и позора
Я до конца и ныне твердо знаю:
Уже не долго отдыха мне ждать.

Маной

Не верь дурным предчувствиям, внушенным
Той черной меланхолией, которой
Напитаны все помыслы твои.
А я, мой сын, отцовский долг исполню
И вызволю тебя — или за выкуп,
Или иначе. Будь же поспокойней
И утешеньям дружеским вонми.

Самсон

О, живет моя боль не только
В ранах и язвах плоти,
В неисчислимых недугах
Сердца, чрева, груди —
Ею душа полна.
Тайно она
Вкралась в мысли наичистейшие,
В самые недра сознанья,
Словно кости и члены,
Пытке невидимо и безгласно
Их подвергая всечасно.
Горе снедает меня
Всякой хвори быстрей,
Ибо жжет оно и заражает,
Словно рана смертельная,
Дух мой, который уже
Черным тленьем смердит.
Жалят мысли, мои мучители,
Сердце там, где оно уязвимей,
В нем распаляя жар, которого
Не остудят травы целебные,
Снадобья лекарей и весенний

Ветер с вершин, снегами покрытых.
Сон себе могу я вернуть
Лишь всезаглушающим опием смерти,
Коей, покинутый небом,
Я в отчаянье жду.
Стал я еще во чреве матери
Божьим избранником,
Как было предсказано дважды ангелом.
В строгой воздержности
Я возрастал под оком господа.
Вел он меня в сражениях
С полчищем необрезанцев
К подвигам, непосильным для смертных.
Ныне ж меня он забыл и выдал
Недругам, на которых
Шел я войной по его веленью.
Зренья навеки лишенный, беспомощный,
Я оставлен в живых для того лишь,
Чтоб язычникам быть посмешищем.
Мне надежд — и тех не даровано:
Нет от моих страданий лекарства.
Лишь об одном небеса я молю —
Чтоб моим бедам несчетным
Смерть поскорей предел положила.

Хор

Сотни раз уже повторено
Мудрецами наших дней и древности,
Что терпенье — высшая из доблестей,
Что должны мы стойки быть в превратностях
Быстротечной жизни человеческой.
В книгах мы находим
Доводы, советы, наставления
Страждущим в облегчение,
Только все слова их благозвучные
Праздным краснобайством кажутся
Или раздирают слух несчастному,
Коль не находит он
Сам в себе тот ключ утешения,
Чьею влагою дух подавленный
Освежает и подкрепляет.

Боже, странен жребий людской!
Длань твоя то строго, то кротко

Дней наших бег короткий
То ускоряет, то замедляет,
Чем отличает нас
Как от ангелов, так и от беззаботных
Глупых животных.
Что говорить о людях обычных,
Суетных, безличных,
В мир пришедших, чтоб сгинуть бесследно,
Как однодневные мотыльки,
Коль и от тех, кто твоею милостью
Взысканы, ибо тобой предызбраны
К подвигам ради блага
Веры твоей, твоего народа,
Часто в самый полдень их славы
Вдруг отвращаешь ты
Лик и десницу свою, словно сам же к ним
Не был прежде столь щедр,
Словно тебе они плохо служили?

Стоит хоть малость им оступиться,
Ты за ошибку казнишь жестоко:
Взлет их высок был, но глубже падение
В пропасть забвения,
Дна которой не видит око.
Часто ты обрекаешь их
Плену или мечу язычников,
Иль суду выдаешь неправому,
Иль толпе дозволяешь неблагодарной
Бросить останки их псам и стервятникам.
Если же смерти они избегли,
Им в удел назначаешь ты
Старость до срока, недуги
И нищету.
Хоть наказанье ими заслужено,
Их оправданье — в его чрезмерности,
Ибо и к правым, и к виноватым,
Господи, ты равно беспощаден.

Смилуйся же над своим воителем,
Славы и мощи твоей воплощением,
Участь его облегчи, коль возможно,
Призри на горе его безысходное,
Дай ему отдых от долгой муки.
Кто это? Женщина иль виденье?

К нам она движется,
Как ладья величавая,
Что из Тарса путь
Держит к островам
Иавана иль
В отдаленный Гадес,
С гордо разубранной палубой,
Под парусами, вздутыми
Ветром угодливым и попутным.
Запах амбры о ней возвещает.
Вслед ей толпой прислужницы шествуют.
Знатной она филистимлянкой кажется.
Это жена твоя, это Далила,
Мы узнали ее.

Самсон

Моя жена? Изменницу гоните!

Хор

Как гнать ее, коль, глянув на тебя,
Она челом склонилась долу, словно
Росою переполненный цветок,
И ей уста раскрыть мешают слезы,
Бегущие по шелку покрывала?
Но тсс! Сейчас она заговорит.

Далила

Колеблясь, робким шагом шла сюда я
К тебе, Самсон: меня пугал твой гнев,
Который, спору нет, заслужен мною,
Хоть я и не предвидела последствий
Поступка своего. Но коль слезами
Грех можно искупить, я за него
Сторицей заплатила. Не считаю
Я это оправданием, и все ж
Поверь, что лишь супружеской любовью,
Сомнения и страх преодолевшей,
Приведена я в этот дом темничный,
Чтоб вновь твой лик увидеть, чтоб узнать,
Как можно облегчить твои страданья
И заслужить прощение твое
За все, чему виной мое безумство,
А более всего — судьбина злая.

Самсон

Гиена, прочь! Оставь свои уловки,
Оружье лживых женщин, что сперва
Нас предают и клятвы преступают,
А после с покаянным видом молят
Простить их и с притворными слезами
Блаженство нам сулят лишь для того,
Чтоб вызнать, где предел долготерпенью
Мужчины и каким путем играть
На слабостях его иль силе можно.
Затем, но осторожней и ловчей,
Они вновь начинают строить козни,
Дурача самых мудрых между нами,
Кому не позволяет доброта
Ответить на раскаянье отказом.
Вот так и чахнем мы до смерти в кольцах
Змеи, что на своей груди пригрели,
А то и сразу погибаем в них,
Как я погиб — потомству в назиданье.

Далила

Нет, выслушай меня, Самсон. Не тщусь
Я грех свой извинить иль преуменьшить,
Но если ты оценишь беспристрастно
Всю совокупность обстоятельств дела —
Не только против, но и за меня,
Я полагаю, ты меня простишь
Иль хоть поменьше будешь ненавидеть.
Во-первых, за свершенный мной проступок
В ответе любопытство и болтливость,
Две слабости, что вечно побуждают
Наш женский пол выведывать сперва,
А после разглашать чужие тайны.
И разве сам не проявил ты слабость,
Настойчивости женской уступив
И мне назвав своей источник силы?
Ты сам пример мне подал. Виновата
Я в том, что тайну выдала врагам;
Ты — в том, что женщине ее доверил.
Ты — первый враг себе, я — лишь вторая.
Так пусть же слабость оправдает слабость,
Затем что обе суть родные сестры,
И чтоб тебя за слабость не корили,

Не упрекай и ты меня за то,
Что не сильней тебя я оказалась.
А вдруг поступок мой был продиктован
Не злобой, как ты мнишь, а лишь любовью
И ревностью, которые и мне,
Как прочим смертным, свойственны? Я знала,
Сколь ты непостоянен, и хотела,
Боясь быть брошенной, как та фимнафка,
Тебя любой ценою удержать,
А для того в твою проникнуть тайну
И ключ к неуязвимости твоей
Держать в своих руках. Зачем,— ты спросишь,—
Я предала тебя? Мне поклялись
Те, кто меня подбил, что жаждут только
Схватить тебя и содержать в плену.
Решила я, что, будучи свободен,
Ты вновь уйдешь опасностей искать,
И мне от страха за тебя слезами
Кропить придется дома вдовье ложе,
Тогда как здесь в плену ты у меня,
А вовсе не у филистимлян будешь
И я, ни с кем тобою не делясь,
Смогу твоей любовью наслаждаться.
Как ни нелепы доводы такие,
Всерьез их принимает суд любви,
Которая из лучших побуждений
Нередко зло творит, но за него
Всегда прощенье получает. Стань же
Как все и милосердием смягчи
Сталь мышц и непоколебимость воли.
Сильней других, но не гневливей будь.

Самсон

Так ловко ты, колдунья, умаляешь
Свою вину, чтоб отягчить мою,
Что вижу я: сюда приведена
Ты злобой — не раскаяньем. Твердишь ты,
Что подал я тебе пример. Упрек
Жесток, но справедлив. Я первым предал
Себя, и я готов тебя простить.
Но если ты со мною так сурова,
Так беспристрастно судишь мой проступок,
Ты и свои мольбы должна признать
Уловкою коварной. Нет, напрасно

На слабость не ссылайся: это слабость
К чеканным филистимским золотым.
И разве оправданьем эта ссылка
Не служит святотатцам и убийцам?
Порок всегда есть слабость. За нее
Не жди от бога и людей прощенья.
Любовью извинять себя не смей:
Тебе знакома не она — лишь похоть.
Любовь всегда к взаимности стремится,
А ты прибегла к средству, что могло
Лишь ненависть к тебе вселить мне в сердце.
Не тщись бесстыдство прикрывать бесстыдством —
Себя ты этим только обличаешь.

Далила

Коль скоро — в осуждение себе —
Ты слабость не считаешь оправданьем,
Подумай, сколько выслушать пришлось
Мне уговоров, лести, наставлений,
Решительнейший из мужчин — и тот,
Им уступив, себя не посрамил бы.
Сказав, что я на золото польстилась,
Ошибся ты. Правители, а также
Князья моей страны ко мне пришли,
Моля, повелевая, заклиная
И долгом филистимлянки, и верой
Свершить высокий и почетный подвиг —
Предать в их руки общего врага,
Сразившего столь многих наших братьев.
От них не отставали и жрецы,
Твердя мне, сколь богам я угодила б,
Хулителя и недруга Дагона
В сеть уловив. Что противопоставить
Я столь весомым доводам могла?
Одно — любовь к тебе. Она упрямо
Всем убеждениям сопротивлялась,
Пока я не склонилась наконец
Пред истиной, в бесспорности которой
Вовек не усомнились мудрецы:
Там, где заходит речь о благе общем,
Смолкают наши личные пристрастья.
И я нашла, что долг и добродетель
Велят мне эту заповедь блюсти.

Самсон

Я знал, змея, что все твои извивы
Ведут лишь к лицемерью и обману!
Будь искренней твоя любовь ко мне,
Как ты твердишь, совсем иные мысли
И действия она тебе внушила б.
Тебе, кто предпочтен мной дочерям
Народа моего, женою назван,
Кого любил я, как сама ты знаешь,
Не потому свою открыл я тайну,
Что легкомыслен был, а потому,
Что отказать ни в чем не мог любимой.
Сейчас ты видишь недруга во мне.
Зачем же раньше избрала в супруги
Врага одноплеменников своих?
Жена должна отречься ради мужа
От родины. Я был меж филистимлян
Чужим и лишь себе принадлежал,
И ты не им, а мне принадлежала.
Они, злоумышляя на меня,
Просить тебя о помощи не смели —
Законам и природы и людей
Противно это. Счесть должна была ты
Их шайкой заговорщиков, для коих
Отечество — и то лишь звук пустой,
А не повиноваться им. Но тщилась
Ты угодить своим богам, хоть боги,
Прибегшие в борьбе к безбожным средствам,
С идеей божества столь несовместным,
Суть идолы, которых не пристало
Страшиться, почитать и защищать.
Как без одежды оправданий лживых
Ты в наготе своей вины мерзка!

Далила

С мужчиной споря, женщина всегда
Неправой остается.

Самсон

Не хватает
Ей слов или дыханья, как тебе,
Когда меня ты плачем изводила.

Д а л и л а

Я безрассудно просчиталась там,
Где на успех надеялась. Прости же
Меня, Самсон, и научи, как мне
Загладить вред, что нанесла тебе я,
Дурным советам вняв. Не надо только
Так сокрушаться о непоправимом
И так себя корить. Лишен ты зренья,
Но в жизни много есть иных утех —
Их нам даруют остальные чувства
У очага домашнего, в покое,
Где не страшны опасность и тревоги,
Что в мире дальнем зрячему грозят.
Я обращусь к владельцам филистимским,
Которые наверняка дозволят
Из этой отвратительной темницы
Мне увести тебя к себе домой,
Где будешь ты со мною, для которой
Стеречь тебя — не труд, а наслажденье,
До старости жить в счастье и довольстве,
Имея все, чем возместить могу
Я то, что ты из-за меня утратил.

С а м с о н

Нет, нет, без нужды мне твои заботы!
К чему они, коль мы давно чужие?
Не почитай меня глупцом, который
Вновь, как когда-то, ступит в твой силок.
Познал я слишком дорогой ценою,
Сколь ты искусно расставляешь сети.
Твой голос колдовской, волшебный кубок
И чары больше надо мной не властны:
Я научился уши затыкать,
Чтоб не могла ты в них шипеть, ехидна.
Коль я, твой муж, в расцвете лет и сил,
Когда меня все чтили и боялись,
Тебе внушил лишь ненависть и злобу,
То как же ты со мной поступишь ныне,
Когда я слеп и малого ребенка
Беспомощнее? Как ты будешь мною
Пренебрегать, гнушаться, помыкать?
Каким я оскорблениям подвергнусь,
Став у жены рабом и приживалом,

О чьем поступке каждом, каждом слове
Своим князьям ты будешь доносить?
Нет, даже рядом с этою темницей
Твой дом, куда я не войду,— тюрьма.

Далила

Дай мне припасть к твоей руке хотя бы.

Самсон

Не смей, коль жизнью дорожишь, иначе
Тебя, взъярясь, порву я на куски!
Прими издалека мое прощенье
И уходи. Оплачь свою измену,
Равно как достохвальные дела,
Которыми меж знаменитых женщин
Стяжала место ты. Пусть золотые
Тебя утешат во вдовстве. Прощай!

Далила

Я вижу, к просьбам глух ты, словно ветер
Иль море. Но и ветер, утомясь,
Мир заключает с морем, море — с сушей;
В тебе же гнев вскипает вновь и вновь,
Как буря, что вовек неукротима.
Затем ли я искала примиренья,
Чтоб мне ответом ненависть была
И со стыдом ушла я, унося
На имени своем клеймо позора?
Ничто нас больше не соединяет.
Тебя я отрекаюсь — так мне лучше.
Умеет двуязычная молва
Трубить одно и то же на два лада:
И превозносит и чернит она
Одновременно наши имена.
Мое, среди обре́занцев, в коленах
Иуды, Дана, как и в остальных,
Во все века пребудет воплощеньем
Бесчестья и супружеской измены,
Предметом осужденья и проклятий.
Зато в моей отчизне,— что важней,—
В Екроне, Газе, Гефе и Азоте
Я знаменитой женщиною стану.
На празднествах, при жизни и посмертно,
Мне будут петь хвалу за то, что я

Спасла, презрев супружеские узы,
От грозного врага страну родную.
Мой прах, цветами гроб увив, восславят,
Как на горе Ефремовой Дебора
Воспела Иаиль, чья длань Сисаре
Во время сна вонзила кол в висок.
Не так уж худо видеть, как повсюду
Тебя признательностью окружают
За преданность и за любовь к отчизне,
Которые ты делом доказала!
Кому в обиду это, пусть клянет
Свою судьбу, а я своей довольна.

Хор

Как кроткою змея ни притворялась,
А выпустила жало, уползая!

Самсон

Пускай уходит. Бог прислал ее,
Чтоб усугубить стыд глупца, который
Такому аспиду святую тайну,
Поруку сил и дней своих, доверил.

Хор

Как властна красота! Пусть даже ей
Уже не воскресить любовь былую,
Нас все равно она, как встарь, волнует,
И мысль о ней мы отгоняем прочь
Лишь с тайным сожалением и болью.

Самсон

Любви подчас размолвка не вредит,
Но брак вовек с изменой несовместен.

Хор

Ни одному мужчине не дал бог
Так много красоты, ума и силы,
Чтоб женщина ему не изменила.
Как угадать, что нужно ей?
Ты б сам не мог
Друзьям фимнафки иль Далилы
Задать загадку потрудней
На трех- иль семидневный срок.

Разве могла б иначе фимнафка
С брачным другом твоим,
Столь в сравненье с тобою ничтожным,
Столь поспешно возлечь;
И, вслед за нею, Далила,
Брачный обет презрев, у супруга
Снять с головы роковую жатву?
Не оттого ль так у жен ведется,
Что, наделив их прелестью внешней,
Мало ума им дала природа,
В силу чего они не умеют
Благо злу предпочесть?
Иль оттого, что они чрезмерно
Склонны сами себя любить,
Значит, неспособны и быть
Вовсе иль долго другому верны?

Женщина под покрывалом девичьим
Наимудрейшим из нас представляется
Ангелом кротости;
В браке ж она подобна занозе,
Коей ничем не извлечь из сердца.
В браке она — это яд тлетворный,
Враг, к добродетели путь преградивший
И греховной стезей
Нас влекущий вслед за собой
С помощью чар и соблазнов плотских.
Как корабль не разбить капитану,
Коль такой рулевой у кормила?

Редкостно счастлив тот,
Чья способна жена
Быть достойной подругой!
Миром он наслаждается, ибо
Где добродетель сильней соблазнов,
Там блаженный покой царит,
Там свет неземной на земле горит.
Власть не зря над женой
Мужу господом вручена:
Эта власть, любою ценой,
Безраздельно им быть должна
Сохранена,
Чтоб свой краткий путь земной

Он прошел не рабом,
Гнущим хребет под семейным ярмом.

Не удалиться ль нам? Гроза идет.

Самсон

Да, вёдро часто переходит в бурю.

Хор

Речь не о буре тут.

Самсон

Так объяснитесь.
Пора загадок для меня прошла.

Хор

Не жди теперь медоточивых слов —
Речь погрубей услышишь ты. Шагает
Сюда Гарафа, исполин из Гефа,
Спесивец, что огромен, как корабль.
Каким его сюда пригнало ветром?
Что он тебе несет? Ответ на это
Нам дать трудней, чем было угадать,
Зачем ладьей плыла к тебе Далила.
По платью судя — мир, по виду — вызов.

Самсон

Мир он несет иль нет — мне все равно.

Хор

Корабль пришел. Сейчас мы груз увидим.

Гарафа

Я прибыл не оплакивать твой жребий,
Как эти люди,— я тебе не друг,
Хоть мне тебя и жалко. Я из Гефа,
Гарафою зовусь и родом знатен,
Как Ог, или Енак, или Емимы,
Что жили древле в Караифаиме.
Теперь меня ты знаешь. Я наслышан
О силе и делах твоих, хотя
Их баснями считаю и жалею,
Что нам сойтись не довелось в бою,
Чтоб силой мы помериться могли

В единоборстве или в общей схватке.
Сюда пришел я, чтоб взглянуть, насколько
Права была молва, когда трубила
О всепобедной мощи мышц твоих.

Самсон

А что на них глядеть? Попробуй тронуть.

Гарафа

Ты вызов мне бросаешь? Видно, мало
Тебе цепей и жернова. О, если б
Мы там схватились, где творил, по слухам,
Ты челюстью ослиной чудеса,
С тебя я сбил бы спесь и, словно падаль,
Твой труп швырнул на мертвого осла!
Тогда б былая слава к Палестине
Вернулась: у обрезанцев презренных,
Меж коих был ты самым знаменитым,—
Я гордость бы их отнял, без сомненья,
Когда б ты не был ослеплен и этим
Победу не похитил у меня.

Самсон

Деяньем несвершенным не кичись,
А лучше соверши его сегодня.

Гарафа

Я со слепцом не бьюсь. К тому ж тебя
Сперва помыть — потом уж трогать надо.

Самсон

Обязан этим я, измены жертва,
Правителям достопочтенным вашим,
Которых, одинок и безоружен,
Страшил настолько, что они не смели
Ни с целым войском подступить ко мне,
Ни дома приготовить мне засаду,
Ни взять меня во сне, пока за деньги
Им женщина не выдала меня,
Супружеский обет поправ. Вели
Отгородить нам место, да поуже,
Где зренье ни в бою, ни в бегстве льготы
Тебе не даст. Потом надень доспехи:
Ножные латы, панцирь, рукавицы,

Шишак и налокотники; возьми
Щит семислойный и копье стальное,
А я тебя с простой дубиной встречу
И выбью ею из твоей брони
Такую музыку, что ты оглохнешь
И будешь перед смертью сожалеть,
Зачем покинул Геф, где без опаски
Кичиться мог победой над Самсоном,
Которую намерен одержать.

Гарафа

Ты б не дерзнул осмеивать оружье,
Оплот и украшение героев,
Когда б тебя какой-то чародей
Не укреплял заклятьями своими.
Ты уверяешь, будто сила божья
Живет с рожденья в волосах твоих,
Но это невозможно, даже если б
Ты был покрыт щетиной, как кабан,
Иль иглами, как дикобраз, утыкан.

Самсон

Я с чернокнижьем незнаком. Опорой
Мне служит не оно, а бог живой,
Который с колыбели дал мне силу,
Разлитую в моих костях и мышцах,
Покуда не стригу себе я кудри,
Обета моего святой залог.
Тебе не трудно в этом убедиться.
Ступай в дагонов храм и, припадая
К подножью истукана, умоляй,
Чтоб идол твой, своей же ради славы,
Помог тебе в борьбе с тем чародейством,
Что я господней мощью именую,
Бросая вызов твоему кумиру
В твоем лице, его поборник смелый.
Тогда ты и увидишь, а верней,
Почувствуешь, глупец, себе на горе,
Чей бог сильнее — твой иль мой.

Гарафа

На бога,
Каков бы ни был он, не уповай.
Ты им забыт, от племени отторгнут

И предан в руки недругов, которым
Позволил он лишить тебя очей
И заточить в тюрьму, где ты вращаешь,
С рабами и ослами вместе, жернов
И где твои воинственные кудри
Тебе без нужды. Нет, ты не противник
Для воина, которому невместно
Меч благородный пачкать об того,
С кем ножницами справится цирюльник.

Самсон

Я вижу в оскорблениях твоих
И муках, мной терпимых по заслугам,
Лишь справедливую господню кару,
Но верю, что простит вину мне тот,
Чье око и чей слух не отвратятся
От грешника, который покаянно
К нему взывает. С этою надеждой
Я вновь тебя зову на смертный бой,
Чтобы решить, чей бог есть вправду бог —
Твой или бог потомков Авраама.

Гарафа

Какая честь для бога твоего,
Что за него готов на поединок
Разбойник, бунтовщик и душегуб!

Самсон

Я? Чем, хвастун, ты это подтвердишь?

Гарафа

Да разве твой народ не в подчиненье
У нашего? И разве не признались
В том сами же правители его,
Когда за нарушенье договора
Ты ими к нам был отведен? Не ты ль
У тридцати безвинных аскалонцев
Жизнь отнял и, как вор, унес их платье?
Виновен, нарушитель договора,
Лишь ты один, что войско филистимлян
К вам вторглось. Нам был нужен только ты,
А прочим мы обид не причинили.

Самсон

Я в жены филистимлянку избрал,
А значит, не был вам врагом. И свадьбу
Сыграл я в вашем городе, но злое
Замыслили правители его
И тридцать соглядатаев своих
Назначили мне брачными друзьями,
А эти люди смертью пригрозили
Невесте, если у меня она
Не вызнает ключа к моей загадке.
Когда ясна мне их враждебность стала,
По-вражески я с ними обошелся,
Монетой той же им сполна воздал
И платье их присвоил как добычу.
По праву сильного народ мой в рабство
Был вами обращен, но отвечать
На силу силой вправе побежденный.
Как только я, кто схвачен был своими ж
За нарушенье договора с вами,
Один на утеснителей восстал,
Из соплеменника я превратился
В избранника небес, который призван
Освободить сородичей; а если
Был этими трусливыми рабами
Отвергнут избавитель их и предан,
Тем хуже им — они рабы поныне.
Исполнить должен был я волю божью,
И если б не мой грех, все ваше войско
Мне в этом не сумело б помешать.
Довольно пререканий и уверток.
Хоть к подвигам слепец и неспособен,
Я в третий раз тебе бросаю вызов —
На мелочи я все ж еще гожусь.

Гарафа

С рабом, с преступником, что подлежит
По всем людским законам смертной казни,
До поединка воин не снисходит.

Самсон

Коль на меня пришел ты насмотреться,
Чтобы потом о слабости моей
Болтать повсюду,— подходи поближе,
Но под руку, смотри, не попадайся.

Гарафа

Баал-Зебуб! Ужели я того,
Кто так меня честит, в живых оставлю?

Самсон

За чем же остановка? Подойди
И к бою изготовься. У меня
В цепях лишь ноги, кулаки — свободны.

Гарафа

Жди кары пострашней за эту дерзость.

Самсон

Прочь, жалкий тупоумный трус, покуда
Я на тебя не бросился в цепях,
Чтоб ребра вмять в тебя одним ударом
Иль в воздух телеса твои поднять,
А после мозг из них о камни выбить!

Гарафа

Астартами клянусь, за эту брань
Ты кандалы потяжелей наденешь!

Хор

А исполин-то наш посбавил спеси:
Уходит он, и поступь у него
Скромней, чем прежде, лоб — в поту от срама.

Самсон

Не страшны мне ни сам бахвал, ни все
Пять сыновей его, с ним равных ростом,
Из коих старший Голиафом назван.

Хор

А если он к владельцам филистимским
Со зла и со стыда пойдет с советом
Построже содержать тебя?

Самсон

Едва ль:
Для этого назвать причину надо;
Про мой же вызов он вовек не скажет,
Чтоб свой отказ от поединка скрыть.

К тому же умножать мои страданья
Врагам нет смысла: вряд ли мне тогда
Удастся выдержать, а на работе,
Которой добываю пропитанье,
Я заменяю много рук один
И приношу немалые доходы.
А впрочем, будь что будь! Мой злейший враг
Мне станет другом, коль со мной покончит:
Вред наихудший — для меня лишь благо.
Дай только бог, чтобы того, кто мне
Из ненависти умереть поможет,
Я за собой увлек в своем паденье.

Хор

О, как сердце ликует у праведных,
Слишком долго под гнетом стонущих,
Коль избавителя необоримого
Бог им дарует,
Чтоб сильных мира сего унизить,
Выю сломить насильникам дерзким,
Тем, кто деспотам в угожденье
Гонит и притесняет свирепо
Почитателей права и правды.
Что оружье тиранов,
Опыт их боевой
Против его простоты геройской,
Мощной длани его!
Нет для него твердынь неприступных.
Он сокрушает их,
Быстрый, как молния,
Волю небес творя и карая
Слуг порока и зла, у которых
Меч из рук выпадает от страха.

Чаще, однако, нужней отваги
Этим людям святым терпение:
Только оно приносит победу
В тех испытаниях,
Что тиранка-судьба назначает.
Всех отвагой и силою
Ты, Самсон, превзошел,
Но не ими, а лишь терпением,
Как наивысшей доблестью,
Ты, слепец, увенчаешься.

Даже в день праздничный нет тебе отдыха —
Разум твой занят
Ныне больше, чем руки в будни,
И тревогам твоим конца нет:
Вон приближается
Поступью торопливою
Новый язычник, несущий
Жезл резной, вроде скипетра.
По одежде и виду судя,
Это служитель храма Дагона.
Он по делу спешному прибыл.

Служитель

Евреи, где Самсон, наш пленник?

Хор

Вот он.
Его по кандалам легко узнать.

Служитель

Самсон, вот что велят владельцы наши.
Сегодня в честь Дагона торжество —
Пир, жертвоприношенья, игры, пляски,
И, зная, что всех смертных ты сильней,
Хотим мы, чтоб украсил ты наш праздник
И мощь свою собранью показал.
Поэтому за мной немедля следуй,
Чтоб я тебя умыл и приодел,
Пред тем как ты предстанешь нашей знати.

Самсон

Ответь, что не приду я. Мне, еврею,
Закон моей страны не дозволяет
На празднествах языческих бывать.

Служитель

Такой ответ понравится едва ли.

Самсон

Ужель у вас танцовщиков, певцов,
Наездников, борцов, бойцов кулачных
И всяческих потешников так мало,
Что для забавы нужен вам слепец,
Измученный работой непосильной

И бременем цепей отягощенный?
Иль ищете вы повод для того,
Чтоб новые мне муки уготовить?
Иль поглумиться надо мной решили?
Я не приду. А ты ступай назад.

Служитель

Смирись! Подумай о себе!

Самсон

Я должен
О совести лишь и душевном мире думать.
Ужели так надломлен, так унижен
Телесным рабством я, что покорится
Мой дух столь богохульному приказу?
Я быть для вас могу животным вьючным,
Но скоморохом стать и, перейдя
Предел последний срама и позора,
Ломаться на потеху нечестивцам
Пред истуканом!.. Нет, я не приду.

Служитель

Ты тверд в своем решении? Ответа
Я жду немедля.

Самсон

Вот ты и не медли,
А возвращайся с ним.

Служитель

Тебя мне жаль.
Ты за упрямство дорого заплатишь.

Самсон

Ты, может быть, и прав, меня жалея.

Хор

Самсон, подумай! Так все далеко
Зашло, что гром вот-вот ударить может.
Как передаст твои слова служитель?
А вдруг он масла подольет в огонь
И грянет над тобой приказ вторичный
Так яростно, что ты не устоишь?

Самсон

Да смею ль я за божий дар, ту силу,
Что вместе с кудрями ко мне вернулась,
Опять неблагодарностью воздать
И грех, свершенный встарь, усугубить,
Пред идолом над верою ругаясь?
Мне ль, назорею, в капище нечестья
Своею мощью хвастать в честь Дагона?
Что может быть позорней и смешней,
Презренней, святотатственней и ниже?

Хор

Но разве необрезанцам нечистым
Не служишь этой силой ты?

Самсон

Служу,
Но все ж не ра́ди идолопоклонства,
А для того, чтоб получать по праву
Свой хлеб от тех, в чьих нахожусь руках.

Хор

Грех не в самом деянье — в побужденьях.

Самсон

Да, если ты к деянью принужден,
Меня ж силком не тащат в храм Дагона.
Приказ мне филистимлянами дан,
Но ведь приказ еще не принужденье,
И, добровольно подчинясь, поставлю
Страх пред людьми я выше страха божья,
Чего господь, к своей ревнуя славе,
Мне не простит. Но может быть и так,
Что по какой-нибудь причине важной
Меня иль одного из вас пойти
Сподобит он в собранье нечестивых.

Хор

Как это понимать?

Самсон

Душой воспряньте!
Я ощущаю, как во мне родится

Порыв, который помыслы мои
К необычайной цели направляет.
Я в капище пойду, хоть там, конечно,
Ничем не посрамлю ни веру нашу,
Ни тот обет, что дал как назорей.
Коль могут быть предчувствия правдивы,
День этот в веренице дней моих
Или славнейшим, иль последним станет.

Хор

Ты вовремя решил: гонец вернулся.

Служитель

Велят тебе, Самсон, владельцы наши
Вторично передать, что ты, наш пленник
И раб, чье дело — жернов в ход пускать,
Приказу их противиться не смеешь.
Поэтому скорей за мной ступай,
Не то найдем мы способы и средства
Тебя скрутить и силой приволочь,
Будь даже ты скалы неколебимей.

Самсон

Охотно поглядел бы я, сколь многим
Из ваших это будет жизни стоить,
Но, помня, что за вами превосходство,
И не желая, чтоб меня тащили
В храм, как скота, туда отправлюсь сам.
Неоспоримо слово господина
Для тех, чей долг — ему повиноваться.
Кто не смирится, коль на ставке жизнь?
Что делать! Человек нетверд в решеньях.
Пусть лишь не требуют, чтоб совершал
Я то, что возбраняет наша вера.

Служитель

Ты мудро поступил. Сними оковы.
Мне кажется, тебе владельцы наши
Свободу за покорность возвратят.

Самсон

Прощайте, братья, и прошу меня
Не провожать. Владельцев филистимских
Я, враг, который встарь им был так страшен,

Своим приходом раздразнить могу,
А уж прибыв с толпой друзей — подавно.
Тираны во хмелю — вдвойне тираны,
И пламенное рвенье к делу веры
Вино вселяет в лакомок-жрецов,
А чернь во дни торжеств общенародных
Особенно неистова и буйна.
Не знаю, право, встретимся ль мы вновь,
Но что бы ни произошло, не скажут
Вам про меня, что свой народ, иль бога,
Иль честь свою я нынче посрамил.

Хор

Пусть ведет тебя
Бог Израиля, чтобы
Имя и славу его меж язычников
Ты утвердил победно.
Пусть он, чей ангел, в поле Маною
Дважды подав о сыне знаменье,
В пламени жертвенном ввысь поднялся,
Станет тебе щитом из пламени.
Он, чей дух в тебе начал действовать
В стане Дановом,
Да пребудет с тобой и сегодня,
Ибо никто из семени смертных
Не был еще по воле господней
Призван свершить деянья славнее.
Но почему старик Маной спешит сюда
Походкой юноши? Он с виду много радостней,
Чем раньше был. Наверно, сына ищет он
Иль от него принес нам вести добрые.

Маной

Мир вам, сородичи! Пришел я к вам
Не для того, чтоб повидаться с сыном:
На празднестве его принудят ныне
Владельцев филистимских потешать.
Услышав по дороге, как весь город
Шумит об этом, я не захотел
Смотреть на унижения Самсона
И к вам направил шаг, чтоб поделиться
Надеждами, которые питаю
На близкое его освобожденье.

Хор

Рассказывай скорей, почтенный старец.
Мы жаждем радость разделить твою.

Маной

По одному владельцев филистимских
Я подстерег на улице иль дома
И каждого с отцовскими слезами
Молил за выкуп сына отпустить.
У тех, что рьяно чтят закон дагонов,
Я встретил лишь надменное презренье
Да мстительную ненависть; другие,
Что веру и отчизну продадут,
Речь только о деньгах вели; но третьи,
Что нравом благородней и учтивей,
Признали, что коль скоро обезврежен
Их прежний недруг, месть теряет смысл,
И мне великодушно обещали
Добиться, чтобы за пристойный выкуп
Отпущен был Самсон... Но что за вопли?
От шума небеса — и те дрожат.

Хор

Наверно, это чернь ликует, видя
Слепым и пленным грозного врага,
Чья мощь теперь забавой ей послужит.

Маной

Пусть даже все имение мое
Уйдет за выкуп — заплачу охотно.
В своем колене бедняком последним
Я быть согласен, если этим сына
От гнусного узилища избавлю.
Я без него отсюда не уйду.
Чтобы Самсону возвратить свободу,
Я с радостью останусь гол и бос:
Коль он со мной, мне ничего не надо.

Хор

Мы верим, что готов ты все отдать.
Отцы для сыновей богатство копят,
Чтоб в старости от них заботу видеть;

Ты ж в старости заботишься о сыне,—
Ведь он, ослепнув, стал тебя старей.

Маной

Заботиться о нем я был бы счастлив,
Когда б с отцом остался дома он,
Своей бессмертной славой наслаждаясь,
Хоть и слепой, но с кудрями до плеч,
Рать целую в былые дни смиривших.
Но мнится мне, что вместе с волосами,
Которыми он снова, словно войском
Сподвижников бесстрашных, окружен,
Ему вовек не возвратил бы силу
Господь, когда бы не нуждался в нем:
Ведь столь высокий дар и бесполезен,
И смехотворен без высокой цели.
Раз сохранил он силу, став незрячим,
Бог этой силе зренье возвратит.

Хор

Надеешься ты не без основанья:
Недолго уж Самсону ждать свободы,
Что знать отрадно и тебе, отцу,
И нам, друзьям наиближайшим вашим.

Маной

Я верю в вашу дружбу... Что за шум?
Какой ужасный шум, всеправый боже!
Он — громче и звучит не так, как раньше.

Хор

Шум — утверждаешь ты? Нет, стон всеобщий,
Как будто целый город погибает
Под рев насильников, рыданья жертв
И тяжкий грохот падающих зданий.

Маной

Я тоже слышу грохот... Ох! Опять!..
Там убивают моего Самсона.

Хор

Верней, он убивает сам: не воет
Толпа так страшно, одного сражая.

Маной

Случилась там какая-то беда.
Что делать? Выждать? Иль бежать туда?

Хор

Нет, лучше подождем, чтоб прямо в зубы
Опасности не угодить. Постигло
Безмерное несчастье филистимлян —
Кто, кроме них, мог крик такой поднять?
А пострадавших нам спасать не надо:
На нас сорвут они свою досаду.
Ведь если бог, чьей воле нет препон,
Решил, чтоб чудом вновь прозрел Самсон,
Легко себе представить горы трупов,
По коим путь он пролагает свой!

Маной

Нет, нет, немыслимо такое счастье!

Хор

Но почему? Для своего народа
Бог встарь невероятное свершал.

Маной

Он может все, захочет ли — не знаю,
Хотя велит надежда в это верить.
А впрочем, вести не заставят ждать.

Хор

Особенно дурные: их разносит
Молва куда быстрее, чем благие.
Вон вестник к нам уже спешит. Еврей
По виду он из нашего колена.

Вестник

О, дайте мне совет, куда бежать,
Чтоб исцелиться от воспоминаний
О зрелище кровавом, вновь и вновь
Встающем у меня перед глазами!
Не знаю уж, чутьем иль провиденьем,
Поскольку разум мой пришел в расстройство,

Я приведен был прямо к вам, почтенный
Маной и соплеменники мои,
Хоть и довольно далеко отсюда
До места, где произошло несчастье,
Которое касается вас близко.

Маной

О нем нам возвестили шум и стоны,
Но мы не поняли, что там случилось.
Итак, без предисловий! Говори.

Вестник

Мне рассказать не терпится, но я
Собраться должен с мыслями сначала.

Маной

Суть изложи. Подробности — позднее.

Вестник

Хоть Газа и стоит, ее сыны
За миг один живьем погребены.

Маной

Прискорбно! Но к лицу ли нам, евреям,
Скорбеть о гибели столицы вражьей?

Вестник

И все-таки скорбеть придется вам.

Маной

Из-за кого?

Вестник

Из-за Самсона.

Маной

Это
Почти что в радость превращает скорбь.

Вестник

Боюсь я, о Маной, поведать сразу
Тебе о том, что все услышат скоро:

Нежданность сообщенья моего
Твой слух, старик, чрезмерно сильно ранит.

Маной

Не медли. Неизвестность — горше пытки.

Вестник

Узнай же худшее: Самсона нет.

Маной

Да, хуже не бывает! О надежды,
Прощайте! Выкуп за него внесла
Смерть, всеосвободительница наша.
Быстрее ветра улетела радость,
С которой шел я вызволять Самсона.
Она, мертворожденное дитя,
Как в заморозки первый цвет, погибла.
Но до того, как горю дам я волю,
Ответь, чем стала для Самсона смерть —
Позором иль венцом существованья?
Кем был убит мой сын, убивший всех?

Вестник

Он пал, никем не ранен.

Маной

От натуги
Чрезмерной?

Вестник

Нет, от собственной руки.

Маной

Самоубийство?.. Что могло Самсона
Среди врагов в разлад с самим собой
Вдруг привести?

Вестник

Чтоб недругам отмстить,
Пришлось ему пожертвовать собою.
Он здание, где вражья знать собралась,
Ей и себе на голову обрушил.

Маной

О, сын, погиб ты от избытка сил
И страшный способ мщения придумал!..
Мы все узнали, но пока смятенье
Царит повсюду, расскажи, нам, вестник,
Подробности того, чему явился
Свидетелем и очевидцем ты.

Вестник

Я в Газу по делам пришел с рассветом
И услыхал еще в воротах трубы,
Сзывавшие на празднество народ,
А вскорости по пересудам понял,
Что будет приведен туда Самсон,
Чтобы своею исполинской силой
Веселье победителей украсить.
Как ни было мне жаль, что он в плену,
Решил и я взглянуть на представленье.
Для зрелища был отведен театр —
Дом в виде полукруга с мощной кровлей
На двух столбах, за коими стояли
Сиденья для владельцев филистимских;
С другой же стороны столбов теснилась
Толпа народа под открытым небом.
Я незаметно затерялся в ней.
В зенит вошли и празднество и солнце.
Вселили пир и жертвоприношенья
Веселие в сердца. Все ждали игр.
Тогда, как раб общинный, в рабском платье,
Туда был приведен Самсон. Пред ним
Бубенщики с флейтистами бежали,
А по бокам его и сзади шли
Отряды лучников и копьеносцев.
Узрев его, язычники Дагону
В едином вопле вознесли хвалу
За то, что враг их отдан в рабство им.
Самсон же равнодушно и бесстрашно
Взошел на сцену и проделал все,
Что только может совершить незрячий,—
Ломал он бревна, глыбы поднимал
С такой немыслимой, безмерной силой,
Что с ним никто тягаться не дерзнул бы.

Затем для передышки к двум столбам
Он отведен был и поводырю
Велел его так между них поставить,
Чтоб ухватиться за столбы он мог
Своими утомленными руками.
Не заподозрив ничего дурного,
Тот просьбу выполнил. Когда ж Самсон
Почувствовал колонны под рукою,
Он голову склонил как для молитвы
И на минуту в думы погрузился,
А после крикнул с поднятым челом:
«Владельцы филистимские, покорно,
На диво и на развлеченье вам,
Я здесь исполнил все, что мне велели.
Теперь свою вам силу покажу
Я на примере более наглядном,
И кто его увидит — содрогнется».
Тут он напряг все мышцы, и пригнулся,
И с яростью бунтующих стихий,
Когда они приводят в трепет горы,
Опорные колонны стал качать,
Пока они не рухнули и кровля
С громовым треском вниз не полетела,
Обломками своими раздавив
И навсегда похоронив под ними
Вельмож, жрецов, воителей и женщин,
Красу и гордость знати филистимской,
Собравшейся на празднество из Газы,
Равно как из окрестных городов,
А заодно и самого Самсона.
Спаслась лишь чернь, стоявшая снаружи.

Хор

О, сколь славно такое мщенье,
Хоть дорога цена за него!
Ты, Самсон, умер, как жил —
Только ради освобожденья
Племени своего.
Рук на себя ты не наложил —
Пал ты в борении с Необходимостью,
Больше в смерти врагов истребив,
Чем убил их, пока был жив.

1-е полухорие

Сердцем язычники ликовали,
Плоть насытив жертвенным мясом,
Сладким вином орошенным.
Идола чтили они, черня
Нашего бога живого,
Чья в Силоме поставлена скиния.
Он поразил безумием грешников,
Мысль им внушив,
Что приведен их губитель
Быть к ним на празднество должен,
Лишь о забаве думая,
Страшное несчастье
Сами они на себя же накликали.
Господа гневая,
Платятся смертные
Внутренней слепотой, которая
К собственной гибели неизбежно
Их, беззаботных, приводит.

2-е полухорие

Пусть ослеплен ты, Самсон,
Пусть в неволю был уведен —
Свет в душе твоей не погас.
Словно огонь из-под пепла,
Доблесть в тебе пробудилась былая.
Грянул на вражью стаю
Ты не как тот хищник ночной,
Что курятники грабит,
Но как орел, который молнией
С неба ясного низвергается.
Добродетель сходна
Даже в минуту паденья
С той аравийской птицей,
Что во всей вселенной одна
Лишь из себя родится.
Гибнет раз в столетье она
В пламени самосожженья
И восстает, молода и сильна,
После воскрешенья.
Плоть ее тленна, но дух зато
Жизнь живет не одну, а сто.

Маной

Довольно! Ни к чему, да и не время
Сейчас скорбеть. Самсоном до конца
Самсон остался, завершив геройски
Свой путь геройский. Он врагам отмстил,
И детям Кафтора по ближним плакать
Придется много лет. Честь и свободу
Он завещал Израилю, коль тот
Окажется достаточно отважен
И не упустит случай их вернуть.
Себя и отчий дом покрыл он славой,
И — что всего отрадней — от него
Не отвратился бог, как мы боялись,
Но милостив до смерти был к нему.
Не надо ж ни биенья в грудь, ни воплей,
Ни слабости презренной. Говорите
И делайте лишь то, что облегчит
Нам скорбь о мертвеце столь благородном.
Пойдем разыщем тело и с него
Запекшуюся вражью кровь водою
И травами лекарственными снимем.
Одновременно я — мне запретить
Едва ль посмеет Газа это ныне —
Пошлю за родичами и друзьями,
Чтоб труп Самсона унести отсюда
И с почестями схоронить в земле
Отцов и дедов, где над ним воздвигну
Я памятник, вечнозеленым лавром
И пальмами обсаженный. На них
Развешу я сыновние трофеи
И свитки со сказаньями о нем.
Там будут наши юноши сходиться,
Дабы воспоминанье о Самсоне
На подвиги воспламеняло их.
Придут туда по праздникам и девы,
Цветы возложат и прольют слезу
Над тем, кто был до слепоты и плена
Женитьбой неразумной доведен.

Хор

В конце концов, хотя сомненья
Мы и питаем в нем подчас,
Всеведущее провиденье
К благой приводит цели нас.

Считал Самсон, что лик свой гневный
Скрыл от него навеки бог,
Но минул миг, и гибели плачевной
Герою Газу он обречь помог,
И стал могилой град надменный
Для тех, кто шел на торжество,
Так отомстил творец вселенной
Гонителям избранника его
И снова возвратил покой блаженный
Сынам народа своего.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Юношеская мечта Мильтона — воспеть в стихах предмет возвышенный, создать произведение, которое прославило бы в веках отечественную словесность и британскую музу,— сбылась к концу жизни поэта. В 1667 году увидело свет творение, которому суждено было определить на несколько веков развитие английской поэзии: «задуманный давно и поздно начатый» рассказ о потерянном рае. Образцы были выбраны давно: Гомер, Вергилий, Тассо и Книга Иова для поэмы, трагедии Софокла и Еврипида, Песнь Песней и Апокалипсис — для драмы. Первые наброски сюжета «Потерянного Рая» (в драматической форме) относятся к концу 30-х — началу 40-х годов: список действующих лиц, план, разделение на действия. Тогда же был написан монолог Сатаны (10 строк), позднее включенный в четвертую книгу (см. с. 108 и прим.). Бурные события революции не пресекли замысла, лишь отодвинули его исполнение. Начало работы над «Потерянным Раем» уже в форме поэмы обычно датируют 1658 годом. К 1663?—1665 годам труд был закончен, но чума, случившаяся в 1665 году, а затем знаменитый лондонский пожар (1666 г.) задержали появление книги до 1667 года. Первое издание «Потерянного Рая» вышло в десяти книгах, второе, лишь слегка переработанное и дополненное,— в двенадцати (1674 г.): седьмая и десятая книги были разделены и соответственно образовали восьмую, одиннадцатую и двенадцатую. Первоначально поэма плохо продавалась и не имела особенного успеха в своем отечестве, хотя на континенте быстро приобрела широкую известность (первый перевод на немецкий язык появился в 1682 г.). После переворота 1688 года имя Мильтона уже не считали одиозным и репутация великого поэта Англии прочно за ним утвердилась. Первое более или менее полное собрание сочинений Мильтона со сводным комментарием выполнено Т. Ньютоном (в трех томах — 1744—1753 гг.; в четырех — 1770—1773 гг.). В XVIII веке репутация

Мильтона как великого поэта общепризнана. Появляются многочисленные переводы его поэмы на европейские языки.

В России поэма была известна уже в середине 40-х годов XVIII века в рукописном переводе барона А. Г. Строганова. Впервые полный текст «Потерянного Рая» на русском языке был напечатан в 1780 году в типографии русского просветителя Н. Новикова: прозаический перевод с французского архиепископа Амвросия (Серебренникова). Перевод переиздавался многократно. С английского три первые главы «Потерянного Рая» (прозой) перевел в 1777 году известный переводчик «Энеиды» В. Петров, «карманный Екатеринин стихотворец». В XIX веке число переводов весьма умножилось. В переводе поэмы пробовали силы известные поэты: Н. И. Гнедич — отрывок о слепоте из Кн. III (1805 г.), Л. Мей — отрывки из Кн. I (1858 г.) и Кн. IV (1860 г.). Наиболее точен прозаический перевод профессора Московского университета А. З. Зиновьева (1861 г.), который является по существу идеальным подстрочником. Позднее пользовались известностью стихотворные переводы О. Чюминой (1899 г.), Е. Кудашевой (1910 г.) и Н. А. Холодковского (1911 г.). Задуманное в середине 30-х годов издательством «Academia» научное издание «Потерянного Рая» под редакцией Д. Н. Святополк-Мирского в переводе С. Н. Протасьева и с комментарием А. Водена не было осуществлено (ЦГАЛИ, ф. 692, оп. 1, ед. хр. 1167, 1168). В 1966 году «Потерянный Рай» вместе с «Возвращенным Раем» были изданы на грузинском языке в переводе В. Челидзе.

Настоящий перевод выполнен для издания БВЛ Арк. Штейнбергом.

Все библейские цитаты даются в комментарии соответственно синодальному переводу Библии по изданию Московской Патриархии, Москва, 1968 г.

Названия книг Священного писания даны в сокращении. Книги Ветхого завета: Второзак. (Второзаконие), Нав. (Книга Иисуса Навина), Суд. (Книга Судей Израилевых), 1, 2, 3, 4 Царств (Первая, Вторая, Третья и Четвертая книги Царств), 1 и 2 Паралип. (Первая и Вторая книги Паралипоменон), 2 Ездр. (Вторая книга Ездры), Тов. (Книга Товита), Пс. (Псалтирь), Прит. (Книга Притчей Соломоновых), Премудр. (Книга Премудрости Соломона), Исайя (Книга пророка Исаии), Иерем. (Книга пророка Иеремии), Иезек. (Книга пророка Иезекииля), Дан. (Книга пророка Даниила).

Книги Нового завета: Матф., Марк, Лука, Иоанн (соответственно Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна), Деян. (Деяния святых Апостолов), Иак. (Послание Иакова), 1 и 2 Петр (Первое и Второе послания Петра), Иуда (Послание Иуды), Римл. (Послание к Римлянам), 1 и 2 Коринф. (Первое и Второе послания к Коринфянам), Галат. (Послание к Галатам), Ефес. (Послание к Ефесянам), Филипп. (Послание к Филиппийцам), Колосс. (Послание к Колоссянам), Евр. (Послание к Евреям), Откр. (Откровение Иоанна Богослова).

Стр. 28. *Величайший Человек* — Христос. Теме возвращения «блаженного рая» через послушание посвящена вторая поэма Мильтона — «Возвращенный Рай». *...Пой, Муза горняя!* — Обращение к музе — традиционный зачин для эпической поэмы Возрождения, ориентированной на античные образцы. Построено у Мильтона по примеру Гомера, у которого предмет повествования соединен с обращением к музе и предшествует ему: «Гнев, богиня, воспой...» («Илиада», I, 1). *Пастырь* — Моисей, считавшийся автором Пятикнижия. *Синай* и *Хорив* — места божественных откровений в Библии: впервые бог явился Моисею, когда тот пас овец у горы Хорив (Исход, III), на горе Синай ему были даны законы (Исход, XIX—XXXI). *Сионский холм* — один из холмов, на которых стоял Иерусалим и находился храм с ковчегом Завета. *Силоамский Ключ* — источник в Иерусалиме. С этим местом в Библии связано имя царя Давида, великого поэта, автора псалмов. *...взлететь над Геликоном...*— то есть превзойти в дерзаниях античных поэтов. Гора Геликон с ключом Иппокреной — обитель муз в греческой мифологии. Греческий поэт Гесиод, автор поэмы, повествующей, в частности, о сотворении неба и земли, был, подобно Моисею, пастухом и пас овец у подножья Геликона, когда ему впервые явились музы и обучили своим песням («Теогония», 22—23). *...Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.*— Цитата из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (I, 2, 2). Среди европейских поэтов у Мильтона были, однако, непосредственные предшественники в разработке библейских тем сотворения мира и грехопадения человека. Наибольшее влияние оказали на Мильтона поэмы «Первая неделя» (1578 г.) и «Вторая неделя» (1584 г.) французского поэта Дю Бартаса, латинская трагедия «Адам-изгнанник» (1601 г.) голландца Гуго Гроция и трагедия «Люцифер» (1654 г.) голландца Йооста ван ден Вонделя. Во время путешествия по Италии Мильтон присутствовал на постановке драмы Джамбатисты Адреини «Адам» (1613 г., переработка «Адама-изгнанника» Гроция). *Но прежде ты, о Дух Святой!* — Обращение к Святому Духу не свойственно ренессансной эпической поэзии. В предисловии к одному из трактатов Мильтон пишет, что в творчестве своем полагается «не на госпожу Память и ее прекрасных дочерей» (то есть девять греческих муз), а на «сердечную молитву Вечному Духу, который властен одарить знанием и словом» («Основание церковного управления»). В другом месте поэт объясняет, что под Святым Духом понимает «глас божий, которым вдохновлялись пророки» («О христианской доктрине», VI). *...ты храмам // Предпочитаешь чистые сердца...*— восходит к словам апостола Павла: «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?» (1 Коринф., III, 16). Это изречение стало боевым лозунгом пуританства в борьбе с ревнителями церковной обрядности. Примерно с середины 1640-х гг. Мильтон систематически уклонялся от присутствия на церковных богослужениях. *Ты, словно голубь, искони парил // Над бездною, плодотворя ее...*— См. Бытие, 1, 2: «...и тьма

над бездною, и Дух Божий носился над водою». Сравнение Святого Духа с голубем соответствует евангельскому; ср. сошествие Святого Духа при крещении Иисуса (Матф., III, 16). ...*Что побудило...* — Такой вопрос является обязательным элементом риторического построения в классической эпической поэме. Следует по традиции после обращения к музе, и ответом на него служит все содержание поэмы. *Адский Змий!* — Вслед за вопросом по традиции называется главная враждебная сила и ее мотивы. Змей у Мильтона — первое название силы зла, как и в Библии: «Змей был хитрее всех зверей» (Бытие, III, 1).

Стр. 29. ...*Метался Враг на огненных волнах...*— Дьявол, ввергнутый в «озеро огненное и серное» (Откр., XX, 10),— образ из Апокалипсиса, книги, которая наряду с Книгой пророка Даниила служит основным библейским источником сюжета о падении Сатаны. ...*видимою тьмой...*— Оксюморон, поэтическая фигура, часто встречающаяся у Мильтона. Согласно народному поверью, пламя в аду не дает света. ...*Надежде, близкой всем, заказан путь...*— перекликается с надписью над входом Дантова ада: «Входящие, оставьте упованья» («Божественная Комедия», Ад, III, 9, перевод М. Лозинского). ...*И втрое дальше от лучей Небес // И Господа, чем самый дальний полюс // От центра Мирозданья отстоит.*— Под «Небесами» подразумевается здесь Эмпирей, находящийся вне «Мирозданья». В традиции античных поэтов было удалять преисподнюю от жилища богов на два или три расстояния от неба до земли. Мильтон подражает им в формуле, но за единицу измерения берет радиус вселенной, представленной в виде шара: от центра до крайней ее сферы (см. прим. к Кн. III, с. 86). Ад помещен вне земли (и даже вне универсума). Эта точка зрения обосновывалась богословами Реформации, которые считали, что, поскольку земля была создана позже ада и не была еще проклята в момент падения Сатаны, то ад не может находиться в ее пределах. *Вельзевул* — в Евангелии «князь бесовский» (Матф., XII, 24), видоизмененное имя божества Баал-Зебуба, почитавшегося в древнем филистимском городе Экроне («божество Аккаронское» в 4 Царств, 1, 2).

Стр. 29—30. ...*Архивраг, // Отныне нареченный Сатаной...*— Представление о Сатане как о самостоятельной фигуре первоначально было чуждо Ветхому завету. Само слово употребляется в Библии в значении «враг», «противник», «предатель», «обвинитель на суде», «соблазнитель». Позднее Сатана становится существом высшего порядка, одним из «сынов Божиих» (Иов, I, 6). Он первопричина всякого зла, злой дух, принесший в мир смерть (Премудр., II, 24). В апокрифической литературе Сатана выступает как соблазнитель Евы; рассказывается также об изгнании его с небес вместе с другими ангелами, после чего он стал называться Сатаной.

Стр. 30. *О, как низко пал...*— восходит к восклицанию библейского пророка: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!» (Исайя, XIV, 12).

Стр. 32. ... *Титанам равные...*— Титаны — дети Геи (Земли) и Урана (Неба), то есть небеснорождённые. *Бриарей* — прозвище одного из гекатонхейров, сторуких и пятидесятиглавых великанов. *Тифон — Земнородный,*

младший сын Геи (Земли) и Тартара, чудовище с сотней драконьих голов. Пещера Тифона, по преданию, находилась в Малой Азии, в древней Киликии, главным городом которой был *Тарс*. Часть Титанов, Тифон, а по некоторым мифам и Бриарей вступили в битву с Зевсом и были побеждены (греч. миф.). *Левиафан* — в Библии название гигантского морского животного неимоверной длины; иногда его отождествляли с китом.

Стр. 33. ... *Приняв его за остров...*— Рассказ о том, как моряки приняли кита за остров, высаживались на нем и даже разводили костер,— сюжет популярный в современной Мильтону литературе о путешествиях. Особую известность он приобрел благодаря арабской сказке из «Книги тысяча и одной ночи» («Первое путешествие Синдбада»); здесь изложен по книге норвежского писателя Олафа Магнуса «История северных народов» (переведена на английский в 1658 г.). *...С вершин Пелора, или ребра скал // Гремящей Этны...*— Пелор — мыс острова Сицилия. По преданию, на этом острове под горой Этной лежал скованный Зевсом огнедышащий Тифон.

Стр. 35. *Валдарно* — долина реки Арно, на берегах которой расположена Флоренция. *Фьезольские высоты* — холмистая местность близ Флоренции, где находился город Фьезоле. *Мудрец Тосканский* — Галилей. Во время путешествия по Италии Мильтон посетил Галилея во Флоренции. *...Валамброзские ручьи... // Дубравы Этрурийской...*— Валамброза — тенистая долина в Тоскане, недалеко от Флоренции. Этрурия — территория древних этрусков, границы которой практически совпадают с границами итальянской провинции Тосканы. *...так полег // Тростник... // Плывущих средь обломков колесниц...*— В развернутое сравнение Мильтон вводит эпизод из библейской истории евреев — бегство из Египта: по воле бога «расступились воды» моря, и «пошли сыны Израилевы среди моря по суше». Войско фараона, шедшее вслед за ними, было потоплено (Исход, XIV, 15—30). *Море Чермное* — Красное море. *Орион* — в греческой мифологии могучий охотник, превращенный в созвездие. С восходом и заходом этого созвездия древние авторы связывали волнения на море. *Бузирис* — имя мифического египетского царя, приносившего чужестранцев в жертву богам; здесь имеет символическое значение, поскольку имя фараона, преследовавшего евреев, в Библии не названо. *Конники мемфисские* — египетские всадники. *Гесем* — название области в Египте, где жили израильтяне во время своего пребывания в этой стране (Бытие, XLVII).

Стр. 36. *...мощный жезл // Вознес Амрамов сын, и саранча...*— Пересказывается эпизод из Библии: саранча была одним из десяти бедствий, которыми бог Израиля покарал Египет за отказ фараона отпустить евреев в Землю обетованную. Амрамов сын — Моисей, ходатай за свой народ перед фараоном (Бытие, X, 12—15). *...Не извергал тысячелюдный Север // Подобных толп...*— Имеется в виду нашествие варваров в IV—V вв. Далее географические названия указывают путь их завоеваний.

Стр. 37. *...И наклонить к забвению Творца // И воплощенью облика его // Невидимого — в образы скотов...*— Закон Моисея гласит: «Не делай

себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им» (Второзак., V, 8). На протяжении всего Ветхого завета происходит борьба между монотеистическим культом невидимого, не имевшего изображения бога и языческими зооморфными культами. *Под именами идолов они // Языческих известны с тех времен.*— Произошедшее на раннем этапе патристики отождествление языческих богов с демонами, духами обмана и зла, соединилось с библейским представлением о духах зла, как о падших ангелах. ....*Поведай, Муза, эти имена...*— Клише, предваряющее перечисление, восходит к Гомеру (ср. знаменитый список кораблей и корабельных вожатых в «Илиаде», XI, 485 и сл.). ...*Кто первым, кто последним...*— Ср. Гомер. Илиада, V, 703. ...*Главнейшими божками были те...*— Ниже в каталоге падших ангелов Мильтон дает развернутое описание ряда языческих культов, с которыми, согласно Библии, израильскому народу пришлось столкнуться на территории Палестины по возвращении их в Землю обетованную. *Иегова* (Ягве) — одно из имен библейского бога. *Молох... весь в крови // Невинных жертв.*— В Библии отмечается факт человеческих жертвоприношений Молоху, но сам ритуал не описан. В более поздней литературе рассказывается о принесении в жертву Молоху детей: их клали на распростертые железные руки идола с бычьей головой, который нагревался изнутри. Детский плач и крики заглушались грохотом барабанов. *Народ Аммонитян* — семитический народ, родственный евреям и враждебный им. По Библии — происходил от Лота и его младшей дочери (Бытие, XIX, 31—38) и занимал территорию на северо-восток от Мертвого моря и реки Иордан: от *Агроба*, области в *Васане* (название местности в северной части Заиорданья),— на юг до реки *Арнон*, впадающей в Мертвое море. *Равва* («город вод») — столица аммонитян на реке Яббок. ...*И царь прельщенный капище ему // Напротив Храма Божьего воздвиг.*— Царь Соломон построил капища «Астарте, мерзости Сидонской, и Хамосу, мерзости Моавитской, и Милхому (то есть Молоху.— *И. О.*), мерзости Аммонитской» (4 Царств, XXIII, 13) на Масличной горе, напротив Иерусалима, где находился выстроенный им ранее храм с ковчегом Завета.

Стр. 38. ...*Долина же Еннома... // Тофет... зовется и еще* — // *Геенной...*— Имеется в виду «долина сыновей Енномовых», недалеко от Иерусалима, где, по свидетельству библейского пророка, совершались человеческие жертвоприношения (Иерем., VII, 31—32). По толкованию некоторых комментаторов Библии, названа Тофет от еврейск. «барабан» (см. прим. к с. 37). Смрад и дым, шедший из этой долины, стенания и крики жертв сделали ее впоследствии символом ада. Геенна — новозаветное название долины Енномовой (еврейск.— «Ге-гинном»), синоним ада. ...*Хамос — ужас и повор // Сынов Моава.*— Хамос (Кемош) — главный бог моавитян, семитического народа, родственного аммонитянам и израильтянам. Библейская генеалогия приписывает моавитянам происхождение от Моава, сына Лота и его старшей дочери (Бытие, XIX, 31—37). На севере земли моавитян простирались до района *Ароера* (точное местоположение неизвестно, в Библии это название связано с тремя разными го-

родами где-то на севере, северо-востоке), а на юге — до *Аворима* (в Библии — общее название Моавитского плоскогорья) с его вершиной *Нево*. Города *Езевон*, *Оронаим*, *Сивма* и *Елеал* (Елале) отмечали с севера на юг восточную границу моавитских земель, естественной границей которых на западе было Мертвое море. Езевон и Оронаим названы *Сигоновой страной*, так как были завоеваны царем аморреев Сигоном и принадлежали ему в то время, когда евреи вернулись в Землю обетованную. *Он, под именем Фегора, // В Ситтиме соблазнил израильтян... // Что принесло им беды без числа.*— На пути из Египта в Ханаан во время стоянки в городе Ситтиме израильтяне «прилепились к Ваал-Фегору», «блудодействовали с дочерьми Моава», и «воспламенился гнев Господень на Израиль», в результате чего погибло 24 тысячи человек (Числа, XXV, 1—9). Ваал-Фегор (Баал-Пеор) — моавитский бог, культ которого отличался крайне чувственным характером. Мильтон, вслед за святым Иеронимом, отождествляет его с Хамосом. *Он оргии свои до той горы // Простер срамной...*— См. прим. к с. 37. *Иосия* — иудейский царь, величайший религиозный реформатор, ревностно искоренял языческие культы и разрушил храмы, построенные Соломоном и другими царями языческим богам, в том числе и Хамосу (4 Царств, XXIII). *...Прозванья были общие даны...*— *Ваал* (Баал, Бел) и *Астарта* — имена наиболее часто встречающихся в Библии древних ханаанских божеств. В Астарте нередко видели двойника Баала, ей же иногда приписывали половой дуализм, а также гермафродитизм. И Ваал и Астарта — божества многообразные, что отражается в наличии множественного числа их имен — Баалим и Астерот (множественное число использовано и в оригинале у Мильтона). *...От берегов Евфрата до реки // Меж Сирией и Царством пирамид...*— то есть по всей территории Земли обетованной. Ее границы даны в библейской формулировке: «В этот день заключил Господь завет с Авраамом, сказав: потомству твоему даю я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата» (Бытие, XV, 18). *...Так вещество их чисто и легко...*— Вопрос о том, считать ли ангелов чуждыми всякой телесности или признать их обладателями эфирного тела, был предметом дискуссии у ранних христианских богословов. Мильтон наделяет ангелов эфирными телами.

Стр. 38—39. *...Их были головы обречены // Склоняться... пред копьем // Врагов...*— Здесь выражена ортодоксальная библейская точка зрения на историю евреев: поражение в войнах объясняется как наказание народу за отступничество от истинного бога и поклонение богам языческим.

Стр. 39. *Аштарет* — библейское имя богини Астарты. В функции богини любви тождественна Венере. В древнем финикийском городе Сидоне ей поклонялись как богине луны женщины-идолопоклонницы. *Сион* — здесь получает то же значение, что и у библейских пророков: весь Иерусалим. *Женолюбивый царь* — Соломон (см. прим. к с. 37); как повествуется в Библии, на склоне лет наложницы мудрого царя Соломона «склонили сердце его к иным богам» (3 Царств, IX, 4—5). *Таммуз*—вавилонский бог растительности, отождествляется

с финикийским Адонисом, олицетворением умирающей и воскресающей природы. Греческие мифы представляют Адониса прекрасным юношей, которого растерзал вепрь в ливанских горах. С его именем связаны мистерии (адонан) с оплакиванием умершего бога и радостными торжествами в честь его воскрешения, происходившие ежегодно в середине лета. Лукиан («О сирийской богине») описывает поздний обряд плача по Таммузу в древнем финикийском городе Гебале, где находился знаменитый храм Адониса. Во время обряда женщины должны были приносить в жертву либо волосы, либо целомудрие. И Лукиан, и другие путешественники рассказывали о красноватой почве, окрашивавшей воду реки *Адонис*. Окрашивание было особенно интенсивным в летние дни, и в «алой струе» усматривали кровь раненого бога. *Пленялись этой притчей любострастной // Сиона дщери.*— Плач еврейских женщин по Таммузу у северных ворот храма Господня в Иерусалиме видел в одном из своих откровений пророк *Иезекииль* (Иезек., VIII, 13—14). *...Отпавшего Иуды...*— то есть колена Иудина. Мильтон имеет в виду отделение этого колена от прочих колен израилевых, когда единый народ разделился на «дом Иуды» и «дом Израиля». После блистательной эпохи правления царей Давида и Соломона начинается интенсивный процесс отделения колена Иудина, который в X в. до н. э. приводит к образованию северного Израильского царства и южного Иудейского с центром в Иерусалиме. *Шел Дух вослед, // Взаправду плакавший... // Дагоном звался он...*— Дагон — божество семитического пантеона, культ которого был распространен у филистимлян. Финикийские изображения морского чудовища с туловищем рыбы и человеческими руками и головой считаются изображениями Дагона. После победы филистимлян над израильтянами ковчег Завета был помещен завоевателями в храме Дагона в Азоте (1 Царств, V). После падения статуи Дагона город постигли различные бедствия, так что плач по Дагону был «взаправду», в отличие от плача по Таммузу, который воскресал, принося радость. *Азот*, *Геф*, *Аскалон*, *Аккарон* (Экрон) и *Газа* — пять главнейших филистимских городов. *Риммон* — в Библии — имя божества, которому поклонялись в Дамаске. *Авана* и *Фарфар* — «реки дамасские» в Библии (4 Царств, V, 12). *...Утратив прокаженного слугу...*— Нееман, сирийский военачальник, излеченный от проказы израильским пророком Елисеем, признал истинным богом бога Израиля (4 Царств, V, 1—18). *Ахаз*—иудейский царь, сначала завоевал Дамаск, а потом, плененный роскошью жертвенника в Дамасском храме, повелел соорудить такой же в Иерусалимском храме на месте разоренного им алтаря израильского бога (4 Царств, XVI; 2 Паралип., XXVIII, 23).

Стр. 40. *Озирис*, *Гор*, *Изида* — божества Древнего Египта. Названы «бродячими», так как, согласно легенде, во время войны с гигантами олимпийские боги бежали в Египет и скрылись там под видом животных. Египтяне из благодарности обожествили тех животных, чей облик они приняли. Греки отождествляли Озириса с Дионисом, Изиду с Деметрой, а Гора с Аполлоном. *Этой злой чумы // Израиль на Хориве не избег...*— На пути из Египта в Ханаан, воспользовавшись отсутствием Моисея, говорившего на

горе с богом, евреи отлили из золота, взятого у египтян в день исхода (Исход, XII, 35), тельца (имитацию Озириса). В Исходе (XXXII, 1—6) это произошло у подножья горы Синай, в Псалтыре (псалом CV, 19—20) названа гора Хорив. *Крамольный царь* — Иеровоам, вождь десяти колен израилевых, возмутившихся против иудейского царя Ровоама, сына царя Соломона. Он стал первым израильским царем. Обеспокоенный непрекращавшимся паломничеством израильтян в оставшийся в руках иудеев Иерусалимский храм, Иеровоам установил два изображения бога Израиля в виде двух тельцов: одного в *Дане*, на севере, а другого в *Вефиле*, на юге (3 Царств, XII, 26—30). *...что в ночь одну прошел // Египет...*— В ночь исхода бог Израиля истребил всех первенцев «от человека до скота» и свершил суд над «всеми богами» Египта (Исход, XII, 12—29; Числа, XXXIII, 4). *Велиал* — у Мильтона имя собственное, как в Новом завете (Велиар в 2 Коринф., VI, 15). В Ветхом завете — это термин для обозначения тех, кто противится установленному гражданскому или религиозному авторитету; встречается в значении «нечестивый», «недостойный», «ветреный». *Сыновья Илия* — сыновья первосвященника в городе Силом. Это «были люди негодные; они не знали Господа» (1 Царств, II, 12—25). Об их святотатстве известно, что они блудодействовали с женщинами и съедали в храме мясо, приготовленное для жертвоприношения. *Велиаловы сыны* — иносказательно: дети разврата. Сынами Велиала называли пуритане роялистов. В описании «насилия, неправды и гульбы» — явная сатира на правление последних Стюартов, при которых процветали коррупция и распущенность, вызывавшие возмущение в среде пуритан. *...таких видал // Содом, а позже — Гива...*— Содом — в Библии город, уничтоженный за грехи (Бытие, XIX). Жители города Гивы предавались такому разврату и содомии, подобных которым «не бывало и не видано было». Они потребовали выдать им на поругание странника, остановившегося на ночь в одном из домов. Им выдали наложницу, над которой они надругались до смерти (Суд., XIX, 22—28).

Стр. 41. *Божества Ионии* — греческие боги. Ионийцы — одна из основных групп древнегреческих племен. Населяли Аттику и побережье Малой Азии. Согласно древнееврейской традиции, их родоначальником был Иаван, внук Ноя, четвертый сын Иафета. *Титан* (г р е ч. м и ф.) — Океан, старший сын Земли (Геи) и Неба (Урана). У него было три тысячи сыновей и столько же дочерей. Крон, у римлян — *Сатурн*, был младшим братом Океана. *На Крите и на Иде...*— По преданию, Зевс воспитывался в пещере на горе Иде на острове Крит. *...И царствовали в воздухе срединном...*— Теория средневековой физики разделяла воздух на три слоя (срединный — от л а т. media regio). Боги Олимпа, в отличие от библейского, помещаемого Мильтоном в Эмпирее, правят в пределах земного неба: над ними облака, затем эфир, под ними также облака, скрывающие их от людей. *Дельфы* — город у подножья горы Парнас, известный своим оракулом и храмом Аполлона. В *Додоне* находился древний храм, посвященный Зевсу. *Дорида* — здесь

вся Греция. *...словно те, что в оны дни... // Бежали в Гесперийские поля...*— Согласно преданию, Сатурн, изгнанный Зевсом с Олимпа, один бежал в Италию. Гесперийские поля («вечерние») — так называли древние греки Италию, а также Испанию, то есть страны, лежащие на запад от Греции. Здесь Мильтон имеет в виду путь завоеваний римлян, принесших своих богов в Кельтские земли (Францию, Испанию), вплоть до «дальних» островов: Британии.

Стр. 42. *Азазиил* (Азазел) — в апокрифической литературе это имя связывается с библейской легендой о падении ангелов: Азазиил выступает предводителем допотопных гигантов, восставших против бога. *...Сверкали серафимские гербы // И пышные трофеи.*— Имеется в виду характерная черта средневекового воинского этикета — геральдические изображения воинских деяний: на знаменах в виде символов изображалась история феодала и его завоеваний. *Шагает в ногу демонская рать // Фалангой строгой, под согласный свист... // ...дорийских флейт...*— Фукидид («История», 1, 5) описывает спартанцев (дорийцев по происхождению) идущими на битву медленно, в такт песне, исполняемой флейтистами, что давало боевому строю ритм и организующее начало. Здесь войску Сатаны придано сходство с греческими армиями. *Затем // Дорийский... создан лад, // Чтоб смуту мыслей умиротворить... // ...и горе из сердец // Изгнать — и смертных и бессмертных.*— По мнению античных философов, гармония имеет стремления, родственные движениям человеческой души, воспроизводит и влияет на настроение человека. Так, дорийский мелодический лад считался наиболее мужественным, в то время как лидийский нежным, а фригийский возбуждающим.

Стр. 43. *Пигмеи* — мифический народ карликов. У Гомера они живут на крайнем юге и ежегодно ведут войну с прилетающими туда журавлями («Илиада», III, 3—6). *Флегрийские исполины* — мифические гиганты, вступившие в бой с олимпийцами на Флегрийских полях. *Род геройский...*— Имеется в виду четвертое, по Гесиоду, поколение людей, созданное Зевсом, «божественный род» героев («Работы и дни», 156 и сл.). В сражениях, которые вели между собой герои, им помогали боги, принимая иногда непосредственное участие в схватках. *Фивы* и *Троя* — города, с которыми связаны два основных цикла греческих мифов. Сюжетами этих мифов питался греческий эпос и трагедия. *...рыцарей романов и легенд // О сыне Утера...*— Имеется в виду средневековая литература о легендарном короле Артуре и рыцарях Круглого стола. *Арморика* — Бретань. *Дамаск, Марокко, Трапезунд, и Монтальбан, // И Аспрамонт...*— перечисляются названия, прославленные в рыцарской литературе, повествующей о борьбе христиан с «неверными». *Бизерта* — порт в Тунисе, один из центров арабской экспансии в Европу в средние века. *...Разбитым наголову средь полей // Фонтарабийских.*— Знаменитое поражение арьергарда французской армии Карла Великого (*Шарлеманя*), которое по традиции локализуется в Ронсевальском ущелье (см. «Песнь о Роланде»), Мильтон по неизвестным причинам относит к Фонтарабии (приблизительно в сорока милях от Ронсеваля). *...заставляя трепетать // Монархов призра-*

ком переворотов... — Говорили, что из-за этого отрывка поэму чуть было не запретили, хотя Мильтон здесь лишь повторяет Вергилия: приметы, сопутствовавшие смерти Цезаря («Георгики», I, 464—467).

Стр. 44. *Сдвоив ряды...*— так перестраивалась греческая фаланга; до сих пор воины стояли развернутым фронтом.

Стр. 46. *...сжав мечи, // Бьют о щиты...*— так воины Древнего Рима выражали одобрение оратору или полководцу. *...верный признак // Работы серы, залежей руды // В глубинах недр.*— Алхимики считали, что металлы образуются на основе ртути при помощи серы как связующей субстанции. *Маммон* (маммона) — арамейское слово, означающее «богатство», в таком смысле употребляется в Новом завете; персонифицировался и до Мильтона. *Вавилонские чудеса* — легендарные сады Семирамиды, Вавилонская башня. *...гробниц // Мемфиса...*— то есть египетских пирамид.

Стр. 47. *...Обширнейшее зданье, с виду — храм...*— Считается, что по некоторым деталям архитектуры храм Сатаны напоминает римские постройки (Капитолий, Пантеон). *Алкаир* (Каир) — был построен арабами в X в. неподалеку от древней столицы Египта Мемфиса. Мильтон, отождествляя Каир с Мемфисом, условно обозначает центр древнеегипетской цивилизации именем более позднего города. *Серапис* и *Бел* — важнейшие божества культуры эллинистического Египта и культуры ассиро-вавилонской.

Стр. 48. *...В пределах иерархии своей // Блестящими чинами управлять.*— Имеется в виду классификация ангелов в христианской ангелологии. Псевдо-Дионисий («О небесной иерархии») устанавливает разделение ангелов на три иерархии с подразделением каждой из них на три чина. К высшей иерархии относятся Серафимы, Херувимы, Престолы; к средней — Господства, Силы, Власти; к низшей — Начала, Архангелы и Ангелы. *...Был зодчий в Древней Греции...*— Гефест, архитектор Олимпа. *...народ // Авзонский...*— Авзония — поэтическое название Италии по имени древнего народа авзонов, жившего на юго-западе Апеннинского полуострова. *Мульцибер* — эпитет Вулкана-Гефеста. *...швырнул Юпитер... // Его на землю.*— Этот миф объяснял хромоту Гефеста. У Гомера («Илиада», I, 590—594) падение Гефеста продолжалось целый день. *Пандемониум* — неологизм принадлежит Мильтону; образован по аналогии с греческим «пантеон».

Стр. 49. *...Иль предлагали копья преломить...*— Рыцарские турниры различали два вида боя: на копьях с острым наконечником (смертельная схватка) и с тупым. Преломить копье — означает состязание в ловкости и силе без нанесения ран. *...пигмеи, что живут // За гребнем гор Индийских...*— то есть за Гималаями. Авторы поздней античности помещали пигмеев в Индии. *...Луна... // Снижая бледный лёт...*— Согласно средневековым поверьям, ведьмы, феи и духи имели влияние на луну (см. Кн. II, с. 70 и прим.). *... В конклаве тайном.*— Через указание сперва на Древний Рим (с. 46, 47 и прим.), затем — на католический (конклав) Мильтон приводит читателя к заключению: римский папа — Сатана — Антихрист.

Стр. 50. *...Сокровищниц Индийских и Ормузских...*— Ормуз, город на острове с тем же названием у входа в Персидский залив,— важный торговый центр в период средних веков и Возрождения. В литературе этого времени Индия, как и вообще Восток,— символ роскоши и богатства. *...осыпали варварских владык // Алмазами и перлами...*— здесь и в переносном и в буквальном смысле. Известны были рассказы путешественников про восточный обычай рассыпать жемчуг и другие драгоценные камни у ног повелителя во время торжественных церемоний.

Стр. 51. *О, Власти и Господства!* — См. прим. к Кн. I, с. 48.

Стр. 52. *...державный царь Молох...*— Молох (еврейск. «мелех») означает «царь».

Стр. 54. *...Но лжив и пуст, хоть речь его сладка, // Подобно манне...*— В этой характеристике видят отзвук эпиграммы, которая ходила среди приближенных Карла I. О короле говорили, что за всю жизнь он не сказал ничего глупого и не сделал ничего разумного. Речь Велиала-софиста, в котором дан портрет придворного, построена как образец поэтического красноречия с редкой для поэмы концентрацией рифмы.

Стр. 55. *...дуновенье, // Что эти горны страшные зажгло...*— восходит к словам Писания, которые понимали как пророчество ада: «Ибо Тофет давно уже устроен... дуновение Господа, как поток серы, зажжет его» (Исайя, XXX, 33). *...длань багровую... // Вооружит...*— перефразированы слова Горация о Юпитере (I Оды, 1, 2).

Стр. 57. *Так... Велиал // Не мир — трусливый предлагал застой, // Постыдное бездействие.*— Считается, что в речи Велиала Мильтон воспроизводит аргументацию тех роялистов, которые после казни короля (1649 г.) и упрочения республики сочли дальнейшее сопротивление безнадежным и надеялись лишь на смягчение репрессий.

Стр. 59. *...обратится наш состав // В его состав...*— то есть чистый небесный эфир превратится в более грубую материю — огонь. В средневековой демонологии часть падших ангелов превратилась в демонов огня, воды, воздуха, земли. Эти стихии еще античный мир населил демонами, или духами, которые управляли ими и принимали их природу. *Меч Михаила...*— Михаил возглавлял ангельские рати в битве с войском Сатаны на небе (Откр., XII, 7). *Духов привлекло // Одно желанье: основать в Аду // Империю...*— Считается, что, приписывая такое стремление падшим ангелам, Мильтон осмеивает тщетные попытки некоторых лордов и роялистски настроенных членов Долгого парламента учредить при короле, удалившемся из столицы, другой, Оксфордский парламент, в противовес Вестминстерскому в Лондоне.

Стр. 60. *...плеча // Атланта...*— Атлант, один из титанов, восставших против Зевса, был осужден поддерживать на плечах небесный свод.

...Он — первый и последний Государь... — восходит к тексту Апокалипсиса: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний...» (Откр., I, 11). *Будет... // ... железным нас пасти жезлом...*— цитата (Откр., II, 27).

Стр. 63. *...В тьме осязаемой?* — Библейский образ (Исход, X, 21). *...огнепалящий свод... // Девятикратно окружает нас. // Врата из адаманта наверху...*— Тартар Вергилия обнесен тройной стеной с вратами из адаманта и обтекаем огненной рекой («Энеида», VI, 548—554).

Стр. 66. *Серафимы* — высший чин ангельской иерархии, ближайший к богу. В видении пророка Исайи (VI, 2) представляются шестикрылыми существами, окружающими божий престол. Смысл их имени связывался с огнем, горением. *Херувимы* — второй по старшинству чин ангельской иерархии. Это крылатые существа; подробно описаны пророком Иезекиилем (Иезек., X). Связываются с ветром. *...И тягостное время скоротать // До возвращенья Сатаны.*— Источниками следующей сцены считают шестую книгу «Энеиды» Вергилия (Эней в подземном царстве) и четвертую песнь «Ада» из «Божественной Комедии» Данте (поэты и философы в Лимбе). *Пифийские игры* происходили в Дельфах в память победы Аполлона над чудовищным змеем Пифоном. Первоначально это были соревнования поэтов и музыкантов, потом к ним присоединили другие виды состязаний.

Стр. 66—67. *...две рати в облаках, // Вещая войны гордым городам, // Сражаются.*— Баталия в небесах предвещала смерть Цезаря и будущие войны Рима (Шекспир. Юлий Цезарь, д. II, сц. 2).

Стр. 67. *Так, победительный Алкид // Эхалию покинул...*— Алкид — прозвище Геракла. Излагается сюжет, связанный с гибелью героя: когда, разрушив город Эхалию, он возвращался домой, *Лихас*, посланец супруги Геракла Деяниры, передал ему одежду, отравленную кровью кентавра Несса. Обезумев от боли, Геракл швырнул Лихаса в море с горы *Эты*. Сюжет обработан Софоклом («Трахинянки») и Овидием («Метаморфозы», IX).

Стр. 68. *...праздных дум тщета // И мудрость ложная!* — Темы бесед, названные выше Мильтоном, составляли — в той или иной степени — предмет философских и религиозных размышлений на протяжении всей европейской традиции мысли, предшествующей Мильтону: от античной философии до богословия Реформации. Выражение «reasoned high» (выше нереведено как «предались высоким помыслам») объясняет пренебрежительный отзыв Мильтона: поэт отвергает любой рационализм в подходе к столь важным предметам, как предопределение, провидение, свободная воля и т. д., считая, что только божественное озарение может дать представление о божественном промысле. *...Вдоль русел четырех Аидских рек...*— В Мильтоновом аду, как и в Дантовом, протекают реки античной преисподней: *Стикс* — (греч.) «ненавистный», *Ахерон* — «река скорби», *Коцит* — «плач». *Флегетон* — «жгучий», *Лета* — «забвение». *...топь // Сербонская...* — озеро Сербонида, находившееся, по свидетельству античных историков, близ побережья Нижнего Египта на запад от *Дамиаты*, города в нильской дельте. Озеро было окружено песчаными холмами, над ними высилась гора *Касий*.

Стр. 69. *Медуза* (г р е ч. м и ф.) — одна из трех горгон; от одного взгляда на их ужасные лица всякий превращался в камень. *Тантал* — фригийский царь, обреченный на вечные терзания в преисподней от голода и жажды за то, что выдал тайны олимпийских богов. *Химера* (г р е ч. м и ф.)— огнедышащее чудовище с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона. *Гидра* (г р е ч. м и ф.) — многоголовая водяная змея. Вместе с горгонами, фуриями и гарпиями гидры и химеры населяли мир античной преисподней.

Стр. 70. *Тернат* и *Тидор* — острова в Тихом океане из группы Молуккских Малайского архипелага. Были открыты португальцами в начале XVI в. Оттуда в Европу в большом количестве привозили пряности. *...И, море Эфиопское пройдя...*— Картографы времени Мильтона помещали «Эфиопское море» то на западном, то на восточном берегу Африки. Здесь, очевидно, имеется в виду часть Индийского океана, омывающая берега Эфиопии. *Кап* — мыс Доброй Надежды. *Вкруг чресел скачет свора адских псов; // Их пасти Цербер-ские...*— Цербер — трехголовый адский пес. Греховности придано сходство со *Сциллой*. Согласно поздним мифам, Сцилла была прекрасной девушкой. Волшебница Цирцея превратила нижнюю часть ее тела в лающих псов, влив злые соки в воду, в которой купалась Сцилла. *...Меж Калабрийских берегов и скал // Тринакрии...*— Считалось, что Сцилла живет в пещере у пролива между Италией и Сицилией. Тринакрия (л а г.— «трехконечная»)— остров Сицилия. Калабрия — область на юге Апеннинского полуострова. *...свита, мчащаяся вслед // Ночной колдунье...*— Ночная колдунья, Геката,— одно из мрачных божеств греческой мифологии. В средневековье она превратилась в покровительницу волшебства и всякой нечисти. Традиционно родиной колдовства считалась Лапландия. Ведьмам приписывалось особое влияние на луну: они могли заставить ее померкнуть или вообще стянуть с неба. Считалось, что для заклинаний ведьмы используют кровь младенцев.

Стр. 71. *...увлек // Своей гордыней Сил Небесных треть...*— С Сатаною вместе пала треть всего воинства небесного: «Хвост его увлек с неба третью часть звезд...» (Откр., XII, 4).

Стр. 72. *...С кометой... // ...в созвездье Змееносца, // На землю стряхивающей чуму // И войны со своих зловещих косм.*— Комета (от г р е ч. «волосатый», «косматый») с глубокой древности воспринималась как знак разлада в природе, предвестие стихийных бедствий, войн, чумы. Змееносец — созвездие, расположенное частью в северном, а частью в южном полушарии. Мильтон окружает Сатану сравнениями и фигурами, несущими в себе предвестие его будущего превращения (Кн. X, с. 300). *...каждому из них // Еще однажды схватка предстоит // С таким же всемогущим, но иным // Противником.*— Имеется в виду искушение Христа диаволом (Матф., IV) и победа Христа над смертью.

Стр. 73. *...во всем вооруженье, // Возникла я богиней.*— Греховность рождается из головы Сатаны подобно греческой Афине, богине мудрости, возникшей из головы Зевса. Рождение греха и смерти (ниже, с. 74) суть иллюстрация к словам апостола: «Похоть же, зачав, рождает грех, а

сделанный грех рождает смерть» (Иак., I, 15). Выше указывается, что Грех выходит с левой стороны из головы Сатаны; понятие «левого» издревле в человеческом сознании синоним дурного, злого. Ева у Мильтона возникает из левого бока Адама (Кн. VIII, с. 237), ад расположен влево от Эмпирея (Кн. X, с. 294).

Стр. 74. *...грызут // Мое нутро...*— Аллегория восходит к апокалипсическому символу греха в образе блудницы вавилонской. О ней сказано, что «десять рогов... возненавидят блудницу... и плоть ее съедят...» (Откр., XVII, 16).

Стр. 75. *...ведь стать могу... // Убийственной отравой для него...*— Согласно христианским представлениям, смерть есть следствие греха, и с уничтожением греха уничтожится смерть.

Стр. 77. *...справа от тебя...*— как Бог-Сын, сидящий одесную Отца. *Эреб* — подземное царство мрака в древнегреческой мифологии; здесь — синоним Ада. *Ныне широко // Врата отворены...*— восходит к словам евангелиста: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Матф., VII, 13). *...оттуда, словно из жерла // Плавильни, бил клубами черный дым...*— Греховность, отпирающая двери ада, также является иллюстрацией к тексту Апокалипсиса: «...и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны: и она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи» (Откр., IX, 1—2). *...пращуры Природы,— // Ночь древняя и Хаос...*— Ночь и Хаос, ветхозаветное «тьма над бездною» из первых строк Библии, предшествовали земле и небу, то есть — сотворенному миру. Ночь у Мильтона — чистая пустота (с. 79—80), Хаос (от г р е ч. «разверзаюсь»)— неупорядоченная первоматерия, «правещество» (с. 78), понимается здесь в духе поздней античности как первозданное беспорядочное состояние элементов, первоначал, семян всех вещей («зачатки-атомы»). Таким образом, Мильтон в духе греческой материалистической философии полагает началом вселенной (космоса, природы — олицетворения порядка и гармонии) пустоту и атомы. С другой стороны, такой взгляд находится в определенной связи с богословским учением о том, что мир создан из бесформенной тварной материи. До творения же не было ничего, кроме бога (Августин).

Стр. 77—78. *Вечный спор // Здесь... // Сухость, Влажность, Холод, Жар... // ...ведут и гонят в бой // Зачатки-атомы...*— Здесь Мильтон подражает описанию примитивного хаоса у Овидия («Метаморфозы», I, 19 и сл.). Борьба атомов напоминает изображение у Лукреция непрерывно сражающихся маленьких тел, видимых в солнечных лучах («О природе вещей», II, 114—137). В Хаосе четыре стихии, элементы античной физики — земля, вода, воздух, огонь,— находятся в смешанном, беспорядочном состоянии. Преодолев пустоту, Сатана сначала пробирается через соединение первых трех («трясину вязкую» — с. 79), затем, по мере приближения к Эмпирею, подымается в «среду, почти воздушную» (с. 82). Огонь среди элементов, наполняющих Хаос, у Мильтона не указан. Возможно, он представ-

лен Сатаной, пролетающим сквозь другие стихии, «как пирамида пламени» (с. 81).

Стр. 78. *...как пески // Бесплодных почв Кирены или Барки...*— Здесь имеется в виду, очевидно, плато Ливийской пустыни. Кирена и Барка — древнегреческие поселения в Ливии. *...если малое сравнить // С большим возможно...*— формула, встречающаяся у Овидия и Вергилия. *Беллона* — италийская богиня войны.

Стр. 79. *Гриф* — мифическое чудовище с львиным туловищем, орлиной головой и крыльями. Грифы воевали с племенем одноглазых великанов *Аримаспов*, которые расхищали их золото (Геродот. История, III, 116).

Стр. 80. *Орк* — римское божество смерти, тождествен греческому владыке подземного царства *Аиду. Демогоргон* — божество, имени которого приписывались самые страшные действия: от звука его бежит Стикс и трещит Коцит, произносить его можно только в заклинаниях. Его призывали на помощь средневековые чернокнижники и алхимики. *...Нижней Бездной // ...правящие...*— то есть Хаосом. Верхняя бездна — это Эмпирей. *Анарх* — так назван Хаос, олицетворяющий безвластие и отсутствие порядка.

Стр. 81. *...Земля и небо — новый мир,— // Подвешены на золотой цепи...*— Реализован гомеровский образ: золотая цепь Зевса, на которой он может подвесить землю к небу («Илиада», VIII, 18 и сл.). *Арго* — корабль, на котором плыли за золотым руном греческие герои. Симплегады, сдвигающиеся скалы, едва не расплющили корабль аргонавтов. *Улисс* — Одиссей. Стремясь избежать страшного водоворота *Харибды*, он решил проплыть мимо чудовищной Сциллы, которая похитила с корабля шестерых воинов (Гомер. Одиссея, XII).

Стр. 82. *...Просторы эмпирейские Небес,— // Квадратных или круглых,— не понять...*— См. Кн. X, с. 295 и прим.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Стр. 84. *О, Свет святой!* — Здесь Мильтон имеет в виду свет высший, божественный, свет как атрибут Бога вечного. Основано на новозаветном изречении «Бог есть свет» (I Иоанн, I, 5). В сотворенном мире свет есть лишь первое из всего созданного — явление низшего порядка. *...И, повинуясь голосу Творца...*— «И сказал Бог: да будет свет» (Бытие, I, 3) *...мир глубоких, черных вод.*— До третьего дня творения суша не была отделена от воды (Бытие, I, 9—10). *...Не на Орфеев лад...*— Орфей, легендарный фракийский певец, спускавшийся в ад, был сыном Каллиопы, музы пения и эпической поэзии. *...темная вода...*— глаукома. Мильтон не знал причин своей слепоты.

Стр. 84—85. *...к тебе, Сион, // К источникам...*— Имеются в виду источники Кедрон и Силоам; из них последний особенно дорог Мильтону, потому что, омывшись в нем, прозрел слепой (Иоанн, IX, 7).

Стр. 85. *Тамарис* — фракийский поэт, ослепленный музами; античные авторы указывали, что он писал о войне богов с титанами и о возникновении мира. *Меонид* — Гомер. *Финей* и *Тиресий* (греч. миф.) были наделены даром прорицания, оба — слепцы. *Тем ярче воссияй, Небесный Свет, // Во мне...*— Мильтон считал свою слепоту проявлением божественной воли, изъявшей его из внешнего мира ради высшей цели.

Стр. 86. *...сходного с материком... // ...но небосвода // Лишенным...*— Несмотря на знакомство с астрономическими открытиями Нового времени (безграничность вселенной, гипотеза о существовании других миров), Мильтон предпочитает сохранять глубоко традиционную картину мира, заключавшую всю систему в оболочку. Средние века приняли и несколько модифицировали космологическое учение Птолемея, по которому вселенная представлялась в виде ряда заключенных одна в другую сфер. Наука позднего средневековья окружает землю десятью подвижными сферами (небесами): сферы семи планет — Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна; за ними следует сфера неподвижных звезд (твердь). Девятое, хрустальное (или кристаллическое) небо, добавленное арабскими комментаторами Птолемея, должно было объяснить нерегулярности и отклонения в движении планет. Десятое небо, перводвигатель (Primum Mobile), сообщало движение нижним сферам.

Стр. 86—96. *И со Своей взирая высоты... // Не перестанет арфа прославлять // Моя,— Отца и Сына нераздельно!* — Сцена совета на небесах изложена преимущественно языком Священного писания: заступничество Сына за человека, ангельские хоры и особенно диалоги Бога-Отца и Бога-Сына, в которых кратко дана христианская доктрина искупления.

Стр. 87. *Как бы могли, // Не будучи свободными, любовь // Свою ко мне бесспорно доказать... // Не следуя хотенью своему, // А лишь необходимости одной...* (и ниже).— Важное место для понимания философии свободы у Мильтона. Опровергается концепция безусловного предопределения, в наиболее жесткой форме разработанная у Кальвина; идея абсолютного господства воли божией, избирающей людей лишь своими орудиями, исключает мысль о человеческих заслугах и самую возможность свободного выбора в решениях человека. *...Ведь разум — это тот же вольный выбор...* — В этих строках выражена высокая концепция нравственной свободы человека, сформулированная уже однажды Мильтоном, когда он выступал в защиту свободы печати: «Многие сетуют на Провидение, попустившее Адаму преступить запрет. Глупцы! Ведь если Бог дал человеку разум, то дал ему и свободу выбирать, ибо разум и есть выбор; без этого Адам был бы всего-навсего искусственным Адамом»! («Ареопагитика», 1644).

Стр. 89. *Я милости особой удостою // Избранников немногих... // ...тот себя спасет.*— Доктрина безусловного предопределения была Мильтону чужда. Вместе с умеренными кальвинистами он разделял убеждение, что, помимо избранников, взысканных особой милостью и предназначенных к вечному спасению, остальные люди не безусловно обречены, но могут спастись, строго соблюдая евангельские заповеди.

Стр. 94. *...среди полей // Элизия.* — Элизий, или Елисейские поля,— поля блаженных у древних греков; в поэзии — синоним царства красоты, счастья.

Стр. 96. *...полый шар, // Что меньшие, лучистые вмещал...*— См. прим. к с. 86. *...гриф // Имауса...*— Имаусом называли древние географы Гималаи и расположенные к северу от них горные цепи вплоть до Урала; здесь — скорее всего Памир (Скифский Имаус). *Гидасп* — название самой западной из пяти рек Пенджаба у древних греков. *Серикана* (или Серинда) — страна серов (от л а т. «sericus» — «шелковый»); этим названием в древности обозначали различные районы востока, от Бухары до Индокитая; здесь — район северо-западного Китая. *...Где...свой возок // Китаец, парусами оснастив, // По ветру мчится.*— Представление о таком способе передвижения у кочевников востока было весьма популярным в Европе. Рассказывали, что один англичанин соорудил себе такую повозку и безуспешно пытался прокатиться в ней по Англии.

Стр. 97. *...не на Луне, // Как некоторым грезилось порой...*— полемика с Ариосто («Неистовый Роланд», XXXIV). *Гиганты древности* — библейские допотопные исполины, появившиеся на земле «с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им; это сильные и издревле славные люди» (Бытие, VI, 4). *...те, что... // В долине Сеннаарской возвели // Близ Вавилона башню...*— строители Вавилонской башни (Бытие, XI, 1—9). *Эмпедокл* — древнегреческий философ (ок. 490—430 гг. до н. э.), о смерти которого ходили легенды. *Клеомброт* — ученик Сократа; по преданию, он так увлекся учением о бессмертии души, изложенным в диалоге Платона «Федон», что бросился в море, дабы поскорее насладиться этим бессмертием. *...монахов — белых, черных // И серых...*— Монашеские ордена различаются здесь по цвету одежды, соответственно: доминиканцы, бенедиктинцы, францисканцы. *...Что мертвого искали на Голгофе // Христа, живущего на Небесах...*— Намек на евангельскую фразу: «что вы ищете живаго между мертвыми?» (Лука, XXIV, 5). Голгофа — гора, на которой, по преданию, был распят Христос; имеется в виду паломничество ко гробу Господню.

Стр. 98. *...Мечтая в рай попасть наверняка, // В сутане Доминика, в клобуке // Франциска.*— По средневековому поверью, человек, похороненный в рясе монаха, никогда не попадет в ад. Доминик (1170—1221) и Франциск Ассизский (1182—1226) — святые католической церкви, основатели монашеских орденов. *Вот круги семи планет // Они минуют...*— См. прим. к с. 86. *...у калитки... // ...сам Апостол Петр с ключом в руке.*— Петру были вручены ключи от царства небесного (Матф., XVI, 19). Ироническая интонация направлена в адрес католической церкви (церкви святого Петра), утверждавшей, что римский папа является наместником Христа на земле через апостольскую преемственность. *Лимб* (от л а т. limbus — кайма)— преддверие католического ада, где, согласно церковному учению, пребывали души некрещеных младенцев, мудрецов, ветхозаветных праведников и доб-

родетельных язычников, умерших до воскресения Христа. В средние века различали несколько лимбов. Лимб мудрецов, населенный у Мильтона лжемудрецами, поэт нарекает «Раем глупцов» и помещает его не рядом с адом, а на задворках вселенной.

Стр. 98—99. *По лестнице такой же... // Сновали толпы Ангелов...*— Излагается сон библейского патриарха *Иакова*, бежавшего от мести своего брата *Исава* в Харран (Бытие, XXVIII).

Стр. 99. *...Иных... // Несла упряжка огненных коней.*— Так был унесен на небо пророк Илия (4 Царств, II, 11). *...от Паней... до рубежей... // Вблизи Вирсавии...*— то же, что «от Дана до Вирсавии» (Суд., XX, 1), выражение, обозначающее в Библии: вся Земля обетованная, с севера на юг. Панея (Paneas, Panias, иногда — Апамея) — то же, что Кесарея Филиппова, город на севере Палестины (у истоков Иордана) в эпоху эллинизма и римского владычества. В его окрестностях указывали местоположение древнего Дана.

Стр. 100. *Весы* и *Овен* — два созвездия, диаметрально противостоящие друг другу на зодиакальном круге. Созвездие *Андромеды* соседствует с созвездием Овна. Сатана обозревает мир с востока на запад, то есть по широте. *От полюса до полюса обвел // Он взором ширь.*— По долготе, с севера на юг. Анахронизм: древние знали землю с востока на запад лучше, чем с севера на юг, и потому называли широту длиной, а долготу — широтой. *...острова // Блаженные* — связаны с античным мифом о Золотом веке; там после смерти обитало поколение героев. *Гесперийские сады* — прекрасные сады Гесперид, где росла яблоня, приносившая золотые плоды. По традиции, помещались на крайнем западе. В средние века миф о Гесперийских садах истолковывался как предание о земном рае. *...От центра или к центру...*— Мильтон в поэме не отдает предпочтения ни геоцентрической, ни гелиоцентрической системе и всегда в этом смысле выражается уклончиво (см. Кн. VIII, с. 226—228).

Стр. 101. *Нагрудник Аарона.*— Аарон, брат Моисея, был первым из первосвященников израильских. Его наперсник (нагрудник) украшали двенадцать драгоценных камней по числу колен израилевых (Исход, XXVIII). *...Тот камень, что существовал в мечтах...*— философский камень алхимиков, великий эликсир, панацея жизни. *...Летучего Меркурия связать...*— термин алхимиков: перевести ртуть в твердое состояние. Меркурием алхимики называли ртуть, вернее, извлеченное надлежащим образом из ртути, представлявшейся им носительницей металлических свойств, самое «начало металличности». *...Протея многоликого извлечь...*— Протей (г р е ч. м и ф.) — многоликий морской бог, которого почти невозможно было заставить принять свойственную ему форму и вид; у алхимиков — сурьма (антимоний), воплощение первичной субстанции.

Стр. 102. *...Ангела... // Которого на солнце Иоанн // Увидел.*— Имеется в виду видение святого Иоанна Богослова: «И увидел я иного Ангела, восходящего от востока солнца...» (Откр., VII, 2). *...И тотчас Уриила Враг*

признал...— Уриил («свет Божий» — имя ангела в Третьей книге Ездры (IV). В апокрифической литературе Уриил входит в число семи ангелов, ближайших к богу. В средневековой мистике ему приписывается функция покровителя солнечного дня недели и источника света в зимние дни. *...очи Божества, // Все небо облетающие вмиг...*— Образ, восходящий к Новому завету: «...семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю» (Откр., V, 6).

Стр. 104. *Квинтэссенция* — пятая сущность (quinta essentia); так римские и средневековые философы называли эфир, самый тонкий и чистый из пяти элементов материального мира в античной философии. По Аристотелю, эфир— сущность неба и звезд, у стоиков — вышний огонь.

Стр. 105. *...трисоставный диск...*— то есть состоящий из трех частей (фазы луны: два серпа и диск). *Нифат* («снежный») — гора или горная цепь к югу от Арарата. По традиции, Эдем искали в Ассирии или северной Месопотамии.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Стр. 107. *Где глас остереженья...*— «Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что не много ему остается времени» — этот зов слышал апостол Иоанн, имевший, согласно Писанию, пророческое видение на острове Патмос (Откр., XII, 12). *Апокалипсис* (г р е ч. «откровение») — последняя книга новозаветного канона «Откровение святого Иоанна Богослова», содержащая пророчество о конце мира. В главе XII Апокалипсиса говорится о двух поражениях, которые потерпел дракон-Сатана: на небе, имевшее следствием изгнание, и на земле — рождение Христа — искупителя, после чего дракон рассвирепел и «пошел, чтобы вступить в брань» со всеми христианами. *...Явился в первый раз не обвинить, // Но искусить...*— См. прим. к Кн. I, с. 29—30. До своего падения Сатана был на небе обвинителем человека, клеветавшим на него «пред Богом нашим день и ночь» (Откр., XII, 10).

Стр. 108. *В сиянье славы царского венца...*— Обращение Сатаны к солнцу является подражанием монологу Прометея у Эсхила («Прометей прикованный», Пролог, сц. II). Замыслив первоначально «Потерянный Рай» как трагедию, Мильтон начал ее десятью стихами этого монолога.

Стр. 109. *Везде // В Аду я буду. Ад — я сам.*— Сатана повторяет слова Мефистофеля у Марло («Трагическая история доктора Фауста», акт I, сц. 3).

Стр. 111. *...На гору Ассирийскую...* —то есть на гору Нифат.

Стр. 112. *Зефир* — западный ветер; дует, по представлению Гомера, на островах блаженных, где нет непогоды. *Сабейский* — от имени сабеев, древнего народа, жившего на юге Аравийского полуострова; о богатстве этого края ходили баснословные рассказы, а самой местности было дано название *Аравии Счастливой* (Arabia Felix). *Асмодей* — имя демона-погубителя в Библии.

Он убивал всех женихов *Товитовой невестки* Сарры, дочери Рамуила из *Мидии*. Сын Товита, Товий, пришел в Мидию в сопровождении ангела Рафаила; в день свадьбы своей с Саррой он взял, по совету ангела, «курительницу, и положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел» (Тов., VIII, 3—4).

Стр. 113. *...так с тех пор // Вторгаются наймиты в Божий храм.*— Евангельское противопоставление истинного пастыря «волкам» и «наемникам» (Иоанн, X) часто использовалось в религиозной литературе и политических памфлетах эпохи английской революции. Один из трактатов Мильтона носил название «Соображения о лучших средствах удаления из церкви ее наймитов» (1659). *...Древо Жизни, что росло // Посередине Рая...*— «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево... и древо жизни посреди рая, и древо познания добра и зла» (Бытие, II, 9). *Ведь Божьим садом был блаженный Рай...*— «Рай» в Библии имеет значение «земного сада»: «И насадил Господь рай в Едеме на востоке...» (Бытие, II, 8). *Харран* — древний город в западной Месопотамии в бассейне реки Евфрат. *...До Селевкийских горделивых вежи...*— Мильтон имеет в виду построенный греками на реке Тигр город Селевкию. *Талассар* (Фаласар) — ассирийский город и область в западной Месопотамии, где после завоеваний Александра Македонского жили греки.

Стр. 114. *Здесь на четыре главных рукава // Река делилась...*— Мильтон следует библейской топографии: «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки». Названия рек в Библии — Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат (Бытие, II, 10—14).

Стр. 115. *Пан* — здесь олицетворение всей природы. *Грации* у римлян — олицетворение плодородия, богини радости, красоты и изящества. *Оры* (г р е ч. м и ф.) — богини времен года. *Энна* — древний город в Сицилии, в окрестностях которого находился грот и луг *Прозерпины*, дочери Юпитера и богини *Цереры*; ее похитил *Дит*, римский бог подземного царства. *Ни рощу Дафны... вблизи // Оронта...*— Оронт — река в Сирии, на берегу которой стоял город Антиохия; название Антиохия «при Дафне» встречается в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха («Лукулл», 21). *Кастальский ключ* —источник на горе Парнас, обитель муз. *...Ни остров Ниса на Тритон-реке...*— Ниса — место рождения бога Диониса. Реку Тритон помещали на крайнем западе, позднее — в Ливии. *...Где древний Хам...*— Хам, один из сыновей библейского патриарха Ноя, считался родоначальником африканских народов. Мильтон отождествляет с ним божество эллинистической эпохи Зевса-Аммона.

Стр. 116. *...От Реи злобной Амалфею скрыл // С младенцем Бахусом...*— Излагаемая версия о рождении Диониса-Вакха отличается от классического мифа, где мать Диониса — Семела, а скрывают его от гнева богини Геры. *Амара* — легендарная гора у экватора, где, по преданию, в строгой изоляции воспитывались абиссинские принцы. *Ассирийский сад* — рай. *В их лицах отражен // Божественных преславный лик Творца...*— «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его; мужчину и жен-

щину...» (Бытие, I, 27). *...создан муж // Для Бога только, и жена для Бога, // В своем супруге.*— Мильтон имеет в виду слова апостола Павла: «...всякому мужу глава Христос, жене глава—муж, а Христу глава — Бог» (1 Коринф.,XI, 3).

Стр. 120. *...лишь от Древа // Познанья не вкушать...*— «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Бытие, II, 16—17).

Стр. 122. *...Юпитер, облака плодотворя... // Юноне улыбался.*— Оплодотворяющий землю союз солнца и дождя олицетворялся у греков в священном браке Зевса и Геры (Юпитер и Юнона у римлян).

Стр. 124. *Гавриил, // Начальник стражи Ангельской...*— Гавриил («могучий воин Божий») — имя второго по значению ангела в еврейской ангелологии. В апокрифической литературе («Книга Еноха») Гавриил — среди четырех ангелов, исполняющих обязанности стражей на четырех концах мира. Также ему приписывается функция исполнителя на земле воли бога.

Стр. 125. *...и тот же луч // ...полого наклонясь, // Отнес его на Солнце...*— Теперь Уриил скользит по солнечному лучу вниз. Солнце опустилось за линию горизонта, луч его образует касательную к поверхности земли, и конец его, на котором стоит Уриил, уже слегка приподнят. *...Солнце... // ...дневной свершило круг, // Иль... Земля... // Оставила светило позади...*— См. прим. к Кн. III, с. 100.

Стр. 126. *Геспер* — божество вечерней звезды у греков, а также одно из названий планеты Венеры, как вечерней звезды. Как утренняя звезда, Венера носила у греков название Фосфор, а у римлян — Люцифер (светоносец).

Стр. 129. *Сильван* (римск. миф.), *Пан* (греч. миф.), *фавны* (римск. миф.) — боги лесов и рощ. *...Прекраснее Пандоры...*— Пандора («всем одаренная») — первая женщина, сотворенная по воле Зевса в наказание людям за проступок Прометея, похитившего для них огонь с неба. Любопытная Пандора открыла сосуд, где были заключены все людские пороки, болезни и несчастья, и выпустила на волю бедствия, от которых с тех пор страдает род людской (греч. миф.). *...И к сыну беззрассудному Япета...*— то есть Эпиметею (греч.— «крепкий задним умом»), брату Прометея.

Стр. 130. *...Иных обрядов не было у них...*— Мильтон принадлежал к тому религиозному течению в протестантизме, которое шло еще дальше пресвитерианства, практически упразднившего литургию. *Пускай ханжи // Сурово о невинности твердят...*— Выпад против институтов целибата и монашества, отвергнутых Реформацией: они извращают естественные законы природы и заповеди Писания. Предположение о супружеских отношениях Адама и Евы в раю противоречит традиционному мнению, по которому «Адам познал Еву, жену свою» после изгнания из рая (Бытие, IV, 1). *...Твое нескверно ложе...*— Мильтон цитирует апостола Павла: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно» (Евр., XIII, 4).

Стр. 131. *Уже коническая Ночи тень...*— Тень земли представляется в виде часовой стрелки на гигантском циферблате вселенной. Она имеет вид конуса с основанием на неосвещенной стороне шара. Этот конус возвышается по мере понижения солнца и в полночь достигает наивысшей точки небесного свода. *Узиил* — библейское имя, которым Мильтон произвольно называет ангела. *...одному — // Щитом Архангел указует путь, // Копьем — другому...*— у римских воинов поворот направо назывался поворотом по копью, а налево — по щиту. *Итуриил* и *Зефон* (в Библии — Цефон) — имена, значение которых Мильтон понимает как «разыскивающий Бога» и «высматривающий» и дает ангелам в соответствии с их ролью в поэме.

Стр. 135. ... *На Небесах // Ты, Гавриил, считался мудрецом...*— Гавриил— херувим, а херувим у богословов (Фома Аквинский) означает полноту знания, мудрость. *...Небеса // Какого ж потеряли судию...*— См. прим. к Кн. I с. 29—30.

Стр. 137. *...Так запечатаю...*— Устами Гавриила Мильтон предсказывает судьбу Сатаны, как она была явлена апостолу Иоанну в Апокалипсисе: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в своей руке. Он взял дракона, змия древнего, который есть дьявол и сатана, и сковал на тысячу лет, и низверг в бездну, и заключил его, и положил над ним печать...» (Откр., XX, 1—3).

Стр. 137—138. *...хоть на своих крылах // Катаешь ты Творца...*— В Библии херувимы изображаются влекущими престол, на котором восседает слава божия (Иезек., I и X).

Стр. 138. *...нива // Церерина...*— Церера — италийская богиня плодородия, земледелия, божество созревания хлеба. *Тенериф* — горный пик на одном из Канарских островов в Атлантическом океане. *...шлем его увенчан был // Пернатым ужасом...*— В облик Сатаны вводится деталь из облачения италийского бога войны Марса, шлем которого часто украшали птицей. *...Господь // Весы на небе поднял золотые...*— На золотых весах взвешивал судьбы героев и сражений гомеровский Зевс («Илиада», VIII, 69—74; XXII, 209—213). *...Меж Скорпионом и Астреей...*— Астрея — прозвище греческой богини справедливости Дике, превратившейся в созвездие Девы. Весы — созвездие, расположенное на зодиакальном круге между созвездиями Скорпиона и Девы.

Стр. 139. *...Узнай, насколько легок ты и слаб...*— Чаша, взлетевшая вверх, означает у Гомера победу, здесь — наоборот. В этом Мильтон следует Библии: «...исчислил Бог царство твое и положил конец ему... ты взвешен на весах и найден очень легким...» (Дан., V, 26—27).

КНИГА ПЯТАЯ

Стр. 141. *Флора* — италийская богиня цветов, отождествляется с греческой Хлоридой, супругой Зефира.

Стр. 145. *Они молились так...*— Молитва Адама и Евы представляет

собой развернутый парафраз 148-го псалма Давида. *Ты из роя звезд // Прекраснейшая!* — Имеется в виду Венера-Геспер и Венера-Фосфор (см. прим. к Кн. IV, с. 126).

Стр. 146. *...Вы, пять блуждающих небесных тел...* — то есть пять планет.

Стр. 147. *...И Рафаила подозвал к себе...* — Рафаил («исцелил Бог») — «один из семи святых Ангелов, которые возносят молитвы святых и восходят пред славу Святого» (Тов., XII, 15). *...В дороге Товия сопровождал...* — См. прим. к Кн. IV, с. 112.

Стр. 149. *...Среди Циклад плывущий...* — В группу Циклад (Киклад) (в южной части Эгейского моря) входит остров *Делос*, но не *Самос. Феникс* — сказочная птица, возрождающаяся из собственного пепла, живет, по преданию, в Аравии, а хоронить прах своего отца (свой собственный) летит в Египет. *...Серафима вид приняв // Правдивый свой...* — Вид шестикрылого серафима в Библии описан кратко: «...двумя крылами каждый закрывал лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Исайя, VI, 2). *...Подобно сыну Майи, он стоял...* — то есть Гермесу, крылатому посланцу олимпийских богов.

Стр. 151. *...На взморьях Понта и на берегах // Пунических...* — Понт, область малоазийского побережья Черного моря, и побережье Карфагена (берега Пунические) славились своим плодородием. *...и там, где Алкиной // Владычил...* — Прекрасные сады и богатые земли царя феаков Алкиноя, гостем которого был Одиссей, описаны у Гомера («Одиссея», XII).

Стр. 152. *Помона* — римская богиня плодов, возлюбленная бога садов Вертумна. *...Из трех, на Иде споривших, нагих // Богинь...* — На горе Иде спорили три греческие богини — Гера, Афина и Афродита — о том, кто из них прекраснее. *...Пречистую Марию — // Вторую Еву — Ангел точно так // Приветствовал...* — «Радуйся, Благодатная!» (Лука, I, 28) — приветствие архангела Гавриила деве Марии, которая сопоставляется с Евой у отцов церкви уже на ранней стадии развития христианской мысли как мать обновленного во Христе (новом Адаме) человечества.

Стр. 154. *...вкушал и Ангел; нет, // Не для отвода глаз, как богословы // Иные судят!* — Отцы церкви в конечном счете заключали, что ангелы не едят земной пищи; повод для дискуссий по этому вопросу давала сама Библия (Бытие, XVIII и XIX, где ангелы вкушают пищу в гостях у Авраама и Лота, и Тов., XII, 19, где ангел Рафаил утверждает, что людям лишь привиделось, как он ест). *Если Божьи Сыновья // Влюблялись некогда...* — Имеется в виду библейская история о сыновьях божьих и дочерях человеческих (см. прим. к Кн. III, с. 97).

Стр. 155—156. *Един Господь... // От центра до окружности...* — Вопрос о пище ангелов позволяет поэту ввести гораздо более важное рассуждение о единстве мироздания в духе натурфилософии Ренессанса — широко распространенной конценции Великой Цепи Бытия. Это вертикальная, внутренне иерархическая цепь, которая тянется от бога (мировой души) к самым низшим

формам материи и создает нерушимый порядок и субординацию бытия, понятого как органическая связь космического целого.

Стр. 161. *...Домой, на Север, в наш исконный край...*— В христианской традиции дьявол связывается с севером на основе текста Ветхого завета: «А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Исайя, XIV, 13—16).

Стр. 162. *...Подобный ликом Утренней звезде...*— то есть Люциферу (см. прим. к Кн. IV, с. 126).

Стр. 163. ... *высоту свою нарек // Горой Собранья...*— См. выше, прим. к с. 161: там, где синодальный перевод дает «на горе в сонме богов», в английском тексте Библии — «на горе собранья» (upon the mount of the congregation).

Стр. 165. *Авдиил* — библейское имя, которым Мильтон нарекает верного серафима. Смысл этого имени понимался по традиции как «раб Бога» или «слуга Бога».

Стр. 167. *...теперь прими железный жезл...*— жезл, которым Сын будет пасти народы и сокрушит невразумившихся (Откр., II, 26—27 и XII, 5).

КНИГА ШЕСТАЯ

Стр. 170. *Едва лишь свет выходит за порог,— // Проскальзывает мрак в другой проем...*— переработка Гесиода («Теогония», 748—754). Жилище дня и ночи, попеременно переступающих порог, древние греки помещали у края земли.

Стр. 171. *...Михаил, // Князь воинства Небесного...*— В Новом завете (Откр., XII, 7—9) Михаил является предводителем воинства небесного в битве с драконом Апокалипсиса (Сатаной). *...они числом равны // Безбожной, возмутившейся орде!* — Сатана увлек за собой треть воинства небесного (см. Кн. II, с. 66—67 и прим.), следовательно, на битву с ним была выслана лишь часть верных ангелов. *...Густые тучи мглой заволокли // Святую Гору... // ...грянула труба...*— подражание библейскому описанию дымящейся горы и «звука трубного» при сошествии бога на гору Синай (Исход, XIX, 16—20).

Стр. 172—183. ... *На колесница солнечной, как бог... // Сраженье милосердно прекратив.*— В описании баталии первого дня за образец взяты поединки и битвы гомеровских богов и героев в «Илиаде».

Стр. 181. *Адрамелех* — библейское имя божества, которому поклонялись ассирийцы. *Ариох* — библейское имя. Имена *Ариил* и *Рамиил* образованы по тому же принципу, что «Гавриил», «Михаил».

Стр. 184. *Нисрох* — имя божества в Библии, которому поклонялся ассирийский царь.

Стр. 187. *Зофиил* (Цофиил) — такое имя дано ангелу-часовому, наблю-

дателю, так как значение его понимается как «страж Божий», «наблюдатель Божий».

Стр. 191. ...*Холмы и горы... // На них свалились, воздух затемнив... // ...Небеса вот-вот // Обрушатся, в руины обратясь...*— В основе этого отрывка — сражение сподвижников Зевса с титанами в поэме Гесиода («Теогония», 700—717).

Стр. 193. ...*когда в конце // Ты будешь Всё во Всём, а Я — в Тебе, //... Во Мне же — все, кого Ты возлюбил.*— Здесь языком Писания Мильтон излагает сказанное в Новом завете о том, что будет после того, как Христос «низложит всех врагов под ноги Свои» и победит смерть: «Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (1 Коринф., XV, 25—28). ...*Бессмертный червь...*— Восходит к библейскому образу, использованному в Новом завете для описания мучений в геенне огненной: «где червь их не умирает и огонь не угасает» (Марк, IX, 44).

Стр. 193—194. ...*И Колесница...//...понеслась...//...хрустальный свод...//... на нем // Престол...*— Мильтон коротко пересказывает «видение подобия славы Господней» у библейского пророка (Иезек., I, II, 1 и X).

Стр. 194. ...*в броне // Лучистого Урима...*— Слово «урим» встречается в Ветхом завете обычно в сочетании «урим и туммим». Это предметы, находившиеся в связи с наперсником первосвященника. Урим служил для получения божественных ответов на предложенные вопросы (Исход, XXVIII, 30; Числа, XXVII, 21). Значение урима толкуется различно: огни, свет, откровение.

Стр. 195. *Единый мститель — Бог...*— В оригинале восходит к Писанию: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Римл., XII, 19).

Стр. 196. ...*Мечтавших, чтоб на них низверглись вновь // Громады гор...*— намеренное сближение с текстом Апокалипсиса: «...и говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» (Откр., VI, 16—17).

Стр. 197. ...*Подобно козлищам...*— Через «козлищ» в Евангелии обозначаются грешники, через овец — праведные (Матф., XXV, 32—46). ...*широко она // Посередине, свертываясь внутрь, // Отверзлась...*— Образ восходит к сравнению из Апокалипсиса: при снятии шестой печати «небо скрылось, свившись, как свиток» (Откр., VI, 14).

КНИГА СЕДЬМАЯ

Стр. 200. *Урания* (небесная) — муза астрономии у древних греков. Поскольку в ее власти небесные предметы, Уранию призывал Данте прежде, чем петь о рае. У поэтов Возрождения Урания стала покровительницей высокой эпической поэзии. *Пегас* — крылатый конь, символ поэтического вдохнове-

нпя. *...не принадлежишь // Ты к девяти Каменам...*— то есть к девяти музам, которые радуют разум и веселят Зевса на Олимпе (Гэсиод. Теогония, 36—52). *...с вечной Мудростью, сестрой // Твоей...*— Здесь описана та мудрость, о которой говорится в Библии: «Я, премудрость, обитаю с разумом и ищу рассудительного знания» (Прит., VIII).

Стр. 201. *Беллерофон* — герой греческих мифов, пытался взлететь в небо на крылатом коне Пегасе и был сброшен Зевсом на землю. Потом, одинокий и всем ненавистный, хромой и слепой, скитался по Алейскому полю. *...в... рубежах, // Доступной обозренью сферы дней.*— То есть не в вечности, где пребывает бог, а во времени: следует рассказ о сотворении бренного мира. *...Над полюсом недвижных звезд...*— то есть над твердью (см. прим. к Кн. III, с. 86). *...До черных дней дожить мне довелось.*— Поэт говорит о своей судьбе после реставрации монархии в Англии. *...В Родопе растерзавших на куски // Певца фракийского...*— то есть Орфея, сына музы Каллиопы. По одному из мифов, Орфея растерзали менады, спутницы бога Диониса-Вакха, за то, что он отказался принять участие в оргии.

Стр. 204. *...Средь Ангелов блистательней сиял, // Чем оная звезда средь прочих звезд...*— то есть звезда Люцифер.

Стр. 206. *...Бессчетный строй крылатых колесниц // Из Божьей оружейной...*— «Оружейная» в Эмпирее Мильтона возникает по ассоциации с видением библейского пророка, который узрел на небесах колесницы, выходящие из ущелья между двумя медными горами (Зах., VI, 1).

Стр. 207. *...взял Он циркуль золотой...*— Представление о боге — Великом Геометре — было широко распространено в культуре Возрождения. Золотой циркуль как инструмент, сопутствующий творению, впервые ввел в английскую поэзию предшественник Мильтона, поэт Джон Донн (1572—1631).

Стр. 207—219. *Так землю Бог и небо сотворил... // Он День Седьмой теперь благословил... // ...отдохновенья День...*— Повествование о сотворении мира ведется на основе библейского текста (Бытие, I и II, 1—9, 15—17), который включается в поэму почти без изменений. Помимо Книги Бытия, главными источниками изобразительного материала послужили Мильтону 103-й псалом Давида (о сотворении мира) и поэма Овидия «Метаморфозы» (I).

Стр. 208. *...Меж горних вод и нижних.*— Горние, верхние воды — это девятое небо сферического космоса (см. прим. к Кн. III, с. 86). Сообразуясь с библейским «утвердил землю на водах» (Пс., CXXXV, 6), Мильтон утверждает вселенную на хрустальном океане из чистого гиалина (см. прим. к с. 220). Нижние воды — земной океан.

Стр. 212. *...Планета утренняя...*— Венера. *Плеяды* — созвездие, которое восходит вместе с утренней зарей в середине мая: мир был сотворен весной.

Стр. 214. *...Другая птица с радужным хвостом,// Усеянным созвездьями очей.*— Павлин. На хвост павлина были помещены глаза многоокого великана Аргуса, убитого Гермесом (греч. миф.).

Стр. 218. *Отверзьтесь, вековечные врата!* — Имитация псалма XXIII, 7: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы».

Стр. 220. *...На чистом гиалине...*— См. прим. к с. 208. Гиалиновый — от греч. стеклянный, прозрачный.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Стр. 223. *...С исчисленными звездами...*— Выражение соотносится с библейским: «Господь исчисляет количество звезд» (Пс. CXLVI, 2—4).

Стр. 225. *...чья протянулась вервь // Столь далеко...*— библейское выражение, употребляемое в Книге Иова (XXXVIII, 5) в том месте, где Иову разъясняется всемогущество творца вселенной и непостижимость его тайн: «Кто положил меру ей (земле.—*И. О.*), если знаешь? или кто протягивал по ней вервь?»

Стр. 226. *...шесть планет...*— то есть Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. *...троякое она // Движенье... // Свершает?* — По системе Коперника, Земля участвует в движении трех родов: суточное вращение вокруг своей оси, ежегодное вращение вокруг Солнца и равновесное — ось вращения земного шара всегда сохраняет одно и то же направление (остается параллельна самой себе), что является причиной смены времен года. *Или это припиши // Ты некоторым сферам...*— Мильтон имеет в виду известное механическое объяснение движению планет у греков в доптолемеевой астрономии. Отклонение от равномерного поступательного движения планет, видимое изменение их скорости, «попятное» движение приписывались наличию не одной, а нескольких сфер у каждой планеты. Эти сферы, по предположению, вращались вокруг различных осей в различных направлениях и с неодинаковой скоростью.

Стр. 227. *...Иль солнце от его труда избавь // И это суточное колесо, // Надзвездный и незримый ходкий ромб...*— Следует возвращение к системе Коперника. Смысл: избавь Солнце от труда вращаться вокруг Земли, нет нужды и в перводвигателе, который дает вращение звездному небу и планетам вокруг Земли, раз сама Земля вращается вокруг своей оси, и тем легко объясняется смена дня и ночи. Перводвигатель назван ромбом и колесом, так как в древнегреческом языке слово «ромб» имеет значение «магический круг».

Стр. 232—238. *Прекрасный этот Рай // Дарю тебе... // Единой плотью, сердцем и душой!* — До сих пор рассказ Адама развивался сообразно с библейским текстом: «И взял Господь Бог человека (которого создал), и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Бытие, II, 15). Далее в основе рассказа та же глава Книги Бытия (9, 16—17, 19—24), библейский текст введен в поэму.

Стр. 233. *О рыбах точно так же разумей...*— Рыбы оговариваются особо,

так как в Библии они не названы среди всех тварей, которым нарекал имена Адам (Бытие, II, 19).

Стр. 237. *Мой левый бок // Всевышний отворил...*— «Левый» является добавлением Мильтона по сравнению с библейским текстом: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Бытие, II, 21). См. также прим. к Кн. II, с. 73.

Стр. 242. *...Заходит Солнце за зеленый мыс...*— Зеленый Мыс — самая западная точка Африки. Мильтон помещает *Гесперид* (см. прим. к Кн. III, с. 100) на «изумрудных островах» — островах Зеленого Мыса.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Стр. 245. *Разгневанный Ахилл* — герой гомеровской «Илиады». В погоне за троянцем Гектором он трижды обежал стены Трои. Гнев Ахилла назван как предмет повествования в первой строке «Илиады»: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» *(пер. Н. Гнедича). ...Иль в описаньях, как ярился Турн...*— Сюжет обработан Вергилием в «Энеиде». Царь племени рутулов Турн пошел войной на троянцев и царя Латина после того, как последний изменил свое намерение выдать за Турна дочь *Лавинию* и пообещал отдать ее руку троянскому герою Энею. *...как злобился Нептун, // Равно — Юнона, Грека утеснив // Своим преследованием или сына // Киприды...*— Гнев Нептуна играет важную роль в сюжете «Одиссеи»: морской бог Посейдон (Нептун у римлян) долго преследовал хитроумного грека Одиссея за то, что тот убил сына Посейдона, циклопа Полифема. Энея, сына Киприды (богини Афродиты), преследовала богиня Юнона. Гнев Юноны — движущая сила в сюжете поэмы Вергилия «Энеида».

Стр. 247. *...трикраты обогнул // Круг равноденственный...*— то есть с востока на запад, по широте. *...Путь колесницы Ночи пересек, // От полюса до полюса, пройдя // Колюры...*— то есть по долготе. Колюры — название двух больших кругов небесной сферы, проходящих через полюса мира и перпендикулярных друг другу. *...где у подножья Рая Тигр // Свергается под землю...*— См. Кн. IV, с. 114 и прим. *...За Понт, за Меотийский водоем...*— то есть на север, за Черное море и Азовское. *...По широте,— вверх, к ледяной Оби... //...по долготе...*— см. прим. к Кн. III, с. 100. С востока на запад Сатана проходит от реки Оронт в Сирии до *Дарьенского* (Панамского) *перешейка*, а затем в Индостан. *...Признал, что Змий — хитрейшая из них...*— «Змей был хитрее всех зверей полевых...» (Бытие, III, 1).

Стр. 257. *Дриады* — лесные нимфы, *Ореады* — горные. *Делия* — греческая богиня-охотница Артемида. *Пáлес* — древнеиталийская богиня, покровительница пастухов и стад. *...иль Помоны, от Вертумна // Бегущей прочь...*— См. прим. к Кн. V, с. 152.

Стр. 258. *...измышленные сады...*— сады Гесперид. *...Ни те сады, где оживал Адонис...*— В Греции во время празднеств в честь бога Адониса са-

жали так называемые сады Адониса — быстро увядавшие цветы в горшках или корзинах с землей, символ оживающей и умирающей растительности. *...Преславный Алкиной...*— См. прим. к Кн. V, с. 151. *...сына... // Лаэрта...*— Одиссея.

Стр. 259. *Мудрейший из царей* — библейский царь Соломон. Одна из его жен была дочерью египетского фараона (3 Царств, III, 1).

Стр. 261. *Кадм* — легендарный основатель Фив, убил чудовищного дракона, сына бога войны Арея. За это были превращены в змей и он, и его жена Гармония, которую Мильтон называет *Гермионой. Божество из Эпидавра...*— греческий бог врачевания Асклепий (лат. Эскулап). Под видом змеи он отправился в Рим, чтобы избавить город от мора (Овидий. Метаморфозы, XV). *...посетив // Олимпию и Сципиона мать...*— Обеим бог являлся в виде огромного змея. Предание приписывало Александру Македонскому, сыну Олимпии, происхождение от Зевса-Аммона, а римскому полководцу Сципиону Африканскому (Старшему), победителю Ганнибала,— от Юпитера Капитолийского. *...Послушней шли, чем стадо превращенных // На зов Цирцеи.*— Цирцея (Кирка), волшебница с острова Эи, с помощью волшебного жезла и напитка превращала людей в животных. Спутников Одиссея она превратила в свиней («Одиссея», X).

Стр. 265—276. *Вскричал Прельститель хитрый...//...не вняв // Рассудку... он вкусил.*— Рассказ о грехопадении развернут на основе краткого библейского текста (Бытие, III, 1—6).

Стр. 278. *Как некогда... // Самсон... // Остриженный, очнулся...*— См. прим. к «Самсону-борцу», с. 468.

Стр. 279. *...этот вид // Индийцам, населяющим Декан // И Малабар, известен в наши дни.*— Похожее дерево, растущее в Индии, описано у римского писателя Плиния (Старшего) и в современных Мильтону географиях. Декан и Малабар — районы на юге и юго-западе Индостана.

Стр. 280. *Амазонки* — мифический народ женщин-воительниц. *...И чресла опоясали.*— «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания» (Бытие, III, 7).

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Стр. 284. *Умножив грех, // Ослушники погибли поделом.*— Пояснение этой мысли дано у Мильтона в трактате «О христианской доктрине» (XI): «Назовем ли грех, который не был бы совершен одним этим поступком? — неверие в божественное милосердие, неблагодарность, непослушание, жадность, подчинение женщине, воровство, измена, святотатство, обман, гордыня, высокомерие».

Стр. 285. *...Отсрочка — не прощение вины.*— Английская пословица: «forbearence is no aquittance». *...Мой Сын...//...коему вручил // Я право суд вершить...*— «Ибо Отец не судит никогда, но весь суд отдал Сыну» (Иоанн, V, 22).

Стр. 287—290. *Глас ...Господа, ходившего в Раю... // Покрыл... // Их наготу и кожами одел...*— В сцену суда органически вводится библейский текст (Бытие, III, 8—19, 21).

Стр. 289. *Дальнейший смысл от Человека скрыт...*— В двенадцатой книге поэмы Михаил разъясняет Адаму смысл проклятия змею. *...Когда Марии — новой Евы — Сын...*— См. прим. к Кн. V, с. 152.

Стр. 289—290. *...как, молнией с Небес, // Пал Сатана...//...кто роковой // Удар ему предвозвестил теперь.*— Весь отрывок скомпонован из изречений Нового завета (Лука, X, 18; Ефес., II, 2; Колосс., II, 15; Римл., XV, 20).

Стр. 290. *Как поздней своим // Он слугам ноги умывал...*— Этот эпизод в Евангелии имеет глубокое символическое значение (Иоанн, XIII, 5). *...Постыднейшую наготу их душ // Греховных Правды ризами облек...*— Мильтон использует слова библейского пророка: «Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня» (Исайя, LXI, 10).

Стр. 293. *Кронийское море* — Северный Ледовитый океан. *...К востоку от Печоры мнимый путь // К богатым берегам Катая.*— Катай — здесь: Китай. XVI и XVII века — время интенсивных поисков так называемого северо-восточного пролива. Торговлю с Ост-Индией, Китаем и морские пути к ним держали в своих руках Испания и Португалия. Страны северной Европы, в том числе и Англия, решились искать иного пути на восток, вокруг северной Азии. Открыть северо-восточный пролив англичанам так и не удалось, однако они доходили в своих плаваниях до Печоры и дальше вдоль берега Ледовитого океана до устья Оби. Многочисленные отчеты и описания путешествий в северные страны служили материалом Мильтону, когда он писал «Краткую историю Московии». *...так сейчас // Незыблем Делос...*— Остров Делос носился по волнам, пока не дал приюта Латоне, родившей на нем Аполлона и Артемиду (г р е ч. м и ф.). *...И бичевал разгневанные волны.*— Персидский царь *Ксеркс*, выступив войной против греков, приказал построить мост через *Геллеспонт* (пролив Дарданеллы), разделяющий два континента: Европу и Азию. Буря разрушила мост, и разгневанный царь велел наказать Геллеспонт 300 ударами бича (Г е р о д о т. История, VII, 35). *Сузы* (Сусы) — резиденция персидских царей, которую древние греки называли Мемнонией или Мемнонов град. *...С искусством понтифическим творим...*— Понтифексы, или понтифики, составляли высшую коллегию жрецов в Древнем Риме. Древняя традиция производила это слово от латинских корней pons (мост) и fascio (делаю), толковали его в том смысле, что жрецы-понтифики первоначально наблюдали за постройкой свайного моста в Риме, имевшего немалое религиозное значение. Впоследствии титулом главного жреца — Pontifex Maximus — стали называть римского папу.

Стр. 294. *...Солнце той порой // Держало путь в созвездии Овна.*— Созвездия *Кентавр* (Центавр) и *Скорпион* находятся в противоположной от Овна части звездного неба. Опасаясь, что его может узнать Уриил, стоящий на солнце, Сатана держится ночной стороны неба.

Стр. 295. *...Свой Эмпирей квадратный оградив // От мира шаровидного...*— Мильтон вслед за отцами церкви полагает Эмпирей квадратным, ибо таково видение великого святого града в Апокалипсисе (Откр., XXI).

Стр. 297. *Владенья Аладула.*— Имеется в виду территория государства Великая Армения на юго-востоке от Черного моря, которая в XV—XVI вв. была ареной ожесточенных войн между Турцией и Персией. *Сефи Бактрийский.*— Имеется в виду персидский шах Исмаил (1499—1524) из династии Сефевидов. Его войска потерпели ряд серьезных поражений в битвах с турками; под угрозой вторжения Исмаилу пришлось перенести столицу в 1514 г. из *Тавриза* в *Казвин*. *...чертог // Плутонский...*— Плутон — одно из имен Аида, владыки подземного царства у древних греков.

Стр. 298. *...Как бы из облака, возникла вдруг // Его пылающая голова...*— Здесь, как считают комментаторы, Мильтон подражает Вергилию: появление незримого Энея из облака перед жителями Карфагена («Энеида», I, 439—440, 587 и сл.). *Диван* — тайный совет турецкого султана; слово «диван» продолжает тему, начатую выше: демоны сравниваются с неверными мусульманами.

Стр. 300. *Керáсты* (рогатые), *Амфисбéны* (ходящие в обе стороны), *Эллопы* (немые, не шипя жалящие), *Дипсáды* (вызывающие жажду) — породы необычайных змей, которые, по рассказу Лукана («Фарсалия», IX, 698 и сл.), якобы водились в песках Ливийской пустыни. *...Где кровь Горгоны древле пролилась...*— Овидий («Метаморфозы», IV, 616—619) объясняет происхождение змей от капель крови из головы Горгоны Медузы, отрубленной Персеем. Они упали на землю, когда тот летел над Ливией. *Остров Офиуза* — то есть Змеиный остров. Под таким названием в древности было известно несколько островов. *Пифон* — огромный змей. У Овидия («Метаморфозы», I, 434—440) его породила после потопа земля под воздействием солнечных лучей.

Стр. 301. *Мегера* — одна из Эринний, богинь-мстительниц, у которых вместо волос на голове извивались змеи. *...дивные на вид плоды— // Подобья тех, что возле берегов // Асфальтового озера росли, // Где яростный пожар пожрал Содом...*— Местоположение библейского города Содома, испепеленного серой и огнем (Бытие, XIX), ищут недалеко от Мертвого моря. Его также называют Асфальтовым из-за плававшей на поверхности смолы (асфальта). В окрестностях этого моря росли странные деревья. Плоды их, получившие позднее название «содомских яблок», на вид казались съедобными, но при первом прикосновении превращались в прах и пепел (И о с и ф Ф л а в и й. Иудейская война, V, 4).

Стр. 302. *Офион* («змей») и *Еврином* («широко правящая») в позднейшем теогоническом эпосе — повелители Олимпа до Крона и Реи (*Сатурн* и *Опс* у римлян). Последние, в свою очередь, были низвергнуты Зевсом (Юпитером). Название *Диктейский* происходит от горы Дикте на острове Крит. В пещере этой горы, по некоторым преданиям, втайне был вскормлен Зевс. *...Шел тощий призрак — Смерть, что не успел // Еще воссесть на бледного коня.*—

Смерть, восседающая на бледном коне,— апокалипсический образ: «...и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть», и ад следовал за ним...» (Откр., VI, 8).

Стр. 304. *...Грех и Смерть // И Гроб зияющий... // Так пели Духи.*— Весь отрывок изложен языком Апокалипсиса.

Стр. 305. *...аспекты... // И противостоянья...*— астрологические термины, употреблявшиеся для обозначения дружественных или враждебных отношений между планетами. Астрологи делили небосвод на 12 частей. Отстояние одной планеты от другой на шесть частей называлось противостоянием. *...Земные сдвинуть полюсы велел // На двадцать с лишком градусов... // Иные говорят, // Что Солнцу было велено свой бег // От равноденственной стези сместить // На тот же самый угол... // ...областям земным // Даруя смены годовых времен...*— Плоскость эклиптики наклонена к плоскости небесного экватора под углом приблизительно 23° 27′. До грехопадения эти плоскости совпадали и на земле царствовала вечная весна. Две гипотезы о происхождении времен года в связи с изменением положения одной из этих плоскостей: наклона оси земли по отношению к солнечной или изменения движения солнца по эклиптике по отношению к равноденственной стезе (экватору) — соотносятся с представлением об устройстве космоса у Коперника и Птолемея. В своем движении по эклиптике солнце в течение года проходит через 12 созвездий, составляющих пояс зодиака. Из них перечислены: созвездие *Тельца* с входящим в него звездным скоплением Плеяд (в г р е ч. м и ф.— семь дочерей Атланта); *Близнецы* (в г р е ч. м и ф.— Диоскуры: Кастор и Поллукс, сыновья спартанского царя Тиндарея). Созвездие *Рака* расположено в районе северного тропика. От него солнце спускается к югу через созвездия *Льва*, *Девы* и *Весов* к созвездию *Козерога* — наиболее отстоящему на юг от экватора.

Стр. 306. *Эстотиланд* — в XVII в. так называли часть территории Северной Америки по направлению к Гудзонову заливу и полярному кругу. *Тиестов пир* — синоним каннибальского пиршества. Царь Атрей, мстя брату своему Тиесту, зарезал его сыновей и пригласил Тиеста на пир, где накормил брата мясом его детей (г р е ч. м и ф.). *Норумбега* — у географов XVI—XVII вв. название области в Северной Америке, приблизительно в районе Новой Англии. Иногда совпадает с Эстотиландом. *...от ...самоедских берегов...*— здесь от берегов Северного Ледовитого океана. *Борей* — северный, *Кекий* — северо-восточный, *Фракий* и *Аргест* — северо-западные ветры у древних греков. *Нот* (г р е ч.) и *Африк* (л а т.) — южные ветры. *Эвр* (г р е ч.) — восточный, а *Зефир* — западный ветры. *Сирокко* и *Либеккио* — сирийский и ливийский, то есть юго-восточный и юго-западный ветры. *Отвергли все растительную снедь // И начали друг друга пожирать.*— При сотворении мира животным назначены были в пищу растения (Бытие, I, 30).

Стр. 307. *...О, пагуба счастливца!..*— Сетования Адама в этом монологе выдержаны в духе жалоб библейского Иова (Иов, III, XIV). *...Падут в среду родную тяжким грузом.*— Использовано как образ положение перипатетиков

о том, что элементы не имеют тяжести, находясь в собственной среде: вода ничего не весит в воде, воздух — в воздухе. Это место должно понимать так: хотя проклятья потомков попадут в родственную среду (Адам — родоначальник человечества), по покажутся тяжелыми.

Стр. 309. *Итак, умру я весь.*— Мысль о бессмертии души отдельно от тела была чужда Мильтону.

Стр. 309—310. *...Закон Природы, каковой гласит... // Подверженных причинам.*— Излагается аксиома схоластиков.

Стр. 312. *...да и влево // Наклонное... // Откуда взято...*— По Мильтону, Ева создана из ребра, вынутого из левого бока Адама (см. прим. к Кн. III, с. 73). *...ежели в числе // Излишним оказалось!* — Более поздние еврейские легенды рассказывают, что Ева была сотворена из тринадцатого ребра Адама.

Стр. 318. *...Иль воздух попытаемся поджечь...*— Происхождение огня описано по Лукрецию («О природе вещей», V, 1092—1104).

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Стр. 320. *...камень из сердец // Исторгла...*— основано на библейском тексте: «И дам им сердце иное, и дух новый вложу в них, и возьму их сердце каменное, и дам им сердце плотяное» (Иезек., XI, 19).

Стр. 320—321. *...молитва... // С которой Пирра и Девкалион // Предстали пред святилищем Фемиды...*— реминисценция из Овидия («Метаморфозы», I). После потопа, истребившего по воле Зевса род людской, спаслись на корабле лишь Девкалион и Пирра. Они обратились к богине справедливости Фемиде с мольбою о возрождении человеческого рода. По оракулу, они должны были бросать через плечо камни, которые превращались в людей.

Стр. 321. *...Заступник величайший облачил // Их фимиамом...*— имитация Апокалипсиса (Откр., VIII, 3—4). *...Ходатай,// Умилостивление за грехи.*— Так называет Христа апостол Иоанн (I Иоанн, II, 1—2).

Стр. 322. *...Теперь извергнет поврежденных прочь...*— соответствует библейскому: «И осквернилась земля, ...и свергнула земля живущих на ней» (Левит, XVIII, 25).

Стр. 323. *...При нисхожденье Бога на Хорив...*— Имеется в виду сцена в Исходе (XIX, 16; XX, 18), когда Бог сошел на гору Синай, чтобы передать Моисею законы. В другой книге Пятикнижия гора названа Хорив (Второзак., V, 4). *Вот, как один из нас // Отныне стал Адам...*— Цитируется Библия (Бытие, III, 22—23).

Стр. 324. *...пламенем меча // Широковеющим, Мой сад укрой...*— «И изгнал Адама и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни (Бытие, III, 24). *...Как Янус двоекратный...*— Янус — древнеиталийское двуликое божество. *...Аркадская бы флейта усыпить // Их не могла бы...*— Аркадия была древ-

нейшим местом культа Гермеса. Игрою на тростниковой пастушеской дудке и с помощью магического снотворного жезла Гермесу удалось заворожить и усыпить многоокого и всегда бодрствовавшего великана Аргуса (г р е ч. м и ф.).

Стр. 325. *Левкотея* — богиня моря у греков; ей приданы функции древнеиталийской богини утра Матуты, с которой она отождествляется. *Возрадуйся же, истинная мать // Людского рода, мать живых существ!* — Имя Евы связано со значением «жизнь»: «И нарек Адам имя жене своей Ева, ибо она стала матерью всех живущих» (Бытие, III, 20).

Стр. 326. *Юпитерова птица.*— Юпитеру (Зевсу) был посвящен орел.

Стр. 327. *...знак двойной // Погони... // Все в том же направленье, на Восток?*— Изгнание из рая произошло через восточные ворота (см. Кн. XII, с. 371). *Не величавей ангельским полком // Иаков был в Маханаиме встречен...*— Маханаим — так нарек библейский патриарх Иаков место на восток от реки Иордан, где увидел он «ополчение Божие ополчившееся» и где «встретили его Ангелы Божии» (Бытие, XXXII, 1—2). *...огнистые войска // Возникли в Дофаиме...*— Сирийский царь Вендад послал ночью войска окружить город Дофаим, чтобы схватить пророка Елисея. На помощь Елисею пришло ангельское войско (4 Царств, VI, 13—17).

Стр. 328. *Мелибея* (в Фессалии) и *Сарра* (древнее название Тира в Финикии) — приморские города, славившиеся в древности своим пурпуром. *Ирида* — древняя богиня радуги у греков. У Гомера часто сопровождается эпитетом «багряная».

Стр. 330. *Ты, наверно, из числа // Престолов... // Князь над князьями...*— Михаил занимает очень высокое место в небесной иерархии (Дан., X, 13). Адам предполагает в нем главу одного из высших, по иерархии Дионисия Ареопагита, ангельских чинов.

Стр. 332. *...Твою судьбу и твоего потомства // Тебе открыть я послан.*— С такими словами обращается ангел к пророку Даниилу: «А теперь я пришел возвестить тебе, что будет с народом твоим в последние времена» (Дан., X, 14).

Стр. 333. *...Гора, куда Врагом второй Адам // Был по иной причине вознесен... // ...чтоб он узрел // Земные царства и всю славу их.*— Имеется в виду искушение Христа (нового Адама) (Матф., IV). Искушение Христа в соответствии с Евангелием от Матфея подробно описано в третьей книге поэмы «Возвращенный Рай». *...От Камбалу, где Хан Катайский правил... // И до Пекина — пышного дворца // Китайских Императоров...*— Камбалу — Ханбалгасун, «город хана», монгольское название столицы в могущественной империи, созданной Чингисханом в XIII в., часть которой была известна европейцам под названием Катай (Cathay, Северный Китай у Марко Поло). Скорее всего, Мильтон знал о географическом тождестве Камбалу и Пекина, так как эта возможность отмечается у современных ему географов. Под именем Пекина столица Китая (Sinae) известна европейцам начиная с XV в. Город *Самарканд*, входивший в состав империи Чингисхана, стал позднее столицей великого *Тамерлана* (Тимура).

Сам город расположен довольно далеко от реки *Окс* (так называли Амударью писатели классической древности), на северном берегу ее притока, реки Зеравшан. *...До Агры и Лагора — городов // Великого Могола...*— Великими Моголами называли европейцы государей знаменитой тюркской династии, основанной султаном Бабуром; около трех столетий они правили в Индии (XVI—XVIII вв.). Два упомянутых города были взяты Бабуром в 1525 г. и с тех пор принадлежали царству Великих Моголов. *Златой Херсонес* — древнее название полуострова Малакки. *Экбатана* — столица древнемидийского государства, покоренная в середине VI в. до н. э. персом Киром, основателем древнего персидского царства. *Исфагань* — столица Персии при шахах из династии Сефевидов в XVI—XVII вв. *...И к Византии, где воссел Султан, // Рожденьем — турок...*— Мильтон имеет в виду город Византию, первоначально мегарскую колонию на берегу Босфора, которая при императоре Константине становится столицей Римской империи и получает название Константинополь; в 1453 г. была провозглашена столицей Османской империи и переименована турками в Стамбул. *Негус* — титул абиссинского владыки. *Эркоко* (Аркико) — город на побережье Красного моря на северо-востоке Абиссинии. *...и приморье малых стран, // Края Момбазы, Квилоа, Мелинды // И Софалы,— она и есть Офир, // По мненью многих...*— Перечисляются с севера на юг города на восточном побережье Африки в районе Занзибара и Мозамбика, известные — особенно португальцам — торговые центры. Софала, славившаяся своим золотом и слоновой костью, отождествлялась иногда с легендарной страной Офир, откуда царю Соломону доставляли золото и драгоценные камни (3 Царств, IX, X). *...и царства Альманзора, Фец и Сус, // Марокко, и Алжир, и Тремизен...*— Перечисляются страны и города на северо-востоке Африки, на побережье Средиземного моря. Альманзор (от «Мансур») — имя нескольких знаменитых владык в мусульманском мире; традиционно использовалось в литературе Возрождения как имя нарицательное: Камоэнс называл мавров «сынами Альманзора» («Лузиады», III). Город *Мехико* был построен испанцами в XVI в. на месте разрушенной столицы ацтекского государства Теночтитлана. *Монтесума* (1466—1520) — последний индейский правитель Мексики, побежденный Кортесом. *Куско* — древняя столица государства инков, о роскоши которой среди европейцев ходили легенды. *Атабалипа* (Атауальпа) — последний глава государства инков до того, как оно было завоевано испанцами в 1533 г. *Эль-Дорадо* (и с п. «золотой») — легендарный город Маноа. Известный в Европе рассказ о некоем испанце Мартинесе, который видел этот город и, пораженный его роскошью и обилием золота, назвал его Эль-Дорадо, приводит Уолтер Рэли в «Открытии Гвианы» (1596). *Герионовы сыны* — испанцы. Это прозвище встречается в английской литературе у предшественников Мильтона (Спенсер) и отражает отношение англичан к враждебной нации. Герион в древнегреческой мифологии — великан, убитый Гераклом, по одному из вариантов, из-за золота. По преданию, Герион жил где-то на крайнем западе; позднее сближается с Испанией как легендарный древний король (его вла-

денья — Балеарские острова). У Данте и Боккаччо Герион — олицетворение хитрости, коварства и обмана.

Стр. 334. *...С Адамовых вениц убрал плеву...*— Подражание античным классикам («Илиада», V, 127; «Энеида», II, 604): богини проясняют зрение героев, отводят мрак и туман, застилающий им взор, дабы они могли, как Адам у Мильтона, увидеть «важнейшие виденья».

Стр. 334—335. *Адам открыл глаза — и вот пред ним // Большое поле... // ...и хлынула струя // Кровавая и душу унесла.*— В развернутом виде представлен библейский сюжет: смерть Авеля (Бытие, IV, 2—8). Последняя фраза отрывка является цитатой из Вергилия («Энеида», X, 908).

Стр. 335. *Земледелец* — Каин. *Пастух* — Авель.

Стр. 338. *...в твоей крови // Состав меланхолический, сухой, // Холодный, под конец одержит верх...*— Античная медицина разработала теорию четырех юморов, согласно которой в организме человека имеется четыре жидкости (юмора), и они должны находиться в гармоническом равновесии. Чрезмерный перевес одной из них (кровь, желчь, флегма, черная желчь) вызывает болезнь как тела, так и души. Меланхолический юмор (черная желчь) характеризовался сухостью и холодностью. *...Иное приготовься ты узреть!*— Отсюда и вплоть до описания потопа библейские сюжеты стилистически оформлены с ориентацией на Гомера — изображения, сделанные Гефестом на щите Ахилла («Илиада», XVIII). *Глядит: пред ним равнина, вся в шатрах...*— Описываются потомки Каина: они жили «в шатрах со стадами», к их роду принадлежал «отец всех играющих на гуслях и свирели» и первый, кто был «кователем всех орудий из меди и железа» (Бытие, IV, 20—22).

Стр. 339. *...Пожар, быть может, истребив леса...*— Рассуждение о металлах дано по Лукрецию («О природе вещей», V, 1240 и сл.). *...Другое племя...*— потомки Сифа, младшего сына Адама. Предание описывает их как праведных людей, философов, астрономов. *...на их красу мужи // Богобоязненные, несмотря // На строгость, загляделись...*— Библейский источник этой сцены — Бытие, IV, 2: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». Здесь Мильтон следует некоторым библейским комментаторам, полагавшим, что под «сынами Божьими» имеются в виду потомки Сифа, поклонники Бога истинного, заключавшие браки с дочерьми преступного Каина.

Стр. 342. *...Муж средних лет...*— Енох, о котором в Библии сказано: «Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох перед Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Бытие, V, 23—24). Потомки Сифа жили в среднем от 700 до 900 лет.

Стр. 343. *...Подобных тем гигантам-силачам, // Издревле славным...*— См. прим. к Кн. III, с. 97. *Замеченный тобой степенный муж...*— то есть Енох. О пророчестве Еноха говорится в Новом завете: «О них пророчествовал и Енох, седьмый от Адама, говоря: се идет Господь с тьмами Ангелов Своих» (Иуда, I, 14). В еврейской экзегезе и апокалипсической литературе Енох вознесен на небо живым.

Стр. 344. *Средь бражников явился человек // Достойный.*— Имеется в виду библейский патриарх Ной. Краткий библейский рассказ о Ное и потопе (Бытие, VII—VIII) дополнен подробностями из описания потопа у Овидия («Метаморфозы». I). *...пары — по семи // И по две...* — «И всякого скота чистого возьми по семи, мужеского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужеского пола и женского» (Бытие, VII, 2). *...Меж тем дохнул от полдня мощный ветр...*— У Овидия Юпитер еще до потопа выпустил Нот — южный грозовой ветер.

Стр. 345. *...ибо дневи // Его довлеет злоба.*— Цитата (Матф., VI, 34).

Стр. 347. *...И Райская гора... // Теченьем... снесена // В залив открытый...*— Реки Евфрат и Тигр, протекающие в Раю (см. прим. к Кн. IV, с. 114), впадают в Персидский залив. Предположение, что всемирный потоп смыл с лица земли первозданный рай, высказывалось некоторыми библейскими экзегетами.

Стр. 348. *Не наделяет святостью Творец // Места различные...*— Здесь та же мысль, что в Кн. I, с. 28 и прим. *...их резкий разогнал // Полночный ветр...*— У Овидия после потопа Юпитер выпустил Аквилон — северный ветер, разгоняющий тучи. *...трехцветную дугу, // Знаменовавшую отныне мир // Всевышнего и новый с Ним союз.*— После потопа Бог заключил новый союз с Ноем и через него со всем человечеством, обещав, что «не будет более истреблена всякая плоть водами». Знамением своего завета он сделал радугу (Бытие, IX, 9—15).

Стр. 350. *Ныне, день и ночь...*— «...впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Бытие, VIII, 22). *...когда вселенский огнь// Очистит Мирозданье, а затем // Возникнут внове Небо и Земля, // Где будут праведники обитать!* — Основано на пророчестве о конце мира в Новом завете (Откр., XX—XXI; 1 и 2 Петр, III, 7—13).

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стр. 352. *...но верховод // Восстанет некий, с гордою душой...*— Нимрод, «сильный зверолов перед Господом». О нем в Библии говорится, что он «начал быть силен на земле» и владел царствами, в том числе Вавилоном (Бытие, X, 8—10). *...чье имя родилось // От возмущения, хотя других // Он в возмущеньях будет обвинять.*— В еврейской традиции Нимрод является прототипом беспокойных и мятежных людей, имя его толкуют как «возмутивший весь народ против господа». Легенды рассказывают, что Нимрод объявил себя богом и властелином мира. Он ввергнул в огненную печь возмутившегося Авраама, который отказался поклониться Нимроду и идолам.

Стр. 352—353. *С толпой клеветов... // ...а труды // Строителей — «смешеньем» назовут.*— Версию об участии Нимрода в строительстве Вавилонской башни поддерживали некоторые историки и комментаторы Ветхого завета. К библейскому рассказу о вавилонском столпотворении (Бытие, XI,

1—9) Мильтон присоединяет сведения древних историков (Геродот, Плутарх, Иосиф Флавий) о комочках асфальта, выносимых на берег течением реки Евфрат, и о веществе, которое выкипало вместе с пламенем из земли в долине Сеннаар, где возводилась башня. Название Вавилон производилось от глагола «смешал»: «Посему дано ему имя Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли» (Бытие, XI, 9).

Стр. 353. *...Осадной башней Богу угрожать.*— Это мнение высказывали комментаторы Библии, объяснявшие идею постройки башни стремлением людей сразиться с Богом на небесах и отвоевать для себя небо.

Стр. 354. *Чем прокормит он себя...*— восходит к легендам агадических памятников, где рассказывается, что, когда башня достигла неимоверной высоты, на доставку строительного материала с земли уходил год времени. Люди плакали, если падал вниз кирпич, но не обращали внимания, если срывался и погибал человек. Строителей к тому времени мучили голод и жажда. *Дерзкий сын // Строителя ковчега...*— Хам, сын Ноя, оскорбил отца: он видел «наготу отца своего» и не прикрыл его; это сделали два других брата — Сим и Яфет. Проклятье: «Раб рабов будет он у братьев своих» пало на голову четвертого сына Хама, Ханаана, и на весь его род (Бытие, IX, 20—27).

Стр. 355. *...от мужа, что возрос // По эту сторону реки Евфрат, // В язычестве, но праведность хранил // И верность.*— Аврам (патриарх Авраам) родился в Уре Халдейском. Дед его и отец, согласно иудейской традиции, изготовляли и продавали идолов. Авраам, живя среди язычников, первым познал лживость служения идолам и постиг существование единого бога, за что его преследовали соотечественники. *Еще при патриархе, что обрел // Спасенье от потопа...*— Авраам родился через 122 года после потопа, а Ной жил после потопа еще 350 лет. *Но Бог, во сне пророческом явясь...*— История переселения Авраама с семьей в Ханаан дается в XII главе Книги Бытия. *...о семени его // Все племена Земли благословятся.*— Цитируется по двум библейским формулировкам (Бытие, XII, 3 и XXII, 18). *...Халдейский Ур,— // Он оставляет... // ...и направляется в Харран...*— На пути из Ура Халдейского (южная Месопотамия) в Ханаан Авраам сделал остановку в Харране (северная Месопотамия), лежащем на восток от реки Евфрат. *...шатры // В Сихеме он раскинул и в Морé...*— Сихем — город в центральной Палестине, место, где, как гласит библейское предание, впервые по пришествии Авраама в землю ханаанскую ему «явился Господь... и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию» (Бытие, XII, 7).

Стр. 356. *...от Емафа... // И двуисточный Иордан — рубеж // Восточный...*— Мильтон дает пределы Земли обетованной, как определены они в Книге Чисел (XXXIV, 1—12): от Емафа на севере, в долине реки Оронт,— на юг, к пустыне Син. На западе естественной границей является Средиземное море, на востоке — долина реки Иордан и Мертвое море. *Ермон* (Хермон) — в Библии то же, что и Сенир (Второзак., III, 9),— гора, шире — гористая местность на северо-восток от Иордана. *...также будут жить в*

Сенире // Его сыны...— Сенир в широком понимании — часть Антиливана или весь Антиливан. Сыны израилевы селились и за пределами, положенными Земле обетованной: «по ту сторону Иордана к востоку солнца» (Нав., XII, 1). По завоевании Ханаана, Сенир, принадлежавший прежде аморреям, был отдан с частью других заиорданских земель половине колена Манассии (Второзак., III, 13). *...Под оным Семенем Спаситель твой // Великий разумеется...* — Обещание, данное богом Аврааму, толкуется в Новом завете (Галат., III, 16) как пророчество о Христе. *Патриарх, // Чье имя будет — верный Авраам, // Оставит сына; а от сына внук // Произойдет, что будет знаменит // Подобно деду...*— По мнению некоторых толкователей Библии, имя Аврам означает — «великий отец», а Авраам —«отец множества народов». Аврааму было 99 лет, когда бог явился ему и сказал: «...и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов» (Бытие, XVII, 5). Внук Авраама, Иаков, был родоначальником двенадцати колен израилевых. *...Семью впадает устьями поток.*— По счету древних, устье Нила разделялось на семь рукавов (В е р г и л и й. Энеида, VI, 800). *...По зову сына, одного из младших...*— Иосифа. Его история и переселение семьи Иакова в Египет составляют содержание XXXVII—L глав Книги Бытия.

Стр. 356—359. *...отпрыски, плодясь, // Народом целым станут... // ...прийдут // Они в обетованную страну...*— Рассказ об исходе евреев из Египта в Землю обетованную ведется на основе второй книги Моисеева Пятикнижия (Исход).

Стр. 357. *Речной дракон* — так называет египетского фараона пророк Иезекииль (Иезек., XXIX, 3). Синодальный перевод в этом месте дает: «большой крокодил». *Десять язв* — то есть десять бедствий, о которых говорилось выше.

Стр. 358. *...Народ же избранный, не пострадав, // Пойдет от побережья в Ханаан // Пустыней дикою, кружным путем, // Дабы, вступая во враждебный край... // В Египет не вернулся, предпочтя // Бесславную неволю.*— Имеется в виду событие, произошедшее к концу второго года странствия по пустыне: посланные вперед высмотреть землю лазутчики вернулись через сорок дней из Ханаана в панике, говоря: «...не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас» (Числа, XIII, XIV). Народ испугался и стал угрожать возвращением в Египет. За это возмущение слабовольному, надломленному долгим рабством народу было суждено сорок лет странствовать по пустыне, и только следующее поколение, не помнившее рабства, вошло в Землю обетованную. Исключение составляли лишь двое неубоявшихся, один из них — Иисус Навин. Моисею было дозволено только взглянуть с горы на Землю обетованную. После этого он умер. *...Законы; часть из них посвящена // Правам гражданским, а другая часть // Обрядам жертвенным...*— Подробная разработка законов, а также рассказ о сорокалетнем странствии по пустыне и первых завоеваниях на пути в Ханаан составляют содержание последних трех книг Моисеева Пятикнижия (Левит, Числа, Второзаконие).

Стр. 359. *...приуготовляя путь // Иному, Величайшему, приход // Которого предскажет, и в грядущем // В свой час пророки предрекут...*— Пророчество о пришествии Мессии возводят к словам Моисея во Второзаконии (XVIII, 15 и 18): «Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня... И все пророки от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии» (Деян., III, 22—24). *...Солнце, стой // Над Гаваоном и, Луна, замри // Над Айалонским долом...*— слова Иисуса Навина, предводителя евреев при завоевании Земли обетованной. По его просьбе бог остановил солнце, «доколе народ мстил врагам своим» (Нав., X, 12—13).

Стр. 360. *...Так наречется Авраама внук...*— Имя Израиль означает «богоборец». Однажды Иаков, сын Исаака и внук Авраама, целую ночь боролся с ангелом (с богом) и не уступил ему. Тогда он услышал: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Бытие, XXXII, 24—28). От двенадцати потомков Иакова-Израиля произошли колена израилевы, составившие народ, названный по имени своего предка. *...но вижу день // Того, в Ком некогда благословятся // Все племена...*— См. с. 355, 356 и прим.

Стр. 360—361. *...зачем даны // Законы разные в большом числе... // И вместо дел, вершимых по закону, // Свершать по вере.*— В этом отрывке Мильтон касается сложнейшего вопроса об отношении в рамках христианского вероучения закона и веры, Ветхого и Нового заветов. Истолкование этой проблемы Мильтон дает на основе тех отрывков из посланий апостола Павла, которые широко использовались в протестантском богословии (Римл., III, V, VII; Галат., III; Евр., VII, IX, X).

Стр. 361. *Нет, не Моисей... // Но Иошуа, он же — Иисус... // Се имя и призвание Того, // Кому враждебный покорится Змий...*— Иисус — греческая форма библейского имени Иошуа (Иегошуа) — «Бог мое спасение». Иисус Навин сближается с Христом, так как покорил врагов избранников божьих и ввел избранный народ в Землю обетованную. *...Из них второй...*— царь Давид. *...обет // Ненарушимый, что его престол // Державный укрепится навсегда.*— Обет изложен по 2 Царств, VII, 16. *...Что в оный день от царственного корня // Давидова... // Жены восстанет Семя, что тебе // И Аврааму провозвещено...*— «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова» излагается в первой главе Евангелия от Матфея.

Стр. 362. *...Его же царствованью несть конца.*— Цитируется благовестие архангела Гавриила деве Марии о рождении Иисуса (Лука, I, 32—33). *...Давида сын... // ...воздвигнет дивный храм...*— Царствование мудрого Соломона, сына Давида, и сооружение храма описаны в Третьей книге Царств (I—XI) и во Второй книге Паралипоменон (I—IX). *Станет плен // Тянуться семь десятков долгих лет...*— Исторически срок вавилонского пленения исчисляется от первого насильственного переселения нескольких тысяч иерусалимских граждан в Вавилон (605 г. до н. э.) до возвращения на родину части изгнанников под предводительством Зоровавеля (536 г. до н. э.) или же, как

стали считать позднее,— от разрушения иерусалимского храма Навуходоносором (588 г. до н. э.) до его восстановления (516 г. до н. э.). *...Но, памятуя клятву, что дана // Царю Давиду, крепкую, как дни // Небесные...*— Сравнение восходит к словам пророка Иеремии: «...если можете разрушить завет Мой о дне и завет Мой о ночи... то может быть разрушен и завет Мой с рабом Моим Давидом...» (Иерем., XXXIII, 20—21). *По воле Вавилонских венценосцев...*— Возвращение евреев из плена и восстановление Иерусалимского храма произошло по воле персидского царя Кира, покорившего к этому времени Вавилон (538 г. до н. э.). Позднее разрешение строить храм было подтверждено персидским царем Дарием (2 Ездр.). *Сначала вспыхнут смуты и разлад // Между служителями алтаря... // Храм Господень осквернен // Их распрями.*— В эпоху македонского владычества и с образованием в Иудее эллинистической партии разгорелась жестокая борьба между сторонниками сохранения национальной самобытности и эллинистами. Вражда между иудейскими первосвященниками, особенно между Иасоном и Менелаем, была причиной осквернения Иерусалимского храма и алтаря сирийским царем Антиохом Епифаном (175—164 гг. до н. э.). *Они захватят власть, // Презрев сынов Давида, а затем // Престол уступят царский чужаку...*— Никто из династии царя Давида не правил со времен Зоровавеля (см. выше), который, строго говоря, был не царем, а лишь светским правителем наряду с первосвященником Иисусом. В дальнейшем вся власть перешла к священникам и левитам. Первым царем после вавилонского плена стал не потомок Давида, а сын первосвященника из династии Хасмонеев, Аристобул, захвативший власть и престол в 107 г. до н. э. В 40 г. до н. э. престол иудейского царя достался иноплеменнику Ироду (идумеянину).

Стр. 362—366. *Его рожденье возвестит звезда... // Необозримостью счастливых дней.*— Предрекая Адаму установление Нового завета между богом и человеком, Михаил языком Священного писания излагает ключевые события евангельской истории.

Стр. 364. *...хоть одной любви // Достаточно, чтоб соблюсти закон.*— Мильтон перефразирует высказывание апостола Павла: «...итак, любовь есть исполнение закона» (Римл., XIII, 10). *...И осужден на пр̀оклятую казнь // Позорную...*— Распятие на кресте считалось позорной казнью.

Стр. 365. *...Спасенье возвестят ученики // Всему людскому роду, не одним // Сынам Израиля...*— На это особенно указывал апостол Павел, настаивая, что в вере «нет различия между Иудеем и Еллином» (Римл., X, 12).

Стр. 366—369. *...как сохранится горсть // Немногих верных средь неверных толп... // Отрада и блаженство без предела.*— В ответ на вопрос Адама Михаил излагает историю христианской церкви как историю ее отпадения от христианской истины. В эту часть пророчества архангела Мильтон в полемически заостренных формулировках вводит центральные положения протестантизма: примат Писания и непосредственного откровения над преданием и посреднической функцией церкви между богом и человеком, противопоставление любви и веры — делу, внешней обрядности и формальному ис-

пользованию канона. Эта часть пророчества кончается апокалипсической картиной конца мира (времени) и обетованием нового неба и новой земли в вечности.

Стр. 367. *Как предрекли Апостолы, придут // На смену волки лютые...*— Используя евангельское сравнение: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф., VII, 15), апостол Павел предрекал ученикам своим: «Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада» (Деян., XX, 29). Традиционное в литературе Реформации наименование для католиков и папистов («волки» и «наемники») Мильтон обычно распространял и на сторонников англиканства, пресвитерианства и прочих религиозных сект и толков, ставящих какие бы то ни было внешние ограничения свободному вероисповеданию личности.

Стр. 368. *...разорить // Живые храмы...*— «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Коринф., III, 16).

Стр. 369. *Дальше — бездна, вечность...*— По свершении суда над миром «времени уж не будет», тогда «царство мира сделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр., X, 6 и XI, 15). *Он Зло Добром // Одолевает, всю земную мощь — // Бессильем мнимым; кротостью простой — // Земную мудрость.*— Восходит к словам апостола: «...потому что немудрое Божие премудрее человеков и немощное божие сильнее человеков... но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Коринф., I, 25 и 27).

Стр. 370. *...прибавь // К ним веру... // ...любовь... // ...она — душа // Всего.*— Почти дословно в текст вводятся слова апостола: «...прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» (2 Петр., I, 5—7). *...но обретешь иной, // Внутри себя, стократ блаженный Рай.*— Ответ Иисуса Христа фарисеям: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лука, XVII, 21). *...ведь и во сне Господь // Присутствует и назидает нас // Виденьями.*— Постоянно опираясь на Библию (напр., Числа, XII, 6), Мильтон не забывает и классических авторов: «И сны от Зевса бывают» (Гомер. Илиада, I, 63).

Стр. 371. *...их ряды // Скользили...*— Греки приписывали богам особую скользящую походку (Гелиодор. Эфиопика, III, 13). *...пламенел... // Господень меч...*— См. Кн. XI, с. 324 и прим. *Михаил // Поспешно предков медлящих повел, // Взяв ва руки, к восточной стороне, // К Вратам, и столь же быстро со скалы // Спустился с ними в дол...*— Некоторые комментаторы поэмы считают, что в этой сцене Мильтон подражает библейскому описанию ухода Лота и его жены из Содома: «И как он медлил, то мужи те (Ангелы) ...взяли за руку его и жену его... и вывели его, и поставили его вне города» (Бытие, XIX, 16).

СТИХОТВОРЕНИЯ

Существуют два прижизненных издания так называемых «малых» поэтических произведений Мильтона — 1645 и 1673 годов. Первое включало все стихи, написанные до 1645 года; во втором — поэт дополнил их стихотворными произведениями, написанными позднее. Сохранилась авторская рукопись для издания 1673 года. Напечатанный сборник отличался от рукописи тем, что по политическим причинам в него не вошли четыре сонета. Сонет «Генри Вэну-младшему» был издан сначала анонимно в 1662 году, а затем вместе с тремя другими сонетами (Ферфаксу, Кромвелю и вторым сонетом Сайриэку Скиннеру) напечатан в 1694 году. Произведения Мильтона, собранные здесь под рубрикой «Стихотворения», переведены для издания БВЛ Ю. Б. Корнеевым.

К Шекспиру (стр. 375) (1630).— Стихотворение впервые появилось без подписи в собрании сочинений Шекспира, изданном в 1632 г. *...И глубиной дельфийских строк твоих...* — очевидно, вдохновленных Аполлоном.

Эпитафия университетскому вознице и Вторая эпитафия ему же (стр. 375—376) написаны в 1631 г. Томас *Хобсон* был своего рода достопримечательностью Кембриджа. В течение шестидесяти лет он регулярно курсировал между Лондоном и Кембриджем, развозя почту и пассажиров. Умер он во время вынужденного безделья в конце 1630 г., когда сообщение с Лондоном было приостановлено из-за эпидемии чумы. «*Булл*» — «Бык», название гостиницы в Лондоне.

Эпитафия маркизе Уинчестер (стр. 377) (1631).—Джейн Поле, *маркиза Уинчестер*, дочь виконта Сэвиджа и наследница графа Риверса, умерла в 1631 г. Эпитафии на ее смерть писали и другие английские поэты, в том числе Бен Джонсон. *Люцина* — римская богиня, покровительница деторождения. *Атропа* — парка, перерезающая нить человеческой жизни. *...с берегов родного Кема...* — то есть из Кембриджа, который стоит на реке Кем. *...С той, чей удел на твой похож...* — Имеется в виду библейская Рахиль, любимая жена патриарха Иакова, родившая ему двух сыновей, Иосифа и Вениамина. Данте в «Божественной Комедии» помещает Беатриче в Раю рядом с Рахилью («Рай», XXXII).

По случаю своего двадцатитрехлетия (стр. 379) (1632).— Эти стихи были посланы вместе с письмом неизвестному корреспонденту в ответ на уговоры начать духовную карьеру.

ЛАТИНСКИЕ СТИХИ

ЭЛЕГИИ

Элегия I (стр. 380—382) (1626) написана в ответ на письмо *Карло Диодати* (1609—1638), одного из самых близких друзей Мильтона со школьных лет. Его отец, итальянец-протестант, поселился в Англии еще до рожде-

ния сына. Диодати Мильтон посвятил ряд стихотворений, в том числе итальянский сонет «Не знаю, Диодати, как я мог...» (см. с. 392). *Ди* — река, протекающая в Честере. *О, если б древле Овидию в ссылке томийской...*— Овидий был сослан Августом в город Томы (ныне Констанца) на Черном море. *Мантуанец Марон* — Вергилий, уроженец Мантуи. *Креонт, Ил, Пелоп* — имена, связанные с несколькими сюжетными циклами в древнегреческих мифах и трагедии: Креонт — брат Иокасты, матери и жены Эдипа (фиванский цикл), Ил — мифический основатель города Илиона (Трои), Пелоп (Пелопс) — эпоним Пелопоннеса, легендарный царь, предок Пелопидов. Проклятие, павшее на весь его род, стало причиной страшных несчастий, которые постигли потомков Пелопа: Агамемнона, Ореста, Ифигению и др. (см. также «Il Penseroso», прим. к с. 401). *Кронид* — Зевс. *...белизной плечо превзошедших Пелопа...*— Одно плечо Пелопа было сделано из слоновой кости. *...твой гиацинт, Адонис!* — Из крови убитого Адониса Венера вырастила цветок кровяного цвета (анемон) (Овидий. Метаморфозы, X, 735). *Дочери Суз* — персиянки. *Мемнон* — здесь как греческое название ассирийских царей. *Данаиды* — дочери мифического царя Даная, прибывшего в Грецию из Египта. *Правнучки Ромула* — римлянки. *Стола* — одеяние римской матроны. *...в театрах Авзонии древней...* — то есть Древнего Рима. *Тарпейский певец* — Овидий. *...Лондиниум, город... // Что дарданцами был в давние дни заложён ...* — См. «Комос», прим. к с. 434; дарданцы — троянцы. *Эндимион* — возлюбленный богини луны (Селены или Артемиды). *Симоэнт.*— Известно было несколько рек с таким названием: в Эпире, Сицилии и в древней Трое, которой покровительствовала Афродита-Венера. *Книд, Пафос* и о-в *Кипр* — известнейшие центры культа Афродиты. *Моли* — см. «Комос», с. 429 и прим.

Элегия IV (стр. 382—385) (1627).— *Томас Юнг* — домашний учитель Мильтона до его поступления в школу святого Павла, видный проповедник пресвитерианства. Из-за религиозных гонений ему пришлось эмигрировать в Германию, где он прожил с 1620 по 1628 г. в Гамбурге. *Зеленовласые боги* — божества моря. *Дорида* — мать нереид. *Медея* — волшебница греческих мифов; отомстив своему мужу Ясону за измену, она улетела в колеснице, запряженной крылатыми драконами. *Элевсин* — древнейший центр культа Деметры. *Триптолем* — древний герой; насаждая земледелие, объездил весь мир в колеснице, запряженной драконами, которую подарила ему богиня Деметра. *...по имени Гамы, // Кого кимвр-великан палицей тяжкой сразил.*— Старинная легенда, объясняющая название города Гамбурга; кимвры — германское племя, обитавшее на севере полуострова Ютландия. *Мудрейший философ Эллады* — Сократ, чьим учеником был афинский государственный деятель и полководец Алкивиад, сын Клиния; род Алкивиада возводили к сыну Аякса — Теламонида. *...Или тому, кто зачат хаонийкой и Зевсом Ливийским...*— то есть сыну Олимпии, Александру Македонскому (см. «Потерянный Рай», Кн. IX, с. 261 и прим.). Его учителем был Аристотель, уроженец Стагира. *Царь мирмидонян* — Ахилл; его наставниками были старец *Феникс* и кентавр *Хирон* (греч. миф.). *Гора Аонийская* — Геликон. *Клио* — пер-

вначально была музой героических песен, затем — муза истории. *Пиэриды* — музы. *...трижды Этон с Овном на бегу повстречался...*— Мильтон хочет сказать, что прошло три весны (Этон — имя коня в колеснице бога солнца Феба; солнце, вступающее в знак Овна,— традиционное обозначение весеннего равноденствия). Несмотря на дальнейшие указания на время (две весны или лета и две осени), остается все же неясным, сколько лет прошло с момента последней встречи поэта с Юнгом: семь лет (3+2+2) или всего три года. *Хлорида* — греческая богиня цветов. *Австр* (л а т.) — южный иссушающий ветер. *Эвр* (г р е ч.) — восточный ветер. *Икария дочь, Пенелопа* — жена долго странствовавшего Одиссея. *...кипит в землях саксонских война...*— Имеются в виду события Тридцатилетней войны в Европе (1618—1648 гг.). *Эниó* (г р е ч. м и ф.)— богиня войны. *...на одрисийских конях...*— Одрисы — воинственное фракийское племя. *...на небеса // Вновь возвратилась... // Дева...*— Греческая богиня справедливости Дике управляла миром в Золотом веке, а когда нравы людей испортились, она возвратилась на небо и превратилась в созвездие Девы. *Фесвитянин Илия* — библейский пророк, удалился в пустыню от гнева Иезавели, дочери сидонского царя, жены царя самаритянского *Ахава* (3 Царств, XIX). В политическом словаре пуритан Иезавелью называли королеву-католичку, супругу Карла I. *...Иль с киликийцем-апостолом...*— Имеется в виду эпизод из жизни апостола Павла, уроженца Тарса Киликийского: он был бит палками и посажен в темницу, а затем изгнан из города, когда проповедовал в Эматии (главная область древней Македонии) (Деян., XVI). *...Иль с Иисусом самим...*— Когда Иисус приплыл в страну *Гергесинскую* (Гадаринскую) и исцелил бесноватого, жители этого края просили его удалиться от них (Матф., VIII; Лука, VIII). *Вспомни, сколь многих мужей, служивших царю ассириян, // Он ...за ночь одну истребил...*— Когда ассирийский царь Сеннахерим (Санхериб) держал в осаде Иерусалим, «пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч» (4 Царств, XIX, 35). *...Как и в горах, и в долине к бегству принудил отряды...*— Имеется в виду эпизод из Библии (4 Царств, XX).

Э л е г и я VII (стр. 385—387) (1628).— *Аматузия* — Венера. *Пафосский огонь* — огонь любви. *Ганимед* (г р е ч. м и ф.) был взят на небо за необыкновенную красоту и стал там любимцем и виночерпием Зевса (Юпитера). *Гил* — сын царя дриопов *Феодаманта*, любимец Геракла; за красоту он был похищен нимфами источника, к которому отправился за водой. *Победитель Пифона* — бог Аполлон; он пылал безответной любовью к нимфе Дафне, дочери речного царя Пенея. *Даже парфяне, которые бегством победу стяжают...*— Парфянские стрелки славились меткостью; часто они обращались притворно в бегство, чтобы затем легче напасть на врага. *Охотник кидонский* — от названия города Кидон (на острове Крит), который славился меткими стрелками и копьеметателями. *Женоубийца Кефал* — прекрасный охотник; ему принадлежало копье, бьющее без промаха. Им он случайно убил свою жену. *... над Гераклом и другом Геракла.*— Бог Аполлон подарил Гераклу лук и стрелы, не знавшие промаха; который из друзей Геракла имеется здесь в ви-

ду — не ясно. *Гигант Орион* — беотийский великан, знаменитый охотник. Все эти меткие стрелки стали жертвами Купидона. *...Иль уврачует змея Феба-целителя их.*— Роль Аполлона (Феба) как бога врачевания связана с мифами о его сыне Асклепии (см. «Потерянный Рай», прим. к Кн. IX, с. 261). *Амфиарай* — аргосский царь; после неудачного похода Семерых против Фив земля поглотила Амфиарая вместе с боевой колесницей. *Орк* — здесь синоним подземного царства.

ЭПИГРАММЫ

Четыре латинских эпиграммы На Пороховой заговор и одна Изобретателю пороха (стр. 388—389) написаны, как полагают, где-то между 1625 и 1626 гг. Пороховым заговором была названа неудавшаяся попытка католической партии взорвать в 1605 г. здание парламента во время заседания, на котором должен был присутствовать король Яков I Стюарт (1603—1625). Взрыв поручили осуществить английскому офицеру Гаю *Фоксу. Словно пророка...*— В огненной колеснице был унесен на небо пророк Илия (4 Царств, II, 11). *...Парке назло...*— то есть Атропе; см. прим. к с. 377. *...зверь, в берлоге своей семихолмной...*— папа римский: Рим, как известно, возник на семи холмах; зверь — см. ниже. *Вздором смешным почитал Иаков чистилища пламя...*— Английский король Яков I (Яков VI Шотландский) принадлежал к пресвитерианской церкви, которая не признает чистилища. *Десятирогая гидра с тройною латинской тиарой...*— римский папа; десятирогая гидра — апокалипсический «зверь багряный» с семью головами и десятью рогами, на котором восседает блудница вавилонская (см. «На недавнюю резню в Пьемонте», прим. к с. 446). *...Стиксу и Орку обречь...*— то есть смерти. *...восхваляли титана...*— то есть похитителя Зевесова огня — Прометея.

Певице-римлянке Леоноре и еще две эпиграммы Ей же (стр. 389—390) датируют 1639 г., полагая, что именно в этом году Мильтон мог слышать знаменитую неаполитанскую певицу Леонору Барони на концерте у кардинала Барберини в Риме. В концертах певице обычно аккомпанировала ее мать, Адриана Барони. *Тезкой твоею пленясь, другой Леонорой, Торквато // Был когда-то с ума страстью своею сведен.*— Итальянский поэт Торквато Тассо (1544—1595) в последние годы жизни был поражен тяжелым психическим недугом. После смерти Тассо сложилась легенда о его безумной любви к Элеоноре д'Эсте, сестре герцога Альфонса II д'Эсте, покровителя поэта. *...Пенье твое пизрийское...*— то есть пению муз подобное. *...Как у Пенфея...*— Неистовство фиванского царя Пенфея описывает Овидий («Метаморфозы», III, 560 и сл.), однако причиной оного был гнев, а не любовная страсть. *Ахелоида* — здесь: сирена Партенопа, эпоним города Неаполя, древнее название которого — Партенопея. Легенда рассказывает, что после того, как сирены бросились в море, когда Одиссей проехал мимо, не

прельстившись их пением, волны вынесли Партенопу на берег Неаполя, где ей воздвигли пышную гробницу. *Позилиппо* — гора и грот в окрестностях Неаполя.

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

Наиболее вероятной датировкой пяти сонетов и одной канцоны считают 1630 год. Помещая канцону в ряду сонетов, Мильтон следовал примеру Петрарки.

«Кто холоден к тебе...» (стр. 391).— *...Чье имя край окрестный облетело...*— Река Рено протекает в области Италии под названием Эмилия, следовательно, имя воспеваемой красавицы — Эмилия.

«Как холитею встреченный в горах...» (стр. 391).— *Арно* — река в Италии, здесь символ всей поэтической Италии, родины Данте, Петрарки.

«Не знаю, Диодати, как я мог...» (стр. 392).— О Карло Диодати см. прим. к «Элегии I», с. 380—382. *...Когда же запоет она, сирена, //Не тщусь я даже уши залеплять...*— реминисценция из «Одиссеи» (XII). Когда корабль Одиссея проплывал мимо острова, где жили сирены, Одиссей заткнул матросам уши воском, чтобы они не прельстились пением сирен и не стали их добычей.

L'ALLEGRO. IL PENSEROSO

Стихотворный диптих был написан в 30-х годах XVII века (между 1631—1633 гг.). В разработке популярной темы меланхолии Мильтон опирается на два произведения своих предшественников: стихи, предпосланные трехтомному трактату Роберта Бертона «Анатомия меланхолии» (первое издание — 1621 г.), и песню из пьесы Джона Флетчера «Прекрасная добродетель» (1616).

L'Allegro (стр. 395—398).— *Киммерия* — легендарная страна на краю земли, постоянно окутанная туманами и вечным мраком («Одиссея», X). *Евфросина* (греч. радость, веселье) — одна из трех харит (лат. граций), дочерей Зевса и Геры. Происхождение ее от *Вакха* и *Венеры* либо от *Зефира* и *Авроры* считается выдумкой Мильтона. *Геба* — богиня юности. *Коридон*, *Тирсис*, *Филлида*, *Фестилида* — традиционные имена буколических персонажей. *Ребек* — старинный смычковый музыкальный инструмент. *Мэб* — фея-проказница, популярный персонаж английского фольклора, у Шекспира ей посвящен шуточный монолог Меркуцио («Ромео и Джульетта», д. I, сц. 4). *Джек с фонарем*, который по ночам сбивает путников с дороги, и *Гоблин* — скорее всего, один и тот же персонаж английского фоль-

клора — Робин Добрый Малый (шекспировский Пэк из «Сна в летнюю ночь»). *Там Джонсон бурный // Надел ученые котурны...*— В то время, когда писалось стихотворение «L'Allegro», еще жив был Бен Джонсон (1573—1637), поэт-лауреат, почетный доктор Оксфордского университета, драматург и теоретик драмы, предтеча английского классицизма. В эпоху позднего Возрождения это была, пожалуй, наиболее энергичная и яркая фигура в культурной жизни Англии. *...Лидийской музыкой упьюсь я...*— См. прим. к «Потерянному Раю», Кн. I, с. 42. *...Опять Плутона укротить // И Эвридику возвратить.*— Имеется в виду широко известный миф об Орфее, спускавшемся в царство теней за погибшей женой. Пение Орфея растрогало владыку подземного царства Плутона, и он отпустил Эвридику при условии, что Орфей взглянет на жену не раньше, чем они выйдут за пределы подземного царства. Орфей нарушил условие и потерял Эвридику навсегда.

Il Penseroso (стр. 398—402).— *Мемнон* — мифический царь эфиопов. *Кассиопея* — жена эфиопского царя Кефея, вступила в спор с нереидами о красоте и хвалилась, что она красивее всех на свете (г р е ч. м и ф.). *...Родитель Весты светлокудрой, // Тебя Сатурн с ней прижил мудрый...*— Веста — богиня домашнего очага и огня в Древнем Риме. Жрицы храма Весты были обязаны блюсти целомудрие. В отличие от Радости, дочери любви и вина (Венеры и Вакха), *Меланхолия* — наследница целомудрия Весты и высшей культуры, интеллекта, воплощенных в Сатурне. Ренессансное представление о меланхолическом темпераменте, находящемся под влиянием планеты Сатурн, наделяло носителей оного высокой духовностью, жаждой знания, склонностью к одиночеству, раздумьям и созерцанию высших, божественных предметов. Европейские гуманисты возвеличили меланхолический темперамент над прочими, придав ему черты гениальности. За меланхолией по-прежнему оставались ее средневековые качества: болезненность, склонность к психическому расстройству, ранняя старость и смерть, однако у Мильтона здесь отражено лишь ее светлое начало. *...На Иде...*— См. «Потерянный Рай», прим. к Кн. I, с. 41. *Стола* — см. «Элегию I», прим. к с. 380—382. *...И златокрылый тот возница... // Тот херувим...*— См. «Потерянный Рай», прим. к Кн. IV, с. 135 и с. 137. *Цинтия* — одно из имен богини Дианы, здесь — луна. У Мильтона она выезжает на колеснице, запряженной драконами, в которой у ренессансных поэтов обычно летит по небу ночь (Ш е к с п и р. Сон в летнюю ночь, д. III, сц. 2). *...И слышны лишь песнь сверчков...*— В оригинале — «сверчок на печи», фраза, ставшая знаменитой в заглавии рассказа Диккенса. *...идя за Трисмегистом...* — Гермес Трисмегист — вымышленный автор теософского учения III—IV вв. В эллинистическую эпоху отождествлялся с египетским богом мудрости Тотом; считался покровителем магии. *...Тех демонов воды, огня...*— См. «Потерянный Рай», прим. к Кн. II, с. 59. *...о делах // Детей Пелопса и о Фивах...*— Имеются в виду сюжеты аттической трагедии V—IV вв. до н. э. в сочинениях Эсхила, Софокла, Еврипида. Пелопс (Пелоп) — см. «Элегию I», прим. к с. 380—382. С городом Фивы связаны сюжеты трагедий о царе Эдипе

и его потомках, о походе Семерых против Фив. *Мусей* — мифический певец, ученик (или сын) Орфея. Их обоих встречает Эней в роще Элисия («Энеида», VI, 645—667). *...иль велеть // Душе Орфея так запеть...*— См. параллельное место в «L'Allegro», прим. к с. 395—398. *...С тем, кто оставил нам рассказ, // Не дописав его, однако...*— рассказ сквайра из «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера (1340?—1400). *...кто выспренно и тонко // Воспел турниры, шум дубрав...*— английский поэт Эдмунд Спенсер (ок. 1552—1599 гг.), автор аллегорической поэмы «Королева фей». *Кефал* — прекрасный охотник, возлюбленный богини зари Эос (греч. миф.).

ЛЮСИДАС

Люсидас (Lycidas) (стр. 406—410).—Элегия написана для сборника, посвященного памяти Эдварда Кинга, друга Мильтона по университету. Кинг утонул при кораблекрушении недалеко от берегов Англии летом 1637 года. Сборник был издан в Кембриджской типографии университетскими друзьями Кинга в 1638 году. В этом издании элегия была подписана лишь инициалами автора (J. M.). Под именем Мильтона она появилась в 1645 году в его первом сборнике. Люсидас (Ликид) — имя пастуха в античных пасторалях (Феокрит. Идиллии, VII; Вергилий. Буколики, IX).

О девять дев...— обращение к Пиэрийским музам, жившим у Олимпа. *Мона* — древнее название острова Мэн в Ирландском море. В фольклоре и в поэтической традиции дубравы Моны считались любимым местом пребывания друидов. *Ди* — река на севере Уэльса, впадает в Ирландское море; на этой реке стоит город Честер, откуда начал свое путешествие в Ирландию Эдвард Кинг. Местные предания и сказки населяли долину реки Ди волшебниками и колдунами. *...Коль даже Каллиопа не сумела // Спасти от смерти сына своего...*— См. «Потерянный Рай», Кн. VII, с. 201 и прим. Голова растерзанного Орфея и его лира были брошены в реку *Гебр;* потом их подхватили волны моря и вынесли на остров *Лесбос* (Овидий. Метаморфозы, XI). *Неэра, Амариллида* — традиционные имена пасторальных пастушек. *Слепая фурия* — Атропа (см. прим. к с. 377, «Эпитафия маркизе Уинчестер»), *Аретуза* — нимфа одноименного источника в Сицилии, на родине Феокрита. *Минчо* (Минций) — река в Мантуе, на родине Вергилия. Обращение к Аретузе и Минцию равносильно призыву к музам буколической поэзии. *Герольд пучины* — морское божество Тритон; трубя в раковину, он успокаивает или волнует море. *Гиппотад* (греч. миф.) — Эол, сын Гиппота, повелитель ветров. *Панопа* — одна из нереид. *Кем* — река, на которой стоит город Кембридж. Здесь — традиционная фигура, гений-хранитель Кембриджского университета. *...Где скорбь запечатлелась, как на том // Цветке, что носит знак ее багровый.*— Цветок гиацинт был выращен из крови Гиацинта, любимца бога Аполлона; на лепестках багрового цвета Аполлон в знак скорби начертал собственные вздохи — буквы «Ай-Ай» (греч. возглас

скорби: «Увы!»). (О в и д и й. Метаморфозы, X). *...пенитель галилейских вод // С двумя ключами...*— апостол Петр. До встречи с Иисусом он был рыбаком в Галилее, и его звали Симон; ему было сказано Иисусом: «...и дам тебе ключи от Царства Небесного...» (Матф., XVI, 19). *...Как жаль, что добрый пастырь умирает... // Уносит жадный волк ягнят из стада...* — Кинг собирался принять священнический сан; рассуждение о добром и нерадивом пастырях выдержано в духе Евангелий (Матф., VII, 15; Иоанн, X). «Волк» — традиционный в протестантской литературе символ римского духовенства. Конец 30-х гг.— время довольно успешного прозелитизма католической церкви в Англии (течение, которое позднее было названо англо-католицизмом). *Но с сицилийской нимфою своею // Спеши назад, Алфей!* — Алфей — речной бог, влюбленный в нимфу Аретузу (см. выше). Мильтон вновь обращается к музам буколической поэзии. *...Под легендарным Беллерусом спит...*— то есть возле жилища Беллеруса. Считается, что Беллерус — имя корнуоллского гиганта, придуманное Мильтоном. *...Близ той горы, откуда страж небесный...*— Очевидно, это «гора святого Михаила», цепь скалистых утесов на юго-западе мыса Лэндз Энд («край земли») в Корнуолле. На вершине этого кряжа находились развалины древнего монастыря. Одна из сторожевых башен имела уступ, называемый «кресло святого Михаила», и местные предания рассказывали о том, что на этом уступе часто видели фигуру святого Михаила, как бы сидящего на страже и глядящего в море. *...К Наманке и Байоне...*— Ряд комментаторов считает, что здесь имеется в виду испанская Байона на северо-западе Пиренейского полуострова, немного южнее мыса Финистерре («край земли»). На картах первой трети XVII в. названия Наманка и Байона стоят рядом. *Пусть нам из пучины // Доставят тело милое дельфины!* — Намек на миф о греческом поэте и музыканте Арионе: он был брошен в море пиратами, но дельфин вынес его на берег. *...Такою песней на дорийский лад...*— то есть в духе пасторальной поэзии; Феокрит и другие сицилийские поэты, авторы буколик (Бион, Мосх), писали на дорийском диалекте древнегреческого языка.

КОМОС

К о м о с (Comus) — либретто для маски, представленной в михайлов день 29 сентября 1634 года в замке Ладлоу. Роли двух братьев и сестры исполняли дети лорда Бриджуотера, в возрасте от девяти до пятнадцати лет. Роль Духа взял на себя друг Мильтона, композитор Генри Лоуз. Он же написал музыкальное сопровождение к маске и опубликовал «Комос» в 1637 году, но без имени автора: маска была подписана инициалами J. M. В 1645 и в 1673 годах «Комос» был издан вместе с другими стихами Мильтона.

Стр. 412. *...Лишь здешний остров...*— Имеется в виду Англия, под Нептуном же подразумевается монарх английский. *Та часть его, что на закат гля-*

дит...— Уэльс, наместничество лорда Бриджуотера. *...тот бог, что первым // Из алых гроздий выжал сладкий яд...*— Дионис; пираты хотели заковать его в цепи и продать в рабство, но Дионис превратил их в дельфинов. *...вдоль берегов тирренских...*— то есть вдоль западного побережья Италии. *Рожденная от Солнца...*— Волшебница Цирцея (см. «Потерянный Рай», Кн. IX, прим. к с. 261) была дочерью бога солнца Гелиоса.

Стр. 413. *...и у ней от Вакха // Родился сын...*— Происхождение греческого бога пиршеств Кома (Комоса) от Цирцеи и Диониса — плод мифотворчества Мильтона. *...Бесчинствовал меж кельтов и иберов...*— то есть во Франции и Испании. *...От взоров Феба изнемог...*— от лучей солнца. *Ирида* — греческая богиня радуги.

Стр. 414. *Котитб* — фракийская богиня; оргии в ее честь, называвшиеся котиттиями, были сходны с вакханалиями в честь Диониса-Вакха. *Геката* — здесь призывается и как богиня луны, и как ночная колдунья.

Стр. 416. *Пан* — аркадский бог лесов и рощ, покровитель пастухов.

Стр. 417. *Эхо* — нимфа, полюбившая прекрасного юношу Нарцисса; от безответной любви она вся высохла, так что от нее остался один лишь голос (г р е ч. м и ф.). *Меандр* — извилистая река в Малой Азии. *...Своим волшебным пением они // В Элисий душу жертвы увлекали.*— Сладкозвучным пением обольщали людей сирены. Мильтон присоединяет к ним и Цирцею, которая не наделена этим свойством в мифологии. По Гомеру, сирены жили на острове, лежащем между островом Цирцеи и Сциллой.

Стр. 417—418. *Сцилла* и *Харибда* — два мифических чудовища, обитавших в проливе между Сицилией и Италией. *Сильван* — римское божество лесов и полей, отождествлялся с греческим Паном.

Стр. 419. *Геба* — богиня юности у древних греков.

Стр. 422. *...В охране, по-драконьи неусыпной.*— Яблоню *Гесперид* (см. «Потерянный Рай», прим. к Кн. III, с. 100) охранял дракон.

Стр. 423. *...Она, подобно нимфе стрелоносной...*— Имеется в виду либо девственная богиня-охотница Диана, либо какая-нибудь нимфа из ее свиты.

Стр. 424. *Но если непотребством... поступков... // Их к плоти, столь им прежде дорогой?* — Отрывок восходит к рассуждению Сократа о душах дурных людей в диалоге Платона «Федон» (81, b, c, d).

Стр. 425. *Тирсис! // Тот, чьим искусным мадригалам внемля...*— Тирсис так же, как и ниже Мелибей (с. 434),— традиционные со времен Феокрита и Вергилия имена пастухов в пасторальной поэзии. Комплимент адресован Генри Лоузу, исполнявшему роль Тирсиса.

Стр. 426. *...В стихах питомцы мудрые камен...*— Имеются в виду главным образом Гомер и Вергилий. Камены — музы.

Стр. 429. *...корень сей полезней, // Чем моли, данной Эрмием Улиссу.*— Моли — название растения, которое Эрмий (Гермес) дал Улиссу (Одиссею) как противоядие от чар Цирцеи («Одиссея», X; «Метаморфозы», XIV). *Гемония* — название Фессалии у римских поэтов; считалась страной ведьм

и колдовства. Гемонийский — волшебный. *...обнажите шпаги, // Разбейте кубок и разлейте зелье...*— Все это проделал Улисс у Овидия («Метаморфозы», XIV, 290—298).

Стр. 430. *...как Дафна, // Бежавшая от Феба.*— Нимфа Дафна, которую преследовал влюбленный Аполлон (Феб), молила богов о помощи и была превращена в лавр (греч. миф.). *Нет, даже сок, подаренный в Египте...*— реминисценция из Гомера («Одиссея», IV, 220—235): угощая гостей, прекрасная *Елена*, дочь Зевса (Юпитера), подливает им в вино гореусладное зелье, дарящее сердцу веселье и забвение бед. Этот сок ей подарила в Египте Полидамна, жена царя *Фоона*.

Стр. 433. *...как если бы Юпитер // ...смирял... // Друзей Сатурна, их в Эреб ввергая.*— Эреб (греч. миф.) — олицетворение вечного мрака. По некоторым мифам, Зевс (Юпитер), победив своего отца Крона (Сатурна) и титанов, заключил их в мрачный Тартар.

Стр. 434. *...Красавица, которой берега // Извилистого Северна подвластны.*— Река Северн протекает недалеко от Ладлоу, древнее ее название — *Сабрина*. *...Локрин, сын и преемник Брута...* — Авторы средневековых английских хроник пытались связать родословную британских королей с древними царями античного мира. Так сложилась легенда о том, что Асканий, сын троянца Энея, легендарного родоначальника римлян, приплыл в Англию, и там его внук Брут стал первым британским королем. *...Преследуема мачехой своей, // Свирепой Гвендолен...*— По легенде, Локрин любил Эстрильду, которая родила ему дочь Сабру (или Сабрину), но жениться ему пришлось на Гвендолен. Когда Локрин вздумал сделать Эстрильду своей королевой, Гвендолен убила его, а Сабрину с матерью бросила в реку, которую с тех пор называют Сабрина (Северн). Эту легенду, заимствованную из древних английских хроник, Мильтон приводит в своей «Истории Британии» (1670).

Стр. 435. *Тебе велят предстать из мглы... // Наяды все, все нереиды...*— В этом отрывке перечисляются античные божества морей и рек. *Ка́рпатос* (Карпаф) — остров в Средиземном море между Критом и Родосом, где живет многоликое морское божество Протей (Вергилий. Георгики, IV, 387). *Партенопа, Лигейя* — сирены, утонувшие в море (см. прим. к эпиграммам «Певице-римлянке Леоноре», с. 389).

Стр. 436. *Амфитрита* (греч. миф.)— владычица морей. *...Древнего Анхиза семя...*— Анхиз был отцом Энея (см. прим. к с. 434).

Стр. 438. *Ассирийская царица* — то есть Афродита (Венера), отождествлявшаяся с финикийской Астартой, ассирийской Иштар. Ее возлюбленный Адонис был растерзан вепрем на охоте. Миф о Венере и Адонисе здесь пример любви земной.

Стр. 439. *...Между тем как в небесах // Несется Купидон с Психеей сонной...*— Миф о любви Купидона и Психеи — пример любви небесной. По Апулею («Метаморфозы», VI), в отсутствие матери, богини Венеры, которая невзлюбила Психею и подвергала ее всяческим тяжелым испытаниям, Купи-

дон обращается с просьбой о покровительстве к Юпитеру. Тот наделяет Психею бессмертием и отдает в супруги Купидону. Психея рождает дочь по имени Наслаждение.

СОНЕТЫ

Написано в дни, когда ожидался штурм Лондона (стр. 440).— Осенью 1642 г. королевские войска предприняли попытку захватить Лондон. В ноябре они почти вплотную подошли к городу и заняли местечко Брентфорд, всего в семи милях от столицы. *...Сам эмафиец, победитель Фив...*— то есть Александр Македонский. Древние историки рассказывают, что, разрушив город Фивы, Александр пощадил лишь дом поэта *Пиндара* (Элиан, Плиний, Плутарх). *...И стих творца «Электры» спас Афины...*— Когда спартанский полководец Лисандр взял Афины, союзники предложили на совете продать жителей Афин в рабство, а город разрушить. Но позже на пиру один фокиец пропел первую песнь хора из трагедии Еврипида «Электра» и растрогал сердца слушателей. «Все решили, что покончить со столь славным городом, давшим таких великих людей, и уничтожить его было бы делом чудовищно жестоким» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания, Лисандр, XV).

Добродетельной молодой особе (стр. 440—441) (между 1642 и 1645 гг.).— *Ты с самых малых лет не предпочла // Пространный торный путь стезе безвестной...*— Основано на тексте Нового завета (см. прим. к «Потерянному Раю», Кн. II, с. 77). *Как Руфь и как Мария...*— Моавитянка Руфь после смерти мужа не вернулась в свою семью, но избрала тяжелую долю и осталась жить с народом супруга («Книга Руфи»). О Марии в Новом завете сказано, что она «избрала благую часть, которая не отнимется у нее». В доме, где остановился Иисус, женщина по имени Марфа заботилась об угощении, а ее сестра Мария «села у ног Иисуса и слушала слово Его» (Лука, X, 38—42). *...И нас не устыжающей надежды...*— Основано на словах апостола Павла: «...а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Римл., V, 5).

К леди Маргарет Ли (стр. 441) (между 1642 и 1645 гг.).—Сонет обращен к леди Маргарет Хобсон, дочери сэра Джеймса Ли, лорда-казначея и председателя Тайного совета при короле Карле I, графа Мальборо. В 1628 г. он был уволен в отставку и умер 14 марта 1629 г., через четыре дня после того, как король распустил парламент. *...Так счеты свел оратор в оны лета, // Узнав о Херонее, с жизнью сей.*— Оратор— афинянин Исократ, теоретик и знаменитый учитель красноречия. Сохранился рассказ, что Исократ будто бы не перенес роковой вести о поражении союзных греческих войск при Херонее (338 г. до н. э.) и уморил себя голодом.

Два сонета Чернителям некоторых моих трактатов и Им же (стр. 441—442) были написаны в 1645 г. в ответ на враждебные отклики по поводу четырех трактатов о разводе, напечатанных Миль-

тоном к тому времени. Позднее Мильтон сожалел, что писал их на английском, а не на латыни, поскольку расшумелась чернь. *Тетрахорд* (г р е ч. — название звукоряда из четырех нот) — заглавие одного из памфлетов Мильтона, в котором он развивал свои взгляды на развод, опираясь на четыре фрагмента из Священного писания. *И в Майл-энд-Грин... // Идут гулять...*— Имеется в виду Майл-Энд, местность за городской чертой старого Лондона. Там в свое время проводились учения отрядов городского ополчения. Зрелище привлекало толпы зевак. *...имена, // Которые теперь столь знамениты.*— Выше перечислены типичные шотландские имена. Нападки на шотландцев объясняются тем, что среди пресвитерианских критиков мильтоновских трактатов о разводе было несколько шотландцев-кальвинистов, видных богословов, участников Вестминстерского собрания. *Сэр Джон Чик* (1514—1557) — известный преподаватель и пропагандист древнегреческого языка в Кембриджском университете. *...Тем недругам Латоны, коим стать // Лягушками пришлось в былые годы.*— Реминисценция из Овидия («Метаморфозы», VI, 317—381). Латона, мать Аполлона и Артемиды, скрываясь от гнева богини Юноны, бежала в Ликию. Томимая жаждой, она хотела было напиться, но злобные ликийцы не подпустили ее к пруду. Они шумели, ругали ее и замутили всю воду. За это они были превращены в лягушек.

Новым гонителям свободы совести при Долгом парламенте (стр. 442—443) (1646).— Стихотворение написано в форме «хвостатого» сонета (sonetto caudato). Для обсуждения церковной реформы в 1643 г. по предложению Долгого парламента (1646—1653 гг.) было созвано Вестминстерское собрание богословов. Как и в парламенте, в собрании преобладали пресвитериане; немалую роль играли также представители шотландских кальвинистов. Собрание разработало ряд законов, принятых парламентом к 1645—1646 гг.: об отмене епископата и обязательном для всей страны отправлении пресвитерианского культа, об отмене требника и введении нового служебника; были приняты законодательства о цензуре и стеснении религиозной свободы, затрагивавшие уже не только англиканство, но и нонконформистов и диссидентов. Партия индепендентов, к которой принадлежал в это время Мильтон, еще не пришла к власти и выступала за веротерпимость. *Прелат верховный.*— Имеется в виду глава англиканской церкви архиепископ Лод. Он был казнен в 1645 г. *...Чтоб вновь с Многоприходностью греховной...*— Многоприходность — право одного пастора руководить несколькими приходами и соответственно получать с них доход. Мильтон и его единомышленники считали, что священник должен жить трудом собственных рук. *...Синодам подчинить...*— Идея учреждения в Англии пресвитерианской церкви на манер шотландской (внутренне иерархической структуры во главе с национальным синодом) была неприемлема для индепендентов. *А. С.* (шотландский богослов Адам Стюарт) — этими инициалами был подписан один из важнейших памфлетов против партии индепендентов. Сэмюэль *Резерфорд*, видный вождь шотландских кальвинистов, и Томас *Эдвардс*, английский пресвитерианин,— оба участники Вестминстерского собрания,

энергичные противники веротерпимости. *Тех, кто, подобно Павлу...*— то есть апостолу Павлу. *Тридентский собор* (1545—1553 гг.) — собор католической церкви, ознаменовавший решительный поворот в сторону Контрреформации. *...Не уши им, но руки отсечет...*— Отрезание ушей — один из видов наказания, к которому суд Звездной палаты приговорил в 30-е гг. за антиангликанскую крамолу нескольких пресвитерианских богословов, в том числе Уильяма Принна, позднее — лидера пресвитериан в Долгом парламенте.

Мистеру Генри Лоузу о его музыке (стр. 443) (1645).— Впервые сонет был напечатан в 1648 г. в издании музыкальных сочинений композитора Генри Лоуза (1595—1662), друга Мильтона. *Мидас* — фригийский царь, награжденный ослиными ушами за то, что предпочел Пана во время музыкального состязания Пана с Аполлоном. Мидасов суд — суд невежд. *...в чьих звуках с силой новой // Раскрылась прелесть языка родного...*— Лоуз писал музыку на стихи английских поэтов Бена Джонсона, Бомонта, Флетчера, Джона Донна. *Тебя б сам Данте предпочел когда-то // Касселе...*— Терцина содержит реминисценцию из «Божественной Комедии»: в чистилище Данте встретил своего друга композитора Каселлу и попросил его спеть; пение Каселлы заворожило Данте и души чистилища («Чистилище», II).

Присноблаженной памяти м-с Кэтрин Томсон... (стр. 444) (1646). — Имеется в виду Кэтрин Томасон, жена Джорджа Томасона, известного лондонского книгопродавца, друга Мильтона.

Генералу лорду Ферфаксу по случаю осады Колчестера (стр. 444) (1648).— Томас *Ферфакс* (1612—1671) — военачальник и политический деятель английской революции, в 1645 г. был назначен главнокомандующим парламентской армии. *Осада Колчестера* — эпизод, относящийся к событиям так называемой Второй гражданской войны, когда летом 1648 г. роялистский мятеж вспыхнул сразу в нескольких местах страны, в том числе и в Колчестере. *...Хоть, попирая Лигу, Север снова // Простер крыла драконьи над страной.*— В это же время шотландские войска под командованием Гамильтона вторглись в пределы Англии, нарушив тем самым Лигу и Ковенант — комплекс договоров, которые были заключены в 1643 г. для улаживания отношений между церквами и государствами Англии, Шотландии и Ирландии.

Генералу лорду Кромвелю... (стр. 445).— Сонет был написан в 1652 г. в связи с деятельностью одного из комитетов индепендентского парламента, членом которого был Оливер Кромвель (1599—1658). «*Комитет по распространению Священного писания*» рассматривал проект церковной организации, содержавший серьезные ограничения свободы совести в форме светского и духовного контроля над верующими со стороны государства. *Дарвен, Данбар, Вустер* — места побед Кромвеля над шотландской армией (1648, 1650, 1651 гг.).

Сэру Генри Вэну-младшему (стр. 445) (1652).— *Генри*

Вэн-младший (1613—1662) — знаменитый политический деятель и дипломат Англии, был казнен после реставрации (см. «Самсон-борец», прим. к с. 475). *...Рим, где тоги, а не латы // Над эпиротом взяли верх когда-то...*— Имеется в виду политика римского сената во время войны с Эпиром (281—272 гг. до н. э.), когда победа досталась Римской республике не в результате чисто военных успехов, но за счет превосходной политической и государственной организации. *...меж властью светской и духовной // Различье ты постиг...*— Вэн-младший был одним из самых пламенных сторонников свободы совести и боролся неустанно за полное отделение церкви от государства.

На недавнюю резню в Пьемонте (стр. 446) (1655).— Сонет был написан вскоре после знаменитой резни в Пьемонте, когда по приказу герцога Савойского его войска устроили побоище среди населения Пьемонта, по большей части членов секты вальденцев. Оставшиеся в живых вальденцы отправили посланцев к Кромвелю, от имени которого Мильтон составил несколько писем с протестами к герцогу Савойскому. *...Чьи деды в дни, когда ми камни чтили, // Хранили твой завет в сердцах своих.*— Секта вальденцев зародилась в XII в. Деятели Реформации высоко ценили вальденцев за чистоту веры и видели в них хранителей традиций раннего христианства. *Тройной тиран* — тиара папы римского составлена из трех корон, символизирующих власть папы как судьи, законодателя и священника. *Блудница вавилонская* — в политической литературе Реформации обычное обозначение римской церкви, символ греха по Апокалипсису (Откр., XVIII, 2).

О своей слепоте (стр. 446).— Мильтон ослеп в 1652 г. Сонет написан между 1652 и 1655 гг.

Мистеру Лоренсу (стр. 447) (1655).— Сонет адресован Эдварду Лоренсу, юному другу, а возможно, и ученику Мильтона, сыну Генри Лоренса, председателя государственного совета при протекторате Кромвеля. Этот сонет, как и следующий, написан в духе античных приглашений. *...лилий, // Которые не сеют, не прядут.*— Цитируется Писание: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут...» (Матф., VI, 26, 28).

Сайриэку Скиннеру и Ему же (стр. 447—448) (1655).— Обращены к другу и ученику Мильтона, внуку сэра Эдварда Кока (1552—1634), известного юриста, главного королевского судьи при короле Якове I. *...И планы, что таит француз иль швед.*— В 1655 г. Швеция, союзник Англии, начала войну с Польшей, а Франция вела войну с Испанией. *...Служение свободе угасило — // О ней я возвещал Европе всей.*— Широкую европейскую известность Мильтону принесли два его трактата в защиту английского народа (1651 и 1654 гг.). Именно намек на эти сочинения и воспрепятствовал публикации сонета в сборнике 1673 г.

О моей покойной жене (стр. 448) (1658).— Вторая жена поэта, Кэтрин Вудкок, умерла в этот год после родов. *Алкестида* — жена царя Адмета, которая согласилась сойти в Аид вместо мужа, чтобы он остался жить. *Сын Кронида* (Зевса), Геракл, сумел освободить Алкестиду из Аида и

вернул ее своему другу Адмету (г р е ч. м и ф.). *Библейской роженицы, что должна // Очиститься...*— Имеется в виду библейский обряд очищения после родов (Левит, XII).

ПСАЛМЫ

Мильтону было всего пятнадцать лет, когда он впервые попробовал свои силы в переложении псалмов на родной язык. Столь рано обнаружившийся интерес не пропал и в зрелые годы: в 1648 году поэт перевел стихами псалмы LXXX—LXXXVIII, псалмы I—VIII были переведены в 1653 году. Обращение в этот период к жанру псалмов связано с тем, что в рамках различных течений английских реформаторов после отмены в 1645 году традиционного молитвенника шла разработка новых канонов службы, где псалмы неизменно играли важную роль.

САМСОН-БОРЕЦ

1671

Библейская история Самсона (Книга Судей израилевых, XIII—XVI), воплощенная в форму трагедии на манер греческой, во многом лишается своей патетики, будучи прочитана вне контекста английской истории и судьбы поэта. Не следует, разумеется, отождествлять безусловно автора с Самсоном, однако перипетии жизни Мильтона нигде не отразились столь непосредственно: разрыв с первой женой — рана, не зажившая до последних дней, слепота, физическая немощь, бессилие перед лицом врагов после реставрации, монархии, арест, нищета, вынужденное бездействие после долгих лет славы, побед и упорной борьбы. В определенном смысле «Самсон-борец» суть последнее усилие «ради блага... народа», — апофеоза свободной личности, несломленного духа. Пафос мильтоновской драмы вдохновил Генделя на создание оратории («Самсон», 1741).

На русском языке «Самсон-борец» известен в переводе Н. А. Брянского (СПб., 1911); сравнительно недавно появился перевод на грузинский (Э. Квитаншвили и З. Кикнадзе, Тбилиси, 1966). Настоящий перевод выполнен для издания БВЛ Ю. Б. Корнеевым.

Стр. 455. *Сам апостол Павел нашел уместным включить в текст Священного писания стих Еврипида...*— Этот стих обычно приписывается Менандру. *Пареус* — Давид Вендлер (1548—1622), немецкий теолог, профессор Гейдельбергского университета. *Дионисий Старший* — тиран сиракузский (406—367 гг. до н. э.). *Цезарь Август* — первый римский император (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.). *Философ Сенека* — имеется в виду Луций Анней Сенека (младший) (ок. 4 г. до н. э.— 65 г. н. э.); трагедии, носившие его имя, в сред-

ние века приписывали другому Сенеке (старшему) или считали подложными. *Григорий Назианзин* (Григорий Богослов, ок. 330—390 гг.) считался автором трагедии «Христос Страждущий» вплоть до XIX в.

Стр. 456. *Марциал* (ок. 40 г.— ок. 104 г.) — римский поэт.

Стр. 457. *Дагон* — см. прим. к «Потерянному Раю», Кн. I., с. 39.

Стр. 458. *Так неужель я, божий назорей, // Для подвига предызбранный с пеленок...*— Назореи — особый класс посвященных у евреев. Давая обет назорейства, человек посвящал себя богу. Он должен был воздерживаться от вина, не есть ничего ритуально нечистого, не стричь волос и избегать всяческого осквернения. Иногда обет принимали родители за детей, особенно испрошенных молитвой. Таким был и Самсон. Ангел, явившийся родителям Самсона, сказал его матери: «...ты зачнешь и родишь сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от рук Филистимлян».

Стр. 460. *Шаг многих ног я слышу.*— Перевод стиха Вергилия («Энеида», II, 731). *...Льва растерзал, словно лев козленка...*— один из подвигов юного Самсона: «... и он растерзал льва, как козленка; а в руке у него ничего не было».

Стр. 461. *...Блещущий бронями халибской выделки...*— Халибы — племя, обитавшее в Причерноморье, на северном берегу Малой Азии. Славились своими изделиями из железа. *...рать аскалонскую...*— Аскалон — один из пяти важнейших филистимских городов. *...избрав оружием // Меч костяной — ослиную челюсть...*— См. с. 464, где этот подвиг Самсона подробно изложен. Согласно библейскому рассказу, название *Рамаф-Лехи* («брошенная челюсть») произошло от того, что на этом месте Самсон бросил ослиную челюсть, которой убил тысячу филистимлян. *В Газе сорвал он ворота...*— Однажды Самсон пришел в Газу к блуднице, и филистимляне, узнав об этом, собрались в воротах города, чтобы убить его. Самсон же выломал двери ворот и отнес их на гору, «которая на пути в Хеврон». *...над дорогой хевронскою...*— Город Хеврон (Хеброн) до возвращения евреев из Египта в Ханаан принадлежал сыновьям Енаковым, исполинам «от исполинского рода» (Числа, XIII, 23, 34). *...Словно титан-небодержец эллинский...*— Имеется в виду Атлант.

Стр. 462. *Естаол* и *Цора* (родина Самсона) — два города из удела колена Данова, к которому принадлежал и Самсон.

Стр. 463. *В Фимнафе взял я первую жену...*— Об этом см. с. 467 и прим. Фимнаф (Тимна) — город в уделе колена Данова, где в эпоху судей жили филистимляне. *Виной тому не я — вожди колен...*— Мильтон косвенным образом обвиняет в рабской психологии своих сограждан, преимущественно вождей пресвитерианской партии, вступивших в союз с роялистами.

Стр. 464. *Сыны Иуды* — то есть евреи из колена Иудина. *...Как Пенуэл и Сокхоф презрели // Их спасителя Гедеона...*— Эпизод из библейской истории евреев, связанный с набегами мидианитян, кочевого племени в северной Аравии. Борьбу с ними возглавил Гедеон. Когда он преследовал двух

«царей мадиамских» (мидианитских), старейшины двух израильских городов Пенуэла и Сокхофа отказались дать хлеба голодным воинам Гедеона (Суд., VIII). *...Как сгубили б ефремляне // Иеффая...*— Ефремляне, евреи из колена Ефремова, позавидовали победе Иеффая над аммонитянами (см. «Потерянный Рай», прим. к Кн. I, с. 37). Они пригрозили сжечь Иеффая вместе с его домом за то, что он не взял их с собой на войну. Тогда Иеффай перебил много ефремлян. Их легко было узнать, так как вместо «шибболет» они произносили «сибболет» (Суд., XI, XII).

Стр. 465. *К их именам прибавьте и мое.*— Сближая судьбу Самсона с собственной, Мильтон находит параллель в иудейской истории с Гедеоном и Иеффаем, о которых вспоминает Хор как о примере междоусобных распрей в тяжелое для народа время. В Англии накануне реставрации раздоры в среде республиканцев и в армии создали угрозу новой гражданской войны в то время, как для страны решался вопрос: республика или монархия.

Стр. 467. *...И выдал хананеянке коварной...*— Хананеи, народ, населявший Ханаан (древнее название Палестины) до завоевания этой земли евреями, в Библии считается принадлежащим к иной, несемитской расе. *...разве мне не изменила // Фимнафка...*— См. с. 463. Перед свадьбой Самсон по обычаю устроил семидневный пир, на котором тридцати брачным друзьям из соотечественников невесты загадал загадку, обещав награду, если они разгадают ее к концу пира. Те приступили к невесте с угрозами, и она семь дней плакала перед Самсоном, пока он не открыл ей ответ, который она передала сынам народа своего. *...даже не деньгами, // А обещаньем денег соблазнясь...*— Филистимские владельцы пообещали Далиле каждый по тысяче сто сиклей серебра, если она выведает, в чем великая сила Самсона.

Стр. 468. *Я трижды обманул жену....*— В первый раз Самсон сказал, что сила его уничтожится, если его свяжут семью сырыми тетивами, во второй — новыми веревками, а в третий — если прикрепить его волосы к ткальной колоде. На четвертый раз Самсон сказал Далиле правду. Далила усыпила его, велела «остричь семь кос с головы его» и потом обессилевшего выдала филистимлянам, а те выкололи ему глаза.

Стр. 470. *Некий царь* — Тантал (см. «Потерянный Рай», прим. к Кн. II, с. 69).

Стр. 471. *...Что славою затмил сынов Енака...*— то есть древних исполинов (см. прим. к с. 461 и с. 485). *...напитка, // Что веселит богов и человеков...*— цитата (Суд., IX, 13).

Стр. 472. *Однако тот, кто ямину разверз...*— После того, как Самсон убил ослиной челюстью тысячу человек, он почувствовал сильную жажду и воззвал к богу. «И разверз Бог ямину... и потекла из нее вода. Он напился, и возвратился дух его, и он ожил...»

Стр. 474—475. *Боже, странен жребий людской!.. // Господи, ты равно беспощаден.*— Фрагмент представляет собой подражание Хору из трагедии Сенеки «Ипполит» (д. IV, 971 и сл.).

Стр. 475. *...Иль суду выдаешь неправому...*— Считается, что в ламентациях Хора Мильтон оплакивает судьбу соратников, однако в этой строке усматривают намек на гибель определенного человека — Генри Вэна-младшего. Он был обезглавлен в 1662 г., несмотря на то, что не имел отношения к казни короля Карла I и, следовательно, подлежал амнистии (см. посвященный ему сонет, с. 445).

Стр. 476. *Тарс* — город в древней Киликии (Малая Азия). *...к островам // Иавана...*— то есть к Греции (см. «Потерянный Рай», прим. к Кн. I, с. 41). *Гадес* — древнее название города Кадиса в Испании.

Стр. 478. *...Боясь быть брошенной, как та фимнафка...*— Когда Самсон понял, что фимнафка его предала, он разгневался и ушел в дом своего отца. «А жена Самсона вышла за брачного друга его».

Стр. 481. *Твой голос колдовской, волшебный кубок...*— Далила сравнивается с Цирцеей. Приятный голос, волшебное вино — атрибуты волшебницы Цирцеи (Кирки), превратившей в свиней спутников Одиссея («Одиссея», X).

Стр. 482. *...В Екроне, Газе, Гефе и Азоте...*— перечислены четыре главнейших филистимских города.

Стр. 483. *...Как на горе Ефремовой Дебора // Воспела Иаиль...*— Подвиг Иаили, убившей *Сисару*, полководца хананейского царя (Суд., IV), был воспет пророчицей Деборой, которая жила на горе Ефремовой (Суд., V). *...Задать загадку потрудней...*— См. с. 467, 468 и прим.

Стр. 484. *Редкостно счастлив тот...*— Отсюда и далее рассуждение Хора о добродетельных женах выдержано в духе «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» (XXVI): «Счастлив муж доброй жены, и число дней его — сугубое» и т. д.

Стр. 485. *...Гарафою зовусь и родом знатен...*— Библейская история о Самсоне не знает персонажа с таким именем. В духе библейской генеалогии Мильтон возводит родословную исполина Гарафы к древнему племени рефаим. Так названы доханаанские жители Палестины в Книге Бытия (XIV, 5). Позднее тем же словом (форма единственного числа — rapheh, «га» — определенный артикль) обозначали великанов — *Ога, Емимов* и детей *Енаковых* (Числа, XIII, 34; Второзак., II, 10—11; III, 11), и слово приобрело дополнительное значение: «гиганты» (то же значение дается ему в переводе Семидесяти и в Вульгате). Еще позднее к роду рефаимов стали относить четырех исполинов из филистимского войска, убитых Давидом и его слугами (2 Царств, XXI, 15—22), которых Мильтон делает сыновьями Гарафы (см. прим. к с. 490).

Стр. 486. *Потом надень доспехи...*— Описываются доспехи библейского великана Голиафа (1 Царств, XVII, 5—7).

Стр. 487. *...А я тебя с простой дубиной встречу...*— Так вышел на бой с Голиафом Давид, «с палкой и камнями», и победил его (1 Царств, XVII, 40—50).

Стр. 488. *...Жизнь отнял и, как вор, унес их платье?* —Самсон обещал

тридцать перемен одежд брачным друзьям на свадьбе, если они отгадают загадку (см. прим. к с. 467). Когда загадка была разгадана, Самсон, зная, что обманут, во гневе пошел в Аскалон, «и убив там тридцать человек, снял с них одежды, и отдал перемены платья их отгадавшим загадку». *Виновен... // Лишь ты один, что войско филистимлян // К вам вторглось.*— В это время филистимляне господствовали над сынами Израиля. Самсон причинил им своими набегами немалый ущерб, и тогда филистимляне вошли с войском в Иудею и потребовали выдать им Самсона (см. с. 464).

Стр. 490. *Баал-Зебуб* — один из Ваалов. См. «Потерянный Рай», прим. к Кн. I, с. 29. *Астартами клянусь...*— См. там же, прим. к с. 38. *...ни сам бахвал, ни все // Пять сыновей его... // Из коих старший Голиафом назван.*— Имеются в виду те самые четверо гигантов, которых убил Давид со слугами (см. прим. к с. 485). Разница в числе исполинов вызвана тем, что, по Библии, Голиафа убивают дважды: Елханан (2 Царств, XXI, 19) и Давид (1 Царств, XVII). Чтобы как-то сгладить это противоречие, толкователи Библии разработали несколько версий. По одной из них, было два Голиафа: один — убит Елхананом, второй — Давидом. В согласии с этой версией Мильтон добавляет к четырем гигантам еще одного и наделяет Гарафу пятью сыновьями.

Стр. 503. *...А после крикнул с поднятым челом...*— Последние слова Самсона в Библии: «Умри, душа моя, с Филистимлянами!».

Стр. 504. *...Чья в Силоме поставлена скиния.*— Силом — один из важнейших центров в эпоху судей. В Силоме находилась скиния с ковчегом Завета, поставленная там при Иисусе Навине по завоевании Земли обетованной (Нав., XVIII, 1). *...С той аравийской птицей...*— то есть с птицей Феникс.

Стр. 505. *Дети Кафтора* — здесь: филистимляне.

Стр. 506. *...И снова возвратил покой блаженный // Сынам народа своего.*— Последние строки непосредственно вытекают из классического определения трагедии по Аристотелю, избранного Мильтоном как эпиграф. Такое заключение должно еще раз показать читателю, что драма написана «в соответствии с правилом древних».

И. Одаховская

СОДЕРЖАНИЕ

А. Аникст. Джон Мильтон 5

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Перевод с английского Арк. Штейнберга под редакцией С. Шервинского

Книга первая 27
Книга вторая 50
Книга третья 83
Книга четвертая 106
Книга пятая 140
Книга шестая 169
Книга седьмая 200
Книга восьмая 222
Книга девятая 244
Книга десятая 283
Книга одиннадцатая 320
Книга двенадцатая 351

СТИХОТВОРЕНИЯ

Переводы Ю. Корнеева

Перевод с английского

К Шекспиру 375
Эпитафия университетскому вознице 375
Вторая эпитафия ему же 376
Эпитафия маркизе Уинчестер 377
По случаю своего двадцатитрехлетия 379

ЛАТИНСКИЕ СТИХИ
Перевод с латинского

Элегии

Элегия I. *К Карло Диодати* 380
Элегия IV. *Наставнику моему Томасу Юнгу, капеллану товарищества английских купцов в Гамбурге* 382
Элегия VII 385

Эпиграммы

На Пороховой заговор 388
На него же 388
На него же 388
На него же 389
Изобретателю пороха 389
Певице-римлянке Леоноре 389
Ей же 389
Ей же 390

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ
Перевод с итальянского

«Кто холоден к тебе...» 391
«Как холит ею встреченный в горах...» 391
Канцона («Терплю насмешки здесь я вновь и вновь...») 392
«Не знаю, Диодати, как я мог...» 392
«Глаза у вас — два солнца...» 393
«Я, госпожа, так юн...» 393

L'ALLEGRO. IL PENSEROSO
Перевод с английского

L'Allegro 395
Il Penseroso 398

Сонет к соловью 403
Майская утренняя песня 403
К Времени 404
К высокой музыке 404

ЛЮСИДАС 406

КОМОС 411

СОНЕТЫ

Написано в дни, когда ожидался штурм Лондона 440
Добродетельной молодой особе 440
К леди Маргарет Ли 441

Чернителям некоторых моих трактатов 441
Им же 442
Новым гонителям свободы совести при Долгом парламенте . . 442
Мистеру Генри Лоузу о его музыке 443
Присноблаженной памяти м-с Кэтрин Томсон, друга моего во Христе, скончавшейся 16 декабря 1646 года 444
Генералу лорду Ферфаксу по случаю осады Колчестера . . . 444
Генералу лорду Кромвелю по поводу предложений, выдвинутых некоторыми членами комитета по распространению Священного писания 445
Сэру Генри Вэну-младшему 445
На недавнюю резню в Пьемонте 446
О своей слепоте 446
Мистеру Лоренсу 447
Сайриэку Скиннеру 447
Ему же 448
О моей покойной жене 448

ПСАЛМЫ

Псалом I 449
Псалом II 449
Псалом VIII 450
Псалом LXXXV 451

САМСОН-БОРЕЦ *Перевод Ю. Корнеева* 453

Примечания *И. Одаховской* 507

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 45

Джон Мильтон
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ
САМСОН-БОРЕЦ

*

Редактор Т. Блантер

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
О. Ярославцева

Корректоры
Г. Киселева и
О. Наренкова

*

Сдано в набор 27/II 1976 г. Подписано к печати 3/VI 1976 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 36 печ. л. 33,588 усл. печ. л. 34,961+1 вкл.+4 накид.=35,357 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. (1-й завод — 150 000). Заказ № 3916. Цена 1 р. 77 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Граверные работы
Ю. Стольцера

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28